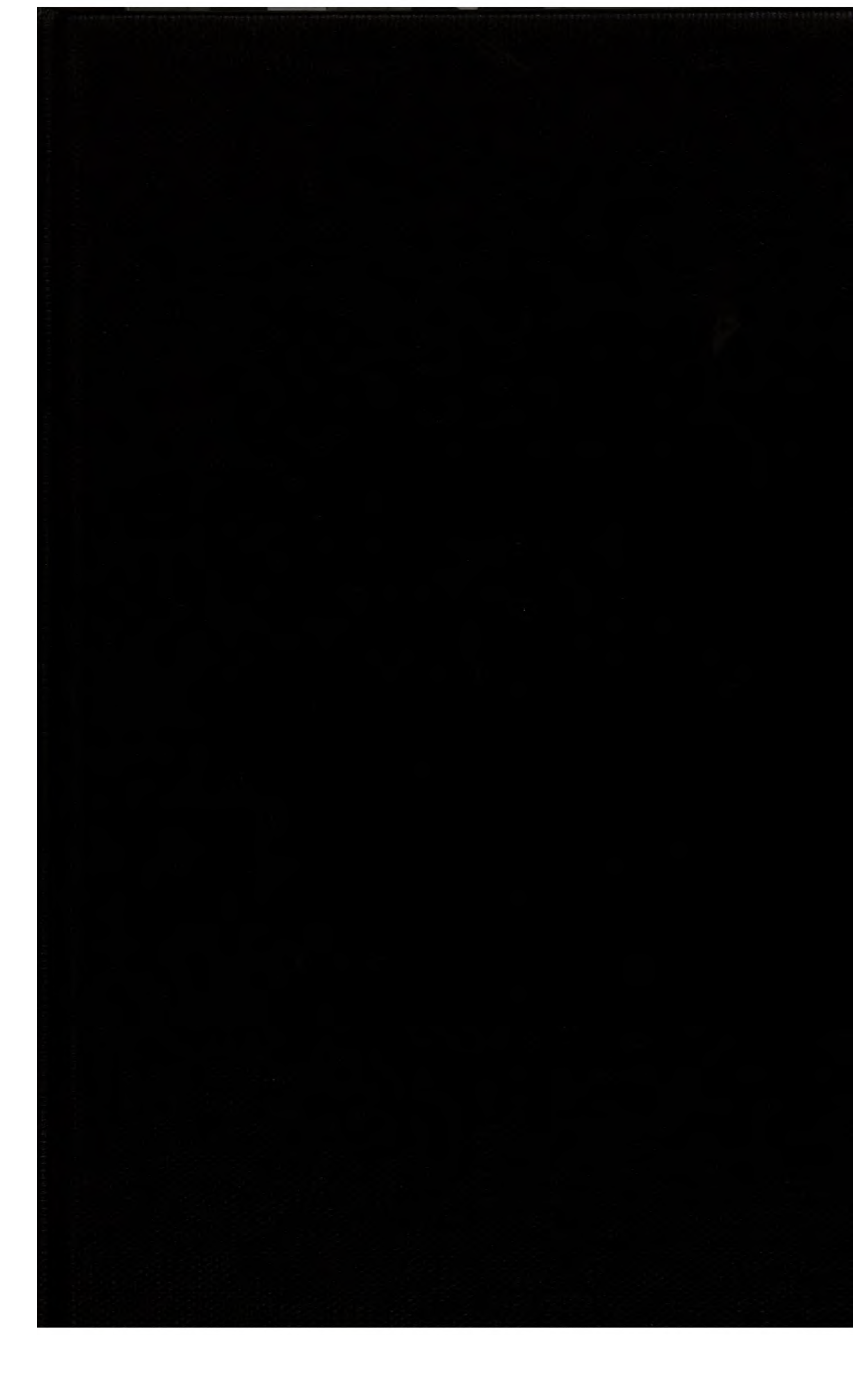

Годъ V-й. № 3-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАРТЪ
1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

Дозволено цензурою 26-го февраля 1896 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

„УТОПІЯ"

Томаса Мора *).

Проф. истор. Новорос. унив. Р. Випперъ.

Я хочу остановить ваше вниманіе на небольшомъ произведеніи Томаса Мора, англійскаго гуманиста, начала XVI в., озаглавленномъ «Утопія». Всѣмъ извѣстно, что въ «Утопіи», какъ намекаетъ уже самое заглавіе—утопія значитъ «нигдѣ» — изображается фантастическое государство, строится воздушный замокъ наилучшихъ порядковъ, населенный наилучшими людьми. За книгой Мора слѣдуетъ цѣлая утопическвя литература, литература политическихъ романовъ, какъ называетъ наука эти созданія политической фантазіи, литература, идущая до послѣднихъ дней. Со времени Мора «утопія» становится словомъ нарицательнымъ: мы привыкли такъ обозначать всякую политическую или общественную иллюзію, несбыточную мечту, всякій широковѣщательный проектъ, не сообразованный со средствами и потребностями дѣйствительности. Въ виду всего этого можно бы выразить удивленіе, что историкъ, обязанный держаться именно фактовъ дѣйствительности при изученіи роста общественной жизни, обращается къ предмету, который имѣетъ такъ мало общаго съ точными данными, со статистическими цифрами, съ учрежденіями и грамотами, съ политическими программами и борьбой партій. Вѣдь «Утопію», казалось бы, слѣдуетъ разсматривать, какъ литературный курьезъ. Обстоятельнымъ отвѣтомъ, какъ я надѣюсь, будетъ служить вся дальнѣйшая бесѣда, а пока я отвѣчу коротко: «Утопія» Мора, какъ и другія утопіи, другіе политическіе романы—факты, факты общественной жизни и общественнаго сознанія.

*) Публичная лекція, читанная въ Одессѣ въ январѣ 1896 г.

Есть историческіе моменты, когда политическій романъ пріобрѣтаетъ большую силу, когда онъ является однимъ изъ могучихъ средствъ распространенія идей, однимъ изъ любимыхъ предметовъ чтенія. Возникаетъ цѣлый рядъ изображеній близкаго или отдаленнаго будущаго, они жадно усваиваются, вызываютъ множество толковъ, вліяютъ на общественное настроеніе. Таково было время политическаго упадка Греціи, когда кругомъ Платоновской «Политіи», прототипа всѣхъ позднѣйшихъ политическихъ романовъ, сложилась цѣлая литература сочиненій «о наилучшемъ государствѣ». Такова была эпоха возрожденія, къ которой относится книга Мора. Таковъ конецъ XIX в., отмѣченный на Западѣ удивительнымъ подъемомъ утопической литературы. Чѣмъ объяснить обиліе такихъ идеальныхъ изображеній, успѣхъ ихъ вліянія именно въ извѣстные только историческіе моменты? Мнѣ кажется, что есть нѣкоторое сходство въ настроеніи общества въ такія эпохи: это—времена тяжелыхъ общественныхъ кризисовъ, глубокаго разлада общественныхъ элементовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ,—сильной работы мысли, пытающейся примирить противорѣчія общественной жизни, вывести общество къ лучшему жизненному строю; это—времена, когда чувствительность общества доведена до крайняго напряженія, когда накопилось сильное раздраженіе противъ данныхъ условій и, какъ реакція, развиваются необычайныя упованія на возможность близкаго выхода. Политическая и общественная фантазія въ такіе моменты часто окрылялась еще подъ вліяніемъ крупныхъ открытій, расширенія внѣшняго горизонта, техническихъ чудесъ, научныхъ успѣховъ. Какъ въ «Утопіи» Мора мы найдемъ непосредственное отраженіе мечтаній, вызванныхъ открытіемъ Новаго Свѣта, такъ въ современномъ намъ политическомъ романѣ сказывается увлеченіе различными средствами быстраго передвиженія, широкой утилизаціи электричества, солнечной теплоты и т. п.

Общество встрѣчаетъ въ этихъ картинахъ будущаго то, чего ищетъ. Прежде всего онѣ удовлетворяютъ элементарнѣйшей потребности найти извѣстный отдыхъ, утѣшеніе отъ окружающаго зла въ мысли о своего рода загробной жизни. При своей наглядности, при широкой постановкѣ общественныхъ вопросовъ политическій романъ заставляетъ какъ автора, такъ и послѣдняго читателя, глубже взглянуть на существующія отношенія, дать себѣ болѣе искренній отчетъ въ томъ, что имъ дорого въ современныхъ условіяхъ, какія основы хотятъ они удержать и въ какомъ направленіи желательны измѣненія. Но какое значеніе политическая утопія можетъ имѣть для потомства? Земной рай, обѣща-

ный въ политическомъ романѣ, то, что составляло душу, смыслъ картины въ глазахъ автора и его послѣдователей,—оказывается мечтой, разлетается какъ дымъ, какъ сновидѣніе при дневномъ свѣтѣ. Слѣдующія поколѣнія опять садятся за тяжелую ежедневную работу, и опять свѣтлая цѣль рисуется далеко впереди. Для нихъ «Утопія» представляетъ отраженія желаній, чаяній того общества, среди котораго они возникли, выраженіе общихъ принциповъ, которыми руководились въ своихъ стремленіяхъ лучшіе люди прошлаго. Но этого мало. Политическій романъ неизбѣжно облекаетъ идеальныя требованія свои въ современныя ему формы; онъ рисуетъ красками окружающей дѣйствительности; онъ пытается рѣшить загадку будущаго наличными данными. Именно эта сторона и важна для спокойнаго сторонняго наблюденія. Языкъ, которымъ говорилъ авторъ, образы, которые помогли читателю проникнуть въ загадочный міръ, пріобрѣтаютъ для насъ, потомковъ, значеніе важнѣйшихъ документовъ настроенія нашихъ предшественниковъ, ихъ соціальныхъ привычекъ, ихъ нравственныхъ и философскихъ понятій и предразсудковъ. Въ томъ, что, по ихъ мнѣнію, разумѣлось само собою, что составляло въ ихъ глазахъ необходимую основу жизненнаго строя, мы открываемъ часто преходящую особенность эпохи; въ случайно брошенномъ замѣчаніи передъ нами встаетъ характерная черта времени.

Но не одинъ чисто историческій интересъ можетъ насъ привлечь къ старымъ политическимъ романамъ. Они больше, чѣмъ документы прошлаго. Они представляютъ горячія обращенія къ потомству, завѣщанія, оставленныя ему. Въ старыхъ утопіяхъ послѣдующія поколѣнія, обратно, часто встрѣчаютъ первое выраженіе лучшихъ своихъ желаній, благодаря имъ они чувствуютъ живо свою связь съ далекими поколѣніями. Они узнаютъ, что многія идеи общественнаго переустройства необыкновенно стары, такъ стары, какъ сама политическая мысль. Какъ ни различны были жизненныя условія, черезъ романы всѣхъ вѣковъ тянется рядъ однородныхъ желаній и идей, и даже предлагаются сходныя средства для излеченія общественнаго зла. Наглядно обнаруживается передъ нами живучесть, однородность крупныхъ человѣческихъ стремленій и заблужденій.

Вотъ съ этихъ точекъ зрѣнія мнѣ хотѣлось бы разсмотрѣть «Утопію» Мора. Но я не желалъ бы брать «Утопіи», какъ безличнаго отраженія идей извѣстной эпохи. Именно въ такомъ произведеніи намъ дорога личность, дорогъ субъективный элементъ. Дѣло идетъ, вѣдь, о живучихъ въ человѣчествѣ мечтахъ, и онѣ тѣмъ болѣе захватываютъ потомство, тѣмъ сильнѣе ему передаются,

чѣмъ привлекательнѣе, глубже была возсоздавшая ихъ личность; а Томаса Мора вообще хочется отнести къ числу самыхъ свѣтлыхъ образовъ прошлаго.

Моръ принадлежалъ къ поколѣнію, представители котораго вступали въ XVI вѣкъ двадцатилѣтними юношами среди жизни, необыкновенно богатой и содержательной. Внѣшняя природа и внутренній міръ человѣка раскрывались широко передъ пытливыми умами. Все глубже проникали люди Возрожденія въ волшебный древній міръ, все больше находили они въ немъ родного съ собственными порывами; одновременно съ этимъ развертывался передъ европейцемъ міръ новый, на Западѣ и на Востокѣ, необычайно разростался его умственный горизонтъ, переворачивались матеріальныя условія. Культурныя цѣли эпохи были поставлены широко и свободно: говоря коротко, онѣ сводились къ тому, чтобы взглянуть на міръ Божій, какъ онъ есть, и полюбить его такимъ, чтобы цѣнить человѣка, какъ онъ одаренъ отъ природы; чтобы воспроизводить въ искусствѣ то, что насъ радуетъ въ жизни; чтобы въ наукѣ изучать живыя отношенія; чтобы въ воспитаніи развивать всего человѣка, во всей полнотѣ его способностей и стремленій. У сѣверныхъ націй, у англичанъ и нѣмцевъ, склонныхъ къ мистицизму, къ углубленію въ религіозныя тайны, Возрожденіе получаетъ особый оттѣнокъ—жажды нравственнаго перерожденія, проникновенія евангельскимъ идеаломъ, и это направленіе, исканіе истиннаго христіанства «безъ примѣси»—встрѣчалось съ сильной религіозной волной въ простомъ народѣ. Но еще другіе факты, крупные и серьезные, открываетъ намъ эпоха, современная Мору. Подъ вліяніемъ возрастающаго широкаго матеріальнаго обмѣна сметаются старыя патріархальныя отношенія, люди сдвигаются съ дѣдовскихъ мѣстъ, рынокъ завладѣваетъ трудомъ человѣка, какъ товаромъ. На службѣ безымянной силы, силы всемірнаго производства и торговли, начинается закрѣпощеніе массъ капиталу, который постепенно отрываетъ милліоны людей отъ земли, дома, семьи и бросаетъ ихъ въ смрадные тѣсные города-машины. Все больше растетъ рознь, взаимное непониманіе имущаго и трудового класса, все больше новыя экономическія условія выбрасываютъ людей ненужныхъ и неприладившихся на большую дорогу, опрокидываютъ положеніе цѣлыхъ группъ населенія, которое держалось на традиціонномъ быту, и Англія, родина Мора, идетъ въ этотъ процессѣ впереди. Можно сказать, что знакомыя намъ общественныя бѣдствія народились именно въ эту эпоху, но, какъ отвѣтъ на нихъ, возникла и новая общественная мысль. Она питалась яркими впечатлѣніями отъ

поднимающагося зла; она получала смѣлый полетъ, увѣренность и широту подъ вліяніемъ общей умственной подвижности, общаго нервнаго напряженія. Люди XVI в. кажутся намъ иногда какими-то титанами, виртуозами: это—богатство, интензивность внутренней жизни—результатъ контрастовъ, которые они переживали; дѣйствительность предъявляла имъ слишкомъ много запросовъ, требовала отъ нихъ слишкомъ много энергіи. Моръ, одна изъ этихъ натуръ, сильныхъ, многосторонних, вдохновенныхъ, былъ поставленъ въ самый центръ разнородныхъ теченій эпохи, въ самый ихъ водоворотъ.

Въ концѣ XV в., въ оксфордскомъ университетѣ образовался тѣсный дружескій кружокъ молодыхъ ученыхъ, для которыхъ общественныя задачи, моральныя стремленья неразрывно сплетались съ научными цѣлями: подъ общей формулой новаго просвѣщенья они пытались ввести въ жизнь практическое дѣятельное христіанство и пробудить свободное направленіе мысли. Въ этомъ кружкѣ развивался молодой Томасъ Моръ вмѣстѣ съ будущимъ царемъ ученаго міра, Эразмомъ. Но они пошли по разнымъ дорогамъ. Эразмъ замкнулся въ кабинетѣ, на всю жизнь остался одинокимъ анахоретомъ, отдался чистой наукѣ, анализу, ученому толкованью. Моръ, не бросая литературныхъ интересовъ, сдѣлался адвокатомъ-политикомъ, сталъ подниматься въ государственной службѣ и подъ конецъ занялъ высшій постъ канцлера; онъ рано женился и много времени отдавалъ семьѣ. Практическая дѣятельность Мора, въ началѣ вынужденная, помогла ему выработать и сохранить въ себѣ чутье дѣйствительности. Эразмъ разсматривалъ жизнь, какъ театральное представленіе, анализировалъ отдѣльныя ея данныя, какъ научные матеріалы на своемъ столѣ, какъ химическіе элементы въ лабораторіи; толпы, шума онъ боялся, какъ ребенокъ. Моръ зналъ свою Англію, его живо интересовали порядки свои и чужіе, онъ любилъ и умѣлъ вникать въ мелочи жизни, его занималъ жизненный процессъ самъ по себѣ въ своихъ интимныхъ сторонахъ. Нигдѣ такъ не сказалось гуманное его просвѣщеніе, какъ въ его семейной жизни. Домъ Мора, полный дѣтей, всегда радушно открытый для друзей и чужихъ посѣтителей, во всемъ носилъ живой отпечатокъ ума и заботы хозяина, вѣчно бодраго, всегда съ шуткой на устахъ. Въ домѣ былъ цѣлый звѣринецъ, и животныя, между ними диковинная въ те время обезьяна, пользовались прекраснымъ уходомъ; Моръ самъ обучалъ дѣтей, и его старшая дочь, Маргарита, подъ его вліяніемъ, усвоила себѣ все богатое содержанье гуманистической науки. Лучшимъ развлеченіемъ въ домѣ Мора была музыка. Моръ считалъ своею обя-

занностью входить въ интересы всѣхъ, жены, дѣтей, прислуги, со всѣми поговорить, всѣхъ поддержать совѣтомъ, развеселить, если нужно: это то, что долженъ, по его мнѣнію, вноситъ интеллигентный человѣкъ въ окружающую его среду, платя за привилегію своего знанія, опыта и ума. Прибавимъ къ этому слова Эразма о дѣятельности Мора въ качествѣ крупнаго сановника: «Никто не уходилъ отъ него огорченнымъ. Можно сказать, что Моръ — главный покровитель всѣхъ бѣдняковъ въ государствѣ. Онъ радуется, какъ будто сдѣлалъ нивѣсть какое выгодное дѣло, когда ему удается помочь угнетенному или стѣсненному человѣку». Эразмъ считаетъ натуру Мора по преимуществу счастливой. Дѣйствительно, мы находимъ въ немъ удивительно рѣдко встрѣчаемое сочетанье силы и остроты ума — и душевной мягкости, снисхожденія къ человѣческимъ слабостямъ, находимъ широкое и терпимое міровоззрѣніе. Моръ по склонности и по принципу искалъ всюду и во всѣхъ людяхъ, съ которыми сталкивался, прежде всего добраго элемента, интересной стороны. Въ немъ гармонически примирялись традиціонные обычаи патріархальнаго быта съ горячимъ увлеченіемъ новыми идеями. Надо было видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ 50-лѣтній Моръ, уже будучи канцлеромъ, ежедневно проходя по двору королевскаго замка, становился на колѣни передъ своимъ престарѣлымъ отцомъ и принималъ отъ него благословеніе. Но терпимость, широта взгляда Мора никогда не переходила въ слабость. Въ мягкомъ, привѣтливомъ юмористѣ коренилась глубокая сила убѣжденія. Никто, кромѣ его любимой старшей дочери, не зналъ, что онъ носитъ подъ одеждой власяницу, что онъ предается тайному аскезу. Его религіозность къ концу жизни, ко времени тяжелыхъ испытаній, принимала все болѣе восторженный характеръ. Но для него здѣсь заключалось не одно личное утѣшеніе. Общее религіозное возрожденіе въ духѣ чистаго просвѣтленнаго наукой христіанства—вотъ его глубокая, интимная цѣль, и вотъ причина, почему онъ отвернулся отъ суроваго, догматическаго сектантства сторонниковъ Лютера, почему онъ остался въ рядахъ защитниковъ старой, болѣе гуманной и широкой, въ его глазахъ, церкви. Не это одно привело Мора къ трагическому концу, когда его король пошелъ на расколъ съ Римомъ. Моръ былъ монархистъ и въ «Утопіи» онъ представилъ устроителемъ идеальнаго общежитья геніальнаго монарха Утопа, но именно потому, что просвѣщенная монархія, какъ олицетвореніе справедливости и закона, была лучшей его мечтой,— онъ не могъ пойти за капризами своего бывшаго покровителя, Генриха VIII, не могъ пожертвовать своимъ убѣжденіемъ, нарушить своей присяги. Никто изъ новой свиты короля не могъ по

нять, почему Моръ отказался отъ своего сана канцлера, не могъ понять того упорства, съ которымъ Моръ вмѣстѣ со своимъ другомъ, 80-лѣтнимъ старикомъ, епископомъ Фишеромъ и нѣсколькими бѣдными монахами, въ виду неминуемаго эшафота, отказался подписать свое имя подъ новой присягой: Моръ не соглашался признать незаконнымъ первый бракъ короля, продолжавшійся болѣе 20 лѣтъ, признать незаконнымъ только потому, что королю нужно было развестись, и онъ не могъ признать короля главою церкви. Это были для него вопросы совѣсти.

Но во всемъ этомъ не было ни малѣйшаго стремленія къ эффекту, никакого внѣшняго героизма, не было ни суровой настойчивости, рѣзкости фанатика, ни мечтательнаго самозабвенія фантазера: чисто англійскія черты, спокойная твердость, душевное равновѣсіе, юморъ сказывались во всѣхъ рѣшающихъ шагахъ Мора, во всей его предсмертной борьбѣ. Когда онъ уже просидѣлъ годъ въ тюрьмѣ, надзоръ за нимъ былъ усиленъ; явился чиновникъ и отобралъ единственное его утѣшеніе, книги. Моръ спокойно всталъ, закрылъ ставни своей комнаты и сказалъ: «когда товара больше нѣтъ, лавку запираютъ». Послѣ небольшого болѣзненнаго припадка, случившагося съ нимъ въ тюрьмѣ, онъ шутилъ: «паціентъ не опасенъ и долго можетъ жить, если королю будетъ угодно». Всходя на роковыя подмостки эшафота, зашатавшіяся подъ нимъ, онъ острилъ, обращаясь къ исполнителю приговора: «помогите мнѣ взойти наверхъ, а о томъ, какъ спуститься, я самъ позабочусь».

Жизнь Мора представляетъ собою глубокую трагедію. Вмѣстѣ съ другими провозвѣстниками новаго просвѣщенія, онъ вѣрилъ въ близкое наступленіе новой эры царства возвышенной науки и чистой религіи, призванныхъ примирить интересы, создать всеобщее счастье на землѣ. Въ своемъ королѣ, дружившемъ сначала съ реформаторами, онъ надѣялся найти благодѣтельнаго и могучаго Утопа. Самъ онъ рвался къ политической дѣятельности, чтобы направить предстоящую общую реформу, и ради этого въ трудную минуту принялъ отвѣтственную роль канцлера. Какъ интенсивно было это чувство, видно изъ восторженныхъ обращеній къ королю всего кружка англійскихъ гуманистовъ послѣ заключенья мира съ Франціей въ началѣ царствованья Генриха VIII. Этотъ миръ казался вѣчнымъ миромъ, вступленіемъ къ новому порядку. Въ эту-то пору, въ 1516 г., и была написана «Утопія», какъ великій манифестъ людей реформы. Вы увидите сейчасъ, какъ многосторонни были ихъ желанія, какъ широки ихъ идеи. Моръ былъ человѣкомъ, по преимуществу способнымъ передать это богатое содержаніе.

«Утопія»—небольшая книга, написанная съ тонкимъ тактомъ, въ занятной, привлекательной формѣ. Для читателя эпохи Возрожденія, съ его легко возбуждаемой фантазіей, готоваго слѣдовать за авторомъ въ самыхъ смѣлыхъ построеніяхъ, заманчива была уже внѣшняя фабула, относившая «Утопію» на волшебный Западъ, который съ каждымъ днемъ, казалось, открывалъ новыя чудеса. Моръ разсказываетъ, что подружился во время своей поѣздки на материкъ съ однимъ изъ спутниковъ знаменитаго изслѣдователя Новаго міра, Америго Веспуччи, и вотъ этотъ *Рафаэль Гитлодеусъ*, новый Одиссей, многоизвѣдавшій человѣкъ, независимый, богатый знаніями и практическою мудростью, политикъ, морякъ и философъ, живой и остроумный собесѣдникъ, выступаетъ критикомъ и разсказчикомъ въ романѣ и служитъ прозрачной маской для выраженія интимныхъ мыслей самого Мора.

Рафаэль, передаетъ Моръ, побывалъ въ Англіи и знаетъ хорошо удручающія ее бѣдствія. Однажды за столомъ у просвѣщеннаго англійскаго прелата Рафаэль услыхалъ разговоръ на обычную въ то время тему: какія мѣры принять противъ неимовѣрнаго развитія въ странѣ бродяжничества, нищенства и воровства? Важный и ученый юристъ началъ доказывать, что злой сбродъ можно искоренить только кровавыми уголовными мѣрами, и тутъ же выражалъ удивленіе, что, сколько ни вѣшаютъ воровъ, Англія постоянно ставитъ множество новыхъ и новыхъ преступниковъ. Рафаэль легко опрокидываетъ это разсужденіе и ставитъ вопросъ на широкую общественную почву. Развѣ можно изолировать преступниковъ, бездомныхъ бродягъ и безработныхъ отъ породившаго ихъ *общественнаго и экономическаго строя?* И онъ перебираетъ категоріи людей, выброшенныхъ изъ оборота, лишенныхъ средствъ существованія, благодаря новымъ условіямъ жизни: куда дѣваться солдату-наемнику, или бывшему дворовому человѣку сеньёра, когда кончились феодальныя войны, рушились замки и ихъ привольно-широкое разбойничье хозяйство? Куда дѣваться крестьянину, у котораго новый господинъ «рыцарь-писецъ», т. е. разбогатѣвшій купецъ или чиновникъ, отнялъ общинную землю, для веденія крупнаго хозяйства на новыхъ коммерческихъ началахъ? Люди XVI в. еще не придумали софистической ссылки на неотвратимые «естественные» законы спроса и предложенія, на желѣзный законъ заработной платы, и противникъ Рафаэля ссылается на то, что государству нуженъ именно этотъ классъ безработныхъ, сильныхъ и отчаянныхъ молодцовъ на случай войны. Но для нашего общественнаго реформатора этотъ

аргументъ—истинная находка. Въ его глазахъ дѣло именно въ томъ, что *государство* эксплуатируетъ ненормальный общественный порядокъ вмѣсто того, чтобы стремиться измѣнить его къ лучшему. Люди гонятся за благосостояніемъ, государства воюютъ за богатства, но, такъ какъ всѣ дѣйствуютъ врозь и во вредъ другъ другу, то большинство страдаетъ и бѣдствуетъ. Обездоленные грозятъ и мѣшаютъ имущимъ, а эти, въ свою очередь, сражаются съ симптомами болѣзни, т. е. разоренія обширныхъ слоевъ народа, или берутъ дань съ существующаго зла, между тѣмъ какъ сама болѣзнь растетъ безпрепятственно и кормится взаимной враждой. Нельзя ли, думаетъ Рафаэль, начать съ другого конца? Нельзя ли примирить интересы, обязать всѣхъ къ труду и дать всѣмъ обезпеченіе? Онъ думаетъ, что *общественный порядокъ*—основа государственныхъ отношеній, что онъ опредѣляетъ политику, культуру, мораль, и, болѣе того, онъ вѣритъ въ возможность общественнаго переустройства силою просвѣтительной идеи.

Но одно дѣло додуматься до общей формулы, другое—выработать *планъ* общественной реформы, выяснить себѣ *способы ея осуществленія*. Критикъ, публицистъ-обличитель, выступившій на первыхъ страницахъ «Утопіи», не выдерживаетъ своей роли; онъ спѣшитъ сразу высказать всю свою мысль, облечь скелетъ плотью и кровью; его нетерпѣливое перо начинаетъ, какъ бы помимо воли, вычерчивать готовую яркую картину лучшаго будущаго. Иронія, рѣжущій анализъ замолкаютъ и все громче звучитъ голосъ проповѣдника, пророка. Рафаэль, по просьбѣ собесѣдниковъ, начинаетъ разсказывать счастливую и разумную жизнь на островѣ Утопіи, какъ контрастъ европейскимъ противорѣчіямъ и страданіямъ.

Что-же въ проповѣди Мора оригинальнаго? Что считаетъ онъ общимъ благомъ? Какъ думаетъ онъ повести реформу общежитія? Взяться ли за перевоспитаніе отдѣльной человѣческой личности? попытаться ли выростить разумныя и нравственно-здоровыя поколѣнія, въ увѣренности, что взаимныя отношенія въ ихъ средѣ сами собою улягутся въ образцовыя формы? Или построить наилучшіе порядки, которые помѣшаютъ людямъ дѣлать зло другъ другу и вызовутъ къ жизни добрыя стороны человѣческой природы? Вотъ старая и вѣчно возобновляющаяся основа спора между моралистами и политиками. Моръ примыкаетъ ко второму рѣшенію, но, рисуя устами заатлантическаго путешественника идеальный бытъ сказочной Утопіи, онъ предполагаетъ въ ней людей, уже примѣнившихся къ этимъ порядкамъ, уже воспитанныхъ въ

ихъ духѣ. Это — обычная въ политическихъ романахъ ошибка, неизбѣжный въ политической проповѣди скачекъ. *Первая проблема уже напередъ рѣшена.* Личный интересъ и общее благо, процвѣтаніе большой общественной группы, личная свобода и осуществленіе крупныхъ общихъ цѣлей предполагаются безусловно согласимыми. Мы сразу попадаемъ въ міръ, гдѣ намъ, съ нашими крупными и мелкими пороками, въ родѣ самолюбія, зависти, непрямоты, лѣни, съ нашими предразсудками и капризами настроенія, становится какъ-то неловко, совѣстно. Граждане Утопіи— философы въ истинномъ смыслѣ слова: они никогда, даже по ошибкѣ, не дѣлаютъ того, что вредно, неумно; они не одержимы страстями или, по крайней мѣрѣ, ихъ страсти текутъ по ровному руслу, образуя лишь плодотворные мотивы, нормальные рычаги. Это — уравновѣшенные умницы, всегда бодрые и пріятные, у которыхъ разумъ и воля, слово и дѣло никогда не враждуютъ между собою.

Моръ требуетъ отъ насъ еще другой уступки. Его Утопія— большой правильный островъ, благословенный чудеснымъ климатомъ, прекраснымъ положеніемъ при морѣ, всѣми дарами природы, безъ излишка или недостатка въ населеніи, и вдобавокъ безопасный отъ нападеній. Условія — чрезвычайныя: человѣкъ освобожденъ здѣсь отъ борьбы съ неблагопріятными физическими данными. Допустимъ и это. Вѣдь мы хорошо знаемъ, что наиболѣе сложныя препятствія встрѣчаются человѣку въ борьбѣ не съ окружающимъ міромъ, а со своею внутренней природой, а слѣд. и организатору общества въ попыткѣ согласовать противорѣчивые интересы и понятія.

Въ чемъ же видитъ выходъ Моръ? Прежде всего въ его Утопіи *полное равенство*, съ однимъ, впрочемъ, исключеніемъ, какъ мы увидимъ. Нѣтъ ни сословій, ни привилегій, ни отличій. Этого мало: нѣтъ матеріальнаго различія. Всѣ въ одинаковой мѣрѣ пользуются всѣми благами природы и общежитія, всѣми средствами, труда, всѣми удовольствіями, всѣми чудесами техники... Насъ не можетъ не заинтересовать вопросъ, гдѣ же Моръ могъ взять живой прототипъ или намекъ на свое идеальное устройство? Чѣмъ онъ вдохновился, какими жизненными впечатлѣніями онъ связанъ? Вы встрѣтите въ литературѣ о Морѣ отвѣтъ на это, и даже довольно ученый. Моръ, вмѣстѣ съ Эразмомъ и другими гуманистами, увлекался *Платономъ*. Конечно, скажутъ вамъ, Моръ взялъ идею общности имуществъ изъ этого источника. Но ссылка на простое заимствованіе у Платона можетъ вызвать только улыбку. Развѣ мы имѣемъ дѣло съ литератур-

нымъ плагіатомъ? развѣ «Утопія»—шутка, а не выраженіе лучшихъ мыслей вѣка? Почему одному поколѣнію Платонъ говоритъ такъ много, а на другое, не смотря на усиленное изученіе, не производитъ дѣйствія? Притомъ, въ картинахъ Мора больше отличія отъ Платона, чѣмъ сходства. А тамъ, гдѣ встрѣтится сходство, будемъ предполагать однородность живыхъ впечатлѣній, однородность желаній. Только на такой почвѣ роднятся крупные умы.

Вы увидите сейчасъ, въ чемъ дѣло. У Платона господа, то меньшинство, для котораго существуетъ государство, не работаютъ, а работники, въ свою очередь, не принадлежатъ къ общежитію. Никто не имѣетъ своего хозяйства, своего очага, своей семьи. Брака нѣтъ; никто, даже матери никогда не видаютъ и не знаютъ своихъ дѣтей. У Мора во всѣхъ этихъ отношеніяхъ полная противоположность. Работа обязательна для всѣхъ, и она — не позоръ, а почетъ. Семейная основа не только удержана, но и доведена до высокой степени развитія. Очевидно, у Мора были другіе еще учителя, другая школа. Присмотримся къ придуманной имъ организаціи въ деталяхъ.

Моръ выросъ въ городской средѣ, въ городской культурѣ и цѣнитъ городъ; но въ немъ уже пробудился обратный позывъ къ сельской природѣ, сентиментальное возвеличеніе физической работы, работы на землѣ, какъ реакція тѣснотѣ, искусственности городской жизни. Онъ хочетъ *скомбинировать городъ и деревню*, но при этомъ сдѣлать для всѣхъ обязательнымъ земледѣльческій трудъ. Это достигается слѣдующимъ образомъ. *Земля* составляетъ общее достояніе и находится во временномъ, какъ бы арендномъ пользованіи отдѣльныхъ лицъ, причемъ продукты поступаютъ въ общественные склады. Работники, т.-е. все населеніе, раздѣляются на двѣ группы и періодически, каждые два года, переходятъ изъ города въ деревню и обратно. Общность владѣнія проведена еще дальше: ни у кого нѣтъ собственнаго дома или помѣщенія, и жилища также смѣняются каждыя 10 лѣтъ. Вы видите, что стремленіе уничтожить частную собственность и самое влеченіе къ ней—проведено очень послѣдовательно: въ Утопіи предупреждаютъ образованіе соотвѣтствующихъ привычекъ; ради этого вводится непрерывное передвиженіе, устраивается жизнь, какъ въ гостинницѣ, но рядомъ съ этой организаціей, разсчитанной скорѣе, повидимому, на нервныхъ, бездомныхъ, блуждающихъ жителей нынѣшнихъ большихъ столицъ, стоитъ чрезвычайно *архаическая*, *патріархальная черта*: оторванный отъ мѣста, гражданинъ Утопіи прикрѣпленъ, однако, тѣснѣйшимъ образомъ къ семьѣ, къ родствен-

ному союзу. Земледѣльцы составляютъ группы въ 40 человѣкъ каждая; это — «фамилія», въ которую входятъ мужчины и женщины и которою заправляютъ отецъ и мать семейства, «люди серьезные и разсудительные», какъ сказано въ Утопіи. Семейное начало, и притомъ въ его старинной формѣ, поставлено очень высоко. Все населеніе въ городахъ расписано по семьямъ и предполагается не иначе, какъ въ кругу ихъ вліянія. Высоко стоитъ авторитетъ старшаго; женщина обязана мужчинѣ полнымъ повиновеніемъ; жена исповѣдуется не священнику, а мужу. Моръ говоритъ прямо, что въ менѣе важныхъ случаяхъ, гдѣ не стоитъ вмѣшиваться властямъ, мужъ наказываетъ жену такъ же, какъ родители дѣтей. Контрастъ между общностью имуществъ и сохраненіемъ патріархальнаго авторитета особенно ярко бросается въ глаза въ устройствѣ *общественныхъ обѣдовъ*, которые Моръ считаетъ важнымъ воспитательнымъ средствомъ въ общинѣ равныхъ. Въ большихъ залахъ у выборныхъ стариковъ, руководителей большихъ группъ—собираются всѣ члены подчиненныхъ имъ фамилій. Обѣдъ начинается съ чтенія назидательной книги, продолжается среди музыки и оживленной шутливой бесѣды. Всѣ взрослые поставлены здѣсь на равную ногу. Но молодежь не сидитъ за столомъ, а разноситъ ѣду. Старшіе берутъ куски получше, а дѣтямъ, которыя должны скромно стоять вдоль стѣнъ, достаются остатки.

Сопоставляя всѣ эти черты, мы легче догадаемся, изъ какого источника Моръ черпнулъ основную идею своего общежитія. Прежде всего это—средневѣковой *католицизмъ* съ его грандіозной и единственной въ то время организаціей призрѣнія, съ его ученіемъ, что церковь призвана примирять неравенство, что ея огромныя владѣнія, составившіяся изъ даровъ богатыхъ, — достояніе бѣдныхъ. Далѣе мысль Мора о полномъ равенствѣ трудящихся, объ отсутствіи прирожденныхъ преимуществъ внушена ему всею жизнью средневѣкового *города*, а въ гуманистической средѣ пріобрѣла оттѣнокъ глубокаго уваженія къ человѣческому достоинству. Мысль объ общей основѣ хозяйства, о подчиненіи всѣхъ одной дисциплинѣ навѣяна жизнью многочисленныхъ ремесленныхъ, купеческихъ, религіозныхъ, университетскихъ корпорацій съ ихъ кассами, взаимной поддержкой, строгимъ подчиненіемъ отдѣльнаго лица интересамъ кружка. Въ той же самой средѣ, гдѣ такъ строго береглось патріархальное начало, гдѣ на дружной работѣ членовъ родственнаго союза и на ихъ подчиненіи руководителю дома держалось благосостояніе, Моръ нашелъ и образецъ семьи, хозяйство фамиліями Утопіи.

При общемъ трудѣ, въ этомъ увѣренъ Моръ, не только должно получиться всеобщее благосостояніе, но и самый трудъ можно будетъ значительно *сократить*, а именно, довести до *6 часовъ въ день*. Разсчеты Мора, какъ видите, очень смѣлы и оптимистичны. Въ настоящее время на Западѣ рѣшаются выступить съ болѣе скромнымъ требованіемъ 8 часовъ рабочаго дня; примите при этомъ во вниманіе, что XVI вѣкъ былъ далекъ отъ современныхъ чудесъ техники, умножающихъ силу рукъ человѣческихъ въ 100, въ 1.000 разъ. Огромное сбереженіе силъ въ Утопіи, говоритъ Моръ, возможно потому, что ничего не идетъ въ частный сундукъ, ничего не лежитъ даромъ, ни одна личность не эксплуатируется другою. Огромные общественные магазины, наполняемые продуктами общей работы, снабжаютъ всякаго необходимыми припасами и предметами.

Моръ предвидитъ возраженіе, что человѣкъ можетъ стремиться, тѣмъ не менѣе, къ *излишку*, къ преимуществамъ предъ другими изъ жадности, тщеславія и т. п. Какъ помѣшать этому? Никогда жажда богатства въ такой мѣрѣ не выражалась въ исканіи золота, въ накапливаніи монеты, какъ въ эпоху Мора. Въ Европѣ своего золота было мало, а растущая торговля требовала все больше средствъ обмѣна. Массы людей, особенно разорившіеся дворяне, отчаянные воины съ преизбыткомъ силъ, бросаются на сказочный Западъ въ рѣшимости отыскать, не смотря на всѣ опасности, земной рай, гдѣ родится золото, и завоевать его. Милліонеры XVI вѣка, богатыя красавицы, подъ вліяніемъ той же страсти къ чистому золоту, увѣшиваютъ себя массивными золотыми украшеніями, какъ индійскіе боги. Моръ слишкомъ хорошо помнитъ эти факты и придумалъ для Утопіи сложную *систему общественнаго воспитанія*, цѣлый рядъ предохранительныхъ мѣръ, чтобы убить въ корнѣ несчастную страсть къ золоту, къ деньгамъ. На нашъ взглядъ, здѣсь много наивнаго: въ Утопіи изъ золота дѣлаются игрушки для дѣтей, предметы для грубаго употребленія, цѣпи для рабовъ и преступниковъ. Такимъ путемъ жители Утопіи съ малолѣтства привыкаютъ смотрѣть на золото, какъ на предметъ достойный презрѣнія. Въ видѣ иллюстраціи разсказанъ фактъ встрѣчи въ главномъ городѣ Утопіи посольства отъ сильнаго сосѣдняго государства, которое хотѣло импонировать утопійцамъ. Съ этою цѣлью послы разодѣлись въ богатѣйшія одежды, увѣшали себя золотомъ и въ сопровожденіи большой свиты вступили въ городъ. Результатъ получился обратный. Послы были приняты населеніемъ за рабовъ, а ихъ слуги за пословъ; мальчишки бѣжали по улицамъ и смѣялись надъ ними, а взрослые отворачи-

вались съ презрѣніемъ. Въ Морѣ здѣсь начинаетъ уже говорить не заглохшая идея аскетизма, которая у него, какъ почитателя античнаго міра, сливается съ преклоненіемъ передъ спартанской простотой и передъ идеаломъ стоиковъ. Всякая роскошь, всякое увлеченіе модой, щегольство Мору глубоко противно. Всѣ должны ходить въ одинаковой простой одеждѣ, предписанной правительствомъ. Всѣ утонченныя наслажденія изгнаны.

Казалось бы, въ обществѣ равныхъ, гдѣ устранена роскошь и нѣга, не будетъ раздѣленія работъ низкихъ и возвышенныхъ или, по крайней мѣрѣ, оба разряда будутъ совершенно равномѣрно распредѣлены между всѣми. Но мы наталкиваемся здѣсь на крайне несимпатичное для нашего уха установленіе *рабовъ* или крѣпостныхъ людей, которымъ передаются наиболѣе тяжелыя и непріятныя занятія: сюда Моръ относитъ ремесло мясника, кухонную работу и т. п. Правда, рабовъ немного сравнительно со свободными, рабство не наслѣдственно: ему подлежатъ взятые въ плѣнъ на войнѣ и преступники. Однако, удѣлъ рабовъ—безконечная работа, они ходятъ въ цѣпяхъ. Въ случаѣ возмущенія имъ грозитъ смерть, ихъ истребляютъ тогда, «какъ дикихъ звѣрей». Моръ признаетъ, что наказаніе лишеніемъ свободы хуже смерти, и только пытается сдѣлать изъ факта соціальной необходимости полезное для государства учрежденіе. Въ этомъ пунктѣ панегиристы Мора употребляютъ большія усилія, чтобы примирить современнаго читателя съ гуманистомъ XVI в., чтобы ослабить впечатлѣніе, получаемое отъ его изображенія рабства, какъ бы краснѣютъ за Мора. Если мы, однако, отбросимъ смущающій насъ терминъ рабство или крѣпостничество, то окажется, что на практикѣ самые цивилизованные народы современности совсѣмъ не ушли отъ порядковъ Утопіи: развѣ Моръ не описалъ существующей всюду системы уголовныхъ наказаній, какъ принудительной работы въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, развѣ наше время не раздѣляетъ съ Моромъ идеи давать вынужденному труду полезное для государства примѣненіе? Слѣдовательно, упреки или даже извиненія Мору въ этомъ пунктѣ были бы съ нашей стороны лицемѣріемъ. Въ одномъ отношеніи Моръ и его современники болѣе расходились съ нашими взглядами: они нисколько не сомнѣвались въ правѣ одной расы порабощать себѣ другую, они считали совершенно естественнымъ, чтобы побѣжденные становились собственностью побѣдителей. Въ Европѣ тяжелая служба на галерахъ отбывалась преступниками и турками, врагами христіанъ, т. е. прирожденныхъ господъ міра, по тогдашнимъ понятіямъ; съ другой стороны, испанцы и португальцы и другіе бѣлые, забирая

себѣ земли въ Америкѣ и въ Индіи, считали живущихъ на нихъ цвѣтныхъ людей своимъ неотъемлемымъ живымъ инвентаремъ, своей купленной живой машиной.

Не буду останавливаться на характеристикѣ *политическаго* строя Утопіи. Къ чему сведется управленіе въ обществѣ, гдѣ всѣ обезпечены, всѣ поставлены въ разумныя условія существованія? И въ самомъ дѣлѣ, очеркъ государственнаго устройства у Мора блѣденъ и мало интересенъ.

До сихъ поръ я излагалъ вамъ организацію внѣшняго быта Утопіи. Это, такъ-сказать, фундаментъ общежитія. Намъ интересно посмотрѣть, какъ живутъ люди въ описанныхъ рамкахъ, что они думаютъ и чувствуютъ, словомъ, какъ устроена ихъ духовная жизнь?

Обратимся къ *результатамъ* описанной общественной организаціи, къ цѣлямъ, которыя достигаются столь значительными жертвами, ограниченіемъ свободы для всѣхъ и лишеніемъ ея для нѣкоторыхъ. Вѣдь, Моръ—гуманистъ и не можетъ забыть объ идеальныхъ интересахъ. Дѣйствительно, онъ становится здѣсь по преимуществу краснорѣчивымъ, возвышается до паѳоса «Цѣль общественныхъ учрежденій,—говоритъ онъ,—въ томъ, чтобы сначала удовлетворить общественныя и личныя потребности въ самомъ необходимомъ, а потомъ дать возможность каждому *подняться духомъ, развиться въ наукахъ и искусствахъ*». Моръ глубоко убѣжденъ, что при разумномъ распредѣленіи труда всякій будетъ имѣть возможность не только доставлять себѣ умственное развлеченіе, но и расширять свои знанія, свой кругозоръ соотвѣтственно своимъ наклонностямъ. Каждое утро, съ восходомъ солнца, открываются большія залы, предоставляемыя мужчинамъ и женщинамъ для этихъ занятій. Люди, посвящающіе себя наукѣ, обязаны ихъ посѣщать; но вообще никому нѣтъ помѣхи; кто желаетъ совершенствоваться въ своемъ ремеслѣ, въ свободные отъ обязательныхъ занятій часы, предоставляется своему влеченію. Вечеромъ всѣ идутъ для отдыха въ сады или зимою въ обѣденные залы. Здѣсь происходитъ бесѣда и звучитъ музыка. Азартныя игры изгнаны. Вообще, прибавляетъ Моръ, жители Утопіи не нуждаются въ удовольствіяхъ, состоящихъ въ щекотаніи или опьяненіи чувствъ. Лишь то, что сообразно съ природой, что возстановляетъ равновѣсіе души и тѣла, признаютъ они. На основѣ крѣпкаго здоровья, которое въ ихъ глазахъ—первое наслажденіе, предаются они тѣмъ чистымъ радостямъ, которыя сопровождаютъ созерцаніе истины.

Но наука въ Утопіи не есть только тонкое личное наслажденіе. За нею признано великое *общественное* значеніе. Люди, одаренные научными способностями, поставлены въ исключительное положеніе. Они свободны отъ физическаго труда. По указанію священниковъ—мы далѣе увидимъ ихъ положеніе—и послѣ тайнаго голосованія выборныхъ властей, народъ опредѣляетъ къ занятію науками и искусствами наиболѣе способныхъ молодыхъ людей, мужчинъ и женщинъ одинаково. Этихъ лицъ немного. Того изъ избранниковъ, кто не оправдываетъ общественныхъ ожиданій, переводятъ обратно въ классъ работниковъ. Но часто иной работникъ, въ часы досуга отдавшійся умственнымъ занятіямъ, достигаетъ значительнаго образованія, выказываетъ дарованія--и его поднимаютъ въ классъ ученыхъ.

Вы замѣтили, что въ Утопіи *женщины* могутъ одинаково съ мужчинами выдаваться въ наукахъ и занимать почетное положеніе ученыхъ. Это—не случайно брошенный намекъ, а дорогая для Мора, какъ и вообще для лучшихъ гуманистовъ, идея. Моръ гордился своей любимицей Маргаритой, какъ живымъ и яркимъ примѣромъ глубокаго знанія, возвышеннаго интереса и настроенія въ женщинѣ, которая, притомъ, съ очень молодого возраста была захвачена тяжелыми заботами семейной жизни. Люди Возрожденія не останавливались на доказательствахъ въ пользу того, что женщина въ одинаковой мѣрѣ съ мужчиной способна стать на высотѣ культуры. Для нихъ требованіе высшаго женскаго образованія, требованіе равенства призванія женщины и мужчины вытекало изъ возвышеннаго представленія о человѣческомъ достоинствѣ. Отсюда слѣдуетъ право; въ успѣшности результатовъ они не сомнѣвались.

Ученые въ Утопіи представляютъ кадры для труднѣйшихъ общественныхъ должностей: правители, государи, священники, посланники избираются изъ ихъ среды. Моръ пытается дать намъ представленіе о томъ, какъ ему рисуется истинная наука. Живо чувствуемъ мы, какъ гуманистъ хочетъ пробиться чрезъ стѣну словесныхъ фокусовъ и логическихъ вычурностей, въ которыхъ погребалось зерно живой истины при тогдашнемъ оффиціальномъ преподаваніи. Въ двухъ направленіяхъ лежитъ интересъ Мора, и съ удивленіемъ находимъ мы, что у одного изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ классицизма въ программѣ образованія нѣтъ изученія древнихъ: во-1-хъ, *естественныя* науки привлекаютъ Мора, концентрируясь, главнымъ образомъ, въ астрономіи, вступавшей въ то время въ свой великій фазисъ: недаромъ Моръ говоритъ съ увлеченіемъ объ усовершенствованныхъ

инструментахъ наблюденія; во-2-хъ, изученіе *моральной природы человѣка*, по нашему, соединеніе психологіи и этики. Научныя изслѣдованія въ глазахъ Мора пріобрѣтаютъ какой-то вдохновенный характеръ. Жители Утопіи, говоритъ онъ, считаютъ изученіе вселенной дѣломъ, угоднымъ Богу.

Затрогивая область нравственныхъ идей, Моръ чувствуетъ, что подошелъ къ *религіи*, больше того, къ чертѣ, гдѣ начинается авторитетъ церкви. Припомните, что «Утопія» написана до реформаціи, что католическая церковь была не однимъ изъ разныхъ вѣроисповѣданій, а единственно авторитетной духовной силой. Католическому біографу Мора крайне трудно сохранить за своимъ героемъ ореолъ правовѣрности. Замѣтьте, что жители Утопіи даже *не христіане*. Они оказываются лишь воспріимчивыми къ христіанству, съ которымъ знакомятся въ моментъ полнаго развитія своей культуры. Но они представлены уже въ обладаніи тѣхъ понятій о божествѣ, о благѣ, о загробной жизни, которыя католическое духовенство собиралось водворять въ Новомъ Свѣтѣ огнемъ и мечемъ. То, что говоритъ здѣсь Моръ, звучитъ какъ проповѣдь просвѣтителей XVIII-го вѣка, Вольтера или Лессинга. Въ Утопіи *нѣтъ единой религіи*; какъ догматы, такъ еще болѣе культы, крайне разнообразны. Но это никого не поражаетъ и ни въ комъ не вызываетъ раздраженія. Полная свобода вѣрованій даетъ лишь возможность всѣмъ вѣрующимъ чувствовать общую основу религіи и соединяетъ всѣхъ въ однихъ храмахъ. Мудрый законодатель Утопіи нашелъ сначала въ ней непрерывныя религіозныя войны ослаблявшія страну, такъ какъ секты взаимно истребляли другъ друга, не останавливаясь даже въ виду внѣшняго врага. Въ интересахъ самой религіи Утопъ устранилъ всякое принужденіе. При полной свободѣ, увѣренъ Моръ, истина сама возсіяетъ; среди ожесточеннаго спора и преслѣдованій выигрываетъ худшая религія, такъ какъ худшіе люди наиболѣе упрямы, а лучшая, болѣе святая вѣра глохнетъ подъ грудой суевѣрій, какъ добрая жатва подъ терніемъ и бурьяномъ. Свобода состоитъ не только въ личной неприкосновенности всякаго, какую бы кто вѣру ни исповѣдывалъ, но и въ правѣ распространять свои вѣрованія.

Моръ ставитъ, однако, *два ограниченія*, и очень любопытно сравнить, какъ представлялось реформатору дѣло въ теоріи до взрыва религіозной борьбы въ Европѣ, и какое неожиданно широкое, но вполнѣ послѣдовательное примѣненіе этой теоріи ограниченія открылось потомъ и отчасти легло пятномъ на память самого Мора. Моръ выключаетъ изъ числа терпимыхъ ученій *матеріализмъ*, отрицаніе безсмертія души, взглядъ, что міръ упра-

вляется случаемъ. Тѣ, кто такъ думаютъ, — не люди и не граждане, потому что ихъ только страхъ заставляетъ держаться нравственности и законовъ; это—«существа низшаго рода». Имъ запрещено выражать открыто свои воззрѣнія, и они удалены отъ должностей. Однако, они вполнѣ свободно могутъ излагать свои взгляды предъ священниками и образованными людьми, мало того, ихъ даже приглашаютъ къ такимъ бесѣдамъ, чтобы получить возможность переубѣдить ихъ.

Другое ограниченіе важнѣе. Свобода проповѣди не должна переходить въ нападки на другія религіи, а главное, проповѣдь не должна вызывать движенія среди народа. Въ этомъ случаѣ нарушителя постигаетъ наказаніе, какъ *мятежника*. Такимъ образомъ, Моръ увѣренъ, что еретика, сектанта всегда можно отдѣлить отъ агитатора, бунтовщика. Трагизмъ его положенія заключался въ томъ, что, когда онъ сталъ во главѣ дѣлъ въ Англіи, ему пришлось встрѣтиться съ сильнымъ сектантскимъ движеніемъ, рѣзко нападавшимъ на церковь и готовымъ защищаться всѣми средствами. Примѣняя свое правило о наказаніи агитаторской проповѣди, какъ мятежа, Мору пришлось опрокинуть свое ученіе о вѣротерпимости. Хотя канцлеръ-гуманистъ и не жегъ протестантовъ, но онъ сажалъ ихъ въ тюрьму, а епископамъ не мѣшалъ присуждать ихъ къ смерти. Еретиковъ, готовыхъ къ увѣщанію, не оказывалось. Исключеніе дѣлалось правиломъ, а общее явленіе, предположенное въ теоріи — мирные споры, ведущіе къ выясненію истины—вовсе не наступало.

Какъ и просвѣтители XVIII в., Моръ видѣлъ въ религіи, главнымъ образомъ, установленіе великаго *нравственнаго идеала*. Представители всѣхъ ученій и сектъ въ Утопіи сходятся въ одномъ убѣжденіи, которое получается, какъ естественный результатъ ихъ уровновѣшеннаго, здороваго устройства: а именно, что добродѣтель, это—жизнь, согласная съ природой, т. е. съ разумомъ. Моръ увѣренъ, что природа повелѣваетъ стремиться къ счастью, но запрещаетъ увеличивать личное счастье насчетъ другихъ. Свѣтлый взглядъ на жизнь проникаетъ жителей Утопіи: они не боятся смерти; они пользуются всѣми дарами природы. Но въ гуманистѣ Морѣ крѣпка еще привязанность къ *подвижничеству*: и въ Утопіи есть люди, отрекающіеся отъ довольства, семьи, наслажденій и, что еще тяжелѣе, по мнѣнію Мора, отъ науки и ея радостей, и посвящающіе себя дѣятельной любви. Эти аскеты исполняютъ самыя тяжелыя и непріятныя работы какъ общественныя, такъ и на службѣ у частныхъ лицъ. Они ходятъ за больными, производятъ землекопныя работы, очищаютъ дороги и т. д. Чѣмъ больше

труда, приниженія, чѣмъ ближе приравниваются они къ рабамъ, тѣмъ выше для нихъ нравственное удовлетвореніе. Въ этомъ образѣ самоотверженныхъ дѣятелей, охваченныхъ горячимъ чувствомъ, но погрѣшающихъ противъ разума, сказалось противорѣчіе у Мора, но противорѣчіе, обличающее глубоко терпимый умъ, чуждый принципіальнаго фанатизма. Пусть отдается каждый своимъ чистымъ влеченіямъ, пусть здоровая мораль нормальныхъ людей не дѣлается сухимъ закономъ; живой человѣкъ съ его жаждой правды, хотя бы и на невѣрномъ пути, все же дороже, чѣмъ правильная жизнь безъ одушевленія.

Съ особымъ паѳосомъ изображена у Мора роль и положеніе *священниковъ* въ Утопіи. Ихъ очень мало и всѣ они равны по достоинству. Ихъ выбираетъ народъ тайной подачей голосовъ. Это— призваніе исключительно высокое, и лишь люди необычайной силы характера и ума, полные безкорыстія и чистыхъ помысловъ, восторженной вѣры, способны выполнять это призваніе. Въ Утопіи они обрисованы, почти какъ существа высшаго порядка. Имъ безусловно довѣряютъ воспитаніе дѣтей. Ихъ слова, ихъ выговора достаточно, чтобы человѣкъ, совершившій проступокъ, почувствовалъ свою вину и смирился. Въ битвахъ они являются какими-то ангелами-примирителями и заступниками: гдѣ покажется ихъ бѣлая одежда, сражающіеся опускаютъ оружіе, даютъ пощаду опрокинутому врагу и благоговѣйно преклоняются предъ божьими людьми. Священникъ стоитъ выше человѣческаго суда, потому что не внѣшнее принужденіе закона, а лишь глубокое внутреннее сознаніе можетъ поднять его на высоту идеальнаго служенія: въ случаѣ проступка съ его стороны, его не трогаютъ, предоставляя какъ божьяго избранника Богу и совѣсти. Несомнѣнно, идея Мора—возвышенная идея, но не бросается ли въ глаза, при всемъ различіи во внѣшней организаціи церкви, что именно эта идея навѣяна *католичествомъ*, его вѣковой традиціей, въ силу которой служители Божіи, эти люди не отъ міра сего, облеченные чудесными дарами, являются руководителями всей жизни человѣческой?

Остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ Моръ представляетъ себѣ *войну* въ идеальномъ царствѣ. Это вернетъ насъ изъ Америки въ Европу, изъ области фантазіи, въ міръ дѣйствительности. Но прежде всего, зачѣмъ же война тамъ, гдѣ устроено разумно и сознательно общее благополучіе? Дѣло въ томъ, что Утопія не предполагаетъ всеобщаго перерожденія въ человѣческомъ мірѣ; напротивъ, это счастливый уголокъ, живущій особнякомъ и даже до извѣстной степени насчетъ невѣжества и отсталости окружающихъ. Въ Морѣ заговорилъ *англичанинъ*, житель

безопаснаго острова, привыкшій выдѣлять себя изъ другихъ націй, спокойно смотрѣть на ихъ взаимное истребленіе. Сказалась и другая черта, общій взглядъ вѣка, не умѣвшаго переносить моральныхъ понятій на международныя отношенія. Правда, жители Утопіи не любятъ войны, но это—нерасположеніе къ ремеслу, а не къ принципу войны. Они не грабятъ городовъ и полей у народа, съ которымъ воюютъ, не трогаютъ безоружныхъ, не захватываютъ въ свою пользу добычи. Но это лишь извѣстный способъ веденія войны. Право войны остается жестокимъ и страшнымъ. Жители Утопіи выступаютъ сами лишь въ крайнихъ случаяхъ; обыкновенно они нанимаютъ солдатъ изъ разбойничьихъ племенъ и мало безпокоятся о ихъ гибели, разъ только обезпечена побѣда. Напротивъ, прибавляетъ Моръ, имѣя въ виду, безъ сомнѣнія, страшныхъ швейцарскихъ наемниковъ своего времени, жители идеальнаго государства радуются, что вредное и злое племя подвергается истребленію. Они разсчитываютъ на измѣну у враговъ и, чтобы избѣжать лишняго кровопролитія, назначаютъ большія суммы за убійство враждебнаго государя и его министровъ. Есть даже такая черта: завоеванная Утопіей страна отдаетъ въ пользу побѣдителей часть земли; туда отправляютъ намѣстниковъ, богато живущихъ со своей свитой насчетъ побѣжденныхъ, какъ римскіе проконсулы. Такимъ образомъ, спартанская простота и здоровое довольство жизнью утопійцевъ прекращаются за предѣлами острова. Это—частный идеалъ, идеалъ избраннаго кружка людей. Въ этомъ очеркѣ у Мора всего яснѣе обнаруживается Ахиллесова пята всякой Утопіи, всякаго политическаго романа: моральный уровень общества, недостатки его, мѣшающіе ему подняться до идеальной высоты, оттѣняются, вырисовываются темнымъ пятномъ и на томъ идеалѣ, который способны выставить лучшіе люди эпохи.

Утопія, какъ мечта, какъ политическая программа, имѣла тяжелую развязку. Уже поколѣніе Мора видѣло крушеніе свѣтлыхъ надеждъ Возрожденія. Моръ, Эразмъ и ихъ друзья и послѣдователи, готовились встрѣтить эру разума, просвѣтленной вѣротерпимости, всеобщаго матеріальнаго обезпеченія; но они не просто ошибались на столѣтія, переоцѣнивая силы и добрую волю человѣка, они не подозрѣвали ближайшаго: они не видѣли, что стоятъ наканунѣ сильнѣйшаго возбужденія религіознаго фанатизма и взрыва истребительныхъ религіозныхъ войнъ, не чувствовали, что многіе изъ нихъ самихъ погибнутъ жертвами новаго одичанія; они не подозрѣвали того, что имущественное неравенство будетъ рости еще дальше, что наступитъ новое крѣпостное право.

Ихъ желанія и порывы остались, лишь какъ завѣтъ дальнѣйшимъ поколѣніямъ.

«Утопіи» Мора не превзошелъ ни одинъ изъ послѣдующихъ романовъ по яркости образовъ, по цѣльности картины, по силѣ проникновеннаго убѣжденія. И это понятно: «Утопія» — результатъ счастливѣйшей комбинаціи; одинъ изъ самыхъ крупныхъ, самыхъ лучшихъ людей эпохи взялся выразить настроеніе своего времени, а никогда еще настроеніе не отличалось такимъ юношески-свѣтлымъ характеромъ, никогда оно не было болѣе благопріятно для вѣры въ чудесно-цѣлительную, стремительно-быструю силу просвѣщенія.

ИЗЪ РОБЕРТА ГАМЕРЛИНГА.

Не отчаявайся въ счастьѣ:
Для тебя изъ темныхъ тучъ,
Послѣ долгаго ненастья,
Засіяетъ свѣтлый лучъ.
Не растрогано слезами,
Тщетно жданное давно,
Вдругъ неслышными шагами
Подойдетъ къ тебѣ оно.

* * *

Часто жертвою обмана
Ты бываешь, но въ пути
Счастье поздно, или рано,
Суждено тебѣ найти:
Вдругъ оно изъ мглы туманной
Засіяетъ съ высоты,
Повстрѣчается нежданно
На базарѣ суеты.

* * *

Въ часъ тоски невыразимой
Предъ тобою встанетъ въ мигъ
Это счастье, какъ любимый,
Безконечно милый ликъ.
Въ часъ тоски и удниженья,
За рѣшеткою, въ тюрьмѣ,
Всюду счастья дуновенье
Ты почувствуешь во тьмѣ.

* * *

Если въ юности тревожной
Не блеснетъ его звѣзда—
Для тебя оно возможно
И въ позднѣйшіе года.
Въ часъ послѣдняго прощанья
Счастья чудная мечта
Подаритъ тебѣ лобзанье
Въ поблѣднѣвшія уста.

Пер. **О. Н. Чюминой.**

КОНОКРАДЪ.

(Изъ деревенскихъ воспоминаній).

Шестого декабря, въ день св. Николая, село Степановка праздновало свой храмовой праздникъ. Денекъ выдался морозный, но тихій и ясный. Бѣлый снѣгъ горѣлъ на солнцѣ точно толченое стекло, и больно было смотрѣть на алмазные переливы его блеска.

Подлѣ церкви, будто на ярмаркѣ, стояло множество крестьянскихъ саней, запряженныхъ мужицкими лошаденками, до такой степени низкорослыми, что ихъ какъ-то и за лошадей принимать не хотѣлось — совершенные котята! Не даромъ же разсказываютъ, что одинъ ученый французъ, проѣзжавшій когда-то по нашей мѣстности, сдѣлалъ въ академіи наукъ докладъ, въ которомъ обстоятельно изложилъ, что видѣлъ-де въ Россіи особенную породу лошади, близко подходящей къ обыкновенной, и что на языкѣ туземцевъ лошадь эта именуется „coniaca“...

Подлѣ саней и на саняхъ стояли и сидѣли мужики въ тулупахъ, въ высокихъ бараньихъ шапкахъ, бабы и дѣвки въ такихъ же тулупахъ и въ добротныхъ мужицкихъ сапогахъ. Казалось, надѣнь онѣ вмѣсто платковъ высокія шапки и всякое внѣшнее отличіе ихъ само собой исчезнетъ.

Ждали начала обѣдни. Давно пора было начаться ей, но „батюшка“ все медлилъ—онъ поджидалъ старушку-графиню, самую богатую свою прихожанку, и не начиналъ служенія изъ страха, что графиня обидится, если ея не подождутъ.

Нѣсколько разъ выходилъ „батюшка“ на крыльцо своего домика, стоявшаго совсѣмъ близко отъ церкви, и, приложивъ козырькомъ руку, всматривался вдаль дороги. Но по дорогѣ сновали взадъ и впередъ только мужицкія сани. „Батюшка“ пожималъ плечами и не безъ нѣкотораго сожалѣнія поглядывалъ на прихожанъ.

— Много малолѣтнихъ, — размышлялъ онъ,—зябнутъ, а впустить въ церковь тоже не приходится: выстудятъ... Просто Божеское наказаніе... Соблазнъ одинъ, а что прикажете дѣлать?

Мужикамъ и дѣйствительно было холодно, они, переминаясь и постукивая нога объ ногу, жались у саней и тоже время отъ времени поглядывали на дорогу, не виднѣется-ли карета графини.

— А что, скоро уже въ церковь пустятъ? — спросилъ одинъ мужиченко у стоявшаго на паперти причетника, но спросилъ вѣжливо, тономъ зрителя, посторонняго человѣка, обращающагося съ празднымъ вопросомъ къ лицу дѣйствующему.

Причетникъ вскинулъ на него свои подслѣповатые, красноватые глаза, дернулъ носомъ и отвѣтилъ.

— Скоро, скоро, вотъ пріѣдетъ графиня, и сейчасъ служба начнется.

— А холодно сегодня...

— Теперь солнышко,—успокоительно замѣтилъ причетникъ и сталъ пристально всматриваться вдаль. Онъ былъ здѣсь какъ бы на часахъ и долженъ былъ дать знать „батюшкѣ“ о приближеніи графини.

— Запоздала-таки сегодня, — глубоко вздохнувши, промолвилъ онъ.

— А запоздала, — согласился мужикъ. Обоимъ имъ, да и никому изъ всѣхъ пріѣхавшихъ и въ голову не приходило, что возможенъ другой порядокъ вещей, и что зябнуть на морозѣ вовсе не обязательно.

— Запоздала, запозда-ала,—съ прежнимъ вздохомъ повторилъ причетникъ.—Ноги у меня стынутъ... Пойтить за ладономъ, — прибавилъ онъ и, еще разъ дернувъ носомъ, сталъ медленно спускаться со ступенекъ паперти, но вдругъ остановился, и, крикнувъ „ѣдетъ!“, опрометью бросился къ дому „батюшки“. Возгласъ этотъ и среди мужиковъ тоже поднялъ оживленіе. — Не плачьте, не плачьте, — говорили озябшимъ ребятамъ бабы,—уже ѣдетъ, вонъ по дорогѣ ѣдетъ!—указывали онѣ на дорогу, гдѣ и на самомъ дѣлѣ показалась шестерка вороныхъ.

Минуту спустя тяжелая дверь церкви растворилась, народъ, толкаясь и крестясь, повалилъ туда и вслѣдъ затѣмъ ударилъ колоколъ. Протяжно и гулко зазвенѣлъ онъ, и волны мелодичнаго и полнаго звука разлились и, дрожа, потонули въ морозной свѣжести яснаго дня.

Когда раскатился второй ударъ, „батюшка“ стоялъ уже на паперти и, наскоро, съ дѣловымъ видомъ, разсчесывалъ металлическимъ гребнемъ свою окладистую, черную бороду. Тутъ же въ сторонкѣ стояли два сѣденькихъ помѣщика изъ „захудалыхъ“, очень желавшіе „посмотрѣть“.

Карета все приближалась и приближалась. Вотъ и совсѣмъ ужъ близко. Батюшка поспѣшно спряталъ гребень въ карманъ и на лицѣ его, точно при посѣщеніи архіерея, изобразилась готовность услужить „не токмо за страхъ, но и за совѣсть“. Каретка графини ужъ подкатывала, и шестерка вороныхъ, едва сдерживаемая сѣдымъ, толстымъ чудовищемъ на козлахъ, наконецъ, какъ вкопанная остановилась у паперти. Съ козелъ соскочилъ лакей съ бритыми усами, очень похожій на нѣмецкаго ученаго и распахнулъ дверцы щегольской, вѣнской каретки съ гербами. „Батюшка“ вѣжливо отстранилъ его и лично помогъ графинѣ выйти, а затѣмъ, графиня, маленькая, высохшая старушонка, укутанная въ дорогіе мѣха, медленно стала всходить по ступенямъ. Съ одной стороны ее поддерживалъ „батюшка“, съ другой — полная дама-компаньонка, съ красивымъ лицомъ и вздернутымъ, игривымъ носикомъ.

— Видѣли? — испуганнымъ шопотомъ спросилъ одинъ изъ сѣденькихъ помѣщиковъ такимъ тономъ, какъ будто сейчасъ передъ его глазами разорвалась завѣса, скрывавшая тайну бытія.

— Пріѣхала... — тѣмъ же шопотомъ отвѣчалъ другой помѣщикъ, и оба они, стараясь не стучать ногами, вошли въ церковь.

Вслѣдъ за щегольской кареткой графини, къ паперти подъѣхалъ мужикъ на саняхъ, запряженныхъ парой рябыхъ „конякъ“. Мужикъ тоже пріѣхалъ въ церковь; онъ остановился въ сторонкѣ, слѣзъ съ саней, не спѣша постучалъ кнутовищемъ о полы своего тулупа, чтобы стряхнуть сѣно, и потомъ, съ тою же спокойной неторопливостью отстегнулъ по одной постромкѣ у каждой изъ лошадей и, бросивъ охапку сѣна передъ ихъ мордами, еще разъ посмотрѣлъ на все, укуталъ подальше въ сѣно купленную бутылку съ керосиномъ и медленно, грузно направился къ паперти.

На дворѣ не оставалось почти никого, даже нищіе, калѣки и „лирныки“, отовсюду собравшіеся „на храмъ“, толпились въ притворѣ, шепотомъ переругиваясь изъ-за лучшихъ мѣстъ.

Въ оградѣ было тихо, только вороныя графини нетерпѣливо перебирали ногами, да перепархивали по карнизамъ церкви, голуби.

Та же тишина и въ самомъ селѣ. Низенькія, незатѣйливыя хатенки съ бѣлыми крышами опустѣли, маленькія подслѣповатыя окна ихъ покрылись морозными узорами и блестятъ точно самоцвѣтные камни, переливаясь на солнцѣ. На улицѣ нѣтъ никого, развѣ пройдутъ степенно тяжелые, шаровидные гуси съ покраснѣвшими, рѣзко замѣтными на снѣгу лапками, пройдутъ не торопясь, медленно, важно, точно городскія власти на крестномъ ходѣ; да тявкнетъ ни съ того, ни съ сего глупая, озябшая собаченка и, безцѣльно, лѣнивой рысцой пустится вдоль широкой улицы, высоко подымая перебитую ногу. Людей почти нѣтъ, рѣдко лишь пробѣжитъ въ длинномъ „халатѣ" жидъ-кабатчикъ, да проковыляетъ сгорбившаяся, еле живая старушонка, чуть не съ вечера идущая въ церковь изъ ближняго села, версты за четыре, и все-таки опоздавшая. Изо всей мочи спѣшитъ старушонка, сѣменитъ ножками мелко-мелко, точно спутанная—не легки, видно, вериги старости, а помолиться хочется... Пройдетъ старушка, и опять замретъ улица. Только у кабака и замѣтно кое-какое оживленіе. Тамъ, у саней, стоитъ полупьяный мужикъ и вдумчиво смотритъ на другого, совсѣмъ ужъ пьянаго. Пьяный, уткнувшись въ лицо собесѣдника, ругаетъ его сочно, аппетитно, съ наслажденіемъ. Долго стоятъ мужики, потомъ, обнявшись, тяжело взбираются на ступеньки кабака и сталкиваются съ третьимъ.

— Идемъ!— говоритъ одинъ изъ нихъ, хватая подъ руку выходящаго.

— Пусти, пьянуга!—увертывается тотъ и, грубо оттолкнувъ отъ себя пьянаго, спускается съ крыльца. Вслѣдъ ему раздалось зазвонистое ругательство, но онъ, не обративъ вниманія, продолжалъ свою дорогу.

Это былъ высокій, рыжій дѣтина, лѣтъ 25-ти. Его сѣрая, барашковая шапка, лихо заломленная на бекрень, щегольской, расшитый узорами полушубокъ, высокіе скрипучіе сапоги со сборами, наконецъ, чисто выбритое, смазливое лицо съ длинными рыжеватыми усами—все говорило, что парень этотъ франтъ и повѣса.

Небрежно раскачивая широкоплечимъ туловищемъ, не спѣша шелъ онъ вдоль улицы по направленію къ церкви. Онъ точно гулялъ, такъ разсѣянно посматривалъ онъ на хаты,

на дворовую собаку, глодавшую посреди улицы кость, на воробьевъ, порхавшихъ на навозной кучѣ. Но всмотрѣвшись въ него ближе, можно было сразу сказать, что въ небрежности этой, въ этой развалистой походкѣ и въ равнодушно скучающемъ выраженіи лица было что-то ненатуральное, что-то дѣланное. Дѣйствительно, подойдя къ церкви, скучающій парень остановился за колонкой и осмотрѣлся кругомъ. Съ лица его сразу слетѣло напускное выраженіе, теперь въ немъ замѣтны были безпокойство, волненіе. Въ маленькихъ голубыхъ глазахъ свѣтилась тревога. Съ безпокойствомъ посматривалъ онъ на стоявшихъ отдѣльно рябыхъ конякъ и переводилъ взоръ на церковную паперть. Тамъ по прежнему никого не было, изъ церкви неслось визгливое, нестройное пѣніе доморощеннаго хора, да на карнизахъ продолжали ворковать голуби.

Парень отошелъ отъ колонки, взошелъ на паперть, потомъ въ притворъ. Густая толпа молящихся не позволяла пройти дальше, онъ остановился и сталъ учащенно креститься, кланяясь и быстро выпрямляясь. А съ лица его все не сходило выраженіе тревожнаго испуга. Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя на молящихся. Какая-то баба, стоя на колѣняхъ, закрывъ глаза и вытянувъ вверхъ шею, громко шептала слова молитвы; нѣсколько дальше отъ нея, у иконы Богоматери, стоялъ мужикъ, котораго все время стучали по плечу тоненькими восковыми свѣчками. Мужикъ оборачивался, бралъ свѣчи, зажигалъ ихъ и, перекрестившись, молча становился на прежнее мѣсто. Всѣ молились горячо и усердно, какъ только молятся деревенскіе люди, и въ церкви было тихо, только иногда слышался кашель въ руку, да плачь грудного ребенка.

Парень не долго стоялъ и, перекрестившись, вышелъ. Проворно сошелъ онъ съ паперти и все съ тѣмъ же тревожно-испуганнымъ выраженіемъ лица подошелъ къ рябымъ конякамъ. „Надо ѣхать домой",—вслухъ произнесъ онъ, стараясь придать голосу возможно больше спокойствія, но у него не вышло, въ голосѣ послышалась фальшивая нотка, такъ и видно было, что онъ хотѣлъ не то себя ободрить, не то убѣдить кого-то въ совершенной законности и правотѣ своихъ дѣйствій.—„Пора домой",—все тѣмъ же фальшивымъ голосомъ проговорилъ онъ и, пугливо, не поворачивая шеи, какъ-то по-волчьи, одними только глазами посмотрѣлъ по сторонамъ. Кругомъ не было никого, изъ церкви доносился ревъ діакона, да протяжно фыркнула графская пристяжная.

— Тпр... стой, стой рябой! — опять намѣренно громко крикнулъ парень и сталъ надѣвать снятыя постромки. Руки его слегка дрожали, блѣдное лицо было взволновано, голубенькіе глазки тревожно бѣгали по сторонамъ. Наконецъ, постромки были надѣты, парень отмоталъ возжи, сѣлъ и тронулъ лошадей.

— Но, но, но!..—какъ-то тихо, точно просилъ онъ ихъ. Лошаденки повернули и неторопливой рысцой затрусили по улицѣ по направленію къ большой дорогѣ. Парень сидѣлъ, какъ на иголкахъ, лицо его было блѣднѣе прежняго, рука съ кнутомъ все порывалась подняться, чтобы гнать этихъ маленькихъ лошаденокъ, что есть мочи, во весь духъ, но надо было выдержать роль, и „коняки“ подвигались впередъ своей обыкновенной, меланхолической побѣжкой.

Прозвонили къ „достойно“ и скоро затѣмъ прихожане стали выходить изъ церкви. Народъ, разступаясь, пропустилъ старушку-графиню, которую на сей разъ, за отсутствіемъ „батюшки“, вела подъ руку лишь компаньонка. Безусый лакей, выступая впереди, прочищалъ дорогу, властно расталкивая локтями мужиковъ и бабъ; тѣ покорно пятились и давили другъ друга до послѣдней степени, до головокруженія. Наконецъ, побѣдное шествіе лакея закончилось. Бережно усадивъ барынь въ карету, онъ хлопнулъ дверцей и молодцомъ вскочилъ на козла. Каретка укатила.

Вслѣдъ за барынями повалили и мужики. Не торопясь выходили они на паперть, долго крестились и, надѣвъ шапку ужъ на послѣдней ступени, подходили къ своимъ конякамъ, „гнуздали“ ихъ и разъѣзжались по селу „побазаровать“. Все это дѣлалось меланхолично и съ такою медленностью, на которую способенъ только одинъ хохолъ въ мірѣ.

Но вотъ среди крестьянъ поднялось движеніе, раздались крики. „Кони пропали! Коней украли! Рябые кони!..“

Скоро изъ мужиковъ образовалась тѣсная толпа, посреди которой, заливаясь слезами и всхлипывая, какъ ребенокъ, владѣлецъ пропавшихъ лошадей выкрикивалъ о своемъ горѣ.

— Ой, Господи, ой, Боже-жъ мой!.. Зарѣзали меня, зарѣ-ѣ-зали, ой-ей-ей-ей! Что-жъ я теперь буду дѣлать? Послѣднюю пару взяло, послѣднюю па-ару! — причиталъ мужикъ и плакалъ, какъ трехлѣтній ребенокъ. На мокромъ отъ слезъ лицѣ его, съ блуждающими растерянными глазами, было написано столько горя, что невольно какъ-то брала оторопь

и думалось, что вотъ именно такое лицо должно быть у человѣка. который прибѣжалъ къ проруби топиться. — Ратуйте *) меня, люди добрые, ратуйте, не дайте пропасть, ой, Боже-жъ мо-ой!—вопилъ мужикъ и со стономъ повалился въ ноги окружавшихъ его крестьянъ.

— Ратуйте, ратуйте меня, кто въ Бога вѣруетъ!—молилъ онъ и то билъ поклоны, то молитвенно простиралъ руки въ мужикамъ. Тѣ стояли молча, лица ихъ какъ бы отражали горе мужика только въ меньшей степени.

— Что такое, что случилось? — послышался громкій окликъ, и, пробиваясь сквозь густую толпу, предъ потерпѣвшимъ предсталъ приставъ, широкоплечій, усатый человѣкъ браваго вида.

— Ваше благородіе!.. Ой, ваше благородіе, голубчику, ваше благородіе!—хватаясь за сапоги пристава, въ отчаяніи восклицалъ мужикъ.

— Въ чемъ дѣло? Встань, что такое случилось?

— Кони, кони у него украли,—отвѣтили изъ толпы.

— Кони, кони, ваше благородіе, ой, ко-о-ни!..— и вдругъ въ какомъ-то порывѣ, въ экстазѣ горя и отчаянія, мужикъ снова повалился въ ноги приставу и, схвативъ его за сапогъ, поцѣловалъ въ голенище.

Приставъ не ожидалъ этого и сконфузился.

— Встань, встань, не надо, что ты? Разсказывай, что и какъ, говори толкомъ!—Онъ помогъ мужику подняться.—Ну, говори же, какъ дѣло было!

— Ой, ваше благородіе, ваше благородіе, послѣдніе, послѣ-ѣдніе...

— Не реви же, наконецъ! Что ты, словно маленькій! Говори дѣло!

— Я, ваше... бла... благородіе, пріѣхалъ у церкву, коней поставилъ вотъ тамъ, далъ сѣна, и... ду...маю, пойду, думаю... у церкву, пошелъ, а оно взяло, послѣднюю пару, лучше-бъ крышу съ хаты сняло... ой, Боже-жъ мой, Го-о-споди!—И мужикъ снова залился слезами.

— Вотъ несчастье!—послышалось въ толпѣ.

— Средь бѣлаго дня, видали вы такое лихо?

— Не напирай! Осади назадъ! — крикнулъ приставъ. Дѣйствительно, толпа сомкнулась такимъ тѣснымъ кольцомъ, что дышать было трудно.

*) Спасите.

— Надо въ погоню послать, „злбдій“ должно быть еще недалеко. Вы вотъ стоите тутъ да горланите безъ толку, а чтобъ верхомъ сѣсть да поѣхать?

— И-и, куда-жъ теперь, ваше благородіе, ѣхать? „Ему“ одна дорога, а намъ сто.

— Ищи вѣтра въ полѣ!—отозвались изъ толпы. Но были и такіе, которые находили вполнѣ возможнымъ изловить вора.

— А его словить не трудно,—говорилъ сотскій Сидоръ, мужикъ лѣтъ 30, съ замѣчательно красивымъ лицомъ.— „Онъ“ не иначе, какъ на Трафовецкое подался, прямо большой дорогой и поѣхалъ, куда-жъ ему больше и ѣхать?

— Такъ и садился бы верхомъ, пока не поздно,—предлагалъ ему приставъ.

— Ой, садитесь, садитесь, голубчику, ратуйте меня!— опять взмолился потерпѣвшій.

— Что-жъ, я сяду, помочь надо... Только что-жъ я одинъ... Кабы еще кто?..—и Сидоръ вопросительно посмотрѣлъ на толпу.

— Да и я сяду,—отозвался кто-то.

— И я!

— И я!

— И я!—послышались голоса.

— Ну, такъ поѣдемъ! Прямо разсыпаться по всѣмъ дорожкамъ и мы его словимъ!

— А словимъ!

Мужики стали выпрягать лошадей, а Сидоръ обратился къ потерпѣвшему.—Такъ, говоришь, что твои кони рябые, чоловіче?

— Рябые, рябые, сердце...

— И не кобылы, а кони, рябые кони?

— Кони, кони, голубчику...

— И именно рябые кони?..

— Именно, именно...

Сомнѣній никакихъ больше не существовало. Мужики стали садиться верхомъ. Потерпѣвшій ободрился, онъ больше не плакалъ, слезы замерзли на его бороденкѣ и усахъ, но новыхъ не было.

— Дайте и мнѣ, люде добрые, какую-нибудь конячку и я поѣду!—сказалъ онъ, и въ голосѣ его послышалась энергія, готовность бороться. Ему дали, и скоро человѣкъ двѣнадцать верховыхъ разсыпались въ разныя стороны.

Послѣднимъ выѣзжалъ сотскій Сидоръ. „Мы его словимъ,

не иначе, какъ на Трафовецкое подался!“ говорилъ онъ и прыгнулъ на свою лошаденку, потомъ ужъ на ходу, лежа животомъ на хребтѣ лошади, медленно, съ усиліемъ занесъ правую ногу и сѣлъ.

Толпа порѣдѣла, приставъ ушелъ въ волостное правленіе, поручивъ урядику „въ случаѣ чего, дать знать“. Стали разъѣзжаться по базару и мужики. Между ними долго еще шли оживленные споры на тему, кто укралъ и по какой дорогѣ поѣхалъ. Предположенія высказывались самыя разнообразныя, однако, большинство мужиковъ стояло за то, что воръ поѣхалъ по дорогѣ къ селу Трафовецкому.

— Тотъ Сидоръ его словитъ, увидите! — говорили мужики.—Вонъ какъ почесалъ!—указывали они на гору, куда въ это время въѣзжалъ Сидоръ, на котораго возлагались такія надежды.

Онъ ѣхалъ крупной рысью. Сытая, лохматая „конячка“ его бѣжала легко и охотно. Выѣхавъ въ поле, Сидоръ то и дѣло разспрашивалъ у встрѣчныхъ о рябыхъ лошадяхъ, но оказывалось, что никто не видалъ такихъ. Сомнѣніе стало заползать ему въ душу, но онъ все ѣхалъ и ѣхалъ.

Степановка уже давнымъ-давно исчезла изъ вида и кругомъ было безлюдье. Солнце все также ярко свѣтило и горѣлъ подъ его лучами снѣгъ. Направо отъ дороги возвышался старый дубовый лѣсъ и внизу на уродливо изогнутыхъ суковатыхъ вѣтвяхъ кое-гдѣ еще сохранились прошлогодніе поблекшіе листья, желтые, какъ спѣлый табакъ, вверху вѣтки обмерзли и прошлогодніе побѣги, покрытые, какъ стеклянной корой, тонкимъ слоемъ льда, свѣтились на солнцѣ. Глухо и пусто въ лѣсу, снѣгъ выпалъ глубокій, и повалившійся отъ старости дубъ почти совсѣмъ закрытъ бѣлой пеленой, какъ саваномъ, а рядомъ выскочилъ молодой кудрявый дубокъ; листья его не только высохли и пожелтѣли, но сохранились почти всѣ, и темной бронзой рѣзко выдѣляются на бѣломъ снѣжномъ фонѣ. Тихо въ лѣсу, какъ на кладбищѣ, кажется, нѣтъ здѣсь ни птицы, ни звѣря. Но это только кажется — вонъ громадный сѣрый заяцъ, прижавъ къ спинѣ свои длинныя уши, какъ ошалѣлый, прыгнулъ вверхъ и пустился черезъ дорогу.

— А чтобъ тебя!.. Перебѣжалъ-таки дорогу, проклятый! — выругался Сидоръ и даже остановилъ коня. — Черта два теперь поймаешь вора, а побей тебя сила Божья! И вынесло-жъ его изъ лѣсу каторжнаго! Теперь прямо хотъ вер-

нись, не стоитъ и ѣхать дальше... А жалко человѣка, послѣднихъ лошадей украли, да что же подѣлаешь?.. И понесло его, какъ на зло, черезъ дорогу, а чтобъ тебѣ въ собачьи зубы попасть!..

Сидору было холодно и хотѣлось ѣхать домой. Постоявъ минуту въ раздумьи, онъ лѣниво и нехотя тронулъ коня и поѣхалъ дальше, но только для спокойствія совѣсти; увѣренность въ успѣхѣ, ослабѣвшая еще и раньше, послѣ „зайца“ совсѣмъ поколебалась.

— Поймаешь вора, какже!..

Лѣнивой рысцой затрусилъ Сидоръ дальше, изрѣдка съ напряженіемъ всматриваясь вдаль, но вдали было безлюдно и пусто. Кончился лѣсъ, налѣво и направо открылись широкія бѣлыя поля, ровныя, точно замерзшее озеро, и пустыя и скучныя, какъ сама смерть. Тоской и апатіей вѣетъ отъ этихъ необозримыхъ бѣлыхъ пустынь и когда проѣзжаешь по нимъ, кажется, будто погружаешься въ нирвану, отлетаютъ желанья, потухаетъ энергія и въ душѣ чувствуется такая же тоска, такая же пустыня, какъ и кругомъ.

— Лысаго чорта, теперь поймаешь вора!—воскликнулъ Сидоръ, сдерживая своего конька. — Еслибъ не проклятый заяцъ, а теперь, просто хоть вернись! — Онъ потянулъ поводья, и лошадь остановилась.—Дѣло извѣстное, проку ждать нечего!.. И понесло-жъ его прямо черезъ дорогу!

Отъ Степановки Сидоръ отъѣхалъ далеко, немного оставалось ужъ и до Трафовецкаго. Лошаденка истомилась, стала сопѣть и изъ раздувшихся ноздрей ея, двумя широкими струями вылеталъ паръ. На заиндѣвѣвшей мордѣ сосульками висѣлъ ледъ.

— Надо ѣхать домой, ничего не подѣлаешь,—размышлялъ Сидоръ, пристально вглядываясь вдаль дороги. Тихо, какъ бы въ задумчивости натянулъ онъ поводъ, лошадь охотно повернула назадъ, но какъ разъ въ это время на дорогѣ что-то показалось. Снова повернулъ Сидоръ и лѣниво поѣхалъ дальше.—Спрошу еще у этихъ,—думалъ онъ, глядя на приближавшіяся сани,—если не видѣли, поѣду домой! Онъ неуклюже ударилъ свою покорную „коняку“ въ бока сапогами и потрусилъ на встрѣчу. Ноги его необыкновенно низко свѣшивались къ землѣ и казалось, что взрослый человѣкъ сѣлъ на жеребенка. Скоро можно было различить, что на саняхъ ѣхалъ мужикъ съ бабой.

— Тпр...—поровнявшись съ ними, осадилъ Сидоръ своего коня.

Осадили и тѣ.

— Здравствуйте, съ Миколаю будьте здоровы!

— Здравствуйте!

— А не видали-ль вы, чоловіче, по дорогѣ, не ѣхалъ ли тутъ кто на рябыхъ коняхъ?

— Видалъ.

Сидоръ встрепенулся.

— Давно ужъ вы его видѣли?

— Нѣтъ.

— И именно рябые кони?

— Рябые.

— Куда-жъ поѣхали?

— На Трафовецкое.

— Я такъ и говорилъ, но!—тронулъ Сидоръ коня.

— А что такое?—спросили у него.

— Да у человѣка тѣ лошади украдены, — обернувшись, наскоро отвѣчалъ онъ и, поднявъ лошадь въ галопъ, пустился дальше.

Версты четыре, однако, не было видно ничего, но, наконецъ, показались-таки сани, запряженныя рябыми лошадьми. Изъ всѣхъ силъ сталъ погонять свою кляченку Сидоръ, но видно его замѣтили — рябые тоже прибавили ходу. Сидоръ сразу смекнулъ, что это воръ. „Не утечешь!“ злобно крикнулъ онъ и такъ сталъ колотить свою лошаденку, что она, вытянувшись, мчалась во всю прыть. Рябые стали идти тише, ихъ, видимо, сдерживали, лошаденка Сидора скоро поровнялась. На саняхъ сидѣлъ усатый парень.

— А чьи это кони?—спросилъ Сидоръ.

— Мои.

— А гдѣ-жъ ты ихъ укралъ?

— Что?

— Говорю: гдѣ ты ихъ укралъ?

— У тебя можетъ краденая, а у меня свои.

— Твои, злодію ты проклятый, твои? — Сидоръ становился все храбрѣе и храбрѣе—по дорогѣ кто-то ѣхалъ, можно было разсчитывать на помощь.—А ну, ѣдемъ до пристава, если это твои.

— Нечего мнѣ до пристава.

— Нѣтъ, голубчику, я тебя не выпущу, не выпущу, каторжный! И Сидоръ со всего плеча вытянулъ парня кнутомъ. Тотъ слѣзъ съ саней.

— Чего бьешь, право имѣешь?—спросилъ онъ, но какъ-то

неувѣренно, и вдругъ, что есть мочи пустился бѣжать въ сторону, по направленію къ молодому грабовому лѣску, чернѣвшему вблизи.

— Го-го-го-го-о-о!.. Дайте помощи!—прокричалъ Сидоръ па встрѣчу ѣхавшимъ мужикамъ и поскакалъ за убѣгавшимъ. Онъ скоро нагналъ его и сталъ колотить кнутомъ. Тѣмъ временемъ подбѣжали ѣхавшіе.

Дѣло выяснилось, и хотя парень упорно утверждалъ, что лошади его, но ему не повѣрили и, слегка поколотивъ—для порядку, усадили въ сани и повезли обратно въ Степановку.

Точно на необычайное, невиданное зрѣлище сбѣгались мужики, когда торжествующій Сидоръ, съ видомъ первосвященника, собирающагося принести жертву, тріумфально въѣзжалъ въ село. Еще на околицѣ встрѣтилъ его урядникъ.

— Молодчина, Сидоръ! Словилъ-таки каторжнаго! Ну, теперь его къ приставу, приставъ еще здѣсь въ волости дожидается... Молодчина, что поймалъ! Покажутъ тебѣ кузькину мать!—къ конокраду ужъ обратился урядникъ,—будешь помнить! А что ты его везешь, Сидоръ, точно барина? Пускай идетъ пѣши проклятый! Слазь съ саней! — приказалъ урядникъ конокраду. Тотъ блѣдный, какъ стѣна, сошелъ покорно на землю. Урядникъ взялъ его за рукавъ и пошелъ впередъ. Густая толпа окружила ихъ и подвигалась вмѣстѣ. Вору засматривали въ лицо, злорадно смѣялись надъ нимъ, бранили, но онъ молча, пугливо косясь по сторонамъ, подвигался вслѣдъ за урядникомъ.

— А, каторжный, попался-таки!—восклицали въ толпѣ.

— Люди Богу пошли молиться, а онъ тѣмъ часомъ кони красть!

— Послѣднихъ коней у человѣка взялъ, Иродъ!

— А чтобъ тебя за сердце взяло!..

— Сапоги со скрипами носишь, разжился съ чужихъ коней, проклятый!

— Ихъ бы въ землю закапывать, живыхъ въ землю!

— Лупить ихъ чѣмъ попало, а не къ приставу водить, они кровь нашу выпили!..

Народное негодованіе росло, въ глазахъ толпы свѣтилась злоба, накопившаяся годами, возгласы становились грознѣе, чесались руки и хотѣлось расправиться самимъ.

Урядникъ былъ словно плотиной, сдерживавшей напоръ мужицкой злости.

— Не напирать, осади назадъ! Морды буду бить!..—кричалъ онъ и сильнѣе придерживалъ за рукавъ испуганнаго конокрада. Но толпа не боялась угрозы и все тѣснѣе и тѣснѣе смыкалась вокругъ обезумѣвшаго отъ страха вора.

— Да что ему въ зубы смотрѣть?—вдругъ прокричалъ какой-то полупьяный мужикъ и, широко замахнувъ рукой, со всего могучаго плеча ударилъ вора кулакомъ въ зубы. Дернулъ головой воръ высоко, какъ слѣпая лошадь, наткнувшаяся мордой на заборъ, изъ разбитаго лица такъ и брызнула кровь и широкіе рыжіе усы его сразу сдѣлались алыми.

— Не смѣешь! —крикнулъ, было, урядникъ, но толпа вдругъ заревѣла и ужъ ничего нельзя было разобрать. Первый ударъ былъ точно сигналомъ, точно искрой, упавшей въ бочку съ порохомъ, и сдерживаемое остервенѣніе хлынуло наружу. Лица перекосились, хриплые голоса обрывались, въ глазахъ засверкалъ совершенно звѣриный огонь, и удары посыпались градомъ. Били чѣмъ попало—кулакомъ, палкой, кнутами, даже бутылкой билъ какой-то пожилой мужикъ.

Конокрадъ вскрикнулъ. Урядникъ кинулся, было, защищать, но почувствовавъ сильный ударъ въ лицо, бросился къ волостному правленію. А толпа продолжала свое ужасное дѣло. Конокрадъ уже лежалъ на землѣ, а надъ нимъ, сопя и хрипя, копошилась куча человѣческихъ тѣлъ, взлетали кверху руки, палки и спускались на что-то звонко, точно били въ доску, то глухо, будто колотили въ толстую стѣну. Надъ мѣстомъ свалки столбомъ подымался горячій паръ и стынулъ въ морозномъ воздухѣ.

— Мерррзавцы!!!...—вдругъ послышался на улицѣ удивительно громкій крикъ пристава. Безъ шапки съ толстой казацкой нагайкой въ рукѣ мчался онъ какъ ураганъ, и, добѣжавъ до толпы, врѣзался въ нее, какъ будто бы имъ изъ пушки выстрѣлили. Загудѣла, разсѣкая воздухъ, толстая нагайка и стала впиваться въ щеки, разбивать носы, разрѣзывать губы...

Это подѣйствовало — толпа разступилась, ее точно вырвало что изъ звѣринаго опьяненія. Возбужденныя, красныя лица еще хранили слѣды остервенѣнья, груди дышали прерывисто, тяжело, но въ глазахъ ужъ виднѣлась растерянность, какъ будто мужики были чѣмъ-то несказанно удивлены и оторопѣли.

Приставъ утихомирился наконецъ и посмотрѣлъ на избитаго. Онъ лежалъ уткнувшись лицомъ въ окровавленный

снѣгъ. Лѣвая рука его судорожно растопыренными пальцами впилась въ этотъ алый снѣгъ. На головѣ не было шапки и смоченные кровью русые волосы слиплись, точно приклеенные къ разбитому черепу. На спинѣ виднѣлись лоскутья кожуха, и сквозь разорванную ситцевую рубаху видно было голое тѣло, посинѣлое, испещренное кровавыми полосами, пересѣкавшими другъ друга. Обутыя въ щегольскіе сапоги, ноги подогнулись и скорчились, какъ у мертвеца.

— Воды!—властно крикнулъ запыхавшійся, вспотѣвшій приставъ, и тотчасъ же, словно изъ-подъ земли, появилось два ведра съ водой.

— Отливай его!

Два-три мужика и урядникъ подошли къ конокраду и съ испуганнымъ видомъ осторожно стали лить воду на голову.

— Переверни его навзничъ!—командовалъ приставъ.

Бережно перевернули мужики парня и положили лицомъ вверхъ, но это ужъ было не лицо, а окровавленный кусокъ мяса. Грудь и животъ тоже были обнажены и посинѣли, изъ-подъ растерзанной рубахи видно было, что нижнее ребро съ правой стороны какъ-то неестественно вдавилось во внутрь.

— Лей, лей, чего думаешь!—приказывалъ приставъ оторопѣвшимъ мужикамъ.

Подъ холодной, ледяной водой тихо, едва слышно застоналъ конокрадъ.

— Живъ еще?

— Немножко живъ, ваше благородіе...

— Несите его въ волость! Ну, поднимай его, вы, каторжные, чего розиня ротъ стоите!—къ мужикамъ обратился приставъ.

Тѣ осторожно и робко подошли и подняли избитаго. Голова и руки его свѣсились, какъ у мертваго.

— Полегче, полегче неси, архаровцы! А вы всѣ,—къ остальнымъ обратился приставъ,—ступайте за мной, всѣ до одного, я перепишу васъ! И, поднявъ шапку конокрада съ земли, приставъ, а за нимъ и мужики пошли вслѣдъ за воромъ, котораго несли впереди.

— Осторожно, осторожно! Не поскользнитесь на лѣстницѣ, тихонько, тихонько!—командовалъ приставъ, когда конокрада вносили ужъ на крыльцо „волости".

— Клади на койку сторожа! Что, живъ?

— Должно померъ, ваше благородіе, духу не слыхать...

Приставъ сталъ внимательно прислушиваться, наклонившись надъ избитымъ. На лицахъ принесшихъ его мужиковъ застыло напряженное вниманіе, они точно приговоръ свой собирались слушать.

— Ну, да, померъ!.. Уходили-таки, подлецы...—тихо промолвилъ приставъ. Съ лицъ мужиковъ сбѣжало выраженіе вниманія, и страхъ, и недоумѣніе, и тоска засвѣтились въ ихъ глазахъ.

Бывалый былъ человѣкъ приставъ, а и на него эта смерть произвела сильное впечатлѣніе: почти безъ брани составилъ онъ протоколъ и, отпустивъ мужиковъ, велѣлъ урядвику везти этотъ протоколъ къ начальству.

Тихо расходилась толпа по селу, ни шуму, ни разговоровъ не было слышно. Мужики шли съ опущенными головами, они какъ будто не могли понять, не могли осмыслить всего случившагося.

У кабака кучка ихъ поймала ѣхавшаго съ протоколомъ урядника.

— Что же теперь, Поликарпъ Семенычъ?—растерянно, словно пришибленные, спрашивали они.

— А что? Извѣстно что! упекутъ васъ, подлецовъ!—строго сказалъ урядникъ и внимательно потрогалъ пальцами свой синякъ подъ лѣвымъ глазомъ.

— Да мы, Поликарпъ Семенычъ, и сами не знаемъ... Господь его Святой знаетъ, какъ оно такъ... а мы не хотѣли... не виноваты мы, Поликарпъ Семенычъ...

— Да-а!—иронически протянулъ уродникъ.—Не виноваты, подлецы вы, подлые!.. Былъ живъ человѣкъ, а теперича упокойникъ... По какой причинѣ? Черезъ вашу, черезъ подлость, черти вы, проклятые!—И еще разъ все также внимательно потрогавъ свой синякъ, урядникъ хлопнулъ возжей по крупу своего коня и потрусилъ вдоль улицы, гдѣ на мѣстѣ побоища какой-то старикъ затрушивалъ свѣжимъ снѣгомъ кровавыя мѣста.

А. Яблоновскій.

ЗА АТЛАНТИЧЕСКИМЪ ОКЕАНОМЪ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ ЛЮДВИГА КРЖИВИЦКАГО.

Переводъ съ польскаго **В. Чепинскаго.**

*(Продолженіе *).*

18 іюля, Чикаго, выставка транспорта.

Сапогъ, замѣченный мною въ окно трамвая, преслѣдуетъ мое воображеніе съ тѣхъ поръ, какъ я переступилъ порогъ павильона общества *White Star* (Бѣлой звѣзды). Складъ обуви, а надъ дверями, вмѣсто вывѣски, сапогъ колоссальныхъ размѣровъ, да еще вызолоченный. Какой величины достигла эта часть нашей одежды и въ какое золотое платье нарядилась! Укажите-ка мнѣ другую историческую эпоху, помимо нашей, когда взоры восхищались бы подобными сапогами, шляпами, очками. Реклама, словно волшебныя дрожжи, раздула ничтожество до чудовищныхъ размѣровъ и заставила блестѣть ординарную деревянную поддѣлку. Какое же дѣйствіе оказываетъ она не только въ мірѣ сапоговъ и шляпъ, но и тогда, когда дѣло касается современныхъ героевъ?.. Развѣ эти вывѣски не девизъ нашего времени, подобно тому, какъ Зничъ былъ символомъ варварской земледѣльческой общины?

Сапогъ надъ вывѣской, снаружи сіяющій позолотой, а внутри быть можетъ, источенный червями—вотъ альфа и омега всякой рекламы, всякаго хвастовства, наконецъ, всякой выставки. Сегодня я побывалъ въ Бѣломъ Городѣ въ отдѣлахъ желѣзнодорожномъ и пароходномъ. Модели самыхъ скорыхъ пароходовъ, пароходныя каюты, на одну особу каждая, съ огромною койкою на пружинахъ, столовыя, гдѣ каждый стулъ—кресло, салоны для куренія, въ которыхъ кушетки манятъ къ дремотѣ. Но такова ли дѣйствительность? Модели подъ стекломъ—образцы настоящихъ парохо-

---

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль 1896 г.

довъ; но при нихъ забыли только упомянуть о томъ, что кромѣ этой аристократіи существуетъ еще «нѣчто». Взяты два-три лучшіе образца, изъ нихъ опять-таки выбраны самые изысканные экземпляры, а «замарашки» обойдены молчаніемъ. И это называется выставкой, цѣль которой—знакомить насъ съ современною жизнью

Въ головѣ все время вертятся однѣ и тѣ же картины. Золотой сапогъ — реклама — выставка. Выставка—золотой сапогъ — хвастовство. Хвастовство въ небольшомъ масштабѣ—выставка магазиновъ—большой *humbug* (вздоръ)—международное хвастовство...

Что же такое, наконецъ, выставка?

Выставка? Это собраніе произведеній руки человѣческой, пріобрѣтеній человѣческаго ума, плодовъ человѣческой изобрѣтательности. Далѣе—это отчетъ совѣсти нашей культуры, исповѣдь въ томъ, что̀ достигнуто прогрессомъ.

Что такое выставка? Еще разъ ставимъ этотъ вопросъ. Она происходитъ не въ пустомъ пространствѣ, а въ рамкахъ извѣстнаго общественнаго строя, девизомъ же этого строя служитъ взаимная конкурренція, и величайшая заповѣдь его—*money making* (дѣлать деньги) — во всякое время, во всякомъ мѣстѣ, всякими средствами. Итакъ, что̀ же такое выставка? Подведеніе ли итоговъ тому, что достигнуто прогрессомъ, или сосредоточеніе произведеній человѣческой предусмотрительности, отмѣченное соревнованіемъ? Я люблю Америку; есть у нея недостатки, но еще больше достоинствъ. Она незнакома съ европейскимъ лицемѣріемъ и всякую вещь называетъ настоящимъ именемъ. Выставку она просто-на-просто окрестила названіемъ *World's fair* (міровая ярмарка), т. е. какъ бы международной ярмаркой, всемірнымъ базаромъ—такимъ же базаромъ, какой имѣется въ меньшихъ размѣрахъ на *State Stree* и который торгуетъ рѣшительно всѣмъ, чѣмъ только можно открыто торговать. Соберите со всего свѣта въ одно мѣсто витрины большихъ магазиновъ съ ихъ пестрыми товарами, помѣстите тутъ же рекламы колоссальныхъ предпріятій въ видѣ моделей, образцовъ и объявленій, соберите, повторяю, все это въ одно мѣсто, но раздѣливъ по областямъ, внесите въ это торгашеское хвастовство разнообразіе, присоединивъ сюда же нѣсколько плановъ общественныхъ работъ и учрежденій — и вы получите то, что янки назвалъ всемірнымъ базаромъ. Бѣлый Городъ—это выставка торгашей, это хвастовство конкуррентовъ другъ передъ другомъ, и какъ слѣдствіе этого — арена бѣшеныхъ скачекъ и, наконецъ, балъ, гдѣ всякій, обнажая свои прелести, готовъ даже отбросить фиговый листъ. Тайныя прелести—это вовсе не прелести, ибо ихъ

нельзя обратить въ деньги. Развѣ балъ есть отчетъ совѣсти? Самое большее — это самохвальство, выставленіе на показъ обманчивой роскоши. Въ вихрѣ танца проносятся передъ вами элегантныя платья, но остерегайтесь судить о будничной жизни по праздничному виду. Подъ роскошнымъ платьемъ скрывается, можетъ быть, изодранная рубашка.

Великій вздоръ!—такъ выразился одинъ шведъ о Бѣломъ Городѣ. Нѣтъ, дѣло не такъ ужъ плохо, хотя пріѣзжему изъ старой части свѣта, впервые очутившемуся въ круговоротѣ американской жизни, можетъ сначала такъ показаться. Выставка вовсе не вздорное дѣло, и изученіе ея можетъ замѣнить сухое штудированье книжекъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Остерегайтесь только одного: принимать ее за отчетъ по совѣсти.

19 іюля, Чикаго, «City».

Неизбѣжныя послѣдствія конкурренціи создали соотвѣтствующую этику. Недавно нѣкто исповѣдывался передо мною въ своихъ впечатлѣніяхъ, полученныхъ въ средѣ настоящей американской интеллигенціи — въ обществѣ врачей. Тамъ онъ узналъ одно ругательство, незнакомое намъ, дѣтямъ Стараго Свѣта. Въ Америкѣ сказать о комъ-нибудь, что онъ непрактиченъ — *unpractical*, значитъ оскорбить и обидѣть человѣка самымъ ужаснымъ образомъ. Только «практическій человѣкъ» въ глазахъ американца заслуживаетъ уваженія. При этомъ принимается въ разсчетъ не одно количество богатства. «Дѣльный человѣкъ» не тотъ, у кого столько-то и столько-то долларовъ—развѣ что онъ сколотилъ ихъ благодаря своей предусмотрительности,—а тотъ, чей характеръ можетъ служить ручательствомъ за то, что онъ сколотитъ значительный капиталъ. Соединенные Штаты все еще продолжаютъ быть такой страной, гдѣ каждый обладающій практическимъ смысломъ можетъ составить себѣ состояніе. Это этика не той плутократіи, которая уже опочила на лаврахъ и въ своемъ инертномъ состояніи паразита лишилась своихъ антропологическихъ способностей, а этика проворныхъ и предпріимчивыхъ торгашей.

Въ чемъ же выражается практичность? Приведу одинъ примѣръ изъ многихъ, быть можетъ, недостаточно еще яркій. Когда я познакомился съ госпожею Френчъ-Шельдонъ, то и не воображалъ, что меня представили такой знаменитости. Саженный хвостъ юбки указывалъ, что я имѣю дѣло скорѣе съ салонной знаменитостью, чѣмъ съ одной изъ самыхъ смѣлыхъ путешественницъ. Эта женщина имѣла смѣлость углубиться въ невѣдомые доселѣ уголки Восточной Африки во главѣ болѣе сотни негровъ и съумѣла

удержать свой отрядъ въ повиновеніи тамъ, гдѣ не одному путешественнику пришлось встрѣчать непрерывный мятежъ. Теперь г-жа Френчъ-Шельдонъ превращаетъ свои впечатлѣнія въ деньги— нѣтъ! я плохо выражаюсь: она пускаетъ въ ходъ свою практичность, можетъ быть, и не думая о финансовой сторонѣ, точно такъ же, какъ лѣсной пѣвецъ извлекаетъ изъ своего горла звуки, совсѣмъ не думая о самкѣ, хотя родъ его только для этой цѣли и надѣленъ способностью пѣть. Г-жа Френчъ-Шельдонъ разложила на выставкѣ безчисленное множество рекламъ о самой себѣ. Вотъ одна изъ нихъ: «г-жа Френчъ-Шельдонъ лично организовала караванъ, управляла и руководила имъ безъ помощи бѣлаго мужчины или бѣлой женщины, посѣтила больше двадцати султановъ и племенъ, изъ которыхъ до многихъ не доходила еще нога бѣлаго человѣка. Она рѣшилась изучить женщинъ и дѣтей, домашнюю жизнь, обычаи и формы быта африканскихъ племенъ... Тактика, какой держалась г-жа Френчъ - Шельдонъ, дала ей возможность составить единственныя въ своемъ родѣ и превосходнѣйшія коллекціи». Кромѣ того, наша путешественница дѣйствуетъ еще посредствомъ чтеній. Я слышалъ одно изъ нихъ. Стереоптическій аппаратъ отбрасывалъ на полотно картины, а героиня разсказывала о своихъ похожденіяхъ. Она показала на картѣ путь, которымъ шла, потомъ достала ружье, которое было при ней, знамя, которое она несла, представила самое себя на полотнѣ и подробно разсказала, изъ какого матеріала было сшито ея платье, чѣмъ была выложена оправа ея сабли—забыла она только прибавить, какой длины хвостъ тащился за ея юбкой. Въ Европѣ мы не имѣемъ понятія, до какихъ размѣровъ доходитъ подобная реклама — мы встрѣчаемся съ нею развѣ только въ дѣлѣ торговли.

Когда, нѣсколько дней спустя, я выразилъ одному американцу удивленіе по этому поводу, то онъ взглянулъ на меня, какъ на чудака. Во всемъ образѣ дѣйствій туристки онъ видѣлъ еще одно достоинство: она оказалась особой практической, способной при случаѣ составить себѣ состояніе.

20 іюля, Чикаго, «City».

Конгрессъ общественныхъ поселеній! Подъ вліяніемъ крайнихъ теченій воскресла изъ мертвыхъ карлейлевская идея «общественныхъ монастырей». Крайнія теченія стараются противопоставить одни классы другимъ, между тѣмъ какъ апостолы поселеній пытаются воздвигнуть мостъ примиренія и смягчить сознаніе обиды Богатыя личности, обыкновенно люди съ добрыми намѣреніями, селятся въ бѣдныхъ кварталахъ, основываютъ тамъ клубы про-

свѣщенія и развлеченій, стараются развить такимъ образомъ артистическій вкусъ, насадить идею коопераціи. Въ настоящую минуту передо мною происходитъ какъ разъ совѣщаніе съѣзда такого рода дѣятелей.

Но не содержаніе совѣщаній приковываетъ къ себѣ мое вниманіе. Я замѣчаю нѣкоторыя явленія, совершенно новыя для меня. На всѣхъ съѣздахъ, какіе пришлось мнѣ видѣть здѣсь, прекрасный полъ почти исключительно наполнялъ залы. Въ Америкѣ, какъ и среди нашего провинціальнаго населенія, женщины обладаютъ гораздо болѣе значительнымъ гуманитарнымъ образованіемъ, нежели ихъ отцы и мужья. Раздѣленіе труда сдѣлало свое дѣло. Мужчина занятъ гешефтомъ, въ сутолокѣ котораго онъ нравственно вырождается; женщина же избрала для себя благую часть — науку и искусство, общественную филантропію и гуманитарныя мечтанія.

И на сегодняшнемъ съѣздѣ мужчины, не составляющіе и десятой части собранія, сидятъ и слушаютъ выводы прекраснаго пола, который одинъ только и говоритъ съ трибуны. Этотъ съѣздъ отличается отъ другихъ тѣмъ, что лица женщинъ болѣе симпатичны, платье весьма просто и вмѣсто вѣтренности мотыльковъ господствуетъ серьезность. Когда въ Европѣ я въ первый разъ встрѣчаю женщину, слишкомъ живо интересующуюся подобными дѣлами, то въ большинствѣ случаевъ объясняю себѣ это ея исторіей. Пытаюсь отыскать ту-же подкладку и у американокъ, обсуждающихъ на моихъ глазахъ занимающее ихъ дѣло, и присматриваюсь къ лицамъ во всей залѣ. Полусѣдая старушка, лѣтъ шестидесяти слишкомъ, дышащая здоровьевъ и умомъ, съ спокойнымъ выраженіемъ лица, пожираетъ, можно сказать, каждое слово, исходящее съ трибуны. Нѣтъ, не исторія написана на ея физіономіи, а энергичная, альтруистическая натура, закаленная многолѣтнимъ потокомъ жизненнаго опыта. Рядомъ со мною сидитъ мать лѣтъ сорока съ маленькой дочуркой. Ни та, ни другая ничѣмъ не обнаруживаютъ ни малѣйшаго желанія выдѣлиться изъ среды другихъ. Ребенокъ одѣтъ чрезвычайно просто, и мать привела его сюда не для того, чтобы похвастаться этою живою куклой, а потому, что хотѣла присутствовать на дебатахъ и негдѣ было оставить ребенка. Лицо матери выражаетъ вниманіе, рука отъ поры до времени гладитъ по головкѣ дѣвочку, чтобы хоть чѣмъ-нибудь вознаградить ее за скуку, глаза устремлены на докладчицу. Небольшая группа—я хотѣлъ было сказать: радикальныхъ барышенъ, вполнѣ уже созрѣвшихъ для выхода замужъ, но чувствую всю неумѣстность и даже несправедливость подобнаго отзыва примѣнительно къ собравшейся публикѣ—небольшая группа

дѣвушекъ усѣлась рядомъ. Чистое, но скромное до небрежности платье, интеллигентныя личики. Уста усмѣхаются—вотъ они покрылись насмѣшливыми складками, но скоро снова возвращается на нихъ серьезное выраженіе. Онѣ пришли сюда не съ тѣмъ, чтобы на людей посмотрѣть и себя показать, не для того, чтобы какъ-нибудь убить время, котораго имъ некуда дѣвать, радуясь ничтожнѣйшему дѣлу, дающему имъ поводъ перебирать ногами по мостовой. То, о чемъ идетъ рѣчь на съѣздѣ, интересуетъ ихъ дѣйствительно, этотъ интересъ составляетъ часть ихъ жизни.

При обсужденіи, женщины главнымъ образомъ возвышаютъ голосъ. Слова простыя, безъ фейерверковъ фразеологіи, безъ театральныхъ эффектовъ, смѣлыя, прочувствованныя. Иногда заговариваютъ и мужчины, но мнѣ приходится нѣсколько стыдиться за своего брата. Обыкновенно они придираются къ какой-нибудь ничтожной мелочи въ рѣчахъ женщинъ и по этому поводу насмѣхаются надъ порывами сердца, высказанными въ докладѣ. Они не стараются направить женщинъ на истинный путь, а повидимому, стремятся уничтожить въ душѣ женщины гуманитарныя чувства. Мнѣ кажется, что американка, какъ гражданка своей страны, стóитъ больше, нежели ея товарищъ.

28 іюля, выставка, зданіе фруктовъ.

Передо мною своеобразное зрѣлище. Самыя рѣзкія краски сочетались другъ съ другомъ, но нѣтъ диссонанса въ этомъ хаосѣ краснаго цвѣта, ярко-желтаго, пурпура, лазури. Можетъ быть, это потому, что передо мною произведенія природы, а не рукъ человѣческихъ. Въ глубинѣ виднѣется памятникъ, выстроенный изъ лимоновъ и апельсиновъ Калифорніи, а съ другого конца тянутся столы, заставленные подобными же сооруженіями. Стѣны выставки, можно сказать, облѣплены грудами яблокъ, грушъ и другихъ плодовъ. Безпорядокъ и игра яркихъ цвѣтовъ. Къ впечатлѣніямъ глаза присоединяется дѣятельность и прочихъ органовъ чувствъ. При каждомъ малѣйшемъ дуновеніи вѣтра во фруктовомъ залѣ, мимо меня проносится цѣлая гамма запаховъ, дѣйствующихъ словно наркотики.

Можетъ быть, подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній висящая на стѣнѣ картина уже не кажется мнѣ просто сборищемъ разноцвѣтныхъ пятенъ, разбросанныхъ на полотнѣ, а превращается въ часть живой природы. Поверхность почвы принимаетъ видъ моря, застывшаго во время волненія. Повсюду высятся горные хребты. Рощи, расположенныя правильными четырехугольниками и прорѣзанныя правильными дорожками, тщательно содержимыми, шумятъ

правильными рядами деревьевъ, прижимая къ своему зеленому лону маленькіе, изящные домики лѣсничихъ. Но это не обыкновенные лѣса—это плантаціи фруктовыхъ деревьевъ. На картинѣ изображенъ одинъ изъ современныхъ хуторовъ садовъ, *Olden fruit farm*, занимающій около 3.000 акровъ земли въ штатѣ Миссури. Хижины, выглядывающія изъ глубины—это домики садовниковъ, которымъ владѣлецъ поручилъ надзоръ за отдѣльными участками этого своеобразнаго хутора. Между фруктовыми лѣсами пробѣгаетъ желѣзная дорога; станція расположилась напротивъ зданія, въ которомъ ловкія человѣческія руки придаютъ фруктамъ видъ, дѣлающій ихъ пригодными для торговли. Возбужденное воображеніе уносится все дальше и дальше, за горизонты, охваченные картиной. Вѣдь весь штатъ Миссури испещренъ такого рода рощами! У меня подъ рукою перечень фруктовыхъ хуторовъ въ графствѣ *Hawell*, нѣкоторые изъ нихъ покрываютъ пространство около 300 десятинъ, другіе — еще того болѣе. Въ штатѣ находится около 30.000 фермъ, исключительно занимающихся разведеніемъ фруктовъ. Земледѣлецъ пересталъ быть обыкновеннымъ крестьяниномъ, повѣряющимъ матери-землѣ только зерно различныхъ хлѣбовъ; онъ сдѣлался садовникомъ. Къ фруктовымъ рощамъ онъ приложилъ законъ плодосмѣна; у передовыхъ хозяевъ имѣется даже спеціальный инвентарь, который долженъ доставлять соотвѣтствующее удобреніе. Неужели дядюшка Самъ собирается зло насмѣяться надъ тѣми мудрыми, трезвыми головами, которыя издѣвались надъ бреднями Фурье, когда онъ предсказывалъ, что земля когда-то покроется фруктовыми лѣсами, а отдѣльныя мѣстности будутъ соперничать въ разведеніи одной какой-нибудь разновидности грушъ или яблонь? Огромная роща яблонь вида Ben-Dawis на Ольденской фермѣ довольно ясно указываетъ на то, что не слѣдуетъ отожествлять трезвости крота съ мудростью. О томъ же гласятъ еще другіе виды, находящіеся передо мною во фруктовомъ залѣ: фотографіи полей земляники, дающіе сборъ въ тысячи мѣръ, изображенія огромныхъ сушиленъ сливъ! Въ этихъ копіяхъ живой, но сознательно эксплуатируемой природы, проглядываетъ новая эпоха исторіи человѣчества.

Не спорю, что воображеніе мое сильно разыгралось при видѣ Ольденскихъ рощъ, но оно унеслось еще дальше, когда передо мною во-очію предстали планы калифорнійца! Эти горы апельсиновъ, персиковъ и лимоновъ, эти банки съ виноградомъ, винными ягодами, финиками—развѣ все это не свидѣтельствуетъ выразительно о томъ, что капиталистъ съ жадностью шакала, чующаго поживу, трудится тамъ надъ созданіемъ новаго Эдема? Плоды,

которые рутинная рука собирала въ теченіе десятковъ тысячъ лѣтъ въ захолустьяхъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга громадными пространствами, теперь собраны въ одно мѣсто и подвергнуты дрессировкѣ. Калифорнія — это постоянное отечество золотой горячки: нѣкогда золото добывалось тамъ изъ земныхъ нѣдръ, а нынче сгребается съ древесныхъ вѣтвей. Эта страна даетъ изумительыне урожаи. Съ трехлѣтнихъ плантацій получаются уже обильные сборы, вишневыя деревья выростаютъ до 60 футовъ. Нѣкоторыя сливы даютъ по 300 фунтовъ плодовъ, а есть и такіе экземпляры, съ которыхъ въ одинъ годъ сняли 1.102 фунта. Хуторъ въ долинѣ св. Іоахима, занимающій 300 десятинъ и образцово устроенный, далъ въ одинъ годъ около 3.000.000 фунтовъ этихъ плодовъ.

Страна мало-по-малу превращается въ огромный садъ. До сихъ поръ человѣкъ игралъ относительно природы роль хищника, срывавшаго съ поверхности земли лѣсной покровъ. Калифорніецъ старается возвратить землѣ этотъ покровъ, но вмѣсто дикаго фасона придаетъ ему фасонъ культурный, фруктовый. Гдѣ десять лѣтъ тому назадъ не было ни единаго деревца, тамъ тянутся теперь тысячи акровъ рощъ. Возникли цѣлыя графства, одѣтыя сливовыми рощами, другія—персиковыми, грушевыми, лимонными. Калифорнія щедро снабжаетъ посѣтителей выставки разными брошюрами, которыя имѣютъ цѣлью привлечь туда переселенцевъ. Вездѣ она обращаетъ особенное вниманіе исключительно на садоводство, словно хочетъ обратить все свое пространство въ одинъ огромный фруктовый рай. Головы ея гражданъ носятся съ честолюбивой идеей о томъ, чтобы при международномъ распредѣленіи производства Калифорніи присуждена была роль сада, подобно тому, какъ горамъ Швейцаріи и равнинамъ Голландіи выпало на долю производство сыра.

Развитіе садоводства влечетъ за собою дальнѣйшія послѣдствія. «Возникла въ высокой степени передовая организація въ области производства, — читаемъ мы въ одной статьѣ о Калифорніи, — и вызваны къ жизни въ большомъ и постоянно возрастающемъ масштабѣ машины, дающія возможность достигнуть значительнаго сбереженія человѣческаго труда. Мы можемъ доказать, что стоимость производства одного фунта плодовъ падаетъ съ каждымъ годомъ. Трудно даже опредѣлить, какіе малые размѣры способна принять при благопріятныхъ обстоятельствахъ эта стоимость въ рукахъ интеллигентнаго американца, понимающаго свои интересы. Фермеры наживаются, не смотря на столь низкія цѣны, которыя лѣтъ десять тому назадъ, по всей вѣроятности, привели бы ихъ къ

полному банкротству. Есть граница, за которую не можетъ переступить дешевизна плодовъ, но до нея еще далеко». Все, что имѣетъ хоть какое-нибудь отношеніе къ садоводству, было вовлечено въ круговоротъ технической революціи. Способъ посадки и надзора за плантаціями, наблюденіе за плодами на деревѣ, сборъ, упаковка и транспортъ, приготовленіе консервовъ, сохраненіе фруктовъ, во всемъ черезъ болото рутины пробѣгаетъ стремительный потокъ прогресса и очищаетъ его отъ шаблоновъ прошлаго. Вдоль плантацій размѣщены насосы, которые освѣжаютъ фруктовые лѣса искусственнымъ дождемъ изъ спеціально для того приготовленной жидкости, сь цѣлью уничтоженія микробовъ; или же виднѣются чехлы, которыми покрываютъ подозрительное деревцо и на нѣкоторое время погружаютъ его въ атмосферу надлежащаго газа. Бываютъ дни, когда на протяженіи нѣсколькихъ миль ѣстъ глаза запахъ химическихъ препаратовъ, имѣющихъ въ виду уничтоженіе паразитовъ.

То, что у насъ относится еще къ сферѣ дѣятельности хозяйки дома, тамъ сдѣлалось уже фабричнымъ производствомъ. Среди рощъ тамъ и сямъ виднѣются закоптѣлыя трубы, высоко поднимающіяся надъ плантаціями и перерабатывающія плоды въ консервы и варенья. Въ небольшомъ павильонѣ одной фирмы висятъ фотографіи; на одной изъ нихъ изображены детали транспорта. Поѣздъ, состоящій изъ 25-ти товарныхъ вагоновъ, вывозитъ консервы и другіе продукты, а подъ фотографіей—приписка, сдѣланная фирмой: «Зрѣлище, еще невиданное въ исторіи».

Но если одному хочется смѣяться, другому приходится подчасъ плакать. Что станетъ дѣлать сицилійскій крестьянинъ, когда Калифорнія будетъ выбрасывать на всемірной рынокъ массы своихъ плодовъ? Не пробьетъ ли тогда на часахъ исторіи послѣдній часъ, часъ нищеты и тьмы, для юга, и безъ того уже бѣднаго и темнаго? И вотъ залъ плодовъ является намъ въ совершенно иномъ свѣтѣ. Америка воздвигаетъ баттареи противъ старушки Европы и, заранѣе увѣренная въ побѣдѣ, пригласила къ себѣ свои жертвы лишь для того, чтобы онѣ присмотрѣлись къ предстоящимъ смертельнымъ ударамъ... (*Позднѣйшая приписка.* Пророчество наше оказалось невѣрнымъ, ибо моментъ этотъ уже наступилъ, а не наступитъ въ отдаленномъ будущемъ. Сицилійское возстаніе, вспыхнувшее къ концу 1893 года, было результатомъ нищеты, въ какую впалъ прекрасный островъ въ послѣдніе годы вслѣдствіе пониженія цѣнъ на фрукты. А это пониженіе цѣнъ вызвано было тѣмъ, что фрукты Сициліи вытѣснены были съ американскихъ рынковъ).

Не только Калифорнія, но Колорадо и Орегонъ также меч-

тають о превращеніи своихъ пространствъ въ фруктовые лѣса. Мы стоимъ среди орегонскихъ сборовъ. Рядами тянутся громкія надписи, напыщенныя рекламы, весьма характерныя. «Въ Орегонѣ можно разбогатѣть при помощи садоводства». Какъ видите, тутъ ударяютъ по самымъ чувствительнымъ струнамъ современной человѣческой души, играютъ на слабости къ зашибанію деньги... «Орегонъ—это фруктовый рай!» «Родина красной яблони». «Излюбленное мѣстопребываніе сливы», «Орегонскія груши вѣсятъ по три фунта». «Персики имѣютъ по 17-ти, а вишня по 3$^3/_4$ дюйма въ окружности». Въ этихъ надписяхъ проглядываетъ чудовище рекламы. Но когда дѣло идетъ о постоянныхъ и вѣрныхъ барышахъ, американецъ всегда помнитъ, что всякія шутки имѣютъ границы, и что нѣтъ ничего хуже, чѣмъ перейти мѣру. Въ его хвастовствѣ всегда скрыто зерно истины! Внизу подъ надписями замѣчаю плоды чудовищныхъ размѣровъ. Возможно, что это исключенія, но что нынче является въ помологической индустріи «бѣлымъ ворономъ», то завтра можетъ сдѣлаться обычнымъ явленіемъ. Въ этой сферѣ съ большимъ успѣхомъ разводится «аристократія», а органическая «чернь» падаетъ въ пропасть ничтожества.

Развѣ эти рекламы Орегона и Калифорніи не предвѣщаютъ намъ новой фазы въ исторіи человѣческихъ поселеній? Человѣкъ населялъ земной шаръ, руководясь самыми разнообразными принципами. Повсюду вносилъ онъ пожары и рѣзню въ среду двуногихъ млекопитающихъ; велъ бродячую жизнь, гоняя передъ собою стада и разыскивая пастбища; корчевалъ лѣсныя дебри и повѣрялъ зерно нови, въ надеждѣ, что труды его увѣнчаются обильной жатвой. Но лишь въ современную эпоху началъ онъ колонизовать землю съ цѣлью фруктоваго фермерства. Вмѣсто мѣшковъ съ пшеницей—цѣлыя горы плодовъ, вмѣсто усовершенствованныхъ косъ—ножи садовниковъ, вмѣсто пшеничныхъ полей—рощи, вотъ какой видъ имѣетъ современная колонизація на берегахъ Тихаго океана!

Въ садоводство врывается революція, и революціонерами являются американцы. Европейскій садовникъ развелъ у себя нѣсколько видовъ «благородныхъ фруктовъ», но дальше не пошелъ. Рынки расплодились по сосѣдству съ садами и, благодаря этому, всякій техническій прогрессъ въ дѣлѣ перевоза сдѣлался излишнимъ. Изъ самой жизни не вытекало потребности въ магазинахъ для храненія плодовъ. Не хватало предпріимчивости. Между тѣмъ, по ту сторону Атлантическаго океана магазины для храненія плодовъ сдѣлались самымъ заурядныиъ явленіемъ, фермеры-садоводы поговариваютъ о томъ, какъ бы устроить нѣчто вродѣ элеваторовъ—разумѣется, не для зерна, а для фруктовъ! Въ залѣ яблоки

снабжены надписью: «свѣжіе». Вотъ до чего ужъ дошло дѣло! Ибо тутъ же, рядомъ, разложены горы плодовъ, сохраненныхъ съ 1891 и даже съ 1890 годовъ и имѣющихъ совершенно такой же видъ.

Нашъ садовникъ — рутинеръ до мозга костей. Голова его набита различными предразсудками. Онъ вообразилъ себѣ, что благородно лишь то, что принято считать благороднымъ съ незапамятныхъ временъ. Онъ забылъ, что самыя чудесныя груши произошли отъ обыкновенной груши въ дикомъ состояніи. Иными глазами глядитъ на природу американскій выскочка, свидѣтель того, какъ сенаторскаго достоинства домогается какой-нибудь силезскій мужикъ, не смотря на то, что онъ переселенецъ. Для американца «голь» есть растворъ, изъ котораго могутъ осѣсть превосходнѣйшіе кристаллы. А потому на экспериментальныхъ станціяхъ онъ заботливо разводитъ клюкву, ежевику, лещинные орѣхи. Даже жалкая черника очутилась на выставкѣ, во фруктовомъ залѣ. Сильно сомнѣваюсь, чтобы эта мужицкая ягода удостоилась подобнаго вниманія въ кастовой Европѣ. Брр! Плантаціи черныхъ ягодъ!—обидѣлся бы каждый уважающій себя садовникъ аристократической Европы. Онъ разводитъ только господскіе фрукты, мужицкіе же пусть растутъ дико!

Доведенный до одуренія пребываніемъ въ залѣ фруктовъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, выхожу съ шумомъ въ головѣ. Просматриваю свои замѣтки надъ озеромъ. Можетъ быть, воображеніе мое, возбужденное запахомъ плодовъ, занесло меня слишкомъ далеко? Нѣтъ, и теперь, отрезвившись, не могу указать ни на одно свое заблужденіе; напротивъ, я чувствую, что если бы я былъ столь же трезвъ, какъ приличный и разсудительный филистеръ, то, пожалуй, не могъ бы такъ явственно схватить тенденцію. Разумѣется, это доводъ не въ пользу наркотическихъ средствъ, а лишь противъ... устричной осторожности.

5 августа, залъ земледѣлія на выставкѣ.

Дѣлаю попытку разгадать человѣческую логику!

Передо мною возвышается нѣчто вродѣ башенки, снаружи къ ней прилажена лѣсенка. Это деревянный покровъ, скрывающій подъ собою наготу пресловутаго Джумбо (Jumbo), о которомъ я слышалъ еще во время переѣзда черезъ океанъ. Джумбо — это круглый сыръ, имѣющій шесть футовъ въ вышину и 28 футовъ въ окружности. Канадское правительство прислало его на отдѣльномъ поѣздѣ и выставило въ залѣ земледѣлія. Множество объявленій превозносятъ этого великана: одна надпись гласитъ, что на

этотъ сыръ израсходованъ дневной удой болѣе десяти тысячъ коровъ, другая—что Джумбо вѣситъ 22 тысячи фунтовъ, третья... но лучше ужъ прекратимъ этотъ перечень необыкновенныхъ его качествъ.

Вотъ поистинѣ удивительный вкусъ, вкусъ настоящихъ денежныхъ тузовъ!—думаю я. Но скоро убѣждаюсь, что канадскія власти лучше моего понимаютъ человѣческую натуру. Одинъ фермеръ изъ Индіаны самъ вступаетъ въ разговоръ со мною. Душа его полна экстаза, и онъ жаждетъ излить передъ кѣмъ-нибудь свой восторгъ. Какой прекрасный, какой великолѣпный сыръ! — вотъ около чего вертится, главнымъ образомъ, нашъ разговоръ, который фермеръ заканчиваетъ совершенно неожиданнымъ выводомъ: лучше продать ферму въ Индіанѣ и переселиться въ Канаду!

— Развѣ фермерамъ ужъ такъ хорошо живется въ Канадѣ?— спрашиваю я.

— Разумѣется!

И мой собесѣдникъ указываетъ мнѣ на сыръ.

Доводъ поистинѣ неопровержимый!

Очевидно, есть на свѣтѣ различныя логики, и, между прочимъ, и такая, на которую оказываетъ свое дѣйствіе Джумбо... Канадское правительство хорошо знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и изучило эту логику. Оно со всѣхъ сторонъ увѣшало сыръ отзывами колоній и щедро снабжаетъ этими отзывами посѣтителей. Сыровъ ежегодно вывозится на гораздо бо́льшую сумму, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ; въ предѣлахъ Канады находится до полутора тысячъ заводовъ для изготовленія сыра и масла; правительство, насколько возможно, поддерживаетъ ихъ, устраивая экспериментальныя станціи, заводя кочующія школы молочнаго производства, свободной же земли для колонистовъ вполнѣ достаточно... А если вы изволите сомнѣваться въ томъ, что все это правда, то потрудитесь взглянуть на этотъ выразительный доводъ, на сыръ величиною съ мамонта! Мы уже видѣли, какъ онъ повліялъ на логику одного человѣка... И не однѣ канадскія власти пользуются этою человѣческою слабостью. Одна лондонская фирма, торгующая въ большихъ размѣрахъ съѣстными припасами, давно уже пріобрѣла этого великана. Послѣ закрытія выставки она будетъ возить его по Англіи, какъ доказательство обширности своего дѣла.

И развѣ подобные доводы кажутся убѣдительными однимъ только простодушнымъ людямъ? Вы можете въ короткихъ статейкахъ обнаружить много знанія и проницательности, но лишь тогда добьетесь признанія въ мірѣ кабинетной моли и кротовъ науки, когда произведете на свѣтъ мамонта, хотя бы и лишеннаго сколько-

нибудь дѣльнаго смысла и содержанія. Въ прошломъ году я познакомился заграницей съ однимъ юношей, преисполненнымъ гражданскихъ добродѣтелей, ибо голова его отличается изумительной трезвостью, сердце — практичностью, уста источаютъ ангельскую сладость. Онъ стремится пріобрѣсти лавры доктора—вѣдь передъ моимъ отъѣздомъ заграницу кто-то предоставилъ лишь патентованной докторской учености право разсуждать въ Варшавѣ объ общественныхъ дѣлахъ, потомъ мечтаетъ объ университетской каѳедрѣ, а въ настоящее время силится произвести на свѣтъ... большой сыръ. Первый томъ уже вышелъ изъ печати: въ немъ 40 листовъ цитатъ съ незначительной прибавкой текста. Теперь авторъ потѣетъ надъ вторымъ томомъ. Всю премудрость, которую онъ размазалъ на столькихъ листахъ, можно было бы уложить въ одинъ. Но что же дѣлать! Произведя на свѣтъ брошюру, онъ остался бы ничѣмъ, а написавъ большую книгу, онъ самъ отъ этого выростетъ...

Практическій результатъ моихъ размышленій надъ канадскимъ сыромъ: кто желаетъ снискать славу, пусть держится такого правила—печатаетъ одни только Джумбо! Дѣло нетрудное: чтобы книжка вышла, по возможности, толще, слѣдуетъ собрать воедино всѣ свои произведенія, хотя бы одно изъ нихъ шло въ лѣсъ, другое—по дрова; затѣмъ книгу слѣдуетъ отпечатать на возможно лучшей бумагѣ—отъ этого толщина ея выиграетъ. Можно еще посовѣтовать придать содержанію видъ глубокой учености: предпослать краткій очеркъ въ качествѣ введенія, изложить основныя положенія, потомъ обосновать ихъ на фактахъ, наконецъ, указать на методъ—и тотъ, думается намъ, у кого хорошая голова на плечахъ, съумѣетъ найти надлежащее заглавіе. За успѣхъ ручаемся.

6 августа, Чикаго, «Stock yards» (бойни и мясные склады).

Мы словно среди сущаго ада. Заборы и ограды перекрещиваются, образуя настоящій лабиринтъ улицъ, переулковъ и дворовъ, въ нихъ оглушительно рычитъ скотъ, порой онъ яростно бьется о хрупкую съ виду, но на самомъ дѣлѣ весьма прочную рѣшетку своихъ клѣтокъ, «cowboy'и» (погонщики) носятся верхами, но безъ сѣделъ, въ различныхъ направленіяхъ по переулкамъ и переговариваются между собою помощью свистковъ, другіе съ ругательствами на устахъ возятся среди стада и укрощаютъ дикіе выходки скота. Берлинскій *Viehhof* (скотопригонный дворъ)—салонъ по сравненію съ тѣмъ зрѣлищемъ, какое теперь передъ нами. Здѣсь не хватаетъ не одной только берлинской тишины и чистоты. Биржа скота состоитъ изъ разбросанныхъ въ полномъ

безпорядкѣ зданій, среди которыхъ трудно найтись человѣку непривычному, изъ зданій, лишенныхъ всякой симметріи, всякихъ украшеній. И здѣсь американскій капиталистъ, какъ всегда, обходится безъ блеска. Онъ держится того мнѣнія, что большіе проценты—это альфа и омега всего на свѣтѣ, и что лучше получать большіе барыши въ простой конторѣ, чѣмъ выручать мало въ великолѣпномъ зданіи. Поэтому заборы и постройки еле держатся, дерево во многихъ мѣстахъ подгнило; когда же оно явно начинаетъ отказываться служить и грозитъ рухнуть, то является на выручку починка, которая на нѣкоторое время скрѣпляетъ разваливающіяся части.

Пыль невѣроятная. Хотя дождя ужъ давно не было, но подъ ногами грязь. А что же творится тогда, когда ненастье повиснетъ надъ торжищемъ?!

Я брожу по длинному помосту, который трещитъ и колеблется при всякомъ порывѣ вѣтра. Внизу, подо мною, расположено огромное количество клѣтокъ, разнообразно соединенныхъ между собою воротами; между клѣтками—слѣпые переулки, чтобы черезъ нихъ вгонять скотъ. Бываютъ дни, когда утромъ на торжищѣ накопляется до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рогатаго скота. Телефонныя и телеграфныя проволоки въ иныхъ мѣстахъ образуютъ настоящую сѣтку. Наверху торжище пересѣкается во всѣхъ направленіяхъ огромными галлереями. Онѣ служатъ для того, чтобы безпрепятственно загонять скотъ на бойню, такъ какъ внизу царитъ вѣчное движеніе. Вездѣ высятся будки, извѣстныя подъ названіемъ *fair banks*; это громадные вѣсы, которые сразу отвѣшиваютъ до ста тысячъ фунтовъ живого мяса. Въ эту минуту приводится въ дѣйствіе одна изъ такихъ будокъ. *Cowboy* загоняетъ въ нее стадо рогатаго скота и, когда пространство ея заполнилось, ворота съ трескомъ захлопываются и вѣсы показываютъ величину стада въ фунтахъ. Мясники-милліонеры покупаютъ скотъ цѣлыми стадами, а не поштучно.

Съ помоста мнѣ видна лишь незначительная часть торжища, не болѣе десятой его части! *Stock-yards*, вмѣстѣ съ сосѣдними поселеніями мясниковъ, представляетъ изъ себя какъ бы огромный желудокъ, который выдвинулъ множество глотокъ къ западу и къ юго-западу. Холмистыя и лѣсистыя окрестности Монтаны и Невады, плоскогорія Аризоны и Техаса, роскошная долина Миссиссипи,—всѣ эти мѣстности, лежащія на разстояніи полуторы и двухъ тысячъ верстъ, ежедневно десятками тысячъ головъ высылаютъ въ Чикаго самыя разнообразныя стада. Рынокъ вмѣ-

*

щаетъ 300 тысячъ крупнаго рогатаго и мелкаго скота одновременно—это уже можетъ дать понятіе о размѣрахъ торжища и о его прожорливости. Это желудокъ громаднаго торговаго организма. Загнанный скотъ превращается въ ветчину, въ консервы, въ цѣлыя горы свѣжаго мяса, и въ такомъ видѣ отсылается на востокъ, въ города на Атлантическомъ океанѣ, даже переправляется черезъ океанъ и регулярнымъ потокомъ выливается на рынки Англіи. Свѣжее мясо, прибывающее изъ Чикаго, изъ-за тысячи верстъ, уничтожило мѣстную дѣятельность мясниковъ и создало новую заботу: если въ одинъ прекрасный день, вслѣдствіе какихъ-нибудь случайныхъ препятствій, прекратится привозъ мяса, то голодъ можетъ постигнуть цѣлую мѣстность. О возможности этой ясно и выразительно свидѣтельствуетъ описаніе заведенія Армура, которое намъ дали на память въ конторѣ. Эта фирма старается отвратить подобную опасность тѣмъ, что учреждаетъ склады мяса въ различныхъ городахъ!

Каждый Божій день, рано утромъ, сотни вагоновъ съ западной стороны подъѣзжаютъ къ рынку, привозя живое мясо и обозначая путь свой складами корма для скота; а вечеромъ сотни другихъ вагоновъ отъѣзжаютъ по направленію къ востоку, увозя цѣлыя горы свѣжаго мяса и встрѣчая на пути своемъ, вмѣсто складовъ корма, цѣлыя фабрики льду. Чикаго составляетъ центръ обоихъ этихъ движеній и гордится тѣмъ, что онъ величайшій въ мірѣ городъ съѣстныхъ припасовъ. Такъ было до сихъ поръ, но на далекомъ западѣ начинаютъ показываться конкурренты. Скотъ прибываетъ издалека. Но съ какой стати ему совершать этотъ путь? Не удобнѣе ли ему путешествовать уже въ видѣ готоваго продукта? И вотъ въ городѣ Канзасѣ, въ Омагѣ, начинаютъ возникать и разростаться такіе же желудки. Пока они еще не имѣютъ такого значенія, какъ Чикаго, но со временемъ, когда степи окончательно превратятся въ хлѣвъ улучшенной породы рогатаго скота, гдѣ будутъ содержаться десятки милліоновъ головъ скота, эти второстепенные очаги пріобрѣтутъ гораздо больше значенія, разумѣется, въ томъ лишь случаѣ, если среди самыхъ степей не выростутъ еще болѣе сильные конкурренты. Сосредоточить разведеніе пасущагося скота въ степяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, тамъ же сконцентрировать мясную промышленность и отправлять въ отдаленные уголки вмѣсто скота мясо—вотъ къ чему клонится теченіе современнаго экономическаго потока.

Съ юга дуетъ легкій вѣтеръ. Его слабаго напора уже достаточно для того, чтобы весь помостъ пришелъ въ колебаніе. А на крыльяхъ вѣтра долетаетъ и еще кое-что. Тамъ, къ югу отъ рынка, лежитъ

городъ мясниковъ, *packing town*, исключительно состоящій изъ скотобоень и фабрикъ, перерабатывающихъ мясные отбросы. О размѣрахъ населенія, живущаго мясною промышленностью прямо или косвенно, самое лучшее понятіе можетъ дать слѣдующій фактъ. Три года тому назадъ, двѣ наиболѣе крупныя фирмы взбунтовались противъ акціонерной компаніи, владѣющей рынкомъ, и задумали перенести свои заведенія за городъ. По тогдашнимъ разсчетамъ выходило, что новое поселеніе будетъ заключать въ себѣ 150 тысячъ населенія. Съ помоста видимъ ряды строеній. Надъ казармами мясной промышленности поднимаются цѣлыя облака дыма. Мы только-что вышли оттуда, осмотрѣвъ знаменитыя заведенія Армура и К°, которыя доставляютъ работу восьми тысячамъ людей и ввели въ мясную промышленность всевозможныя усовершенствованія въ видѣ машинъ-автоматовъ. Заведенія эти до такой степени привыкли къ гостямъ, что у нихъ есть спеціальная пріемная для посѣтителей, и когда въ ней наберется нѣсколько десятковъ человѣкъ, то проводникъ, только-что водившій кругомъ одну партію, тотчасъ же отправляется въ путь съ другою. Особыя возвышенія и галлереи даютъ зрителямъ возможность приглядѣться ко всей работѣ. Теперь, подъ дуновеніемъ южнаго вѣтра, возстаютъ въ умѣ моемъ картины, видѣнныя мною во время этого обхода. Вѣтеръ этотъ приноситъ съ собою всевозможные запахи, какими дышетъ *packing town*, и сочетаетъ ихъ между собою; запахъ коптиленъ и свѣжей крови, чадъ отъ пригорѣлой кожи и волосъ, вонь отъ всякой гнили и отъ навозныхъ кучъ—все это перемѣшивается соединяясь еще, сверхъ того, съ уличной пылью и съ сажей изъ трубъ. Среди этого потока самыхъ разнообразныхъ запаховъ среди свиста и ругательствъ *cowboy*'евъ, рычаніе скота, чующаго смерть или отчаянно мечущагося, скаканіе людей на коняхъ, дикіе возгласы: гопъ! гопъ!—все это получаетъ какой-то своеобразный характеръ. Съ меня довольно этого ада; но какъ не опротивѣетъ онъ *cowboy*'ямъ, которые такъ укрощаютъ скотъ, словно хотятъ привести разсвирѣпѣвшихъ животныхъ въ еще большую ярость! Даже проклятія въ устахъ ихъ дышатъ дикою радостью, раздувшіяся ноздри словно упиваются этими запахами... Рынокъ теряетъ въ глазахъ моихъ яркость своихъ красокъ, впечатлѣніе, производимое имъ, слабѣетъ, ибо выдвигается на первый планъ другой вопросъ—вопросъ о человѣческихъ существахъ, проводящихъ жизнь въ предѣлахъ этого рынка.

Что за люди живутъ въ этомъ мірѣ убійствъ и крови? Таковы же ли они, какъ и прочіе смертные? Отвѣтъ на эти вопросы даютъ намъ только-что видѣнныя нами картины. При входѣ на

бойню, мы видѣли человѣка, убивающаго кинжаломъ свиней. Рука его черезъ правильные промежутки времени падала на жертвы и поднималась съ окровавленнымъ кинжаломъ, а, вѣдь, въ теченіе дня онъ совершаетъ это, по крайней мѣрѣ, двѣ тысячи разъ. Что представляетъ изъ себя этотъ человѣкъ? Въ другомъ отдѣленіи, черезъ промежутки времени въ нѣсколько минутъ, десятки воловъ загоняются въ клѣтки, гдѣ ждетъ ихъ смерть. Палачи ждутъ на помостѣ и, ударяя воловъ молотами по головѣ, оглушаютъ ихъ; одна изъ стѣнъ раздвигается, животныхъ выбрасываютъ въ другое отдѣленіе, и тамъ они получаютъ отъ другихъ палачей новые, уже послѣдніе, удары. Я обратился въ бѣгство. Можно ли считать равнодушіе этихъ людей исключительно результатомъ привычки? Не стекаются-ли на это торжище, на эти бойни люди, отъ природы надѣленные кровожадностью? «Намъ все равно, кого бы ни рѣзать, пановъ или скотовъ»,—такъ поетъ у Красинскаго хоръ мясниковъ. Не кажется ли работа мясника особенно привлекательной этимъ палачамъ, съ утра до вечера наблюдающимъ конвульсіи животныхъ, постоянно вдыхающимъ запахъ крови, не обнаруживается ли въ этомъ дѣлѣ ихъ ужасная природная склонность? Достаточно осмотрѣться кругомъ, чтобы замѣтить лица, на которыхъ написано, что обладатели ихъ чувствуютъ себя здѣсь, какъ въ раю. Нашъ *cicerone* (проводникъ) подтверждаетъ это, раскрывая передъ нами тайны торжища. Онъ разсказываетъ о томъ, что атмосфера крови чрезвычайно полезна для нѣкоторыхъ обитателей города мясниковъ, что они страшно толстѣютъ и впадаютъ въ тоску, когда приходится разстаться на долгое время съ этимъ міромъ убійствъ! Мнѣ думается, что здѣсь слѣдовало бы поселиться наблюдательному антропологу-психологу—онъ съ успѣхомъ могъ бы, на основаніи подмѣченныхъ проявленій, составить цѣнный трудъ. Эти *cowboy*'и, со свистомъ носящіеся среди воловъ, эти ожирѣвшіе палачи, убивающіе тысячи живыхъ существъ, или ежедневно оглушающіе молотами сотни воловъ—какое богатое собраніе профессіональныхъ типовъ! И не только люди, но и животныя несутъ на себѣ Каинову печать извращенія чувствъ. Примѣръ этого несомнѣнно являетъ собою «Старый Билли» (прозвище быка). О животныхъ вообще разсказываютъ, что они инстинктивно угадываютъ то мѣсто, гдѣ былъ умерщвленъ ихъ товарищъ. Обязанность же быка Билли состоитъ въ томъ, чтобы заглушать этотъ инстинктъ въ своихъ четвероногихъ собратьяхъ и провести ихъ къ мѣсту смерти. Когда въ предсмертную клѣтку требуется вогнать новое стадо жертвъ, то Билли выступаетъ впереди, успокаиваетъ товарищей своимъ рычаніемъ, а у воротъ ловко отхо-

дитъ въ сторону, чтобы затѣмъ снова продолжать свое дѣло измѣны и обмана. *Business* пользуется всѣми извращенными инстинктами, и люди, занимающіеся имъ, даже сами усваиваютъ многія черты окружающей среды.

Запахъ свѣжей крови, чудовища-люди и чудовища-животныя, тысячи головъ рычащаго скота, пыль, чадъ, вонь—вотъ послѣднія впечатлѣнія, какія я выношу съ рынка. Въ теченіе получаса, трамвай везетъ меня по пыли, а мѣстами и по грязи, и всякое дуновеніе вѣтра съ торжища приноситъ съ собою самые разнообразные запахи, по цѣлымъ недѣлямъ висятъ они иногда надъ кварталомъ, заселеннымъ поляками и литовцами, изъ которыхъ и набираются, главнымъ образомъ, мясники. Американецъ презираетъ это ремесло и предоставляетъ его переселенцамъ, которые идутъ на все ради заработка.

8 августа, Чикаго, выставка.

Я начинаю понемногу знакомиться съ американской педагогикой. Поскольку она касается низшаго элементарнаго образованія, заморскіе обычаи приводятъ меня въ восхищеніе.

Чтеніе о Норвегіи въ *Убѣжищѣ для дѣтей*. Лекція сводится къ искусному подбору картинъ, отражаемыхъ на полотнѣ стереоптическимъ приборомъ. Лекторъ началъ съ Гольфстрема и объяснилъ, какое значеніе имѣетъ это теченіе для сѣверо-западной Европы. Онъ показалъ пейзажи съ норвежскими виллами, указалъ на обиліе тамошней растительности и цвѣтовъ. И всѣ эти чудеса совершилъ климатъ, смягченный близостью морского теченія! Потомъ лекторъ описалъ поверхность Норвегіи, остановился на фіордахъ, разсказалъ о значеніи рыболовства и мореходства для населенія. На полотнѣ появились виды фіордовъ, горные ландшафты, виды водопадовъ, мостовъ, дорогъ и деревень. Далѣе мы увидѣли лѣтнюю флору и зимній пейзажъ на дальнемъ сѣверѣ, увидѣли острова, водовороты и подводныя скалы, опасности мореплаванія, нѣкоторыя особенности освѣщенія и свѣтовые эффекты въ разныя времена года. Человѣкъ принужденъ былъ отыскивать себѣ пропитаніе въ морѣ, и вѣроломная стихія закаляла его отвагу. Намъ показали устройство челновъ древнихъ викинговъ, причемъ мы выслушали разсказъ объ ихъ морскихъ набѣгахъ; затѣмъ полотно отразило виды современныхъ утлыхъ корабликовъ, выѣзжающихъ на рыбную ловлю.

Такая лекція можетъ быть одинаково поучительна какъ для восьмилѣтняго ребенка, такъ и для старика. Я съ удовольствіемъ прослушалъ цѣлый часъ. Такой методъ начинаетъ практиковаться

во всѣхъ городахъ, и имѣются цѣлыя фирмы, спеціально занятыя изготовленіемъ альбомовъ съ рисунками для педагогическихъ цѣлей.

9 августа, Чикаго, выставка.

Ужъ три часа сижу въ педагогическомъ отдѣлѣ выставки, въ павильонѣ города Канзаса, и не могу его покинуть. Перелистываю толстыя тетради со школьными упражненіями восьмилѣтнихъ и девятилѣтнихъ дѣтей. Говорятъ—и говорятъ вполнѣ справедливо, что высшее образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ находится на весьма низкомъ уровнѣ. Противъ этого не спорю. Но зато эта обширная республика можетъ гордиться тѣмъ, что обладаетъ коечѣмъ гораздо болѣе важнымъ для каждой страны, а именно: пышнымъ расцвѣтомъ элементарнаго школьнаго дѣла. Нѣтъ тамъ высокихъ вершинъ, величественно вздымающихся вверхъ и приковывающихъ къ себѣ взоры, но нѣтъ также и скрытыхъ внизу ужасныхъ ямъ, зіяющихъ угрюмымъ мракомъ, котораго не разсѣевали и не ослабляли лучи солнца, облекающаго въ такія роскошныя краски вершины, торчащія подъ небесами. Методы элементарнаго школьнаго обученія поистинѣ могутъ считаться образцовыми. Наша старушка Европа могла бы многому поучиться въ этомъ отношеніи у своей дочери, находящейся за моремъ. Тамъ въ преподаваніи полновластно царитъ наглядность. Въ этомъ мы убѣждаемся изъ каждой страницы школьныхъ тетрадей. Мальчикъ, напр., долженъ разрѣшить математическую задачу: прибавить къ тремъ яблокамъ два. Отвѣтъ распадается на двѣ части: одна на рисункѣ наглядно изображаетъ результатъ сложенія, другая перелагаетъ первую на языкъ цыфръ и математическихъ выраженій. Тетради ариѳметическихъ упражненій похожи на тетради рисованія. Или возьмемъ упражненія въ изложеніи. Учитель предлагаетъ тему: онъ изображаетъ на доскѣ шаръ, объясняетъ, каковъ внѣшній видъ его, а затѣмъ предлагаетъ подобрать и описать предметы, сходные съ этимъ геометрическимъ тѣломъ. Каждый мальчикъ и каждая дѣвочка (мы имѣемъ дѣло съ дѣтьми отъ семи до десятилѣтняго возраста) рисуетъ у себя въ тетради шаръ и словами даетъ ему опредѣленіе; тетради показываютъ что при этомъ ребенокъ повторяетъ выраженія учителя; потомъ подыскиваетъ предметы, напоминающіе по формѣ шаръ, напр., яблоки, вишни, горохъ и опять-таки рисуетъ ихъ. Иной разъ ученикъ говоритъ еще о воробушкахъ, алчно зарящихся на спѣлыя вишни—и тогда на рисункѣ появляются воробьи; другой ученикъ останавливается на яблокахъ, разсказываетъ о нихъ, что̀ ему

извѣстно, и нѣсколькими рисунками придаетъ разсказу наглядность. Учитель бросилъ лишь руководящую мысль, остальное довершается дѣтскимъ воображеніемъ. Или обратимся къ преподаванію географіи. Изученіе начинается съ описанія гостинницы, потомъ дѣлается переходъ къ ближайшимъ улицамъ, оттуда къ окрестностямъ, которыя даютъ возможность познакомиться съ нѣкоторыми географическими терминами и дать опредѣленія рѣки, озера, острова. На ряду съ описаніями приводятся и рисунки, дѣти же вставляютъ сюда описаніе своей прогулки съ родителями по озеру, своей поѣздки по рѣкѣ. Географія переплетается съ ботаникой разводимыхъ растеній, съ зоологіей домашнихъ животныхъ. Ребенокъ изображаетъ пшеницу, приклеиваетъ къ страницѣ своей тетради листья, описываетъ способы обработки того или другого растенія. При упражненіяхъ въ стилистикѣ учитель пользуется геометріей, при ариѳметическихъ выкладкахъ обучаетъ бухгалтеріи. То, что̀ могло бы быть непонятнымъ, разъясняется рисунками. А грамматическій разборъ! Цѣлый часъ я копировалъ карандашомъ тѣ геометрическія схемы, помощью которыхъ американская школа дѣлаетъ построеніе предложенія нагляднымъ для дѣтей. Мнѣ думается, что заимствованіе этого метода и у насъ дало бы въ высшей степени желательные плоды.

На меня производитъ глубокое впечатлѣніе тотъ духъ, которымъ вѣетъ отъ этихъ пожелтѣвшихъ страницъ школьныхъ тетрадей. Здѣсь нѣтъ и слѣда того формализма, который укоренился въ европейской школѣ и который весьма неосновательно отожествляютъ съ точностью. Ребенокъ полновластный господинъ своей тетради и дѣлаетъ съ ней все, что ему угодно, лишь бы только онъ держался руководящей нити, указанной учителемъ. Заданную тему ученику разрѣшается разнообразить самыми разнородными рисунками—изображать людей, лошадей, наконецъ, даже мячи, если ему захочется. Ему позволяется нарисовать и каррикатуру, изобразить, напр., въ смѣшномъ видѣ самого учителя, къ рисунку прибавить острое словечко, но, конечно, ужъ не слишкомъ ядовитое.

Г. Г. Управы. 10 августа, Чикаго, выставка.

Прислуга появляется въ американскомъ домѣ только въ томъ случаѣ, когда доходы достигаютъ значительныхъ размѣровъ и соотвѣтствуютъ, примѣрно, нашимъ 3—4-мъ тысячамъ рублей въ годъ. Благодаря дешевизнѣ нашей прислуги, мы мало интересуемся успѣхами техники въ кухонномъ дѣлѣ. Вѣдь, всѣ труды и заботы сваливаются не на наши плечи. Поневолѣ иначе устраи-

вается въ этомъ отношеніи американка, которая должна обходиться въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ безъ прислуги. Поэтому, кухня въ Америкѣ совсѣмъ не похожа на нашу. Отопленіе дровами, какъ дѣло слишкомъ мѣшкотное, почти совершенно исчезло: вмѣсто этого, въ употребленіе вошли газъ или нефть. Печь имѣетъ видъ мебели, она вся металлическая и блеститъ какъ игрушка. Принадлежитъ она жильцу, который, при всякой перемѣнѣ квартиры, разбираетъ ее на части. Что касается различныхъ приспособленій, то жилища имѣютъ совершенно другой видъ, чѣмъ у насъ. Чикаго еще до сихъ поръ «дикій» городъ, а потому я и не буду выставлять его, какъ примѣръ условій американской домашней жизни. Далеко ушли въ этомъ отношеніи Бостонъ, Нью-Іоркъ и вообще весь американскій востокъ. По всей вѣроятности, мы еще вернемся къ этому предмету, когда снова очутимся въ тѣхъ мѣстахъ. Теперь же ограничимся указаніемъ на одно усовершенствованіе, чрезвычайно распространенное на Востокѣ.

Мы стоимъ на верхней галлереѣ зала электричества, рядомъ съ ресторахомъ. Вотъ большая жестяная печь, освѣщенная внутри электрическими лампочками; черезъ стеклянное окошко, вдѣланное въ нее, мы можемъ ясно видѣть, въ какомъ положеніи находится въ каждый данный моментъ положенное въ печь печенье или жаркое. Въ другомъ мѣстѣ на столикъ только-что поставили на металлическій кружокъ стаканъ холодной воды: теперь вода уже закипаетъ, такъ какъ пузырьки въ изобиліи выступаютъ на поверхность. А вотъ въ никкелевомъ сосудѣ кипитъ какао. На кухнѣ возится негръ въ бѣлой одеждѣ и относитъ приготовленныя блюда въ ресторанъ. Во всемъ хозяйствѣ не видать ни единой искорки, ни малѣйшаго слѣда огня, нѣтъ и жара, кромѣ развѣ того, который распространяется отъ разогрѣтой посуды, не чувствуется ни чада, ни дыма. Не видно ни одного полѣна, нѣтъ даже спичекъ: электрическій токъ не нуждается въ подобныхъ вспомогательныхъ средствахъ. Достаточно повернуть винтикъ въ ту или другую сторону—и кипѣніе воды останавливается. Такая кухня имѣетъ и другія преимущества. Электричество — постоянный источникъ тепла, неизмѣнно дѣйствующій сегодня такъ же, какъ и вчера. Въ нѣсколько дней хозяйка пріобрѣтаетъ опытность и узнаетъ, сколько времени требуется для изготовленія извѣстнаго блюда въ извѣстной посудинѣ. Она можетъ преспокойно сидѣть за двѣ или за три комнаты и тамъ управлять винтикомъ, регулирующимъ токъ: не дѣлая ни однаго шага, она можетъ и «погасить», и «развести» огонь. Она можетъ даже на извѣстное время отлучиться изъ дому: «огонь» не потухнетъ, пожара не произойдетъ, кушанья не пригорятъ.

11 августа, Чикаго, залъ промышленности.

Чудовищныхъ размѣровъ залъ искусства и промышленности въ своихъ верхнихъ галлереяхъ собралъ все, что сдѣлано въ Америкѣ для просвѣщенія. Зато внизу, среди лабиринта улицъ и переулковъ, павильончиковъ и маленькихъ дворцовъ, покрытыхъ общею крышей, преобладаютъ другіе элементы. Это арена, гдѣ расположилась выставка предметовъ роскоши, искушая своимъ великолѣпіемъ, даже своимъ запахомъ человѣческія чувства. Все, что только создано искусствомъ и изобрѣтательностью для того, чтобы скрасить праздность обезпеченной жизни, что техника сдѣлала для комфорта, возбуждающаго нервы, удовлетворяющаго всякимъ прихотямъ,—все это собрано въ этомъ чудовищѣ строительнаго искусства. Обыкновенный бѣднякъ найдетъ здѣсь не много предметовъ, которые годились бы для него; онъ узнаетъ только, какъ живетъ плутократія. Не могу похвалиться, чтобы вещи, выставленныя въ этомъ залѣ на показъ, были мнѣ хорошо знакомы; мнѣ чужды эти разноцвѣтныя тряпки, ковры, покрывающіе стѣны, эти груды стеклянныхъ и фарфоровыхъ издѣлій, но мнѣ кажется, что лишь очень небольшая горсть плутократовъ можетъ располагаться въ креслахъ, обтянутыхъ собольимъ мѣхомъ, ворочаться на вызолоченныхъ кроватяхъ, топтать выставленные ковры. Прогулка по залу искусства и промышленности въ высшей степени интересна. То, что въ будничномъ потокѣ жизни стыдливо скрывается во мракѣ частнаго жилища, о чемъ сѣрая толпа знаетъ лишь по наслышкѣ, все это здѣсь вышло изъ подъ покрова, расположилось на виду у всѣхъ, улыбается проходящимъ и волнуетъ ихъ страсти.

Широкимъ русломъ течетъ по залу человѣческій потокъ. Вдоль главной артеріи, отъ которой отходятъ меньшія вѣтви, порою бываетъ черно отъ человѣческихъ головъ — нѣтъ! поправимся и скажемъ—женскихъ. Онѣ облѣпили всѣ скамейки и стулья, прильнули лицами къ стекламъ выставки и горячатся, обсуждая качества той или другой вещи. Здѣсь беллетристъ могъ бы изучать психологію женской души, могъ бы видѣть, что волнуетъ ея страсти, какъ она восхищается, каково отношеніе идейной и нравственной стороны къ внутреннему кипѣнію страстей.

Я люблю отдыхать среди царящаго въ залѣ гула и приглядываться къ женскимъ лицамъ. Такъ и теперь сижу на скамейкѣ, окружающей колонну. Каждую минуту около меня садятся представительницы прекраснаго пола различныхъ возрастовъ. Подойдетъ группа пріятельницъ, усядется, горько жалуясь другъ другу на усталость. Но не проходитъ и двухъ минутъ, какъ усталость

исчезаетъ при видѣ выставки тряпокъ какой-то французской фирмы, передъ которой какъ разъ стоитъ скамейка,—и онѣ, разумѣется, мчатся осматривать эти чудеса. Усаживается другая группа, но минуту спустя и она убѣгаетъ по направленію къ той же витринѣ. И въ самомъ дѣлѣ, грѣшно было бы отдыхать...

У молодыхъ и у старыхъ, у всѣхъ душа одинаковая. Мефистофель прекрасно зналъ, что дѣлаетъ, совѣтуя Фаусту соблазнять Гретхенъ драгоцѣнными украшеніями. Замужнія женщины обыкновенно имѣютъ при себѣ раба—господина мужа. Порой садится на скамейку такого рода особа, жалуется на утомленіе и отправляетъ мужа за кресломъ. Хоть тѣло ужъ отказывается повиноваться, но душа еще жива, рвется и жаждетъ чего-то! Является мужъ съ подвижнымъ кресломъ и возитъ свою подругу отъ одной витрины къ другой. Его повелительница приказываетъ ему останавливаться то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, и хоть одними взорами упивается разложенными въ окнахъ шедеврами. А что творится тамъ, передъ выставкой французской фирмы, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня! Лица словно приросли къ стекламъ, глаза блестятъ и смотрятъ на сокровища тряпокъ, не въ силахъ будучи оторваться. У иныхъ даже румянецъ выступилъ на щекахъ; вотъ одна о чемъ-то разспрашиваетъ экспонента, должно быть, о цѣнѣ, и оживленно болтаетъ съ другой. Сопровождающій ее мужчина зѣваетъ отъ скуки, но волей-неволей терпѣливо несетъ бремя возложенныхъ на него обязанностей. Вонъ тому другому слушателю, по крайней мѣрѣ, платятъ за это! Онъ стоитъ въ голубой формѣ за кресломъ, а дама, сидящая на немъ, разсматриваетъ чудеса туалета и изливаетъ свои чувства передъ этимъ наемникомъ. А! вотъ онъ на время освободился! Подкатилось другое кресло съ дамой, и обѣ дамы вступили въ разговоръ другъ съ другомъ. Можетъ быть, онѣ совсѣмъ незнакомы и не узнаютъ другъ друга, встрѣтясь на улицѣ. Но наряды дѣлаютъ чрезвычайно общественною мало общественную природу Евы.

Всѣ эти картины наталкиваютъ мысль на вопросъ о роли «дамы», этого своеобразнаго вида женщины въ экономическомъ обиходѣ современной жизни. Оптимисты могутъ радостно воскликнуть, что все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Мужчина нервами своими добываетъ состояніе, а женщина расточаетъ плоды business'a! Въ самомъ дѣлѣ, если моралисты жалуются на вѣтреность жалкаго праха, какимъ считаютъ женщину, то мѣщанскіе экономисты, которые такъ усердно носятся съ большими и малыми пластырями на тяжкую долю человѣка,

живущаго физическимъ трудомъ, должны слагать въ честь женщины благодарственные гимны болѣе даже, нежели въ честь Румфорда и его супа, или нежели въ честь ссудо-сберегательныхъ учрежденій. Расточительная дщерь Евы спасаетъ своимъ мотовствомъ капиталистическій міръ, усиливая промышленность и давая массамъ большій заработокъ, чѣмъ какой пришелся бы на долю ихъ въ томъ случаѣ, если бы она поставила себѣ цѣлью сбереженіе... Мужчина безъ женщины не зналъ бы, что ему дѣлать съ доходомъ. Мужчинѣ извѣстенъ только одинъ способъ расточать деньги — игра, но при игрѣ деньги только переходятъ изъ однѣхъ рукъ въ другія и не оплодотворяютъ промышленности. Лишь съ того момента, когда въ это дѣло вмѣшивается женщина со своею способностью тратить, все принимаетъ совершенно иной видъ: зубки ея способны изгрызть милліоны, ручки съумѣютъ расшатать цѣлыя состоянія. Посмотримъ серьезно на ея не серьезныя дѣла, со всею серьезностью, подобающею господину Вихеркевичу *), когда онъ ломаетъ себѣ голову надъ составленіемъ удачнаго и дешеваго меню для несостоятельнаго кармана. Если бы дама не танцовала на благотворительныхъ вечерахъ и не нуждалась бы въ нарядахъ, кто далъ бы кусокъ хлѣба швеямъ? А кто сталъ бы покупать эти бездѣлушки, блестящія тамъ за окномъ? Мужчина — это грубое, неотесанное и скупое животное, никогда не сталъ бы онъ покупать всего этого. Капиталы нагромождались бы безъ всякой пользы Женщина же—это ферментъ, оживляющій ту силу, какою являются деньги, и которая безъ вмѣшательства женщины покорно прозябала бы въ бездѣятельности. Право, чудно какъ - то все устраивается на землѣ! Своенравная балерина, расточающая состоянія чадъ вырожденія и биржевыхъ игроковъ, прихотливая плутократка, мечущаяся подъ вліяніемъ непреодолимаго желанія все покупать и покупать, дама, предающаяся флирту,—все это спасительницы...

Зависть—это крупная общественная сила. Я какъ не надо лучше убѣдился въ этомъ, бродя по огромному зданію и прислушиваясь къ разговорамъ толкающихся тамъ десятковъ тысячъ людей. Сколько желчи и яду въ бросаемыхъ вскользь замѣчаніяхъ, сколько въ нихъ зависти! Простые фермеры, сидѣвшіе по своимъ угламъ и не имѣвшіе понятія о роскоши плутократіи, теперь, увидѣвъ передъ собою эти произведенія человѣческой изобрѣтательности, начинаютъ судить и рядить о разныхъ вещахъ. Теперь въ памяти ихъ возстаетъ эксплуатація со стороны желѣзныхъ дорогъ и бан-

*) Содержатель столовой въ Варшавѣ.

ковъ, а когда они вернутся на свои фермы, то каждое столкновеніе воскреситъ въ воображеніи ихъ видѣнные ими предметы роскоши и придастъ бо́льшую мощь и страстность ихъ ожесточенію. Выставка предметовъ роскоши хороша только для тѣхъ, кто живетъ роскошью и среди роскоши.

Для тѣхъ же, кто устраненъ съ этого пиршества,—это жгучій ядъ, это сѣятель, роняющій въ душу зерно общественной зависти.

11 августа, Чикаго, выставка.

Много есть непризванныхъ педагоговъ, нетерпѣливо толкающихъ передъ собою тачку, къ которой случай приковалъ ихъ руки. «Заведеніе» надоѣло имъ, имъ крайне непріятно, если кто-нибудь заговоритъ съ ними о вопросахъ воспитанія послѣ того, какъ они провели нѣсколько часовъ, запряженные въ своего рода утаптывающую машину. Вмѣсто отвѣта, они пробормочутъ что-то себѣ подъ носъ и, по возможности, стараются поскорѣе прекратить разговоръ.

Не знаю, слѣдуетъ ли приписать это случайности, но въ Старомъ Свѣтѣ я обыкновенно встрѣчаю только такихъ разочарованныхъ педагоговъ, между тѣмъ какъ въ Новомъ Свѣтѣ я наталкиваюсь на людей, которые рады говорить безъ конца, если только завести съ ними рѣчь о школьномъ дѣлѣ. Мелочи и подробности, въ какія они вдаются, теплое чувство, съ какимъ они все объясняютъ — все это звучитъ иначе, какъ-то милѣе, сердечнѣе. На галлереяхъ зала промышленности расположилась педагогическая выставка. Тамъ, въ качествѣ распорядителей, суетятся педагоги. Иной разъ это люди, занимающіе видное положеніе, но оно ничуть не заставило ихъ зазнаться, и всякому даютъ они объясненія равно сердечнымъ образомъ, даже тѣмъ молокососамъ, которымъ понравился какой-то рисунокъ въ выставленной тетрадкѣ и которые теперь надоѣдаютъ своими мелочными разспросами. Если кто-нибудь торопится и желаетъ получить лишь небольшое разъясненіе, то пусть будетъ остороженъ: разгорячившійся педагогъ радъ продержать его цѣлый часъ!

Въ Америкѣ рѣдко кто берется за педагогику ради *business*'а. Людишки тамъ въ высшей степени практичны и прекрасно знаютъ, что можно нажиться на салѣ, на перцѣ, на «медицинѣ», но никоимъ образомъ на педагогикѣ. За нее принимаются только тѣ, кто дѣйствительно отъ души полюбили это дѣло. Къ тому же, тамъ совершенно незнакомы съ тѣмъ, что́ у насъ называется переутомленіемъ. Я лично знакомъ въ Варшавѣ съ учительницами, которыя оказываются совершенно обезсилѣвшими къ концу рабочаго дня.

Развѣ при такомъ избыткѣ труда не могутъ исчезнуть самыя лучшія стремленія, а самая профессія сдѣлаться постылой? Но странное дѣло: именно у такихъ не въ мѣру заработавшихся женщинъ-педагоговъ приходилось мнѣ до сихъ поръ встрѣчать всего больше теплоты къ дѣтямъ и даже къ тому заведенію, гдѣ онѣ тратятъ свои молодыя силы; менѣе же всего встрѣчалъ я ея у господъ педагоговъ съ громкимъ именемъ, которымъ далеко не такъ приходится сгибаться подъ тяжестью учительской тачки.

12 августа, Чикаго, «City».

Мало-по-малу даже самыя характерныя черты американской жизни перестаютъ производить на меня впечатлѣніе. Я привыкъ къ нимъ, и на то, что̀ прежде могло бы показаться мнѣ страннымъ, смотрю теперь, какъ на самую нормальную вещь въ мірѣ. Это имѣетъ свои отрицательныя стороны. Множество явленій приковало къ себѣ мое вниманіе тотчасъ же послѣ пріѣзда моего въ Америку, но тогда я не рѣшался высказываться о нихъ, боясь поспѣшныхъ сужденій. Теперь же напрасно пытаюсь охарактеризовать ихъ; я сжился съ ними, они утратили для меня свою рѣзкость и выразительность.

Дыры и запла̀ты на троттуарахъ перестали удивлять меня, а шаловливыя выходки малыхъ обывателей стали для меня обычнымъ ежедневнымъ зрѣлищемъ. Рекламы меня не поражаютъ, даже если мнѣ попадаются на глаза вывѣски съ объявленіями о томъ, что какая-нибудь ясновидящая-медіумъ занимается врачеваніемъ, или воззванія огромными буквами, обращенныя къ лицамъ мужского пола и ихъ однихъ приглашающія къ вечернимъ посѣщеніямъ подозрительныхъ учрежденій, которыя скрываются подъ маской музеевъ рѣдкостей.

Въ вагонахъ городской желѣзной дороги страшная давка. Десятки людей стоятъ въ проходахъ между сидѣніями, держась за ремни, свѣшивающіеся сверху. Возлѣ меня преважно расположился восьмилѣтній мальчуганъ; сначала я, было, принялъ его за сына рядомъ съ нимъ сидящей дамы, такъ какъ онъ держитъ себя съ нею на весьма короткой ногѣ. Онъ свиститъ, наклоняется къ ея уху, играетъ ея перчатками. Меня удивляетъ снисходительность дамы, а также бѣдность, чуть ли не нищета, явствующая изъ одежды мальчугана и составляющая рѣзкій контрастъ съ платьемъ дамы; удивляетъ, наконецъ, и то, что мать не велитъ мальчику встать и уступить мѣсто стоящимъ въ вагонѣ женщинамъ. Черезъ четверть часа, мальчугану понравилась молодая дама на другомъ концѣ вагона; онъ пригласилъ ее на свое мѣсто, а черезъ одну

или двѣ станціи вышелъ изъ вагона, продолжая еще шутить съ площадки со своею мнимой матерью. Это былъ просто-на-просто проѣзжавшій уличный мальчишка, повидимому, дитя очень бѣдныхъ родителей. Развѣ мыслима была бы въ нашей части свѣта такая простота отношеній между дамой и убогимъ мальчишкой? Мальчуганъ походилъ бы на забитаго маленькаго дикаря и тревожно жался бы въ своемъ углу. А развѣ кто-нибудь сталъ бы уважать его право на мѣсто? Каждая получше одѣтая дама позвала бы кондуктора и приказала бы ему согнать оборванца, а каждый господинъ, извѣстный въ обществѣ своею вѣжливостью, а также и своею демократическою терпимостью, за уши стащилъ бы его съ сидѣнья. Въ Америкѣ иначе уважаютъ чужія права, хотя бы права бѣдно одѣтаго и еще не выросшаго отъ земли человѣка. Замѣчу мимоходомъ, что здѣсь смотрятъ на демократическія убѣжденія европейской интеллигенціи, какъ на чистѣйшій вздоръ. Здѣсь распространено мнѣніе, что любой нашъ молодой звѣрокъ, «забавляющійся» такимъ образомъ, станетъ самъ издѣваться надъ своими убѣжденіями, если только другіе не примутся низко кланяться ему въ ноги и не сочтутъ его выходокъ проявленіями генія, а просто взглянутъ на нихъ, какъ на послѣдствія плохого настроенія, болѣзненно раздутой амбиціи или же какъ на голосъ низменныхъ наклонностей.

Тотъ, кто ѣдетъ на выставку по верхней желѣзной дорогѣ. можетъ видѣть изъ оконъ вагона настоящіе пустыри. Вотъ запущенная площадь земли, поросшая сорною травою. На ней виднѣется нѣсколько домиковъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ; къ нимъ ведутъ деревянные мостки. Когда-нибудь вдоль этихъ мостковъ пройдутъ улицы, до сихъ поръ еще совершенно излишнія. По обѣ стороны мостковъ пышно разрослась сорная трава. Среди поля мостки вдругъ обрываются. Вѣрно владѣлецъ ближайшихъ пространствъ разбилъ землю на участки и устроилъ мостки, съ которыхъ, какъ съ балюстрадъ, желающіе могли бы обозрѣвать площади земли. Земля отдыхаетъ. Нѣтъ! — она несетъ на себѣ множество придатковъ, отъ которыхъ духи вольныхъ степей, пожалуй, готовы будутъ заплакать. Пространства, поросшія бурьяномъ, служатъ для вывоза нечистотъ и отбросовъ! А изъ кучъ засохшихъ отбросовъ и всякихъ мерзостей поднимаются жерди съ рекламами.

Вотъ какой видъ имѣютъ еще пока нѣкоторые кварталы Чикаго! Теперь, когда все на половину почти выгорѣло отъ засухи, угрюмо глядитъ эта равнина, надъ которою повисъ густой туманъ городской пыли. Далѣе тянутся рощи вязовъ. Это пародія на лѣсъ,

но все-жъ-таки на лѣсъ. Одако же человѣкъ все-таки тоскуетъ по природѣ, не смотря на то, что нынѣшнее столѣтіе усердно старается отъучить его отъ потребностей праотцовъ—отъ чистаго воздуха, отъ необходимаго количества солнечнаго свѣта, отъ обилія зелени—и обратить его въ городское животное, для котораго глотаніе пыли въ скверахъ уже должно было бы составлять наслажденіе. Достаточно было небольшой рощицы, чтобы человѣкъ раскинулъ свои шатры. Вотъ одинъ таборъ, вонъ другой, третій!.. Люблю я эти американскіе таборы! Они говорятъ о человѣкѣ совсѣмъ не то, что наши quasi-деревенскія жилища. Входимъ въ одинъ изъ таборовъ. Значительная часть рощи отдѣлена оградой, шатеръ ютится тамъ близь шатра. Полотняное жилище на открытомъ воздухѣ должно представлять собою настоящій кладъ въ виду страшной жары, какая обыкновенно бываетъ лѣтомъ въ Чикаго. Въ такомъ таборѣ живутъ небогатые люди, прикованные къ городу условіями заработка и лишенные возможности пользоваться природой въ болѣе чистомъ видѣ въ загородной мѣстности

На американской землѣ лѣтомъ образуется множество такихъ таборовъ. Есть таборы-клубы, таборы религіознаго экстаза или такъ называемые *revivals*, даже таборы-университеты. Американецъ любитъ природу и умѣетъ наслаждаться ея красотами.

Вернувшись домой, беру каталоги лѣтнихъ жилищъ и лѣтнихъ экскурсій. Для каждой мѣстности указаны адреса гостинницъ, а также частныхъ домиковъ, принимающихъ жильцовъ на лѣто съ обозначеніемъ цѣны. Гостинницы разсчитаны на нѣсколько сотъ посѣтителей, частные домики на одинъ или нѣсколько десятковъ лицъ. Цѣны баснословно низкія, если принять въ разсчетъ условія американской жизни. За десять, даже за пять долларовъ въ недѣлю вы можете имѣть комнату съ постелью, освѣщеніемъ и столомъ. Въ какой трущобѣ можетъ у насъ одно лицо найти себѣ изящно меблированную комнату съ тремя обѣдами въ день — ибо такъ живетъ американецъ—за 20 рублей въ мѣсяцъ? (Долларъ фактически соотвѣтствуетъ нашему рублю). Разсматриваю рисунки домиковъ: это настоящіе маленькіе дворцы, по сравненію съ которыми Отвокъ кажется собраніемъ мазанокъ. Домики расположены на берегу моря, иные окнами обращены къ водопадамъ, бѣлѣющимъ на зеленой канвѣ лѣсовъ, другіе покрываютъ какую-нибудь группу небольшихъ островковъ. Американецъ отъ души расхохотался бы, если бы ему предложили поселиться среди наноснаго песку, поросшаго низенькими соснами. Крупный капиталъ—предпочитаю его мелкимъ зашибателямъ деньги, кишащимъ на подобіе червей,—взялъ въ свои руки дѣло лѣтнихъ жилищъ и высы-

ляетъ агентовъ искать новыхъ мѣстъ; когда же найдется что-нибудь подходящее, то въ дикой, пустынной мѣстности выростаютъ гостинницы и даже спеціально проводятся электрическія желѣзныя дороги. Плата, взимаемая капиталистомъ за пользованіе красотами природы, низка и разсчитана на массы. Иногда, вмѣсто отелей и домиковъ, наталкиваюсь на поселеніе таборами: яхтъ-клубъ на лѣто перебрался на морской берегъ, разбилъ полотняные шатры и кочуетъ изъ одной мѣстности въ другую. При колоніи возникаетъ разнаго рода спортъ: пѣшеходовъ, гребцовъ, велосипедистовъ—женщина принимаетъ въ нихъ дѣятельное участіе—устраиваются огромные крокеты и *laun-tennis*'ы, составляются клубы, въ которыхъ происходятъ пренія и даже лекціи—нѣчто вродѣ академіи греческихъ мудрецовъ. Во время лѣтнихъ каникулъ американецъ живетъ въ полѣ человѣческою жизнью—и тѣломъ, и духомъ. Онъ дѣлецъ, гешефтмахеръ, но есть въ немъ матеріалъ и для кое-чего получше. Къ тѣлеснымъ упражненіямъ онъ не питаетъ того презрѣнія, какое мы встрѣчаемъ у философствующихъ выродковъ, а когда дѣло коснется общихъ забавъ, то забываетъ о кодексѣ *savoir-vivre'a*, созданномъ подорожниками и попугаями.

Беру другой каталогъ Гудзонской желѣзной дороги, обнимающій страницъ пятьсотъ. Я уже не обращаю вниманія на лѣтнія жилища, ибо что могу я еще прибавить къ сказанному? Зато интересъ мой приковываютъ къ себѣ желѣзнодорожныя удобства. Лѣтніе билеты можно получать почти даромъ, такъ какъ они удешевляются въ пять разъ противъ обычной цѣны; есть еще и другого рода билеты — семейные, не мѣняющіеся въ цѣнѣ, сколько бы лицъ ни ѣхало по такому билету, и цѣна такого билета въ лѣтнее время уменьшается въ половину; поѣзда, подобно трамваямъ, останавливаются въ полѣ, если кто-нибудь, дожидаясь поѣзда, подастъ знакъ платкомъ. Я охотно отправилъ бы въ Америку нашихъ крупныхъ тузовъ, распоряжающихся желѣзными дорогами, и не для того, чтобы они научились тамъ вѣжливости — хотя и въ этомъ отношеніи они выиграли бы очень много, — а просто для того, чтобы они стали умнѣе. Американскій дѣлецъ руководится только разсудкомъ. Онъ пересталъ придерживаться правилъ мелко-мѣщанскаго скряги, предпочитающаго сегодня получить грошъ, нежели черезъ годъ выручить сотню.

(Продолжніе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Проф. П. Н. Милюкова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Вмѣсто предисловія.

Вопросъ объ отношеніи «матеріальной» культуры къ «духовной».—Метафизическая точка зрѣнія и ея переживанія.—Научная точка зрѣнія.—«Экономическій матеріализмъ» и «субъективная школа» въ соціологіи.—Достоинства и недостатки экономическаго матеріализма. — Предѣлы экономическаго объясненія исторіи въ «Очеркахъ».—Народный характеръ—причина или содѣйствіе исторіи культуры?—Содержаніе второй части «Очерковъ».

Въ первой части «Очерковъ» мы познакомились съ тѣмъ историческимъ зданіемъ, въ которомъ провелъ свою жизнь русскій народъ. Мы произвели тамъ экспертизу этого зданія: смѣрили его размѣры, опредѣлили составъ и качество матеріала, употребленнаго на постройку; наконецъ, прослѣдили въ общихъ чертахъ самый процессъ, какимъ созидалась эта постройка, и старались отмѣтить особенности ея архитектурнаго стиля. Теперь намъ предстоитъ ознакомиться съ другой стороной дѣла: съ тѣмъ, какъ жилось въ этой исторической постройкѣ ея обитателямъ. Во что они вѣровали, чего желали, къ чему стремились? Словомъ,—какъ сложилась духовная жизнь русскаго народа, — вотъ вопросъ, къ рѣшенію котораго мы теперь переходимъ.

Но прежде всего насъ останавливаетъ здѣсь старинный и все еще не рѣшенный споръ о томъ, какъ относятся другъ къ другу эти двѣ стороны нашего предмета: одна, о которой говорилось въ первой части «Очерковъ», и другая, о которой мы поведемъ рѣчь теперь. Споръ этотъ съ новой силой возобновился въ русской печати именно въ послѣдніе годы, и высказать свое отношеніе къ нему, хотя бы вкратцѣ, намъ кажется совершенно необходимымъ, чтобы сразу оріентировать читателя и предупредить возможныя недоразумѣнія.

Относится ли, дѣйствительно, — какъ только-что сказано въ нашемъ сравненіи,—«матеріальная» культура къ «духовной», какъ стѣны зданія къ внутренней жизни его обитателей? Какъ сейчасъ

увидимъ, уподобленіе это совершенно неточно; но оно можетъ оказать намъ ту услугу, что наглядно представитъ ту точку зрѣнія, съ которой обсуждался когда-то вопросъ о взаимномъ отношеніи матеріальной и духовной культуры. Внѣшняя, матеріальная обстановка—и внутренняя, духовная жизнь: чѣмъ связаны между собою эти два, совершенно разнородные, предмета? И какъ ничтожна внѣшняя обстановка сравнительно съ развивающейся въ ней, болѣе или менѣе случайно, внутренней жизнью? Эта духовная жизнь не должна ли составить исключительный предметъ вниманія историка? И не есть ли внѣшняя обстановка—лишь жалкая шелуха, копаться въ которой можетъ одно только праздное любопытство?

Такъ должно было разсуждать міровоззрѣніе, рѣзко отдѣлявшее духовное отъ матеріальнаго и ставившее первое неизмѣримо выше второго. Полемизировать съ этими разсужденіями было бы въ наше время анахронизмомъ. Не только откровенно-теологическое, но и откровенно-метафизическое доказательство преимущества «духовной» культуры передъ «матеріальной»—давно потеряло всякій кредитъ въ глазахъ людей, стремящихся къ достиженію научнаго знанія. Но старые предразсудки—живучи и обладаютъ свойствомъ возрождаться подъ новыми формами. На смѣну теологическихъ и метафизическихъ аргументовъ являются этическіе и «философско-историческіе»; аргументація мѣняется, но цѣль ея остается все та же, что и прежде: по прежнему, цѣлью доказательства ставится—провести грань между пассивной, мертвой матеріей и живымъ, активнымъ духомъ. Правда, современное міровоззрѣніе уже не можетъ болѣе противопоставлять духовную культуру матеріальной: на ту и другую приходится одинаково смотрѣть, какъ на продуктъ человѣческой общественности, какъ она отразилась въ сферѣ человѣческой психики. Но это объединеніе, происшедшее въ понятіи о культурѣ, нисколько не мѣшаетъ возродиться старой антитезѣ матеріи и духа. Пассивная матерія является передъ нами вновь—въ видѣ кристаллизовавшихся продуктовъ культуры, окаменѣлыхъ формъ, созданныхъ процессомъ культурной эволюціи. Активный же духъ обнаруживается въ свободной иниціативѣ отдѣльной человѣческой личности, разрушающей окаменѣлыя формы и создающей новыя. Надо признаться, что *эта* разница—между завершившимися и вновь возникающими историческими процессами—далеко не такъ глубока, какъ та качественная разница между матеріей и духомъ, которую проводило старое міровоззрѣніе. И тщетно было бы ожидать, что то, чего не удалось сдѣлать теологической и метафизической аргументаціи, въ со-

стояніи совершить этическая фикція свободной воли, непрерывно вспыхивающей и погасающей, подобно электрической искрѣ, въ той точкѣ, гдѣ мысль превращается въ дѣло, гдѣ текущій моментъ становится прошлымъ.

Мы вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію, высказанному недавно, что за этическими и соціологическими аргументами «субъективной» школы въ соціологіи скрывается старая метафизика, и что, такимъ образомъ, все это направленіе носитъ на себѣ несомнѣнную печать философскаго дуализма. Во имя требованій монизма мы готовы присоединиться и къ протесту противъ метафизической автономіи «личности». Въ этомъ протестѣ противъ скрытаго дуализма ученія «субъективной школы» заключается, какъ намъ кажется, важная заслуга направленія, получившаго въ послѣднее время названіе «экономическаго матеріализма». Но вмѣстѣ съ принципіальной защитой монизма, съ которой мы не можемъ не согласиться, экономическій матеріализмъ сдѣлалъ попытку собственнаго монистическаго истолкованія исторіи, противъ которой приходится возражать. Монизмъ требуетъ строгаго проведенія идеи закономѣрности въ соціологіи, но онъ нисколько не требуетъ, чтобы закономѣрное объясненіе соціологическихъ явленій сводилось къ одному «экономическому фактору». Можетъ показаться, на первый взглядъ, что представленіе о явленіяхъ «духовной» культуры, какъ о «надстройкѣ» надъ «матеріальной», удовлетворяетъ тому спеціальному виду монизма, который называется философскимъ матеріализмомъ. Но намъ кажется, что для самаго «экономическаго матеріализма» связывать свою судьбу съ философскимъ матеріализмомъ и неудобно, и безполезно. Неудобно — потому что философскій матеріализмъ есть одинъ изъ самыхъ плохихъ видовъ монизма; между тѣмъ, экономическій матеріализмъ вполнѣ совмѣстимъ и съ иными монистическими міровоззрѣніями. Безполезно же потому, что «матеріальный» характеръ экономическаго фактора есть только кажущійся: на самомъ дѣлѣ явленія человѣческой экономики происходятъ въ той же психической средѣ, какъ и всѣ другія явленія общественности. Какъ бы мы ни объясняли явленія этой среды, мы не можемъ, оставаясь въ рамкахъ соціологическаго объясненія, выйти за ея предѣлы; а между тѣмъ, только за этими предѣлами открывается возможность того или другого философскаго объясненія. Желая объяснить *все* въ предѣлахъ собственной области и сводя объясненіе къ простѣйшему элементу, защитники экономическаго матеріализма, какъ намъ кажется, руководятся тѣмъ же побужденіемъ и совершаютъ ту же основную ошибку, какую совершали когда-то противники врожден-

ныхъ идей. Изъ страха передъ теологическимъ или метафизическимъ объясненіемъ они отрицаютъ самую проблему, подлежащую объясненію, выбрасывая, такимъ образомъ, по нѣмецкоой пословицѣ Das Kind mit dem Bade *). Противники врожденныхъ идей игнорировали сложность психо-физіологической организаціи человѣка и искусственно упрощали объясненіе душевной механики, принимая за исходную точку—свою tabula rasa **). Точно также противники свободной личности игнорируютъ сложность соціально-психологической организаціи человѣческаго общества и превращаютъ всю область соціальныхъ явленій въ бѣлую доску, на которой экономическій опытъ безпрепятственно проводитъ первые штрихи. Ничто не мѣшаетъ намъ соглашаться съ противниками врожденныхъ идей и автономіи личности и, въ то же время, не вѣрить въ ихъ черезчуръ наглядныя доказательства при помощи tabula rasa. Доказательства эти льстятъ всегдашней потребности человѣческаго ума—въ схематизмѣ и въ объединеніи опыта; но, въ ожиданіи строгаго научнаго объясненія, онѣ удовлетворяютъ этой потребности цѣною искусственнаго упрощенія подлежащаго объясненія факта. Въ этомъ смыслѣ, и экономическому матеріализму суждено съиграть важную, но временную роль. Его роль важна, какъ средство устранить изъ соціологіи послѣдніе слѣды метафизическихъ объясненій; но она временна, какъ и всѣ попытки этого рода, какъ, напр., попытка вывести законы общественности изъ сравненія общества съ организмомъ.

Всѣ эти предварительныя замѣчанія имѣютъ цѣлью показать читателю, что́ онъ можетъ найти и чего не долженъ искать въ продолженіи нашихъ «Очерковъ». Въ первой части «Очерковъ» мы отвели видное мѣсто экономическому фактору; даже самое значеніе политическаго фактора въ исторіи Россіи мы объяснили, какъ результатъ даннаго состоянія русской экономики при данныхъ условіяхъ внѣшней среды. Сторонники экономическаго объясненія исторіи могли бы ожидать, что и явленія духовной жизни русскаго народа мы будемъ объяснять при помощи матеріальныхъ условій быта,—особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такое объясненіе стало уже, болѣе или менѣе, обычнымъ, какъ, напр., въ исторіи раскола. Отрицать вліяніе матеріальныхъ условій на явленія духовной жизни—значило бы отвергать ту солидарность, которая, несомнѣнно, существуетъ между различными сторонами со-

*) т.-е. выбрасываютъ «ребенка вмѣстѣ съ водой изъ ванны». *Прим. ред.*

**) т.-е. принимали душу, какъ «гладкую, чистую доску», на которой впослѣдствіи отпечатлѣвались явленія жизни. *Прим. ред.*

ціальнаго процесса. Но, признавая эти стороны не производными другъ отъ друга, а самостоятельно развивающимися въ процессѣ, мы, очевидно, должны прослѣдить внутреннюю закономѣрность въ ходѣ развитія каждой изъ нихъ, прежде чѣмъ будемъ дѣлать наблюденія надъ взаимнымъ вліяніемъ другъ на друга. Низкій уровень духовной жизни и слабое развитіе общественнаго самосознанія, несомнѣнно, въ значительной степени объясняются незначительностью экономическаго развитія; но эволюція этой жизни и этого самосознанія, столь же очевидно, не можетъ быть объяснена простой ссылкой на условія быта. Стоитъ только вспомнить, что, въ основѣ своей, эта эволюція одинакова въ Россіи, какъ и на Западѣ, въ Старомъ, какъ и въ Новомъ Свѣтѣ, въ христіанствѣ, какъ и въ исламѣ. Вотъ почему познакомиться съ этой эволюціей совѣсти, мысли и воли въ самой себѣ—кажется намъ несравненно болѣе поучительнымъ, чѣмъ искать для нея объясненій въ явленіяхъ изъ совсѣмъ другой области жизни.

Отстранивъ, такимъ образомъ, то, что мы считаемъ предразсудкомъ экономическаго объясненія исторіи, мы не будемъ останавливаться на предразсудкахъ «субъективнаго» толкованія соціальныхъ явленій. Изъ предъидущихъ замѣчаній читатель могъ видѣть, что, при всемъ нашемъ разногласіи съ выводами «экономическаго матеріализма», мы стоимъ несравненно ближе къ его принципіальнымъ основамъ, чѣмъ къ антропоцентрическому міровоззрѣнію его противниковъ. Обвиненіе въ фатализмѣ, которое выдвигалось въ качествѣ самаго сильнаго аргумента противъ экономическаго матеріализма, можетъ быть, и имѣетъ силу по отношенію къ нѣкоторымъ, черезчуръ увлекшимся, адептамъ этого направленія. Но, какъ обвиненіе противъ цѣлаго направленія,—оно не годится. Если согласиться, что самая сильная критика—та, которая направлена противъ наиболѣе сильныхъ сторонъ критикуемаго направленія, то нельзя сказать, чтобы экономическій матеріализмъ встрѣтилъ въ русской печати самую сильную критику, какую онъ могъ встрѣтить, и какой, по справедливости, заслуживалъ. Сознательная и цѣлесообразная дѣятельность личности, конечно, не вычеркивается изъ ряда существующихъ фактовъ тѣмъ, что ее считаютъ необходимымъ сдѣлать предметомъ закономѣрнаго объясненія. Необъяснимой же могутъ считать ее (принципіально) только сознательные или безсознательные сторонники метафизическаго объясненія.

Недоразумѣнія и предразсудки только-что разсмотрѣнныхъ двухъ направленій теоретически важны, но едва ли они могутъ быть практически опасны. Достаточно напомнить, что самая го-

рячая борьба за эти взгляды происходила между лицами и группами, очень близкими по общественному настроенію. Совсѣмъ другое приходится сказать о недоразумѣніяхъ и предразсудкахъ, теоретическое обоснованіе которыхъ давнымъ-давно сдано въ архивъ, но которые, тѣмъ не менѣе, продолжаютъ господствовать надъ популярными представленіями о русской духовной культурѣ въ значительной части нашего общества. Сюда относится, прежде всего, привычка объяснять особенности духовной жизни Россіи изъ особеннаго склада народнаго духа, изъ русскаго національнаго характера. Съ нашей точки зрѣнія, это значитъ объяснять одно неизвѣстное посредствомъ другого, еще болѣе неизвѣстнаго. Національный характеръ самъ есть послѣдствіе исторической жизни, и только уже въ сложившемся видѣ можетъ служить для объясненія ея особенностей. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ объяснять исторію русской культуры народнымъ характеромъ, нужно объяснить самый народный характеръ исторіей культуры. Притомъ же, самое опредѣленіе того, что надо считать русскимъ народнымъ характеромъ, до сихъ поръ остается спорнымъ. Если исключить изъ этого опредѣленія, во-первыхъ, общечеловѣческія черты, монополизированныя національнымъ самолюбіемъ, во-вторыхъ, тѣ черты, которыя принадлежатъ не націи вообще, а только извѣстной ступени ея развитія, въ-третьихъ, наконецъ, всѣ тѣ, которыя придала народному характеру любовь, или ненависть, или вообще фантазія писателей, трактовавшихъ объ этомъ предметѣ, то специфическихъ и общепризнанныхъ чертъ останется очень немного въ обычномъ изображеніи русскаго характера. Припомнимъ, что такіе наблюдатели и судьи, какъ Бѣлинскій и Достоевскій, признали, въ концѣ концовъ, самой коренной чертой русскаго національнаго характера—способность усваивать всевозможныя черты любого національнаго типа. Другими словами наиболѣе выдающейся чертой русскаго народнаго склада является полная неопредѣленность и отсутствіе рѣзко выраженнаго собственнаго національнаго обличья. За-границей нерѣдко можно натолкнуться на косвенное подтвержденіе этого вывода. Въ нашихъ соотечественникахъ часто узнаютъ русскихъ только по тому, что не могутъ замѣтить въ нихъ никакихъ рѣзкихъ національныхъ особенностей, которыя бы обличали француза, англичанина, нѣмца и вообще представителя какой-либо культурной націи Европы. Если угодно, въ этомъ наблюденіи заключается не только отрицательная, но и нѣкоторая положительная характеристика. Народъ, на который культура не наложила еще рѣзкаго отпечатка, народъ со всевозможными задатками, но въ элементарномъ, заро-

дышномъ видѣ, и съ преобладаніемъ, притомъ, первобытныхъ добродѣтелей и пороковъ,—это, очевидно, тотъ самый народъ, въ общественномъ строѣ котораго мы находили въ первой части «Очерковъ» столько незаконченнаго и элементарнаго.

Церковь и школа—таковы два главные фактора русской, какъ и всякой другой, духовной культуры. Характеристика ихъ исторической роли и составляетъ содержаніе второй части нашихъ «Очерковъ». Можетъ быть, было бы ближе къ дѣлу оставить въ сторонѣ «факторы» и говорить прямо о «явленіяхъ» духовной культуры, расклассифицировавъ эти явленія по общепринятымъ рубрикамъ психологіи. Но мы опасаемся, что при настоящемъ состояніи разработки историческаго матеріала и при невыработанности методическихъ пріемовъ для научнаго изученія «духовной культуры», подобный способъ не могъ бы обезпечить намъ ни наглядности, ни содержательности изложенія. Мы предпочитаемъ, поэтому, удержать традиціонныя рубрики, несмотря на ихъ несоотвѣтствіе содержанію, заключающемуся въ понятіи «духовной культуры». Практическая цѣль «Очерковъ» также лучше будетъ достигнута, если мы будемъ разсматривать явленія духовной культуры въ той непосредственной связи съ орудіями просвѣщенія, въ какой стоятъ они въ жизни.

Критику теоретическихъ воззрѣній русской «субъективной школы» въ соціологіи читатель найдетъ въ остроумной, хотя, къ сожалѣнію, черезчуръ бранчивой книгѣ *Н. Бельтова*: »Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію». Спб. 1895. Выведеніе «идеологіи высшаго порядка» изъ экономической основы представляетъ въ этой книгѣ отчасти пробѣлъ, отчасти самое слабое мѣсто. Нашъ собственный взглядъ на теорію субъективной школы мы имѣли случай высказать въ разборѣ извѣстнаго сочиненіе *Н. И. Карѣева*: «Основные вопросы философіи исторіи». См. «Русскую Мысль», 1887 г., ноябрь, «Исторіософія г. Карѣева». Отвѣтъ автора на этотъ разборъ (въ «Русскомъ Богатствѣ» старой редакціи) не разубѣдилъ насъ въ правильности нашей точки зрѣнія, и у защитниковъ «экономическаго матеріализма» намъ пріятно было встрѣтить выраженіе тѣхъ же мнѣній объ основныхъ положеніяхъ «субъективной» школы.

Очеркъ пятый.—Церковь и вѣра.

I.

Два противоположныхъ мнѣнія о значеніи религіи для русской культуры и общая ихъ ошибка. — Характеристика религіозности русскаго общества въ первое время по принятіи христіанства по Патерику. — Характеръ древнѣйшаго русскаго подвижничества.—Физическій трудъ, какъ духовный подвигъ.—Бдѣніе и постъ.—Борьба съ плотью и съ ночными страхами.—Незнакомство съ высшими формами подвижничества.—Подозрительное отношеніе къ книгѣ и учености со стороны братіи.—Греческій уставъ и его выполненіе въ Печерской обители. — Состояніе религіозности въ окружавшемъ обществѣ. — Отношеніе монастыря къ міру и міра къ монастырю.

Культурное вліяніе церкви и религіи было безусловно преобладающимъ въ исторической жизни русскаго народа. Таково оно всегда бываетъ у всѣхъ народовъ, находящихся на одинаковой съ нами ступени развитія. Однако же, было мнѣніе—и очень распространенное,—по которому преобладающее вліяніе церкви считалось спеціальной національной особенностью именно русскаго народа. Изъ этой особенности одни выводятъ, затѣмъ, всѣ достоинства русской жизни, тогда какъ другіе склонны были этимъ объяснять ея недостатки. Въ глазахъ первыхъ — качества истиннаго христіанина суть вмѣстѣ съ тѣмъ и національныя черты русскаго характера. Русскому свойственна въ высшей степени та преданность волѣ Божіей, та любовь и смиреніе, та общительность съ ближними и устремленіе всѣхъ помысловъ къ небу, которыя составляютъ самую сущность христіанской этики. Это полное совпаденіе христіанскихъ качествъ съ народными ручается и за великую будущность русскаго народа. Таково мнѣніе славянофиловъ.

Между тѣмъ, уже сами славянофилы, въ лицѣ одного изъ самыхъ умныхъ своихъ представителей,—и наиболѣе компетентнаго въ богословскихъ вопросахъ,—Хомякова, признали, что представлять себѣ древнюю Русь истинно-христіанской — значитъ сильно идеализировать русское прошлое. Древняя Русь восприняла, по справедливому мнѣнію Хомякова, только внѣшнюю форму, обрядъ, а не духъ и сущность христіанской религіи. Уже по одному этому вѣра не могла оказать ни такого благодѣтельнаго, ни такого

задерживающаго вліянія на развитіе русской народности. Въ наше время взглядъ Хомякова сдѣлался общепринятымъ: его можно встрѣтить въ любомъ учебникѣ русской церковной исторіи.

Итакъ, считать русскую народность, безъ дальнихъ справокъ, истинно-христіанской, значило бы сильно преувеличивать степень усвоенія русскими истиннаго христіанства. Точно такимъ же преувеличеніемъ вліянія религіи было бы и обвиненіе ея въ русской отсталости. Для этой отсталости были другія, органическія причины, дѣйствіе которыхъ распространялось и на самую религію. Религія не только не могла создать или удержать элементарности русскаго психическаго склада, но, напротивъ, она сама отъ этой элементарности пострадала. При самыхъ разнообразныхъ взглядахъ на византійскую форму религіозности, воспринятую Россіей, нельзя не согласиться въ одномъ: въ своемъ источникѣ эта религіозность стояла неизмѣримо выше того, что могло быть изъ нея воспринято на первыхъ порахъ Русью.

Объ этомъ содержаніи только-что воспринятаго изъ Византіи православія мы, къ счастью, можемъ судить по очень поучительному древнему памятнику. Религія, введенная святымъ Владиміромъ, съ самаго начала встрѣтила не мало горячихъ душъ, которыя со всей страстью бросились на встрѣчу новому «духовному брашну» и рѣшились сразу отвѣдать самыхъ изысканныхъ яствъ византійской духовной трапезы. Въ языческой еще Россіи завелись самые утонченные типы восточнаго монашества: пустынножительство, затворничество, столпничество и всѣ виды плотскихъ самоистязаній. По слѣдамъ первыхъ піонеровъ новой религіозности пошли послѣдователи, можетъ быть, не всегда столь ревностные и преданные духовному подвижничеству, но за то все болѣе и болѣе многочисленные. Какъ всегда бываетъ, горячее одушевленіе, господствовавшее въ рядахъ «Христова воинства», породило усиленное духовное творчество. Не успѣли умереть послѣдніе представители поколѣнія, помнившаго крещеніе Руси, какъ вокругъ ихъ личностей и дѣятельности создалась благочестивая легенда. Сперва она передавалась изъ устъ въ уста, а потомъ была и записана, на поученіе потомству. Эти-то записи о житіи и подвигахъ лучшихъ людей тогдашней русской земли, собравшихся для совмѣстнаго духовнаго дѣланія вокругъ нѣсколькихъ начинателей русскаго подвижничества — подъ самымъ Кіевомъ, въ Печерскомъ монастырѣ — и сохранили до нашихъ временъ живую память о первомъ духовномъ подъемѣ, охватившемъ древнюю Русь. Нѣсколько позже, эти записи соединены были въ одно цѣлое и составили, такъ называемый, «Печерскій Патерикъ», надолго

оставшійся одною изъ самыхъ любимыхъ книгъ для народнаго чтенія. По преданіямъ Патерика мы можемъ лучше всего измѣрить наибольшую высоту того духовнаго подъема, на который способна была Русь, только-что покинувшая свое язычество.

Не надо забывать, прежде всего, что сегодняшній подвижникъ былъ вчерашнимъ членомъ того же самаго общества, хотя, можетъ быть, и лучшимъ его представителемъ. Совлекши съ себя ветхаго Адама, онъ не могъ сразу уничтожить въ себѣ стараго язычника и варвара. Въ большинствѣ случаевъ, это была, какъ самъ игуменъ Ѳеодосій, сильная и крѣпкая физически натура, привыкшая переносить всѣ неудобства тогдашняго малокультурнаго быта. Физическія подвиги были для такой натуры наиболѣе привычными. Рубить дрова, таскать ихъ въ монастырь, носить воду, плотничать, молоть муку или работать на поварнѣ — для братіи значило продолжать въ стѣнахъ монастыря тѣ же занятія, къ которымъ она привыкла въ мірѣ. Настоящіе подвиги начинались тогда, когда заходила рѣчь о лишеніи пищи и сна. Борьба съ этими потребностями натуры—постъ и бдѣніе—считались, поэтому, особенно высокими подвигами духа. Въ своей полнотѣ эти подвиги были доступны только избраннымъ и доставляли имъ вообще уваженіе. Для большинства же братій самъ строгій игуменъ долженъ былъ ввести вмѣсто ночного отдыха — дневной. Въ полдень ворота монастыря запирались, и вся братія погружалась въ сонъ. Несмотря на это, все-таки далеко не всѣ выдерживали «крѣпкое стояніе» въ церкви ночью. По сказанію Патерика, одинъ изъ братіи, Матвѣй, славившійся своей прозорливостью, взглянулъ разъ на братію во время такого стоянія и увидалъ: по церкви ходитъ бѣсъ въ образѣ Ляха и бросаетъ въ братію цвѣтки. Къ кому цвѣтокъ прилипнетъ, тотъ немного постоитъ, разслабнетъ умомъ и, придумавъ какой-нибудь предлогъ, идетъ изъ церкви въ келью спать. Самъ братъ Матвѣй стоялъ въ церкви крѣпко до конца утрени, но и ему это, какъ видно, не легко давалось. Разъ послѣ утрени онъ вышелъ изъ церкви, но не могъ дойти даже до кельи: сѣлъ по дорогѣ подъ доской, въ которую звонили, и тутъ же заснулъ.

Понятно, какую борьбу съ своей плотью долженъ былъ выдержать подвижникъ, рѣшившійся, во что бы то ни стало, преодолѣть дьявольское искушеніе. Потребности плоти, дѣйствительно, представлялись ему кознями нечистой силы. Вчерашній язычникъ, онъ не могъ отдѣлаться сразу отъ старыхъ воззрѣній и, чаще всего, вполнѣ раздѣлялъ наивныя представленія окружавшей его мірской среды. Бѣсы—это были для него старые языческіе боги, осердившіеся на молодое поколѣніе за его измѣну старой вѣрѣ и

рѣшившіеся отмстить за себя. «Бѣсы», говоритъ намъ одинъ изъ составителей Патерика, «не терпя укоризны,—что когда-то язычники поклонялись имъ и чтили, какъ боговъ, а теперь угодники Христовы пренебрегаютъ ими и уничижаютъ ихъ, — видя, какъ укоряютъ ихъ люди,—вопіяли: о злые и лютые наши враги; мы не успокоимся, не перестанемъ бороться съ вами до смерти».

И вотъ, начиналась съ обѣихъ сторонъ, въ буквальномъ смыслѣ, борьба не на животъ, а на смерть. Ночь, когда подвижникъ изнемогаетъ отъ усталости и, еле перемогая сонъ, ни за что не хочетъ лечь «на ребра», а самое большее, позволяетъ себѣ вздремнуть сидя, — ночь оказывается самымъ удобнымъ временемъ для бѣсовскихъ навожденій. Монахъ въ это время особенно слабъ, а врагъ—въ союзѣ съ помощью плоти и ночными страхами старой религіи—особенно силенъ. Бѣсы являются подвижнику въ образѣ лютаго змѣя народныхъ сказокъ, дышащаго пламенемъ и осыпающаго его искрами; они грозятъ обрушить надъ монахомъ стѣны его кельи или наполняютъ его уединеніе крикомъ, громомъ, какъ бы отъ ѣдущихъ колесницъ и звуками бѣсовской музыки. Даже самому игумену, безстрашному и трезвому Θеодосію, явился разъ, въ началѣ его духовныхъ подвиговъ, бѣсъ въ образѣ черной собаки, которая упорно стояла передъ нимъ и мѣшала класть земные поклоны, пока преподобный не рѣшился, наконецъ, ее ударить: тогда видѣніе исчезло. По личному опыту игуменъ убѣдился что лучшее средство бороться противъ ночныхъ видѣній—не поддаваться страху; такіе же совѣты онъ давалъ и братіи. Одинъ братъ, Ларіонъ, преслѣдуемый по ночамъ бѣсами, пришелъ къ Θеодосію съ просьбой—перевести его въ другую келью. Но, послѣ строгаго внушенія игумена, въ слѣдующую ночь этотъ братъ «легъ въ келіи своей—и спалъ сладко». Не всегда, однако, борьба кончалась такъ быстро и удачно.

Такъ много силы нужно было, чтобы преодолѣть навожденія дьявола и немощи плоти. На эту борьбу уходила вся энергія самыхъ горячихъ подвижниковъ. Подобно брату Іоанну, тридцать лѣтъ безуспѣшно боровшемуся съ плотскими похотями,—лучшимъ изъ печерскихъ подвижниковъ не удавалось подняться надъ этой первой, низшей ступенью духовнаго дѣянія, которая, собственно, въ ряду подвиговъ христіанскаго аскета имѣетъ лишь подготовительное значеніе. О высшихъ ступеняхъ дѣятельнаго или созерцательнаго подвижничества, кіевскіе подвижники едва-ли имѣли ясное представленіе. То, что должно было быть только *средствомъ*,—освобожденіе души отъ земныхъ стремленій и помысловъ,—для братіи Печерскаго монастыря поневолѣ становилось

единственной *цѣлью:* не дисциплинированная натура плохо поддавалась самымъ упорнымъ, самымъ добросовѣстнымъ усиліямъ. Людямъ съ такой силой воли и съ такимъ практическимъ складомъ ума, какъ у печерскаго игумена, удавалось, правда, достигать прочнаго душевнаго равновѣсія; но въ установленіи этого равновѣсія слишкомъ большая роль принадлежала внѣшней дисциплинѣ ума и воли. Съ такой дисциплиной наши подвижники скорѣе становились выдающимися администраторами, въ какихъ нуждалась тогдашняя жизнь, чѣмъ великими свѣтильниками христіанскаго чувства и мысли.

Мыслямъ вообще отводилось въ Печерскомъ монастырѣ очень скромное мѣсто. Когда братъ Ларіонъ, или братъ Никонъ занимались переписываніемъ книгъ, игуменъ, по монастырскимъ воспоминаніямъ, садился возлѣ нихъ и занимался рукодѣліемъ: онъ «прялъ волну» или готовилъ нити для будущихъ переплетовъ. На усердное занятіе книгами братія смотрѣла косо; книжная хитрость легко могла повести къ духовной гордости. Въ одной изъ печерскихъ легендъ любовь къ книжному чтенію, характернымъ образомъ, представляется, какъ средство дьявольскаго искушенія. Одному изъ братій, Никитѣ Затворнику, являлся бѣсъ въ образѣ ангела и сказалъ: ты не молись, а читай книги: черезъ нихъ ты будешь бесѣдовать съ Богомъ, чтобы потомъ подавать отъ нихъ слово полезное приходящимъ къ тебѣ; а я непрестанно буду молиться о твоемъ спасеніи. И прельстился монахъ, пересталъ молиться, надѣясь на молитвы мнимаго ангела, а прилежалъ чтенію и ученію; съ приходящими бесѣдовалъ о пользѣ души и пророчествовалъ. По одному признаку всѣ узнали, однако, что Никита прельщенъ бѣсомъ. Дѣло въ томъ, что ученый братъ зналъ наизусть книги Ветхаго завѣта, а Евангеліе и Апостола не хотѣлъ ни видѣть, ни слышать. Тогда собрались подвижники и съ общаго совѣта отогнали изъ Никиты бѣса. Вмѣстѣ съ этимъ Никита потерялъ и всѣ свои знанія.

При этихъ условіяхъ, естественно, трудно говорить объ учености или хотя бы начитанности въ Писаніи печерской братіи. Во всемъ Патерикѣ только одинъ человѣкъ говоритъ по-еврейски, по-латыни и по-гречески, т.-е. на языкахъ, необходимыхъ для сколько-нибудь серьезныхъ занятій богословіемъ. Но и этотъ человѣкъ—бѣсноватый; и онъ теряетъ свое знаніе языковъ вмѣстѣ съ изгнаніемъ изъ него бѣса.

Мы видимъ теперь, выше чего не поднималось благочестіе въ Печерской обители. Но, въ большинствѣ случаевъ, оно падало гораздо ниже подвижническаго уровня. Привычки и пороки окру-

жающей жизни врывались со всѣхъ сторонъ за монастырскую ограду. Строгій студійскій уставъ, долженствовавшій служить *нормой* монашеской жизни, казался трудно досягаемымъ *идеаломъ* и выполнялся только какъ исключеніе. Простое соблюденіе устава кажется уже составителямъ Патерика высшей ступенью благочестія и подвижничества. Ношеніе дровъ и воды, печеніе хлѣба и т. п. подвиги, вызывающіе особое одобреніе Патерика,—все это входило въ прямыя обязанности братіи и игумена по студійскому уставу. Одинъ изъ братіи, знавшій наизусть Псалтирь, вызывалъ этимъ всеобщее удивленіе; а между тѣмъ уставъ требовалъ подобнаго знанія отъ всякаго монаха. Что было еще важнѣе, уставъ не соблюдался въ главной своей части: въ его требованіи, чтобы монахъ не имѣлъ ничего своего, а все общее съ братіей. Уже Ѳеодосію приходилось, заглядывая неожиданно въ братскія кельи, сожигать на огнѣ лишнюю одежду, лишнюю пищу, лишнее имущество противъ положеннаго въ уставѣ. Послѣ смерти строгаго игумена отдѣльная собственность монаховъ признавалась уже совершенно открыто. Были монахи бѣдные и богатые, щедрые и скупые; братія имѣла заработки на сторонѣ. Попасть бѣдному въ число братіи стало довольно трудно: безъ вклада въ монастырь не принимали. Изъ одного разсказа Патерика видно, что даже похоронить бѣднаго, отъ котораго ничего нельзя было получить по завѣщанію, никто не хотѣлъ изъ братіи. Не говоримъ уже о случаяхъ присвоенія чужого имущества монахами.

Такимъ образомъ, греческій уставъ оказался ярмомъ, неудобоносимымъ для лучшаго изъ русскихъ монастырей въ цвѣтущую пору его существованія. Не вынося строгаго чина монашеской жизни, монахи бѣгали по ночамъ изъ монастырей, а иные пропадали на долгое время и, нагулявшись вволю, по нѣскольку разъ возвращались въ монастырь. Насколько было трудно бороться противъ такихъ отлучекъ, видно изъ того, что самъ Ѳеодосій принужденъ былъ смотрѣть на нихъ сквозь пальцы и принималъ своихъ блудныхъ дѣтей обратно.

Что же дѣлалось въ міру, за монастырской оградой? Только немногіе и смутные отголоски дошли до насъ изъ этого міра; но и на основаніи того, что дошло, нельзя не заключить, что сознательное отношеніе къ вопросамъ нравственности и религіи было рѣдкимъ исключеніемъ среди мірянъ. Люди вродѣ Владиміра Мономаха, приведшіе въ извѣстную своеобразную гармонію требованія житейской морали и христіанской нравственности, встрѣчались только на самыхъ верхахъ русскаго общества. Относительно же всей остальной огромной массы народной нельзя даже сказать,

чтобы она усвоила одинъ обрядъ, внѣшность христіанской жизни, какъ склоненъ былъ признать Хомяковъ. Нужно согласиться съ мнѣніемъ профессора московской духовной академіи и историка русской церкви, Е. Е. Голубинскаго, что народная масса древней Руси *еще ничего* не успѣла усвоить въ домонгольскій періодъ,— ни видимости, ни внутренняго смысла, ни обряда, ни сущности христіанской религіи. Масса оставалась, по прежнему, языческой. Усвоеніе и правильное выполненіе внѣшняго обряда христіанскаго,—хожденіе въ церковь, исполненіе требъ и участіе въ святыхъ таинствахъ—было еще дѣломъ будущаго: для достиженія этой ступени понадобилось не мало времени. Насколько претило русской натурѣ вначалѣ соблюденіе обрядности, видно изъ того, что за попытку удержать нѣсколько лишнихъ постныхъ дней въ году два архіерея подрядъ поплатились своей каѳедрой. Они были просто-на-просто изгнаны паствой за то, что не хотѣли принять мнѣнія русской партіи объ отмѣнѣ, въ случаѣ великихъ праздниковъ, поста въ среду и пятницу.

Понятно, что при такихъ условіяхъ непосредственное дѣйствіе свѣтильниковъ русскаго благочестія, просіявшихъ въ Печерской обители, на окружавшій ихъ міръ было несравненно слабѣе, чѣмъ дѣйствіе благочестивой легенды объ ихъ подвигахъ на отдаленное потомство. Только на высшій слой современнаго имъ общества монастырскіе подвижники могли оказывать нѣкоторое вліяніе. Но и въ этомъ случаѣ монахи помнили заповѣдь: воздадите Кесарево Кесареви. Князя они встрѣчали у себя въ монастырѣ, «какъ подобаетъ князю»; боярина — «какъ подобаетъ боярину». Когда игуменъ Ѳеодосій захотѣлъ вмѣшаться въ княжескую распрю и убѣдить князя Святослава вернуть старшему брату незаконно похищенный у него престолъ, вся братія была напугана княжескими угрозами—сослать игумена—и упросила своего начальника прекратить свои пастырскія увѣщанія. Князь пріѣзжалъ иногда въ монастырь послушать назидательную бесѣду, но въ какой степени онъ руководился монашескими совѣтами въ своей личной жизни,—это уже было вопросомъ его совѣсти. Что касается низшихъ классовъ, они и за назиданіемъ не обращались въ монастыри. Самое большее, если они просили у православнаго попа или монаха того, что дѣлали для нихъ прежде ихъ языческіе волхвы. Патерикъ разсказываетъ намъ, какъ однажды изъ деревни, принадлежавшей монастырю, пришли просить игумена— выгнать домового изъ хлѣва, гдѣ онъ портилъ скотъ. Мы уже говорили о взглядѣ новой религіи на старую. Языческіе боги для христіанина не перестали существовать: они только стали бѣсами

и борьба съ ними сдѣлалась его прямою обязанностью. И печерскій игуменъ откликнулся на деревенскій призывъ. Онъ пошелъ въ деревню, затворился въ хлѣвѣ и, памятуя слово Господне: «сей родъ не изгонится ничѣмъ же, — токмо постомъ и молитвою», провелъ тамъ въ молитвѣ всю ночь до утра. Съ тѣхъ поръ прекратились и проказы домового.

Таково было состояніе религіозности русскаго общества вскорѣ послѣ принятія христіанства. Познакомившись со скромными зачатками русскаго благочестія, мы должны теперь перейти къ ихъ дальнѣйшему развитію.

Важнѣйшіе фактическія данныя по исторіи русской церкви можно найти въ «Руководствахъ» *П. Знаменскаго* и *А. Доброклонскаго.* Древнѣйшій текстъ Патерика Печерскаго изданъ *В. Яковлевымъ* подъ заглавіемъ «Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ». Спб. 1872. См. его же изслѣдованіе о Патерикѣ: «Древне-кіевскія религіозныя сказанія». Варшава, 1875. Болѣе доступенъ для чтенія текстъ Патерика въ многочисленныхъ позднѣйшихъ изданіяхъ. Существуетъ и русскій переводъ этого интереснаго памятника: «Кіевопечерскій патерикъ по древнимъ рукописямъ. Въ переложеніи на современный языкъ *М. Викторовой.* Кіевъ. 1870». Попытка воспользоваться Патерикомъ для характеристики древней русской религіозности сдѣлана была *Костомаровымъ* въ его статьѣ «Черты народной южнорусской исторіи», см. «Историческія монографіи и изслѣдованія», т. I. О студійскомъ уставѣ см. *Е. Голубинскаго* «Исторія русской церкви, т. I, періодъ первый, кіевскій или домонгольскій», вторую половину тома (гл. VI). Москва. 1881.

II.

Первоначальная обособленность міра и клира. — Ихъ взаимное сближеніе, какъ слѣдствіе упадка уровня пастырей и подъема уровня массы.—Націонализація вѣры, какъ продуктъ этого взаимнаго сближенія. — Національныя особенности русской вѣры по наблюденіямъ пріѣзжихъ съ запада и съ востока. — Націонализація церкви. — Постепенное освобожденіе отъ власти константинопольскаго патріархата. — Впечатлѣнія Флорентійской уніи и взятія Константинополя. — Происхожденіе теоріи о «Москвѣ — третьемъ Римѣ».— Легенда о началѣ русской церкви отъ апостола Андрея.—Роль государственной власти при націонализаціи церкви. — Власть византійскаго императора надъ церковью и переходъ ея къ московскому князю.—Роль Іосифа, Даніила и Макарія при осуществленіи идеи національной и государственной церкви.— Характеръ литературной и практической дѣятельности «осифлянъ». — Собираніе русской святыни и завершеніе его на соборахъ 1547 и 1549 гг. — Возвеличеніе національной церкви. — Противники «осифлянъ»: Нилъ, Вассіанъ и Артемій.—Ихъ взгляды, ихъ оппозиція «осифлянамъ» и причины неудачи этой оппозиціи.—Ихъ судьба.

Въ первое время послѣ принятія христіанства русское общество дѣлилось, какъ мы видѣли, на двѣ, очень неравныя половины. Ничтожная по численности кучка людей, наиболѣе увлеченныхъ новыми вѣрованіями, усердно, хотя и не вполнѣ удачно старалась воспроизвести на Руси утонченнѣйшіе подвиги восточнаго благочестія. Остальная огромная масса, несмотря на названіе христіанъ, оставалась языческой. Два обстоятельства долго и рѣшительно мѣшали обѣимъ этимъ сторонамъ сблизиться и понять другъ друга. Во-первыхъ, этому препятствовало самое свойство воспринятаго идеала. Новая вѣра съ самаго начала перешла на Русь съ чертами аскетизма: христіанскій идеалъ выдвинутъ былъ спеціально иноческій, монашескій. Для міра, для жизни, для дѣйствительности этотъ аскетическій идеалъ былъ слишкомъ высокъ и чуждъ. Для аскетическаго идеала міръ, въ свою очередь, былъ слишкомъ грѣховенъ и опасенъ. Бѣгство изъ міра представлялось единственнымъ средствомъ сохранить въ душѣ чистоту идеала. Естественно, что монашество стало казаться необходимымъ условіемъ христіанскаго совершенства: совершенный христіанинъ стремился уединиться отъ міра, а міръ плохо понималъ идеалъ совершеннаго христіанина. Другой причиной разъединенія

міра и клира было то, что даже при самомъ искреннемъ обоюдномъ желаніи — однихъ просвѣщать, а другихъ просвѣщаться—это было не такъ легко. До самаго татарскаго ига почти всѣ наши митрополиты и значительная часть епископовъ были греки, присылавшіеся прямо изъ Константинополя и незнакомые съ русскимъ языкомъ. Мало-по-малу, конечно, это затрудненіе устранилось. Ученыхъ греческихъ іерарховъ смѣнили русскіе архіереи, имѣвшіе возможность говорить съ паствой безъ переводчиковъ и обличать ея недостатки не по правиламъ византійской реторики, а стилемъ, доступнымъ всякому. Но тутъ явилось новое затрудненіе. Свои, русскіе пастыри были несравненно менѣе подготовлены къ дѣлу учительства.

Вѣка проходили за вѣками при этихъ условіяхъ, а духовное воспитаніе массы подвигалось впередъ очень медленными шагами. Гораздо быстрѣе, чѣмъ поднимался уровень массы, падалъ ему навстрѣчу уровень пастырей. Упадокъ уровня образованости и измельчаніе религіозности высшаго духовенства—есть фактъ, столь же общепризнанный нашими историками церкви, какъ и легко объяснимый. Отдаляясь постепенно отъ Византіи и лишившись постояннаго притока греческихъ духовныхъ силъ, Россія не имѣла еще достаточно образовательныхъ средствъ, чтобъ замѣнить греческихъ пастырей своими, такъ же хорошо подготовленными. До нѣкоторой степени недостатокъ подготовки могъ быть замѣненъ усердіемъ туземныхъ іерарховъ къ дѣлу религіознаго просвѣщенія массы. Но и усердныхъ пастырей становилось тѣмъ труднѣе подыскивать, чѣмъ больше ихъ требовалось. Если недостатокъ людей сильно чувствовался уже при замѣщеніи высшихъ духовныхъ мѣстъ, то о низшихъ нечего и говорить. Всѣмъ извѣстны классическія жалобы новгородскаго архіепископа XV вѣка, Геннадія, и никакой комментарій не можетъ измѣнить грустнаго смысла его показаній. «Приведутъ ко мнѣ мужика (ставиться въ попы или діаконы)», говоритъ новгородскій архіерей: «я велю ему Апостолъ дать читать, а онъ и ступить не умѣетъ; велю Псалтирь дать,—и по тому еле бредетъ... Я велю хоть ектеніямъ его научить, а онъ и къ слову не можетъ пристать: ты говоришь ему одно, а онъ—совсѣмъ другое. Велишь начинать съ азбуки, а онъ, поучившись немного, просится прочь, не хочетъ учиться... А если отказаться посвящать, мнѣ же жалуются: такова земля, господине: не можемъ найти, кто бы горраздъ былъ грамотѣ». То же самое подтверждаетъ черезъ полвѣка и Стоглавый соборъ. Если не посвящать безграмотныхъ, говоритъ Стоглавъ, церкви будутъ безъ пѣнія и христіане будутъ умирать безъ покаянія.

*

Пониженіе уровня пастырей было, конечно, гораздо болѣе яркимъ и замѣтнымъ явленіемъ, чѣмъ постепенный и медленный подъемъ религіознаго уровня массы. Однако, и этотъ подъемъ надо признать за фактъ, столь же несомнѣнный, какъ только-что упомянутый. Игнорировать его—значило бы не только совершить несправедливость, но и впасть въ серьезную ошибку. Идя другъ другу на встрѣчу, пастыри и паства древней Руси остановились, наконецъ, на довольно сходномъ пониманіи религіи, одинаково далекомъ отъ обѣихъ исходныхъ точекъ: отъ аскетическихъ увлеченій подвижниковъ и отъ языческаго міровоззрѣнія массы. Пастыри все болѣе привыкали отожествлять сущность вѣры съ ея внѣшними формами; съ другой стороны, масса, не усвоившая первоначально даже и формъ вѣры, теперь научилась цѣнить ихъ и, по самому складу своего ума, стала приписывать имъ то таинственное, символическое значеніе, какое имѣли въ ея глазахъ и обряды стариннаго народнаго культа. Такимъ образомъ, *обрядъ* послужилъ той серединой, на которой сошлись верхи и низы русской религіозности: верхи, постепенно утрачивая истинное понятіе о содержаніи,—низы, постепенно пріобрѣтая приблизительное понятіе о формѣ.

Итакъ, несправедливо было бы, подобно нѣкоторымъ историкамъ церкви, видѣть во всемъ промежуткѣ отъ XI до XVI столѣтія одинъ только непрерывный упадокъ. Промежутокъ этотъ не былъ въ нашей церкви ни постепеннымъ паденіемъ, ни даже стояніемъ на одномъ мѣстѣ. Напротивъ, нельзя не видѣть въ немъ постояннаго прогресса. За эти шесть вѣковъ языческая Россія превратилась мало-по-малу въ «святую Русь»,— въ ту страну многочисленныхъ церквей и неумолкаемаго колокольнаго звона, страну длинныхъ церковныхъ стояній, строгихъ постовъ и усердныхъ земныхъ поклоновъ, какою рисуютъ ее намъ иностранцы XVI и XVII вѣка.

Иноземный продуктъ акклиматизовался въ Россіи за это время: вѣра пріобрѣла національный характеръ. Въ чемъ же состояли эти національныя отличія, пріобрѣтенныя на Руси христіанствомъ?

Было бы напрасно спрашивать объ этомъ самихъ русскихъ наблюдателей того времени. Особенности вѣры еще не были сознаны такъ, какъ ихъ сознали позднѣе, по контрасту съ другими христіанскими исповѣданіями.

Въ обращеніи другъ къ другу русскіе называли себя «христіанами» и «православными», а церковь ихъ называлась «восточной». Но все это не казалось тогдашнимъ посторонним наблюдателямъ достаточной характеристикой русскаго благочестія. Иностранцы

отмѣчали въ русской религіозности спеціально ей свойственныя своеобразныя черты: конечно, наблюденія ихъ разнообразились, смотря по вѣроисповѣданію самихъ наблюдателей. Пріѣзжіе съ запада, особенно протестанты, искали подъ формами русскаго благочестія соотвѣтственнаго содержанія, и къ полному своему недоумѣнію не всегда находили. Привыкшіе считать значеніе Евангелія необходимымъ условіемъ вѣры, живую проповѣдь — главнѣйшей обязанностью пастырей, они приходили въ ужасъ, замѣчая, что проповѣдничество на Руси совершенно отсутствуетъ, что изъ десяти человѣкъ жителей едва ли одинъ знаетъ молитву Господню, не говоря уже о Символѣ вѣры и десяти заповѣдяхъ. Спросивъ разъ у какого-то русскаго, отчего въ Россіи крестьяне не знаютъ ни «Отче нашъ», ни «Богородице», одинъ иностранецъ услыхалъ въ отвѣтъ, что «это — очень высокая наука, годная только для царей, да патріарха, и вообще для господъ и для духовенства, у которыхъ нѣтъ работы, а не для простыхъ мужиковъ». Въ 1620 году одинъ ученый шведъ, Іоаннъ Ботвидъ, защищалъ въ упсальской академіи диссертацію на тему: «христіане ли московиты?» Положимъ, онъ, послѣ цѣлаго ряда ученыхъ справокъ и сличеній, рѣшилъ этотъ вопросъ положительно; но самая возможность такой темы чрезвычайно характерна.

Иныя, на первый взглядъ, впечатлѣнія выносили отъ русской религіозности пришельцы съ востока, изъ предѣловъ древняго благочестія. Во времена патріарха Никона пріѣхалъ въ Москву антіохійскій патріархъ Макарій, съ своимъ архидіакономъ Павломъ, оставившимъ намъ дневникъ этого путешествія. Несмотря на весь свой оптимизмъ, на готовность всему удивляться и по всякому поводу приходить въ умиленіе, несчастные сирійцы, наконецъ, не выносятъ полноты русскаго благочестія. Стояніе по восьми часовъ въ церкви и продолжительное сухояденіе приводятъ ихъ въ отчаяніе. «Мы совершенно ослабѣли», пишетъ діаконъ Павелъ, «въ теченіе великаго поста. Мы испытывали такое мученіе, какъ будто бы насъ держали на пыткѣ». «Да почіетъ миръ Божій», восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «на русскомъ народѣ, надъ его мужами, женами и дѣтьми—за ихъ терпѣніе и постоянство! Надобно удивляться храбрости тѣлесныхъ силъ этого народа. Нужны желѣзныя ноги, чтобы не чувствовать (отъ долгихъ стояній въ церкви) ни усталости, ни утомленія». «Всѣ русскіе», полушутливо замѣчаетъ тотъ же Павелъ, «непремѣнно попадутъ во святые: они превосходятъ своею набожностью самихъ пустынножителей».

При всей противоположности этихъ впечатлѣній восточнаго патріарха, прочащаго русскихъ въ святые, и шведскаго богослова,

пускающаго въ ходъ всѣ рессурсы своей науки, чтобы отстоять хотя бы то положеніе, что они—не язычники, нельзя не видѣть, что въ основѣ обоихъ этихъ отзывовъ лежатъ довольно сходныя наблюденія. Русское благочестіе, дѣйствительно, пріобрѣло особый отпечатокъ, отличавшій его не только отъ запада, но и отъ востока. Содержаніе русской вѣры стало своеобразно и національно.

За тотъ же промежутокъ времени, когда совершилась націонализація русской вѣры, и русская церковь стала по формѣ національною. Посмотримъ теперь, какъ совершилась эта націонализація русской церкви.

Какъ извѣстно, со времени принятія христіанства русская церковь находилась въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха, составляя просто одну изъ подвѣдомственныхъ ему епархій. До татарскаго нашествія высшее духовное лицо въ Россіи, кіевскій митрополитъ прямо назначался изъ Константинополя. Только два раза русскіе попытались посвятить себѣ митрополита сами, соборомъ русскихъ епископовъ. Но и то одинъ изъ этихъ разовъ они принуждены были, въ концѣ концовъ, признать власть патріарха. Со времени нашествія татаръ это отношеніе русской церкви къ патріарху начало измѣняться. Прежде всего, въ связи съ тѣмъ же наплывомъ тюрковъ изъ Азіи, Византія попала въ руки крестоносцевъ четвертаго крестового похода. Среди этой двойной неурядицы—въ Россіи и на Балканскомъ полуостровѣ—русскіе митрополиты все чаще стали посвящаться дома, а въ Константинополь ѣздили только за утвержденіемъ. Такъ продолжалось два вѣка—до середины XV столѣтія. Въ это время изъ Константинополя стали приходить на Русь страшныя вѣсти. Началось съ того, что одинъ изъ митрополитовъ, присланныхъ въ Москву патріархомъ, объявилъ великому князю московскому, что долженъ ѣхать въ Италію, къ латинамъ, на духовный соборъ во Флоренцію. Византія сама воспитала насъ въ ненависти къ западной церкви. По внушеніямъ восточной церкви, нельзя было даже ѣсть и пить изъ однихъ сосудовъ съ латинами. Естественно, что сборы митрополита (Исидора) въ Италію показались москвичамъ «новы, и чужды, и непріятны». Не смотря на отговариванья великаго князя, Исидоръ поѣхалъ. Изъ Флоренціи онъ привезъ съ собой еще болѣе неожиданную новость: унію восточной и западной церкви. Это было уже слишкомъ. Митрополитъ былъ низложенъ и осужденъ соборомъ русскаго духовенства; вмѣсто него выбранъ соборомъ же свой митрополитъ—изъ русскихъ (Іона)—и заготовлена объяснительная грамота въ Византію. Въ грамотѣ этой ве-

ликій князь требовалъ разрѣшенія впредь поставлять митрополита въ Россіи. Требованіе это мотивировалось дальностью пути, непроходимостью дорогъ въ Византію, нашествіемъ татаръ. Но между строкъ легко было прочесть, что главныя причины просьбы—«новоявльшіяся разгласія» въ самой восточной церкви. Русское правительство до такой степени было смущено принятіемъ уніи въ Константинопелѣ, что даже не рѣшалось обратиться къ патріарху: грамота была направлена къ императору Константину Палеологу, подъ тѣмъ двусмысленнымъ предлогомъ, будто бы въ Россіи неизвѣстно, существуетъ ли даже святѣйшій патріархъ въ царствующемъ градѣ.

Но и такую грамоту не пришлось отправить. Не прошло полутора десятка лѣтъ со времени великаго преступленія греческой церкви,—принятія уніи,—какъ пришла въ Москву вѣсть страшнѣе первой. «Се, чада мои, — писалъ митрополитъ Іона въ своемъ окружномъ посланіи, годъ спустя послѣ завоеванія Константинополя турками,—человѣкъ, христіанинъ православный, по имени Дмитрій гречинъ, пришелъ до насъ отъ великаго православія, отъ великаго того царствующаго Константина града, и повѣдалъ намъ, что, попущеніемъ Божіимъ, грѣхъ ради нашихъ, тотъ отъ толикихъ лѣтъ никѣмъ не взятый и Богомъ хранимый Константиноградъ—враги безбожные турки, святыя Божіи церкви и монастыри разорили и святыя мощи сожгли, старцевъ и старицъ, иноковъ и инокинь и весь греческій родъ—старыхъ мечу и огню предали, а юныхъ и младыхъ—въ плѣнъ отвели». Ясно: это было Божіе наказаніе, не замедлившее покарать грековъ за ихъ отступленіе въ латинство. «Сами вы знаете, дѣти мои, — развиваетъ свою мысль тотъ же Іона въ другомъ окружномъ посланіи, писанномъ пять лѣтъ спустя послѣ паденіи Константинополя, — сколько бѣдъ перенесъ царствующій градъ отъ болгаръ и отъ персовъ, державшихъ его семь лѣтъ, какъ въ сѣтяхъ; однако же онъ нисколько не пострадалъ, пока греки соблюдали благочестіе. А когда они отступили отъ благочестія, знаете, какъ пострадали, каково было плѣненіе и убійство; а ужъ о душахъ ихъ — одинъ Богъ вѣсть».

Выводъ былъ, опять-таки, ясенъ. Теперь надо было самимъ позаботиться о собственныхъ душахъ. «Съ того времени» (какъ пріѣхалъ Исидоръ съ собора),—писалъ великій князь императору еще до рокового событія,—«начали мы попеченіе имѣть о своемъ православіи, о безсмертныхъ нашихъ душахъ и о смертномъ часѣ и о предстаніи нашемъ на страшный судъ передъ судьей всѣхъ тайныхъ помышленій».

Страшная отвѣтственность свалилась, такимъ образомъ, на представителей русской церкви. Они отвѣчали теперь не только за свои души: они отвѣчали за судьбу православія во всемъ мірѣ, послѣ того какъ въ центрѣ православія, въ царствующемъ градѣ, «померкло солнце благочестія». Подъ этимъ впечатлѣніемъ сложилась знаменитая теорія о всемірно-исторической роли Московскаго государства,—о «Москвѣ—третьемъ Римѣ». Уже въ концѣ XV вѣка мы встрѣчаемъ полное развитіе этой теоріи въ посланіяхъ игумена одного псковскаго монастыря, Филоѳея. «Церковь стараго Рима пала невѣріемъ аполлинаріевой ереси, — пишетъ Филоѳей Ивану III,—втораго же Рима—константинопольскую церковь изсѣкли сѣкирами агаряне. Сія же нынѣ третьяго новаго Рима — державнаго твоего царствія—святая соборная апостольская церковь—во всей поднебесной паче солнца свѣтится. И да вѣдаетъ твоя держава, благочестивый царь, что всѣ царства православной христіанской вѣры сошлись въ твое единое царство: одинъ ты во всей поднебесной христіанамъ царь... Блюди же и внемли, благочестивый царь, что всѣ христіанскія царства сошлись въ твое единое, что два Рима пали, а третій стоитъ, а четвертому не быть; твое христіанское царство уже инымъ не достанется». Такимъ образомъ, русскій царь долженъ былъ соблюсти единственный, сохранившійся въ мірѣ, остатокъ истиннаго православія — нерушимымъ до второго пришествія Христова.

Съ этой теоріей должно было явиться впервые и сознаніе духовной самостоятельности русской церкви. Когда, лѣтъ сто спустя, русская церковь добилась, наконецъ, формальной независимости отъ Византіи, получивъ собственнаго патріарха (1589), московская всемірно-историческая теорія давно уже была оффиціально усвоена; въ самой грамотѣ, которою утверждалось новое московское патріаршество, теорія о «Москвѣ—третьемъ Римѣ» была еще разъ торжественно провозглашена. Фактически, однако, и раньше учрежденія патріаршества, русская церковь уже не зависѣла отъ константинопольской, и даже была придумана еще одна теорія, чтобы доказать эти притязанія русской церкви на полную независимость. Прежде, въ домонгольское и даже въ удѣльное время, русская церковь довольствовалась и даже гордилась своимъ происхожденіемъ отъ греческой церкви при святомъ Владимірѣ. Теперь, для *національной* русской церкви такое происхожденіе казалось уже недостаточно почетно. Надо было вывести начало русскаго христіанства прямо отъ апостоловъ, минуя греческое посредничество. Какъ русскій великій князь началъ вести свою власть непосредственно отъ Пруса, «брата императора Августа», такъ и русская

вѣра должна была идти непосредственно отъ Андрея, «брата апостола Петра». «Что вы намъ указываете на грековъ», отвѣчалъ царь Иванъ Грозный папскому послу Поссевину на его убѣжденія — послѣдовать примѣру Византіи и принять флорентійскую унію. «Греки для насъ не Евангеліе; мы вѣримъ не въ грековъ, а въ Христа: мы получили христіанскую вѣру при началѣ христіанской церкви, когда Андрей, братъ апостола Петра, пришелъ въ эти страны, чтобы пройти въ Римъ. Такимъ образомъ, мы на Москвѣ приняли христіанскую вѣру въ то же самое время, какъ вы въ Италіи; и съ тѣхъ поръ и доселѣ мы соблюдали ее ненарушимою».

И такъ, въ теченіе столѣтія передъ учрежденіемъ патріаршества, русская церковь нравственно и духовно эмансипировалась отъ Византіи. Эта эмансипація была совершена при прямомъ содѣйствіи государственной власти, въ прямыхъ интересахъ великаго князя московскаго. Національное возвеличеніе русской церкви было дѣломъ столько же духовнымъ, сколько и политическимъ; можетъ быть, даже болѣе политическимъ, чѣмъ духовнымъ. Не даромъ, московская теорія выдвигала «единаго во всемъ мірѣ царя православнаго» надъ всѣми другими. Такимъ путемъ московскій государь получалъ религіозное освященіе, явившееся весьма кстати для его только-что усилившейся власти. Естественно, что московскіе князья поспѣшили воспользоваться этимъ новымъ средствомъ для борьбы съ своими противниками и для окончательнаго установленія самодержавія.

Покровительствуемая государствомъ, національная русская церковь воздала ему равносильными услугами за это покровительство. Дѣлаясь національной, она въ то же время становилась государственной: она признавала надъ собой верховенство государственной власти и входила въ рамки московскихъ правительственныхъ учрежденій. На этой новой чертѣ, съигравшей весьма важную роль въ исторіи русской церкви, намъ опять надобно нѣсколько остановиться.

Собственно говоря, сама Византія подготовила ту тѣсную связь государства и церкви, которая составляетъ одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ русской церковности. Извѣстно, какую большую власть надъ церковью имѣлъ византійскій императоръ. Правда, и по восточной теоріи, какъ по западной, «*святительство*» было «выше *царства*», т. е. духовная власть выше свѣтской; но это нисколько не мѣшало византійскому императору постоянно вмѣшиваться фактически въ церковныя дѣла и считаться формально представителемъ и защитникомъ церковныхъ интересовъ. Власть

императора надъ восточной церковью должна была распространиться и на русскую епархію этой церкви. Императоръ участвовалъ въ поставленіи русскихъ митрополитовъ, въ распредѣленіи епархій, въ судѣ надъ іерархами русской церкви и т. д. Вмѣшиваясь, такимъ образомъ, въ духовныя дѣла русской церкви, императоры претендовали на нѣкотораго рода верховность и въ дѣлахъ свѣтскихъ. Русскіе князья считались какъ бы вассалами императора; еще въ XIV вѣкѣ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, русскій великій князь носилъ вассальное званіе «стольника» византійскаго императора. Въ концѣ того же вѣка, начинавшій сознавать свою власть великій князь московскій попробовалъ, было, протестовать противъ этого, заявивъ, что «мы имѣемъ церковь, а царя не имѣемъ и имѣть не хотимъ«; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ запретилъ поминать императора въ святцахъ. Но ему пришлось за это выслушать строгій выговоръ отъ патріарха константинопольскаго. «Невозможно христіанамъ,—писалъ патріархъ въ 1393 году Василію I,—имѣть церковь, но не имѣть царя; ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собою, и невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга... Святой царь занимаетъ высокое мѣсто въ церкви; онъ (т. е. византійскій императоръ) не то, что иные помѣстные князья и государи. Цари съ самаго начала упрочили и утвердили благочестіе во всей вселенной; цари собирали вселенскіе соборы, они же своими законами повелѣли соблюдать святые догматы и правила жизни христіанской, боролись съ ересями... За все это они имѣютъ великую честь и занимаютъ высокое мѣсто въ церкви... Послушай апостола Петра, сказавшаго: «Бога бойтесь, царя чтите». Апостолъ не сказалъ: «царей», чтобы кто не сталъ подразумѣвать подъ этимъ именующихся царями у разныхъ народовъ, но «царя», указывая тѣмъ, что одинъ царь во вселенной... Всѣ другіе присвоили себѣ имя царей насиліемъ».

Урокъ византійскаго патріарха не пропалъ даромъ. Этимъ урокомъ хорошо воспользовались внукъ и правнукъ князя Василія Дмитріевича. Да, дѣйствительно, необходимо признать власть «одного царя во вселенной» надъ христіанской церковью. Но этимъ царемъ сталъ, послѣ паденія Константинополя, государь московскій,—тотъ самый государь, которому венеціанскій сенатъ совѣтовалъ жениться на наслѣдницѣ византійскихъ императоровъ, чтобы, въ случаѣ прекращенія мужской линіи, получить право на наслѣдіе византійскаго престола. Женившись по этому совѣту на Софьѣ Палеологъ, Иванъ III положилъ начало претензіямъ московскихъ князей на титулъ и власть византійскихъ императо-

ровъ. Сынъ Ивана III, Василій III, уже носилъ фактически царскій титулъ, а внукъ, Иванъ Грозный, принялъ этотъ титулъ оффиціально, вмѣстѣ съ легендой, по которой знаки царскаго достоинства переданы византійскими императорами еще Владиміру Мономаху. Такимъ образомъ, въ одно и то же время русская церковь заявила свои права на независимость отъ константинопольскаго патріарха, и русскій царь замѣнилъ, по отношенію къ ней, мѣсто византійскаго императора, сдѣлавшись ея представителемъ и главою.

Недостаточно было, однако же, воли царя и болѣе или менѣе отвлеченной теоріи, на которую она опиралась, чтобы провести въ жизнь новое понятіе національной русской церкви. Для этого нужно было живое содѣйствіе самой церкви, и такое содѣйствіе оказали московскому правительству три знаменитыхъ іерарха русской церкви XVI столѣтія, всѣ трое проникнутые однимъ національно-религіознымъ духомъ. Мы говоримъ объ игуменѣ Волоколамскаго монастыря, Іосифѣ Санинѣ, и о двухъ митрополитахъ, Даніилѣ и Макаріи. Представители трехъ поколѣній, смѣнившихъ другъ друга на промежуткѣ отъ конца XV столѣтія до средины XVI, эти три общественные дѣятеля поочередно передавали другъ другу защиту идеи, возникшей въ началѣ этого промежутка и осуществленной въ концѣ его,—идеи національной и государственной церкви.

Іосифъ, Даніилъ и Макарій—типичные представители русской образованности и русскаго благочестія XVI вѣка. Сохраненіе старины и усердная преданность формѣ, буквѣ, обряду—таковы характерныя черты ихъ направленія. Нѣтъ большаго врага для этого направленія, какъ критическое отношеніе къ установившейся традиціи. «Всѣмъ страстямъ мати —*мнѣніе*; мнѣніе—второе паденіе»,—такъ формулировалъ этотъ основной взглядъ Іосифа одинъ изъ его учениковъ. Этимъ страхомъ передъ «проклятымъ» мнѣніемъ, боязнью сказать что-нибудь отъ себя, проникнута вся литературная дѣятельность Іосифа, Даніила и Макарія, бывшихъ самыми видными писателями XVI вѣка. Все, что писатель говоритъ, онъ долженъ говорить «отъ книгъ». Такимъ образомъ, литературное произведеніе превращается въ сборникъ выписокъ изъ «Божественнаго писанія». Въ произведеніяхъ Іосифа эти выписки еще нанизываются на одну общую мысль и не безъ нѣкотораго діалектическаго искусства связываются промежуточными разсужденіями. Въ поученіяхъ и посланіяхъ Даніила собственныя разсужденія сводятся уже къ нѣсколькимъ вступительнымъ строкамъ, сливающимся съ простымъ оглавленіемъ, и къ заключи-

тельной морали, часто вовсе не связанной съ главной темой. Вся же, болѣе или менѣе объемистая, середина произведеній состоитъ изъ безпорядочной груды выписокъ, при которыхъ собственная работа автора часто сводится, по замѣчанію новѣйшаго изслѣдователя сочиненій Даніила,—къ работѣ простого кописта. Наконецъ, Макарій задумываетъ и выполняетъ предпріятіе вполнѣ компилятивнаго характера: свои знаменитыя Минеи, долженствовавшія, по мысли составителя, представить собою полную энциклопедію всей древнерусской письменности: «вся святыя книги, которыя обрѣтаются въ русской землѣ».

За отсутствіемъ мысли, тѣмъ больше приходится въ этихъ литературныхъ произведеніяхъ на долю памяти. Чтобы всегда имѣть наготовѣ, «на краю языка»,—какъ выражается одинъ изъ біографовъ Іосифа,—какъ можно большее количество текстовъ писанія на всякую тему, нужно было, дѣйствительно, обладать колоссальной памятью и огромной начитанностью. При полномъ отсутствіи школы и критики, эта начитанность превращалась у насъ въ начетчичество. Типичными начетчиками были и Іосифъ, и Даніилъ. Для нихъ нѣтъ различій между читаемыми ими книгами: подъ одну рубрику идетъ Евангеліе и житія святыхъ, Библія и запрещенныя церковью христіанскія легенды, поученія отцовъ церкви и законы византійскихъ императоровъ. Все это, для начетчиковъ того времени, одинаково есть «Божественное писаніе».

Совсѣмъ не въ этомъ, впрочемъ, — не въ наукѣ, ни въ знаніи—видятъ наши іерархи XVI вѣка центръ тяжести христіанства. «Писаніе» нужно только для того, чтобы по нему устраивать жизнь. Къ устройству жизни, къ цѣлямъ прикладнымъ, практическимъ направлены всѣ ихъ помыслы и заботы. Плохіе литераторы, они являются искусными практиками и великими знатоками житейской премудрости.

Для этихъ практическихъ цѣлей основатель всего направленія, Іосифъ, создаетъ свой знаменитый Волоколамскій монастырь, сдѣлавшійся разсадникомъ русскихъ архіереевъ на цѣлое столѣтіе. Въ Волоколамскомъ монастырѣ проходилась строгая школа внѣшней дисциплины и внѣшняго благочестія. Монахи, обязанные не имѣть ничего своего, находились подъ самымъ мелочнымъ контролемъ устава, игумена и другъ друга. Монастырская дисциплина смиряла энергію характера, сглаживала личныя особенности, пріучала къ гибкости и податливости и вырабатывала людей, готовыхъ поддерживать и распространять идеи основателя монастыря. Куда бы ни забросила ихъ судьба, питомцы Волоколамскаго монастыря не прерывали связи съ своей alma

mater, поддерживали другъ друга и выводили людей своего направленія на всѣ видные посты духовной іерархіи. Такимъ образомъ, направленіе сохраняло свою силу изъ поколѣнія въ поколѣніе. Преемникъ Іосифа по игуменству, Даніилъ, достигъ митрополичьей каѳедры и выдвинулъ своего единомышленника, Макарія, сдѣлавшагося потомъ его замѣстителемъ. Больше полувѣка по смерти Іосифа терминъ «іосифлянинъ» сохранялъ очень опредѣленный смыслъ, вызывавшій почтеніе друзей и ненависть противниковъ.

Тѣсный союзъ церкви съ государствомъ—такова была главная цѣль, поставленная Іосифомъ и его послѣдователями. Поддерживать государственную власть и за это самимъ пользоваться ея поддержкой—такова была задача «осифлянъ». Іосифъ готовъ былъ считать торжество московскихъ государственныхъ порядковъ—торжествомъ самой церкви, и содѣйствовалъ ему всѣми возможными средствами. Ту же осифлянскую политику проводилъ и митрополитъ Даніилъ, какъ видно изъ его роли при арестѣ въ Москвѣ одного изъ послѣднихъ удѣльныхъ князей и при рѣшеніи вопроса о разводѣ Василія III съ бездѣтной Соломоніей Сабуровой. Покрывая своимъ авторитетомъ нарушеніе клятвы въ первомъ случаѣ и нарушеніе церковныхъ правилъ во второмъ, Даніилъ, очевидно, практиковалъ то «богопремудростное и богонаученное коварство», которое завѣщалъ своимъ послѣдователямъ Іосифъ, какъ правило высшей житейской мудрости.

Въ свою очередь, и церковь ожидала за это отъ правительственной власти равныхъ услугъ. Ничего не имѣя противъ вмѣшательства князя въ дѣла церкви, открывая даже этому вмѣшательству широкій просторъ, Іосифъ выхлопоталъ себѣ взамѣнъ покровительство власти въ самомъ насущномъ для него и для всей церкви его времени вопросѣ: въ вопросѣ о монастырскихъ имуществахъ. На монастырь Іосифъ смотрѣлъ, какъ на своего рода государственное учрежденіе, имѣющее цѣлью — подготовлять іерарховъ для государственной церкви. Сообразно этому взгляду, въ свой монастырь онъ принималъ съ разборомъ и не всякаго. Онъ предпочиталъ постригать у себя людей богатыхъ и знатныхъ, имѣвшихъ возможность давать за себя въ монастырь значительные вклады деньгами и имѣніями. Монастырь долженъ быть богатъ, чтобы въ него шли выдающіеся люди; и необходимо привлекать въ монастырь выдающихся людей, чтобы имѣть достойныхъ замѣстителей на высшихъ ступеняхъ церковнаго управленія. Таковы были практическія соображенія Іосифа. Между тѣмъ, былъ моментъ, когда монастырскимъ имѣніямъ угрожала большая

опасность: опасность быть отобранными въ казну. Въ этотъ-то моментъ и оказали свое дѣйствіе тѣ уступки, которыя готова была сдѣлать правительству партія Іосифа въ вопросѣ о независимости церкви. Правительство пошло на компромиссъ, и конфискація монастырскихъ имуществъ была, если не предотвращена совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, отсрочена на нѣсколько столѣтій. Съ своей стороны, осифляне употребили всѣ усилія, чтобы сдѣлать русскую церковь государственной и національной. Іосифъ теоретически поставилъ русскаго князя на то мѣсто, которое занималъ въ восточной церкви императоръ византійскій. Даніилъ практически подчинилъ церковь и ея представителей волѣ свѣтской власти. Наконецъ, Макарій примѣнилъ теорію и практику свѣтскаго вмѣшательства къ пересмотру духовнаго содержанія національной церкви и въ этомъ смыслѣ закончилъ дѣло, начатое волоколамскимъ игуменомъ. Вѣнцомъ осифлянской политики были духовные соборы первыхъ годовъ самостоятельнаго правленія Грознаго. Къ этому моменту національнаго самоопредѣленія и возвеличенія русской церкви мы и должны теперь обратиться.

Иностранцы сохранили намъ любопытное извѣстіе, что наши благочестивые предки XVI—XVII вв. любили въ церкви молиться каждый передъ своей собственной иконой. Въ случаѣ, если кто либо изъ паствы отлучался на время отъ церковнаго общенія, выносилась на это время изъ церкви и принадлежавшая ему икона. Тотъ же обычай съ лицъ распространился и на цѣлыя области. Жители каждой мѣстности любили имѣть у себя свою особенную, спеціально имъ принадлежащую святыню: свои иконы и своихъ мѣстныхъ угодниковъ, подъ особымъ покровительствомъ которыхъ находился тотъ или другой край. Когда въ Ростовѣ открыты были мощи св. Леонтія, перваго святаго въ этой области, Андрей Боголюбскій не могъ скрыть своего удовольствія и радости. «Теперь», говорилъ онъ, «я уже ничѣмъ не охужденъ» передъ прочими землями. Естественно, что такіе мѣстные угодники и чтились лишь въ предѣлахъ своего края, а другія области ихъ игнорировали или даже относились къ нимъ враждебно.

Со времени объединенія Руси этотъ партикуляристическій взглядъ на мѣстныя святыни долженъ былъ измѣниться. Собирая удѣлы, московскіе князья безъ церемоніи перевозили важнѣйшія изъ этихъ святынь въ новую столицу. Такимъ образомъ появилась въ московскомъ Успенскомъ соборѣ икона Спаса—изъ Новгорода, икона Благовѣщенія—изъ Устюга, икона Божіей Матери Одигитріи —изъ Смоленска, икона Псково-Печерская—изъ Пскова. Сдѣлавшись главой національной церкви, московскій го-

сударь уже систематически началъ собирать національную святыню. Самая цѣль этого собиранія была уже теперь другая. Вопросъ былъ не въ томъ, чтобы лишить покровительства мѣстныхъ святынь покоренныя области и привлечь къ себѣ это богатство; очередной задачей націонализовавшейся церкви становилось, такимъ образомъ,—привести это богатство во всеобщую извѣстность и присовокупить его къ сокровищницѣ національнаго благочестія. Надо было, какъ выражается составитель одного изъ житій, доказать, что русская церковь, хотя и явилась въ одиннадцатый часъ, но сдѣлала не меньше тѣхъ дѣлателей въ вертоградѣ Господнемъ, которые работали съ перваго часа; что сѣмена пали здѣсь не въ терніи и не на камень, а на доброй, тучной землѣ принесли жатву сторицею.

Таковы были побужденія, заставившія митроп. Макарія заняться составленіемъ обширнаго сборника всѣхъ существовавшихъ до его времени житій русскихъ угодниковъ. Но это составленіе Четіихъ-Миней было только прологомъ къ болѣе значительному предпріятію, «подобнаго которому», по выраженію одного новѣйшаго изслѣдователя русской агіографіи, «мы не находимъ ни ранѣе, ни послѣ, и не только въ русской церкви, но и въ церквахъ востока и запада». Дѣло шло о приведеніи въ извѣстность всѣхъ мѣстно-чествовавшихся русскихъ угодниковъ и о признаніи ихъ всероссійскими святыми.

Въ первый же годъ самостоятельнаго правленія Грознаго 1547) созванъ былъ для этой цѣли въ Москвѣ духовный соборъ, канонизовавшій всѣхъ тѣхъ мѣстныхъ угодниковъ, о которыхъ Макарій успѣлъ собрать необходимыя свѣдѣнія. Таковыхъ оказалось 22. Не ограничиваясь этимъ, Макарій разослалъ ко всѣмъ архіереямъ приглашеніе—произвести дальнѣйшіе опросы мѣстнаго духовенства и богобоязненныхъ людей, гдѣ какіе чудотворцы прославились знаменіями и чудесами. Результаты этихъ разспросовъ и справокъ были записаны и—въ видѣ вновь составленныхъ житій «новыхъ чудотворцевъ»—были представлены на второй духовный соборъ, съѣхавшійся годъ спустя послѣ перваго (1549). Къ лику святыхъ было на немъ причтено еще 17 угодниковъ. Такимъ образомъ, «въ два - три года», по справедливому замѣчанію только что упоминавшагося изслѣдователя (В. Васильева), «у насъ въ русской церкви канонизуется столько святыхъ, сколько не было канонизовано во всѣ предыдущіе пять вѣковъ, протекшихъ со времени основанія нашей церкви до этихъ соборовъ».

Національная гордость была теперь вполнѣ удовлетворена. Одинъ изъ «списателей» новыхъ житій могъ съ полнымъ правомъ

сказать, что со времени московскихъ соборовъ о новыхъ чудотворцахъ «церкви Божіи въ русской землѣ не вдовствуютъ памятями святыхъ» и Русь, дѣйствительно, сіяетъ благочестіемъ, «яко же второй Римъ и царствующій градъ (т. е. Константинополь)». Слова эти показываютъ, какое близкое отношеніе имѣла канонизація святыхъ къ обоснованію уже извѣстной намъ національной теоріи о «Москвѣ—третьемъ Римѣ». «Тамо бо», заключаетъ нашъ списатель, соединяя старый аргументъ съ новымъ, «вѣра православная испроказилась махметовой ересью отъ безбожныхъ турокъ,—здѣсь же, въ русской землѣ, паче просіяла святыхъ отецъ *нашихъ* ученіемъ». Заимствовавъ матеріалъ для первой половины этой антитезы изъ паденія Константинополя, а для второй—изъ рѣшеній московскихъ соборовъ о чудотворящихъ, авторъ приведенной цитаты, какъ будто нарочно связалъ въ одно цѣлое начало и конецъ разобраннаго нами процесса. Совѣсть московскихъ книжниковъ, встревоженная выпавшей на ихъ долю всемірно-исторической задачей, могла теперь быть спокойна. Послѣ московскихъ соборовъ задача эта перестала казаться непосильной; померкшее въ Царьградѣ «солнце православія» съ новой силой «просіяло» въ новой русской столицѣ и за судьбу истинной вѣры не было основаній страшиться. Дѣло осифлянъ было во всѣхъ своихъ существенныхъ чертахъ сдѣлано. Стоглавый соборъ, закончившій рядъ духовныхъ съѣздовъ для пересмотра и возвеличенія духовнаго содержанія національной церкви, былъ ихъ послѣдней и окончательной побѣдой.

Нельзя сказать, чтобы побѣда эта была достигнута безъ всякаго сопротивленія. Напротивъ, въ Заволжьѣ, по близости отъ Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря, создался сильный центръ оппозиціи противъ направленія волоколамскихъ иноковъ. Противъ трехъ главныхъ представителей осифлянства эта партія выставила трехъ достойныхъ противниковъ.

Преподобный Нилъ, почти ровесникъ Іосифа Волоколамскаго, устроилъ въ Заволжьѣ свою Сорскую пустынь, изъ которой и вышли его ученики, продолжавшіе его дѣло: Вассіанъ Косой, противникъ Даніила, и Артемій, съ которымъ пришлось бороться Макарію. Голосъ заволжскихъ старцевъ и ихъ послѣдователей неумолчно раздавался противъ осифлянъ всю первую половину вѣка, пока оставалась еще какая-нибудь надежда преодолѣть господствующее теченіе. Голосъ этотъ смолкъ—или, точнѣе говоря, былъ подавленъ—только послѣ окончательнаго торжества національно-религіозной партіи, въ срединѣ XVI вѣка.

Воззрѣнія Нила Сорскаго и его послѣдователей были во всемъ

противоположны взглядамъ волоколамскаге игумена. Въ Заволжьѣ утверждали, въ противоположность начетчичеству осифлянъ, что не всякій клочекъ писанной бумаги есть священное писаніе,—что «писанія многа, но не вся божественна суть»: «кая заповѣдь Божія, кое отеческое преданіе, а кое — человѣческій обычай». Писаніе, по ихъ взгляду, надо «испытывать», относиться къ нему критически, и только Евангеліе и Апостолъ слѣдуетъ принимать безусловно. Въ противоположность сліянію церкви и государства, заволжскіе старцы требовали строгаго раздѣленія ихъ и взаимной независимости. Нечего князю совѣтоваться съ иноками, съ «мертвецами», умершими для міра; но, въ свою очередь, и церковь не должна подчиняться міру, пастыри не должны «страшиться власти» и обязаны спокойно стоять за правду, такъ какъ «больше есть священство царства», и свѣтскій государь—не судья въ дѣлахъ духовныхъ. Дѣло духовное есть дѣло личной совѣсти каждаго, и потому нельзя за религіозныя мнѣнія наказывать свѣтской властью. Въ противоположность друзьямъ Іосифа, взывавшимъ къ святой инквизиціи и настаивавшимъ на казни еретиковъ, Нилъ утверждалъ, что судить правыхъ и виноватыхъ и ссылать въ заключеніе—не дѣло церкви. Ей подобаетъ дѣйствовать лишь убѣжденіемъ и молитвой. Тѣмъ же духомъ внутренняго христіанства проникнуто и нравственное ученіе заволжскихъ старцевъ. Не церковное благолѣпіе, не драгоцѣнныя ризы и иконы, не стройное церковное пѣніе составляютъ сущность благочестія, а внутреннее устроеніе души, духовное дѣланіе. Не жить на чужой счетъ должны Христовы подвижники, а питаться трудами рукъ своихъ. Монастыри, поэтому, не должны обладать имуществами, а монахи должны быть «нестяжателями»; имущество же, по евангельской заповѣди, слѣдуетъ раздавать нищимъ. Наконецъ, въ «новыхъ чудотворцевъ» заволжскіе старцы не вѣрили.

Для Россіи XVI вѣка всѣ эти воззрѣнія, даже въ самой умѣренной ихъ формулировкѣ, явились слишкомъ преждевременно. Ни идея критики, ни идея терпимости, ни идея внутренняго, свободнаго христіанства не были по плечу тогдашнему русскому обществу; для огромнаго большинства эти идеи просто даже были непонятны. Уже одно это обстоятельство обрекало дѣло «нестяжателей» на неудачу. А, между тѣмъ, они еще болѣе ослабили свою позицію тѣмъ, что скомпрометировали себя сношеніями съ явными еретиками-раціоналистами и находились въ тѣсной связи съ политическими противниками власти. Эти связи и рѣшили окончательно ихъ участь. Самъ Нилъ Сорскій не дожилъ до развязки борьбы и могъ умереть спокойно. Но Вассіанъ, несмотря на свое

знатное происхожденіе изъ рода князей Патрикѣевыхъ, несмотря даже на родственную связь съ великокняжескимъ домомъ, въ концѣ концовъ былъ осужденъ, какъ еретикъ, духовнымъ соборомъ подъ предсѣдательствомъ Даніила. Осужденный, онъ отданъ былъ въ руки злѣйшихъ своихъ враговъ, «осифлянъ»,—въ ихъ монастырь, на заточеніе. Наконецъ, Артемій вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими осужденъ былъ, какъ еретикъ, вскорѣ послѣ Стоглаваго собора и сосланъ въ Соловки. Впрочемъ, ему удалось бѣжать оттуда въ Литву, гдѣ его лучше оцѣнили и гдѣ онъ долго и успѣшно защищалъ православіе отъ протестантизма и католичества.

Соборы противъ еретиковъ (1553—1554) закончили дѣло, начатое Стоглавымъ соборомъ и соборами о новыхъ чудотворцахъ. Эти послѣдніе соборы опредѣлили, во что должна вѣрить русская національная церковь; соборы противъ еретиковъ рѣшили, во что она *не* должна вѣрить. И положительно, и отрицательно—содержаніе національной русской церкви было теперь окончательно опредѣлено и оффиціально санкціонировано.

«Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніяхъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ» см. въ сочиненіи *А. П. Рущинскаго* подъ этимъ заглавіемъ, въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей россійскихъ» 1871, III. Объ измѣненіи отношеній къ грекамъ и національзаціи русской церкви, см. *Н. Ѳ. Каптерева*, Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку, Москва, 1885. Разборъ легенды объ апостолѣ Андреѣ см. въ Исторіи русской церкви *Е. Голубинскаго.* Грамота патріарха Антонія в. к. Василію I (1393) напечатана въ Памятникахъ древне-русскаго каноническаго права, I. (Русская истор. библіотека, т. VI), Спб. 1880. Посланія Геронтія, Іоны и в. князя въ Актахъ историческихъ, I. О дѣятельности Іосифа см. *И. Хрущова*, Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, Спб. 1868. Исторія вопроса о монастырскихъ имуществахъ въ связи съ партійной борьбой изложена въ «Историческомъ очеркѣ секуляризаціи церковныхъ земель» *А. С. Павлова.* Литературная и общественная дѣятельность митр. Даніила, роль волоколамскаго монастыря и взгляды «осифлянъ» и ихъ противниковъ охарактеризованы въ обширномъ сочиненіи *В. Жмакина*, Митр. Даніилъ и его сочиненія, въ «Чтеніяхъ О. И. и др.» 1881, I—II. О собираніи русской святыни см. Исторію канонизація русскихъ святыхъ *В. Васильева* («Чтенія», 1893, III). О Нилѣ см. *А. С. Архангельскаго*, Препод. Нилъ Сорскій, въ Памятникахъ древней письменности, XXV, Спб. 1881. Данныя объ Артеміи см. въ сочиненіи свящ. *С. Садковскаго*: Артемій игуменъ троицкій («Чтенія», 1891, IV).

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПО НОВОМУ ПУТИ.

Романъ.

*(Продолженіе *).*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

IX.

„Милый Андрей, я даже не прошу у тебя прощенія за свое молчаніе, а еще больше за свои глупыя письма къ тебѣ, которыя, говоря откровенно, хуже даже молчанія, потому что не выражаютъ и тысячной доли того, о чемъ хотѣлось бы написать. Послѣднее меня просто мучитъ... Нужно такъ много написать, высказать, просто выговориться, какъ любитъ выражаться милая Парасковея Пятница. Я начинала писать десять писемъ и рвала ихъ, потому что все выходило какъ-то ужасно глупо. Наконецъ, я нашла объясненіе, Андрей: да, я слишкомъ счастлива, а всѣ счастливые люди невольно дѣлаются эгоистами. Въ самомъ дѣлѣ, что такое счастье? Это простая случайность. И вотъ тебѣ примѣръ. Я поступила въ академію безъ экзамена, потому что эта льгота была сдѣлана для кончившихъ гимназію съ золотой медалью и, какъ говорятъ, на другой годъ эта льгота уже не повторится. Вотъ тебѣ и счастье... Въ одномъ кружкѣ я встрѣчаю двухъ дѣвушекъ, которыя пріѣхали изъ Восточной Сибири и провалились на пріемномъ экзаменѣ. Вѣдь это обидно до слезъ, ѣхать такую даль, чтобы провалиться. Такъ и во всемъ, Андрей. Однимъ счастье, а другимъ неудачи, и этихъ другихъ милліоны. Мнѣ просто совѣстно дѣлается за свое соб-

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль, 1896 г.

ственное счастье. Именно такое чувство я испытывала недавно, когда попала на балъ, ежегодно устраиваемый въ пользу недостаточныхъ студентовъ-медиковъ. Кстати, эти господа студенты называютъ насъ „бабами". „У бабъ читаютъ гистологію", „бабъ экзаменуютъ по анатоміи", „бабы занимаются химіей!.." Конечно, это пустяки, глупое слово, но меня сначала немножко коробило. Я до сихъ поръ не считала себя бабой, и настоящая баба мнѣ представлялась почти низшимъ существомъ. Ты, конечно, догадываешься, что бабами насъ повеличиваетъ ненавистный тебѣ Крюковъ. На этотъ разъ ты правъ. Я съ нимъ даже поссорилась изъ-за этого слова. Да, тонъ былъ бабъ... Представь себѣ двѣ тысячи студентовъ и курсистокъ — это въ своемъ родѣ единственное зрѣлище. Точно какая-то морская волна движется изъ одной залы въ другую, и все молодыя, такія хорошія лица. Кого-кого тутъ не было... Буквально со всѣхъ концовъ Россіи и подавляющее большинство провинціалы, которыхъ сразу можно отличить: кавказцы, сибиряки, хохлы, поляки, русскіе, нѣмцы, и такъ безъ конца. Вѣдь это трогательно, когда представишь себѣ, это тяготѣніе къ знанію, къ труду, къ будущей дѣятельности на пользу своей далекой родины, которое привело сюда эти тысячи молодежи. Когда и насъ не будетъ, явятся новыя поколѣнія на нашу смѣну и такъ безъ конца, точно движется несмѣтное войско. Когда я слушала студенческій хоръ и думала объ этомъ, меня душили слезы — ты знаешь, я немного плакса. Право, эти мысли страшно волнуютъ и поднимаютъ куда-то вверхъ. Да, я на этомъ пиру только гостья, и мое мѣсто сейчасъ же будетъ занято другой дѣвушкой, которая, въ свою очередь, тоже будетъ гостьей. Я ужасно люблю свою академію, люблю, какъ любятъ отца или мать, и я испытываю это любовное настроеніе каждое утро, когда иду на лекціи. Да, это мой домъ, моя вторая духовная родина, моя alma mater... Кто знаетъ, что будетъ впереди, но это чувство останется навсегда и мнѣ жаль тѣхъ, которые его не испытали никогда. Безъ него жизнь не полна".

„Вотъ видишь, какъ я сбиваюсь все на отвлеченныя тэмы и общія разсужденія, а тебя интересуетъ настоящее, то новое, что окружаетъ меня. Но этого новаго такъ много, что

нужно написать цѣлую книгу, чтобы изобразить всего одинъ день. Моихъ новыхъ знакомыхъ ты отчасти знаешь... Кстати, мнѣ совсѣмъ не нравится то раздраженіе, съ которымъ ты пишешь о Крюковѣ и „бабьихъ пророкахъ“. Говоря откровенно, я просто тебя не узнаю. А еще сколько мы съ тобой недавно говорили о терпимости, объ уваженіи къ чужимъ убѣжденіямъ, о широкомъ взглядѣ на жизнь и людей. И вдругъ въ твоихъ письмахъ какое-то злопыхательство, какъ говоритъ Щедринъ. Прежде всего, и студенты, и курсистки люди, а всѣ люди имѣютъ свои достоинства и свои недостатки. Молодые люди имѣютъ, можетъ быть, меньше недостатковъ, но это не мѣшаетъ имъ пріобрѣсти ихъ впослѣдствіи. Зачѣмъ же сейчасъ отравлять себѣ настоящее этими мрачными мыслями. Пока хорошо, и будемъ этимъ довольны. Но это такъ, между прочимъ. Я не могу сердиться на тебя и думаю, что въ тебѣ говоритъ зависть... Прости меня, но это такъ. Не достаетъ только личнаго свиданія, чтобы вышла настоящая семейная сцена, какія устраиваетъ ежедневно моя милая тетушка доброму дядушкѣ. Право, хорошо, что мы еще не мужъ и жена и обходимся безъ тѣхъ правъ другъ на друга, которыя проявляются часто совсѣмъ некрасиво. Я повторяю это слово: „некрасиво“, потому что есть великая душевная красота, гораздо большая, чѣмъ красота физическая. Изъ всѣхъ предметовъ, которые намъ сейчасъ читаютъ, меня больше всего поражаетъ анатомія и, представь себѣ, поражаетъ именно своей красотой... Говоря откровенно, я относилась раньше къ этой наукѣ нѣсколько брезгливо: кости, мясо, внутренности — однимъ словомъ, разная гадость. Мнѣ это и купецъ на желѣзной дорогѣ говорилъ, когда поѣздъ подходилъ къ самому Петербургу. Обстановка анатомическаго музея и особенно препаровочная тоже говорятъ не въ пользу красоты, но это только чисто внѣшнее впечатлѣніе. Анатомія открываетъ такой неизмѣримый міръ красоты, что невольно становишься втупикъ. Понимаешь, каждый человѣкъ — это, дѣйствительно, вѣнець творенія, послѣднее слово возможной на землѣ красоты. Нѣтъ такой ничтожной мелочи, которая не представлялась бы верхомъ совершенства. Каждая косточка, каждый мускулъ, каждый хрящикъ, сухожиліе, сосудъ, связка—все устроено идеально хорошо. Мнѣ кажется, что при-

рода, создавшая человѣческое тѣло, именно женщина, потому что только заботливая и любящая женская рука могла такъ заботливо и любовно распредѣлить весь матеріалъ. Ты не можешь себѣ представить, какое чудо представляетъ собой каждая кость—всѣ чудеса нашей техники, которыми мы такъ гордимся, дѣтская игрушка передъ внутренней структурой такой кости, въ которой разрѣшется вопросъ—съ наименьшей затратой матеріала получить наибольшую устойчивость. А какъ *мило* привязаны эти кости между собой, какъ чудно прикрѣплены къ нимъ мускулы, какъ устроена система питанія и какъ все въ общемъ гармонично, просто и красиво безъ конца, какъ всякое идеальное произведеніе. У меня нѣтъ такихъ словъ, чтобы вполнѣ выразить то, что я чувствую. Мнѣ кажется,—нужно музыку, чтобы договорить то, на что не хватаетъ словъ, или, по меньшей мѣрѣ, стихи. Ты не смѣйся—это не увлеченіе неофитки, а святая истина. Я подхожу прямо къ вопросу о томъ, что, будто бы, естествознаніе убиваетъ женщину, чувство красоты—нѣтъ, не правда и тысячу разъ неправда. А ботаника? Милый Андрей, если бы мы могли заниматься вмѣстѣ этой чудной наукой... Я часто думаю объ этомъ, и мнѣ дѣлается обидно, что моихъ восторговъ некому раздѣлить, а я привыкла думать вмѣстѣ съ тобой, больше—ты для меня являешься мѣрой всѣхъ вещей, и я мысленно каждый разъ прикидываю тобой, какъ купецъ аршиномъ. Вѣдь безъ тебя для меня ничего не существуетъ. Впрочемъ, довольно. О себѣ опять ничего не сказала. Ну, до другого раза. Твоя Маруся".

Это посланіе было написано поздно ночью и, благодаря этому обстоятельству, Честюнина проспала дольше обыкновеннаго. Утромъ она едва успѣла напиться чаю и улетѣла на лекцію, забывъ о письмѣ. Парасковея Пятница сама убирала по утрамъ комнаты жильцовъ. Возьметъ щетку, крыло, тряпку, закуритъ папиросу и начинаетъ водворять порядокъ. Такъ было и сейчасъ. Вытирая пыль на столѣ у Честюниной, Парасковея Пятница невольно прочла первыя два слова письма: „Милый Андрей..."

— Ага, вотъ оно въ чемъ дѣло...—подумала она вслухъ, улыбаясь и дымя папиросой.—Такъ... А еще какой тихоней прикидывается. То-то каждый вторникъ письма получаются

отъ какого-то брата... Вотъ тебѣ и братъ. Ахъ, молодость, молодость...

Парасковея Пятница умиленно вздохнула, закрыла глаза и присѣла на стулъ. Должно быть, всѣ дѣвушки на свѣтѣ одинаковы. Сколько писемъ она написала Ивану Михайлычу... И всѣ письма начинались вотъ такъ же: „Милый Иванъ".

Въ слѣдующій моментъ у Парасковеи Пятницы явилось неудержимое женское любопытство прочесть, что она пишетъ ему. Господи, какъ интересно... Цѣлыхъ восемь страницъ исписано, и навѣрно всю душу излила. Ахъ, какъ интересно!.. Вѣдь этотъ первый лепетъ любви все равно, что ароматъ распускающагося перваго весенняго цвѣтка... Конечно, читать чужія письма подлость, тѣмъ болѣе любовныя письма, а съ другой—ничего съ другой стороны нѣтъ, кромѣ той же подлости. Парасковея Пятница взяла исписанные листы почтовой бумаги, взвѣсила ихъ на рукѣ, улыбнулась и положила обратно на столъ, счастливая этимъ актомъ самопожертвованія. Но у ней вдругъ явилась новая мысль. Она вспомнила, что Иванъ Михайлычъ читалъ ея письма всѣмъ товарищамъ, и когда она узнала объ этомъ и, конечно, страшно разсердилась, отвѣтилъ ей словами великаго сердцевѣдца Шекспира:

— Если ты не помнишь и малѣйшей глупости, до которой когда-либо доводила тебя любовь твоя—не любилъ ты... Если ты не говорилъ, утомляя слушателя восхваленіями своей возлюбленной—не любилъ ты...

Развѣ это не правда? О, Иванъ Михайлычъ умѣлъ любить и не скрывалъ этого изъ принципа позитивизма, формула котораго у него была написана на стѣнѣ надъ письменнымъ столомъ. Парасковея Пятница присѣла къ столу и въ концѣ письма сдѣлала post scriptum: „Во имя человѣчества—любовь нашъ принципъ, порядокъ—основаніе, а прогресъ—цѣль нашей дѣятельности. Жить для другихъ. Парасковея Пятница".

Оправдавъ себя впередъ этими неопровержимыми истинами, Парасковея Пятница присѣла къ столу, заложила нога на ногу, закурила новую папиросу и принялась за письмо. По мѣрѣ чтенія, лицо у нея все больше и больше распус-

калось въ самую блаженную улыбку. Господи, какъ это мило... Тотъ тамъ горячку поретъ, а она ему анатомію преподноситъ. Вотъ это называется любовное письмо... Потомъ Парасковея Пятница принялась хохотать до слезъ и даже пала на кровать. Что же это такое?

— Тотъ-то, тотъ-то, милый-то Андрей какую физіономію сдѣлаетъ, когда получитъ эту анатомію? О, ха-ха-ха... Вѣдь это называется у добрыхъ людей: крышка. Ну, и дѣвица...

Она перечитала письмо разъ пять, выкурила цѣлый десятокъ папиросъ и продолжала хохотать, какъ сумасшедшая.

— Ахъ, милая! Какая она милая, эта дѣвица Маруся...— шептала она, цѣлуя письмо.

Именно въ этотъ моментъ въ комнату вошла Честюнина. Одна лекція оказалась пустой, и она вернулась домой за забытымъ письмомъ. Увидавъ его въ рукахъ Парасковеи Пятницы, дѣвушка покраснѣла и проговорила рѣшительно:

— Парасковея Игнатьевна, я не думала, что вы способны на что-нибудь подобное... и я считаю излишнимъ объяснять вамъ, какъ *это* называется. Да...

— Милая, да вы не сердитесь, а прочитайте, что я добавила къ вашему письму отъ себя...

— Послушайте, это... это уже верхъ... да, верхъ нах...

Парасковея Пятница не дала выговорить рокового слова и поцѣлуемъ закрыла сердитый ротъ. Честюнина прочла приписку и хотѣла разорвать письмо, но Парасковея Пятница не позволила.

— Милочка, ради Бога, не дѣлайте этого... Вѣдь другого такого чуднаго письма не напишете ни за какія деньги. Вы лучше разсердитесь на меня, презирайте... Какая вы милая, чудная дѣвушка!.. И отчего вы раньше мнѣ ничего не сказали о своемъ романѣ? Какъ вамъ не стыдно? А вотъ я ужъ люблю этого милаго Андрея... Право, люблю! Онъ тоже хорошій, милый, чудный... Боже, какъ я люблю васъ обоихъ, если бы вы знали, моя хорошая. А онъ сердится? Съ мужчинами это бываетъ, крошка, потому что они все-таки эгоисты и даже Иванъ Михайлычъ иногда бывалъ эгоистомъ. Самъ потомъ признавался мнѣ... да... А тутъ у меня до васъ жила одна курсистка и у ней тоже былъ романъ. Она сначала

все скрывалась, вотъ какъ вы, ну, а потомъ, конечно, все и раскрылось. Онъ — офицеръ, кончилъ свою академію и ужасно пылкій южанинъ... Они постоянно ссорились, и мнѣ приходилось постоянно ихъ мирить. Ахъ, сколько мнѣ хлопотъ и непріятностей было съ ними, а потомъ... Представьте себѣ, что вышло-то: она не кончила курса и вышла замужъ, только не за офицера, а за какого-то несчастнаго филолога. Боже мой, что только было! Офицеръ хотѣлъ меня шашкой изрубить...

Развѣ можно было сердиться на Парасковею Пятницу? Честюнина вложила письмо въ конвертъ и наклеила марку.

— Я его сама сейчасъ же снесу,—предлагала Парасковея Пятница, отнимая конвертъ.—Вы еще потеряете...

X.

То было раннею весной... Парасковея Пятница ужасно волновалась. Положимъ, она всю жизнь волновалась, но сейчасъ волновалась спеціально. Когда раздавался звонокъ въ передней и въ корридорѣ слышались шмыгающіе тяжелые шаги, точно кто тащилъ собственныя ноги, она даже отплевывалась съ благочестивымъ негодованіемъ.

— Литва проклятая!—ругалась Парасковея Пятница.— Тоже найдутъ кушанье... Развѣ это мужчина? Развѣ такіе мужчины бываютъ? Если бы мнѣ было двадцать лѣтъ, да я и не взглянула бы на такого мозгляка... Тьфу! Собственно и человѣка нѣтъ, а одни волосы.

Предметомъ этого негодованія являлся Жиличко, который въ теченіе этой зимы имѣлъ какой-то странный и необъяснимый успѣхъ среди курсистокъ. Онъ былъ медикомъ послѣдняго курса и зналъ только свою академію. Изрѣдка Крюковъ затаскивалъ его куда-нибудь, а то Жиличко вѣчно торчалъ у себя дома. Или читаетъ, или шагаетъ изъ угла въ уголъ, какъ маятникъ. И некрасивъ, и нерѣчистъ, и, вообще, ничего привлекательнаго, а между тѣмъ его сейчасъ брали нарасхватъ. Къ нему приходили по вечерамъ и Морозова, и Лукина и даже Борзенко, о чемъ-то спорили и ревновали другъ друга. Ну, эти бойкія дѣвицы и вездѣ бываютъ, а вотъ зачѣмъ Честюнина за нимъ же увя-

залась. Послѣднее возмущало Парасковею Пятницу до глубины души. Такая скромная и серьезная дѣвушка и вдругъ туда же. То онъ у нея въ комнатѣ чаи распиваетъ, то она у него. Сначала немного стѣснялись, а потомъ ни въ одномъ глазу. Заберется къ нему въ комнату и сидитъ. Положимъ, дурного въ этомъ ничего нѣтъ и никто не смѣетъ этого подумать, а все-таки не хорошо. Разъ Парасковея Пятница не выдержала и, подавая въ одинъ изъ вторниковъ письмо отъ Андрея, спросила довольно сурово:

— Марья Гавриловна, а какъ адресъ Андрея Ильича?

— А вамъ для чего это знать?—довольно рѣзко отвѣтила Честюнина.

— Да такъ... Дѣльце есть маленькое.

И пока Честюнина набросала карандашемъ адресъ, она спокойно замѣтила:

— Это уже мое дѣло...

— Вы противорѣчите себѣ... А позитивный принципъ?..

Парасковея Пятница демонстративно повернулась и вышла. Она отъ души жалѣла Честюнину, у которой даже характеръ измѣнился. Раньше была тише воды, ниже травы, а теперь просто не подступайся. Какъ коза, такъ и бодается... Ахъ, молодость, молодость! Видно всѣ женщины одинаковы. А дѣвушки такъ неопытны,—долго-ли ошибиться. Во всякомъ случаѣ, Парасковея Пятница сочла своимъ прямымъ долгомъ принять самыя рѣшительныя мѣры, чтобы во-время предупредить грозившую опасность. Она затворилась въ своей комнатѣ на крючекъ, сѣла къ столу, вооружилась перомъ и размашистымъ, не женскимъ почеркомъ начала: „Милостивый государь, Андрей Ильичъ. Васъ, вѣроятно, удивитъ мое письмо, какъ человѣка совершенно посторонняго, но могу сказать въ свое оправданіе одно—мной руководятъ самыя чистыя побужденія“... Чѣмъ дальше она писала, тѣмъ быстрѣе двигалось перо. Конечно, дѣло не обошлось безъ цитатъ изъ разныхъ геніальныхъ произведеній и закончилось ссылкой на примѣръ Ивана Михайловича, находившагося разъ точно въ такомъ же положеніи. „Я не скрываю этого обстоятельства“, закончила свое письмо Парасковея Пятница, „дѣло прошлое и я въ свое время тоже увлекалась, какъ всѣ дѣвушки. Но Иванъ Михайлычъ былъ рѣшитель-

ный человѣкъ, и поступилъ со мной довольно круто. Я сначала негодовала, возмущалась и только потомъ поняла, что онъ былъ совершенно правъ".

Отправить сейчасъ же это роковое письмо Парасковея Пятница не рѣшалась. Она смутно чего-то ждала, какой-то внѣшней помощи, которая и явилась въ лицѣ Кати Аноxиной. Дѣвушка пріѣхала навѣстить сестру, и не застала ее дома; Честюнина ушла на практическія занятія гистологіей. Этимъ Парасковея Пятница и воспользовалась. Она пригласила гостью къ себѣ и предупредила какимъ-то зловѣщимъ голосомъ.

— У меня къ вамъ есть серьезное дѣло, сударыня. Я даже хотѣла сама ѣхать къ вамъ, только не знала адреса. Да, очень серьезное,

Предварительно, она, конечно, прочитала маленькую лекцію о соціальномъ положеніи женщины, о будущемъ женскаго вопроса, и только потомъ перешла къ сути дѣла. Послѣднее было изложено съ точностью и подробностями, какъ протоколъ слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ. Катя слушала ее съ широко-раскрытыми глазами и нѣсколько разъ прерывала восклицаніемъ:

— Ахъ, какъ это интересно!.. Маня влюблена?..

— Позвольте, сударыня,—строго оборвала ее Парасковея Пятница.—Вы выслушайте до конца... Вамъ извѣстно, что у Марьи Гавриловны есть женихъ?

— Да, что-то такое вообще .. Но, вѣдь, это неизбѣжно, какъ дѣтскія болѣзни, и пройдетъ само собой. У нихъ тамъ, въ провинціи, все это устраивается какъ-то необыкновенно легко... Вообще, я не придавала этому никакого серьезнаго значенія. Совершенно дѣтское увлеченіе.

— Не говорите, сударыня... Главное, нельзя обманывать хорошаго человѣка. И вы поговорите съ ней серьезно...

— Да, вы... Это ваша прямая обязанность, какъ сестры. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...

Катя повела дѣло съ присущимъ ей тактомъ. Она не дождалась Честюниной, а заѣхала къ ней въ другой разъ.

— Ѣдемъ кататься на острова, — рѣшительно заявила она. — Это буржуазно, но я такъ люблю острова именно ранней весной. Ты мнѣ можешь прочитать дорогой цѣлую

лекцію о преступной роскоши, о легкомысленномъ образѣ жизни.

Честюнина, противъ ожиданія, согласилась молча. Она надѣла свою темную шляпу, которая приводила Катю въ отчаяніе, осеннее пальто и отправилась съ такимъ видомъ, какъ будто ѣхала куда-нибудь на поминки. Оглядѣвъ ее съ ногъ до головы, Катя осталась довольна. Право, все очень мило, по крайней мѣрѣ — оригинально. Молодое дѣвичье лицо въ этомъ монашескомъ костюмѣ положительно выигрывало, и Катѣ ученая сестра показалась красавицей, красавицей новаго типа. Она не могла удержаться и проговорила, когда онѣ садились въ щегольскую лихачью пролетку неизмѣннаго Ефима.

— Если бы я была мужчиной, Маня, я влюбилась бы въ тебя... Ахъ, какъ мнѣ хочется жить! Ефимъ, поѣзжай хорошенько, чтобы духъ замиралъ...

Ефимъ любилъ возить бойкую барышню и поддержалъ репутацію лихача. Они понеслись вихремъ, когда выбрались на Каменноостровскій проспектъ, гдѣ сплошной лентой двигалась масса экипажей. Ранней весной этотъ проспектъ является главной петербургской артеріей, и Честюнина невольно заразилась общимъ настроеніемъ. Конечно, лихачи преступная роскошь, но какъ хорошо мчаться вихремъ... Въ воздухѣ чувствовалась какая-то поджигающая весенняя бодрость, хотя деревья только еще начинали распускаться. Съ моря дулъ легкій вѣтерокъ. Нева, какъ всегда, была такая полная, точно налитая.

— Ахъ, какъ хорошо! — шептала Катя. — Ефимъ, на Елагинъ...

Дачи уже были готовы къ лѣту, шоссе исправлено, дорожки посыпаны свѣжимъ пескомъ — однимъ словомъ, все было готово въ ожиданіи быстро наступавшей весны. По дорогѣ обогнало нѣсколько кавалькадъ. Катя провожала ихъ глазами съ тайной завистью.

— Маня, ты любишь ѣздить верхомъ?

— Не умѣю сказать, потому что никогда не испытала этого удовольствія.

Потомъ Катя толкнула локтемъ и шепнула:

— Смотри, насъ сейчасъ обгонитъ бѣлокурый офицеръ...

Офицеръ, дѣйствительно, обогналъ и раскланялся съ Катей самымъ галантнымъ образомъ.

— Онъ за мной немножко ухаживалъ зимой,—откровенничала Катя.—Онъ изъ остзейскихъ бароновъ, которые ищутъ богатыхъ невѣстъ. Надъ бѣдняжкой кто-то очень зло подшутилъ, выдавъ меня за богатую невѣсту. Ну, потомъ горькая истина открылась и баронъ крайне деликатно отъѣхалъ... Мнѣ онъ очень нравится. Вѣдь не дурно быть баронессой...

— Какія ты нелѣпости говоришь, Катя...

— У всякаго своя логика. Милому барону не достаетъ только денегъ, чтобы быть вполнѣ порядочнымъ. А я могла бы быть съ нимъ счастлива... Даже смѣшно, что отъ такихъ пустяковъ иногда зависитъ счастье всей жизни!.. Ну, для чего деньги вонъ тому толстому купцу, котораго доктора посылаютъ на острова подышать воздухомъ? Это соціальная несправедливость, Маня...

— Помолчи, неудавшаяся баронесса... Скучно.

На Елагиномъ онѣ вышли и пошли пѣшкомъ. Катя сейчасъ любовалась красивыми яхточками, бороздившими рѣку, спортсмэнскими гичками и, по обыкновенію, завидовала богатымъ людямъ, которымъ доступны всевозможныя удовольствія.

— Ахъ, какъ мнѣ хочется жить, Маня... — повторяла она.—Я, кажется, готова украсть весь міръ.

Онѣ обошли point, гдѣ было много публики и экипажи двигались непрерывной лентой, а потомъ Катя отдала Ефиму приказаніе подождать и повела Честюнину въ боковую аллею.

— Мнѣ съ тобой нужно поговорить серьезно, Маня,— предупреждала она.

— Ты будешь говорить серьезно?

— Да, и даже очень серьезно. Знаешь, со мной вышла пренепріятная исторія, и я хотѣла посовѣтоваться съ тобой... У меня было одно увлеченіе. Онъ молодой и хорошій человѣкъ, но бѣденъ и долженъ былъ взять мѣсто секретаря въ одномъ изъ уѣздныхъ земствъ. Ты понимаешь? Мы вели переписку... у насъ все было уговорено... да. Я, вѣдь, только кажусь легкомысленной. И представь себѣ... Нынѣшней зимой встрѣчаю одного доктора. Онъ некрасивый, но такой симпатичный. Сначала я на него не обращала вниманія, а потомъ... Однимъ словомъ, я измѣнила первому, а онъ про-

должаетъ меня любить, и я не знаю, что мнѣ дѣлать. Какъ ты думаешь, хорошо я дѣлаю?

— Объясниться откровенно, конечно...

— А если у меня рука не поднимается разбить жизнь первому? Много разъ собиралась объясниться и не могу. Ты скажи, хорошо я поступаю или нѣтъ?

Честюнина не знала, что отвѣтить.

— А я тебѣ скажу прямо: не хорошо и гадко. Да... Есть извѣстныя границы для всего и нельзя играть чужимъ счастьемъ.

Онѣ присѣли на первую скамейку, и Честюнина только теперь догадалась, въ чемъ дѣло. Она страшно поблѣднѣла, но, собравъ всѣ силы, спросила спокойно:

— Это я обязана Парасковеѣ Пятницѣ твоей мистификаціей?

— При чемъ тутъ Парасковея Пятница? Всякій отвѣчаетъ за себя. Если ты догадываешься, въ чемъ дѣло, значитъ—правда.

Честюнина тихо засмѣялась.

— Какая ты смѣшная, Катя... И, главное, откуда такой строгій тонъ взялся. Ну, что же: влюблена въ другого, и только. Теперь довольна? И своей Парасковеѣ тоже скажи... Развѣ это зависитъ отъ человѣка? Наконецъ, я просто сама еще не знаю пока, что со мной дѣлается...

— Вотъ вы всѣ такія, тихони. Что же, было у васъ объясненіе?

— Никакого...

— Послушай, ты не лги. Я, все равно, узнаю...

Катя совершенно вошла въ свою роль и допытывала сестру тономъ великаго инквизитора. Это было бы даже забавно, если бы Честюнина могла перемѣнить настроеніе.

— Вотъ я иногда болтаю Богъ знаетъ что,—продолжала Катя:—но у меня все словомъ и кончается. До сихъ поръ я еще никого не обманула... Самый страшный грѣхъ, это—обманъ.

— Люди больше всего обманываютъ, Катя, только самихъ себя, и я, право, еще сама ничего не знаю...

— Вотъ это мило!.. За то другіе прекрасно все видятъ и все знаютъ... Наконецъ, это возмутительно... Ты только

подумай, что ты дѣлаешь? Наконецъ, какимъ тономъ ты разговариваешь со мной... Положительно я не узнаю тебя, Маня... Ты съ ума сходишь.

— Вотъ это правда... Опять-таки *это* зависитъ не отъ насъ и открывается только тогда, когда человѣкъ уже сошелъ съ ума. Вообще, я ничего не знаю и даже не желаю знать. Такъ и своей Парасковеѣ скажи...

— Несчастная!.. Мнѣ было бы жаль тебя, если бы я еще не уважала тебя. Да, да, да... Это гадко, Маня! Я поѣду и сегодня же объяснюсь съ нимъ...

— Онъ и безъ тебя все знаетъ.

— Тѣмъ хуже для него. И для чего ты только ѣхала сюда—удивляюсь. Выходила бы у себя тамъ замужъ, жила бы себѣ тихо, мирно, счастливо и все было бы хорошо. Вѣдь ты *тому* еще не написала ничего?

— Нѣтъ...

— Такъ я ему напишу сама...

— Не смѣешь. Да онъ и не повѣритъ никому, даже мнѣ... Вообще, Катя, меня удивляетъ твое вмѣшательство въ это несчастное дѣло. Если Парасковеѣ угодно дѣлать глупости, такъ не брать же примѣръ съ нея... Я тебя тоже не узнаю.

Катя была неумолима, и дѣвушки простились довольно сухо.

— Я къ тебѣ заѣду еще на-дняхъ и тогда договоримъ,— говорила Катя на прощаньи.

— Можешь не утруждать себя...

XI.

Это вмѣшательство Парасковеи Патницы и Кати сдѣлало то, что для Честюниной сдѣлалось яснымъ ея собственное положеніе. Да, онѣ обѣ были правы...

Вернувшись домой, дѣвушка произвела самый строгій экзаменъ самой себѣ и, признавая фактъ, не могла опредѣлить, какъ и когда все это могло случиться. Если что было возмутительно, такъ это то, что со времени отъѣзда изъ Сузумья не прошло еще и года. Въ буквальномъ смыслѣ она „башмаковъ еще не износила“, тѣхъ башмаковъ, въ которыхъ ходила на свиданья съ Андреемъ. Сейчасъ онъ ей ка-

зался такимъ далекимъ-далекимъ, такимъ маленькимъ-маленькимъ и совершенно чужимъ, и ей дѣлалось досадно, что она должна отвѣчать на его письма, что-то такое объяснять и чуть не оправдываться. А онъ точно предчувствовалъ стрясшуюся бѣду и настойчиво повторялъ въ каждомъ письмѣ, что если лѣтомъ она не пріѣдетъ сама въ Сузумье, то пріѣдетъ онъ въ Петербургъ. Послѣднее пугало Честюнину до того, что у нея начинали трястись руки.

Сближеніе съ Жиличко произошло съ поразительной быстротой. Сначала онъ казался Честюниной просто жалкимъ. У него все выходило такъ неловко, робко, почти глупо. Именно такіе мужчины никогда не могутъ нравиться женщинамъ. Но, къ ея удивленію, у себя дома Жиличко былъ совсѣмъ другимъ. Онъ былъ и находчивъ, и остроуменъ, и какъ-то особенно простъ. Въ первый разъ, когда Честюнина зашла къ нему въ комнату, ее охватила давно уже неиспытанная, какая-то домашняя теплота. А онъ ничего не дѣлалъ, чтобы казаться тѣмъ или другимъ, а былъ только самимъ собой. Честюнину поразило больше всего то, что онъ думалъ совершенно то же, что и она. Онъ даже говорилъ ея словами.

— Мнѣ кажется, что мы съ вами давно-давно знакомы,— говорила Честюнина.—Точно встрѣтились послѣ долгой разлуки...

— Представьте, и мнѣ то же самое кажется...

— Не правда ли, какъ это странно?

— Даже нисколько... Въ природѣ есть масса необъяснимыхъ явленій, которыя намъ кажутся странными именно только поэтому. А затѣмъ, много-ли вы видѣли людей вообще, Марья Гавриловна? Нѣсколько человѣкъ родныхъ, учителей, десятокъ знакомыхъ... Тутъ даже и выбора свободнаго не могло быть. Впрочемъ, эта исторія повторяется со всѣми дѣвушками, и онѣ впослѣдствіи платятъ за нее слишкомъ дорогой цѣной. Вы, конечно, понимаете, что я хочу сказать...

— О, даже слишкомъ хорошо понимаю, къ сожалѣнію...

Большею частью они говорили на общія темы. Честюнина только могла завидовать Жиличко, для котораго такъ все было ясно и просто, т.-е. то, къ чему онъ шелъ.

— Людей можно раздѣлить на героевъ и простыхъ смерт-

ныхъ,—говорилъ онъ.—Героевъ немного и геройство не обязательно, да и смѣшно немного, если кто-нибудь считаетъ себя таковымъ. Значитъ, прежде всего нужно быть самымъ простымъ смертнымъ и добросовѣстно дѣлать свое дѣло. У насъ вездѣ порывъ, увлеченіе, скачки, а кто же будетъ дѣлать чорную работу? Я такъ и смотрю на жизнь... Мы будемъ дѣлать свое маленькое дѣло, а герои въ свое время найдутся. Имъ и книги въ руки... Это немножко скучно и прозаично, но такъ уже складывается наша жизнь.

Съ этими прозаическими размышленіями были не согласны и Лукина, и Морозова, и Борзенко, которыя называли Жиличко „постепеновцемъ" и спорили съ нимъ до хрипоты. Соглашалась съ нимъ только одна Честюнина и даже не соглашалась, а для нея его разговоры имѣли свой спеціальный смыслъ. Однажды она сказала Борзенко:

— Помните, есть недоконченный романъ Помяловскаго, „Братъ и сестра". Тамъ одинъ герой говоритъ, что нужно украсть, а другой отрицаетъ такой способъ пріобрѣтенія, и дѣло кончается тѣмъ, что первый остается честнымъ человѣкомъ, второй же крадетъ. Такъ и тутъ... Жиличко, просто, бравируетъ своимъ практическимъ реализмомъ.

Борзенко только посмотрѣла на Честюнину своими наклеенными глазами и ничего не отвѣтила.

Да, эти другія лишены были способности читать между строкъ и только одна она, Честюнина, понимала Жиличко. Напримѣръ, онъ просиживалъ дни и ночи надъ своей медициной и въ то же время не признавалъ ее даже наукой.

— Для чего же тогда вы такъ убиваете себя надъ работой?—спрашивала она.

— Да такъ, дѣло, во всякомъ случаѣ, хорошее и полезное. Кое-что извѣстно и можно этимъ извѣстнымъ пользоваться, а остальное — чистѣйшее знахарство. Возьмите вы всѣхъ нашихъ знаменитостей медицины—будь медицина, дѣйствительно, наукой, тогда всякій могъ бы быть знаменитостью, или, вѣрнѣе, тогда совсѣмъ не было бы знаменитостей. Просто, морочатъ довѣрчивую публику, которая требуетъ, чтобы ее обманывали. Мы только еще идемъ къ наукѣ, когда для этого будетъ доставленъ достаточный матеріалъ естествознаніемъ. А сейчасъ еще періодъ знахарей-знаменитостей, которые

разыгрываютъ геніальныхъ людей за два съ полтиной. Вѣдь это тоже, въ своемъ родѣ, герои...

О, онъ былъ уменъ, и оригинально уменъ. Потомъ, онъ постоянно читалъ и зналъ, кажется, все на свѣтѣ. О чемъ только они ни переговорили въ теченіе какого-нибудь одного мѣсяца. Онъ поражалъ ее своей эрудиціей и особенно общимъ образованіемъ, а потомъ необыкновеннымъ умѣньемъ передавать свои знанія. По каждому вопросу онъ наизусть перечислялъ цѣлую литературу всевозможныхъ источниковъ. Въ его присутствіи Честюнина чувствовала себя такой маленькой-маленькой, какъ ребенокъ, заглядывающій на дно глубокаго колодца.

Увлеченіе налетѣло съ необыкновенной быстротой, и она замѣтила его только тогда, когда стала скучать безъ Жиличко. Да, она ждала его, какъ комнатная собачка ждетъ хозяина, и вся розовѣла, когда онъ, шаркая ногами, входилъ къ ней въ комнату. Съ нимъ вмѣстѣ входило столько хорошаго, умнаго, оригинальнаго, что она готова была просидѣть цѣлую жизнь, слушая его нескладную, угловатую рѣчь. Когда онъ уходилъ, ей хотѣлось его удержать, что-то такое спросить, о чемъ-то посовѣтоваться, просто, еще хотя немного чувствовать его присутствіе.

Объясненій между ними не было, но все было ясно безъ словъ, да и слова только мѣшали бы тому хорошему, что наростало и захватывало обоихъ.

Разъ Борзенко довольно ядовито спросила на лекціи Честюнину:

— А Крюковъ у васъ часто бываетъ?

— У меня онъ совсѣмъ не бываетъ...

— Да? А между тѣмъ, это самый близкій другъ Жиличко...

— И этого я не знаю. Они просто учились въ одной гимназіи.

— Все-таки: скажи мнѣ, кто твои друзья и т. д.

Эта Борзенко всегда умѣла сказать что-нибудь непріятное, а тутъ самое простое дѣло: левъ полюбилъ маленькую собачку и забавляется ею. У большихъ людей бываютъ маленькія слабости.

Честюнина теперь, кромѣ лекцій, нигдѣ не бывала. Ее больше не интересовали общія бесѣды, молодые споры и сту-

денческія сходки. Она чувствовала тамъ себя чужой. Разъ Борзенко устроила цѣлый спектакль, стравивъ двухъ бабьихъ пророковъ, но и это ее не интересовало. Дѣвушка совершенно была счастлива въ своей маленькой каморкѣ и больше этого счастья ничего не желала. Жизнь и безъ того была полна. А тутъ еще подошли экзамены и приходилось заниматься по ночамъ. И какъ разъ именно въ это время она получила предлинное письмо отъ Андрея. Вотъ человѣкъ, который не хотѣлъ понять такой простой вещи, что она занята по горло и что ей не до длинныхъ писемъ. Она не могла прочитать его въ день полученія, а только черезъ два дня. Между прочимъ, Андрей писалъ слѣдующее:

„Мнѣ очень понравилось твое длинное письмо, Маруся, гдѣ ты такъ хорошо говоришь о наукѣ. Да, наука—святое дѣло, но я думаю, что она хороша только тогда, когда освѣщена дѣятельной любовью къ людямъ. Лично я, напримѣръ, никогда не удовлетворился бы одной чистой наукой. Мнѣ нужно живыхъ людей, живое дѣло въ смыслѣ его реализаціи, и я думаю, что нужно имѣть совершенно особенный душевный складъ, чтобы навсегда уйти отъ настоящаго. Меня даже огорчаетъ эта двойственность. Представь себѣ такую комбинацію. У меня на глазахъ мретъ съ голоду осиротѣвшая семья, и въ то же время у меня есть свободныхъ сто рублей, которые я могу отдать этой семьѣ. Конечно, это паллiативная помощь, и я только временно могу покормить голодающую семью, а потомъ она опять будетъ голодать. А если я положу эти же сто рублей въ банкъ, то черезъ тринадцать лѣтъ они удвоятся, еще черезъ тринадцать лѣтъ учетверятся и такъ далѣе, такъ что черезъ сто лѣтъ въ результатѣ получится уже цѣлый капиталъ, который можетъ обезпечить нѣсколько бѣдныхъ семей. Какъ тутъ поступить? Я отдалъ бы свои сто рублей сейчасъ же, потому что есть вещи, которыя не ждутъ. Такъ и съ чистой наукой, Маруся... Ты понимаешь, что я хочу сказать. Все зависитъ отъ склада характера. Я, напримѣръ, свое маленькое земское дѣло не промѣняю ни на что, потому что оно удовлетворяетъ мою потребность живой реальной дѣятельности. Въ частности, медицина, конечно, прекрасная наука, заслуживающая всевозможнаго поощренія, почтенія и уваженія, но есть и другая

*

сторона: послѣднія слова отъ этого дорогого хлѣба науки достаются только богатымъ, а бѣдные живутъ безъ всякой медицины. Есть жестокая практика жизни, которая говоритъ о сегодня и больше ничего не хочетъ знать. Я хочу жить вотъ этимъ сегодня и хочу дѣлать то дѣло, которое довлѣетъ этому сегодня. Видишь, какой я практическій человѣкъ... Говорю это потому, что провинція отдаетъ столько молодежи въ столицы и лучшая часть этой молодежи только и мечтаетъ о томъ, чтобы остаться въ столицѣ навсегда. По моему, это несправедливо. Не въ столицахъ, а въ провинціи нужны больше всего интеллигентные честные дѣятели. И въ этомъ заключается вся суть. А молодежь не желаетъ знать именно этого, т. е. извѣстная часть молодежи, которая слишкомъ увлекается благами спеціально столичной цивилизаціи. Наши столицы слишкомъ далеко стоятъ отъ провинціи и отгораживаютъ себя все больше и больше. Это письмо я могъ назвать: гласъ вопіющаго маленькаго земца. Видишь, и я тоже увлекаюсь отвлеченными темами, что, впрочемъ, и понятно, такъ какъ лично интереснаго въ моей жизни слишкомъ мало. Все время уходитъ на земскую работу и домой приходишь только отдохнуть".

— Какой онъ хорошій, этотъ Андрей... — невольно подумала Честюнина, прочитавъ письмо до конца.—И можетъ быть, онъ правъ.

Дѣвушкѣ вдругъ сдѣлалось совѣстно, точно она прочла собственвый обвинительный приговоръ. Да и письмо какъ разъ совпало съ моментомъ ея собственнаго увлеченія. Она проплакала всю ночь, перечитывая это письмо, которое такъ серьезно и просто звало ее назадъ, а она на всѣхъ парахъ летѣла впередъ, въ невѣдомую даль. Даже выбора не могло быть... А сердце уже говорило другое.

— Боже мой, что я за несчастная уродилась? — жаловалась дѣвушка, ломая руки.—Чѣмъ я виновата, что Андрей такой хорошій и что я больше его не люблю...

Она рѣшила написать ему вполнѣ откровенное письмо, но изъ этого рѣшенія ничего не вышло. Что было писать? Я нехорошая, легкомысленная, дрянная... Онъ не повѣритъ и прилетитъ въ Петербургъ, а изъ этого уже Богъ знаетъ, что можетъ выйти. Лучше оставить пока вопросъ открытымъ. Пусть само все устраивается.

На другой день Честюнина, однако, не утерпѣла и показала письмо Андрея прямо Жиличко. Тотъ прочелъ его съ большимъ вниманіемъ, поднялъ брови и спокойно замѣтилъ:

— Это вѣчная исторія курицы, которая высидѣла утенка... Какъ мнѣ кажется, этотъ Андрей, человѣкъ серьезный, но, къ сожалѣнію, слишкомъ односторонній. Сейчасъ видно, что человѣкъ засидѣлся въ провинціи и все на свѣтѣ мѣряетъ своимъ провинціальнымъ аршиномъ. Онъ въ какомъ университетѣ кончилъ курсъ?

— Онъ изъ шестого класса гимназіи...—отвѣтила Честюнина и сейчасъ же покраснѣла.

— Ага... да...—промычалъ Жиличко, возвращая письмо.— Да, это вполнѣ понятно...

Письмо Андрея, какъ это иногда случается, достигло какъ разъ противоположной цѣли. Именно, благодаря ему, произошло между ней и Жиличко окончательное сближеніе, то, о чемъ раньше даже не говорилось. Все случилось какъ-то само собой, и дѣвушка поддалась теченію, уносившему ее куда-то далеко, далеко отъ всего, что еще такъ недавно было и близко, и дорого.

XII.

Сейчасъ послѣ окончанія экзаменовъ Честюнина получила письмо отъ дяди, который приглашалъ ее къ себѣ самымъ настойчивымъ образомъ: „Я пріѣхалъ бы къ тебѣ самъ,—писалъ старикъ,—но арестованъ докторомъ на нѣсколько дней“. Въ особой припискѣ было сказано, что тетка съ Эженомъ уѣхали за-границу. Честюнина отправилась на Васильевскій Островъ и, дѣйствительно, нашла дядю больнымъ. Старикъ встрѣтилъ ее довольно сухо.

— Что же это, Маша, ты совсѣмъ забыла насъ?

— Были экзамены, дядя...

Онъ какъ-то сбоку посмотрѣлъ на нее и нахмурился.

— Отчего ты не спросишь, Маша, чѣмъ я боленъ? Тебя это не интересуетъ... Да, боленъ... Что-то такое неопредѣленное, вообще—первая повѣстка старости. Что же, въ порядкѣ вещей. А вотъ докторъ взялъ и арестовалъ меня... Какъ ты думаешь, имѣлъ онъ право лишать меня свободы?

— Странный вопросъ, дядя... Если это нужно, то, конечно, имѣлъ право, даже былъ обязанъ это сдѣлать.

— Вотъ и отлично. Представь себѣ, что я докторъ, а ты больная и я тоже арестую тебя, потому что обязанъ это сдѣлать.

— Я рѣшительно ничего не понимаю, дядя...

— Очень просто: я тебя не выпущу изъ своей квартиры. Катя уже уѣхала за твоими вещами...

Честюнйна отвернулась къ окну, закрыла лицо руками и заплакала.

— Плачь, Маша—это помогаетъ... А что касается того господина, то я могу къ нему самъ съѣздить и объясниться или ты сама ему напишешь, что твой дядя самодуръ, извергъ и палачъ вообще. Если есть женская равноправность, то должна быть и равноправность стараго дяди. Понимаешь: я этого хочу! Да, да и еще разъ да... А впрочемъ, мы съ тобой поговоримъ подробно потомъ, когда успокоишься.

Дѣвушка продолжала стоять у окна.

— Маша, ты обидилась на меня?

— Да...

— А развѣ можетъ обидѣть человѣкъ, который любитъ? А я тебя люблю, какъ родную дочь... Потомъ, у тебя нѣтъ отца, мать да́леко—некому о тебѣ позаботиться. Немножко и я виноватъ, что какъ-то упустилъ тебя изъ виду... А теперь я въ тебя вцѣплюсь, какъ коршунъ. У меня, братъ, все вотъ какъ обдумано... Комаръ носу не подточитъ.

— И я все-таки не останусь, дядя...

— А развѣ я тебя спрашиваю объ этомъ?

— Я выхожу замужъ...

— Замужъ? Что-то какъ будто я такой науки не слыхалъ... Да и не стоило за этимъ ѣздить въ Петербургъ. Однимъ словомъ, объ этомъ еще поговоримъ, когда перестанешь плакать и сердиться. Вѣдь ты сердишься на меня? Да и какъ же не сердиться, когда старикъ дядя окончательно взбѣсился...

Катя, дѣйствительно, привезла вещи Честюниной и сейчасъ же устроила ее въ комнатѣ Эжена.

— Это я тебя продала, — коротко объяснила она арестованной гостьѣ. — Парасковея Пятница кланяется... Я ей что-то такое врала, но она догадалась, въ чемъ дѣло.

— Я васъ всѣхъ ненавижу,—отвѣтила Честюнина.—А съ тобой и разговаривать не желаю...

— А все-таки я ловко придумала!.. Тогда я на островахъ уговаривала тебя добромъ, а ты нуль вниманія... Вотъ я и устроила штуку. Маму съ Эженомъ мы проводили на все лѣто, а сами будемъ жить въ Павловскѣ. И ты съ нами... Къ осени, надѣюсь, ты выздоровѣешь. Не правда-ли? Въ Павловскъ мы переѣзжаемъ на-дняхъ... Какая тамъ музыка, сколько публики!.. Я ужасно люблю Павловскъ...

Честюнина забилась въ свою комнату и пролежала на постели весь день. Она больше не плакала, а перемучивалась молча. Ее до глубины души возмущала продѣланная съ ней комедія. Конечно, она могла вернуться къ себѣ, но ей не хотѣлось обидѣть дядю. Отчего онъ не поговорилъ съ ней просто, какъ говорятъ съ взрослымъ разумнымъ человѣкомъ? Она начинала себя чувствовать нашалившей дѣвочкой, которую поставили въ уголъ.

Вечеромъ, когда Катя куда-то уѣхала, она отправилась въ кабинетъ къ дядѣ и высказала откровенно ему все. Старикъ выслушалъ ее до конца терпѣливо, не моргнувъ глазомъ, и только спросилъ:

— Ты все сказала, Маша? Отлично... Я согласенъ, что можно было все устроить иначе, но вѣдь здѣсь только вопросъ формы. Есть такія вещи, гдѣ приходится дѣйствовать рѣшительно. Да... У тебя свои взгляды, значитъ и у меня могутъ быть свои. Представь себѣ, что я не согласенъ съ твоимъ поведеніемъ, и очень можетъ быть, что черезъ нѣкоторое время ты же сама будешь меня благодарить. Въ послѣднемъ я глубоко убѣжденъ, а передъ тобой цѣлое лѣто для того, чтобы одуматься. Я мечталъ лѣтомъ ѣхать съ тобой въ Сузумье, но пришлось отложить эту поѣздку, и мы недурно проведемъ лѣто въ Павловскѣ. Тамъ и погулять есть гдѣ, заниматься можешь, сколько душѣ угодно... Осенью я тебя отпущу съ миромъ и дѣлай сама, какъ знаешь. Ты согласна?

— Дядя, одна только просьба: можно мнѣ съѣздить *туда*... проститься?

— Вотъ этого-то и нельзя, милая. Конечно, ты можешь это сдѣлать безъ моего согласія, но этого ты и не сдѣлаешь.

Выдержи характеръ... Потомъ, что за прощанія—вѣдь это предразсудокъ старинныхъ людей? Впрочемъ, какъ знаешь.

Черезъ три дня Анохины переѣхали въ Павловскъ. Честюнина такъ и не видала Жиличко, а написала ему письмо, въ которомъ говорила о непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, о болѣзни дяди, о томъ, что это даже хорошо, чтобы имѣть время одуматься и провѣрить себя. Письмо вышло неестественное и какое-то глупое, но другого она не могла написать.

Въ Павловскѣ первое, что поразило Честюнину, это чудный Павловскій паркъ. Ничего подобнаго она не видала и не могла даже приблизительно представить себѣ такой безумной роскоши. Катя въ первый же день выводила ее по всѣмъ главнымъ аллеямъ, показала всѣ красивые уголки, но Честюниной понравилась больше дальная часть парка, гдѣ разбѣгались почти деревенскія дорожки. Это напоминало уже далекую родину, родной лѣсъ... Вотъ куда можно будетъ уходить на цѣлые дни, пока кончится назначенный дядей періодъ испытанія. Ни въ себѣ, ни въ Жиличко она, конечно, не сомнѣвалась, и ее теперь даже забавляла выдумка старика, взявшаго на себя неблагодарную роль няньки. Пройдя по парку, Честюнина опять чувствовала себя дѣвочкой, а деревья казались ей старыми хорошими знакомыми. А тутъ и зеленая трава-мурава, и лѣсные дикіе цвѣточки, и синее небо надъ головой... Дышется такъ легко и хочется жить.

Старикъ дядя былъ какъ-то особенно ласковъ съ племянницей, какъ бываютъ ласковы съ больными дѣтьми. Онъ любилъ гулять съ ней по парку и каждый вечеръ тащилъ на музыку. Сначала дѣвушка чувствовала себя неловко въ этой разодѣтой и шумливой толпѣ, а потомъ быстро привыкла. Дядя ужасно любилъ музыку и высиживалъ терпѣливо всѣ отдѣленія.

— Это у меня что-то вродѣ службы искусству,—шутилъ онъ надъ самимъ собой.

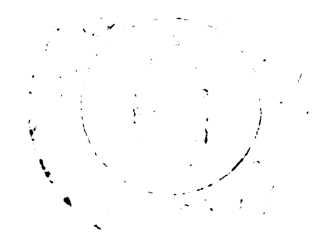
Однажды, это было недѣли черезъ двѣ, когда Честюнина возвращалась вечеромъ съ вокзала домой вдвоемъ съ дядей, она тихо проговорила:

— Дядя, знаешь... кажется, я начинаю просыпаться...

Онъ молча поцѣловалъ ее въ лобъ и ничего не сказалъ.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Свѣтопечатаніе посредствомъ видимыхъ и невидимыхъ „лучей".

I.

Лучи Рентгена.

Въ то время, когда, казалось, фотографія приближается къ тому, чтобы сказать свое послѣднее слово, всю Европу облетѣло извѣстіе о новомъ открытіи, сдѣланномъ вюрцбургскимъ профессоромъ Рёнтгеномъ. Первыя свѣдѣнія, принесенныя объ этомъ открытіи нѣмецкими газетами, заключали въ себѣ не мало сомнительнаго, и потому ученый міръ нѣсколько скептически отнесся къ газетнымъ сообщеніямъ; но вскорѣ появились извѣстія вюрцбургскаго общества естество-испытателей, въ которыхъ помѣщено небольшое сообщеніе отъ имени самого Рентгена. Сообщеніе, заключаетъ въ себѣ только результаты Рентгеновскихъ наблюденій. Все изложено чрезвычайно кратко, и сущность дѣла заключается въ слѣдующемъ:

Если взять трубку, извѣстную подъ названіемъ Круксовой, и пропускать черезъ нее искру отъ спирали Румкорфа, то такая трубка начинаетъ свѣтиться особымъ фосфорическимъ зеленымъ свѣтомъ. Если трубку покрыть какими-либо непрозрачными покрышками и въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи поставить бумагу, пропитанную растворомъ особаго вещества, называемаго платиново-ціанистымъ баріемъ, то эта бумага будетъ свѣтиться.

Такъ какъ Рентгену было извѣстно, что свѣченіе подобной бумаги можетъ происходить лишь въ томъ случаѣ, когда на нее падаютъ лучи, а въ данномъ случаѣ эта бумага была защищена отъ дѣйствія лучей непрозрачнымъ экраномъ, покрывавшимъ Круксову трубку, то пришлось придти къ заключенію, что изъ Круксовой трубки выходятъ какіе-то лучи, обладающіе способностью проходить черезъ перегородки, которыя совершенно непроходимы для обыкновенныхъ лучей свѣта. Эти лучи Рентгенъ назвалъ X-лучами («иксъ»-лучами) и приступилъ къ ихъ изученію.

Для того, чтобы понять путь, по которому требовалось пойти для изученія этихъ своеобразныхъ лучей, надо предварительно ознакомиться съ тѣми явленіями свѣченія, которыя возникаютъ въ трубкахъ при пропусканіи сквозь нихъ электрической искры.

Если поднести другъ къ другу два тѣла, заряженныя противоположными электричествами, то, при извѣстной напряженности этихъ электричествъ, между тѣлами проскакиваетъ искра. Если опытъ производить въ обыкновенномъ воздухѣ, то для полученія большой искры требуется, чтобы электрическій зарядъ подносимыхъ другъ къ другу тѣлъ былъ довольно значителенъ; но если эти тѣла помѣстить въ разрѣженномъ воздухѣ, то и при маломъ зарядѣ между ними можетъ проскочить довольно длинная искра. Эта искра, будучи длинною, будетъ менѣе яркою. Такія искры всего удобнѣе наблюдать на такъ-называемыхъ Гейслеровыхъ трубкахъ, т. е. трубкахъ, изъ которыхъ выкачана значительная часть воздуха (остается лишь одна или двѣ сотыхъ того количества, какое въ нихъ содержалось, когда онѣ были открыты). Когда изъ трубки выкачанъ воздухъ, ее запаиваютъ и вплавляютъ въ нее въ различныхъ мѣстахъ (чаще всего на противоположныхъ концахъ) платиновыя проволоки. Если теперь эти платиновыя проволоки соединить съ электрическою машиною, такъ, чтобы одна изъ проволокъ получала положительное, другая — отрицательное электричество, то между проволоками, внутри трубки, проскакиваетъ искра, длина которой равна разстоянію между внутренними концами этихъ проволокъ.

Для наблюденія надъ такого рода искрою лучше всего пользоваться такъ-называемой спиралью Румкорфа.

Получаемая въ Гейслеровой трубкѣ искра представляетъ слѣдующія особенности: та платиновая проволока трубки, которая соединена съ положительнымъ полюсомъ спирали Румкорфа, является какъ бы источникомъ искры. Внутренній конецъ ея представляется въ видѣ свѣтящейся точки, отъ которой искра направляется къ противоположной проволокѣ, соединенной съ отрицательнымъ полюсомъ спирали Румкорфа. Получаемая искра, еще не дошедши до отрицательнаго полюса, какъ бы теряется, рѣзко уменьшаясь въ своей яркости, такъ что остается около отрицательной проволоки пространство, почти темное, что же касается самой отрицательной проволоки, то она представляется окруженною едва замѣтнымъ сіяніемъ.

Если, продолжая пропускать черезъ Гейслерову трубку искру, выкачивать изъ этой трубки все больше и больше воздухъ, то проскакивающая въ ней искра мало-по-малу измѣняетъ свой видъ,

а именно: искра, шедшая отъ положительнаго полюса, начинаетъ уменьшаться, а сіяніе, окружавшее отрицательный полюсъ увеличивается, т. е. занимаетъ все большее и большее пространство, и когда, наконецъ, разрѣженіе достигнетъ того, что въ трубкѣ упругость воздуха будетъ въ милліонъ разъ меньше атмосферной упругости, тогда сіяніе, идущее отъ отрицательнаго полюса, займетъ почти всю трубку, а искра, шедшая отъ положительнаго, сократится такъ, что сдѣлается почти совершенно незамѣтною. При этихъ условіяхъ въ трубкѣ обнаружится новое явленіе, раньше въ ней отсутствовавшее: стѣнки самой трубки, т. е. стекло ея, начнетъ свѣтиться особымъ весьма красивымъ фосфорическимъ свѣтомъ. Это свѣченіе стекла будетъ болѣе всего рѣзкимъ въ томъ мѣстѣ трубки, которое лежитъ прямо противъ конца отрицательной проволоки (катода). Очевидно, стало быть, что теперь мы уже имѣемъ дѣло съ особенными лучами, исходящими отъ катода и вызывающими своеобразное свѣченіе стекла *). Лучи эти, открытые Гитторфомъ и подробно изученные Круксомъ, Гольдштейномъ, Ленардомъ, Перреномъ и другими, носятъ названіе *катодныхъ* лучей.

Такъ какъ катодные лучи наблюдаются только при необыкновенно сильномъ разрѣженіи въ трубкѣ, то Круксъ, особенно внимательно изучившій свойства столь сильно разрѣженныхъ газовъ въ трубкахъ (вслѣдствіе чего самыя трубки получили названіе Круксовыхъ), предположилъ, что всѣ эти своеобразныя явленія обусловливаются тѣмъ, что при значительномъ разрѣженіи, газы переходятъ въ особенное состояніе, которое онъ назвалъ «лучистымъ» или ультра-газовымъ состояніемъ матеріи.

Явленія, наблюдаемыя въ трубкѣ при тѣхъ условіяхъ, когда она способна давать катодные лучи, дѣйствительно крайне интересны и оригинальны.

Если на пути катодныхъ лучей поставить (внутри трубки) платиновую пластинку, имѣющую форму блюдечка, обращеннаго вогнутою стороною къ катоду, то они ударяютъ въ это блюдечко отражаются отъ него, какъ и всякіе лучи, и собираются въ фокусъ; если въ этомъ мѣстѣ, къ которому катодные лучи собираются, поставить кусочекъ платины, то она раскаляется до ярко краснаго

*) Не мѣшаетъ однако замѣтить, что не только эти лучи вызываютъ свѣченіе стекла; такое же свѣченіе вызываютъ и лучи, идущіе отъ положительнаго полюса, какъ это показалъ еще въ 1880 году Гольдштейнъ. Онъ же обратилъ вниманіе и на то, что свѣченіе стекла нельзя назвать флуоресценціей, какъ это многіе дѣлаютъ, а слѣдуетъ считать фосфоресценціей, такъ какъ и послѣ прекращенія тока стекло нѣкоторое время свѣтится.

каленія. Далѣе, если на пути, по которому направляются катодные лучи, поставить (внутри трубки) нѣчто въ родѣ маленькой мельницы съ слюдяными крыльями, то эти крылья моментально приходятъ въ быстрое вращательное движеніе; затѣмъ, если на пути катодныхъ лучей будетъ помѣщенъ кусочекъ рубина, изумруда, алмаза или другихъ нѣкоторыхъ минераловъ, то каждый изъ нихъ начнетъ издавать чрезвычано яркій и красивый фосфорическій блескъ. Такъ, рубинъ будетъ свѣтиться кроваво-краснымъ свѣтомъ.

Изученіе катодныхъ лучей показало, между прочимъ, что они способны проходить черезъ такія вещества, черезъ которыя обыкновенный свѣтъ совсѣмъ не проходитъ. Такъ, всѣмъ извѣстный металлъ алюминій обыкновенныхъ, напримѣръ, солнечныхъ лучей не пропускаетъ сквозь себя, даже будучи взятъ въ видѣ очень тоненькаго листочка, между тѣмъ какъ катодные лучи почти совершенно свободно проходятъ даже сквозь довольно толстую пластинку алюминія. Это видно изъ того, что если, напримѣръ, въ Круксову трубку, на пути катодныхъ лучей поставить алюминіевый дискъ, то онъ ихъ не задерживаетъ, а пропускаетъ и они, ударяя въ стекло производятъ свѣченіе его въ томъ мѣстѣ, сзади алюминіеваго диска, гдѣ свѣченіе было бы совершенно невозможно, если бы алюминіевый дискъ эти лучи задерживалъ.

Какъ на одно изъ свойствъ катодныхъ лучей указываетъ еще на ихъ способность измѣнять свое направленіе внутри Круксовой трубки, если около нея держать магнитъ. Эти лучи либо отталкиваются отъ магнита, либо притягиваются къ нему въ зависимости отъ того, какой конецъ магнита станемъ подносить къ трубкѣ— сѣверный или южный.

Но не мѣшаетъ замѣтить, что это свойство наблюдается и на обыкновенной искрѣ въ Гейслеровой трубкѣ, и можно сказать, что магнитъ дѣйствуетъ также и на *анодные* лучи (т. е. лучи, идущіе отъ положительнаго полюса Гейслеровой трубки къ ея отрицательному полюсу), стало быть, указанное выше отношеніе катодныхъ лучей къ магниту че представляетъ чего-либо для нихъ характернаго. Кромѣ того, интересно, что при поднесеніи *руки* къ Круксовой или Гейслеровой трубкѣ направленіе лучей какъ катодныхъ, такъ и анодныхъ измѣняется.

Что же такое представляютъ собою эти своеобразные катодные лучи?

Опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ мы не имѣемъ; но существуютъ различныя предположенія. Изъ нихъ слѣдуетъ отмѣтить два: одно объясняетъ происхожденіе катодныхъ лучей особаго рода колебаніями космическаго эфира, того самаго эфира,

колебанія котораго вызываютъ вообще свѣтовыя явленія. Разница между обыкновенными свѣтовыми лучами и катодными заключается согласно этому предположенію, въ слѣдующемъ:

Если представить себѣ обыкновенный свѣтовой лучъ въ видѣ, напримѣръ, горизонтальной линіи, то въ немъ, согласно господствующей теоріи свѣта, частицы эфира колеблются въ вертикальной, т. е. перпендикулярной къ нему, плоскости. Такія колебанія называются поперечными. Въ катодномъ же лучѣ предполагаютъ, что эти колебанія эфира происходятъ не въ плоскости, перпендикулярной къ направленію луча, а въ плоскости, совпадающей съ направленіемъ луча. Такія колебанія называются продольными.

Насколько эта гипотеза справедлива, сказать трудно; но имѣющіяся въ настоящее время данныя, во всякомъ случаѣ, скорѣе говорятъ противъ нея, нежели за.

Вторая гипотеза, къ которой уже давно склоняется большинство физиковъ, принимаетъ, что катодные лучи суть ничто иное, какъ матеріальныя наэлектризованныя частицы, выбрасываемыя катодомъ подъ вліяніемъ электрическихъ разрядовъ, происходящихъ въ Круксовой трубкѣ. Такъ думалъ самъ Круксъ, такъ думалъ и знаменитый Вильямъ Томсонъ.

Эта гипотеза потому представляется весьма правдоподобной, что она объясняетъ всѣ свойства катодныхъ лучей. Въ самомъ дѣлѣ, разъ катодные лучи представляютъ собою движущіяся матеріальныя частицы, то становится понятнымъ, почему они встрѣчая на пути маленькую мельницу, заставляютъ ее вращаться: матеріальныя частички, двигаясь съ огромной скоростью, такъ сказать, *бьютъ* по крыльямъ мельницы и этими своими ударами приводятъ крылья въ движеніе; точно также объясняется и накаливаніе тѣлъ, стоящихъ на пути катодныхъ лучей; подобно тому, какъ пуля, ударяющаяся о препятствіе, нагрѣваетъ его такъ точно и частички матеріи, несущіяся въ катодныхъ лучахъ, ударившись о препятствіе, необходимымъ образомъ должны вызвать его нагрѣваніе.

Наконецъ, интересное обстоятельство, замѣченное венгерскимъ физикомъ Ленардомъ, тоже можетъ быть объяснено на почвѣ только-что приведенной гипотезы. Ленардъ, изучая катодные, лучи замѣтилъ, что они проходятъ черезъ тѣла въ зависимости не отъ того, прозрачны ли тѣла или нѣтъ, а въ зависимости отъ плотности тѣлъ. Если принять, что катодные лучи представляются происходящими отъ матеріальныхъ частицъ, то весьма возможно, что эти частицы, ударяясь съ большою силою въ то или другое тѣло, на подобіе пули, пробиваютъ его насквозь, но такъ какъ величина

ихъ можно сказать безконечно мала, то онѣ пролетаютъ въ промежутки между частицами того тѣла въ которое ударяютъ. Чѣмъ тѣло плотнѣе, тѣмъ, надо полагать эти промежутки меньше и тѣмъ труднѣе несущимся въ катодныхъ лучахъ матеріальнымъ частицамъ пройти черезъ нихъ —значитъ, онѣ гдѣ-нибудь на пути застрѣваютъ.

Въ весьма недавнее время (съ мѣсяцъ тому назадъ) французскій физикъ Перрэнъ опубликовалъ работу, въ которой показываетъ, что катодные лучи, ударяясь въ то или другое тѣло, заряжаютъ его отрицательнымъ электричествомъ; а такъ какъ до сихъ поръ ни разу не было обнаружено, чтобы переносъ «свободнаго» электричества совершался безъ участія матеріальныхъ частицъ, то, значитъ, катодные лучи представляютъ собою матеріальное нѣчто.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что «катодные лучи», представляя для физиковъ одну изъ интереснѣйшихъ загадокъ, должны были привлекать къ себѣ вниманіе и нужно признаться, что уясненіе природы этихъ лучей можетъ привести къ послѣдствіямъ первостепенной важности. Въ самомъ дѣлѣ, если бы, напримѣръ, оказалось, что катодные лучи проникаютъ черезъ тѣла подобно тому, какъ проникаетъ песокъ черезъ сито, то человѣчество получило бы въ первый разъ прямое доказательство тому, что наше атомическое представленіе о строеніи матеріи не есть только удобная гипотеза, а есть истинное выраженіе несомнѣннаго факта и, стало быть, споръ между атомистами и динамистами, длящійся болѣе 20 вѣковъ, получилъ бы окончательное экспериментальное рѣшеніе.

Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что физики время отъ времени предпринимаютъ изслѣдованіе катодныхъ лучей.

Вѣроятно, желаніе изучить нѣкоторыя свойства этихъ лучей и привело Рентгена къ его открытію. Дѣлая опыты надъ катодными лучами, Рентгенъ покрылъ Круксову трубку, служившую для этихъ опытовъ, кускомъ черной ткани; противъ трубки стоялъ листъ бумаги, покрытый платиново-ціанистымъ баріемъ; такой листъ бумаги обладаетъ способностью, при паденіи на него катодныхъ лучей, свѣтиться характернымъ зеленымъ свѣтомъ. Когда Круксова трубка не была ничѣмъ покрыта, листъ бумаги, поставленный противъ нея, конечно. свѣтился; но Рентгенъ замѣтилъ, что даже въ томъ случаѣ, когда Круксова трубка была покрыта непрозрачнымъ экраномъ, листъ бумаги продолжалъ свѣтиться. Зная, что взятая бумага свѣтится лишь въ томъ случаѣ, когда на нее падаютъ лучи, и замѣтивъ, что она свѣтится при только

что указанныхъ условіяхъ, Рентгенъ долженъ былъ придти къ заключенію, что и при данныхъ условіяхъ, т. е. когда Круксова трубка покрыта непрозрачнымъ экраномъ, отъ нея исходятъ какіе-то невидимые лучи, падающіе на бумагу и вызывающіе ея свѣченіе. Эти странные лучи Рентгенъ и назвалъ X-лучами.

Такъ какъ X-лучи оказались способными проходить сквозь непрозрачныя тѣла, то Рентгенъ рѣшилъ испытать отношеніе этихъ лучей къ толстому слою бумаги (Рентгенъ помѣщалъ между своей трубкою и свѣтящимся экраномъ нѣсколько книгъ) къ дереву, металламъ и проч., причемъ пришелъ къ заключенію, что найденные имъ X-лучи свободно проходятъ черезъ бумагу, дерево, различныя ткани, черезъ человѣческое тѣло; черезъ металлы же эти лучи оказались трудно проходящими; въ особенности они трудно проходили черезъ платину и свинецъ. Изъ всѣхъ металловъ одинъ алюминій оказался легко пропускающимъ X-лучи. Между тѣмъ, нашлось не мало веществъ, которыя будучи прозрачными для обыкновенныхъ лучей свѣта, оказались мало проницаемыми для X-лучей. Такъ, напримѣръ, слюда, черезъ которую обыкновенные солнечные лучи или лучи лампы весьма легко проходятъ, оказалась трудно проницаемою для лучей Рентгена.

Для того, чтобы изучить въ этомъ отношеніи различныя тѣла, Рентгенъ поступалъ слѣдующимъ образомъ: онъ устанавливалъ трубку Крукса, затѣмъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея ставилъ листъ бумаги, покрытый платиново-ціанистымъ баріемъ, а между трубкою и этимъ листомъ помѣщалъ испытуемыя тѣла. Если тѣло пропускало сквозь себя X-лучи, то листъ бумаги продолжалъ свѣтиться такъ, какъ будто между нимъ и Круксовою трубкою ничего не было; если же испытуемое тѣло не пропускало X-лучей, то листъ бумаги свѣтился вездѣ, за исключеніемъ того мѣста, противъ котораго помѣщено было это не пропускающее рентгеновскіе лучи тѣло. Слѣдовательно, картина получалась такая: весь листъ свѣтится, а въ томъ мѣстѣ, противъ котораго стоитъ испытуемое тѣло, получается тѣнь, которая, по своей формѣ, совершенно подобна контурамъ самого тѣла.

Когда Рентгенъ изучилъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя тѣла, то онъ рѣшилъ измѣнить характеръ своихъ опытовъ.

Зная, что вообще всякіе лучи, способные вызывать свѣченіе въ другихъ веществахъ, весьма сильно дѣйствуютъ и на фотографическія «свѣточувствительныя» пластинки, Рентгенъ взялъ (вмѣсто первоначально имъ употреблявшагося листа бумаги, покрытой платино-ціанистымъ баріемъ) обыкновенную фотографическую пластинку, помѣщенную въ ящичкѣ, который называется «кассетой»,

и поставилъ ее противъ свѣтящейся Круксовой трубки. Между этой трубкою и фотографической пластинкою (помѣщенною въ закрытой кассетѣ), онъ поставилъ ящичекъ съ разновѣсомъ.

Дѣлая этотъ опытъ, Рентгенъ разсуждалъ такъ: если X-лучи способны проходить черезъ дерево, и, кромѣ того, способны дѣйствовать на фотографическую пластинку, то при вышеуказанной обстановкѣ опыта должно получиться слѣдующее:

X-лучи, идущіе отъ трубки Крукса, упадутъ на деревянный ящикъ съ разновѣсомъ; тутъ они встрѣтятъ, во-первыхъ, дерево (ящикъ) и, во-вторыхъ, металлъ (разновѣски); черезъ дерево они пройдутъ, черезъ металлъ—нѣтъ; такимъ образомъ, изъ ящичка съ разновѣсомъ выйдутъ только тѣ лучи, которые не натолкнулись на разновѣсъ; эти лучи доберутся до кассетки (тоже деревянной) пройдутъ черезъ нее, упадутъ на помѣщающуюся тамъ фотографическую пластинку и произведутъ въ этой пластинкѣ тѣ измѣненія, какія вообще свѣтъ производитъ въ такихъ пластинкахъ.

Что же должно получиться на пластинкѣ? Она почернѣетъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда X-лучи упали и *не измѣнится* въ тѣхъ, гдѣ на нее не попало никакихъ лучей. А такъ какъ на нее никакихъ лучей не упало именно въ мѣстахъ, соотвѣтствующихъ разновѣскамъ, которые задержали X-лучи, то, стало быть, пластинка должна почернѣть въ большей или меньшей степени вся за исключеніемъ мѣстъ, соотвѣтствовавшихъ разновѣскамъ, т. е. въ этихъ мѣстахъ пластинки должны получиться контуры разновѣсокъ

Дѣйствительно, опытъ вполнѣ подтвердилъ такое разсужденіе, и Рентгенъ получилъ отчетливый отпечатокъ *силуэта* разновѣсокъ.

Изъ описанія этого опыта не трудно видѣть, что мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ фотографіей въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово обыкновенно употребляется. Фотографія даетъ намъ полное изображеніе фотографируемаго предмета; между тѣмъ, какъ здѣсь мы имѣемъ только фотографированіе или, точнѣе, отпечатываніе силуэтовъ, а не самихъ предметовъ. То, что получилъ Рентгенъ, можетъ быть уподоблено слѣдующему случаю: представимъ себѣ, что мы на фотографическую пластинку помѣстили бы монету и затѣмъ пластинку подвергли дѣйствію солнечныхъ лучей; тогда пластинка почернѣла бы во всѣхъ мѣстахъ, кромѣ того мѣста, гдѣ лежитъ монета, стало быть мы, получили бы на темномъ фонѣ бѣлый кружокъ. Здѣсь, слѣдовательно, не было бы изображенія, фотографіи монеты, а было бы только изображеніе ея силуэта.

Подобные-то силуэты и получилъ Рентгенъ взявши ящичекъ съ разновѣсками. Но въ виду того, что предметы, непрозрачные для обыкновенныхъ лучей свѣта, оказываются въ различной степени

прозрачными для X-лучей, явилась возможность получать тѣневыя изображенія предметовъ, скрытыхъ въ непрозрачныхъ ящикахъ.

Такъ, если взять алюминіевый ящичекъ и, положивъ въ него различные металлическіе предметы, помѣстить этотъ ящичекъ по пути X - лучей, а сзади поставить фотографическую пластинку, то на ней получится отпечатокъ тѣхъ предметовъ, которые были положены въ ящичкѣ, самый же ящичекъ дастъ едва замѣтное изображеніе. Это потому, что X - лучи свободно проходятъ черезъ алюминіевый ящикъ и задерживаются лишь тѣми предметами, которые лежали въ немъ.

Итакъ, различныя непрозрачныя вещества оказываются прозрачными для Рентгеновскихъ лучей. Имѣя это въ виду, Рентгенъ помѣстилъ между Круксовой трубкою и фотографической пластинкою свою руку; онъ могъ разсчитывать, что X - лучи хорошо пройдутъ черезъ кожу и мягкія части руки и задержатся костями, слѣдовательно, на фотографической пластинкѣ получится слабая тѣнь отъ всей руки и рѣзкая отъ костей, иначе говоря, можно было ждать, что на пластинкѣ получится ясное изображеніе костей руки. Опытъ блистательно подтвердилъ такое предположеніе, и мы имѣемъ возможность въ настоящее время получать съ живой руки или ноги скелетъ ея, такъ отчетливо, какъ будто онъ не покрытъ ни кожей, ни мышцами, ни связками, ни сухожиліями.

Подобнаго рода отпечатки скелета человѣческой руки, ноги; скелета лягушки, рыбы и т. д. приготовлены уже теперь въ изобиліи.

Опыты съ лучами Рентгена производятся крайне легко. Принимая во вниманіе, что, быть можетъ, нѣкоторые изъ нашихъ читателей пожелаютъ повторить эти опыты, мы считаемъ не безполезнымъ указать, какимъ образомъ слѣдуетъ производить ихъ.

Приборы, которые необходимо имѣть для повторенія опытовъ Рентгена:

1. Трубка Крукса, шарообразная или грушевидная съ алюминіевымъ катодомъ. . . . . отъ 6 до 12 руб.
2. Спираль Румкорфа съ коммутаторомъ, длина искры до 3 сантиметровъ . . . . 40 »
3. Четыре большихъ элемента Бунзена . . . . . 20 »

Затѣмъ слѣдуетъ пріобрѣсти въ магазинѣ фотографическихъ принадлежностей чувствительныя броможелатиновыя пластинки, но не въ коробкахъ, а въ двойныхъ конвертахъ изъ черной и желтой бумаги.

Кромѣ того, нужно имѣть проявитель (гидрохинонъ или амидолъ), фиксажъ и кюветку для проявленія. Всѣ указанія по по-

воду проявленія и фиксаціи получаемыхъ отпечатковъ интересующіеся найдутъ въ любой книжкѣ по фотографіи, которую можно достать и въ магазинахъ фотографическихъ принадлежностей, и въ книжныхъ магазинахъ.

Имѣя все, только что указанное, можно приступить къ опытамъ.

Зарядивъ элементы Бунзена (въ глиняный цилиндръ наливаютъ азотную кислоту удѣльнаго вѣса 1,35—1,4, а въ стеклянный обыкновенную сѣрную кислоту, взявъ на 10 объемовъ воды одинъ объемъ сѣрной кислоты) и соединивъ ихъ послѣдовательно между собою, проводятъ проволоки къ спирали Румкорфа. Отъ нея, т. е. отъ наружной обмотки, ведутъ проволоки къ трубкѣ Крукса. Когда спираль начнетъ дѣйствовать и Круксова трубка свѣтиться, то тотъ конецъ ея, который свѣтится всего болѣе яркимъ зеленымъ свѣтомъ, слѣдуетъ повернуть внизъ и закрѣпить въ какомъ-нибудь штативѣ на разстояніи 40—50 сантиметровъ надъ столомъ. Разумѣется, всѣ эти закрѣпленія Круксовой трубки слѣдуетъ дѣлать, прекративши сообщеніе ея съ спиралью Румкорфа. Затѣмъ, на столъ нужно положить вышеописанный черный конвертъ съ фотографическою пластинкою такъ, чтобы онъ приходился какъ разъ подъ Круксовой трубкою, т. е. чтобы перпендикуляръ, возставленный изъ средины лежащаго на столѣ конверта уперся въ наиболѣе ярко свѣтящуюся часть Круксовой трубки. Когда это сдѣлано, то на черный конвертъ кладутъ тотъ предметъ, отпечатокъ котораго желаютъ получить, хотя бы, напримѣръ, руку. Затѣмъ соединяютъ Круксову трубку со спиралью Румкорфа. Трубка свѣтится; исходящіе отъ нея X-лучи падаютъ на конвертъ и на лежащую на немъ руку, проникаютъ къ фотографической пластинкѣ и оставляютъ на ней отпечатокъ.

Для полученія хорошихъ отпечатковъ, слѣдуетъ держать (экспонировать) въ зависимости отъ различныхъ условій отъ десяти и до 50 минутъ. Впрочемъ, въ точности указать необходимое для экспозиціи время трудно; продолжительность экспозиціи зависитъ отъ различныхъ условій, и каждый путемъ опыта найдетъ, какъ долго нужно ему экспонировать для того, чтобы при его Круксовой трубкѣ отпечатки получались наиболѣе удачные.

Продержавши чувствительную пластинку подъ дѣйствіемъ X-лучей при вышеприведенныхъ условіяхъ, можно быть почти увѣреннымъ въ удачѣ опыта. Закончивъ опытъ, прекращаютъ токъ (снимать отпечатываемые предметы—въ нашемъ примѣрѣ—руку—до прекращенія тока не слѣдуетъ), и конвертъ съ заключенною въ немъ пластинкою уносятъ въ *совершенно темное* помѣ

тпечатокъ руки, монетъ, цѣпочки и ключа, полученный по способу Рентгена въ физическомъ кабинетѣ И. Военно-Медицинской Академіи, проф. Н. Г. Егоровымъ.

*

щеніе, гдѣ уже его вскрываютъ и погружаютъ въ растворъ проявителя. Проявлять нужно возможно медленно и осторожно.

Совѣтуемъ всѣмъ, желающимъ повторить опыты Рентгена и незнакомымъ съ физикою, обращаться за помощью къ лицамъ, умѣющимъ производить физическіе опыты вообще, такъ какъ. не зная устройства спирали Румкорфа, можно при работѣ съ нею получить сильный и вредный для организма электрическій ударъ,

Относительно проявленія полученныхъ отпечатковъ совѣтуемъ лицамъ, незнакомымъ съ фотографической техникой, обращаться къ фотографамъ спеціалистамъ или къ опытнымъ любителямъ; только познакомившись съ тѣмъ, какъ производится проявленіе и затѣмъ фиксированіе, можно самому производить эти фотографическія манипуляціи.

Когда Рентгенъ получилъ вышеописаннымъ способомъ отпечатки различныхъ предметовъ, помѣщенныхъ въ непрозрачныя оболочки, то у него, вѣроятно, явилась мысль получить не только силуэтныя изображенія, но и *настоящіе* фотографическіе снимки. Для этого, конечно, нужно было найти способы концентрированія X - лучей. Для концентрированія обыкновенныхъ свѣтовыхъ или тепловыхъ лучей можно пользоваться выпуклыми стеклами или вогнутыми зеркалами, ибо обыкновенные лучи, проходя черезъ выпуклыя стекла, преломляются и собираются въ такъ называемой фокусной плоскости; точно также, отражаясь отъ вогнутаго зеркала, эти лучи собираются въ фокусной плоскости. Однако, когда Рентгенъ попробовалъ сконцентрировать X - лучи, то оказалось, что они и не отражаются, и не преломляются, по крайней мѣрѣ ни замѣтнаго отраженія, ни замѣтнаго преломленія они не обнаруживаютъ. Это обстоятельство ставитъ X - лучи совершенно особнякомъ, такъ какъ до настоящаго времени мы не знали такихъ лучей, которые бы не имѣли способности отражаться или преломляться, переходя изъ одной среды въ другую.

Познакомившись съ лучами Рентгена, а въ особенности, познакомившись съ ними на опытѣ, каждый естественно спроситъ: что же это за такіе странные, необыкновенные лучи?

Какъ видно было изъ предыдущаго, даже и катодные лучи еще до сихъ поръ не изучены и природа ихъ не выяснена. Разумѣется, еще менѣе понятны для насъ лучи Рентгена. Быть можетъ, если бы вопросъ о катодныхъ лучахъ былъ рѣшенъ, то и и новооткрытые X-лучи представлялись бы менѣе непонятными. А потому объ этихъ лучахъ можно высказывать только предположенія.

Самъ Рентгенъ думаетъ, что X-лучи происходятъ вслѣдствіе продольныхъ колебаній свѣтового эфира.

Профессоръ С.-Петербургскаго университета, И. И. Боргманъ высказалъ весьма вѣроятное предположеніе, состоящее въ томъ что Рентгеновскіе лучи суть электрическія колебанія, возникающія въ данной средѣ подъ вліяніемъ разрядовъ, происходящихъ въ Круксовой трубкѣ и что прохожденіе ихъ черезъ непрозрачныя тѣла объясняется тѣмъ, что въ этихъ непрозрачныхъ тѣлахъ возникаютъ, какъ бы по созвучію, тѣ же колебанія, какія имѣются и въ окружающей средѣ.

Исходя изъ того, что катодные лучи представляютъ нѣчто матеріальное, можно, конечно, считать, что они ничто иное, какъ частицы газа, заряженныя электричествомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, склоненъ былъ смотрѣть на нихъ Круксъ. То же думаетъ, напр., О. Леманъ и др.

Можно, напримѣръ, предположить, что эти молекулы, въ силу своей ничтожной величины (пузырекъ кислорода, имѣющій въ діаметрѣ 0,1 миллиметра, содержитъ около 25.000 милліоновъ молекулъ), подъ вліяніемъ огромной скорости, которую онѣ получаютъ благодаря электрическому заряду, проходятъ черезъ стекло Круксовой трубки и устремляются на подобіе выпущенной изъ ружья дроби на всѣ предметы, находящіеся внѣ Круксовой трубки и благодаря наносимымъ по этимъ предметамъ ударамъ, производятъ тѣ или другія послѣдствія. Если бы такое предположеніе оказалось справедливымъ, то тогда было бы понятно, почему эти лучи не отражаются и проходятъ сквозь непрозрачные предметы: молекулы, такъ сказать, пролетаютъ черезъ промежутки имѣющіеся между отдѣльными частицами различныхъ твердыхъ тѣлъ. Такая гипотеза дѣлаетъ, между прочимъ, понятнымъ и то обстоятельство, въ силу котораго катодные лучи тѣмъ легче проходятъ черезъ непрозрачные предметы, чѣмъ эти предметы менѣе плотны— фактъ замѣченный Ленардомъ.

Впрочемъ, въ настоящее время мы еще не имѣемъ основаній для высказыванія какихъ-либо гипотезъ, которыя могли бы претендовать на сколько-нибудь значительную вѣроятность.

И потому, оставивъ всякія на этотъ счетъ предположеиія, обратимся къ тѣмъ слѣдствіямъ, какія имѣло уже въ данную минуту открытіе Рентгена.

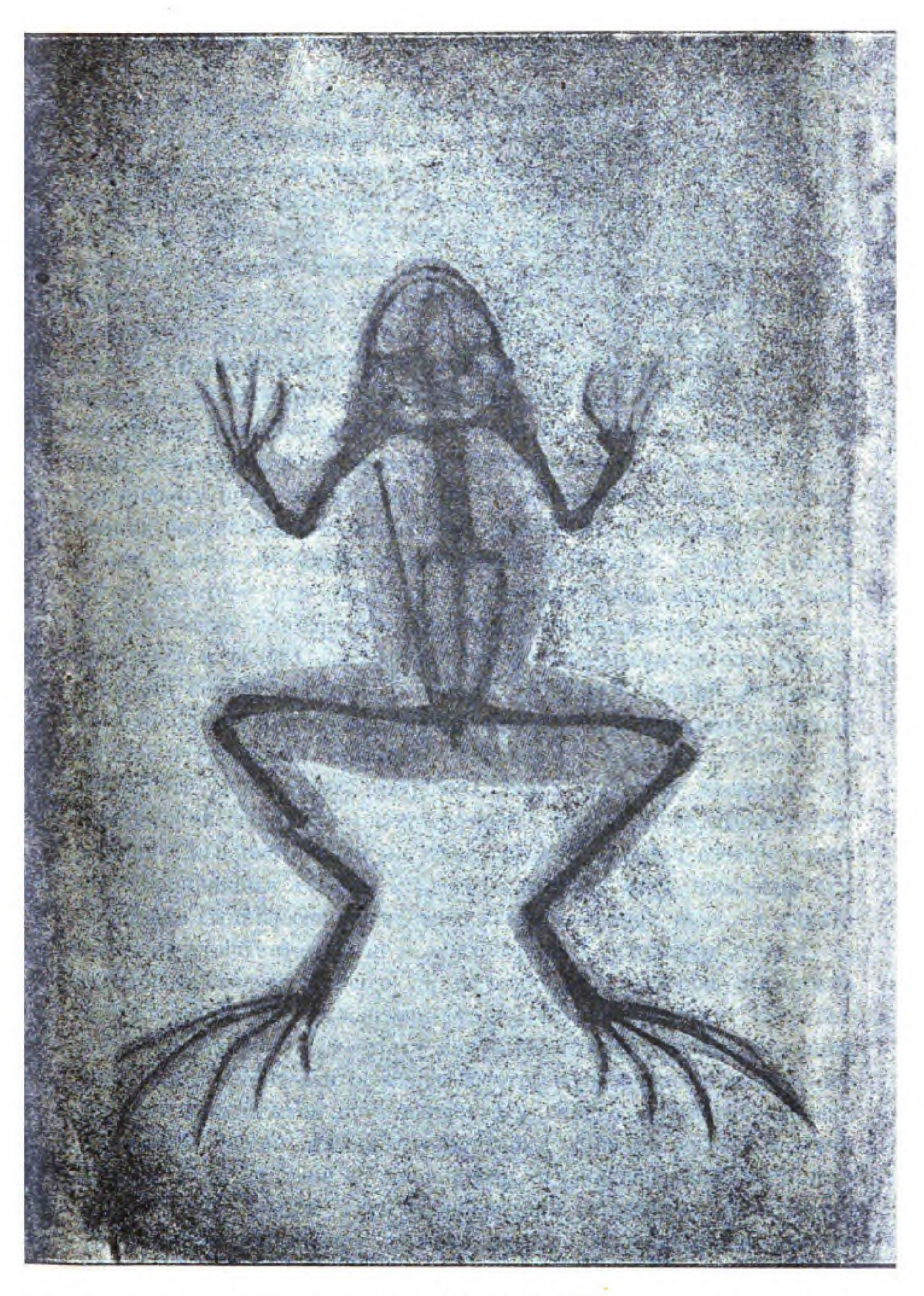
Принимая во вниманіе, что такъ называемыя непрозрачныя тѣла (для обыкновенныхъ свѣтовыхъ лучей) въ различной степени прозрачны для лучей Рентгена, можно было ожидать, что если эти лучи будутъ пущены на такой предметъ, какъ кисть руки, состоящую изъ тканей различной плотности, то черезъ нѣкоторыя части ея они пройдутъ свободно, черезъ другія—съ трудомъ, а

черезъ нѣкоторыя—и совсѣмъ не пройдутъ. Если, значитъ, руку помѣстить на фотографическую пластинку и «освѣтить» ее (руку) сверху Рентгеновскими лучами, то на пластинкѣ долженъ получиться отпечатокъ, который сразу покажетъ, черезъ какія части руки лучи прошли легче, черезъ какія—труднѣе.

Когда Рентгенъ сдѣлалъ подобный опытъ, то получился весьма интересный результатъ: лучи прошли черезъ ткани совершенно легко, между тѣмъ какъ костями руки были почти вполнѣ задержаны—вслѣдствіе этого, на фотографической пластинкѣ получился отпечатокъ не всей руки, а только скелета ручной кисти. Въ зависимости отъ того, какъ веденъ опытъ, какіе взяты для него приборы—снимки получались болѣе или менѣе рѣзкіе и, напримѣръ, отпечатокъ руки, полученный профессоромъ с.-петербургскаго университета И. И. Боргманомъ настолько хорошъ, что на немъ можно видѣть болѣе или менѣе плотныя части костей руки въ отличіе отъ частей болѣе, такъ сказать, рыхлыхъ. Не менѣе удачны снимки, полученные проф. военно-медицинской академіи, Н. Г. Егоровымъ; послѣдній получилъ кромѣ того отпечатокъ полнаго скелета лягушки, рыбы и руки.

Особенность Рентгеновскихъ лучей, проходящихъ черезъ мягкія части тѣла и задерживающихся, какъ костями, такъ и многими металлами (за исключеніемъ алюминія) и нѣкоторыми другими тѣлами, повлекла за собою то, что Рентгеновскіе лучи получили примѣненіе въ медицинѣ или, точнѣе, въ хирургіи. Если, напримѣръ, въ томъ или другомъ мѣстѣ руки или ноги застряла пуля, иголка и проч., то Рентгеновскій способъ даетъ возможность опредѣлить мѣсто, гдѣ эти инородныя тѣла застряли. «Освѣщая» раненное мѣсто лучами Рентгена и дѣлая отпечатокъ, мы получимъ ясное изображеніе того инороднаго тѣла, которое застряло гдѣ-либо въ организмѣ.

Какая будущность принадлежитъ практическому примѣненію Рентгеновскихъ лучей—теперь еще сказать трудно. Можно, во всякомъ случаѣ, предполагать, что правильныя испытанія, которыя, конечно, теперь будутъ продѣлываться значительнымъ числомъ изслѣдователей, приведутъ къ возможности получать не только отпечатки, подобные тѣмъ, какіе дѣлаются въ настоящее время, но и болѣе совершенные отпечатки, при которыхъ будетъ получаться изображеніе любой ткани организма по желанію изслѣдователя. Быть можетъ, удастся даже получать *настоящія фотографіи* «непрозрачныхъ» предметовъ. Для этого, прежде всего, нужно будетъ найти такія среды, которыя способны преломлять лучи Рентгена и собирать ихъ въ фокусъ, или же такія вещества,

печатокъ скелета лягушки, полученный тамъ же. На рис видна переломанная ног (лѣвая), видна также булавка, введенная въ желудокъ лягушки.

которыя способны будутъ отражать отъ себя бо́льшую часть падающихъ Рентгеновскихъ лучей и точно также собирать ихъ въ фокусъ *).

Не мѣшаетъ, въ заключеніе, прибавить, что открытіе Ренгтена, представляя большой интересъ и теоретическій, и практическій, все же не представляетъ чего-либо такого, въ чемъ можно было бы усмотрѣть переворотъ въ наукѣ. Нѣсколько преувеличенную репутацію открытіе Рентгена получило благодаря своей, такъ сказать, научной демократичности. Въ самомъ дѣлѣ, результаты этого открытія ясны для всякаго не только образованнаго, но даже и мало образованнаго человѣка. Называть открытіе Ренгтена—великимъ, какъ это дѣлаютъ многіе—неправильно. Оно, если угодно, интересно, можетъ получить очень важныя практическія примѣненія, но съ научной стороны—ничего необычайнаго или совершенно новаго не представляетъ. Темные, невидимые лучи были извѣстны давно: тепловые и ультра фіолетовые лучи хорошо извѣстны физикамъ и химикамъ. Способность темныхъ лучей не проходить черезъ нѣкоторые прозрачные предметы—точно также была извѣстна; было, напримѣръ, извѣстно, что тепловые лучи, лежащіе въ отдаленнѣйшемъ концѣ ультра-красной части спектра, совершенно не проходятъ черезъ прозрачное стекло и прекрасно проходятъ черезъ пластинку каменной соли; съ другой стороны, Тиндаль доказалъ, что совершенно непрозрачный растворъ іода въ сѣрнистомъ углеродѣ совершенно свободно пропускаетъ сквозь себя темные тепловые лучи. Очевидно, стало быть, что фактъ прохожденія лучей черезъ «непрозрачные» предметы не представляетъ ничего новаго. Ленардъ, какъ мы выше говорили, указалъ, что катодные лучи отлично проводятъ черезъ алюминіевую пластинку и очень трудно—черезъ совершенно прозрачную слюдяную.

Такимъ образомъ, Рентгеновскіе лучи представляютъ въ томъ отношеніи новость, что, обладая съ одной стороны свойствами какъ бы тепловыхъ лучей (ультра-красныхъ), они, съ другой стороны, обладаютъ свойствами лучей ультра-фіолетовыхъ, т. е. дѣйствуютъ на обыкновенную фотографическую пластинку; этими свойствами обладаютъ, однако, и катодные лучи; но катодные лучи видимы и затѣмъ на нихъ дѣйствуетъ магнитъ; между тѣмъ какъ лучи Рентгена невидимы и, повидимому, на нихъ магнитъ не дѣйствуетъ. Быть можетъ, Рентгеновскіе лучи только тѣмъ и отличаются отъ катодныхъ, что не имѣютъ того электрическаго заряда, какой несутъ съ собою катодные лучи.

*) Въ настоящее время уже появились указанія на то, что «иксъ» лучи способны отражаться отъ стальныхъ пластинокъ.

Впрочемъ, въ послѣднее время появились указанія, будто обыкновенная электрическая лампочка накаливанія, которая, какъ принято говорить, перегорѣла (т. е. въ которой угольная нить въ какомъ-нибудь мѣстѣ прервана), при пропусканіи тока тоже содержитъ Рентгеновскіе лучи. Но объ этомъ еще надо ждать дальнѣйшихъ изслѣдованій. Но даже если этотъ послѣдній фактъ подтвердится, равно какъ если подтвердится фактъ существованія въ солнечномъ свѣтѣ такъ называемыхъ «темныхъ» лучей, которые, какъ недавно сообщалось въ засѣданіи парижской академіи наукъ, обладаютъ многими изъ свойствъ Рентгеновскихъ лучей, то все же связь всѣхъ этихъ лучей съ катодными лучами не будетъ опровергнута, хотя матеріальность катодныхъ лучей должна будетъ считаться исключенною изъ числа гипотезъ, высказанныхъ по поводу этихъ лучей.

II.

Цвѣтная фотографія.

Вопросъ о цвѣтной фотографіи давно интересуетъ какъ спеціалистовъ фотографовъ, такъ и фотографовъ любителей; да это и естественно: въ самомъ дѣлѣ, у кого не является желаніе фотографически запечатлѣть тотъ или другой красивый видъ природы, то или другое лицо съ передачей естественныхъ цвѣтовъ, присущихъ этимъ предметамъ?

Долгое время полагали, что цѣль эта, едва ли достижима.

Однако, въ 1891 году появились первыя изслѣдованія проф. Lippmann'а, которыя оживили надежды на возможность полученія цвѣтной фотографіи. Какъ и всегда бываетъ—когда о Lippmann'ѣ прокричала вся Европа, нашлись лица, показавшіе, что идея цвѣтной фотографіи принадлежитъ ученымъ, жившимъ гораздо раньше его, а именно знаменитому французскому физику Беккерелю, голландскому ученому Зеебеку и французу Poitevin'у.

Недавно нѣмецкій физикъ, Otto Wiener, задался цѣлью изучить вопросъ о томъ, въ чемъ заключается причина тѣхъ цвѣтовъ, которые получались у Беккереля, Зеебека, Пуатевена и, наконецъ, у Липпманна. Подвергши изслѣдованію цвѣтныя фотографіи, полученныя по способамъ всѣхъ только-что названныхъ ученыхъ, Otto Wiener пришелъ къ весьма интереснымъ выводамъ; во-первыхъ, онъ доказалъ, что цвѣтныя фотографіи, приготовляемыя по способу Беккереля и по способу Липпманна, существенно отличаются отъ подобныхъ же фотографій, приготовленныхъ по способу Пуа-

тевена. Разница заключается въ слѣдующемъ: если фотографію Беккереля или Липпманна разсматривать въ *проходящемъ* свѣтѣ, то-есть, такъ, чтобы ее освѣтить сзади и смотрѣть «сквозь» нее, то цвѣта видны совсѣмъ не тѣ, какъ въ томъ случаѣ, когда разсматривать ее въ *отраженномъ* свѣтѣ, т.-е. освѣтить ее спереди. Явленіе это происходитъ отъ того, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ цвѣтами тонкихъ пластинокъ, которыя образуются въ различныхъ слояхъ свѣточувствительной пленки, покрывающей фотографическую пластинку. Эти цвѣта обусловливаются такъ - называемою «*интерференціей*» свѣтовыхъ лучей.

Совсѣмъ другое мы имѣемъ въ цвѣтной фотографіи Пуатевена. Отто Винеръ путемъ опытовъ показалъ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ на фотографической пластинкѣ получаются настоящіе пигменты, т.-е. краски; если снять цвѣтной слой съ пластинокъ Липпманна и нарушить его цѣлость, то и цвѣта исчезнутъ; если же такой же слой снять съ пластинокъ Пуатевена, то онъ окажется сохранившимъ свои цвѣта, мало того: если на пластинки Пуатевена смотрѣть въ проходящемъ или въ отраженномъ свѣтѣ, то цвѣтъ, окрашенныхъ частей нисколько или [почти нисколько не измѣняется.

Все это доказываетъ, что въ свѣточувствительномъ слоѣ пластинокъ Пуатевена образуются какія-то красящія вещества, цвѣтъ которыхъ прямо вызывается цвѣтомъ падающихъ на пластинку лучей. При такомъ выводѣ естественно рождаются два вопроса, безъ разрѣшенія которыхъ и происхожденіе цвѣтной фотографіи становится непонятнымъ:

Вопросъ I-й: какое вещество въ свѣточувствительной пластинкѣ является «хромогеномъ», т.-е. веществомъ, изъ котораго происходятъ пигменты?

Вопросъ II-й: вслѣдствіе чего образующіеся изъ хромогена пигменты получаютъ тотъ же цвѣтъ, какой имѣютъ падающіе на хромогенъ извнѣ лучи?

На первый вопросъ съ точностью отвѣтить нельзя; несомнѣнно только то, что серебро или, правильнѣе, соединенія серебра съ хлоромъ или бромомъ являются въ роли хромогеновъ. Уже четыре года тому назадъ американскій ученый, Carey Lee, показалъ, что соединенія серебра съ хлоромъ могутъ принимать, подъ вліяніемъ различныхъ условій и, между прочимъ, подъ вліяніемъ свѣта, различную окраску, т.-е. образовать вещества различныхъ цвѣтовъ. Такъ какъ въ свѣточувствительномъ слоѣ фотографическихъ пластинокъ имѣется либо хлористое, либо бромистое серебро, то весьма возможно, что при освѣщеніи такой пластинки лучами свѣта содер-

жащееся въ ней хлористое или бромистое серебро претерпѣваетъ именно тѣ измѣненія, на которыя обратилъ вниманіе Carey Lee.

Второй вопросъ представляется затрогивающимъ загадочное явленіе даже въ томъ случаѣ, если бы первый былъ съ несомнѣнностью разрѣшенъ. Въ самомъ дѣлѣ, если даже хлористое и бромистое серебро могутъ принимать различные цвѣта, то что же заставляетъ ихъ принимать именно тотъ цвѣтъ, который имѣютъ падающіе извнѣ лучи; почему, если на хлористое и бромистое серебро падаютъ лучи, напримѣръ, отъ голубого платья, то и хлористое серебро дѣлается голубымъ; а если падаютъ лучи отъ розоваго лица, то хлористое серебро принимаетъ розовый цвѣтъ?

Отто Виннеръ прекрасно разъяснилъ эту кажущуюся загадку. Для того чтобы понять сущность этого разъясненія, надо вспомнить, что такое цвѣтная среда. Всякое цвѣтное тѣло характеризуется тѣмъ, что оно—изъ падающихъ на него лучей всевозможныхъ цвѣтовъ—поглощаетъ одни, отражаетъ другіе и пропускаетъ сквозь себя третьи. Красное прозрачное стекло, напримѣръ, когда на него падаетъ бѣлый свѣтъ (представляющій, какъ извѣстно, смѣсь самыхъ разнообразныхъ цвѣтныхъ лучей), пропускаетъ насквозь почти только одни лучи краснаго цвѣта, всѣ же остальные поглощаются. Такимъ образомъ, каждое цвѣтное стекло представляется какъ бы фильтромъ, черезъ который процѣживается бѣлый лучъ; оно пропускаетъ сквозь себя лучи одного цвѣта, задерживая лучи всѣхъ другихъ цвѣтовъ. Разумѣется, въ дѣйствительности, почти каждое цвѣтное стекло пропускаетъ сквозь себя лучи не одного только, а нѣсколькихъ цвѣтовъ, и потому почти всѣ цвѣта, которые мы получаемъ черезъ посредство цвѣтныхъ стеколъ, суть цвѣта не простые, а смѣшанные; но взятый нами примѣръ съ краснымъ стекломъ имѣетъ въ виду случай идеальный гдѣ черезъ стекло проходятъ дѣйствительно лучи только одного краснаго цвѣта.

Непрозрачные окрашенные предметы только тѣмъ и отличаются отъ цвѣтныхъ прозрачныхъ стеколъ, что въ то время, какъ эти послѣднія поглощаютъ всѣ лучи, пропуская сквозь себя какіе-либо одни, непрозрачные цвѣтные предметы поглощаютъ тоже всѣ лучи, но вмѣсто того, чтобы пропускать насквозь *отражаютъ* отъ себя лучи даннаго цвѣта. Такимъ образомъ, красная бумага, напримѣръ, поглощаетъ изъ бѣлаго луча всѣ цвѣтные его лучи и отражаетъ только одни красные.

Предметъ, не отражающій отъ себя никакихъ лучей, а поглощающій всѣ, будетъ намъ казаться *чернымъ матовымъ*.

И такъ, представимъ себѣ, что у насъ имѣется пластинка,

покрытая чернымъ матовымъ слоемъ (значитъ, способнымъ поглощать лучи всѣхъ цвѣтовъ) и представимъ, что этотъ матовый слой полученъ наложеніемъ на пластинку такого вещества, которое, поглощая свѣтовые лучи, можетъ претерпѣвать подъ вліяніемъ ихъ тѣ или другія химическія измѣненія. Пусть эти измѣненія выражаются, напримѣръ, въ томъ, что данное вещество можетъ благодаря испытываемымъ химическимъ превращеніямъ, переходить черезъ всѣ цвѣта и, наконецъ, становиться бѣлыми или безцвѣтнымъ. Предположимъ, что на разныя части этого чернаго вещества упадутъ лучи различныхъ цвѣтовъ; пусть, напримѣръ, на верхнюю часть падаютъ красные лучи, на среднюю — зеленые, а на нижнюю — синіе. Спрашивается, что изъ этого выйдетъ? Черный слой, покрывающій пластинку, будетъ поглощать и тѣ, и другія, и третьи лучи и станетъ мѣнять свой цвѣтъ. До которыхъ поръ онъ будетъ мѣнять цвѣтъ? Очевидно, до тѣхъ поръ, пока будетъ поглощать лучи. До которыхъ же поръ будетъ онъ ихъ поглощать? Конечно, до тѣхъ поръ, пока самъ не пріобрѣтетъ цвѣта, свойственнаго падающимъ на пластинку лучамъ; ибо съ этого момента, т.-е. когда верхняя часть этого чернаго вещества станетъ красною, средняя — зеленою, а нижняя — синею, съ этого момента каждая изъ нихъ будетъ отражаать падающіе на нее лучи названныхъ цвѣтовъ, а, стало быть, не будетъ ничего поглощать и не будетъ, слѣдовательно, измѣняться дальше.

И такъ, когда черный свѣточувствительный слой приметъ въ разныхъ своихъ частяхъ цвѣта, соотвѣтствующіе цвѣту падающихъ на него лучей, то дальше онъ будетъ оставаться неизмѣннымъ, и мы въ нѣкоторомъ, покрайней мѣрѣ смыслѣ получимъ цвѣтную фотографію.

Руководствуясь подобными соображеніями и частью гипотезами, высказанными Davann'омъ въ его «Traité général de Photographie», французскій изслѣдователь, E. Vallot, совершенно независимо отъ Otto Wiener'а, произвелъ рядъ опытовъ для полученія цвѣтныхъ фотографій,—опытовъ, которые каждый можетъ повторить. Онъ взялъ смѣсь трехъ красокъ, въ такихъ пропорціяхъ:

1-я)	Анилиноваго пурпура...	0,002	грамма.
	Спирту...............	50	куб. центим.
2-я)	Голубой Викторіи......	0,002	грм.
	Спирту...............	50	куб. центим.
3-я)	Куркумы............	10	грм.
	Спирту...............	50	куб. центим.

Затѣмъ, была взята бумага и положена поочередно на по-

верхность каждаго изъ этихъ растворовъ такъ, чтобы она на этой поверхности плавала.

Бумага сначала дѣлается красною; затѣмъ, когда ее опускаютъ на голубой растворъ, то она становится лиловатою. Наконецъ, положенная на поверхность желтаго раствора куркумы, она дѣлается буровато-фіолетовою и очень напоминаетъ цвѣтъ чувствительныхъ пластинокъ Пуатевена.

Такимъ образомъ, въ результатѣ получается бумажка, пропитанная тремя красками. Эти всѣ краски мало прочны, и когда на нихъ падаетъ солнечный свѣтъ, онѣ поглощаютъ лучи его и начинаютъ измѣняться. Подъ вліяніемъ солнечнаго бѣлаго цвѣта эти краски обезцвѣчиваются и, такимъ образомъ, черезъ нѣкоторое время бумага, если ее подвергнуть дѣйствію *бѣлыхъ* солнечныхъ лучей, становится бѣлою.

Если же эту самую окрашенную бумагу подвергнуть дѣйствію цвѣтныхъ лучей, напримѣръ, пропустивъ падающій на нее солнечный свѣтъ предварительно чрезъ цвѣтныя стекла, то произойдетъ слѣдующее: въ тѣхъ мѣстахъ такой бумаги, на которыя упадутъ красные лучи, эти красные лучи будутъ *поглощаться* голубою и желтою краскою и *отражаться* красною. Вслѣдствіе дѣйствія поглощенныхъ лучей, голубая и желтая краски станутъ обезцвѣчиваться, между тѣмъ какъ красная, такъ какъ она отражаетъ отъ себя красные лучи, останется неизмѣнною, и та часть бумаги, которая находится подъ краснымъ стекломъ, покраснѣетъ; на томъ же основаніи часть бумаги, лежащая подъ голубымъ стекломъ, сдѣлается голубою, подъ желтымъ—желтою и т. д.

Конечно, бумага, приготовленная по способу Vallot, не можетъ считаться свѣточувствительною въ томъ смыслѣ, въ какомъ это принято понимать въ фотографической техникѣ; эта бумага требуетъ для того, чтобы въ ней произошли вышеописанныя перемѣны, продолжительнаго дѣйствія цвѣтныхъ лучей, между тѣмъ какъ свѣточувствительныя пластинки, употребляемыя въ фотографіи, требуютъ лишь долей секунды, чтобы воспроизвести изображеніе того или другого предмета. Но, разумѣется, не во времени дѣло. Кто помнитъ прежній, такъ-называемый, коллодіонный, способъ фотографированія, тотъ знаетъ, какая разница между нынѣшними свѣточувствительными пластинками и тѣми, которыя употреблялись лѣтъ 20 тому назадъ. Ничего нѣтъ невѣроятнаго, что дальнѣйшія изслѣдованія въ этой области дадутъ возможность найти такія вещества, которыя, подъ вліяніемъ падающихъ на нихъ цвѣтныхъ лучей, будутъ въ самое короткое время принимать соотвѣтствующіе этимъ лучамъ цвѣта.

Еще одно затрудненіе встрѣчается теперь въ дѣлѣ цвѣтной фотографіи. Тѣ краски, которыя появляются на цвѣтныхъ фотографіяхъ, приготовляемыхъ по способу Пуатевена, Отто Винера или Валло, весьма не прочны и скоро послѣ своего появленія «выцвѣтаютъ». Надо стараться ихъ «фиксировать», т. е. сдѣлать неизмѣняющимися отъ дальнѣйшаго дѣйствія на нихъ свѣтовыхъ лучей. До сихъ поръ этого не удалось получить; но, безспорно— это послѣднее не представляетъ чего-либо невозможнаго: вѣдь, знаетъ же современная техника цѣлый рядъ красокъ, которыя будучи крайне непрочными въ моментъ, когда ими окрашиваются ткани, затѣмъ, при помощи пропариванія, протравливанія и тому подобныхъ процессовъ, становятся весьма прочными и не измѣняющимися. Фиксированіе красокъ, получаемыхъ на цвѣтныхъ фотографіяхъ, представляется дѣломъ, которое будетъ несомнѣнно сдѣлано въ ближайшемъ будущемъ.

И такъ, въ настоящее время цвѣтной фотографіи остается преодолѣть только два затрудненія: 1) получить такія свѣточувствительныя пластинки, которыя принимали бы всевозможные цвѣта и измѣнялись бы подъ дѣйствіемъ цвѣтныхъ лучей возможно быстро, и 2) найти средства, при помощи которыхъ эти цвѣтные снимки можно было бы «закрѣплять», т. е. дѣлать нечувствительными къ дальнѣйшему дѣйствію свѣтовыхъ лучей.

Остроумную попытку къ полученію цвѣтной фотографіи сдѣлали почти одновременно два англичанина, независимо другъ отъ друга; одну сдѣлалъ Joly, другую—James W. Mac-Doneugh.

Сущность способа, придуманнаго двумя названными англичанами (и, конечно, привилегированнаго ими) такова, что за ними нельзя признать ничего общаго съ цвѣтною фотографіей въ томъ смыслѣ, въ какомъ это можно признать за способами Липпманна или Пуатевена. Здѣсь мы имѣемъ скорѣе нѣчто похожее на раскрашиваніе фотографіи или, еще точнѣе, на полученіе обыкновеннаго фотографическаго снимка на цвѣтномъ фонѣ.

Joly, напримѣръ, для полученія своихъ «цвѣтныхъ» снимковъ поступаетъ слѣдующимъ образомъ: онъ беретъ тонкую стеклянную пластинку и всю ее исчерчиваетъ чрезвычайно тонкими и очень близко другъ около друга лежащими цвѣтными линіями (такихъ линій приходится 120 на одинъ центиметръ). Каждая линія окрашивается однимъ изъ трехъ цвѣтовъ — краснымъ, зеленымъ или голубымъ. Окрашиваніе ведется такъ: первая линія красная, вторая--зеленая, третья—голубая, четвертая снова красная, пятая—зеленая, шестая—голубая и т. д. Краски, которыми линіи окрашены, берутся вполнѣ прозрачныя. Если черезъ такую пластинку посмотрѣть на свѣтъ, то пластинка представляется

почти безцвѣтною или слегка сѣроватаго цвѣта, такъ какъ цвѣтныя линіи лежатъ на столько близко другъ къ другу, что глазъ не различаетъ каждаго цвѣта въ отдѣльности, а видитъ эти цвѣта смѣшанными; смѣсь же ихъ даетъ цвѣтъ, близкій къ бѣлому.

Такую раскрашенную пластинку Joly помѣщаетъ на обыкновенную свѣточувствительную пластинку, приготовленную, впрочемъ, такъ, что она чувствительна ко *всѣмъ* цвѣтнымъ лучамъ (какъ извѣстно, обыкновенныя фотографическія пластинки очень мало чувствительны къ лучамъ краснымъ, оранжевымъ и желтымъ) и помѣщаетъ ее въ фотографическую камеру. Если передъ камерою стоитъ предметъ, испускающій отъ себя различные цвѣтные лучи, напр., красные, зеленые и голубые, то эти лучи, падая на пластинку Joly, будутъ проходить сквозь нее на свѣточувствительный слой такъ, что красные лучи пройдутъ только сквозь красныя линіи пластинки, а зеленые—сквозь зеленыя линіи, голубые—сквозь голубыя линіи; но красные лучи не пройдутъ сквозь зеленыя линіи, ибо въ нихъ эти лучи будутъ поглощаться. Въ результатѣ получится негативъ, на которомъ какъ краснымъ, такъ зеленымъ и синимъ лучамъ будутъ соотвѣтствовать темныя линіи большей или меньшей густоты; этотъ негативъ переносится на обыкновенную стеклянную свѣточувствительную пластинку и съ него получается позитивъ. Всѣмъ темнымъ мѣстамъ негатива будутъ на позитивѣ соотвѣтствовать свѣтлыя мѣста, и наоборотъ.

Когда позитивъ приготовленъ, тогда его фиксируютъ, т. е. закрѣпляютъ, а затѣмъ накладываютъ на него цвѣтную пластинку Joly и обѣ пластинки соединяютъ. Если теперь смотрѣть черезъ такую фотографію на свѣтъ, то она представляется имѣющею всѣ натуральные цвѣта фотографированнаго предмета.

Мы говоримъ «всѣ» натуральные цвѣта, потому что, если бы предметъ имѣлъ не только названные три цвѣта, а кромѣ нихъ еще и другіе, напримѣръ, желтый или розовый, то такъ какъ всѣ эти цвѣта, въ большинствѣ случаевъ, сложные, они могутъ быть воспроизведены сочетаніемъ тѣхъ трехъ цвѣтовъ, которые имѣются на пластинкѣ Joly.

Разумѣется, нѣтъ надобности говорить, что способы Joly и Doneugh'а могутъ имѣть какое-либо значеніе только до тѣхъ поръ, пока фиксированіе истинныхъ цвѣтныхъ фотографій не достигнуто; какъ только это будетъ сдѣлано, названные способы будутъ брошены, какъ способы, прежде всего, весьма дорогіе.

Вотъ въ какомъ положеніи стоитъ къ наступающему 1896-му году вопросъ о цвѣтной фотографіи.

Прив.-доц. С.-Петерб. унив. **М. Ю. Гольдштейнъ.**

СЭРЪ ДЖОРЖЪ ТРЕССЕДИ.

Романъ Гемпфри Уордъ.

Переводъ съ англійскаго А. Анненской.

(Продолженіе) *).

V.

Недѣля, которая началась для Тресседи такимъ неожиданнымъ знакомствомъ, обѣщала быть въ высшей степени любопытною для всѣхъ, кто интересовался парламентомъ и его дѣятельностью. Всѣ давно ожидали рѣчи Фонтеноя противъ министерства внутреннихъ дѣлъ, всѣ знали, что, обличая министра, онъ имѣетъ въ виду Максвеля и его группу и что его рѣчь тщательно подготовлена. Многіе горячо спорили о возможныхъ послѣдствіяхъ ея. Во всякомъ случаѣ, нельзя было ожидать, что она окажетъ непосредственное вліяніе на взаимныя отношенія партій и поколеблетъ министерство. Но послѣ Святой Максвель внесетъ свой билль фабричнаго закона, имѣющій въ виду спеціально Западный Лондонъ; это будетъ первый законъ, касающійся взрослыхъ рабочихъ и абсолютно запрещающій раздачу работы по домамъ для нѣкоторыхъ отраслей промышленности, — онъ долженъ дать противникамъ Максвеля не мало предлоговъ для жаркихъ и достославныхъ схватокъ. Онъ весь, съ начала до конца, подлежитъ критикѣ; благодаря ему, уже пало одно министерство; у него есть горячіе сторонники и столь же горячіе противники; отъ рѣшенія коммиссіи по каждой отдѣльной статьѣ его зависитъ жизнь или смерть министерства; дѣло не въ томъ, чтобы онъ самъ по себѣ имѣлъ громадное значеніе, но въ томъ, что Максвель былъ необходимъ для кабинета, а всѣ знали, что ни Максвель, ни его ближайшій другъ и сторонникъ Доусонъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, не отступятъ ни отъ одного изъ существенныхъ пунктовъ билля.

---

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль 1896 г.

Общее положеніе было въ высшей степени интересно. Года два тому назадъ, пало сильное и долго державшееся торійское министерство. Послѣ того политическія дѣла Англіи совершенно разстроились. Слабое либеральное министерство, расшатанное соціалистами, не долго держалось, за нимъ послѣдовало столь же недолговѣчное торійское министерство; лордъ Максвель послѣ четырехлѣтняго отсутствія съ политической арены вернулся къ своей партіи и погубилъ его. Ему удалось заставить кабинетъ принять билль, отвѣчавшій его искреннимъ убѣжденіямъ и чувствамъ и встрѣтившій поддержку наиболѣе значительныхъ рабочихъ союзовъ. Вслѣдствіе этого билля кабинетъ палъ; но въ короткій періодъ существованія его Максвель пріобрѣлъ такое значительное число сторонниковъ, что когда тори вернулись къ власти, располагая значительнымъ большинствомъ, билль Максвеля занялъ одно изъ первенствующихъ мѣстъ въ программѣ министерства и около него сосредоточивались, можно сказать, всѣ силы борющихся партій.

Эти партіи въ глазахъ всякаго опытнаго наблюдателя представлялись сильно разстроенными. Старая либеральная партія была почти уничтожена; въ ней осталось нѣсколько заблудшихъ скитальцевъ, представителей программы, въ которой никто не нуждался, и жалобъ, которыя никого не трогали. Большая партія соціалистовъ и сторонниковъ независимаго труда наполняла пустыя скамьи либераловъ,—партія революціонеровъ, энтузіастовъ, которыхъ страна нѣсколько побаивалась и которые, сказать по правдѣ, немного боялись самихъ себя. У нихъ была выработанная программа и они оказывали страшное давленіе на жизнь аглійскаго общества. А эта жизнь во всемъ, что касалось прогресса и реформы труда, находилась въ самомъ неустойчивомъ, неспокойномъ положеніи.

Послѣ длиннаго періода застоя и сравнительнаго покоя въ промышленныхъ сферахъ, въ Англіи начались бури, подобныя бурямъ, бушевавшимъ на материкѣ, и какъ реакція, такъ и революція выдвигали свои силы подъ новыми формами, подъ руководствомъ новыхъ людей.

Во главѣ реакціонной партіи стоялъ Фонтеной. Года четыре тому назадъ, обстоятельства, сопровождавшія большую стачку въ Мидлэндѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими вліяніями, впервые толкнули его на поприще политической жизни, отвратили его отъ скачекъ и всѣхъ прочихъ обычныхъ ему развлеченій. Стачка причинила большіе убытки его отцу, владѣльцу обширныхъ помѣстій въ Сѣверной Мерсіи; она отличалась необыкновенными проявле-

ніями насилія со стороны рабочихъ и ихъ предводителей; Фонтеной, принужденный поневолѣ принимать участіе въ борьбѣ только потому, что отецъ его—суровый и опытный администраторъ громаднаго состоянія,—лежалъ больной въ это время, черезъ нѣсколько недѣль страстно увлекся ею и вышелъ изъ нея совершенно другимъ человѣкомъ. Собственность слѣдуетъ поддерживать; безпорядки и недовольства низшихъ классовъ слѣдуетъ подавлять, рѣшилъ онъ. И вотъ онъ продалъ своихъ скаковыхъ лошадей, и занялся созданіемъ новой партіи съ тѣмъ упорствомъ, тою хитростью и смѣлостью, которыя до сихъ поръ примѣнялъ къ интригамъ и борьбѣ на скачкахъ.

Въ настоящее время, въ новомъ парламентѣ начинали сказываться плоды его громадныхъ трудовъ. Число его сторонниковъ возрасло, подборъ ихъ улучшился. Они одинаково возставали и противъ уступчиваго консерватизма, и противъ заносчивой демократіи. Они открыто высказывались за аристократію и капиталъ, за церковь и за избраніе въ члены палаты людей опыта и знанія. Они составляли оппозицію министерства и относились отрицательно къ его дѣятельности, они рѣшили нетолько бороться противъ всякаго новаго вмѣшательства правительства въ дѣла промышленности, въ свободу отношеній хозяевъ и рабочихъ, но, по возможности, уничтожить тѣ законы, которые допускали это вмѣшательство и были проведены раньше. Среди нихъ преобладали люди съ университетскимъ образованіемъ, вслѣдствіе чего они зорко подмѣчали всякое неловкое выраженіе людей, не бывшихъ въ Оксфордѣ и Кембриджѣ. Нѣкоторые ихъ нихъ, подобно Тресседи, вернулись изъ дальнихъ путешествій и отличались имперьялистскимъ направленіемъ. Группа обладала необыкновеннымъ количествомъ искусныхъ ораторовъ и обращала на себя всеобщее вниманіе, особенно теперь, когда избрала своей мишенью билль Максвеля.

Для посвященныхъ положеніе отличалось нѣкоторыми особенно интересныя частностями. Лэди Максвель пользовалась никакъ не меньшимъ политическимъ значеніемъ, чѣмъ ея мужъ. Являлось ли ея положеніе доказательствомъ новой силы, пріобрѣтенной женщиной, или это былъ примѣръ чего-то знакомаго какъ фараонамъ, такъ и XIX вѣку — возможности для женщины, обладавшей извѣстными физическими свойствами, пробиться въ жизни? Эта женщина случайно шла одинаковымъ путемъ съ своимъ мужемъ, и это обстоятельство дѣлало настоящее положеніе менѣе интереснымъ для нѣкоторыхъ наблюдателей. Съ другой стороны, ея очевидная преданность мужу привлекала простыя души, для кото-

рыхъ вмѣшательство женщины въ политику показалось бы иначе предосудительнымъ, но которыя теперь одобряли его, такъ какъ Марчелла Максвель отличалась не только простотой, но и добротой, любила мужа, была превосходной матерью хорошенькаго сына.

Никто не сомнѣвался, что она стояла за билль Максвеля. Было извѣстно, что она всячески помогала мужу при окончательной разработкѣ его законопроекта; она сама наблюдала рабочихъ во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ промышленности, о которыхъ онъ говорилъ; у нея было много друзей среди нихъ, и она отдавала имъ значительную часть своего времени; какъ среди нихъ, такъ и въ гостиныхъ богачей она постоянно боролась за идеи своего мужа, боролась съ помощью своей красоты, своего остроумія и чего-то еще, какой-то смѣлой силы, какого-то очарованія, которое враги могли порицать или презирать, но съ которымъ имъ приходилось считаться.

Что касается лорда Максвеля, онъ былъ не блестящій ораторъ и слылъ въ обществѣ за человѣка сдержаннаго и скрытнаго. Друзья горячо стояли за него, а его товарищи министры разсчитывали на него, какъ на каменную стѣну. Но люди улицы, какъ аристократы, такъ и плебеи, знали его сравнительно мало. Вслѣдствіе этого, все общественное вниманіе сосредоточивалось на убѣжденіяхъ, характерѣ и красотѣ его жены.

Среди всѣхъ этихъ столкновеній личныхъ и общественныхъ интересовъ настала пятница, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемая Фонтеноемъ и его партіей. Онъ всталъ тотчасъ послѣ окончанія запросовъ и заговорилъ сначала нѣсколько несвязно и холодно, но затѣмъ оживился и бросилъ парламенту рѣчь шероховатую, неизящную по формѣ, но замѣчательную по своей ѣдкости, тонкой критикѣ, искреннему паѳосу и какой-то дикой силѣ. Всѣ партіи слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ выступилъ съ защитой своей политики, и свѣдущіе люди его партіи нашли, что онъ говорилъ вполнѣ убѣдительно. Не смотря на то, героемъ вечера остался Фонтеной.

Какъ только обѣ эти рѣчи были произнесены, Джоржъ побѣжалъ наверхъ къ Летти, которая вмѣстѣ съ миссъ Тюллохъ сидѣла въ галлереѣ спикера. Сердце его сильно билось.

— Великолѣпно!—говорилъ онъ самъ себѣ,—великолѣпно! Мы нашли настоящаго человѣка!

Летти ждала его съ нетерпѣніемъ, и они пошли вмѣстѣ ходить по корридору.

— Ну?—спросилъ онъ, засунувъ руки въ карманы и глядя на нее съ улыбкой сверху внизъ.—Ну?

Летти видѣла, что отъ нея ждутъ похвалъ, и она стала усердно хвалить, а онъ продолжалъ съ улыбкой смотрѣть на нее.

Онъ все время вполнѣ сознавалъ, что она говоритъ пошлости. Съ тѣхъ поръ, какъ она стала невѣстой, она выучила нѣсколько политическихъ фразъ, и ему смѣшно было слушать, какъ она старалась кстати и не кстати употреблять ихъ. Не смотря на то, ея болтовня, ея улыбки и жесты доставляли ему удовольствіе. Она позировала передъ нимъ и играла своими сѣрыми глазами исключительно для него. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ на интересную игрушку, хотя ему иногда представлялось, что послѣ свадьбы надо постараться немного развить ее.

— А, хорошо, вамъ понравилось, это очень хорошо!—сказалъ онъ, наконецъ, прерывая ее.—Мы, во всякомъ случаѣ, хорошо начали. Но мнѣ трудно будетъ послѣ него говорить въ понедѣльникъ.

— Неужели вы боитесь? Навѣрно нѣтъ! Вы это говорите изъ ложной скромности. Знаете, лэди Максвель сидѣла черезъ человѣка отъ меня?

— Нѣтъ, я не зналъ. Какъ же ей понравился Фонтеной?

— Она ни разу не шевельнулась послѣ того, какъ онъ всталъ. Она приложила лицо къ этой отвратительной рѣшеткѣ и все время пристально глядѣла на него. Мнѣ показалось, что она сильно покраснѣла, но это было, можетъ быть, отъ жары, и что она недовольна,—лукаво прибавила Летти.—Я съ ней немножко поговорила о вашемъ приключеніи.

— Она вспомнила о моемъ существованіи?

— Еще бы! Конечно! Она сказала, что ждетъ васъ къ себѣ въ воскресенье. *Меня* она къ себѣ не пригласила. — Летти сдѣлала плутовскую гримасу.—Впрочемъ, никто и не ждетъ отъ нея хорошихъ манеръ. Говорятъ, будто она застѣнчива. Но наши друзья подъ этимъ подразумѣваютъ, что она невѣжлива.

— Она была невѣжлива съ вами? — спросилъ Джоржъ, повидимому, интересуясь отвѣтомъ, но въ душѣ не довѣряя ему.— Можетъ быть, мнѣ не ходить къ ней въ воскресенье?

— Нѣтъ, отчего же. Намъ придется вести съ ними знакомство. Она просто изъ тѣхъ женщинъ, которыя не нравятся женщинамъ. Однако, не пойдемъ ли мы обѣдать? Мы съ Тюлли сильно проголодались.

— Пойдемъ скорѣе, я сейчасъ соберу нашу компанію.

Джоржъ пригласилъ отобѣдать съ своей невѣстой нѣсколькихъ знакомыхъ членовъ парламента и своего дальняго родственника, стараго генерала Тресседи съ женой. Вся компанія должна была

собраться въ комнатѣ одного изъ секретарей, очень гостепріимнаго хозяина, и Джоржъ повелъ туда своихъ дамъ.

Когда они вошли въ комнату, въ ней уже было много народа и стоялъ гулъ отъ разговоровъ.

— Другая компанія! — сказалъ Джоржъ, окинувъ взглядомъ комнату.—Бенсонъ любитъ устраивать такія вещи!

— Видите вы леди Максвель?—шепнула ему Летти.

Джоржъ посмотрѣлъ направо и увидѣлъ эту лэди. Она тоже сразу узнала его и поклонилась ему, не вставая съ мѣста. Она составляла центръ группы мужчинъ, толпившихся около нея и около маленькаго столика, на который она опиралась; всѣ они были такъ заняты своимъ разговоромъ, что едва замѣтили появленіе Тресседи и его спутницъ.

— Видите ли, это гости Ливена,—сказалъ секретарь.—Блайзвайтъ долженъ былъ провести ихъ въ свою комнату, а въ послѣднюю минуту оказалось, что ему нельзя. Вотъ почему они пришли сюда. Это *ваша* часть комнаты. Но никто изъ вашихъ гостей еще не пришелъ. Обѣды въ палатѣ зимой, непріятная вещь, миссъ Сьювель. Къ сожалѣнію, мы не можемъ пользоваться террасой въ этихъ случаяхъ.

Онъ подвелъ молодую дѣвушку къ софѣ въ дальнемъ углу комнаты и постарался быть какъ можно любезнѣе, что для него не представляло никакихъ трудностей. Это былъ изящный молодой человѣкъ въ безукоризненномъ фракѣ; Летти скоро почувствовала себя съ нимъ вполнѣ легко и болтала съ своимъ обычнымъ кокетствомъ и граціозными ужимками.

— Вы знаете лэди Максвель?—спросилъ онъ у нея, легкимъ движеніемъ головы указывая на другую группу.

Летти отвѣтила и пока она и ея собесѣдникъ весело болтали, Джоржъ, стоявшій сзади нея, наблюдалъ за другой компаніей. Тамъ, очевидно, шелъ споръ; лэди Максвель, положивъ руки на столъ, нагнулась впередъ и глядѣла, какъ человѣкъ, только что сдѣлавшій выстрѣлъ и ожидающій, въ кого онъ попадетъ.

Онъ попалъ, видимо, въ ея визави, сэра Франка Ливена, такъ какъ тотъ нагнулся къ ней и быстро возразилъ ей съ какимъ-то полумальчишескимъ задоромъ. Онъ уже три года засѣдалъ въ парламентѣ и все еще имѣлъ видъ Итонскаго школьника послѣдняго семестра. Лэди Максвель слушала, что онъ говорилъ, съ выраженіемъ безмолвнаго негодованія на лицѣ, благороднаго, сдержаннаго негодованія. Когда онъ кончилъ, Джоржъ услышалъ ея отвѣтъ:

— Онъ *не понимаетъ*; это все, что можно сказать. Онъ не ви-

далъ и не чувствовалъ, каждое его слово доказываетъ это. Какъ же можно соглашаться съ его мнѣніями?

Губы Джоржа дрогнули. Онъ, улыбаясь, опустился на стулъ рядомъ съ Летти.

— Слышали вы?—спросилъ онъ.

— Она, должно быть, говоритъ о рѣчи Фонтеноя, — сказалъ секретарь, взглянувъ въ ту сторону,—она старается распропагандировать Ливена; онъ, какъ всегда, колеблется и не рѣшается, куда пристать; очень возможно, что онъ скоро будетъ вашимъ.

Онъ добродушно кивнулъ Тресседи и пошелъ поговорить съ однимъ господиномъ, сидѣвшимъ на концѣ другого стола.

— Какъ это смѣшно! — проговорилъ Джоржъ, продолжая насмѣшливо глядѣть на лэди Максвель.—Очень много поштучниковъ, отравленныхъ свинцовыми бѣлилами, видала вся эта компанія!

— Кто они такіе?

Летти самымъ добросовѣстнымъ образомъ разсматривала ихъ и, въ особенности, черное платье и черную шляпку лэди Максвель.

— О, это все ближайшіе друзья Максвеля въ парламентѣ—очень многіе изъ нихъ люди богатые и хорошаго происхожденія; компанія филантроповъ, идеалистовъ, которые печалятся о народныхъ бѣдствіяхъ и, въ случаѣ побѣды народа, будутъ прежде всѣхъ побиты имъ.

— Франкъ Ливенъ считается однимъ изъ ихъ сторонниковъ, но Бенсонъ правду говоритъ, что онъ колеблется, и не будь жена его близкая пріятельница лэди Максвель, онъ бы перешелъ къ намъ, ему этого очень хочется. А, и Беннетъ съ ними, видите? маленькій, смуглый человѣкъ въ очкахъ? Онъ былъ однимъ изъ первыхъ рабочихъ, избранныхъ въ члены парламента, онъ уже давно въ палатѣ, и теперь принадлежитъ къ независимымъ, но отчасти поневолѣ. Онъ одинъ изъ самыхъ преданныхъ союзниковъ лэди Максвель. Она, кажется, намѣрена пользоваться его услугами въ критическіе моменты. Господи, Боже мой! послушайте-ка!

Дѣйствительно, въ соперничествующей партіи споры превратились въ настоящую бурю. Звучный, но не громкій голосъ лэди Максвель, повидимому, господствовалъ надъ всѣми, и ея глаза, все лицо ея, обращенное то къ одному, то къ другому собесѣднику поперемѣнно, или возбуждало новую энергію, или успокаивало страсти.

Тресседи сдѣлалъ гримасу.

— Слушайте, Летти, обѣщайте мнѣ одну вещь!—Рука его изподтишка пожала ея руку. Тюлли скромно отвернулась въ сто-

рону. — Обѣщайте мнѣ не быть политической женщиной, прошу васъ, милая!

Летти быстро отдернула руку: она очень не любила такихъ нѣжностей при публикѣ.

— Но я должна быть политической женщиной, мнѣ безъ этого не обойтись! У меня много знакомыхъ барышень и замужнихъ дамъ, которыя постоянно читаютъ газеты, вовсе не потому, что это имъ интересно, а потому, что у нихъ есть пріятели въ парламентѣ; когда они пріѣзжаютъ въ гости, надобно же знать, о чемъ съ ними говорить.

— Надобно?—переспросилъ Джоржъ.—Какъ странно! Неужели кто-нибудь пріѣдетъ на чай къ женщинѣ, чтобы говорить о томъ, какъ онъ занимался цѣлый день и что уже до смерти надоѣло ему?

— Что дѣлать! — проговорила Летти съ легкимъ оттѣнкомъ сарказма.—Я знаю, что всѣ такъ дѣлаютъ, и я буду дѣлать то же. Я привыкну.

— Привыкнете? Ну, конечно! Только если мнѣ придется проводить трудный билль, позвольте мнѣ это дѣлать самому, окажите мнѣ нѣкоторое довѣріе.

Летти лукаво засмѣялась.

— Я не понимаю, отчего она вамъ такъ противна, — сказала она, не безъ тайнаго удовольствія, снова оглядывая лэди Максвель.—Развѣ она держитъ мужа подъ башмакомъ?

Тресседи сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Ахъ, нѣтъ, конечно! Она играетъ свою роль въ общей комедіи, это преданность жены и т. п. Зачѣмъ она такъ выставляется? Женщины не должны мѣшаться въ наши дѣла.

— Благодарю васъ, господинъ тиранъ!—сказала Летти, съ легкимъ поклономъ.

— Долго ли мнѣ придется тиранствовать, прежде чѣмъ вы согласитесь съ моими идеями?—спросилъ онъ, заглядывая съ нѣжной улыбкой въ ея глаза. Оба почувствовали на секунду пріятную дрожь; затѣмъ Джоржъ быстро вскочилъ.

— А, вотъ они, наконецъ! генералъ и вся компанія. Теперь, надѣюсь, намъ дадутъ пообѣдать.

Тресседи пришлось знакомить своихъ родственниковъ и трехъ или четырехъ политическихъ друзей со своей будущей женой; во время суеты представленія и взаимныхъ привѣтствій, никто не замѣтилъ, какъ соперничествующая партія встала и вышла изъ комнаты. Когда гости Тресседи вошли въ столовую, выходившую окнами на террасу, и подошли къ приготовленному для нихъ столу, гости Ливена, помѣстившіеся ближе къ дверямъ, на половину кончили свой обѣдъ.

Обѣдъ Джоржа прошолъ довольно весело. Сѣдой генералъ и его жена старались показать себя пріятными, хорошо воспитанными людьми и, чтобы отблагодарить Джоржа за гостепріимство, безпрестанно говорили ему разныя, лестныя для Летти, вещи. Джоржъ принималъ эти комплименты довольно равнодушно. Онъ былъ увѣренъ, что когда люди хвалятъ или порицаютъ другихъ, они всегда говорятъ вдвое больше того, что дѣйствительно думаютъ; онъ чувствовалъ, что его мнѣніе о Летти нисколько не измѣняется вслѣдствіе мнѣнія другихъ людей.

Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ говорилъ самъ себѣ. На самомъ дѣлѣ ему было пріятно, что невѣста его имѣетъ успѣхъ. Летти чувствовала себя превосходно. Этотъ міръ политическихъ дѣятелей болѣе, чѣмъ всѣ извѣстныя ей сферы, удовлетворялъ ея инстинктивное стремленіе играть въ обществѣ видную роль. Она твердо рѣшила занять въ немъ одно изъ первыхъ мѣстъ и, повидимому, это было дѣло не трудное. Друзья Джоржа считали ее хорошенькой, веселой женщиной, и, какъ всѣ мужчины при подобныхъ условіяхъ, охотно пользовались ея обществомъ. Ей очень хотѣлось узнать все, что касалось парламента и его обычаевъ. Это было такъ ново для нея, говорила она. Но ея незнаніе не было глупостью; ея вопросы были не лишены остроумія. Вокругъ нея много болтали и смѣялись. Летти чувствовала себя въ роли хозяйки за столомъ, и ея честолюбіе свѣтской женщины было удовлетворено.

Но вотъ вниманіе Джоржа снова обратилось на столъ Максвелей, такъ какъ общество, сидѣвшее вокругъ него, поднялось и собиралось уйти. Онъ увидѣлъ, что лэди Максвель встала и осматривается, какъ бы отыскивая кого-то. Глаза ея упали на него и онъ невольно поднялся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу ей.

— Я еще разъ должна поблагодарить васъ, — она протянула ему руку. — Эта дѣвушка и ея бабушка очень вамъ благодарны!

— А, да! Я вѣдь долженъ придти и дать вамъ отчетъ. Вы, кажется, сказали въ воскресенье?

Она утвердительно кивнула. Выраженіе лица ея измѣнилось:

— Когда вы будете говорить?

Вопросъ былъ такъ неожиданъ, что Джоржъ не сразу отвѣтилъ.

— Я? Должно быть, въ понедѣльникъ, если до меня дойдетъ очередь. Но, я боюсь, Британская имперія ничего не потеряетъ, если я и не буду говорить.

Она бросила пытливый взглядъ на его тонкое, нѣсколько насмѣшливое лицо съ красивыми усами и смуглымъ цвѣтомъ кожи.

— Я слышала, что вы хорошій ораторъ, — сказала она просто. — Вы во всемъ согласны съ лордомъ Фонтеноемъ?

Онъ слегка поклонился вмѣсто отвѣта.

— Вы не станете отрицать, что наше заявленіе подкрѣплено вѣскими данными? Хуже всего...

Онъ остановился. Онъ увидѣлъ, что лэди Максвель перестала слушать его. Она повернула голову къ двери и, даже не простившись съ нимъ, поспѣшила въ противоположный конецъ комнаты.

— Максвель! Вотъ оно что!—сказалъ про себя Тресседи, возвращаясь на свое мѣсто.—Не лестно для меня, но все-таки очень мило!

Онъ думалъ о быстрой перемѣнѣ лица ея, пока онъ говорилъ съ ней, о томъ безсознательномъ выраженіи нѣжности, которое вдругъ освѣтило его.

Лордъ Максвель вошелъ въ столовую, отыскивая жену, и они вышли вмѣстѣ, пока остальные гости Ливена расходились понемногу. Летти тоже объявила, что ей пора домой.

— Позвольте мнѣ на минуту зайти въ палату и посмотрѣть, что тамъ дѣлается,—сказалъ Джоржъ.—По всей вѣроятности, я тамъ не нуженъ, въ такомъ случаѣ я могу проводить васъ.

Онъ быстро вышелъ и, вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, объявилъ, что пренія идутъ по второстепеннымъ вопросамъ и что онъ свободенъ, по крайней мѣрѣ, на часъ. Вслѣдствіе этого онъ вмѣстѣ съ Летти и миссъ Тюллохъ вышелъ на площадь. Яркая луна свѣтила имъ прямо въ глаза, погода была теплая весенняя, какъ и съ начала недѣли.

— Послушайте, отправьте миссъ Тюллохъ въ кэбѣ домой,—попросилъ Джоржъ шопотомъ у Летти,—и пройдемся немного. Посмотримъ на рѣку, освѣщенную луной. Я васъ провожу до моста и посажу въ кэбъ.

Летти удивилась, но осталась спокойной.

— Тетя Шарлотта будетъ этимъ шокирована, — сказала она.

Джоржъ разсердился, его нетерпѣніе было пріятно Летти, и она въ концѣ концовъ уступила. Тюлли, самую снисходительную въ свѣтѣ дуэнью, посадили на извозчика и отправили домой.

Когда наши влюбленные дошли до конца Дворцовой площади, ихъ догнала карета, которая на минуту пріостановилась, давая дорогу другимъ экипажамъ.

— Посмотрите!—сказалъ Джоржъ, прижимая руку Летти.

Она быстро оглянулась, свѣтъ уличнаго фонаря освѣтилъ внутренность кареты и она могла ясно разглядѣть сидѣвшихъ тамъ. Лица ихъ были обращены другъ къ другу, какъ будто они вели дружескій разговоръ — вотъ и все. Руки лэди были сложены на колѣняхъ; мужчина держалъ въ рукахъ телеграмму. Одна минута—

и они уѣхали; но Летти и Джоржъ почувствали одно и то же, какъ будто они подглядѣли что-то интимное. Джоржъ уже испыталъ это ощущеніе нѣсколько минутъ тому назадъ при видѣ перемѣны въ лицѣ той же женщины. Летти засмѣялась нѣсколько насмѣшливо.

Джоржъ посмотрѣлъ на нее пристально, ведя ее подъ руку въ ворота.

— Нѣкоторымъ людямъ, кажется, пріятно быть вмѣстѣ! — сказалъ онъ, и голосъ его слегка дрожалъ.—Но зачѣмъ мы смотрѣли?—прибавилъ онъ съ неудовольствіемъ.

— Да какъ же мы могли не видѣть, глупый вы человѣкъ?

Они пошли по направленію къ мосту, ночной вѣтерокъ освѣжалъ ихъ; они чувствовали, что счастливы взаимною близостью. Надъ рѣкой свѣтилъ полный мѣсяцъ и подъ его лучами все—серебристыя струйки воды, яркіе огни желѣзнодорожной станціи, фонари Вестминстерскаго моста и проѣзжавшихъ пароходовъ, рядъ барокъ, даже темный берегъ Сюррея,—все пріобрѣтало мягкій поэтическій оттѣнокъ. Огромный городъ какъ бы опустилъ покровъ на великія и трагическія стороны своей жизни; онъ явился добродушнымъ покровителемъ влюбленной парочки, ея счастья, ея молодости.

Джоржъ подвелъ свою спутницу къ периламъ и, пока она любовалась рѣкой, онъ съ какою-то жадностью вдыхалъ въ себя воздухъ.

— Подумать только,—сказалъ онъ,—сколько часовъ мы проводимъ въ этомъ климатѣ, запертые въ отвратительныхъ помѣщеніяхъ въ родѣ Палаты Общинъ!

Отвращеніе путешественника къ однообразію жизни въ городѣ безъ свѣжаго воздуха сказалось въ его восклицаніи.

Летти подняла брови.

— Я, я такъ очень рада, что надѣла теплое платье. Вы, кажется, забываете, что у насъ еще февраль.

— Не все ли равно, если съ понедѣльника воздухъ апрѣльскій. Видѣли вы сегодня мою мать?

— Да, она пріѣзжала ко мнѣ послѣ завтрака и мы разговаривали цѣлый часъ.

— Бѣдняжка моя! Мнѣ слѣдовало явиться вамъ на помощь. Но она увѣряла, что непремѣнно должна поговорить съ вами объ этомъ домѣ.

Онъ посмотрѣлъ на нее, силясь разсмотрѣть выраженіе ея лица при неясномъ свѣтѣ луны. За завтракомъ онъ выдержалъ непріятную сцену съ матерью. Она убѣждала его, что онъ поступитъ

неблагоразумно, если найметъ домъ въ Брукъ-стритѣ, а онъ все время понималъ скрытый смыслъ ея словъ: если онъ найметъ домъ, у него останется меньше денегъ для прибавки къ ея пенсіи.

— О, все шло отлично,—спокойно отвѣчала Летти.—Она увѣряла, что мы запутаемъ свои дѣла, что я не имѣю понятія о стоимости денегъ, что вы всегда были расточительны, что всѣ удивятся этой покупкѣ и проч. и проч. Мнѣ кажется,—вы не разсердитесь?—мнѣ кажется, она немножко поплакала. Но она не казалась на самомъ дѣлѣ огорченной.

— Что же вы ей сказали?

— Я предложила, чтобы послѣ нашей свадьбы и она, и мы завели бы приходо-расходныя книги; я обѣщала, что буду показывать ей нашу, съ тѣмъ, чтобы она показывала намъ свою.

Джоржъ расхохотался.

— Ну, и что же?

— Она выразила опасеніе,—спокойно продолжала Летти,—что я не довольно серьезно отношусь къ дѣлу. Тогда я предложила ей пойти посмотрѣть мои платья.

— Ну, и это, надѣюсь, успокоило ее?

— Нисколько. Чтобы наказать меня, она все критиковала. На ней надѣто было платье отъ Ворта. Это уже третье послѣ рождества. Мое бѣдное маленькое приданое не могло понравиться ей.

— Гмъ!—задумчиво проговорилъ Джоржъ.—Не знаю, какъ будетъ жить мать послѣ нашей свадьбы?—прибавилъ онъ помолчавъ съ минуту.

Летти ничего не отвѣчала. Она шла твердымъ, быстрымъ шагомъ; глаза ея, блиставшіе рѣшимостью, глядѣли прямо передъ собой; губки ея были крѣпко сжаты. Между тѣмъ, въ умѣ Джоржа мелькало множество отрывочныхъ отвѣтовъ на его собственный вопросъ. Его отношенія къ матери были совершенно ненормальны; онъ не находилъ ничего неприличнаго въ тѣхъ разговорахъ о ней, которые такъ часто велъ съ Летти въ послѣднее время, и онъ собирался на будущее время строго ограничивать ея расходы. Въ то же время онъ сознавалъ, что связанъ съ ней привычкой и непріятною обязанностью заботиться о ней, которая перешла къ нему послѣ смерти отца. Онъ по чести не могъ считать себя любящимъ сыномъ; но сыновнія отношенія, даже самыя несовершенныя, налагаютъ извѣстныя обязательства.

— Ну, ничего, какъ-нибудь устроимся!—сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, отгоняя отъ себя давно знакомую заботу.— Однако, какъ мы далеко зашли! — прибавилъ онъ, оглядываясь назадъ на желѣзнодорожную станцію и на башни Вестмин-

стера.—И какъ удивительно тепло! Мы не можемъ сейчасъ же повернуть назадъ, вы страшно устанете, если я васъ заставлю столько пройти. Посмотрите, Летти, вотъ скамейка. Неужели вы побоитесь... минутокъ на пять?

Летти колебалась.

— Такъ страшно поздно! Джоржъ, вы невозможны! Представьте себѣ, вдругъ пройдетъ кто-нибудь изъ нашихъ знакомыхъ?

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Ну такъ что же? А, впрочемъ, посмотрите, не видно ни одного экипажа, ни одного человѣка. Посидимъ одну минутку.

Летти согласилась очень неохотно. Это казалось ей глупымъ и неосторожнымъ, а ей не было никакой надобности поступать глупо или неосторожно. Съ тѣхъ поръ, какъ она стала невѣстой, она удерживалась отъ многихъ мелкихъ нарушеній общественныхъ приличій, которыя прежде свободно позволяла себѣ. Какъ будто бы теперь, когда эти нарушенія привели ее къ цѣли, въ ней появились новыя, быть можетъ, наслѣдственныя свойства натуры, возстававшія противъ нихъ. Джоржъ былъ нѣсколько удивленъ этой ссылкой на строгія правила приличія; ничего подобнаго онъ не слыхалъ въ Мальфордѣ при началѣ ихъ сближенія.

Какъ только они сѣли, мимо нихъ прошла по улицѣ какая-то фигура, сѣрая, робкая фигура старой женщины въ изношенной шали.

Джоржъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Откуда она явилась?

Ни одинъ изъ нихъ не замѣтилъ ее раньше. Она, вѣроятно, скрывалась въ тѣни какой-нибудь боковой дорожки. Теперь она прошла мимо нихъ до первой ближайшей скамейки, сѣла на нее, завернулась въ свои лохмотья и опустила голову на грудь.

— Бѣдная женщина!—сказалъ Джоржъ, съ любопытствомъ оглядывая ее.—Она навѣрно просидитъ здѣсь всю ночь. Говорятъ, всякую ночь, когда погода не особенно дурна, многіе ночуютъ на этихъ скамейкахъ.

— Уйдемъ!—рѣзкимъ голосомъ проговорила Летти, приподнимаясь;—мнѣ это непріятно.

Она съ отвращеніемъ посмотрѣла на женщину.

Но Джоржъ остановилъ ее.

— Нѣтъ, посидите минутку. Тетя Шарлотта ничего не скажетъ, она думаетъ, что вы все еще въ палатѣ. А эта несчастная не сдѣлаетъ намъ никакого вреда. Она навѣрно изъ тѣхъ рабочихъ, которыхъ описывалъ Доусонъ. Онъ сообщилъ намъ нѣкоторые ужасающіе факты.

При свѣтѣ луны Летти видѣла, что онъ скользнулъ по ея лицу

мрачнымъ, разсѣяннымъ взглядомъ. Онъ продолжалъ держать ея руку въ своей, но она видѣла, что онъ не думаетъ о ней. Обыкновенно она принимала выраженія его любви довольно холодно. Но въ эту ночь она почувствовала себя обиженной. Зачѣмъ заставилъ онъ ее сдѣлать эту глупую прогулку? Конечно, только затѣмъ, чтобы говорить ей о своей любви. А теперь онъ опять только и думаетъ, что о палатѣ и о политикѣ!

— Джоржъ, я, право, должна уйти,—начала она, краснѣя и стараясь освободить свою руку. Но онъ перебилъ ее:

— Какъ было бы хорошо, если бы возвращеніе на родину не перепутывало всѣхъ мыслей человѣка! Все было такъ просто и правильно въ Индіи. Но разсказы Доусона объ этихъ проклятыхъ промыслахъ,—я, впрочемъ, и раньше зналъ ихъ,—безпрестанно приходятъ мнѣ на умъ и удручаютъ меня. Можетъ быть, и эта женщина одна изъ многихъ жертвъ, какъ знать? Она кажется приличной старушкой.

Онъ указалъ глазами на сосѣднюю скамью.

— Ну, я не понимаю, я рѣшительно ничего не понимаю,— рѣзкимъ тономъ проговорила Летти.—Я думала вы стоите вовсемъ противъ министерства!

Онъ засмѣялся.

— Вся разница между ними и нами, дорогая, въ томъ, что они воображаютъ, будто міръ можетъ быть измѣненъ парламентскимъ актомъ, а мы этого не думаемъ. Дѣлайте, что хотите, говоримъ мы, а міръ есть и долженъ быть проклятой трущобой для большинства живущихъ въ немъ, и все это шарлатанское вмѣшательство, всѣ эти самовластныя распоряженія только еще больше портятъ дѣло.

Летти сидѣла молча. Она почти задыхалась. Для чего держалъ онъ ее здѣсь, чтобы говорить о подобныхъ вещахъ? Онъ смотрѣлъ прямо передъ собою, охваченный своими мыслями, и ее поразило строгое, грустное выраженіе его лица.

Вдругъ онъ повернулся къ ней, взглядъ его смягчился и просвѣтлѣлъ.

— Но міръ не будетъ проклятой трущобой для насъ, дорогая, не правда ли? Мы совьемъ себѣ въ немъ свое гнѣздышко; мы постараемся забыть то, чего не можемъ измѣнить; мы будемъ счастливы, насколько возможно, не правда ли, Летти?

Его рука обвилась вокругъ ея тальи. Онъ сжималъ ея руки. Летти съ неудовольствіемъ сознавала, что все это въ высшей степени нелѣпо, это сидѣнье на улицѣ поздно ночью, эти сцены влюбленныхъ голубковъ. Въ то же время она чувствовала какую-то тревогу и безпокойство, прикосновеніе его руки возбуждало ее.

— Да, конечно, мы будемъ счастливы,—сказала она;—только я не всегда понимаю васъ, Джоржъ. Мнѣ бы хотѣлось знать ваши настоящія мысли обо всемъ.

— Вамъ!—вскричалъ онъ, смѣясь и привлекая ее къ себѣ.— Скажите мнѣ, Летти, счастливо вы жили въ дѣтствѣ? Я жилъ очень несчастливо, я до сихъ поръ не могу вполнѣ освободиться отъ тяжелыхъ впечатлѣній прошлаго. Разскажите мнѣ о своей жизни.

Она улыбнулась и сжала губки.

— Я всегда жила хорошо. Кажется, я сама брала отъ жизни все хорошее, если другіе не хотѣли давать мнѣ. Я, знаете, не была доброй дѣвочкой, нисколько. Мнѣ всегда казалось, что это совершенно безполезно. Я мучила свою гувернантку и командовала надъ матерью. Я съ девяти лѣтъ заставляла ее одѣвать меня по моему вкусу. Я, кажется, презирала Эльзи за то, что у нея были платья хуже моихъ.

Джоржъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на злорадный огонекъ въ ея глазахъ и очень хотѣлъ бы разцѣловать ее. Но къ нимъ медленными шагами подходилъ полицейскій, дѣлавшій свой обходъ, и Летти, наконецъ, уговорила его подняться и пойти назадъ.

— Эльзи!—проговорилъ онъ, пока они шли.—Бѣдняжка Эльзи! Отчего мы никогда не говоримъ о ней? Когда мы окончательно устроимся, моя дорогая, мы должны пригласить ее погостить у насъ въ городѣ, какъ вы думаете? Она кажется такимъ хрупкимъ маленькимъ созданіемъ, надобно о ней позаботиться.

Онъ говорилъ искренно, съ добрымъ чувствомъ. Съ перваго до сихъ поръ единственнаго своего посѣщенія родителей Летти, онъ вынесъ чувство состраданія къ блѣдной, молчаливой сестрѣ Летти. Очевидно, она была слабаго здоровья, и его поразило, что, не смотря на ея слабость, всѣ хозяйственныя заботы лежали на ней.

Его предложеніе было, однако, встрѣчено холодно. Летти нахмурилась.

— Право, не знаю, — проговорила она неувѣреннымъ голосомъ.—Для Эльзи лучше жить дома. Ей очень трудно сходиться съ чужими. Вы ее не знаете. Она мало на кого производитъ пріятное впечатлѣніе. Для меня жить съ ней было бы большой обузой.

Джоржъ почувствовалъ минутное разочарованіе, но онъ скоро утѣшился съ своимъ обычнымъ благоразуміемъ. Нелѣпо было съ его стороны воображать, что невѣста уступитъ кому-нибудь часть своихъ правъ на удовольствія!

Но благополучно усадивъ ее въ кэбъ на углу моста и улыбнувшись ей на прощанье, онъ повернулъ къ палатѣ въ очень унылом расположеніи духа. Была ли рѣчь Фонтеноя дѣйствительно такъ хороша, какъ ему показалось? Вообще, стоило ли заботиться о политикѣ, или о чемъ бы то ни было? Всѣ чувства казались ему ничтожными, всѣ увлеченія вели къ разочарованію.

VI.

Въ воскресенье, въ пятомъ часу дня, Джорджъ позвонилъ у дома Максвелей въ С.-Джемсъ-скверѣ. Это былъ очень красивый домъ, и, въ ожиданіи, пока ему отворятъ, Джоржъ внимательно и полунасмѣшливо оглядывалъ фасадъ его.

То же выраженіе раза два появилось на лицѣ его въ прихожей, гдѣ молчаливая и величественная особа сняла съ него пальто, а другая, столь же молчаливая и столь же величественная, провела его вверхъ по лѣстницѣ, между тѣмъ какъ два лакея въ красныхъ ливреяхъ пронесли мимо него подносы съ чаемъ.

— Интересно бы знать, — говорилъ онъ самъ себѣ, поднимаясь по лѣстницѣ,—почему это друзья народа сокращаютъ число своихъ лошадей, а не сокращаютъ числа лакеевъ? Это дѣло темное.

Его ввели сначала въ большую гостиную, наполненную французскою мебелью и хорошими картинами; лакей поднялъ бархатную портьеру, произнесъ имя посѣтителя такимъ голосомъ и съ такимъ выраженіемъ, которые вполнѣ соотвѣтствовали всей его выдрессированной фигурѣ, и отступилъ въ сторону, предоставляя Джоржу войти.

Онъ очутился въ прелестной комнатѣ, выходившей на западъ и освѣщенной послѣдними лучами февральскаго солнца. Свѣтлозеленыя стѣны были увѣшаны картинами и гравюрами. Большой письменный столъ, заваленный бумагами, занималъ видное мѣсто на голубомъ коврѣ, покрывавшемъ полъ и въ бóльшей части комнаты, не заставленной мебелью. Тамъ и сямъ стояли плоскія глиняныя вазы съ гіацинтами и нарцисами, наполнявшими воздухъ весенними запахами. Книги были разставлены на полкахъ по стѣнамъ или лежали грудами всюду, гдѣ было свободное мѣсто; вокругъ камина, на противоположномъ концѣ комнаты, разставлены были обитыя ситцемъ кресла разной формы и величины, на которыхъ было удобно сидѣть и бесѣдовать. Эта хорошенькая комната, безпорядочно убранная сравнительно съ сосѣдней чинной гостиной, производила впечатлѣніе чего-то интимнаго

и свободнаго; она сразу вызывала дружелюбное настроеніе во всякомъ входившемъ.

Когда доложили о Тресседи, тамъ сидѣла лэди Максвель съ полудюжиной гостей. Она привѣтливо встала на встрѣчу ему, представила его маленькой лэди Ливенъ, воздушному созданію съ массой прелестныхъ волосъ, и, любезно замѣтивъ: «Съ остальными вы знакомы», предложила ему стулъ рядомъ съ собой за чайнымъ столомъ.

«Остальные» были: Франкъ Ливенъ, Эдвардъ Уаттонъ, Байль, частный секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ, гостившій въ Мальфордѣ во время выборовъ Тресседи, и Беннетъ, «маленькій смуглый человѣчекъ», котораго Джоржъ указывалъ Летти въ палатѣ, какъ члена отъ рабочихъ, одинъ изъ лучшихъ друзей Максвеля.

— Ну,—сказала лэди Максвель, передавая чай новому посѣтителю,—плѣнились ли вы бабушкой настолько, насколько она плѣнилась вами? Она говорила мнѣ, что никогда не видывала болѣе любезнаго джентльмена и что очень хотѣла бы оказать вамъ какую-нибудь услугу.

Джоржъ засмѣялся.

— Я вижу,—сказалъ онъ,—что меня предупредили, и мой отчетъ оказывается излишнимъ.

— Да, я была тамъ. Увы! я и у нихъ нашла «прискорбное явленіе». Бабушка—она, кажется, не очень почтенная старуха—и старшая дѣвочка, обѣ работаютъ на еврея, который живетъ въ первомъ этажѣ, работаютъ поштучно на самыхъ ужасныхъ условіяхъ. Если такъ будетъ продолжаться, дѣвочка не проживетъ и года.

Джоржъ одновременно испытывалъ два противорѣчивыхъ чувства: одно—удовольствія, другое—скуки; удовольствія при видѣ ея стройной, высокой фигуры, ея бѣлой руки и всей ея несомнѣнно простой внѣшности; раздраженія отъ того, что она съ перваго слова заговорила съ нимъ о дѣлахъ. Неужели никакъ нельзя было избавиться отъ этой альтруистической болтовни?

Но оказалось, что это надоѣдаетъ не ему одному. Лэди Ливенъ быстро подняла голову.

— М. Уаттонъ, будьте добры, отнимите чай у лэди Максвель, если она еще разъ заговоритъ о «прискорбныхъ явленіяхъ». Мы даемъ ей первое предостереженіе.

Лэди Максвель схватила чашку обѣими руками.

— Бетти, но вѣдь мы, по крайней мѣрѣ, двадцать минутъ разговаривали объ оперѣ.

— Да, съ опасностью жизни!—сказала лэди Ливенъ.—Я никогда прежде не говорила такъ быстро. Такъ и чувствовалось, что надобно какъ можно скорѣе высказать все, что думаешь о Мельбѣ и о Де-Резскезѣ, иначе эту тему у насъ отнимутъ и уже больше не будетъ случая вставить свое словечко.

Лэди Максвель разсмѣялась, но покраснѣла.

— Неужели я такая несносная?—сказала она съ легкимъ вздохомъ, опуская руки на колѣни. Затѣмъ она обратилась къ Тресседи.

— Право, лэди Ливенъ представляетъ дѣло хуже, чѣмъ оно есть. Мы цѣлый день даже близко не касались фабричныхъ законовъ.

Лэди Ливенъ подскочила на стулѣ.

— Это отъ того, отъ того, моя милая, что мы просто не давали вамъ воли. Мы составили заговоръ—не правда ли м. Беннетъ? Даже вы присоединились къ намъ.

Беннетъ улыбнулся.

— Лэди Максвель переутомляется, мы всѣ знаемъ это,—сказалъ онъ, и его взглядъ, добродушный, честный и нѣсколько смущенный, переходилъ отъ лэди Ливенъ къ хозяйкѣ.

— Ахъ, пожалуйста, не сострадайте!—вскричала Бетти.—Съ ней надо вести борьбу, это наша единственная надежда.

— Развѣ вамъ не представляется,—съ улыбкою обратился Тресседи къ лэди Максвель,—что хоть въ воскресенье можно быть легкомысленнымъ?

— Что касается меня лично, мнѣ пріятно говорить о томъ, что меня интересуетъ какъ въ воскресенье, такъ и въ другіе дни,—отвѣчала она просто, — но я знаю, меня надобно сдерживать, чтобы я не надоѣдала другимъ.

Франкъ Ливенъ поднялся съ дивана, на которомъ онъ лѣниво полулежалъ.

— Надоѣдать?—съ негодованіемъ проговорилъ онъ,—мы всѣ надоѣдаемъ. Мы стали надоѣдливы съ тѣхъ поръ, какъ вошло въ моду думать о такъ называемыхъ соціальныхъ задачахъ. Съ какой стати долженъ я любить своего сосѣда? Мнѣ гораздо пріятнѣе ненавидѣть его. Я обыкновенно такъ и дѣлаю.

— Можетъ быть, это зависитъ отъ того, въ состояніи ли онъ заплатить вамъ тѣмъ же?

— Вотъ именно,—вмѣшалась Бетти.—Я согласна съ Франкомъ, это ужасно глупо—всѣхъ любить. Это ставитъ въ самое непріятное положеніе. Мы съ Франкомъ ходимъ въ церковь, гдѣ проповѣдникъ каждое воскресенье ни о чемъ не говоритъ, кромѣ любви,

о томъ, что наша политика должна быть любовь и наша торговля—любовь; въ концѣ концовъ является страстное желаніе кого-нибудь поколотить. Я чувствую потребность въ небольшой, хорошенькой жестокости, въ чемъ-нибудь зломъ и интересномъ. Мнѣ часто хочется воткнуть булавку въ мою горничную, бѣда только въ томъ, какъ она не разъ доказывала мнѣ, что ей гораздо удобнѣе втыкать булавки въ меня, чѣмъ мнѣ въ нее.

— Вамъ хочется, чтобы вернулось время романовъ миссъ Аустинъ,—сказалъ молодой Байль, подходя къ ней съ своей сдержанной и пріятной улыбкой,—время, когда еще священники не говорили проповѣдей.

— Ахъ, и все-таки ничего нельзя было бы сдѣлать,—со вздохомъ проговорила лэди Ливенъ,—еслибы *она* жила тогда!

Она указала своею маленькою ручкой на хозяйку, и всѣ разсмѣялись.

Пока не раздался общій смѣхъ, лэди Максвель полулежала въ креслѣ, прислушиваясь къ разговору съ разсѣянной улыбкой; выразительные глаза ея говорили, какъ казалось Тресседи, совсѣмъ о другомъ, о чемъ-то, что происходило въ мозгу ея, независимо отъ внѣшняго міра. Она часто имѣла такой видъ, видъ, будто какой-то пророчицы. Не смотря на то, первое впечатлѣніе, полученное имъ отъ ея образа въ больницѣ, какъ будто отчасти стерлось и потускнѣло. Она присоединилась къ общему смѣху надъ собой; затѣмъ, указывая на свою противницу, она сказала Эдварду Уаттону, сидѣвшему направо отъ нея.

— Вы не раздѣляете этихъ мыслей, я знаю.

— О, если вы думаете, что я не интересуюсь «прискорбными явленіями» и «причинами»—вскричала лэди Ливенъ—вы ошибаетесь. Я не могу отстать отъ всѣхъ. Я плыву по теченію.

— А это значитъ,—вмѣшался ея мужъ, — что на запрошлой недѣлѣ она ходила два дня наливать бутылки содовой водой, а на прошлой недѣлѣ ходила одинъ день шить рубашки. На первой работѣ она чуть не выбила себѣ глазъ, такъ какъ бралась за нее неумѣло и торопливо. На второй, если судить по описанію той трущобы, гдѣ она сидѣла, и по той головной боли, какою она страдала на слѣдующій день, она навѣрно схватила тифъ. Инкубаціонный періодъ кончится въ среду.

Раздался смѣхъ и разспросы.

— Какъ же вы туда попали, кого вы подкупили?—спросилъ Байль у лэди Ливенъ.

— Никого я не подкупала,—отвѣчала она съ негодованіемъ. Вы ничего не понимаете. Меня рекомендовали знакомые.

И на его вопросы она стала оживленно разсказывать все, что видѣла и испытала въ мастерскихъ, при чемъ ее безпрестанно перебивали то мужъ своими саркастическими объясненіями, то молодые люди, подсѣвшіе поближе къ ней, своими веселыми шутками. Бетти Ливенъ считалась въ своемъ кругу одною изъ самыхъ милыхъ болтушекъ.

Лэди Максвель не засмѣялась послѣ словъ Франка Ливена. Напротивъ, когда онъ говорилъ о томъ, что испытала жена его, на лицѣ ея легла тѣнь, какъ будто передъ ея умственнымъ взоромъ возникало какое-то слишкомъ хорошо знакомое видѣніе.

Беннетъ тоже не смѣялся. Онъ нѣсколько минутъ снисходительно смотрѣлъ на Ливеновъ, затѣмъ какъ-то незамѣтно онъ, лэди Максвель, Эдвардъ Уаттонъ и Тресседи сдвинулись ближе и образовали свой собственный кружокъ.

— Что, какъ вы думаете, пятничная рѣчь лорда Фонтеноя произвела сильное впечатлѣніе въ странѣ?—спросилъ Беннетъ, наклоняясь впередъ и обращаясь къ лэди Максвель. Тресседи, наблюдавшій за нимъ, замѣтилъ, что онъ одѣтъ въ «воскресную пару» зажиточнаго рабочаго, а глядя на его лобъ и глаза, вспомнилъ, что Беннетъ былъ извѣстнымъ «мѣстнымъ проповѣдникомъ» въ сѣверной Мерсіи.

Лэди Максвель улыбнулась и указала на Тресседи.

— Вотъ,—сказала она,—главный помощникъ лорда Фонтеноя.

Беннетъ взглянулъ на Джоржа.

— Мнѣ было бы пріятно знать,—сказалъ онъ,—что̀ объ этомъ думаетъ сэръ Джоржъ.

— Мы думаемъ,—отвѣчалъ Джоржъ,—что она была принята въ странѣ очень сочувственно; это видно изъ газетныхъ статей, изъ множества полученныхъ писемъ и изъ подготовляемыхъ петицій.

Глаза лэди Максвель засверкали. Она съ минуту молча глядѣла на Беннета и затѣмъ сказала:

— Не кажется ли вамъ страннымъ, что самому безнадежному дѣлу можно придать такой видъ основательности?

— Это неизбѣжно, — отвѣчалъ Беннетъ, слегка пожимая плечами,—совершенно неизбѣжно. Наши опыты соціальныхъ реформъ еще слишкомъ молоды, противъ каждаго изъ нихъ можно привести сильные доводы, и такъ будетъ продолжаться еще много лѣтъ.

— Очень хорошо,—сказалъ Джоржъ,—но въ такомъ случаѣ мы противники, тоже неизбѣжны. Вы должны не нападать на насъ, а напротивъ — хвалить; по вашему собственному признанію, мы исполняемъ столь же необходимую роль, какъ и вы.

*

Беннетъ слегка улыбнулся, но, повидимому, не вполнѣ понялъ. Лэди Максвель нагнулась впередъ.

— Да, конечно, критики должны быть,—сказала она,—оппозиція должна быть. Но очень трудно съ легкимъ сердцемъ брать на себя извѣстную роль, какъ вы говорите, если знаешь, что отъ этого зависитъ жизнь многихъ. Скажите, пожалуйста, лордъ Фонтеной лично ознакомился съ тѣми производствами, о которыхъ говоритъ? Мнѣ бы очень хотѣлось знать это.

Тресседи раздражилъ и вопросъ, и тотъ тонъ, какимъ онъ былъ сдѣланъ.

— Я считаю Фонтеноя вполнѣ компетентнымъ человѣкомъ,— сказалъ онъ сухо.—Я увѣренъ, что онъ собралъ всѣ возможныя данныя. Впрочемъ, ему не пришлось для этого особенно трудиться; сами заинтересованныя лица, которыхъ вы берете подъ свое покровительство, спѣшатъ сообщать намъ всѣ свѣдѣнія.

Лэди Максвель покраснѣла.

— И вы придаете рѣшающее значеніе этой готовности людей, не дорожащихъ жизнью—калѣчить и убивать себя? Нѣтъ, англійскіе законы всегда и постоянно противодѣйствовали этому, и всѣ, всегда принимали это противодѣйствіе съ благодарностью.

— Въ сущности, вопросъ въ томъ, что лучше, — отвѣчалъ Джоржъ, — допустить ли, чтобы нѣсколько неразумныхъ людей убивали себя, или чтобы тысячи лишились свободы?

Его голубые глаза были устремлены на ея красивое, взволнованное лицо, съ какою-то жесткою холодностью. Въ душѣ онъ все больше и больше возмущался противъ этого «безобразнаго правленія женщинъ», противъ вліянія на рѣшеніе сложныхъ экономическихъ задачъ отдѣльныхъ личностей, въ родѣ той, которая сидѣла противъ него.

Слово «свобода» кольнуло ее.

Чувство, горѣвшее въ глазахъ ея, потухло; она посмотрѣла на него такимъ же сухимъ и ѣдкимъ взглядомъ, какимъ онъ глядѣлъ на нее.

— Свобода! Позвольте мнѣ привести вамъ слова Кромвеля: «Каждый сектантъ говоритъ: «О, дайте мнѣ свободу!», но дайте ему эту свободу, и онъ будетъ всѣми силами стараться отнять ее у другихъ». То же можно сказать о вашихъ безпечныхъ или грубыхъ хозяевахъ; дайте имъ свободу, и они отнимутъ свободу у всѣхъ другихъ.

— Только метафорически, не на законномъ основаніи,—упрямо возражалъ Джоржъ.—Пока люди не рабы по закону, они всегда могутъ освободиться. Во всякомъ случаѣ, мы стоимъ за свободу,

какъ за цѣль, а не за средство. Государство вовсе не обязано дѣлать всѣхъ счастливыми. По крайней мѣрѣ, мы такъ думаемъ; но оно обязано охранять свободу всѣхъ.

— Ахъ,—сказалъ Беннетъ съ глубокимъ вздохомъ,—вы дошли до сути дѣла, въ этомъ и есть вся разница между вами и нами.

Джоржъ кивнулъ въ знакъ согласія. Лэди Максвель не сразу заговорила. Но Джоржъ замѣтилъ, что она пристально смотритъ на него, наблюдаетъ за нимъ. Ихъ взгляды на минуту встрѣтились съ выраженіемъ непріязни, если не вражды.

— Давно ли вы вернулись изъ Индіи на родину? — вдругъ спросила она его.

— Съ полгода.

— И вы, кажется, долго были за границей?

— Около четырехъ лѣтъ. Вы, можетъ быть, думаете, что, благодаря этому, я не успѣлъ изучить тѣ вопросы, за которые подаю голосъ?—сказалъ молодой человѣкъ, смѣясь.

— Не знаю. Политическіе вопросы можно выяснить себѣ въ Азіи такъ же хорошо, какъ и въ Европѣ, даже лучше, пожалуй.

— Вопросы о могуществѣ имперіи и о мѣстѣ Англіи среди другихъ странъ? Эту сторону дѣла я, дѣйствительно, часто забываю. Вамъ кажется, что наша жизнь зависитъ отъ того класса, который стоитъ у власти, и что какъ *мы*, такъ и демократія, мы слишкомъ ослабляемъ этотъ классъ.

— Именно! Что касается демократіи, это вполнѣ справедливо. Но вы, вы измѣнники.

Его нападеніе не вызвало въ ней соотвѣтствующаго задора. Она весело улыбнулась и начала разспрашивать у него объ его путешествіяхъ. Она дѣлала это такъ ловко, что послѣ одного или двухъ отвѣтовъ, его расположеніе духа и обращеніе незамѣтно смягчились и онъ сталъ разговаривать легко и интересно. При этомъ ясно выразились разнообразныя свойства его личности, его способность къ нѣкоторому скрытому энтузіазму, его уваженіе къ власти, къ знанію, его пессимистическая вѣра въ предопредѣленность человѣческой судьбы.

Беннетъ, который любилъ слушать, охотно помогалъ ей вызывать гостя на разговоръ. Франкъ Ливенъ отошелъ отъ группы у дивана и тоже подошелъ послушать. Тресседи, подстрекаемый общимъ вниманіемъ, высказывался все болѣе и болѣе откровенно. Красивые глаза и важная осанка лэди Максвель смягчались ея отзывчивостью къ мнѣніямъ собесѣдника; поэтому большинство людей, даже относившихся къ ней критически, находило, что разговаривать съ нею очень легко.

По уму она стояла значительно выше обыкновенныхъ женщинъ и могла съ полнымъ знаніемъ дѣла относиться какъ къ тѣмъ вопросамъ, которые затрогивалъ Тресседи, такъ и ко многимъ другимъ. Она не даромъ прожила цѣлыхъ пять лѣтъ въ кругу политическихъ дѣятелей; незамѣтно для себя, совершенно невольно Тресседи черезъ нѣсколько минутъ началъ говорить съ ней, какъ съ мужчиной и равнымъ себѣ, въ то же время стараясь отдѣлывать свою рѣчь такъ, какъ онъ бы не сталъ стараться ради мужчины.

— Да, вы многое видѣли!—сказалъ подъ конецъ Франкъ Ливенъ не безъ зависти.

Скромное лицо Беннета вдругъ покрылось краской.

— Пусть бы только сэръ Джорджъ на родинѣ такъ же хорошо пользовался своими глазами...—произнесъ онъ какъ-то невольно, и замолчалъ.

Джорджъ разсмѣялся.

— Всякій лучше всего видитъ то, что старается обратить на себя его вниманіе, — сказалъ онъ, и въ ту же секунду замѣтилъ, что было глупо высказывать подобное положеніе передъ врагами.

Губы лэди Максвель дрогнули. Онъ догадался, что какая-то быстролетная мысль промелькнула въ головѣ ея. Но она ничего не сказала.

Только когда онъ всталъ, чтобы раскланяться, она попросила его помнить, что по воскресеньямъ всегда бываетъ дома. Онъ проговорилъ холодный и неопредѣленный отвѣтъ. Самъ про себя онъ думалъ: почему она ничего не говоритъ о Летти, съ которой знакома, и о нашей свадьбѣ, если она хочетъ завести дружескія отношенія?

Не смотря на это, онъ вышелъ на улицу, чувствуя, что провелъ время не совсѣмъ обыкновеннымъ образомъ. Онъ обратилъ на себя вниманіе, показалъ себя въ выгодномъ свѣтѣ. Что касается ея, не смотря на его минутныя вспышки непріязни, она произвела на него впечатлѣніе чего-то страстнаго и жизненнаго. Неужели все это было исключительно внѣшность и заученность, эта удивительная игра лица, эта классическая величавость манеръ, которую она унаслѣдовала, какъ говорили, отъ какихъ-то отдаленныхъ итальянскихъ предковъ? Очень возможно! Во всякомъ случаѣ у нея было меньше обычнаго женскаго кокетства, чѣмъ онъ воображалъ. Какъ ей было бы легко поручить ему передать привѣтъ Летти, а она этого не сдѣлала! Для умной женщины она была недостаточно ловка.

Только-что дверь закрылась за Тресседи, какъ Бетти Ливенъ,

бросивъ быстрый взглядъ вслѣдъ ему, нагнулась къ хозяйкѣ и спросила громкимъ шопотомъ:

— Кто это? Объясните мнѣ, пожалуйста.

— Это одинъ изъ клики Фонтеноя,—сказалъ ея мужъ, прежде чѣмъ лэди Максвель успѣла отвѣтить.—Новый членъ палаты, колется, какъ иголка. Онъ былъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, куда мнѣ хочется ѣхать, Бетти, и куда ты меня не пускаешь.

Онъ съ нѣкоторою ядовитостью посмотрѣлъ на жену. Вмѣсто отвѣта, Бетти протянула ему свой бѣленькій дѣтскій кулачекъ,

— Пожалуйста, застегни мнѣ перчатку и не говори ничего. Мнѣ надобно много разспросить у Марчеллы.

Ливенъ, слегка надувшись, принялся за работу, а Бетти продолжала свои допросы.

— Онъ вѣдь, кажется, собирается жениться на Летти Сьювель?

— Да, — сказала лэди Максвель, широко раскрывая глаза. — Вы ее знаете?

— Ахъ, моя дорогая, да вѣдь она кузина м. Уаттона; не правда ли?—обратилась Бетти къ молодому человѣку.—Я ее видѣла одинъ разъ у вашей матери.

— Да, она моя кузина,—съ улыбкой отвѣтилъ молодой человѣкъ,—и на святой назначена ея свадьба съ Тресседи. Это я могу утверждать, хотя я не знакомъ съ нею такъ близко, какъ мои семейные.

— О!—вскричала Бетти,—освобождая мужа отъ его работы и складывая свои маленькія ручки на колѣняхъ.—Это значитъ, что миссъ Сьювель не принадлежитъ къ числу любимыхъ кузинъ м. Уаттона. Вамъ развѣ непріятно, когда говорятъ о вашихъ кузинахъ? Моихъ я вамъ позволяю чернить, сколько угодно. Хорошенькая она?

— Кто? Летти? Да, конечно, она хорошенькая,—смѣясь отвѣчалъ Уаттонъ,—всѣ молодыя лэди хорошенькія.

— О, Господи! — сказала Бетти, потряхивая волнами своихъ золотыхъ волосъ.—Кто можетъ дать отзывъ хуже, чѣмъ кузенъ!

— Совсѣмъ нѣтъ, лэди Бетти!—сказалъ Уаттонъ, собираясь уходить.—Спросите лучше Байля! Онъ все знаетъ. Позвольте мнѣ передать васъ ему. Онъ прославитъ передъ вами всѣ прелести своей кузины.

— Очень былъ бы радъ,—отозвался Байль, тоже вставая,—но, къ сожалѣнію, мнѣ надобно поспѣшить въ Вимбледонъ.

У него былъ типичный видъ чиновника, хорошо одѣтаго, надушеннаго, сдержаннаго; онъ съ умоляющимъ видомъ протянулъ руку лэди Ливенъ.

— Ну, ужъ вы, частные секретари!—сказала Бетти, надувшись и отворачиваясь отъ него.

— Не уничтожайте насъ,—просилъ онъ,—намъ тоже надобно жить,

— Je ne vois pas la necessité (не вижу въ этомъ надобности),—сказала Бетти черезъ плечо.

— Бетти, какой ты ребенокъ!—вскричалъ ея мужъ, когда Байль, Уаттонъ и Беннетъ вышли всѣ вмѣстѣ изъ комнаты.

— Нисколько! — отвѣчала Бетти, — мнѣ хотѣлось отъ когонибудь добиться правды. Потому что на самомъ дѣлѣ эта миссъ Сьювель...

— Ну, что она?—спросилъ Ливенъ, который, какъ замѣтила лэди Максвель, все время восхищался шаловливой граціей и розовыми щечками своей жены.

— Она—кокетка,—отвѣчала Бетти,—дрянная, хотя, правда, хорошенькая, жестокая, вѣтреная, маленькая кокетка!

— Но, Бетти!—вскричала лэди Максвель,—гдѣ же вы ее видѣли?

— О, я въ прошломъ году часто видала ее у Уаттоновъ и въ другихъ мѣстахъ,—спокойно отвѣчала Бетти.—Да и вы изволили ее видѣть, милэди. Я очень хорошо помню, что одинъ разъ миссисъ Уаттонъ привезла ее къ Уинтербурнамъ, когда мы съ вами были тамъ, и она безъ умолку болтала весь вечеръ.

— Ахъ, да, я и забыла.

— Ну, моя милая, вамъ скоро придется вспомнить о ней, такъ что вы напрасно говорите такимъ презрительнымъ тономъ; ихъ свадьба будетъ на святой, и если вы хотите подружиться съ молодымъ человѣкомъ, вы должны имѣть въ виду его жену.

— На святой будетъ свадьба? Почему вы знаете?

— Во-первыхъ, м. Уаттонъ сейчасъ сказалъ; во-вторыхъ, на свѣтѣ существуютъ газеты; но, вы, конечно, не обратили вниманіе на такіе пустяки, вы вѣдь никогда не обращаете.

— Бетти, вы сегодня слишкомъ строги ко мнѣ!—Лэди Максвель посмотрѣла на свою подругу съ виноватой улыбкой.

— О, это для вашей же пользы. Я знаю, вы только о томъ и думаете, какъ бы заставить этого господина смотрѣть правильнымъ образомъ на билль Максвеля. А я хочу, чтобы вы поняли, что онъ въ настоящее время думаетъ о своей свадьбѣ гораздо больше, чѣмъ о всякихъ фабричныхъ законахъ. Ваша свадьба была, ковечно, неожиданною случайностью. Но другіе люди на васъ не похожи. А вы, дорогая моя, не хотите ихъ знать, не хотите знать никого, кто живетъ ниже 4-го этажа! Вотъ вамъ! И не думайте оправдываться, вамъ нечего сказать!

И Бетти поцѣлуями помѣшала подругѣ что-либо возразить.

— Ну, пойдемъ, Франкъ, тебѣ надобно написать свою рѣчь, а мнѣ надобно переписать ее. Пожалуйста, не бранись! Ты знаешь, что на будущей недѣлѣ у тебя будетъ цѣлыхъ два свободныхъ дня для игры въ мячъ. Прощайте, Марчелла! Мой поклонъ Альдусу, и скажите, чтобы онъ въ другой разъ приходилъ пораньше, когда я буду пить у васъ чай. Прощайте!

И она выпорхнула изъ комнаты, но черезъ секунду снова пріотворила дверь и просунула въ нее свое оживленное личико.

— О, я забыла, у молодого человѣка есть еще мать, Франкъ сейчасъ напомнилъ мнѣ. Женщины, повидимому, составляютъ его слабую сторону; но такъ какъ она не зарабатываетъ даже четырехъ шил. шести пенсовъ въ недѣлю, а совершенно наоборотъ, то я вамъ ничего о ней не скажу, вы, все равно, забудете! До свиданья!

Когда Марчелла Максвель осталась, наконецъ, одна, она начала ходить медленными шагами взадъ и впередъ по большой пустой комнатѣ, какъ дѣлала очень часто.

Она думала о Джоржѣ Тресседи и о томъ, какимъ онъ показалъ себя въ разговорѣ.

— Сердце его лежитъ къ *власти*, къ тому, что онъ считаетъ величіемъ,—говорила она сама себѣ.—Онъ говоритъ такъ, какъ будто въ немъ нѣтъ никакихъ гуманныхъ чувствъ, какъ будто ему ни до кого нѣтъ дѣла; но это не искренно. Я *думаю*, что это не искренно. Онъ интересенъ; онъ разовьется. Пріятно было бы открыть ему глаза.

Сдѣлавъ еще два-три тура по комнатѣ, она остановилась передъ фотографическимъ портретомъ, стоявшимъ на ея письменномъ столѣ. Это былъ портретъ ея мужа, стройнаго джентльмена съ свободной осанкой англичанина, выросшаго въ деревнѣ, съ добродушнымъ, не особенно выразительнымъ лицомъ и мягкими глазами. По мѣрѣ того, какъ она глядѣла на него, лицо ея незамѣтно, само собой принимала болѣе спокойное выраженіе и освѣщалось какимъ-то внутреннимъ лучемъ радости.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ МЕЛКИХЪ НАРОДНОСТЕЙ.

(*Продолженіе*) *).

III.

«Общество земледѣльческихъ кружковъ» въ Галиціи.

«Земледѣльческіе кружки» появились въ Галиціи, сравнительно, недавно, всего четырнадцать лѣтъ тому назадъ. Въ 1882 г. во Львовѣ съѣхалась небольшая группа лицъ, которыя близко къ сердцу принимали интересы крестьянскаго класса и всѣми силами стремились къ тому, чтобы поднять экономическій уровень крестьянскаго хозяйства и, такимъ образомъ, способствовать развитію благосостоянія всего края. На этомъ съѣздѣ рѣшено было основать общество, которое занялось бы экономической организаціей галиційскаго крестьянства. Такъ какъ на галиційской почвѣ до того времени не существовало почти никакихъ попытокъ въ этомъ направленіи, а то немногое, что дѣлалось прежде отдѣльными личностями, не могло развиваться успѣшно въ силу общихъ политическихъ условій, тормозящихъ всякое проявленіе частной инициативы, то лица, участвующія въ съѣздѣ, подвергли обсужденію цѣлый рядъ уставовъ нѣмецкихъ и французскихъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью помогать крестьянскому хозяйству. Однако, большая часть разсматриваемыхъ съѣздомъ уставовъ совершенно не подходила къ галиційскимъ условіямъ, которыя довольно-таки сильно отличаются отъ западно-европейскихъ.

Только въ прусской части Польши, гдѣ крестьянскія отношенія очень походятъ на галиційскія, а общество гораздо раньше, нежели въ Галиціи, получило возможность самостоятельной дѣятельности и инициативы по вопросамъ соціальнаго значенія, существовала прекрасно развивающаяся экономическая организація, кото-

---

*) См. «Міръ Божій», № 2, Февраль 1896 г.

рая въ теченіе тринадцатилѣтняго своего существованія принесла тамошнимъ польскимъ крестьянамъ большую пользу.

Съѣздъ, ознакомившись съ результатами этой организаціи, рѣшилъ перенести ее на галиційскую почву, и, такимъ образомъ, основано было «Общество земледѣльческихъ кружковъ».

Задача, которую взялось разрѣшить новое общество, была далеко нелегкой. На первыхъ порахъ «Обществу земледѣльческихъ кружковъ» приходилось, съ одной стороны, бороться съ равнодушіемъ интеллигенціи, съ другой же—съ недовѣріемъ крестьянскихъ массъ. Галиційская интеллигенція, а особенно та ея часть, которой, главнымъ образомъ, приходилось сталкиваться съ крестьянами, т.-е. помѣщики, священники, учителя и т. д., очень медленно приходила къ сознанію тѣхъ интересовъ, которые непосредственно связываютъ ее съ народомъ; крестьянство же, помнящее «доброе, старое время» и отношеніе господъ къ мужикамъ, никакъ не хотѣло понять, что изъ дѣла, затѣяннаго «барами», можетъ выйти какой-нибудь прокъ для крестьянина. Не малыхъ усилій стоили основателямъ «Общества» первые его шаги. Приходилось неустанно работать, чтобы преодолѣть главныя препятствія. Однако, только первные шаги были трудны, только первый годъ не ознаменовался большими успѣхами, такъ какъ удалось пріобрѣсти всего тысячу съ небольшимъ членовъ да основать 36 земледѣльческихъ кружковъ. Къ концу второго года земледѣльческихъ кружковъ было уже 116 съ 3.000 членовъ, а въ настоящее время «Общество» считаетъ около 60.000 членовъ въ 1.081 кружкѣ. Организація земледѣльческихъ кружковъ охватила всю Галицію, какъ западную-польскую, такъ и восточную-русинскую, и дѣятельность этой организаціи развивается все больше и больше.

Задача «Общества земледѣльческихъ кружковъ» состоитъ въ томъ, чтобы, какъ гласитъ уставъ, поднять уровень благосостоянія, просвѣщенія и нравственности народныхъ массъ. Хотя дѣятельность «Общества» имѣетъ преимущественно экономическій характеръ, однако и просвѣтительная роль земледѣльческихъ кружковъ заслуживаетъ вниманія. Почти при каждомъ земледѣльческомъ кружкѣ существуетъ читальня и библіотека; въ очень многихъ кружкахъ читаются лекціи не только по вопросамъ земледѣлія и сельскаго хозяйства, но также и по гигіенѣ, исторіи, литературѣ и т. д. Въ громадномъ числѣ селъ земледѣльческіе кружки стали культурными центрами крестьянской жизни, а кабаки вслѣдствіе этого потеряли свое прежнее значеніе. Каждый земледѣльческій кружокъ получаетъ, по меньшей мѣрѣ, одно періодическое изданіе, а есть и такіе, въ которые выписывается болѣе десятка газетъ и журналовъ.

Дѣятельность «Общества» выражается въ слѣдующемъ. Оно прежде всего основываетъ въ Галиціи земледѣльческіе кружки, всячески заботится объ ихъ развитіи и поддерживаетъ ихъ. Затѣмъ, оно старается распространять между народомъ письменно (т.-е. путемъ спеціальныхъ изданій) и устно свѣдѣнія, касающіяся земледѣлія, сельскаго хозяйства и кустарной промышленности. Облегчаетъ крестьянамъ возможность пріобрѣтенія хорошихъ сѣмянъ, машинъ и земледѣльческихъ орудій. Устраиваетъ земледѣльческія и промышленныя выставки, въ которыхъ принимаютъ участіе крестьяне. Основываетъ читальни, библіотеки, сберегательныя кассы, кассы ссудъ, промышленно-торговыя общества и лавки, въ которыхъ крестьянинъ можетъ получить все для него необходимое, причемъ продажа спиртныхъ напитковъ совершенно устранена.

Первоначально центральному управленію «Общества земледѣльческихъ кружкомъ» приходилось самому заботиться о распространеніи этой организаціи между крестьянами. Оно высылало въ различныя мѣстности Галиціи своихъ делегатовъ, которые при содѣйствіи мѣстной интеллигенціи растолковывали крестьянамъ той или другой деревни, какую пользу можетъ имъ принести земледѣльческій кружокъ, и убѣждали ихъ основать его. Нужно замѣтить, что у польскихъ, точно также какъ и у русинскихъ (малорусскихъ) крестьянъ господствующая форма экономической жизни— индивидуализмъ. У нихъ нѣтъ ни общинъ, ни артелей, и поэтому всякое кооперативное начинаніе является для нихъ, въ противоположность русскимъ крестьянамъ, чѣмъ-то совершенно новымъ. Однако, съ теченіемъ времени, когда крестьяне привыкли къ земледѣльческимъ кружкамъ и увидѣли, что это не праздная барская затѣя, а дѣло, приносящее дѣйствительную пользу, они все чаще и чаще стали сами обращаться въ центральное управленіе «Общества» и просили основать земледѣльческій кружокъ. По мѣрѣ увеличенія количества ихъ, по мѣрѣ того, какъ, какъ крестьяне все больше и больше убѣждались въ ихъ полезности, возрастала и симпатія крестьянства къ этому учрежденію, и, быть можетъ, недалеко то время, когда въ каждой галиційской деревнѣ будетъ свой земледѣльческій кружокъ.

«Общество земледѣльческихъ кружковъ» пользуется поддержкой всѣхъ вліятельныхъ факторовъ автономной жизни Галиціи. Начиная съ 1884 г. не проходитъ ни одна сессія львовскаго сейма (ландтага), чтобы на ней не былъ затронутъ вопросъ о помощи земледѣльческимъ кружкамъ, объ условіяхъ, способствующихъ ихъ развитію, о принятіи мѣръ для устраненія препятствій дѣятельности «Общества» и т. д. Кромѣ сейма, и главное автономное упра-

вленіе (Wydział krajovy) заботится объ успѣхахъ «Общества» и ежегодно увеличиваетъ получаемую имъ субсидію. Помогаютъ «Обществу» и всѣ сельскохозяйственныя учрежденія Галиціи. Все галиційское общество принимаетъ живое участіе въ дѣлахъ земледѣльческихъ кружковъ, контролируетъ ихъ дѣятельность и всячески стараются оказать имъ помощь.

«Общество» издаетъ спеціальный органъ «Przevodnik kółek rolniczych» («Руководитель земледѣльческихъ кружковъ»), въ которомъ находится подробнѣйшій отчетъ о дѣятельности кружковъ, что облегчаетъ людямъ, интересующимся дѣлами «Общества», контролировать всякій его шагъ и подвергать критикѣ его дѣятельность въ печати, весьма отзывчивой на все, что касается земледѣльческихъ кружковъ. Ежегодно «Общество» устраиваетъ торжественный съѣздъ делегатовъ и членовъ земледѣльческихъ кружковъ; на этомъ съѣздѣ рѣшаются главныя дѣла «Общества», проводятся реформы во внутреннемъ его устройствѣ, избираются должностныя лица и вырабатывается планъ дѣйствій «Общества» на слѣдующій годъ. Чтобы дать возможность какъ можно большему числу членовъ принять участіе въ съѣздахъ, эти послѣдніе устраиваются ежегодно въ какой-нибудь другой мѣстности: въ Краковѣ, Львовѣ, Станиславовѣ, Тарновѣ, Перемышлѣ, Тарнополѣ и т. д.

Земледѣльческій кружокъ въ деревнѣ основывается слѣдующимъ образомъ. Кто-нибудь изъ сельской интеллигенціи (священникъ, учитель и т. д.) или одинъ изъ болѣе развитыхъ крестьянъ заявляетъ письменно Главному Управленію, что въ данномъ селѣ нашлось столько-то крестьянъ, которые желаютъ основать земледѣльческій кружокъ. Главное Управленіе высылаетъ уставъ «Общества», печатныя инструкціи, а иногда спеціальнаго делегата, который руководитъ первыми шагами членовъ новаго кружка. Для основанія необходимо, по крайней мѣрѣ, десять членовъ, но обыкновенно въ каждомъ селѣ на первыхъ же порахъ находится гораздо большее число, которое почти всегда очень быстро возрастаетъ. Каждый членъ платитъ ежемѣсячный взносъ. Первоначально, когда число членовъ еще очень не велико, кто-нибудь изъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ, священникъ или учитель уступаетъ помѣщеніе для собраній кружка. Каждый кружокъ выбираетъ правленіе, состоящее изъ предсѣдателя, его замѣстителя, секретаря и нѣсколькихъ членовъ правленія. Въ 1893 году крестьяне были предсѣдателями 318 кружковъ, замѣстителями предсѣдателя—592, секретарями—313. Священники предсѣдателями—302, замѣстителями—91, секретарями—23. Помѣщики предсѣдателями — 127, замѣстителями — 32, секретарями 11. Учителя предсѣдателями—58, замѣстителями—48, секре-

тарями—403. Какъ видимъ, въ большинствѣ случаевъ предсѣдателями являются или сами крестьяне, или священники. Любопытно, что въ первые годы существованія «Общества» почти во всѣхъ кружкахъ мѣсто предсѣдателя занимали или священники, или помѣщики. Мало-по-малу предсѣдателями становились сами крестьяне, а въ настоящее время въ громадномъ большинствѣ новыхъ земледѣльческихъ кружковъ предсѣдатели—сами крестьяне. Даже секретарей, которыми прежде бывали, по большей части, учителя, теперь все больше и больше поставляютъ крестьяне.

Каждый земледѣльческій кружокъ обязанъ устраивать по воскресеньямъ и праздникамъ, а если условія позволяютъ, и чаще собранія, которыя могутъ производиться или въ помѣщеніи кружка, или, если онъ имъ еще не обзавелся, въ домѣ священника, учителя, помѣщика, одного изъ крестьянъ, но никакъ не въ корчмѣ. Обыкновенно, послѣ обѣдни или вечерни, въ кружкѣ собираются его члены, чтобы посовѣтоваться на счетъ своихъ хозяйственныхъ дѣлъ и прочесть сообща присланные Главнымъ Управленіемъ брошюры и журналы, относящіеся къ земледѣлію, скотоводству, ремесламъ, торговлѣ и т. д. Многіе члены приводятъ на такія собранія своихъ взрослыхъ сыновей, а въ послѣднее время въ собраніяхъ начали принимать участіе нерѣдко и женщины. На собраніи присутствуетъ обыкновенно какой-нибудь интеллигентный человѣкъ, который отвѣчаетъ крестьянамъ на интересующіе ихъ вопросы, подаетъ имъ совѣтъ и объясняетъ непонятное въ книжкахъ и газетахъ.

Первымъ дѣломъ кружокъ старается обзавестись маленькой библіотечкой, а если у него уже есть собственное помѣщеніе, то и читальней. Главное Управленіе обязательно высылаетъ въ каждый новый кружокъ извѣстное количество книжекъ, преимущественно по сельскому хозяйству. Въ теченіе первыхъ двѣнадцати лѣтъ существованія «Общества» Главное Управленіе разослало 29.164 книжки въ различные кружки, а сами кружки пріобрѣли 23.950. Выборомъ книжекъ для кружковъ руководитъ вышеупомянутый органъ «Общества», помѣщая отзывы о всякомъ новомъ изданіи, могущемъ пригодиться членамъ кружка. Благодаря этому, среди членовъ возрастаетъ охота къ чтенію. Очень многіе крестьяне, не довольствуясь тѣмъ, что книжку можно получить въ библіотекѣ кружка, покупаютъ ее сами. Читальни существующихъ болѣе продолжительное время кружковъ привлекаютъ въ зимніе вечера массу посѣтителей и, такимъ образомъ, отвлекаютъ крестьянъ отъ корчмы. Отчеты «Общества» констатируютъ довольно часто повторяющіеся факты исчезновенія кабаковъ въ тѣхъ селахъ, гдѣ земледѣльче-

скій кружокъ существуетъ нѣсколько лѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, земледѣльческіе кружки замѣтно вліяютъ на смягченіе нравовъ крестьянъ. Довольно часты случаи мирнаго разрѣшенія въ кружкѣ такого дѣла, которое при иныхъ условіяхъ привело бы къ дракѣ въ кабакѣ, заканчивавшейся обыкновенно судебнымъ разбирательствомъ.

Таково культурно-нравственное вліяніе земледѣльческихъ кружковъ. Однако, не этимъ они приносятъ главную пользу галиційскимъ крестьянамъ, а своей экономической дѣятельностью.

Чтобы поднять уровень крестьянскаго хозяйства, Главное Управленіе «Общества» устраиваетъ такъ-называемыя ревизіи, высылая въ тѣ волости, въ которыхъ существуютъ земледѣльческіе кружки, спеціальныхъ учителей, которые въ сопровожденіи членовъ кружка осматриваютъ поля и огороды крестьянъ, изслѣдуютъ почву и даютъ крестьянамъ совѣты на счетъ того, какъ имъ вести полевое хозяйство, какія употреблять удобренія, что гдѣ сѣять и т. д. Въ 1883 г. такія ревизіи были произведены только въ трехъ волостяхъ (гминахъ), въ 1889 уже въ 160, а въ 1893 въ 407.

Результаты этихъ ревизій, какъ сообщаютъ ревизоры въ ежегодныхъ отчетахъ, весьма благопріятны. Крестьяне въ настоящее время уже съ полнымъ довѣріемъ относятся ко всѣмъ ихъ совѣтамъ и стараются слѣдовать имъ. Благодаря такимъ ревизіямъ, крестьяне заботятся о пріобрѣтеніи лучшихъ сѣмянъ, выписываютъ усовершенствованныя земледѣльческія орудія и машины, покупаютъ искусственное удобреніе, осушаютъ и даже дренируютъ почву. Ревизіи побудили крестьянъ, принадлежащихъ къ кружкамъ, заняться побочными отраслями сельскаго хозяйства— разводить огородныя овощи, сѣять ленъ, обратить вниманіе на садоводство, пчеловодство и разведеніе домашней птицы. Подъ вліяніемъ совѣтовъ ревизоровъ члены земледѣльческихъ кружковъ достигаютъ большихъ успѣховъ въ скотоводствѣ, улучшая породу домашняго скота, заботливо относясь къ его корму и т. д. Этому содѣйствуетъ Главное Управленіе «Общества», которое постаралось, чтобы члены кружковъ могли пользоваться услугами субвенціонированныхъ земледѣльческихъ станцій, содержащихъ породистыхъ быковъ.

Уже въ 1883 г. крестьяне стали обращаться въ Главное Управленіе съ просьбой снабжать ихъ необходимыми сѣменами, земледѣльческими орудіями и машинами. Въ этомъ году сѣмянъ было выслано «Обществомъ» на 1.057 гульденовъ, а земледѣльческихъ орудій на 284 гульдена. Съ каждымъ годомъ все больше и

больше членовъ кружковъ обращались въ Главное Управленіе за этимъ, такъ что въ 1893 г. оно уже выслало сѣмянъ на 10.230 г., а орудій на 2.667 г. Независимо отъ этого, сами члены кружковъ пріобрѣли, по совѣту Главнаго Управленія, искусственныхъ удобреній на 70.000 гульденовъ, а сѣмянъ, орудій и машинъ, по крайней мѣрѣ, на 250.000 гульд.

Покупая земледѣльческую машину или орудіе подороже, кружокъ позволяетъ пользоваться ими и не членамъ за извѣстную плату, обращая вырученныя деньги на починку машинъ или на другія нужды кружка.

Чтобы вызвать у крестьянъ охоту къ садоводству, Главное Управленіе разсылаетъ по земледѣльческимъ кружкамъ прививныя деревца, и, благодаря этому, во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде не было и помину о крестьянскихъ фруктовыхъ садахъ, въ настоящее время рѣдкій изъ членовъ кружка не разводитъ плодовыхъ деревьевъ. Главное Управленіе снеслось съ «Галиційскимъ Обществомъ Садоводства» и повліяло на то, чтобы въ села, гдѣ есть земледѣльческіе кружки, посылались учителя садоводства, которые поучали бы крестьянъ, какъ обходиться съ плодовыми деревьями. Многіе кружки устроили у себя питомники фруктовыхъ деревьевъ и продаютъ своимъ членамъ и не членамъ прививныя деревца.

Кромѣ практическихъ поученій по садоводству, Главное Управленіе старалось организовать такія же поученія и въ области другихъ отраслей сельскаго хозяйства. Такъ, благодаря заботамъ Главнаго Управленія, «Галиційское Земледѣльческое Общество» высылаетъ спеціальныхъ инструкторовъ, которые обучаютъ крестьянъ воздѣлывать ленъ. Какъ заявляетъ отчетъ этихъ инструкторовъ, только тамъ, гдѣ существуютъ земледѣльческіе кружки удалось ввести прогрессивную культуру льна.

Для членовъ земледѣльческихъ кружковъ организованы спеціальные курсы ветеринаріи во Львовѣ. Ежегодно, въ теченіе двухъ недѣль, крестьяне, пріѣзжающіе для этого въ столицу края изъ самыхъ отдаленныхъ округовъ Галиціи, знакомятся съ главными основами ветеринаріи подъ руководствомъ профессоровъ ветеринарнаго института.

Главное Управленіе «Общества» ввело въ употребленіе ревизію крестьянскихъ хозяйствъ самими крестьянами-членами кружковъ. Эти ревизіи бываютъ двоякаго рода. Крестьяне посѣщаютъ или образцовое хозяйство, чтобы научиться, какъ слѣдуетъ удобрять землю, обходиться съ усовершенствованными земледѣльческими орудіями, ходить за скотомъ, разводить огородъ,

ухаживать за фруктовыми деревьями и т. д., или же такое хозяйство, владѣльцы котораго сами нуждаются въ совѣтахъ болѣе опытныхъ членовъ кружка.

Чтобы открыть крестьянамъ новые источники заработка и побудить сельское населеніе къ самодѣятельности, Главное Управленіе сильно заботится о распространеніи по селамъ крестьянскихъ лавочекъ, торгующихъ товарами, необходимыми въ сельской жизни, а также и продуктами крестьянскаго хозяйства. Въ послѣдніе годы Главное Управленіе выдвинуло на первый планъ дѣло организаціи мелкой торговли по селамъ и достигло въ этомъ направленіи значительныхъ результатовъ (потребительныя лавки и общества).

Такъ какъ мелкая сельская торговля въ Галиціи до очень недавняго времени находилась исключительно въ рукахъ евреевъ, то Главному Управленію предстояла довольно трудная задача. Галиційскій крестьянинъ казался очень многимъ совершенно неспособнымъ къ веденію торговаго предпріятія, и поэтому въ галиційской печати раздавались довольно многочисленные голоса доказывающіе, что затѣя Главнаго Управленія непремѣнно потерпитъ фіаско. Указывалось и на то, что невозможно бороться съ конкурренціей евреевъ, сильныхъ своей сплоченностью и организаціей.

Однако, всѣ эти опасенія не оправдались. Трудны были только, какъ всегда, первые шаги, но, когда появилось нѣсколько десятковъ сельскихъ лавочекъ, содержимыхъ земледѣльческими кружками, когда оказалось, что крестьянинъ вовсе не лишенъ способности къ торговлѣ, и когда, наконецъ, во многихъ селахъ ростовщики и кабатчики, занимавшіеся торговлей, были принуждены прекратить свою дѣятельность, галиційское общество увидѣло, что идея Главнаго Управленія была не дурна.

Самое сильное впечатлѣніе произвели первыя сельскія лавочки земледѣльческихъ кружковъ на самихъ крестьянъ. Они увидѣли, что деньги, употребленныя на основаніе лавочки, приносятъ довольно значительную прибыль. Кромѣ того, они уже не были принуждены ѣздить за всякой мелочью въ городъ или переплачивать лишнія деньги торговцамъ, получая у себя въ селѣ тѣ же продукты, но лучшаго достоинства.

Первоначально лавочки земледѣльческихъ кружковъ продавали только муку, крупу, соль, керосинъ, солонину, табакъ, полотно, ситецъ, ремни, желѣзо, иголки, нитки. Затѣмъ, они стали продавать и мѣстныя крестьянскія издѣлія, которыя имъ поставляли сельскіе ремесленники: сапожники, горшечники, кузнецы, бондари и т. д. Такъ какъ здѣсь посредникъ-перекупщикъ былъ устраненъ,

то и ремесленникъ получалъ больше, нежели прежде, и крестьянинъ получалъ все ему необходимое дешевле.

Въ настоящее время сельскихъ лавочекъ при земледѣльческихъ кружкахъ болѣе 600, а число ихъ постоянно увеличивается. Любопытно, что во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ кружокъ существовалъ уже довольно долго, только со времени открытія лавочки стало сильно увеличиваться число членовъ кружка, которые привлечены участіемъ въ долѣ прибыли.

Главное Управленіе постаралось, чтобы лавки земледѣльческихъ кружковъ получили разрѣшеніе продавать соль и табакъ, которые въ Австріи являются правительственной монополіей.

Главное Управленіе издало «Краткое руководство для основывающихъ лавки земледѣльческихъ кружковъ», въ которомъ крестьянинъ можетъ найти всѣ необходимыя для него указанія. Постоянно возникающія все новыя и новыя лавочки кружковъ, заботящіяся объ удовлетвореніи нуждъ крестьянъ и облегчающія сбытъ продуктовъ домашняго хозяйства (яицъ, масла, сыру), пробудило и въ крестьянинѣ духъ предпріимчивости. Мы видимъ, какъ по мѣрѣ увеличенія количества лавочекъ, среди крестьянъ основываются мелкія товарищества для закупки и продажи кружкомъ крестьянскихъ продуктовъ.

Успѣшному развитію торговой дѣятельносси земледѣльческихъ кружковъ сильно мѣшало первоначально то обстоятельство, что крестьяне не знали, откуда имъ получать хорошій товаръ безъ содѣйствія перекупщиковъ. Это особенно сильно отзывалось на успѣхѣ тѣхъ кружковъ, которые находились въ большомъ отдаленіи отъ городовъ. Вслѣдствіе этого, Главное Управленіе позаботилось, чтобы окружныя управленія основывали торговые союзы земледѣльческихъ кружковъ. Первый такой союзъ былъ основанъ въ 1886 г. въ Яслѣ подъ названіемъ «Складъ продуктовъ земледѣльческихъ кружковъ въ Яслѣ». Этотъ складъ началъ дѣйствовать всего только съ тысячью гульденовъ основного капитала, и въ теченіе одного года продалъ товаровъ на 50.000 гульд. По примѣру этого перваго склада были основаны склады и во многихъ другихъ городахъ и мѣстечкахъ Галиціи: въ Тарнобжегѣ, въ Подгайцахъ, въ Чертковѣ, Бучачѣ, Черниховѣ и т. д.

Въ 1891 г. въ Краковѣ основанъ «Торговый союзъ земледѣльческихъ кружковъ», который задался цѣлью покупать оптомъ всякіе товары, могущіе разсчитывать на сбытъ въ лавочкахъ земледѣльческихъ кружковъ, и продавать послѣднимъ эти товары съ очень небольшой прибылью. Уже въ теченіе перваго года кассовый оборотъ краковскаго «Торговаго союза» достигъ 113.400

гульденовъ и принесъ членамъ этого товарищества около двухъ тысячъ чистой прибыли. По примѣру краковскаго «Торговаго союза», подобное же товарищество было основано въ 1894 г. и во Львовѣ, и теперь всѣ лавочки крестьянскихъ кружковъ получаютъ всѣ тѣ товары, которыхъ они не могутъ пріобрѣсти у себя на мѣстѣ въ этихъ складахъ.

Въ прошломъ году въ львовскій сеймъ была внесена петиція, требующая ассигнованія спеціальныхъ суммъ на учрежденіе практическихъ курсовъ для крестьянъ-торговцевъ. Кромѣ того, Главное Управленіе собирается устраивать ревизіи съ поученіями (какія существуютъ для сельскаго хозяйства членовъ земледѣльческихъ кружковъ) и въ лавкахъ кружковъ.

Благодаря стараніямъ Главнаго Управленія «Общества», дѣло мелкой крестьянской торговли вступило на путь широкаго развитія, и всякій, кто до недавняго времени сомнѣвался въ торговыхъ способностяхъ галиційскихъ крестьянъ, теперь смотритъ на это дѣло совершенно иначе.

Начиная съ 1893 г., Главное Управленіе въ издаваемыхъ ежегодно циркулярахъ внушаетъ крестьянамъ мысль страховаться отъ огня, пріобрѣтать пожарные инструменты и устраивать вольныя пожарныя общества. Вопросъ обо всемъ этомъ былъ неоднократно поднимаемъ на окружныхъ и общихъ съѣздахъ земледѣльческихъ кружковъ. Агитація не осталась безъ результатовъ. До появленія въ Галиціи земледѣльческихъ кружковъ, страхованіе отъ огня между крестьянами было совершенно неизвѣстно, въ 1893 же г. 5.823 члена земледѣльческихъ кружковъ застраховали свое имущество на сумму 3.599.003 гульд.

Главное Управленіе «Общества» позаботилось о томъ, чтобы крестьяне могли страховать свое имущество на льготныхъ условіяхъ, и теперь всякій членъ земледѣльческаго кружка платитъ страховому обществу на 6% меньше, нежели всѣ прочіе страхующіеся. Субъ-агентами страховыхъ обществъ состоятъ сами крестьяне.

Земледѣльческій кружокъ, пріобрѣтающій всѣ пожарныя принадлежности и инструменты, можетъ покупать ихъ въ разрочку и выплачивать за нихъ деньги въ теченіе пяти лѣтъ. Благодаря заботливости Главнаго Управленія, возникаетъ все больше и больше крестьянскихъ пожарныхъ командъ, состоящихъ изъ членовъ земледѣльческихъ кружковъ, обучающихся у спеціальнаго пожарнаго инструктора. Крестьяне первоначально относились къ такимъ сельскимъ пожарнымъ командамъ съ большимъ недовѣріемъ, но, когда они испробовали ихъ на опытѣ, недовѣріе совершенно исчезло.

*

Главное Управленіе заботилось объ облегченіи крестьянамъ доступа къ кредиту, но это дѣло до сихъ поръ еще не вышло изъ стадіи подготовительныхъ работъ.

Благодаря воздѣйствію Главнаго Управленія, земледѣльческіе кружки стали основывать сберегательныя кассы, выдающія ссуды членамъ этихъ кружковъ. Первая такая касса была основана въ 1890 г. въ Черниховѣ, недалеко отъ Кракова. По примѣру черниховскаго кружка, были основаны подобныя же кассы и въ сосѣднихъ селахъ. Выплачивая 4¹/₂% вкладчикамъ и ссужая на срокъ отъ одного года до пяти лѣтъ изъ 6%, эти кассы помогли многимъ членамъ освободиться отъ ростовщиковъ, привести въ порядокъ хозяйство, прикупить скотъ и т. д. Кромѣ того, черниховская касса ссудила крестьянъ, которые взяли въ аренду печь для приготовленія извести и стали торговать углемъ. Нѣкоторые члены кружка, благодаря помощи кассы, завели кружковую мясную и колбасную лавку. Касса въ деревнѣ Веселая доставила средства на постройку школы, сняла право на аренду разныхъ доходныхъ статей и тѣмъ принудила шестерыхъ кабатчиковъ закрыть существовавшія долгое время въ деревнѣ корчмы. Та же касса побудила нѣсколькихъ крестьянъ заняться торговлей яйцами, масломъ и т. д., снабдивъ ихъ необходимыми для этого средствами на самыхъ льготныхъ условіяхъ.

Такова, въ краткихъ чертахъ, дѣятельность «Общества земледѣльческихъ кружковъ», которая съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе содѣйствуетъ развитію среди галиційскаго крестьянства духа предпріимчивости и благотворно отражается на всѣхъ проявленіяхъ народной жизни. И до сихъ поръ «Общество земледѣльческихъ кружковъ» достигло довольно многаго, однако, въ будущемъ оно станетъ развиваться еще быстрѣе, такъ какъ, благодаря послѣднимъ выборамъ, въ галиційскій сеймъ вошло около полутора десятка крестьянскихъ депутатовъ, которые не преминутъ позаботиться о томъ, чтобы помощь, оказываемая земледѣльческимъ кружкамъ страной, была усилена, а тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ «Обществу» развиваться, были устранены.

Л. Василевскій.

ПОДВИЖНИЦА.

Разсказъ Стеф. Жеромскаго.

(Перев. съ польскаго).

Докторъ Павелъ Обарецкій въ наилучшемъ настроеніи духа вернулся домой съ именинъ ксендза, которые были отпразднованы игрою въ карты; они вмѣстѣ съ аптекаремъ и хозяиномъ дома просидѣли за винтомъ подрядъ 18 часовъ. Вернувшись, онъ накрѣпко заперъ двери кабинета, чтобы никто, не исключая и его 24-хъ-лѣтней экономки, не могъ къ нему проникнуть, усѣлся къ столу и началъ прежде всего упорно смотрѣть въ окно, безо всякаго опредѣленнаго повода, а потомъ сталъ барабанить пальцами по столу. Онъ чувствовалъ, что имъ начинаетъ овладѣвать «метафизика».

Извѣстное дѣло,—когда культурный человѣкъ уносится теченіемъ изъ центровъ умственной жизни въ какой-нибудь Клвовъ, Куржовскъ, или, какъ д-ръ Обарецкій, въ Обшидлувскъ, то по прошествіи нѣкотораго времени, вслѣдствіе отсутствія общенія съ интеллигентными людьми и полной невозможности передвиженія въ теченіе цѣлыхъ сезоновъ, онъ постепенно превращается въ травоядно-плотоядное существо, поглощающее неимовѣрное количество бутылокъ пива и подверженное приступамъ тоски, доводящей его до осатанѣлаго состоянія. Удручающая тоска захолустныхъ мѣстечекъ проникаетъ въ душу человѣка незамѣтнымъ образомъ. Съ той минуты, какъ въ душу начинаетъ закрадываться мысль—мнѣ совершенно все равно,—начинается процессъ нравственнаго умиранія. Докторъ Павелъ въ тотъ періодъ его жизни, о которомъ идетъ рѣчь, уже былъ съѣденъ Обшидлувскомъ, со всѣмъ своимъ сердцемъ, умомъ и энергіей — какъ потенціальной, такъ и кинетической. Онъ испытывалъ непреодолимое отвращеніе къ чтенію, писанію и вообще всякой работѣ мысли,

могъ цѣлыми часами расхаживать взадъ и впередъ по кабинету или лежать на диванѣ съ потухшей папироской въ зубахъ и предаваться тоскливому, докучному и подчасъ болѣзненному ожиданію чего-то, что должно случиться, кого-то, кто долженъ пріѣхать, сказать что-нибуть, хотя бы даже просто перекувырнуться,— тоскливо вслушиваться въ каждый шелестъ, въ каждый звукъ, нарушающій тишину, которая давила и пригибала къ землѣ. Особенное уныніе наводила на него осень. Въ тишинѣ осеннихъ сумерекъ, облегавшихъ Обшидлувскъ отъ предмѣстья до предмѣстья, было что-то такое печальное и унылое, что хотѣлось кричать о помощи. Въ мозгу, опутанномъ тоскою, какъ паутиной, рождались только самыя обыденныя мысли, а временами онъ дѣлался совершенно неспособнымъ къ мышленію.

Споры и разсужденія съ ключницей (напр., о необыкновенныхъ преимуществахъ поросенка, нафаршированнаго гречневой кашей, разумѣется безъ майорану, сравнительно съ поросенкомъ, начиненнымъ какимъ-нибудь другимъ фаршемъ), казавшіеся ему сперва совершенно неприличными, постепенно сдѣлались единственнымъ его развлеченіемъ. Случалось, чудовищныя тучи собирались надъ Обшидлувскомъ и сѣрые клубы ихъ неподвижно и тяжело висѣли, грозя обрушиться на городъ и далекія, пустынныя поля. Отъ этой тучи слетали, носимыя вѣтромъ, мглистыя капельки, которыя осѣдали на шубахъ въ формѣ кристаликовъ и придавали шуму вѣтра печальный, жалобный оттѣнокъ, какъ будто гдѣ-то рядомъ плачетъ ребенокъ.

Далеко на межахъ стояли обнаженныя полевыя грушевыя деревья, вѣтви ихъ колебались на вѣтру, дождь мочилъ ихъ... Всѣ эти картины наводили уныніе и порождали въ душѣ какую-то неопредѣленную тревогу. Это меланхолическое осеннее настроеніе дѣлалось господствующимъ и распространялось также на весенніе и лѣтніе мѣсяцы. Уныніе свило себѣ гнѣздо въ душѣ доктора, лишенной всякой опоры, надежды и утѣшенія. Вслѣдъ за уныніемъ явилась неописуемая, убійственная лѣнь, не дающая своей жертвѣ читать даже новеллы Алексиса.

Д-ръ Обарецкій пріѣхалъ въ Обшидлувскъ шесть лѣтъ тому назадъ, тотчасъ по окончаніи курса, съ намѣреніемъ распространять тамъ свѣтъ просвѣщенія, съ самыми благородными мыслями и нѣсколькими рублями въ карманѣ. Въ то время много говорили о необходимости селиться въ разныхъ Обшидлувскахъ. Онъ внялъ призыву апостоловъ. Онъ былъ смѣлъ, молодъ, благороденъ и энергиченъ. При первомъ же своемъ появленіи въ мѣстечкѣ, онъ вступилъ въ ожесточенную борьбу съ мѣстнымъ

аптекаремъ и фельдшеромъ, врачевавшимъ съ помощью средствъ, относящихся къ области таинственнаго. Обшидлувскій аптекарь, пользуясь преимуществами своего положенія (до ближайшей аптеки въ болѣе цивилизованной мѣстности было 5 верстъ), облагалъ данью всякаго, жаждавшаго вернуть себѣ здоровье съ помощью его мазей; цирульникъ, дѣйствующій за одно съ аптекаремъ, успѣлъ выстроить себѣ великолѣпный домъ.

Такъ какъ деликатныя и осторожныя средства по отношенію къ аптекарю не производили никакого дѣйствія и патетическія разсужденія о «различныхъ точкахъ зрѣнія» трактовались, какъ увлеченія молодости, д-ръ Обарецкій на свои послѣднія деньги купилъ дорожную аптечку и забиралъ ее съ собой, когда ѣздилъ къ больнымъ въ деревни. Онъ самъ на мѣстѣ приготовлялъ лѣкарства, и отдавалъ ихъ за безцѣнокъ, если не совсѣмъ задаромъ, училъ гигіенѣ, изслѣдовалъ больныхъ, работалъ съ фанатизмомъ и упорствомъ, не вѣдая ни сна, ни покоя. Очевидно, что какъ только распространилась вѣсть о переносной аптечкѣ, даровой помощи и тому подобныхъ точкахъ зрѣнія, у доктора тотчасъ же были выбиты окна въ его скромномъ помѣщеніи. Случилось это какъ разъ въ то время, когда Борухъ Покойнъ, единственный стекольщикъ въ Обшидлувскѣ, справлялъ праздникъ «святыхъ кучекъ» и не могъ выйти изъ своего дома. Поэтому, доктору пришлось заклеить окна бумагой и спать ночь съ револьверомъ подъ подушкой. Вставленныя рамы были снова выбиты, и подобныя выбиванія повторялись періодически, до тѣхъ поръ, пока докторъ не заказалъ себѣ деревянныхъ ставень. Между населеніемъ мѣстечка распускались слухи, будто молодой докторъ имѣетъ сношенія съ нечистой силой; во мнѣніи мѣстной интеллигенціи его чернили, какъ неслыханнаго неуча, отговаривали больныхъ, идущихъ къ нему, въ майскіе вечера устраивали у него подъ окнами кошачьи концерты, и т. д.

Молодой докторъ не обращалъ на все это никакого вниманія и надѣялся на торжество истины. Торжество истины, однако, не наступало. Почему это такъ случилось—неизвѣстно... Съ теченіемъ времени докторъ началъ чувствовать, что энергія его мало-по-малу подтачивается. Близкія сношенія съ народной массой породили въ его душѣ разочарованіе: всѣ его просьбы, наставленія, внушенія, лекціи о гигіеническихъ мѣрахъ, падали, какъ зерна на камень. Онъ дѣлалъ, что только могъ, но все было напрасно. Да и то сказать, трудно добиться чего-нибудь отъ людей, не имѣющихъ сапоговъ на зиму, выгребающихъ въ мартѣ съ чужихъ полей гнилыя прошлогоднія картофелины, чтобы сдѣ-

лать себѣ изъ нихъ хлѣбъ, употребляющихъ въ первые дни жатвы муку изъ ольховой коры, чтобы сохранить для продажи весь свой небольшой запасъ ржаной муки, готовящихъ себѣ кашу изъ недозрѣлаго зерна, добытаго воровскимъ способомъ. Трудно было заставить ихъ заботиться о своемъ здоровьѣ съ помощью хотя бы самыхъ разумныхъ гигіеническихъ совѣтовъ. Незамѣтно доктору становилось «все равно». Ѣдятъ гнилой картофель, что жъ дѣлать! Пусть ѣдятъ, если имъ нравится...

Въ одно прекрасное утро докторъ долженъ былъ констатировать фактъ, что огонекъ, горѣвшій надъ его головой, огонекъ, съ которымъ онъ явился сюда, и который долженъ былъ освѣщать его путь,—угасъ. Угасъ самъ собою, весь выгорѣлъ.

Онъ заперъ на ключъ свою дорожную аптечку и смирился. Война съ аптекаремъ и цирульникомъ закончилась.

Онъ началъ искать сближенія съ ксендзомъ и судьей. Ксендзъ часто ходилъ въ гости ко всѣмъ, и съ нимъ не трудно было познакомиться. Судья же былъ человѣкомъ, произносившимъ рѣчи, которыя совсѣмъ нельзя было понять—вслѣдствіе этого онъ предпочиталъ уединеніе.

Чтобы избѣжать дурныхъ послѣдствій постояннаго пребыванія съ самимъ собою, докторъ старался сблизиться съ природою, и часто уходилъ за городъ, въ поле. Плоская песчаная равнина окаймлялась синѣющей лентой лѣса. Казалось, солнце освѣщало этотъ пустырь только для того, чтобы обнаружить всю его безплодность, наготу и угрюмость.

По этой песчаной дорогѣ, покрытой глубокими колеями, ежедневно путешествовалъ бѣдный докторъ съ зонтикомъ въ рукахъ. Когда его начинала душить злоба и нетерпѣніе, онъ уходилъ въ пустырь, и тамъ его душу охватывалъ покой.

Шли годы. По иниціативѣ ксендза состоялось примиреніе между докторомъ и аптекаремъ. Бывшіе враги начали мирно сражаться за винтомъ, хотя докторъ все-таки относился къ аптекарю съ нѣкоторымъ отвращеніемъ. Со временемъ и это отвращеніе прошло. Онъ сталъ ходить въ гости къ аптекарю и даже любезничалъ съ его женой.

Наконецъ, у него исчезла не только энергія, но и способность къ болѣе или менѣе серьезному мышленію. Принципъ, къ которому, какъ къ общему знаменателю, сводились теперь всѣ мысли и дѣйствія доктора Обарецкаго, гласилъ: «давайте денегъ и убирайтесь».

А все-таки, въ то время, когда онъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ, вернувшись съ именинъ кседза, и барабанилъ пальцами по

столу, «метафизика» обуяла его съ прежней силой. Уже за шестнадцатой партіей винта докторъ почувствовалъ себя нехорошо. Причиною этого былъ опять-таки аптекарь, который началъ, ни съ того, ни съ сего, изучать исторію Цезаря Борджіа, и выработалъ себѣ чрезвычайно радикальные взгляды.

Д-ръ Обарецкій прекрасно понималъ, что аптекарь такими свободомысленными разсужденіями желаетъ разбѣсить ксендза; онъ чувствовалъ, что это является какъ бы прелюдіей къ болѣе тѣсному сближенію съ нимъ на почвѣ общности взглядовъ. Онъ предчувствовалъ, что въ скоромъ времени ему угрожаетъ визитъ аптекаря, который начнетъ жаловаться на недостатокъ капиталовъ, являющійся причиной застоя, а потомъ, вернувшись къ обшидлувскимъ дѣламъ, выскажетъ пожеланіе, чтобы они двое, идя рука объ руку, заключили товарищескій союзъ: одинъ будетъ писать рецепты, другой—пользоваться обстоятельствами. Докторъ предчувствовалъ также, что у него не хватитъ рѣшимости, въ отвѣтъ на предложеніе аптекаря, расквасить ему физіономію. Можетъ быть, онъ предполагалъ даже, что сдѣлка эта состоится—кто знаетъ. Горько стало ему на сердцѣ. Какъ это случилось, какимъ образомъ онъ дошелъ до этого, почему онъ не вырвался изъ болота, почему онъ такой лѣнтяй, мечтатель, рефлексіонистъ, искажающій собственныя мысли, дѣлающійся каррикатурой самого себя? Въ немъ проснулось мучительное сознаніе собственнаго безсилія. Онъ посмотрѣлъ въ окно; снѣгъ падалъ крупными хлопьями, застилая печальный видъ природы мглою и сумрачнымъ туманомъ.

Безсвязное и безплодное теченіе мыслей доктора было прервано вдругъ громкимъ голосомъ ключницы, пытавшейся увѣрить кого-то, что доктора нѣтъ дома. Докторъ, однако, самъ вышелъ въ кухню, желая какъ-нибудь стряхнуть съ себя овладѣвшее имъ уныніе.

Огромный парень въ желтомъ полушубкѣ скинулъ шапку, отвѣсилъ доктору низкій поклонъ, откинулъ волосы со лба и, видимо, затруднялся начать рѣчь.

— Чего вамъ?—спросилъ докторъ.

— Меня, господинъ докторъ, староста прислалъ...

— Зачѣмъ?

— А за вами, господинъ докторъ.

— Боленъ кто-нибудь, что-ли?

— Учительница въ нашей деревнѣ захворала, слабость на нее напала съ чего-то... Пришелъ староста... Съѣзди, говоритъ, Игнатъ, въ Обшидлувскъ, говоритъ, къ господину доктору, можетъ, онъ и пріѣдетъ...

— Поѣдемъ... Лошади-то у тебя хорошія?

— А лошади какъ лошади...

Мысль о поѣздкѣ понравилась доктору, хотя она и была сопряжена съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Онъ немного оживился, надѣлъ толстые сапоги, шубу съ мѣховымъ воротникомъ, съ помощью котораго можно было защищаться отъ вѣтра, опоясался кушакомъ и вышелъ изъ дому. Лошади парня были не велики, но довольно толстыя, откормленныя. Докторъ закрылъ ноги соломой, парень усѣлся бокомъ на передокъ, отмоталъ возжи и тронулъ коней. Поѣхали.

— Далеко до васъ-то?—спросилъ докторъ.

— А можетъ побольше трехъ верстъ, можетъ и меньше.

— Ты не заблудишься?

Парень обернулся съ иронической усмѣшкой.

— Это я-то?

Въ полѣ дулъ пронизывающій вѣтеръ; некованныя, грубо обтесанныя полозья врѣзывались въ глубокій, недавно выпавшій снѣгъ, отбрасывая по бокамъ бѣлые пласты его. Дорогу замело.

Парень сдвинулъ на бокъ шапку и хлестнулъ лошадей.

Докторъ чувствовалъ себя хорошо. Миновавъ лѣсокъ, который, казалось, утопалъ въ снѣгу, они выѣхали въ обширный, безлюдный пустырь, обрамленный лѣсомъ, едва виднѣвшимся на краю горизонта.

Наступавшія сумерки озаряли обнаженный и суровый пустырь голубоватымъ свѣтомъ, который дѣлался темнѣе надъ лѣсомъ. Хлопья сбитаго снѣга, поднимаемаго копытами лошадей, долетали до ушей доктора. Неизвѣстно почему, ему захотѣлось встать въ саняхъ и крикнуть по-мужицки, изо всѣхъ силъ, въ эту глухую, безмолвную, безконечную даль, разверзающуюся передъ нимъ, какъ пропасть. Быстро поднималась темная, зловѣщая ночь, ночь необитаемыхъ полей.

Вѣтеръ усиливался, дулъ съ однообразными завываніями. Началъ падать снѣгъ.

— Посматривай на дорогу, братецъ, а то еще заблудимся,—замѣтилъ докторъ, закрывая носъ воротникомъ.

— Эй вы, молодчики!—вмѣсто отвѣта, крикнулъ парень на лошадей.

Голосъ его едва можно было разслышать среди завываній вѣтра. Кони пустились вскачь.

Вьюга разыгрывалась. Вѣтеръ вздымалъ хлопья снѣга, ударялъ ими въ сани, завывая между полозьями, и затруднялъ ды-

ханіе. Слышно было фырканье лошадей, но ни ихъ, ни возницы докторъ уже не могъ разглядѣть. Снѣжные хлопья, поднимаемые вѣтромъ съ земли, летѣли какъ табунъ лошадей.

Докторъ чувствовалъ, что они уже не ѣдутъ по дорогѣ; сани медленно двигались, ударяясь концами полозьевъ о загородки полей.

— Слушай-ка, ты,—закричалъ онъ тревожно.—Гдѣ это мы?

— Ѣдемъ полемъ къ лѣсу,—отвѣчалъ парень.—Въ лѣсу будетъ тише... до самой деревни доѣдемъ лѣсомъ.

Дѣйствительно, вѣтеръ вскорѣ стихъ и слышался только глухой гулъ въ вершинахъ и трескъ ломавшихся вѣтокъ. На черномъ фонѣ ночи мелькали осыпанныя снѣгомъ деревья. Быстро ѣхать было нельзя, потому что лѣсная дорога была завалена сугробами и извивалась среди пней и упавшихъ вѣтокъ. Наконецъ, спустя нѣсколько часовъ, въ теченіе которыхъ сердце доктора пережило не мало тревогъ, послышались какіе-то глухіе отзвуки: лаяли собаки.

— Вотъ и наша деревня, баринъ.

Въ отдаленіи замигали огоньки, подобныя свѣтящимся точкамъ, разбросаннымъ во всѣ стороны; запахло дымомъ.

— Эй вы, молодчики!—весело окликнулъ возница своихъ лошадей, ударяя себя въ бока кулаками, чтобы согрѣться.

Черезъ нѣкоторое время показался рядъ избъ, до крышъ засыпанныхъ снѣгомъ. На фонѣ освѣщенныхъ оконъ, отъ которыхъ на дорогу падали свѣтлые круги, рисовались тѣни головъ.

— Ужинаютъ люди,—замѣтилъ парень, напоминая доктору, что и его дома ждетъ ужинъ, который ему уже не удастся сегодня съѣсть.

Лошади остановились передъ однимъ изъ домиковъ. Парень ввелъ доктора въ сѣни и самъ исчезъ. Докторъ вошелъ въ маленькую и низкую избу, освѣщенную маленькой нефтяной плошкой.

Сгорбленная и сморщенная старуха поднялась, при видѣ его, съ лежанки, поправила платокъ на головѣ и вытаращила на него красные, подслѣповатые глаза.

— Гдѣ больная?—спросилъ онъ.—Самоваръ у васъ есть?

Старуха съ испугу не могла сразу найти словъ для отвѣта.

— Есть у васъ самоваръ? Можете дать мнѣ чаю?

— Самоваръ-то есть... сахару нѣту...

— Чтобъ тебя!.. Неужто нѣтъ сахару?

— А нѣту же... Можетъ, у Валковой есть, потому что барышня...

— Да гдѣ же она, ваша барышня?

— Вонъ тамъ, въ комнатѣ лежитъ, бѣдняжечка.

— Давно она больна?

— Слегла-то она уже двѣ недѣли, а теперь — ни рукъ, ни ногъ...

Она открыла дверь въ сосѣднюю избу.

— Сейчасъ! Нужно же мнѣ обогрѣться,—закричалъ докторъ, снимая съ себя шубу.

Обогрѣться въ этой норѣ было не трудно: отъ печи пышало такимъ жаромъ, что докторъ какъ можно скорѣе отправился въ помѣщеніе больной. Это была маленькая и чрезвычайно убогая комната, слабо освѣщенная небольшой лампой, стоявшей на столикѣ у изголовья больной. Чертъ лица учительницы нельзя было разглядѣть, потому что на него падала тѣнь отъ большой книги. Докторъ осторожно приблизился къ больной, пустилъ побольше огня въ лампѣ, отодвинулъ книгу и началъ разглядывать свою паціентку. Это была молодая дѣвушка, лежащая въ горячечномъ бреду. Ея лицо, шея, руки—горѣли лихорадочнымъ огнемъ и были покрыты какой-то сыпью. Пепельно-бѣлокурые, густые волосы безпорядочными космами лежали на подушкѣ и падали на лицо. Руки безсознательно и нетерпѣливо мяли одѣяло.

Д-ръ Павелъ нагнулся къ самому лицу больной и вдругъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ произнесъ:

— Панна Станислава! Панна Станислава!..

Больная съ усиліемъ пріоткрыла глаза и тотчасъ же опять закрыла ихъ. Она вытянулась, заметалась головой съ одного конца подушки на другой и тихо застонала. По временамъ она открывала губы и хватала ими воздухъ, какъ рыбка, всплывшая на поверхность воды.

Докторъ окинулъ глазами голыя, выбѣленныя известью стѣны избы, замѣтилъ плохо притворенное окно, старыя, стоптанныя туфли больной и массу книжекъ, лежащихъ всюду — на полу, на столѣ, на шкапу...

— Ахъ ты, безумная, глупая,—шепталъ онъ, ломая руки.

Онъ началъ изслѣдовать ее, дрожащими руками измѣрялъ температуру...

— Тифъ...—прошепталъ онъ, блѣднѣя. Въ бѣшенствѣ онъ схватилъ себя за горло; его душили слезы, которыхъ онъ не могъ выплакать.

Онъ видѣлъ, что ей нельзя помочь, ничѣмъ нельзя помочь, и вдругъ вспомнилъ, что даже за хиной или антипириномъ нужно послать въ Обшидлувскъ—за три версты. Панна Станислава отъ времени до времени открывала глаза, стеклянные, безсмысленные

глаза, и смотрѣла, ничего не видя, изъ-подъ длинныхъ густыхъ рѣсницъ. Онъ говорилъ ей нѣжныя слова, приподымалъ ея головку, слабо державшуюся на шеѣ—все напрасно.

Наконецъ, въ отчаяніи онъ сѣлъ къ столу и вперилъ взоръ въ пламя лампы.

— Что дѣлать?—шепталъ онъ, содрогаясь.

Сквозь щели окна въ комнату врывался холодъ зимней бури, завывавшей на дворѣ. Доктору начало казаться, что его кто-то трогаетъ, что въ комнатѣ, кромѣ него и больной, есть еще кто-то. Онъ вышелъ въ кухню и велѣлъ служанкѣ позвать старосту.

Старуха надѣла огромные сапоги, повязала голову платкомъ и вышла. Вскорѣ явился староста.

— Слушайте, не знаете ли вы кого-нибудь, кто согласился бы сейчасъ ѣхать въ Обшидлувскъ?

— Теперь, господинъ докторъ, никто не поѣдетъ, навѣрное. Кому охота ѣхать на смерть?.. Въ такую погоду и собаку не выгонишь...

— Я заплачу, дамъ хорошее вознагражденіе.

— Ужъ не знаю... Пойду, поспрошу людей...

Онъ ушелъ. Докторъ стиснулъ себѣ виски, которые, казалось, готовы были порваться отъ наплыва крови. Онъ сѣлъ на скамью и думалъ о чемъ-то давно прошедшемъ, далекомъ...

Вскорѣ въ сѣняхъ послышались шаги. Староста привелъ мальчика въ потертомъ полушубкѣ, не достигающемъ ему до колѣнъ, въ дерюжныхъ штанахъ, плохихъ сапогахъ и красномъ платочкѣ на шеѣ.

— Этотъ?—спросилъ докторъ.

— Говоритъ, что поѣдетъ. Смѣлый малецъ. Я могу дать лошадей, а то гдѣ теперь достанешь въ такой часъ...

— Слушай, если вернешься черезъ 6 часовъ, получишь отъ меня двадцать пять, тридцать рублей, получишь... что хочешь... Слышишь?

Мальчикъ посмотрѣлъ на доктора и какъ будто хотѣлъ сказать что-то, но удержался. Онъ утеръ себѣ пальцами носъ, повернулся бокомъ и ждалъ. Докторъ подошелъ къ столику учительницы и началъ писать. Руки у него тряслись. Онъ думалъ, писалъ, зачеркивалъ, рвалъ бумагу. Онъ писалъ записку аптекарю, просилъ его тотчасъ же выслать лошадей въ уѣздный городъ за докторомъ, просилъ прислать ему хинину. Потомъ онъ подошелъ къ больной и еще разъ началъ изслѣдовать ее. Наконецъ, онъ вышелъ въ кухню и вручилъ записку мальчику.

— Слушай, братъ,—сказалъ онъ ему страннымъ, точно не

своимъ голосомъ, положивъ ему руки на плечи и встряхивая его:— пусти свою лошадь во весь махъ. Слышишь, братецъ?

Мальчикъ поклонился ему въ ноги и вышелъ со старостою.

— Давно у васъ эта учительница въ деревнѣ живетъ?—спросилъ Павелъ у старухи, которая стояла, прислонившись къ плитѣ.

— Три зимы!..

— Три зимы... И никто съ нею тутъ не жилъ?

— А кто жъ будетъ жить. Я одна и жила. Пригрѣла она меня, старую. Говорила: тебѣ, бабушка, мѣста уже не найти, а у меня работа пустая... Обѣщала она мнѣ гробъ справить, когда умру, а теперь вотъ мнѣ ее хоронить придется... Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ...

— А добрая она была?

Старуха начала шептать молитву и, вмѣсто отвѣта, замахала на доктора руками, какъ бы желая отогнать его отъ себя. Онъ вернулся къ больной и началъ, по своему обыкновенію, расхаживать по комнатѣ взадъ и впередъ, осторожно ступая на цыпочкахъ, чтобы не разбудить молодую дѣвушку.

Какъ пламя охватываетъ сухое дерево, такъ и его охватили забытыя, давно пережитыя ощущенія. Онъ увѣрялъ себя, что никогда не забывалъ о ней и всегда любилъ ее больше всего на свѣтѣ. Онъ всматривался въ ея знакомыя черты и мучительная боль въѣдалась въ его сердце. Три года она жила тутъ, около него... а онъ узналъ объ этомъ, когда она умирала...

Онъ вышелъ изъ комнаты больной въ классную комнату, заставленную скамейками и партами. Тамъ онъ сѣлъ и старался сосредоточить свои мысли на томъ, чтобы изыскать какое-нибудь средство для спасенія ея. Но, вмѣсто этого, онъ весь отдался воспоминаніямъ...

Онъ студентъ четвертаго курса. Идетъ онъ раннимъ утромъ въ анатомическій театръ, стараясь такъ ставить ноги, чтобы не всѣ прохожіе видѣли, что дыры въ подошвахъ искусно заложены бумагой. Пальто у него было тѣсное, какъ горячешная рубашка, и такое потертое, что жидъ въ лѣтнюю пору не соглашался дать за него и восьми злотыхъ (15 коп.). Онъ находился въ пессимистическомъ настроеніи, которое ему, впрочемъ, довольно легко было бы стряхнуть съ себя: для этого было бы достаточно выпить нѣсколько стакановъ чаю и съѣсть бифштексъ. Но чаю онъ не пилъ и думалъ о томъ, что, по всей вѣроятности, не придется и обѣдать. Съ такими мыслями онъ шелъ по улицѣ, когда вдругъ встрѣтился съ дѣвушкой, которая прошла мимо него, съ развѣвающимися тяжелыми, длинными, свѣтло-бѣлокурыми воло-

сами. Она не подняла глазъ и только сдвинула брови, схожія съ узкими крылышками какой-то птички.

Онъ ежедневно сталъ встрѣчать ее въ томъ же самомъ мѣстѣ. Она быстро шла по Краковскому предмѣстью, садилась въ конку и ѣхала на Прагу. Ей было не болѣе семнадцати лѣтъ, но она выглядѣла старушкой, въ башлыкѣ, небрежно повязанномъ сверхъ мѣховой шапочки, въ калошахъ, слишкомъ большихъ для ея маленькихъ ногъ, и въ некрасивомъ, немодномъ пальтишкѣ. Она постоянно несла подъ мышкою какія-нибудь тетради, исписанные листы бумаги, книги, карты. Однажды, имѣя въ своемъ распоряженіи немного денегъ, предназначенныхъ на обѣдъ, онъ рѣшилъ узнать, куда она постоянно ѣздитъ. Онъ отправился вслѣдъ за нею, сѣлъ въ тотъ же самый десятикопѣечный вагонъ, но какъ только онъ занялъ тамъ свое мѣсто, вся его храбрость покинула его. Незнакомка смѣрила его такимъ негодующимъ взглядомъ, что несчастный выскочилъ изъ вагона, ничего не достигши.

Но онъ не чувствовалъ злобы противъ нея: напротивъ, чѣмъ она была недоступнѣе, тѣмъ больше онъ о ней думалъ. Въ это время одинъ изъ его товарищей, по прозвищу «дыра въ пространствѣ», который вѣчно начиналъ писать какія-то статьи и не доканчивалъ ихъ по недостатку нужныхъ для его темы книжекъ, вздумалъ жениться на эманципированной дѣвицѣ, бѣдной какъ церковная крыса. Жена принесла ему въ приданое старый диванъ, двѣ кострюльки, гипсовый бюстъ Мицкевича, и нѣсколько гимназическихъ наградъ. Новобрачные поселились на четвертомъ этажѣ и тотчасъ же послѣ свадьбы начали заботиться о томъ, какъ-бы не умереть съ голоду. Они принялись за работу съ такимъ жаромъ, что расходились рано утромъ и возвращались домой вечеромъ. Домъ ихъ, тѣмъ не менѣе, вскорѣ сдѣлался пунктомъ, куда по вечерамъ стекались многочисленные «товарищи» въ загрязненныхъ сандаліяхъ, чтобы посидѣть на диванѣ, покурить чужихъ папиросъ, поспорить до хрипоты и выдать нѣсколько грошей въ складчину, на которыя любезная хозяйка покупала булокъ и селедокъ, раскладывала ихъ артистически на тарелку и угощала гостей. Тамъ всегда можно было встрѣтить множество народу, познакомиться съ неизвѣстными до той поры великими людьми, съ подругами хозяйки, а иногда можно было даже получить взаймы цѣлый двугривенный. Можно представить себѣ радость Обарецкаго, когда, придя однажды вечеромъ въ этотъ салонъ, онъ увидѣлъ въ группѣ дѣвицъ свою прекрасную незнакомку! Онъ заговорилъ съ нею и совершенно потерялъ голову. Возвращаясь въ тотъ вечеръ домой, онъ былъ самъ не свой и

мечталъ только объ одномъ—постоянно видѣть ее, слышать звукъ ея голоса, думать такъ, какъ она. Онъ вспоминалъ ея чудные глаза, грустные, ласковые, вдумчивые и лучезарные, поражавшіе своей глубиной. Онъ испытывалъ чувство радости и покоя, точно послѣ долгаго и труднаго пути пришелъ къ чистому источнику, укрытому въ тѣни сосенъ на горной вершинѣ.

Къ ней всѣ относились съ уваженіемъ и придавали особенное значеніе ея словамъ. Хозяинъ представилъ ей Обарецкаго, произнося съ важностью:

— Обарецкій, рефлексіонистъ, мечтатель, великій лѣнтяй, ожидающій прихода славы; панна Станислава Божовская, наша дарвинистка.

«Великій лѣнтяй» получилъ о «дарвинисткѣ» слѣдующія свѣдѣнія: она окончила гимназію, давала уроки, имѣла намѣреніе ѣхать въ Парижъ или въ Цюрихъ учиться медицинѣ, не имѣя гроша за душой...

Съ той поры они часто встрѣчались въ «салонѣ». Панна Станислава приносила съ собою фунтъ сахару, иногда холодныя котлеты, завернутыя въ бумагу, или нѣсколько булокъ. Обарецкій ничего не приносилъ, потому что у него ничего не было, но за то пожиралъ булки и пожиралъ глазами дарвинистку. Однажды, провожая предметъ своей любви до дому, онъ рѣшился просить ея руки. Она искренно засмѣялась и простилась съ нимъ дружескимъ пожатіемъ руки. Вскорѣ затѣмъ она уѣхала въ Подольскую губ., взявъ мѣсто учительницы у какого-то помѣщика.

И вотъ теперь онъ встрѣтился съ нею въ этомъ медвѣжьемъ углу, въ этой деревнѣ, затерявшейся въ лѣсахъ, среди мужиковъ... Одна жила она въ этой пустынѣ, одна теперь умираетъ... забытая...

Давно забытыя мечты, несбыточные сны и желанія снова поднялись въ немъ и вихремъ закружились въ его душѣ. Сердце болѣзненно сжималось и страсть незамѣтно проникала въ его возбужденную кровь. Онъ подошелъ на цыпочкахъ къ кровати больной и не могъ отвести глазъ отъ лица. Молодая дѣвушка спала. На вискахъ ея напрягались жилы, на искривленныхъ губахъ засохла пѣна, дыханіе вырывалось изъ груди съ хрипами, она вся горѣла. Павелъ сѣлъ возлѣ нея на кровати, взялъ въ руки мягкіе концы ея разметавшихся волосъ, прижалъ ихъ къ своему лицу и, рыдая, цѣловалъ ихъ.

— Стася, Стася, дорогая,—шепталъ онъ тихо, чтобы не разбудить ее.—Теперь ужъ ты не откажешь мнѣ... правда? Будешь моей, навсегда, слышишь, на вѣки... Потомъ онъ сѣлъ къ изго-

ловью больной, на стулѣ и опять погрузился въ мечты. Молодость пробуждалась въ немъ отъ летаргическаго сна. Теперь все пойдетъ по другому. Какъ онъ теперь заживетъ по новому! Онъ чувствовалъ въ себѣ исполинскія силы для выполненія намѣреній, которыми было полно его сердце. Отчаяніе и надежда сплетались, давили его мозгъ, не давали ему покоя.

Ночь проходила. Часы текли лѣниво, со времени отъѣзда посланца ихъ прошло уже болѣе шести. Было четыре часа утра. Докторъ началъ прислушиваться, вскакивалъ при каждомъ шелестѣ. Иногда ему казалось, что кто-то идетъ, отворяетъ дверь, стучитъ въ окно... Онъ всѣмъ существомъ своимъ вслушивался въ окружающую тишину. Вѣтеръ шумѣлъ, дрова въ печкѣ трещали— потомъ снова все стихало. И проходили минуты, казавшіяся доктору цѣлой вѣчностью; ожиданіе и нетерпѣніе надорвали ему нервы, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Когда онъ въ шестой разъ измѣрялъ больной температуру, она открыла глаза, которые изъ-за темныхъ рѣсницъ казались почти черными, пристально посмотрѣла на него и спросила надтреснутымъ голосомъ:

— Кто это?

Затѣмъ она опять впала въ безпамятство. Онъ, какъ сокровищу, обрадовался этой минутѣ сознанія. Ахъ, если бы у него была хина, если бы онъ могъ облегчить ея головную боль, привести ее въ чувство! Посланный не ѣхалъ, и не ѣхалъ.

Передъ разсвѣтомъ д-ръ Обарецкій шелъ по деревнѣ, обольщая себя послѣднимъ призракомъ надежды, несмотря на тяжелое предчувствіе, которое, какъ кончикъ иглы, врѣзывалось ему въ сердце. Въ голыхъ вѣтвяхъ придорожныхъ тополей глухо шумѣлъ вѣтеръ, но буря уже утихала. Изъ хатъ выходили женщины съ ведрами на плечахъ за водою и парни выгоняли скотъ, изъ трубъ поднимались струйки дыма. Кое-гдѣ изъ открываемыхъ дверей вырывались клубы пара.

Докторъ разыскалъ избу старшины и велѣлъ ему тотчасъ же запрягать лошадей. Ихъ запрягли двѣ пары и какой-то мальчикъ подъѣхалъ съ ними къ школѣ. Докторъ взглянулъ еще разъ на больную, сѣлъ въ сани и поѣхалъ въ Обшидлувскъ.

Къ полудню онъ вернулся, привезя съ собою свою аптечку, вино, съѣстные припасы. По временамъ онъ вставалъ въ саняхъ, какъ бы желая выскочить и обогнать лошадей пѣшкомъ. Наконецъ, онъ подъѣхалъ къ школѣ. Сдавленный, короткій крикъ вырвался изъ его устъ, когда онъ увидѣлъ открытыя окна въ домикѣ и толпу дѣтей, тѣснившихся въ сѣняхъ. Онъ подошелъ къ окну блѣд-

ный, какъ полотно, вскрикнулъ и застылъ на мѣстѣ, опершись руками о подоконникъ.

Въ просторной школьной избѣ лежалъ на лавкѣ раздѣтый до нага трупъ молодой учительницы. Какія-то двѣ старыя бабы мыли его. Мелкія снѣжинки влетали въ окно и садились на плечи, на распущенные волосы, на полуоткрытые глаза покойницы.

Докторъ вошелъ въ сосѣднюю комнату, сгорбленный, какъ будто на плечахъ его лежали горы. Онъ опустился въ кресло и, рыдая, повторялъ одно слово, въ которомъ вылилась вся его мука:

— Зачѣмъ?.. Зачѣмъ?..

Ему было холодно, будто вся кровь заледенѣла. Онъ не зналъ, что съ нимъ; ему казалось, что въ головѣ у него скрипятъ пронзительно немазанныя колеса...

Постель Стаси была въ безпорядкѣ. Одѣяло лежало на землѣ, простыня свѣшивалась на полъ, смятая подушка лежала посреди кровати. Крючки на открытыхъ окнахъ монотонно ударялись объ оконныя рамы. Листья какихъ-то комнатныхъ растеній въ цвѣточныхъ горшкахъ свертывались и увядали отъ мороза.

Въ полураскрытыя двери виднѣлись мужики, окружившіе убранный уже трупъ учительницы, дѣти, молящіяся на колѣняхъ, столяръ, снимающій мѣрку для гроба.

Онъ вошелъ туда и хриплымъ голосомъ приказалъ столяру сдѣлать гробъ изъ четырехъ простыхъ досокъ и подложить подъ голову стружекъ.

— Не больше... слышишь, — сказалъ онъ съ затаенной злобой,—четыре доски... не больше...

Потомъ онъ вспомнилъ, что нужно кого-нибудь увѣдомить... родныхъ... Но гдѣ они, ея родные?

Онъ съ тупымъ, идіотскимъ видомъ началъ перебирать ея книжки, школьные журналы, тетради, рукописи. Среди бумагъ онъ нашелъ листокъ съ начатымъ письмомъ, въ которомъ было написано слѣдующее:

«Дорогая Лена! Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я чувствую себя такъ плохо, что, вѣроятно, придется скоро предстать передъ лицо Миноса и Брадаманта, Эака и Триптолема, или кого-нибудь другого изъ полубоговъ, которые и пр. На случай переселенія моего въ дальнія страны, будь добра, напиши старостѣ моей деревни, чтобы онъ выслалъ тебѣ оставшіяся послѣ меня книжки. Я передѣлала книгу «Физика для народа», надъ которой столько дѣтей ломало себѣ головы; передѣлала только вчернѣ—увы и ахъ! Если ты ее получишь въ такомъ видѣ—опять-таки, въ случаѣ переселенія моего въ дальнія страны, отдай въ печать и заставь

Антона переписать, онъ сдѣлаетъ это для меня. Ахъ, какая тоска... Вотъ еще что: нашему книгопродавцу я должна 11 руб. 65 коп.; заплати ему. Отдай ему моего Спенсера, потому что въ шкатулкѣ у меня пусто... Возьми себѣ на память...»

Остальное было написано такъ неразборчиво, что нельзя было прочесть. Адреса не было, и письма этого нельзя было послать. Въ ящикѣ письменнаго столика докторъ нашелъ рукопись той «Физики», о которой говорилось въ письмѣ, связку тетрадей и листковъ бумагъ, въ шкафу—немного бѣлья, подбитую ватой кофточку, какое-то старое, черное платье...

Слоняясь по комнатѣ, онъ наткнулся въ классѣ на того мальчика, который ѣздилъ за лѣкарствомъ. Тотъ стоялъ, прислонившись къ печкѣ, и переминался съ ноги на ногу.

Животная ненависть вспыхнула въ душѣ доктора.

— Отчего такъ долго не возвращался?—крикнулъ онъ, обращаясь къ мальчику.

— Заблудился въ полѣ... лошадь устала... я пѣшкомъ пришелъ рано... а барышня уже...

— Лжешь!

Мальчикъ ничего не отвѣтилъ. Докторъ посмотрѣлъ ему въ глаза и былъ пораженъ ихъ выраженіемъ: глаза эти были страшны, въ нихъ виднѣлось глухое, безнадежное отчаянье.

— Я принесъ тебѣ, баринъ, книжки, которыя мнѣ учительница дала,—сказалъ онъ, вынимая изъ-за пазухи нѣсколько истрепанныхъ, потертыхъ томиковъ.

— Оставь меня въ покоѣ! Пошелъ вонъ!—закричалъ докторъ, отворачиваясь отъ него и уходя въ другую комнату.

Тамъ онъ остановился среди разбросанныхъ книгъ и бумагъ и сказалъ самъ себѣ:

— Я-то тутъ что дѣлаю? Здѣсь нѣтъ ничего моего, я ни на что не имѣю права...

Онъ почувствовалъ вдругъ глубокое почтеніе къ умершей, смѣшанное съ полнымъ смиреніемъ. Горе его достигло той степени, которая граничитъ съ безуміемъ. И въ тоже время его охватилъ тайный страхъ за самого себя. Изъ сокровенныхъ глубинъ его души поднимался эгоизмъ—онъ не хотѣлъ отдаться въ руки тому призраку, который унесъ въ могилу эту глупую дѣвушку. Нужно поскорѣе удирать... Онъ рѣшилъ тотчасъ же уѣхать, прикрывая разными фразами то, что было просто результатомъ его полнаго изнеможенія.

Отдавъ приказаніе запрягать лошадей, д-ръ Обарецкій еще разъ поклонился трупу Стаси и шепталъ надъ ней всѣ слова, какія

только съумѣли придумать пустыя сердца людскія для восхваленія величія. На одну минуту у него мелькнула мысль, что лучше всего было бы тотчасъ же умереть; потомъ онъ протискался сквозь толпу ребятъ у дверей, вскочилъ въ сани и уѣхалъ.

Смерть панны Станиславы произвела нѣкоторый переворотъ въ настроеніи Павла. Въ свободные часы онъ по временамъ принимался читать «Божественную комедію» Данте, бросилъ играть въ винтъ, разсчиталъ свою двадцатичетырехлѣтнюю ключницу. На этомъ онъ и успокоился. Въ настоящее время ему живется отлично: онъ растолстѣлъ и честнымъ образомъ нажилъ себѣ кучу денегъ. Чего же еще?..

Л. Давыдова.

ГЕРОЙ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕГЕНДЫ.

*(Продолженіе *).*

V.

Бонапартизмъ.

Одинъ изъ дѣятелей наполеоновскаго времени, превосходно знавшій императора, очевидецъ важнѣйшихъ событій его царствованія, выразился кратко и мѣтко объ основной нравственной и умственной чертѣ Цезаря: «Императоръ — весь система, весь иллюзія» [1]).

Это значитъ, у Наполеона на всѣ предметы были составлены вполнѣ опредѣленные и ничѣмъ непоколебимые взгляды. Въ началѣ неограниченной власти, въ первый годъ консульства онъ еще снисходилъ до чужихъ совѣтовъ, заимствовалъ свѣдѣнія у болѣе опытныхъ и знающихъ юристовъ и администраторовъ, но вскорѣ такой порядокъ вещей совершенно измѣнился. Наполеонъ проникается убѣжденіемъ, что онъ рѣшительно все знаетъ и понимаетъ лучше другихъ, что у него «голова желѣзная» [2]), «рука счастливая», и на кого онъ ее возлагаетъ, тотъ мгновенно становится и умнымъ, и талантливымъ, «способнымъ на все» [3]).

Наполеону доставляло особенное удовольствіе—своими милостями и назначеніями на самые важные посты идти наперекоръ общему мнѣнію о разныхъ политическихъ дѣятеляхъ. Его чудодѣйственное слово должно было всѣми признанное ничтожество превращать

---

*) «Міръ Божій», № 2, февраль 1896 г.

[1]) De Pradt. *Histoire de l'ambassade dans le grand duché de Varsovie. en 1812*. Paris 1812, p. 94.

[2]) Duc de Vicence I, 109.

[3]) «J'ai la main heureuse, Monsieur; ceux sur qui je la pose sont propres à tout». Таковъ былъ отвѣтъ Наполеона, когда онъ назначилъ одного изъ своихъ камергеровъ на очень отвѣтственный постъ и ему стали возражать на счетъ неподготовленности его избранника. *Mémorial*, I, 402.

въ государственный умъ и популярное имя осуждать на мракъ и забвеніе. Онъ хотѣлъ быть не только господиномъ, но и творцомъ людей, и совершенно естественно окружалъ себя помощниками, во всѣхъ отношеніяхъ безцвѣтными, безличными и, главное, безхарактерными и безпринципными. Въ такой средѣ его власть и его величіе должны были производить подавляющее впечатлѣніе, и ему ничего не стоило играть роль исключительнаго существа среди Бертье, Маре, Беньо и даже Камбасересовъ и Редерeровъ, превосходившихъ умомъ своихъ товарищей, но столь же нравственно мелкихъ и граждански ничтожныхъ [4]).

«C'est un diable»,—говорили восторженные рабы, и не смѣли перевести духа, когда императору угодно было пуститься въ разсужденія, все равно, по поводу какого бы то ни было вопроса. Эти сцены поистинѣ умилительны.

Мы знаемъ, какую школу прошелъ Наполеонъ Буонапарте и генералъ Бонапартъ. Свѣдѣнія его—на счетъ политики, юриспруденціи, исторіи и быта французскаго народа—стояли на самомъ скромномъ уровнѣ. Руссо для всѣхъ этихъ предметовъ самый неосновательный учитель, какого только можно представить, а онъ былъ единственнымъ политическимъ писателемъ и философомъ, какого зналъ Бонапартъ. И вотъ, шпага, на которую самъ же генералъ и впослѣдствіи императоръ любилъ ссылаться, какъ на своего генія карьеры и на raison suprême власти, привела его на высоту трона и открыла передъ нимъ необозримое поприще всевозможныхъ вопросовъ администраціи и высшей политики—законодательной и нравственной. И при томъ—гдѣ и при какихъ условіяхъ!

Въ государствѣ, совершенно не похожемъ на Корсику, а именно только Корсикой и интересовался будущій цезарь въ теченіе всей своей молодости, вплоть до своего молніеноснаго возвышенія... Послѣ революціи, поколебавшей и отчасти уничтожившей вѣковыя основы политической жизни великаго народа, старое не успѣло окончательно очистить сцену, а новое все еще встрѣчало вражду и даже чувство ужаса... Предстояло разобраться въ этой безпримѣрной смутѣ идей, фактовъ и страстей. А у властителя наготовѣ лишь одинъ идеалъ государства, какой можно было вынести изъ полудикаго отечества и военнаго лагеря. «Государство—соединеніе людей не дисциплинированныхъ и не поддающихся дисциплинѣ, если только

[4]) Любопытно, что именно Редереръ характеризуетъ эту политику Наполеона и безпрестанно самъ приходитъ въ восторгъ отъ его величія и государственныхъ способностей. Ср. Bondois. *Napoléon et la societé de son temps.* Paris 1895. Chaptal. У Тэна. *O. c.* p. 79.

ихъ не сжимаетъ желѣзная рука» [5]). Такъ передаетъ политическое ученіе Наполеона одинъ изъ его искреннѣйшихъ поклонниковъ. Новый писатель, крайняго демократическаго направленія, но далеко не безусловный отрицатель даже нравственныхъ достоинствъ Наполеона, очень вѣрно и сильно выразилъ ту же мысль: «Наполеонъ создалъ изъ Франціи солдата и превратилъ этого солдата въ божество» [6]).

Отсюда необыкновенная простота отношеній къ людямъ и къ самымъ сложнымъ задачамъ государственнаго управленія. Всѣ французы—солдаты, если не фактически, то по долгу и гражданскому положенію. Фактическое превращеніе всего населенія—съ десятилѣтняго возраста по шестидесятилѣтній—Наполеону не удалось осуществить, но это не могло препятствовать ему распространить военные обычаи и пріемы на всѣ учрежденія.

Военный начальникъ не стѣсняется въ глаза подчиненнымъ объяснять—рѣзко и повелительно—уставъ дисциплины: это—законная необходимость извѣстныхъ обязанностей. Совершенно также Наполеонъ поступаетъ со своими министрами. Они безпрестанно должны выслушивать отъ него слѣдующія поученія: кого онъ сдѣлалъ важными сановниками и министрами, тѣ перестаютъ быть свободными въ своихъ мысляхъ и выраженіяхъ; они могутъ быть только органами *его* мыслей; для нихъ актъ измѣны начинается уже въ ту минуту, когда они позволяютъ себѣ сомнѣваться, и измѣна вполнѣ осуществляется, когда отъ сомнѣнія они переходятъ къ разногласію съ своимъ повелителемъ [7]).

Онъ, слѣдовательно, *единственный* законодатель и правитель государства,—практически это въ буквальномъ смыслѣ слова.

Но, вѣдь, чтобы писать законы и притомъ для культурной націи XIX-го вѣка, требуется въ высшей степени много условій: *гражданскій* государственный геній, познаніе *гражданскихъ* порядковъ и уваженіе къ *гражданскому* строю жизни. Ни однимъ

---

[5]) Duc de Vicence I, 102.

[6]) Louis Blanc. *Histoire de dix ans*. Paris 1844, I, *Introduction* p. 5. До какой степени французскому радикальному политику близко сочувствіе личности цезаря, показываетъ удивительное впечатлѣніе, какое Луи Бланъ получаетъ отъ разсказа о попыткѣ Наполеона отравиться передъ первымъ отреченіемъ отъ престола. Мы ниже встрѣтимся съ этимъ любопытнѣйшимъ фактомъ въ исторіи Наполеона и увидимъ, что безпристрастному историку менѣе всего можно было написать слѣдующія строки: «...on a raconté qu'il avait essayé de s'empoisonner. Ilest possible qu'il ait voulu s'ensevolir dans son orgueil: en cette âme sablonne et profonde, l'exaltation se confondait avec la rase et le calcul n'excluait pas la poésie». *Ib.* p. 35.

[7]) Mollien. II, 9.

изъ этихъ качествъ Наполеонъ не обладалъ, не могъ и не хотѣлъ обладать. Всѣ его идеалы сосредоточивались на «военной классификаціи» и упрощенномъ способѣ—царствовать и управлять. Ему необходимо было, чтобы Франція ежегодно доставляла ему извѣстное количество солдатъ. «Я могу ежегодно издерживать (depenser) столько-то рекрутъ» [8]), — вотъ его государственный девизъ, не имѣющій, конечно, ничего общаго съ заботами о культурномъ развитіи страны. И мы увидимъ,—эти заботы ни на одну минуту не занимали Наполеона; напротивъ, культура, развитіе, образованіе, идеи преслѣдовали его во снѣ и на яву, подобно кошмару. Онъ самъ откровенно объяснилъ, что значитъ пройти его карьеру и обладать его натурой.

Когда Меттернихъ, послѣ разгрома «великой арміи» въ Россіи, велъ переговоры съ Наполеономъ и указалъ на его новое войско изъ подростковъ, императоръ воскликнулъ:

«Вы не солдатъ, и вы не знаете, что происходитъ въ душѣ солдата. Я выросъ на поляхъ сраженій и человѣкъ подобный мнѣ плюетъ на жизнь милліона людей» [9]).

Въ этихъ словахъ, конечно, менѣе всего можно узнать государя и вообще государственнаго человѣка.

Но революція завѣщала Наполеону сложную законодательную работу. Новый порядокъ требовалъ неотложно новыхъ законовъ, новое общество постоянно нуждалось въ новыхъ юридическихъ формахъ и принципахъ. Это сознавали всѣ революціонныя собранія, и самое бурное изъ нихъ—конвентъ—среди страшныхъ смутъ якобинства и террора, продолжало работу своихъ предшественниковъ. Въ самомъ началѣ революціи былъ рѣшенъ утвердительно вопросъ о гражданскомъ кодексѣ, единомъ для всей Франціи, въ августѣ 1793 года Камбасересъ представилъ конвенту подробнѣйшій проектъ новаго уложенія и въ теченіе того же мѣсяца были обсуждены статьи касательно семейныхъ отношеній. Революція не успѣла довести своего начинанія до конца и не могла успѣть при непрестанныхъ потрясеніяхъ государства внутри и извнѣ. Но она болѣе спокойной эпохѣ оставила въ наслѣдство главнѣйшія основы гражданской свободы личности. Наполеону предстояло только воспользоваться наслѣдствомъ, и вся его заслуга заключается въ продолженіи давно начатаго дѣла, а личное вмѣшательство—въ

---

[8]) Staël, XIII, 257.

[9]) Подлинное выраженіе Наполеона не приводимо въ печати, и Меттернихъ отказывается повторить его. *Mémoires.* Paris. 1881, I, 151—2. У Тэна они цитируются въ самой откровенной формѣ по тексту, намъ неизвѣстному. *O. c.* I, 115.

ограниченіяхъ слишкомъ либеральныхъ, по его мнѣнію, идей первыхъ законодателей. Впослѣдствіи Наполеонъ гордился гражданскимъ кодексомъ, какъ величайшимъ подвигомъ своей власти [10]). И, несомнѣнно, кодексъ былъ благодѣяніемъ для страны, не знавшей до тѣхъ поръ единообразнаго, точнаго и яснаго законодательства. Но только претензіи Наполеона на творческое созданіе кодекса столь же основательны, какъ и его же изумительное выраженіе о собственной личности: *l'homme des abnégations et du désinteressement* или о собственномъ историческомъ значеніи: будто онъ мессія принциповъ просвѣщенія и свободы, «полярная звѣзда ародныхъ правъ» [11])...

Трудно вѣрить глазамъ, читая подобныя рѣчи, но мы услышимъ дальше еще не такія стихотворенія въ прозѣ отъ изгнанника Св. Елены, самаго страннаго изъ героевъ «самоотверженія и безкорыстія».

Въ дѣйствительности Наполеонъ вмѣшивался въ законодательную работу коммиссіи и государственнаго совѣта крайне оригинально. Его отвращеніе къ *метафизикамъ*, *идеологамъ* и къ краснорѣчивымъ ораторамъ не мѣшало ему выступать на поприще всѣхъ этихъ «гадовъ», заслуживающихъ «быть брошенными въ воду» [12]). Въ изгнаніи Наполеонъ утверждалъ, будто онъ укрѣпилъ на всегда «великіе принципы *нашей* революціи», ея «великія и прекрасныя истины», будто эти истины, «возникшія на французской трибунѣ, упроченныя кровью битвъ, украшенныя лаврами побѣды, привѣтствуемыя кликами народовъ, освященныя трактатами, союзами монарховъ, ставшія доступными слуху и устамъ королей,—не отступятъ болѣе вспять» [13]).

Такъ ораторствовалъ развѣнчанный цезарь, чаруя слушателей нѣкіимъ «жаромъ вдохновенія». На престолѣ онъ иначе смотрѣлъ на «французскую трибуну» и одному изъ ея представителей, совершенно укрощенному и преданному, заявилъ буквально слѣдующее:

«Я хочу, чтобы можно было отрѣзать языкъ адвокату, который бы сталъ имъ пользоваться противъ правительства» [14]).

А сколько же въ идеяхъ революціи заключалось противнаго наполеоновскому правительству!

Это съ неизмѣнной энергіей доказывалъ самъ Наполеонъ, со

---

[10]) *Mémorial* I, 210.

[11]) *Ib.* I, 387, 436.

[12]) Thibaudeau. *O. c.* 204. Тэнъ 29.

[13]) *Mémorial* I, 436.

[14]) Письмо къ Камбасересу. Bondois. *O. c.* p. 155.

вершая свой важнѣйшій, по его словамъ подвигъ—составляя кодексъ.

Прежде всего, онъ не могъ допустить правильнаго отправленія правосудія на основаніи существующихъ законовъ. Онъ безпрестанно вмѣшивался въ судебные приговоры, въ права гражданскихъ судовъ, и, конечно, по одной и той же системѣ—въ интересахъ военной дисциплины. Рядомъ съ обыкновенными судами постоянно дѣйствовали военныя коммиссіи, экстренныя присутствія, назначаемыя лично Наполеономъ, и военный судъ простирался на всѣхъ, сколько-нибудь причастныхъ къ распространеннѣйшему преступленію во времена имперіи—къ дезертирству. Достаточно было шпіонамъ заподозрить кого-либо въ томъ, что онъ совѣтовалъ новобранцу бѣжать, и «преступника» подвергали суду военной коммиссіи. Сохранилось множество приказовъ императора—задерживать въ тюрьмахъ лицъ, оправданныхъ судами, и отъ судей требовалось представить объясненія на счетъ ихъ приговоровъ. Наполеоновское правительство не отступало даже и передъ пытками [15]).

И это совершенно естественно: развѣ могъ подобный властитель чувствовать уваженіе къ какимъ бы то ни было гражданскимъ учрежденіямъ и исполнителямъ закона, а не его воли!

Забавнѣе всего—сильнѣйшая наклонность Наполеона къ идеологіи и краснорѣчію, столь ему ненавистныхъ у другихъ. Императоръ до страсти любилъ говорить рѣчи въ государственномъ совѣтѣ, водворять восторженное молчаніе среди членовъ и залетать въ самыя выспреннія сферы метафизики. Въ Сенжерменскомъ предмѣстьѣ и въ салонѣ г-жи Сталь много забавлялись этими дѣйствительно удивительными сценами [16]). Оказывалось, генералъ Бонапартъ, превратившись въ консула, а потомъ императора, во мгновеніе ока сдѣлался первостепеннымъ ученымъ и философомъ. По крайней мѣрѣ, не оказывалось вопроса, который бы не рѣшался имъ просто и необыкновенно быстро, и при всеобщемъ упоеніи слушателей. Они даже усвоили особый способъ апплодировать подъ сурдинку упражненіямъ властителя въ политической философіи.

---

[15]) Staël. XIII, 245—246; Bondois. *Ib.* p. 155. Любопытна юридическая мѣра Наполеона, которой онъ восхищался въ изгнаніи. Онъ хотѣлъ до послѣдней степени сузить роль адвокатовъ и установить законъ, чтобы вознагражденіе за веденіе дѣлъ получали только адвокаты, выигравшіе процессъ. Наполеонъ ожидалъ самыхъ плодотворныхъ результатовъ для національныхъ добродѣтелей отъ подобнаго закона. *Mém.* II, 442.

[16]) Staël. XIII, 164.

Любопытно познакомиться съ образчиками этихъ упражненій. Мы приведемъ самое интересное—именно потому, что восторгъ подданныхъ Наполеона въ новѣйшее время раздѣлилъ ученый французскій историкъ.

Дѣло шло объ усыновленіи. Юристы посмотрѣли на актъ съ реальной, чисто-гражданской точки зрѣнія,—Наполеонъ возсталъ и произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Усыновленіе не гражданскій договоръ и не судебный актъ. Анализъ юриста приводитъ здѣсь къ самымъ дурнымъ результатамъ. Человѣкомъ можно управлять только при помощи воображенія, безъ воображенія онъ—скотъ... Не нотаріусъ за двѣнадцать франковъ можетъ совершить подобный актъ. Здѣсь требуется другая процедура, законодательная. Усыновленіе, что это такое? Актъ, которымъ общество хочетъ подражать природѣ. Это нѣчто въ родѣ новаго таинства... Сынъ отъ плоти и крови одного отца, по волѣ общества, переходитъ въ плоть и кровь другого. Это величайшій актъ, какой только можно вообразить. Онъ сообщаетъ чувства сына тому, у кого ихъ не было, и то же самое совершаетъ съ чувствами отца. Откуда долженъ снисходить этотъ актъ? Свыше, подобно молніи» [17]).

Тэнъ склоняетъ голову предъ этимъ краснорѣчіемъ... Но на самомъ дѣлѣ трудно представить рѣчь, болѣе наивную, реторически-безсодержательную и въ государственномъ смыслѣ болѣе фальшивую и безплодную, чѣмъ подобная поэзія среди юридическихъ преній законодателей. Неужели Наполеонъ могъ серьезно вѣрить, что современные ему французы и ихъ потомки окажутся способными—все равно, путемъ какихъ угодно формальностей проникаться *священной таинственностью* акта усыновленія и чувствовать *благоговѣйный трепетъ* предъ неизбѣжно прозаической гражданской процедурой, какими бы эпитетами и внѣшними осложненіями ея ни украшать? Другой французскій историкъ, превосходящій Тэна практическимъ смысломъ, совершенно основательно изліянія Наполеона признаетъ «дѣтскими и смѣшными», въ особенности «при рѣшеніи важнаго юридическаго вопроса» [18]).

Весьма часто эти изліянія напоминаютъ знакомаго намъ автора разныхъ разсужденій о любви, о человѣческомъ счастьѣ и прочихъ метафизическихъ матеріяхъ. И этого слѣдовало ожидать. Умственное развитіе Наполеона на счетъ идей отнюдь не увеличилось ко времени возвышенія, а въ періодъ власти фатально не

---

[17]) Тэнъ. *O. c.* p. 37—38.
[18]) Bondois. *O. c.* p. 153.

могло увеличиться. Если современный историкъ восторгается банальной и безцѣльной реторикой цезаря, что же происходило съ очевидцами и слушателями подобныхъ рѣчей? Въ особенности, если члены государственнаго совѣта, помимо всѣхъ законныхъ благъ, еще при консульствѣ стали получать отъ господина денежныя подачки. Предъ нами одно изъ распоряженій перваго консула: здѣсь наиболѣе извѣстныя имена стоятъ рядомъ съ той или другой суммой франковъ: секретарь государственнаго совѣта Локюе, распредѣлитель подарковъ, оцѣненъ въ 10.000, Редереръ—въ 15, Порталисъ—въ такую же сумму. Деньги приказывается передать «изъ рукъ въ руки», такъ чтобы каждый думалъ, будто только онъ одинъ удостоился консульской милости [19]).

И вотъ эти-то законодатели вели пренія въ присутствіи Наполеона и доставляли ему презабавное зрѣлище, ожесточенно нападая другъ на друга. Консулъ и императоръ любилъ устраивать такія травли, онѣ не вели ни къ какимъ послѣдствіямъ: въ любую минуту можно было крикнуть: *Quos ego!* и все смолкало. Въ результатѣ государственный совѣтъ только «формулировалъ его личные декреты» [20]).

Естественно, кодексъ Наполеона долженъ былъ принять въ себя не мало собственныхъ усмотрѣній цезаря. Всѣ они, конечно, менѣе всего согласовались съ «великими принципами» революціонныхъ «метафизиковъ», напримѣръ, въ вопросѣ о разводѣ.

Наполеонъ и здѣсь не пропустилъ случая «метнуть огненную стрѣлу», по выраженію Тэна. Стрѣла на этотъ разъ нѣсколько интереснѣе, чѣмъ болтовня по поводу усыновленія. Наполеону хотѣлось узаконить разводъ по требованію одного изъ супруговъ и даже при *недоказанныхъ фактахъ* измѣны.

Это требованіе вытекало изъ общаго понятія Наполеона о женской натурѣ и женской нравственности. Онъ терпѣть не могъ разсуждающихъ и даже просто разговаривающихъ женщинъ. Ниже мы увидимъ, какую шумную и жестокую войну онъ поднялъ противъ не только писательницы, г-жи Сталь, но и вообще хозяекъ салоновъ. Наполеонъ не скрывалъ своихъ взглядовъ и въ лучшихъ случаяхъ его рѣчи на этотъ счетъ напоминали знаменитый монологъ мольеровскаго героя въ *Школѣ женщинъ*. «Пусть лучше женщины работаютъ иголкой, а не языкомъ!..» говорилъ Наполеонъ и сознавался, что желаніе жены для него было бы совершенно достаточнымъ мотивомъ поступить какъ разъ наоборотъ.

[19]) Документъ приведенъ у Bondois, p. 154.

[20]) «Le conseil d'Etat ne servit plus qu'à donner la forme à des decrets émanés de lui». Chaptal у Тэна, p. 79.

Очевидно, французскій императоръ усвоилъ пристрастіе къ Востоку до буквальнаго повиновенія турецкой національной мудрости.

Одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ слугъ Наполеона превосходно изобразилъ своего господина, какъ героя многочисленныхъ романическихъ приключеній. Современные авторы легенды и здѣсь пытаются опоэтизировать Бонапарта, но всѣ ихъ усилія должны разбиться о рѣшительное заявленіе Коленкура, наполеоновскаго дипломата и искренняго его обожателя.

«Отношенія императора къ женщинамъ—совершенно матеріальныя — исключали всякую возможность признавать у женщинъ остроуміе, умъ и талантъ чѣмъ-то обаятельнымъ. Онъ не любилъ образованныхъ и извѣстныхъ женщинъ, не желалъ, чтобы онѣ выходили изъ своего вульгарнаго положенія. Онъ въ обществѣ отводилъ для нихъ самое скромное мѣсто, лишалъ ихъ дѣятельности и вліянія на мужчину. Женщина въ его глазахъ была лишь изящнымъ созданіемъ, красивой игрушкой, предметомъ для пріятнаго времяпрепровожденія, и ничего больше. Пытались придать романическій характеръ его мимолетнымъ увлеченіямъ,—въ дѣйствительности у него никогда не было связей, гдѣ сильнѣйшій является слабѣйшимъ, гдѣ порабощенное, упоенное сердце даетъ больше, чѣмъ отъ него требуютъ. «Любовь», сказалъ онъ мнѣ однажды, «глупое предубѣжденіе, больше ничего, будьте въ этомъ увѣрены»[21]).

Мы привели сообщеніе Коленкура потому, что оно важно для насъ не только касательно романическаго вопроса въ жизни Наполеона: оно небходимо для вѣрной оцѣнки изумительныхъ гоненій, поднятыхъ Наполеономъ на г-жу Сталь, и весьма цѣнно вообще для полнаго представленія о нравственной философіи Бонапарта. Мы не стали бы заниматься кавалерскими чувствами политическаго дѣятеля, если бы они оскорбляли только «прекрасный полъ»: исторіи нѣтъ дѣла до подобныхъ галантныхъ интересовъ. Сущность факта въ томъ, что Наполеонъ—законодатель и правитель—всюду носился съ своими мелкими закулисными дрязгами и позволялъ себѣ личный опытъ съ актрисами, придворными дамами и женами мелкихъ офицеровъ примѣнять къ своему «величайшему подвигу»—кодексу.

Въ результатѣ, положеніе о разводѣ должно сыграть роль грознаго призрака для женщинъ наполеоновской монархіи. По мнѣнію императора, всѣ французы-мужья подвергались неотвратимой опасности попасть въ разрядъ рогоносцевъ, если бы законъ не пришелъ къ нимъ на помощь.

---

[21]) Duc de Vicence I, 157—158.

«Вдумайтесь въ нравы націи: измѣна въ супружествѣ вовсе не исключительное явленіе, она очень обыкновенна... Нужна узда на женщинъ, которыя измѣняютъ за побрякушки, стишки, за бога Аполлона, за музъ и т. п.».

Наполеонъ могъ бы прибавить и еще кое-какія причины женскихъ измѣнъ, напримѣръ, поучительно было бы для членовъ государственнаго совѣта услышать эпизоды изъ египетскаго похода, когда генералъ разыгрывалъ роль Людовика XIV, удалялъ изъ арміи мужей красивыхъ женъ и появлялся публично, передъ всѣми войсками, въ сопровожденіи своихъ избранницъ... Законъ о разводѣ прошелъ, какъ желалъ Наполеонъ, и впослѣдствіи на основаніи этого закона, т. е. по единоличному желанію супруга, императоръ могъ развестись съ Жозефиной и жениться на австрійской принцессѣ. Не помышлялъ ли тонкій государственный мужъ о своемъ будущемъ, метая стрѣлы въ повальную безнравственность французской націи?

Но законодатели, бравшіе взятки изъ рукъ перваго консула, никакими вопросами, конечно, не задавались, личныхъ вопросовъ впрочемъ и не допустилъ бы господинъ: за одобреніе и молчаніе онъ платилъ чистыми деньгами и имѣлъ право требовать выполненія условій.

Бывали наивные люди, серьезно принимавшіе свою обязанность вести пренія и возражать Бонапарту. Но у него было самое вѣрное средство привести ораторовъ къ порядку.

«Съ Наполеономъ случались страшныя вспышки. Когда у него не хватало доводовъ противъ собесѣдниковъ, ему противорѣчившихъ, онъ давалъ понять самъ свое неудовольствіе сухими отвѣтами, и если осмѣливались ему возражать, онъ выходилъ изъ себя и впадалъ въ дерзости».

Такъ разсказываетъ Коленкуръ [22]). Этому образцовому слугѣ своего господина приходилось весьма часто уходить отъ императора. Такое поведеніе дѣйствовало на властителя: онъ смягчался, и, несомнѣнно, будь у Наполеона побольше людей, не утратившихъ сознанія своего достоинства и смѣлости защищать его, нравъ цезаря не развился бы до такого чудовищнаго самообожанія и самовластія. Но несчастіе Франціи и самого ея владыки заключалось въ удручающемъ «безлюдьи» бонапартовской эпохи,—безлюдьи въ смыслѣ личнаго и гражданскаго мужества. Коленкуръ съ своей манерой бѣжать отъ разгнѣваннаго господина покажется намъ героемъ рядомъ съ невѣроятнымъ раболѣпствомъ военныхъ,

---

22) Duc de Vicence I, 317—318.

гражданскихъ и духовныхъ сановниковъ, и въ особенности «идеологовъ» и «метафизиковъ», т. е. писателей. Наполеонъ, мы увидимъ, и самъ не ожидалъ такого дѣйствія своей власти и на первое время не могъ скрыть изумленія—предъ усердіемъ своихъ подданныхъ—становиться въ положеніе безсловесныхъ животныхъ.

Въ томъ же самомъ государственномъ совѣтѣ ему подчасъ надоѣдало одному ораторствовать вкривь и вкось при неизмѣнномъ безмолвномъ восторгѣ законодателей. «Согласитесь, что очень легко быть умнымъ на этомъ креслѣ», воскликнулъ онъ разъ, указывая на свое предсѣдательское мѣсто.

Это восклицаніе дѣйствительно было «огненной стрѣлой» не только противъ покорныхъ рабовъ, но и противъ самого господина, и если бы Наполеону почаще приходили на умъ такія свѣтлыя мысли, онъ, вѣроятно, дешевле оцѣнилъ бы свою «желѣзную голову», «счастливую руку» и такъ-называемый «практическій смыслъ» — *l'esprit de la chose*, какъ онъ самъ выражался. Онъ увидѣлъ бы, на какомъ пьедесталѣ построено величіе и почему это величіе выросло съ такой головокружительной быстротой. Наполеонъ вопросъ рѣшалъ неправильно, односторонне, всѣ успѣхи приписывалъ своему исключительному генію и своей звѣздѣ. Полное рѣшеніе вопроса только изрѣдка мелькало предъ глазами упоеннаго счастливца и онъ никакъ не могъ додуматься до самой простой, единственно вѣрной и для него благодѣтельной идеи: я великъ не только потому, что у меня есть звѣзда, но и потому еще, что кругомъ царствуетъ темная ночь духовнаго ничтожества, безличія, малодушія, политической бездарности и даже настоящаго подлиннаго слабоумія и мелкой, чисто торгашеской продажности.

Но естественно ли было такъ разсуждать солдату на высотѣ величайшей государственной власти? Онъ зналъ, чего стóятъ купленные имъ слуги, и это знаніе доставляло ему только лишнее удовольствіе — презирать ихъ и бросать имъ въ лицо презрѣніе. Въ изгнаніи онъ такъ выражался о своихъ законодателяхъ и правителяхъ: «государственный совѣтъ былъ его мыслью въ процессѣ обсужденія; министры, въ свою очередь, были его мыслью въ исполненіи» [23]). Въ этихъ словахъ вся система Наполеона: онъ не только управлялъ Франціей, снабжалъ ее законами,—онъ стремился быть самолично на каждомъ административномъ посту. Для Наполеона Франція представляла нѣчто въ родѣ его домашняго хозяйства въ самомъ узкомъ мѣщанскомъ смыслѣ. Мы ви-

[23]) «L'Empereur employait individuellement les conseillers d'Etat à tout, disait-il, et avec avantage. En masse, c'était son veritable conseil, sa pensée en délibération, comme les ministres sa pensée en exécution». *Mem.* I, 153.

дѣли,—онъ придавалъ большое значеніе вопросу, сколько кусковъ сахару израсходовано на придворный чай, сколько императрица Жозефина тратитъ на прачку; цезарю случалось даже отправлять въ тюрьму портнихъ своей супруги за ея расточительность на туалеты [24]). Заботливость о семейномъ благочиніи шла еще дальше.

Наполеонъ не довѣрялъ умѣнью своей первой жены держаться соотвѣтственно высокому сану: Жозефинѣ, напримѣръ, надо отправиться на воды. По пути ей предстоятъ торжественныя встрѣчи, представится необходимость сказать кое-гдѣ нѣсколько словъ. Она можетъ допустить неловкость, безтактность, и вотъ императоръ диктуетъ 21 страницу большого формата подробнѣйшихъ инструкцій, гдѣ указаны даже вопросы и отвѣты Жозефины во время всего ея путешествія.

Подобные факты изумляли слугъ Наполеона и ихъ изумленіе находитъ сочувствіе у того же новѣйшаго французскаго историка: на его языкѣ это называется обладать «необъятнымъ количествомъ положительныхъ свѣдѣній» [25]).

Но, вѣдь, наполеоновскія наставленія ни болѣе, ни менѣе, какъ все тотъ же катехизисъ нравственности и благопристойности, какой у Мольера ревнивый комическій женихъ внушаетъ своей будущей женѣ. Въ комедіи это смѣшно, и отчасти каррикатурно, но можно ли серьезно говорить о размѣрахъ ума и свѣдѣній государственнаго человѣка по поводу хотя и не столь забавныхъ и глупыхъ уроковъ мужа своей легкомысленной супругѣ?

Такъ ежедневно поступаютъ самые обыкновенные буржуа-педанты и никто не думаетъ возводить ихъ въ геніевъ,—совершенно напротивъ.

Дальше, Наполеонъ даетъ уже совершенно курьезную програму брату Іосифу, сначала неаполитанскому, а потомъ испанскому королю. Бѣднякъ не умѣлъ царствовать такъ же, какъ Жозефина—играть роль императрицы, и вотъ, всюду поспѣвающій цезарь посылаетъ ему своего рода зерцало королевской власти. Вы можете подумать,—мысли насчетъ управленія подданными. Отнюдь нѣтъ. Императоръ настаиваетъ на болѣе положительныхъ вопросахъ: въ какой обстановкѣ Іосифъ долженъ ложиться спать, кто и какъ долженъ его стеречь, какъ обязаны стучаться въ дверь его спальни... [26]).

---

[24]) M-lle Despreaux, модистка Жозефины, была посажена въ Бисетръ. Ср. Lévy. *Ib.* p. 174.

[25]) Тэнъ. *Ib.* p. 40, rem. 1: «on parvient à concevoir l'immencité de ses informations positives».

[26]) *Correspondance de Napoléon*, XII, 423.

Но должны же быть, при такой внимательности къ положенію брата, и государственные совѣты? Они есть, и мы заранѣе можемъ догадаться какого рода.

Добродушный Іосифъ хочетъ облагодѣтельствовать своихъ подданныхъ, пріобрѣсти ихъ расположеніе и съ этой цѣлью уничтожить пока ненавистнѣйшій изъ налоговъ — на соль. Наполеонъ крайне недоволенъ этими проектами. Онъ считаетъ немыслимымъ искать любви у народа, которымъ владѣешь по праву войны съ 40 или 50 тысячами иностраннаго войска. А касательно налога на соль—Наполеонъ установилъ его во Франціи, какъ же братъ смѣетъ его отмѣнить въ Неаполѣ? Да и чѣмъ онъ будетъ содержать войско? Въ результатѣ — волшебный кругъ: во что бы то ни стало требуется армія, но чтобы содержать ее — нуженъ налогъ на соль, а при такомъ налогѣ и при арміи—немыслимы добрыя чувства со стороны итальянцевъ. И Наполеонъ не замѣчаетъ противорѣчія: вѣдь, если отмѣнить налогъ, пожалуй, исчезнетъ и необходимость арміи.

Цезарь идетъ дальше.

«Я желалъ бы, чтобы неаполитанская чернь возмутилась; пока вы не покажете примѣръ, вы не будете господиномъ. Я отнесся бы къ бунту въ Неаполѣ, какъ отецъ семьи относится къ оспѣ у своихъ дѣтей: лишь бы она не очень истощила больного,—въ сущности это спасительный кризисъ» [27]).

Подобная государственная мудрость говоритъ сама за себя и не требуетъ никакихъ разъясненій и критики. Повсюду—*le droit canon* противъ *звучныхъ фразъ* (phrases sonores).

Это право у Наполеона было тѣмъ оргинально, что съ одинаковой настойчивостью примѣнялось въ важнѣйшихъ политическихъ вопросахъ и въ будничныхъ мелочахъ, часто пошлыхъ и презрѣнныхъ. «Необъятность положительныхъ свѣдѣній» Наполеона простиралась на такія обстоятельства и предметы, какими врядъ ли когда интересовался уважающій себя правитель великаго государства.

Трудно перечислить всѣ области совершенно не политическаго характера, приковывавшія вниманіе цезаря. Онъ будто никакъ не не могъ отличить дѣйствительно государственнаго вопроса отъ фантазіи какого-нибудь захолустнаго феодала-крѣпостника или патріарха-самодура. Онъ, напримѣръ, распорядился вести статистику богатымъ невѣстамъ по округамъ Франціи. Въ таблицѣ противъ имени дѣвушки, помимо свѣдѣній объ ея движимомъ и

[27]) Письмо у Bondois. *O. c.* p. 196.
[28]) Duc de Vicence II, 179.

недвижимомъ имуществѣ, префектамъ рекомендовалось обозначать внѣшность, таланты, нравственность, религіозныя чувства. Съ такими списками въ рукахъ префектамъ рекомендовалось устраивать брачные союзы и цѣлесообразно распредѣлять богатства. Однажды Наполеону даже пришла мысль—повыдать замужъ по собственному усмотрѣнію всѣхъ дѣвицъ съ доходомъ выше 50.000 ливровъ. Планъ не осуществился въ такихъ размѣрахъ, но нѣсколько обрученій Наполеону удалось расторгнуть и по-своему выдать несчастныхъ дѣвицъ замужъ [29]).

Тэнъ признаетъ у Наполеона «универсальную компетенцію», и доказываетъ ее извѣстіемъ, что императоръ лично назначалъ даже низшихъ чиновниковъ и лично повышалъ ихъ [30]). Существуютъ именные приказы Наполеона даже на счетъ служителей разныхъ присутственныхъ мѣстъ. Современники императора судили нѣсколько иначе объ этой «универсальной компетенціи».

«Онъ хотѣлъ присутствовать всюду, поспѣвать во всемъ, быть единственнымъ правителемъ въ мірѣ. Но человѣкъ можетъ до такой степени разрывать собственную личность развѣ только шарлатанскимъ способомъ, потому что практика власти всегда попадаетъ въ руки второстепенныхъ исполнителей и они примѣняютъ деспотизмъ къ дѣлу по мелочамъ»» [31]).

Такъ пишетъ современница и свидѣтельница наполеоновской игры во всевѣдѣніе и вездѣсущіе. И факты съ роковымъ краснорѣчіемъ доказали справедливость ея сужденія. Лишь только стала меркнуть звѣзда цезаря, всѣ назначенные и, такъ сказать, созданные имъ префекты и другія власти предоставили его злосчастной судьбѣ, а сами бросились къ новому трону. Наполеонъ сколько угодно могъ совершать разнообразнѣйшія операціи съ чиновничьими списками, повергать въ изумленіе своихъ министровъ, а впослѣдствіи и ученыхъ историковъ — свѣдѣніями на счетъ карьеры офицеровъ и канцелярскихъ писцовъ, въ результатѣ отъ него ускользала самая сущность государственнаго правленія: его система не создала себѣ прочныхъ опоръ и вѣрныхъ защитниковъ, все ограничилось мертвымъ механизмомъ и бумажнымъ фокусничествомъ. Бонапартъ

---

[29]) Наполеонъ на о-вѣ св. Елены отвергалъ фактъ составленія статистическихъ таблицъ богатыхъ невѣстъ, когда объ этомъ заявилъ англійскій министръ въ палатѣ общинъ. «Quels plats mensonges!»—восклицалъ Бонапартъ, но оффиціальные документы подтверждаютъ вполнѣ дѣйствительность его забавнѣйшаго распоряженія въ эпоху неограниченной власти. *Mémorial* II, 668; Тэнъ, Ib. p. 330, rem. 1.

[30]) Тэнъ. *Ib.* p. 327.

[31]) *Staël.* XIII, 246.

часто доводилъ свои фокусы до смѣшного. Изъ сожженной Москвы, среди разлагающейся арміи, предъ лицомъ самого зловѣщаго исхода — императоръ даетъ инструкціи французскому театру въ Парижѣ...

Но это еще не все. Наполеонъ чувствовалъ въ теченіе всей жизни чисто мѣщанскую провинціальную наклонность къ сплетнямъ и темнымъ происшествіямъ. Его высшимъ удовольствіемъ было въ глаза дамамъ разсказывать ихъ интрижки, сплетничать на нихъ мужьямъ и, наоборотъ, поражать своихъ придворныхъ свѣдѣніями на счетъ ихъ закулисныхъ продѣлокъ [32]), изумлять самого Фуше подробностями, невѣдомыми даже этому прирожденному министру наполеоновской полиціи, и имѣть ежедневно отчетъ о поведеніи не какихъ-либо подозрительныхъ либераловъ и революціонеровъ, а просто—веселыхъ актрисъ [33]).

И подобная «компетенція» отнюдь не оставалась только интимнымъ удовольствіемъ императора. Мы уже знаемъ, какъ легко у него личный опытъ въ любовныхъ дѣлахъ превращался въ принципіальную основу законодательства. Такъ и здѣсь. Наполеонъ своими свѣдѣніями о домашнихъ дрязгахъ чиновниковъ пользуется въ правительственныхъ распоряженіяхъ вполнѣ серьезно и съ обычной настойчивостью.

Онъ, напримѣръ, разузналъ, что такой-то довольно важный чиновникъ у семейнаго очага отличается уступчивостью и безхарактерностью, во всемъ подчиняется женѣ. Въ результатѣ императоръ наотрѣзъ отказывается дать ему повышеніе, хотя о выдающихся служебныхъ способностяхъ и усердіи покорнаго мужа свидѣтельствуетъ самъ Коленкуръ и онъ же ходатайствуетъ за него предъ Наполеономъ. Коленкуръ добивается своего, но лишь потому, что онъ вообще находится въ исключительномъ положеніи.

Любопытенъ его разговоръ съ императоромъ. Цезарь въ восторгѣ отъ своей компетенціи въ кухонныхъ дѣлахъ своихъ подданныхъ. Онъ сравниваетъ себя съ волшебникомъ Калліостро и считаетъ его мелкимъ сравнительно съ собственными чудесами. Коленкуръ резонно замѣчаетъ ему, что онъ—министръ—хочетъ слѣдить только за администраціей, а не домашними обстоятельствами подчиненныхъ. Наполенъ другого мнѣнія: «Я хочу знать все, что̀ дѣлается»... [34])

И онъ дѣйствительно зналъ, но только не дальше частныхъ

---

[32]) Duc de Vicence I, 232.

[33]) Welchinger. *La censure sous le premier empire.* Paris 1882, p. 172, p. 244.

[34]) Duc de Vicence I, 159, 160.

«аппартаментовъ», какъ выражается Коленкуръ. Нельзя одновременно вести дневникъ похожденіямъ актрисъ и стоять на уровнѣ политическихъ нуждъ и интересовъ шестидесятимилліонной монархіи. Въ результатѣ «универсальная компетенція» сводится къ слѣдующему.

Фуше, прямо геніальный шпіонъ и интриганъ, никакъ не можетъ удовлетворить своего владыку. Императоръ, оказывается, всегда знаетъ больше, чѣмъ его министръ, и нерѣдко Фуше приходится выносить жестокія головомойки за недостатокъ бдительности.

И бывшему якобинцу трудно было соперничать съ цезаремъ. Въ распоряженіи послѣдняго находились полицейскіе таланты представителей самыхъ разнообразныхъ профессій, начиная съ лакеевъ и кончая писателями, въ родѣ г-жи Жанлисъ [35]). Наполеонъ имѣлъ всѣ основанія не довѣрять Фуше, откровенно цѣнившему свои услуги на вѣсъ золота. Приходилось имѣть собственную полицію, т. е. полицію надъ полиціей. И она была организована едва ли не лучше общегосударственной. Въ особенности одинъ сортъ агентовъ держалъ въ непрестанномъ ужасѣ высшее общество столицы и самый дворъ,—наполеоновскіе адъютанты и генералы его гвардіи. Кромѣ того, для всякаго общественнаго круга существовалъ особый надзоръ: для ученыхъ, коммерсантовъ, военныхъ. И ежедневно императоръ получалъ громадную корреспонденію исключительно полицейскаго содержанія, и съ одинаковой аккуратностью — въ Тюльери и Московскомъ кремлѣ [36]). И для Наполеона, конечно, этого сорта «компетенція» была самая необходимая, имѣла первостепенное значеніе. Передъ ней блѣднѣли и отступали на задній планъ всѣ другія государственныя дѣла.

И въ этой области императоръ дѣйствительно достигъ энциклопедическихъ познаній. Но каковы же были свѣдѣнія Наполеона за предѣлами полицейскихъ бюро и «черныхъ кабинетовъ»?

---

[35]) Кромѣ записокъ Фуше и другого наполеоновскаго министра полиціи Савари, воспоминаній Chaptal'я, министра внутреннихъ дѣлъ, существуетъ обширная спеціальная литература объ организаціи полиціи при первой имперіи, едва ли не самая поучительная для оцѣнки наполеоновскаго государственнаго генія. Объ услугахъ императору со стороны г-жи Жанлисъ обстоятельно сообщаетъ Савари; она особенно много способствовала гоненію на г-жу Сталь, поджигаемая чувствомъ ревности къ славѣ знаменитой писательницы. Ср. Welchinger. *O. e.* p. 167, rem. 1.

[36]) Этими свѣдѣніями мы обязаны Шапталю. Много интересныхъ данныхъ также въ запискахъ г-жи Rémusat и въ *Mémoires d'un bourgeois de Paris*, par le docteur L. Véron, Paris 1853, chap. II. Въ этихъ мемуарахъ представлена въ сжатой формѣ очень дѣльная характеристика вообще столичной атмосферы въ эпоху имперіи.

Здѣсь мы попадаемъ въ самую странную область, какую только можно представить. Наполеонъ имѣетъ дѣло съ *положительными фактами* только въ мелкихъ, второстепенныхъ отрасляхъ администраціи. Всѣ его общія идеи, представленія о высшихъ вопросахъ внутренней и внѣшней политики — сплошное недоразумѣніе. Онъ, дѣйствительно, «весь иллюзія», какъ выражается архіепископъ мехельнскій, одинъ изъ приближенныхъ сотрудниковъ императора [37]).

Дѣло въ томъ, что Наполеонъ столь же деспотически составлялъ свои понятія о предметахъ, какъ и управлялъ Франціей. И иного пути не было: знанія безусловно отсутствовали, быстро развившаяся самоувѣренность и чудовищное самолюбіе мѣшали властителю сознаться въ невѣдѣніи или ошибкѣ—все равно, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ [38]). Приходилось ограничиться собственной фантазіей и плоды ея навязывать дѣйствительности, въ противорѣчіе съ самыми вопіющими фактами и истинами.

И посмотрите, какъ Наполеонъ судитъ о Франціи и другихъ европейскихъ государствахъ, въ особенности объ Англіи, самой ненавистной и грозной для него націи. Это — какая-то сказка, поэма, бредъ разстроеннаго мозга, а не ясныя опредѣленныя мысли государственнаго дѣятеля.

Наполеонъ пересоздалъ въ своемъ воображеніи всю Европу. Онъ прежде всего совершенно не знаетъ Франціи и французскаго народа. Онъ не понимаетъ, какъ эта страна, столь единодушно возставшая противъ иноземцевъ въ 93 году, теперь, подъ властью Наполеона, въ минуту затменія его звѣзды, или равнодушно взираетъ на его участь и на появленіе иностранныхъ армій во Франціи или даже измѣняетъ имперіи [39]). Въ жилахъ націи течетъ, по прежнему, «французская кровь», говорилъ Наполеонъ, а поведеніе ея застало его совершенно врасплохъ. Онъ вполнѣ безотчетно управлялъ страной въ теченіи пятнадцати лѣтъ и ни разу не задумался, къ чему приведетъ его система, какъ она отразится на духѣ народа.

---

[37]) Наполеонъ въ изгнаніи съ величайшимъ презрѣніемъ отзывался о Прадтѣ, какъ о человѣкѣ, измѣнившемъ ему. *Mémorial* I, 470—71. Но это не мѣшаетъ выраженію аббата оставаться вполнѣ точнымъ и согласнымъ со всѣми болѣе или менѣе безпристрастными источниками.

[38]) У Boudois приведенъ любопытный отвѣтъ Наполеона одному члену государственнаго совѣта, поставившему-было въ тупикъ отважнаго ритора: «Vous m'avez forcé à me gratter la tempe: que cela ne vous arrive plus, et ne me poussez pas a bout». *Ib.* p. 152.

[39]) Duc de Vicence II, 208.

«Молчаніе и порядокъ», l'ordre et le silence [40])—пароль и лозунгъ наполеоновской имперіи, а что таится за этимъ молчаніемъ и какими жертвами водворяется порядокъ,—эти вопросы не существуютъ для великаго человѣка, то же самое и относительно другихъ государствъ и націй.

Меттернихъ пишетъ: «Я былъ изумленъ, встрѣтивъ у этого, столь удивительно одареннаго человѣка, совершенно ложныя идеи на счетъ Англіи, ея жизненныхъ силъ и ея умственнаго прогресса. Онъ не допускалъ мнѣній, противныхъ его собственнымъ, и пытался объяснять ихъ предразсудками, которые онъ осуждалъ» [41]).

И такъ вездѣ. Наполеонъ совершенно не знаетъ Испаніи и ея національное движеніе до конца остается для него загадкой. Онъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ значеніи католичества и вліяніи католическаго духовенства и папской власти среди народовъ романскихъ странъ. Онъ преувеличиваетъ до крайнихъ предѣловъ свой престижъ во Франціи и всемогущество своего государственнаго авторитета надъ всей націей. Его уму недоступна сущность общественныхъ и нравственныхъ потрясеній революціи, онъ даже въ изгнаніи будетъ считать важнымъ дѣломъ самую неудачную и во многихъ отношеніяхъ комическую мѣру—созданіе новой аристократіи изъ якобинцевъ [42]). И прочтите его разсужденія о ходѣ французской революціи; вы будете не менѣе Меттерниха поражены узкимъ и поверхностнымъ взглядомъ на великій переворотъ, совершившійся притомъ на глазахъ у Бонапарта.

«Карлъ I погибъ изъ-за того, что сопротивлялся, Людовикъ XVI потому, что не сопротивлялся».

«У Людовика XVI была регулярная армія, помощь иностранцевъ, двѣ конституціонныхъ партіи—дворянство и духовенство» [43]).

Неужели, философствуя такимъ образомъ, Наполеонъ не зналъ капитальнѣйшаго явленія революціи: именно попытки двора прибѣгнуть къ военной силѣ разожгли революціонныя страсти, вызвали возстанія парижанъ, а вмѣшательство иностранцевъ—прямо повлекло паденіе монархіи, гибель несчастнаго монарха.

И здѣсь же Наполеонъ указываетъ другой исходъ для Людовика XVI: перестать быть главой *феодаловъ* и стать вождемъ *націи*. Но вѣдь оба средства не имѣютъ между собой ничего общаго, и какъ можно было рекомендовать на выборъ одно изъ двухъ? Если необходимо было отречься отъ первыхъ двухъ со-

---

[40]) Welchinger. *Ib.* p. 85.

[41]) Metternich. *Mémoires* I, 107.

[42]) *Mém.* I, 363.

[43]) Mém. I, 540.

словій, тогда немыслимъ разговоръ объ арміи и иностранцахъ. А потомъ, что это значитъ *deux portions constitutionelles de la nation—la noblesse et le clergé?* Большинство духовенства шло рядомъ съ третьимъ сословіемъ, и, слѣдовательно, было *противъ* феодальной монархіи. *За нее* оставалась высшая аристократія духовная и свѣтская, сравнительно совершенно ничтожная *часть націи*, но за то и безусловно *не конституціонная*. Очевидно, у Наполеона царилъ полный хаосъ мыслей на счетъ величайшихъ событій современной ему исторіи, и только этимъ хаосомъ можно объяснить созданіе герцоговъ-якобинцевъ и принцевъ-авантюристовъ предъ лицомъ буржуазіи, гордой своимъ участіемъ въ нисправерженіи аристократическихъ привилегій и менѣе всего, конечно, склонной признать ихъ ради Фуше, Мюратовъ, Бертье, Савари... Если въ Сенжерменскомъ предмѣстьѣ смѣялись надъ дикими манерами новыхъ аристократовъ и весьма зло называли ихъ «дворянствомъ крови герцога Ангіенскаго», среди третьяго сословія обогащенные и раззолоченные рабы цезаря должны были возбуждать глубокую ненависть. Дальше мы познакомимся съ еще болѣе удивительными иллюзіями развѣнчаннаго цезаря, и предъ нами невольно предстанетъ вопросъ, какъ могла держаться власть, построенная на невѣроятныхъ недоразумѣніяхъ? Что она пала такъ же быстро, какъ и возникла, — это совершенно естественно. Но по истинѣ исключительное явленіе—ея существованіе, хотя бы, сравнительно, и кратковременное. Очевидно, подобную власть поддерживали другія силы, чѣмъ государственный геній властителя и его мнимая «необъятность положительныхъ свѣдѣній». Эти силы мы знаемъ,—точнѣе не силы, а повальное общественное безсиліе, крайняя запуганность непосредственно послѣ террора, а потомъ рабскіе инстинкты однихъ и laissez faire—другихъ,—лишь бы только не якобинцы и не терористы.

Наполеонъ зналъ силу инстинктовъ еще по корсиканскимъ опытамъ, но ошибался въ одномъ,—вѣрилъ устойчивости инстинктовъ, думалъ, разъ человѣкъ купленъ—его преданность обезпечена. Отсюда его пристрастіе къ презрѣннымъ личностямъ, безнадежно погибшимъ въ общественномъ мнѣніи. Онъ даже нарочно старался предварительно скомпрометировать человѣка, чтобы сдѣлать изъ него болѣе рѣшительнаго слугу [44]). Это, конечно, при

[44]) На этотъ счетъ удивительно единодушныя свѣдѣнія у m-me Staël и m-me Rémusat. Бонапартъ, пишетъ первая, стремился dépopulariser выдающихся личностей какимъ бы то ни было средствомъ, delier les hommes de l'honneur XIII, 258—59. M-me Rémusat: «Онъ думалъ, что настоящая манера привязать къ себѣ людей заключается въ томъ, чтобы скомпрометировать и даже погубить ихъ въ общемъ мнѣніи». *В. Евр.* 1880, VI, 646.

извѣстныхъ обстоятельствахъ довольно выгодный разсчетъ. Но вѣдь слуга, пріобрѣтенныйтакими средствами, всегда можетъ быть перекупленъ другимъ господиномъ. Такъ именно и произошло съ главнѣйшими помощниками Наполеона, Фуше и Талейраномъ.

Еще важнѣе было недоразумѣніе на счетъ психологіи тѣхъ, кто сначала искренне призналъ власть Наполеона. Бонапартъ не понималъ настроенія людей, запуганныхъ и застигнутыхъ грозой, готовыхъ укрыться подъ какую угодно кровлю, лишь бы спастись отъ опасности. Но гроза пронесется, страхъ уляжется, и спасшіеся непремѣнно станутъ искать лучшаго пристанища, начнутъ помышлять объ удобныхъ и просторныхъ жилищахъ. Диктатура была хороша на слѣдующій день послѣ террора, ее даже могли не замѣчать, отождествлять съ миромъ и порядкомъ. Но диктатура длящаяся, безпрестанно усиливающая свой гнетъ, являлась внѣ самыхъ естественныхъ и разумныхъ потребностей времени и общества.

Въ результатѣ, съ каждымъ годомъ между Наполеономъ и Франціей образовывалась все болѣе глубокая пропасть. Онъ съ закрытыми глазами шелъ по разъ принятому пути, и въ недугѣ самообожанія и самоочарованія не замѣчалъ, что каждый шагъ приближалъ его къ полному нравственному и политическому одиночеству и роковому разладу съ націей. Достаточно подобнаго ослѣпленія, чтобы усомниться въ государственномъ геніи корсиканца и отвергнуть у него даже право приписывать себѣ *l'esprit des choses* или *le tact des circonstances*. Ни того, ни другого не могло быть у человѣка, застигнутаго врасплохъ *обстоятельствами* и *событіями* въ минуту неудачъ. Наполеонъ не могъ опомниться, лишь только его постигъ первый ударъ: онъ въ одно мгновеніе оказался выбитымъ изъ сѣдла, — и мы увидимъ, какую жалкую роль пришлось разыграть этому «проницательному государственному человѣку», врагу утопій и теорій, «привыкшему пользоваться собственными глазами» [45]).

Мы знаемъ,—эти глаза были обращены исключительно на одну сторону человѣческой природы и политическихъ условій Франціи. Современный историкъ восхищается отвращеніемъ Наполеона къ «книжнымъ формуламъ, клубнымъ фразамъ», къ гуманному оптимизму. Наполеонъ видѣлъ только «реальнаго человѣка, цѣльнаго и живого, съ глубокими инстинктами и неистребимыми потребностями» [46]).

---

[45]) Выраженія Тэна. *Ib.* p. 170.

[46]) *Ib.* p. 171—72.

Восторгъ историка преисполненъ легкомыслія. Именно представленіе Наполеона о «реальномъ человѣкѣ» и погубило его счастье и власть. Этотъ реальный человѣкъ оказывался ни болѣе, ни менѣе, какъ натуральнымъ «человѣкомъ звѣремъ». Кромѣ инстинктовъ, Наполеонъ рѣшительно ничего не хотѣлъ признавать и понимать.

Общія идеи, принципы, личная самостоятельность, личныя жертвы во имя общаго блага—все это языкъ боговъ для Наполеона. Даже въ трагедіи онъ не могъ допустить благородныхъ чувствъ, не вѣрилъ, напримѣръ, будто Августъ, въ пьесѣ Корнеля, могъ простить заговорщика Цинну, а людей, толкующихъ объ убѣжденіяхъ и нравственности, считалъ просто смѣтливыми людьми: они только хотѣли подороже продать себя [47]). Коленкуръ сообщаетъ любопытный фактъ. Когда палата депутатовъ во время ста дней рѣшила серьезно воспользоваться конституціонными правами, Наполенъ — авторъ конституціи по необходимости — никакъ не могъ помириться съ такимъ поведеніемъ парламента. Онъ все допытывался, какіе *личные* мотивы руководятъ народными представителями, что̀ одинъ изъ самыхъ отважныхъ ораторовъ имѣетъ *лично* противъ него—императора? [48]). Принципіальныхъ побужденій Наполеонъ не могъ допустить у кого бы то ни было — по натурѣ и, казалось ему, по опыту.

Очевидно, въ теченіе всего правленія Бонапартъ имѣлъ дѣло не только съ воображаемой Франціей и фантастической Европой, но и вообще съ *нереальными* людьми. Какъ печально ни было положеніе французскаго народа, какъ ни обезкровила революція верхи націи, опирать неограниченную власть только на инстинкты, значило строить зданіе развѣ только съ двумя углами на прочномъ основаніи, другіе два висѣли въ воздухѣ и зданіе должно было неминуемо рухнуть, не въ силу фатальностей и непонятныхъ стеченій обстоятельствъ, какъ думалъ Наполеонъ, а въ силу самой его системы, въ силу сущности его личнаго нравственнаго міра и личныхъ общихъ воззрѣній.

Эта система получила послѣдній штрихъ кисти художника въ учрежденіи, стяжавшемъ крайне печальную славу въ наше время, въ орденѣ почетнаго легіона [49]). И съ самаго начала, даже по

---

[47]) Staël XIII, 257, 259. M-me Rémusat. В. Евр. *Ib*. стр. 656. Staël XV, 15 (*Dix années d'exil*). Chaptal.

[48]) Duc de Vicence II, 180—183.

[49]) Извѣстно, что орденъ давно сталъ предметомъ торговли, и минувшимъ лѣтомъ палата депутатовъ принуждена была заставить выйти въ отставку весь совѣтъ почетнаго легіона, развившій невѣроятно скандальную дѣятельность. Вотумъ палаты оказался почти единогласнымъ.

мысли учредителя, орденъ носилъ тлетворные задатки. Развить ихъ постарался самъ цезарь.

Мы знаемъ, съ какой страстью древняя вѣковая знать принялась выполнять обязанность придворныхъ у новаго властителя. Мы видѣли быстрое превращеніе Брутовъ и Катоновъ революціи въ лакеевъ и шпіоновъ. Почетный легіонъ долженъ былъ завершить процессъ. Наполеонъ отлично понималъ сущность своего новаго замысла. Для него орденъ былъ одной изъ «побрякушекъ, съ помощью которыхъ управляютъ людьми» [50]). И онъ былъ правъ. Если до послѣдняго времени французъ готовъ принести всевозможныя жертвы ради красной ленточки, сто лѣтъ назадъ его гипнотизировалъ видъ ордена. Никакая конституціонная идея и никакое республиканское чувство не въ силахъ были противостоять «лентамъ» и «игрушкамъ», какъ выражался тотъ же Наполеонъ. Не даромъ еще коммиссары конвента такъ заботились о своихъ мундирахъ и о пышной обстановкѣ своихъ путешествій [51]). Надо было удовлетворить эту національную страсть, и любопытно, что Наполеонъ и здѣсь могъ, при желаніи, сослаться, на любимаго писателя своей юности — Руссо. Философъ въ проектѣ польской конституціи отводитъ очень видное мѣсто медалямъ и внѣшнимъ знакамъ отличія [52])...

Современники подробно разсказываютъ торжество раздачи первыхъ крестовъ. Сначала 14-го іюля 1804 года въ годовщину взятія Бастиліи, а потомъ 16 августа 1804 г. по поводу годовщины дня рожденія императора, въ первый разъ — во дворцѣ Инвалидовъ, во второй—въ Булонскомъ лагерѣ, на берегу океана, въ виду флота, предназначеннаго для завоеванія Англіи, состоялась присяга легіонеровъ и раздача ордена. Около двухъ тысячъ барабановъ, несмѣтная толпа зрителей, торжественность акта совершенно вскружили головы и героямъ, и публикѣ. Красивыя дамы просили позволенія броситься въ объятія воинамъ, украшеннымъ крестами, хозяева ресторановъ предлагали тѣмъ же счастливцамъ даровое угощеніе... Наполеонъ и здѣсь достигъ на первое время громаднаго успѣха, и орденъ въ его рукахъ получилъ значеніе магическаго жезла, наравнѣ съ деньгами и титулами превосходно усыплявшаго совѣсть и разумъ якобинцевъ, роялистовъ и просто французовъ.

Много лѣтъ спустя Наполеонъ съ гордостью вспоминалъ о

---

[50]) Thibaudeau. Mémoires, p. 83.

[51]) Напримѣръ, разсказъ о прибытіи коммиссаровъ къ Тулону во время осады въ *Mémorial* I, 78.

[52]) Rousseau. *Consid. Sur. Gouv. de Pol.*

своемъ искусномъ ходѣ. Желаніе получить орденъ становилось настоящей яростью, и она все возрастала, чѣмъ больше крестовъ раздавалось [53]). Оказалось, французы это отличіе цѣнили выше всего на свѣтѣ. Они могли допустить какой угодно деспотизмъ, примириться съ самыми вопіющими оскорбленіями гражданскому чувству и человѣческому достоинству, но возстали бы противъ неумѣстной, по ихъ мнѣнію, награды орденомъ. Императоръ такъ и не могъ украсить актера Тальма—очень любимаго и даже уважаемаго имъ—цезаремъ [54]).

Но для подданныхъ иного выхода—и не было. Наполеонъ все стремился пріурочить къ своей личности, уничтожить источники самостоятельной жизни во всей Франціи, и въ результатѣ развился страшный, всепоглощающій карьеризмъ. Въ войскахъ, безпрестанно истребляемыхъ и возобновляемыхъ, жажда повышенія превратилась въ настоящее безуміе, пятнадцатилѣтніе школьники умоляли родителей отпустить ихъ къ Наполеону, низшіе офицеры радовались смерти высшихъ, не смотря ни на какія личныя отношенія. Эгоизмъ и честолюбіе развивались до чудовищныхъ предѣловъ, когда предъ глазами была сказочная карьера самого цезаря и превращеніе какого-нибудь Мюрата въ короля, Бертье въ принца и такъ безъ конца. У самаго добродушнаго смертнаго невольно поднимались чувства зависти и злобы.

На гражданскомъ поприщѣ выходило еще хуже. На войнѣ требовалась, по крайней мѣрѣ, храбрость и физическая выносливость, въ канцеляріяхъ карьеры совершались иными путями. Какими именно, съ изумительнымъ единодушіемъ объяснили самъ Наполеонъ и г-жа Сталь. Уже подобное единодушіе вполнѣ краснорѣчиво и убѣдительно.

Наполеонъ въ изгнаніи отлично изображалъ своихъ чиновниковъ. Они проявляли неудержимую стремительность къ власти, собственно къ властвованію, старались затмить другъ друга распорядительностью и всезнайствомъ, и въ то же время отличались полной готовностью «подвергнуться рабству», по выраженію императора. Однимъ словомъ,—знакомые намъ деспоты и рабы въ одной и той же кожѣ. Конечно, поиски мѣстъ обуревали этихъ гражданъ и Наполеонъ умѣлъ превосходно угадать нравственный смыслъ явленія, что̀ съ нимъ случалось очень рѣдко. «Когда въ извѣстномъ классѣ стремятся къ должностямъ изъ-за денегъ, значитъ у націи исчезла истинная независимость, благородство и до-

[53]) *Mémorial* I, 364.
[54]) *Ib.* II, 294.

стоинство характера»[55]). Г-жа Сталь свидѣтельствуетъ, что Бонапартъ получалъ тысячи просьбъ на каждую должность и эти просьбы могли только укрѣпить его въ глубокомъ презрѣніи къ своимъ подданнымъ[56]).

Но такой результатъ являлся необходимой логической основой всей бонапартовской системы. Чтобы раскинуть по странѣ такую «сѣть», о которой восторженно говорилъ Наполеонъ, даже въ изгнаніи, надо было приспособить особыхъ исполнителей. Въ результатѣ систематическое растлѣніе націи, искушеніе слабыхъ и приниженіе сильныхъ. Процессъ начался съ маршаловъ и министровъ и долженъ былъ закончиться всѣми классами и сословіями имперіи. Наполеонъ, говоритъ очевидецъ, старательно «развивалъ у людей всевозможныя постыдныя страсти»[57]). Другой современникъ находитъ, что Наполеонъ «развратилъ людей въ короткій промежутокъ десяти лѣтъ больше, чѣмъ всѣ римскіе тираны съ Нерона до послѣдняго гонителя христіанъ»[58]).

Послѣднее выраженіе принадлежитъ писателю, мало надежному въ своихъ сужденіяхъ, но на этотъ разъ приговоръ подтверждается важнѣйшей отраслью внутренней бонапартовской политики,—важнѣйшей по его собственному признанію.

Императору, сравнительно, дешево обошлась купля маршаловъ и всякихъ сановниковъ, не потребовали большихъ усилій и солдаты, быстро превратившіеся изъ гражданъ республики въ преторіанцевъ, оказалось безконечно благодарнымъ и духовенство за возстановленіе католическаго культа, за правильное казенное содержаніе и прочія блага. Оно не знало, какимъ восторгомъ и увѣнчать цезаря. Онъ «видимое провидѣніе для націи», «Новый Августъ», земля приглашалась «замолчать и внимать въ молчаніи и благоговѣніи гласу Наполеона», а принцъ Роганъ, главный придворный капелланъ, письменно заявляетъ самому императору: *Le grand Napoléon est mon Dieu tutélaire.* Это было совершенно подъ стать сравненію Наполеона съ Богомъ, какое позволилъ себѣ одинъ изъ министровъ. Оно вызвало было протестъ цезаря, но въ другой разъ онъ съ удовольствіемъ читалъ надпись надъ своимъ трономъ: *Ego sum qui sum*[59]).

---

[55]) *Ib.* II, 403.

[56]) Staël XV, 39.

[57]) M-me Rémusat: «Il cultive soigneusement chez les gens toutes les passions honteuses». Ср. *В. Евр.* 1880, VII, 180.

[58]) Chateaubriand. *O. compl.* Bruxelles 1828, XXIV, p. 28. *De Buonaparte et des Bourbons.*

[59]) M-me Rémusat. *Ib.* стр. 172. Много любопытныхъ образчиковъ оффиціальной лести собрано у Lévy, *o. c.* livre VI, chap. II. Сравненіе цезаря съ

Все это казалось очень хорошо, но зданіе могло считаться увѣнчаннымъ лишь при одномъ условіи, если «система» не встрѣчала критики, а ея креатуры—насмѣшекъ и презрѣнія. Эти *rieurs* и *l'opinion publique*—исконная язва Франціи и въ особенности съ XVIII-го вѣка. Цезарь не могъ чувствовать себя спокойно, пока его величіе, и въ особенности артистическая «игра на инструментѣ власти» не были обезпечены отъ явныхъ или тайныхъ покушеній «метафизиковъ» и «идеологовъ». Правда, у него была полная фактическая возможность отнестись съ презрительнымъ равнодушіемъ къ подобнымъ гадамъ (vermine), но цезарь, мы видѣли, носилъ въ своей натурѣ роковыя типичныя черты мѣщанина во дворянствѣ. Объ общественномъ мнѣніи онъ выражался непечатной бранью [60]) и все-таки изнывалъ по этикету, вмѣшивался въ дамскіе туалеты, вообще старался быть государемъ comme it faut и приходилъ въ крайнее раздраженіе, если у него не признавали этого таланта [61]). Отсюда необычайно лихорадочный интересъ Наполеона къ нравамъ и разговорамъ парижскихъ аристократическихъ салоновъ, не исчезнувшій у него даже въ изгнаніи [62]), отсюда театральные эффекты безчисленныхъ придворныхъ церемоній рядомъ съ чисто корсиканскими манерами и солдатскимъ остроуміемъ властителя, отсюда, наконецъ, очень мѣткая характеристика Наполеона у русскаго современника его власти.

«Бонапарте умѣетъ торжествовать на полѣ сраженія, но не можетъ съ благородною твердостью отклонить тріумфъ въ Парижской оперѣ, умѣетъ предписывать законы побѣжденнымъ, но не знаетъ, какимъ языкомъ говорятъ законодатели, возвышаетъ достоинство короны своей побѣдами и унижаетъ ее площадными выраженіями. Будучи *мѣщаниномъ на тронѣ*, онъ знаетъ, что легче *взнестись* выше монарховъ, нежели съ ними *сравняться*» [63]).

богомъ принадлежитъ вице-адмиралу Депре, выговоръ Наполеона въ *Correspondance* XVII, 183, 22 moi 1808. Леви, конечно, забываетъ о надписи надъ трономъ и о благосклонномъ отношеніи къ ней императора.

[60]) Duc de Vicence I, 185.

[61]) Графъ Делаказъ, напримѣръ, разсказываетъ, въ какое негодованіе пришелъ Наполеонъ, когда прочиталъ въ англійскомъ журналѣ сообщеніе о своемъ туалетѣ: журналистъ находилъ, что Наполеонъ «дѣлалъ свой туалетъ en homme comme il faut». Развѣнчанный цезарь вышелъ изъ себя; неужели англичане считаютъ его за дикаря? *Mém.* I, 377.—О надзорѣ за дамскими костюмами. Duc de Vicence I, 50—51; Staël XIII, 223.

[62]) *Mém.* I, 478.

[63]) *Вѣстникъ Европы* 1806, у Добровина. *P. Blemu*, 1895, IV, 218. Восторженнѣйшій почитатель Наполеона, Леви, настаиваетъ на *le bon garçonisme bourgeois*—цезаря, забывая, что это качество въ положеніи Наполеона могло быть источникомъ самыхъ комическихъ и отнюдь не царственныхъ явленій.—

Мѣщанскія наклонности цезаря и его постоянныя муки выскочки вызвали небывалый въ исторіи Франціи гнетъ надъ общественной мыслью и литературой. Это—краснорѣчивѣйшее наслѣдіе, завѣщанное исторіи бонапартизмомъ и въ то же время жесточайшій изъ недуговъ, погубившихъ всю систему.

VI.

Начало конца.

О личномъ характерѣ Наполеона, его внутренней и внѣшней политикѣ, даже его военныхъ талантахъ могутъ быть разныя мнѣнія и для каждаго изъ нихъ не трудно подыскать опору и доказательство у современниковъ и сподвижниковъ императора.

Это не значитъ, конечно, будто и самые предметы такъ же двойственны или многообразны, какъ взгляды историковъ. Истина вездѣ и всегда одна, и всякая историческая задача рано или поздно должна рѣшиться въ одномъ опредѣленномъ направленіи, по крайней мѣрѣ, для большинства изслѣдователей. Только пути къ этому рѣшенію крайне затруднительны, сбивчивы и до безконечности извилисты. Такъ и въ наполеоновской жизни и личности.

Но касательно нашего героя существуетъ одинъ вопросъ, съ самаго начала не допускающій двухъ отвѣтовъ,—вопросъ, совершенно одинаково разрѣшаемый самимъ Наполеономъ, его министрами и писателями его эпохи.

Императоръ былъ непримиримымъ и необыкновенно озлобленнымъ врагомъ мысли и слова. Казалось, эти человѣческія способности просто своимъ существованіемъ повергали его въ отчаяніе и онъ терялъ голову въ неустанныхъ порывахъ искоренить ихъ, или, по крайней мѣрѣ, подорвать всѣ возможности и средства развитія.

«Императоръ, столь могущественный, столь побѣдоносный, безпокоится только объ одномъ, на счетъ людей, которые говорятъ, и, за отсутствіемъ ихъ, на счетъ тѣхъ, которые думаютъ» [1]).

Lévy, *o. c.*, livre IV. chap. X.—Что Наполеонъ дѣйствительно крайне внимательно слѣдилъ за настроеніями театральной публики, показываетъ слѣдующій эпизодъ. Однажды Наполеона встрѣтили въ оперѣ менѣе шумными аплодисментами, чѣмъ обыкновенно, онъ обратился къ одному изъ адъютантовъ и сказалъ: «Messieurs, il nous faudra bientôt entrer en campagne».—Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывали въ Парижѣ. Merlet. *Tableau de la litter. française*. Paris 1878, 12.

[1]) *Villemain. Souvenirs contemporains d'histoire et de litterature.* Paris 1862, I, 145.

Такъ выражается одинъ современникъ.

У другого читаемъ тождественную мысль:

«Бонапартъ съ ужасомъ относился къ самому невинному слову— *идеологія*, потому что оно означаетъ умозрительныя теоріи. Во всякомъ случаѣ, странно было съ его стороны бояться только тѣхъ, кого онъ называлъ *идеологами*, въ то время, когда вся Европа была вооружена противъ него» [2]).

Самъ Наполеонъ высказывался гораздо энергичнѣе о людяхъ пишущихъ и умѣющихъ говорить. По его мнѣнію, они неизбѣжно «лишены всякой солидности въ сужденіяхъ, у нихъ нѣтъ логики и они разсуждаютъ крайне плохо» [3]).

Особенное негодованіе вызывали у Наполеона общія идеи политическаго характера. Онъ не находилъ словъ заклеймить «темную метафизику», «идеальные вымыслы экономистовъ», и одинъ намекъ на философскую или экономическую теорію приводилъ его въ страшный гнѣвъ» [4]).

Это будто инстинктивная ненависть сына полудикаго племени къ культурѣ и просвѣщенію. Послѣ похода въ Египетъ Наполеонъ не переставалъ грезить о восточныхъ сказочныхъ завоеваніяхъ, о монгольскихъ герояхъ, Чингисханѣ, Тимурѣ, и о пророкѣ—Магометѣ, даже въ изгнаніи съ восторгомъ отзывался о восточныхъ порядкахъ и обычаяхъ, въ родѣ рабства и затворничества женщинъ [5]). Совершенно естественно и логически онъ заявлялъ глубокое отвращеніе къ «узамъ стѣснительной цивилизаціи», а это могло означать лишь одно: безпощадное гоненіе на свободное слово и просвѣтительную мысль [6]).

Слѣдовательно, извѣстная политика относительно литературы коренилась въ самой сущности наполеоновской натуры: здѣсь онъ былъ въ полномъ смыслѣ самимъ собой, неустанно энергичнымъ и идеально послѣдовательнымъ.

Особенно опасной и сложной борьбы Наполеону не предстояло въ области литературы такъ же, какъ не было подобной борьбы и на другихъ поприщахъ. Мы знаемъ простѣйшія средства, какими Бонапартъ привлекалъ на свою сторону сильныхъ и подчинялъ слабыхъ: подкупъ деньгами или почестями и запугиваніе опа-

---

[2]) Staël. XIII, 270.

[3]) Тэнъ. *O. c.* I, 326.

[4]) *Mémorial.* I, 721. Welchinger. p. 45: «cette ténébreuse métaphisique»; «les idéalités des économistes»...

[5]) *Mémorial.* I, 638.

[6]) «Les freins de la civilasation gênante». M-me Remusat. Русск. излож. *В. Е. Ев.* 1880, VI, 654.

лой или дѣйствительной карой. Противъ этого оружія одинаково не устояли ни Роганы, ни Фуше, ни потомки крестоносцевъ, ни члены революціонныхъ собраній и якобинскихъ клубовъ. Роялисты могли сколько угодно острить, что Наполеонъ изъ якобинскихъ шапокъ надѣлалъ ленточекъ для почетнаго легіона. Наполеонъ, съ своей стороны, могъ указать на свои переднія, на свиты и штабы свѣжеиспеченныхъ принцевъ, герцоговъ, переполненныя знатнѣйшей молодежью Франціи.

Та же исторія и съ литераторами.

Терроръ душилъ въ тюрьмахъ или губилъ на гильотинахъ вѣрнѣйшихъ защитниковъ гражданской свободы, въ родѣ Кондорсе и Андре Шенье. Лучшая благороднѣйшая кровь была расточена еще до появленія Бонапарта на тронъ. Ему предстояло имѣть дѣло съ такимъ же жалкимъ, нравственно-немощнымъ наслѣдствомъ въ области литературы, какое онъ нашелъ въ политикѣ.

Собственно два человѣка могли возбудить у властителя серьезное сомнѣніе на счетъ «стѣснительной цивилизаціи»: Шатобріанъ и г-жа Сталь.

Шатобріанъ быстро пріобрѣлъ громадную популярность—особенно въ аристократическомъ Сенжерменскомъ предмѣстьѣ. Изъ глубины Бретани онъ явился настоящимъ паладиномъ давно вымершаго рыцарства, религіознымъ, мечтательнымъ, героическимъ. Ничего общаго не имѣлъ онъ съ революціоннымъ движеніемъ, чувство отвращенія охватывало его при видѣ парижской демократіи: въ день смерти Мирабо, т. е. въ началѣ самой горячей смуты, онъ отплылъ изъ Франціи въ Америку—наслаждаться природой и «естественнымъ состояніемъ» среди подлинныхъ ирокезовъ. Потомъ вернулся, принималъ участіе въ трагикомедіи эмигрантской борьбы съ революціонными войсками, спасся въ Лондонъ, жилъ въ бѣдности и развлекался романическими приключеніями, ожидая ясной погоды въ отечествѣ.

Ждать пришлось не долго. Первый консулъ водворилъ порядокъ и, какъ основу его, задумалъ возстановить связи Франціи съ римскимъ престоломъ. Тогда настало время рыцарственнаго мечтателя. Онъ вернулся во Францію, и одновременно въ соборѣ Парижской Богоматери раздалось *Te Deum* по случаю заключенія конкордата и вышла въ свѣтъ книга—*Геній христіанства*, т. е. римскаго католичества. Она стремилась къ той же цѣли, какую имѣлъ въ виду и первый консулъ, только другими путями: возстановлять авторитетъ церкви при помощи поэзіи. Бонапартъ хотѣлъ показать, что католичество *необходимо*, а Шатобріанъ, что оно необыкновенно *прекрасно* и недосягаемо *поэтично*.

Еестественно, оба возстановителя должны были встрѣтиться. Въ предисловіи къ книгѣ первый консулъ именовался Киромъ, освободителемъ израиля, и авторъ—«безвѣстный израильтянинъ» льстилъ себя надеждой принести свою «крупицу песка» для вновь созидаемаго зданія. Первый консулъ узнавалъ, что тридцать милліоновъ христіанъ у алтарей молятся за него, народы взираютъ на него, Францiя возлагаетъ на него надежду...

Подобныя рѣчи нѣкоторымъ образомъ предвѣщали грядущее превращеніе консула въ императора.

Очевидно, талантливѣйшій поэтъ эпохи былъ пока завоеванъ, и Шатобріанъ, не знавшій себѣ равнаго, по какимъ угодно литературнымъ и политическимъ талантамъ, считалъ себя въ правѣ ожидать великихъ милостей. Но Бонапартъ держался другихъ взглядовъ на государственныя способности писателей вообще, и на геніальность Шатобріана въ частности. «Пишущій человѣкъ» не способенъ ни на какое дѣло и не пригоденъ ни на какой административный постъ,—таково было глубокое убѣжденіе Наполеона, и онъ могъ наградить Шатобріана развѣ только второстепенной дипломатической должностью. Надменный Ренэ не могъ простить подобной дерзости и томился духомъ. Подоспѣла казнь герцога Ангіенскаго—безусловно дѣло преступное и вовсе не оправдываемое опасностью роялистскихъ заговоровъ,—дѣло разсчитаннаго террора и открытаго вызова. Такъ объяснялъ самъ Бонапартъ, желавшій внушить ужасъ бурбонской партіи наканунѣ провозглашенія имперіи [7]).

Шатобріану надлежало стать во главѣ возмущеннаго общественнаго мнѣнія стараго дворянства, и поэтъ дѣйствительно отказался отъ своего поста и отправился въ Палестину, чтобы на возвратномъ пути—въ Альгамбрѣ, имѣть свиданіе съ нѣкоей романической особой: она именно возложила на рыцаря столь тягостный подвигъ.

Ясно, императору нечего было безпокоиться на счетъ шатобріановскаго настроенія духа. О поэтѣ даже забыли во время его пилигримства, но онъ явился, издалъ новую поэму—*Мученики* и поднялъ новый шумъ. Наполеонъ былъ радъ шуму: все-таки чѣмъ-нибудь занимались праздные языки, и дѣлалъ свое дѣло,—между прочимъ, по случаю роялистскаго заговора въ Бретани приказалъ разстрѣлять родственника Шатобріана. Поэту совѣтовали обратиться къ императору съ письменной просьбой о помилованіи, но Шатобріанъ предпочелъ переслать Наполеону *Мучениковъ*, вѣруя въ неотразимость своего таланта.

---

[7]) *M-me Rémusat. Ib.* стр. 673 etc.

Родственникъ, конечно, былъ казненъ, и Наполеонъ имѣлъ случай сдѣлать очень мѣткое замѣчаніе о Шатобріанѣ и объяснить, какъ надлежало относиться къ первостепенной силѣ современной литературы.

«Мнѣ надобно показать примѣръ въ Бретани, чтобы избѣжать множества мелочныхъ политическихъ преслѣдованій. Это подастъ поводъ Шатобріану написать нѣсколько поэтическихъ страницъ, которыя онъ будетъ читать въ Сенжерменскомъ предмѣстьѣ. Прекрасныя дамы станутъ плакать, и вы увидите, — это его утѣшитъ» [8]).

Наполеонъ былъ совершенно правъ. У эффектнаго и необыкновенно краснорѣчиваго Ренэ былъ неисчерпаемый источникъ пламенныхъ, демоническихъ стихотвореній въ прозѣ, бездна разочарованія, даже отчаянія, и ни единаго прочнаго политическаго убѣжденія, а безъ этого, конечно, немыслимо истинное гражданское мужество. Разумѣется, у Наполеона—неумолимаго гонителя въ другихъ случаяхъ, для Шатобріана всегда была въ запасѣ добродушная насмѣшка, а подчасъ любезность и награда. Иного обращенія театральные демоны и не заслуживаютъ ни при какихъ условіяхъ.

Совершенно иная судьба выпала на долю современницы Шатобріана,—г-жи Сталь. Здѣсь Наполеонъ развернулъ всѣ тайны своей восточной души и всѣ пріемы мстительной корсиканской политики.

Г-жа Сталь, можно сказать, уже своимъ существованіемъ неминуемо вызывала ненависть Бонапарта. Прежде всего, она была женщиной—говорящей и даже пишущей, а мы знаемъ, по мнѣнію Наполеона, женщины должны «вязать чулки». Потомъ, г-жа Сталь принадлежала къ ядовитѣйшей, на взглядъ Наполеона, породѣ француженокъ: держала салонъ, принимала у себя парижскихъ острослововъ, писателей, политиковъ. Наконецъ, г-жа Сталь была дочерью Неккера, бывшаго министра, несомнѣннаго либерала и послѣ революціи не прекращавшаго выпускать брошюры политическаго содержанія.

На счетъ опасныхъ идей г-жи Сталь Наполеонъ, впрочемъ, имѣлъ уже предшественниковъ, въ лицѣ директоровъ. Еще въ 1796 году она была на замѣчаніи, какъ сторонница *свободной* республики и имя ея стояло въ полицейскихъ спискахъ рядомъ съ именами другихъ, не менѣе подозрительныхъ лицъ: воровъ, дезертировъ, фальшивыхъ монетчиковъ. Г-жа Сталь обвинялась тогда въ «противореволюціонныхъ козняхъ» и нѣкоторымъ уже приходила мысль объ изгнаніи [9]).

---

[8]) *Ib.* VII, стр. 186.

[9]) Welchinger. p. 162—163.

Переворотъ 18-го брюмера вызвалъ г-жу Сталь на крайне опасный шагъ: она стала принимать у себя противниковъ наступающаго деспотизма Бонапарта, одинъ изъ нихъ, Бенжамэнъ Констанъ, членъ трибуната, отравлялъ перваго консула либеральными рѣчами. Ни для кого не было тайной, насколько близко отважный трибунъ стоялъ къ г-жѣ Сталь.

Но и безъ Констана достаточно было одного *салона*. Трудно представить, какое чувство внушало Бонапарту одно представленіе о просвѣщенной свѣтской гостиной: здѣсь ничтó не напоминало ни казармъ, ни лагеря, ни полицейскаго бюро, ни даже залъ императорскаго тюльерійскаго дворца.

Мы знаемъ, до какой степени Наполеону былъ ненавистенъ вообще Парижъ, но самое ужасное въ этомъ городѣ были салоны. Они, пишетъ современникъ, «приводили въ отчаяніе» Наполеона. «Этотъ человѣкъ, получившій воспитаніе въ военной кофейнѣ, сохранившій ея манеры, языкъ, не могъ не быть врагомъ всего, чтò составляетъ признакъ культурной городской жизни, и чтó сохраняетъ тѣнь свободы; безъ этой свободы немыслимо хорошее общество, и невозможно вообще человѣческое общежитіе. Наполеонъ чувствуетъ, что въ салонахъ надъ нимъ произносятъ судъ тѣ, кто ему подчиненъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ... Самыя низкія, самыя оскорбительныя выраженія безпрестанно сыплются у него противъ этого города, и я не сомнѣваюсь, что онъ тысячу разъ питалъ то самое желаніе на счетъ языковъ Парижа, какое извѣстный императоръ выражалъ по поводу головъ Рима» [10]).

«Жалкая игра словъ» салонныхъ остряковъ казалась Наполеону серьезной опасностью для его власти [11]), и за остроту очень легко было попасть въ тюрьму, даже въ домъ сумасшедшихъ. Такъ, напримѣръ, случилось съ однимъ поэтомъ. Онъ въ кафе отказался отъ лимоннаго мороженаго, заявивъ: «Je n'aime pas *l'écorse*», т. е. я не люблю *кожицы*, а для усердныхъ слушателей звучало: «je n'aime pas *les corses*».

Но въ салонахъ очень важную роль играли не столько поэты, сколько дамы. Отсюда изумительная война могущественнаго императора съ женщинами,—единственная въ своемъ родѣ историческая картина. Оффиціально извѣстно множество жертвъ *личнаго* гнѣва Бонапарта. Каждая отдѣльно мало интересна, но въ общемъ онѣ даютъ краснорѣчивѣйшую характеристику *государственнаго*

---

[10]) De Pradt. *O. c.* pp. 45—46.

[11]) «...Le miserable jeu de mots qu'emploient vos salons»,—слова генералу Нарбонну. Welchinger, p. 47.

генія французскаго цезаря. По времени и по достоинству во главѣ этихъ жертвъ стоитъ г-жа Сталь [12]).

Наполеоновская полиція тщательно слѣдила за салонами, и стбило гостямъ пошутить или избрать для своего разговора непріятную тему, Фуше немедленно предупреждалъ хозяевъ—получше «наблюдать за своимъ обществомъ»—*mieux surveiller leur societé*. Можно представить, въ какомъ положеніи оказывались хозяева, получившіе подобный, всегда вполнѣ серьезный, приказъ! Бывали случаи, совершенно почтенные люди доносили на *друзей* по самымъ страннымъ поводамъ изъ страха лично подвергнуться доносу [13]).

Салонъ г-жи Сталь при такихъ условіяхъ долженъ былъ попасть въ исключительное положеніе. Относительно хозяйки Наполеонъ выражался очень опредѣленно:

«Эта женщина учитъ мыслить тѣхъ, кому бы это и въ голову не пришло, и тѣхъ, которые этому разучились» [14]). А что касается салона, онъ, дѣйствительно, являлся очагомъ оппозиціи первому консулу: достаточно было Констана, чтобы набросить тѣнь на все общество г-жи Сталь.

Въ результатѣ—многолѣтняя исторія гоненій, мелкихъ придирокъ и еще болѣе—мелкихъ преслѣдованій и оскорбленій. Г-жа Сталь должна была расплачиваться за себя лично, за оппозицію Констана и за либерализмъ отца. Въ 1802 году Неккеръ выпустилъ книгу *Dernières vues de politique et de finances*, выражалъ сомнѣніе, чтобы генералъ Бонапартъ могъ основать во Франціи «наслѣдственную умѣренную монархію». Дочь жила въ это время съ отцомъ, въ его имѣніи Коппе. Консулъ поклялся, что г-жа Сталь болѣе не вернется въ Парижъ: «дочь человѣка, предлагающаго Франціи три формы правленія, въ то время, какъ я во главѣ государства!»...

Немедленно былъ учрежденъ неотступный полицейскій надзоръ за г-жей Сталь. Изъ его отчетовъ мы узнаемъ, когда г-жа Сталь пріѣзжала въ Парижъ, кого видѣла, когда ее посѣтилъ Констанъ. Газеты открыли, съ своей стороны, жестокую травлю по поводу романа *Дельфина*, переводя на свой языкъ отзывъ властителя о романѣ:

---

[12]) Staël. XIII, 202. Нѣкоторыя изгнанницы, далеко не всѣ, перечислены у Тэна. О. с. I, 205 rem. 1.

[13]) Напримѣръ, одинъ докторъ донесъ на своего друга, когда тотъ отозвался критически въ «городскомъ обществѣ» о состояніи медицины при имперіи. Тэнъ. *O. c.* II, 230, rem. 1, фактъ изъ *Notice sur l'interieur de la France*, Faber'a.

[14]) M-me Rémusat. *Ib.* VII, 189.

«Все это метафизика чувства, смута ума. Я не могу выносить этой женщины» [15]). Такъ какъ г-жа Сталь находилась въ разводѣ съ мужемъ,—не были пощажены и ея личная жизнь и нравственность. Особенно раздражали консула многочисленные визиты иностранцевъ и писательницъ. Наконецъ, въ февралѣ 1803 года, состоялось окончательное распоряженіе удалить г-жу Сталь не только изъ Парижа, а вообще изъ Франціи.

На самомъ дѣлѣ, гораздо хуже, чѣмъ изъ Франціи. Къ г-жѣ Сталь, вообще къ жертвамъ наполеоновскаго гнѣва вполнѣ примѣнима рѣчь Цицерона къ изгнаннику римскаго правительства: «Гдѣ бы ты ни находился, помни, что ты вездѣ одинаково находишься во власти побѣдителя» [16]). Всѣ правительства Западной Европы ни въ какомъ случаѣ не рѣшились бы навлечь на себя гнѣвъ консула, а потомъ императора,—изъ-за дочери Неккера. Изгнанія поражали всѣхъ, кто приближался къ отверженной: и мужчинъ, и женщинъ. Сама г-жа Рекамье, «красивѣйшая женщина Франціи» [17]), поплатилась ссылкой за визитъ въ Коппе.

Подобныя мѣры, конечно, не могутъ быть оправданы никакими государственными соображеніями, вообще политическимъ геніемъ. Трудно было настоящему политику, при наполеоновскомъ могуществѣ, унизиться до такой дѣятельности. Г-жа Рекамье остроумно и изящно отозвалась о ней: «Великому человѣку можно извинить слабость любить женщинъ, но бояться ихъ...» [18]).

Да, именно страхъ и другое, еще менѣе свойственное *великому* человѣку чувство — зависть, побуждали Наполеона съ *личной* яростью преслѣдовать г-жу Сталь, ея знакомыхъ и даже полицейскихъ префектовъ, не расположенныхъ слишкомъ тѣснить и оскорблять ее. Онъ не могъ удовлетвориться надзоромъ оффиціальной полиціи, устроилъ свою собственную *личную*, упрекалъ самого Фуше, что онъ далеко не все знаетъ о поведеніи г-жи Сталь, и хвалился что онъ—иимператоръ—можетъ привести даже прирожденнаго шпіона въ изумленіе обиліемъ своихъ частныхъ свѣдѣній [19]).

Это борьба не государя, не хранителя общественнаго порядка съ нарушителемъ, а *личный* разсчетъ сильнаго съ слабымъ. Неотъемлемый признакъ истиннаго душевнаго величія и нравственнаго достоинства—отсутствіе зависти и мелочнаго самообожанія. Наполеонъ страдалъ этими недугами отнюдь не больше, чѣмъ

---

[15]) Welchinger. № 165.

[16]) *Ad Familiares*, IV, 7.

[17]) Staël. XIII, 204.

[18]) Welchinger. 199.

[19]) *Correspondance de Napoléon.* XV, 1807.

необъятнымъ честолюбіемъ—разыграть роль основателя новой міровой религіи и гражданской власти.

Бонапартъ не могъ терпѣть рядомъ съ собой вообще какую бы то ни было самостоятельную силу, избралъ самый легкій путь къ величію и престижу—дѣйствовать среди посредственностей, ничтожествъ и рабовъ. И онъ даже не скрывалъ этого, давая самые отчаянные отзывы объ умственныхъ способностяхъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ. Пріемъ обоюдоострый и, несомнѣнно, наивный: если маршалы и министры являлись столь жалкими по уму и талантамъ, какая же заслуга быть среди нихъ первымъ?

Но зависть и эгоизмъ способны были до конца ослѣпить корсиканца, попавшаго на тронъ. Маршалы постоянно жаловались на «эгоизмъ, коварство, даже ненависть и зависть» императора, и мы видѣли его произволъ въ распредѣленіи славы генераламъ, совершенно независимо отъ дѣйствительныхъ фактовъ.

То же самое и въ литературѣ. Одинъ академикъ съ неподражаемой наивностью выразилъ сущность литературной политики Наполеона. Онъ въ оффиціальномъ отзывѣ выражалъ неудовольствіе на Шатобріана: тотъ не продолжалъ льстить монарху, который «позволилъ ему извѣстность»—«qui lui avait permis la celebrité»... Очевидно, «механизмъ бюллетеней» былъ признанъ вполнѣ законнымъ явленіемъ во всѣхъ областяхъ французской жизни при Наполеонѣ.

И вотъ г-жа Сталь хотѣла быть и становилась извѣстной *безъ позволенія!* Современники изъ самыхъ разнообразныхъ лагерей единогласно указываютъ на *зависть* властителя, какъ главнѣйшую причину несчастій писательницы. «Почести, окружавшія г-жу Рекамье и г-жу Сталь, затмевали его, какъ оппозиція его правительству». Такъ выражается одинъ изъ членовъ государственнаго совѣта [22]). Оппозиція, потому только что извѣстный человѣкъ талантливъ и интересенъ для другихъ! То же самое повторяетъ и придворная дама [23]).

Легко представить, какая участь предстояла *сочиненіямъ* г-жи Сталь. Настоящая драма загорѣлась по поводу книги *О Германіи.*

---

[20]) M-me Rémusat. *Ib.* VII, 183.

[21]) Welchinger. 140, rem. 2. Академикъ графъ Реньо.

[22]) Pelet de la Lozère, ср. Welchinger. 168, rem.

[23]) M-me Rémusat. «Мнѣ случалось слышать иногда отзывы Бонапарта о г-жѣ Сталь. Ненависть его къ ней питалась отчасти завистью, какую внушало ему всякое превосходство, съ которымъ онъ не могъ справиться, и его рѣчи были пропитаны такой горечью, что возвеличивали ее противъ его воли, а его унижали въ глазахъ тѣхъ, кто его слушалъ, владѣя всѣми своими умственными способностями». *Ib.* VII, 189.

Ничего политическаго въ ней не было, г-жа Сталь желала только заинтересовать французовъ нѣмецкой литературой и философской мыслью, — но Наполеонъ былъ убѣжденъ, что «политику дѣлаютъ, говоря о литературѣ, морали, объ искусствахъ, обо всемъ на свѣтѣ» [24]), и книга въ количествѣ десяти тысячъ отпечатанныхъ экземпляровъ была уничтожена, отъ автора потребовали рукопись, и министръ полиціи заявилъ, что воздухъ Франціи нездоровъ для г-жи Сталь [25]). Намекъ тонкій и въ то же время краснорѣчивый; но онъ отнюдь не означалъ, что г-жа Сталь можетъ отправляться на всѣ четыре стороны. Напротивъ, она должна была съ этого времени состоять подъ домашнимъ арестомъ, въ особенности отказаться отъ мысли уѣхать въ Англію. Г-жа Сталь принялась изучать карту Европы, ища убѣжища, и остановилась на Россіи. Безъ всякаго багажа, въ открытой каретѣ, съ однимъ вѣеромъ въ рукахъ, въ неописуемомъ нервномъ состояніи, плѣнница бѣжала черезъ Австрію, Польшу въ Россію и прибыла въ Москву всего за нѣсколько недѣль до появленія въ стѣнахъ Кремля наполеоновскихъ войскъ...

По истинѣ безпримѣрная борьба могущественнаго монарха съ женщиной изъ-за того, что она не захотѣла «вязать чулковъ», а писала книги и говорила, какъ «идеологъ». И борьба тѣмъ болѣе замѣчательная, что на одной сторонѣ были рѣшительно всѣ средства: полиція, страхъ власти и литература. Да, она сослужила Наполеону большую службу. «Журналы получили приказаніе бранить ее; всѣ напустились на нее безъ всякаго великодушія», — пишетъ современница, далеко не другъ г-жи Сталь [26]), — и во главѣ застрѣльщиковъ шли лучшіе критики и популярнѣйшіе писатели эпохи, въ родѣ Фонтана, Мишо, Шатобріана. Автора *Духа христіанства,* помимо правовѣрной католической аффектаціи, обуревала еще и зависть къ громкому имени и драматической судьбѣ писательницы, а первые два принадлежали къ очень распространенному типу литературныхъ пресмыкающихся. Общій ихъ характеръ разъ на всегда прекрасно изобразила та же г-жа Сталь.

«Среди всѣхъ страданій, которыя заставляетъ испытывать рабство печати, самое горькое--видѣть, какъ въ листкахъ оскорбляютъ то, что̀ дороже всего, что̀ заслуживаетъ наивысшаго уваженія, и при этомъ невозможно отвѣчать также въ газетахъ, которыя по необходимости распространеннѣе книгъ. Сколько подло-

---

[24]) Bourrienne, по пов. *Allem.*

[25]) *Dix années d'exil. Oeuvres* XV, 117—118.

[26]) M-me Rémusat. *Ib.* VII, 189.

сти у тѣхъ, кто оскорбляетъ могилы, когда друзья мертвыхъ не могутъ взять на себя защиту! Сколько подлости у тѣхъ писакъ, которые нападали и на живыхъ, имѣя за собою власть,—и являлись застрѣльщиками, во всѣхъ карахъ, на какія такъ щедръ деспотизмъ, если ему внушаютъ малѣйшее подозрѣніе! Что за стиль, носящій на себѣ полицейскій отпечатокъ! Рядомъ съ этимъ нахальствомъ, рядомъ съ этой низостью, когда читались нѣкоторыя рѣчи американцевъ или англичанъ, вообще общественныхъ дѣятелей, стремящихся въ своихъ обращеніяхъ къ другимъ сообщить имъ только свое задушевное убѣжденіе, въ такія минуты чувствовалось волненіе, — будто внезапно слышался голосъ друга— тому, кто былъ покинутъ и не зналъ больше, гдѣ найти близкое для себя существо» [27]).

Эта характеристика до послѣдней черты вѣрна дѣйствительности. Наполеонъ успѣшно расправился съ г-жей Сталь, остальные писатели не могли причинить ему никакихъ существенныхъ хлопотъ. Императору оставалось примѣнить къ нимъ ту же политику, какою онъ покорилъ якобинцевъ и аристократовъ.

Жозефъ Шенье, братъ Андре, когда-то знаменитый драматургъ и сатирикъ, во время революціи пѣвецъ республиканской свободы, при Наполеонѣ чиновникъ и одописецъ, говорилъ очень откровенно насчетъ писательской психологіи своей эпохи. «Никому не нужна честь, и всѣ нуждаются въ деньгахъ» [28]). Самъ Шенье на себѣ блистательно оправдывалъ эту истину, посылая Наполеону слезныя письма насчетъ денежныхъ вспоможеній и какой-нибудь должности, гдѣ бы можно было служить съ «заурядными умомъ»—«l'intelligence ordinaire». Министръ полиціи черезъ секретаря жаловалъ ему—«ободренія и утѣшенія», «des encouragements et des consolations»... И все это происходило отнюдь не потому, чтобы Шенье находился въ крайней нуждѣ; поэтъ, просто страдалъ мотовствомъ, страстью къ роскоши и реализировалъ свои гражданскія чувства въ наполеондорахъ.

Шенье—одинъ изъ сильнѣйшихъ, талантливѣйшій послѣ Шатобріана. Что̀ же происходило съ другими?

Во французской литературѣ искони жила идея о меценатствѣ правительственной власти. Людовикъ XIV придалъ много блеску своему царствованію, заявивъ себя, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, покровителемъ талантовъ. Нѣсколько пенсій быстро пре-

---

27) Staël. XIII, 252.

28) «Nul n'a besoin d'honneur, tous ont besoin d'argent». Cp. Merlet. *Tableau de la littérature française 1800—1815*. Paris. 1878, p. 237.

вратили Корнелей и Расиновъ въ придворныхъ піитъ и подчасъ необыкновенно откровенныхъ льстецовъ. У Наполеона, слѣдовательно, былъ и здѣсь предшественникъ, все равно, какъ терроръ служилъ ему руководствомъ въ вопросахъ цензуры и проскрипцій.

Императоръ былъ искренно убѣжденъ, что онъ путемъ полицейскихъ распоряженій можетъ создать какую угодно литературу. «Жалуются, что нѣтъ литературы», писалъ онъ, «это вина министра внутреннихъ дѣлъ». «Литература нуждается въ поощреніяхъ», наставлялъ онъ Шампаньи. «Вы—министръ, предложите мнѣ какія-либо средства — дать толчокъ всѣмъ разнообразнымъ отраслямъ художественной литературы, которыя всегда составляли славу націи» [29]).

Мы видѣли, для Наполеона ничего не стóило создать спеціалиста въ какой угодно области государственнаго управленія: у него была «счастливая рука». Того же метода онъ держится и въ искусствѣ, стоитъ ему или даже его министру обратить на кого-либо вниманіе и тотъ непремѣнно превратится въ національную литературную славу.

Едва вѣроятно, а между тѣмъ Наполеонъ именно такую мысль проводитъ въ своихъ инструкціяхъ министру внутреннихъ дѣлъ. И полиція проникается этими взглядами и совершенно серьезно усиливается создавать знаменитостей, избраннымъ поэтамъ заказываетъ разныя произведенія на торжественные случаи и принимаетъ энергическія мѣры на счетъ благопріятныхъ отзывовъ въ газетахъ [30]).

Поощренія, конечно, выражались и въ болѣе осязательныхъ формахъ—деньги и мѣста играли первостепенную роль въ меценатствѣ Наполеона и приводили къ самымъ желаннымъ результатамъ. Мы знаемъ, среди якобинцевъ императоръ нашелъ усерднѣйшихъ слугъ своей власти, среди писателей онъ набралъ большинство цензоровъ.

Это фактъ въ высшей степени важный и богатый послѣдствіями. Въ распоряженіи Фуше оказались академики и, въ свою очередь, полиція раздавала академическія кресла. Литераторы, поступившіе на полицейскую службу, доставляли начальству подробные отчеты, о личностяхъ, талантливости и политическомъ направленіи товарищей. Даже Наполеона поражало подобное соединеніе профессій и онъ открыто издѣвался надъ однимъ изъ этихъ агентовъ, Эменаромъ, академикомъ, по милости министра

---

[29]) *Corréspondance de Napoléon* XV, 68.

[30]) Welchinger. 146—147, 250.

полиціи Савари. Эменаръ исполнялъ цензорскія обязанности съ фанатизмомъ и въ короткое время стяжалъ жесточайшую ненависть писателей и журналистовъ.

Цензура, попадавшая въ руки литераторовъ, должна была двойнымъ гнетомъ тяготѣть надъ печатью. Цензоры являлись одновременно и представителями литературныхъ партій, и художественными критиками. Оффиціальныя обязанности сливались съ личными интересами и вкусами. Въ результатѣ цензоры уничтожаютъ сочиненія *изъ-за слога, изъ-за бездарности* автора—по ихъ, конечно, мнѣнію.

Это тоже отчасти французская традиція. Въ старое время, при Ришелье, напримѣръ, академія играла роль и высшей художественной инстанціи и судебной коммиссіи, по распоряженію правительства вопросъ о классическихъ правилахъ поэзіи превращала въ вопросъ высшей политики и сразила, между прочимъ, по своему кодексу эстетической политики или политической эстетики корнелевскаго *Сида*. При Наполеонѣ дѣло упростилось, сосредоточилось въ рукахъ министра полиціи и самой академіи пришлось *состоять* при полиціи и цензурѣ.

Наполеонъ позаботился упрочить такое положеніе и преобразовалъ академію, по обыкновенію, энергично и просто, уничтожилъ самое безпокойное отдѣленіе нравственныхъ и политическихъ наукъ, занятія академиковъ ограничилъ вопросами о грамматикѣ, языкѣ, стилѣ. Чтобы подогрѣть усердіе ученыхъ въ этой не особенно веселой области, Наполеонъ прибѣгъ къ обычному средству, щедрой рукой раздавалъ академикамъ почетный легіонъ, мѣста въ сенатѣ, титулы бароновъ и даже герцоговъ.

Усердіе превзошло ожиданія властителя. Наполеону приходилось попадать въ оригинальнѣйшее положеніе—вести борьбу съ своими же не по разуму ретивыми цензорами. Нѣкоторые случаи, дѣйствительно, поразительны и подтверждаютъ давно уже извѣстный намъ фактъ, какъ легко Наполеону было управлять французами и, главное, найти среди нихъ усерднѣйшихъ агентовъ и исполнителей.

Одинъ цензоръ, напримѣръ, очевидно, истомившійся въ поискахъ за неблагонадежными произведеніями, предложилъ запретить трагедію Вольтера *Танкредъ* и мольеровскаго *Тартюфа*.—Почему,—слѣдовали такіе пункты:

«Первая изъ этихъ пьесъ должна быть уничтожена, потому что герой - изгнанникъ возвращается въ отечество, не получивъ предварительно разрѣшенія начальства, вторая, потому - что можетъ не понравиться духовенству, и конкордатъ, только-что уста-

новленный во Франціи, имѣетъ главною цѣлью—устранить всѣ причины разногласія между духовной и свѣтской властями».

Записка была представлена министру внутреннихъ дѣлъ, тотъ передалъ ее Наполеону. «Что за галиматья», воскликнулъ онъ, прочитавши документъ. «Должно быть, этотъ господинъ очень глупъ... Его дѣло быть рыночнымъ смотрителемъ. Немедленно замѣнить его».

И этотъ цензоръ былъ тоже писатель.

Его участь нисколько не расхолодила усердія другихъ. Съ особеннымъ блескомъ оно обнаруживалось въ выискиваніи отдѣльныхъ намековъ и сомнительныхъ отрывочныхъ мыслей и фразъ. Здѣсь главная вина падала на самого властителя. Свойственная Наполеону мелочность доходила до чудовищныхъ предѣловъ, когда предъ нимъ была книга, газета или полицейское сообщеніе о салонномъ разговорѣ.

У Наполеона не было дѣтей въ бракѣ съ Жозефиной, и на сценѣ не смѣли играть пьесъ, гдѣ говорилось о бездѣтномъ супружествѣ. Наполеонъ намѣревался развестись съ Жозефиной, и со сцены приходилось устранять пьесы съ подобными мотивами. Наполеонъ въ самомъ началѣ власти встрѣтилъ всюду низменные рабскіе инстинкты, измѣнниковъ идеямъ революціи и преданіямъ монархіи, якобинцевъ превратилъ въ шпіоновъ и палачей. Очевидно, произведенія, гдѣ говорилось о малодушіи и низости передовыхъ людей націи, не могли существовать. Классическія пьесы подвергались тщательному просмотру, вычеркивались сцены и монологи, одни стихи замѣнялись другими, и съ Корнелемъ и Расиномъ соперничали полицейскіе цензоры-литераторы [31]).

Изъ стиховъ и фразъ, которыя цензура выбрасывала въ пьесахъ и книгахъ, можно составить необыкновенно краснорѣчивую характеристику личности Наполеона и его правительства. Цензоры будто нарочно заботились запечатлѣть въ потомствѣ образъ своего властителя—оффиціальными документами.

Рѣчи на счетъ счастливаго побѣдителя, тираннической власти, превращенія «вчерашняго героя въ тирана», происхожденія того или другого честолюбиваго героя изъ народа—все это или вычеркивалось, или уничтожалось изъ-за нѣсколькихъ фразъ все произведеніе.

---

[31]) Такому исправленію подверглась, между прочимъ, *Athalie*—Расина. Замѣчательно, эта же трагедія выдержала не мало мытарствъ и до революціи при Людовикѣ XVI, однажды даже вызвала сенсаціонный спектакль незадолго до собранія генеральныхъ штатовъ. Многіе ея стихи были примѣнены тогда къ Маріи-Антуанеттѣ, утратившей популярность среди парижанъ езадолго до революціи.

Естественно, усердіе въ этомъ направленіи могло ставить наполеоновскихъ слугъ въ очень трагикомическія положенія. Например, одинъ агентъ донесъ на нѣкоего писателя, будто онъ обозвалъ Наполеона печатно «бичомъ божіимъ». Оказалось, это выраженіе находилось въ *Мысляхъ Бальзака*—писателя эпохи Ришелье и относилось къ кардиналу. Обвиненный литераторъ только издалъ старое сочиненіе. Наполеонъ, разслѣдовавши дѣло, впалъ въ негодованіе: «Глупцы! Развѣ это можно примѣнять ко мнѣ? Рѣшительно, цензура добровольная или оффиціальная ни на что не годится!» [32]).

Но, случалось, самъ Наполеонъ, въ порывѣ мракобѣсія, готовъ былъ сдѣлать ложный шагъ и ему приходилось выслушивать совѣты Фуше, не преслѣдовать слишкомъ поэтовъ за ихъ вольности, «не дѣлать своихъ враговъ интересными».

Впрочемъ, и вся дѣятельность цензуры могла имѣть въ виду не писателей и даже не цѣлыя произведенія, а только мелочи и частности. Литераторы быстро усвоили потребную дрессировку и, какъ всѣ прочія орудія и жертвы наполеоновской политики, оставили далеко позади самыя смѣлыя ожиданія властителя. Только придирчивость полиціи и мелкая подозрительность Наполеона могли создавать разные цензурные инциденты. Въ дѣйствительности идеалъ бонапартизма—молчаніе и порядокъ были осуществлены.

Бонапартъ въ особенности опасался періодической печати. Она быстрѣе всѣхъ другихъ произведеній мысли распространялась по странѣ и со времени революціи привыкла заниматься почти исключительно политикой. Для корсиканца газета являлась чѣмъ-то необычайно ужаснымъ, какъ истое дѣтище и органъ культурнаго гражданскаго общества. Наполеонъ даже преувеличивалъ силу чудовища и на своемъ риторическомъ языкѣ выражался: «Если я дамъ волю печати, я не останусь и трехъ дней у власти».

Это, конечно, слишкомъ сильно, но политика императора относительно печати управлялась именно чувствомъ ужаса. Ея основной принципъ: во Франціи, съ эпохи имперіи, одна партія,—слѣдовательно, вполнѣ достаточно и одной газеты, и Наполеонъ грозилъ дѣйствительно для всей Франціи оставить одну газету [33]). До этого не дошло *ариѳметически*, но *фактически* существовалъ одинъ политическій органъ—оффиціальный *Moniteur*. Изъ него другія газеты должны были почерпать факты и идеи.

---

[32]) Welchinger, 47.

[33]) *Ib.* 81, 90.

То же самое и относительно остальныхъ газетныхъ отдѣловъ. Судебные отчеты могли быть помѣщаемы лишь съ разрѣшенія судебной власти, *Gazette de France* пріобрѣла привилегію печатать эти отчеты раньше другихъ и всѣ газеты обязаны были перепечатывать ея сообщенія. Даже отдѣлъ *Faits divers* наполнялся полицейскими свѣдѣніями и свѣдѣнія эти давались лишь избраннымъ, не запятнанымъ газетамъ.

Литераторы и здѣсь шли во главѣ системы. Знакомый намъ Эменаръ предлагалъ лишить провинціальныя газеты права печатать какія бы то ни было статьи, превратить ихъ въ листки объявленій.

Реформа имѣла двѣ цѣли. Газеты были обложены налогомъ, пропорціональнымъ подписной суммѣ. Подписка на столичныя газеты, несомнѣнно, увеличилась бы съ преобразованіемъ провинціальныхъ и, слѣдовательно, налогъ возросъ бы. А потомъ министръ избавился бы отъ лишнихъ хлопотъ дѣлать выговоры департаментскимъ префектамъ за направленіе мѣстной печати.

Но, въ сущности, реформа являлась излишней, газеты и безъ того превратились въ кладбище, крайне однообразное и гнетущее. Всѣ онѣ до тождества походили другъ на друга, и руководящій *Moniteur* занимался исключительно придворной хроникой и описаніемъ разныхъ торжествъ и путешествій высокихъ лицъ.

Воцарилась смертная скука. Можетъ быть, ничто такъ тяжело не отзывалось на умахъ французовъ, какъ полное отсутствіе газетнаго шума и журнальной политики. Даже наполеоновскія власти это поняли и старались всѣми силами занять и разсѣять вѣрноподданныхъ цезаря.

Цензоры и полиція изощряются изобрѣсти какой-либо увеселительный мотивъ для легкомысленной публики. Дается приказъ поднять вопросъ о преимуществахъ французской и итальянской музыки, наемными рецензентами завязывается горячая полемика по поводу плагіата драматической пьесы... Но ничего, конечно, не выходитъ изъ этихъ смѣхотворныхъ предпріятій, тѣмъ болѣе, что въ воздухѣ ясно начинаетъ чувствоваться *начало конца*.

Это чувство проникаетъ современниковъ среди, вовидимому, самыхъ розовыхъ перспективъ. Съ теченіемъ времени бонапартизмъ получаетъ окончательную и прочную окраску. Онъ прежде всего вводитъ во всеобщее обращеніе *ложь* и *лесть*. Это единственные пути для слугъ Наполеона выражать свои мысли.

Газеты не смѣютъ сообщать фактовъ, непріятныхъ властителю, даже самыхъ мелкихъ: иначе—штрафъ, конфискація, назначеніе спеціальнаго цензора на средства газеты. «Они говорятъ

только то, что я хочу», заявлялъ Наполеонъ о «своихъ» газетахъ, именно, *mes journaux*, это выраженіе столь же законно, какъ *mes soldats*. Естественно Бонапартъ именно за это качество глубоко презиралъ «своихъ» журналистовъ, обращалъ вниманіе только на нѣмецкую и англійскую печать, и съ пренебреженіемъ отказывался отъ французскихъ газетъ, когда секретарь намѣревался познакомить его съ ихъ содержаніемъ.

Въ результатѣ, печать превратилась въ сплошной бюллетень, столь же мало общаго имѣвшій съ дѣйствительностью, какъ и военные бюллетени Наполеона. Свѣдѣнія по управленію, статистическія данныя составляли личную тайну императора. Можно было заниматься только иностранными землями и притомъ въ опредѣленномъ направленіи: Англію слѣдовало изображать наканунѣ гибели, поносить Германію и Россію, и вообще создавать для французовъ такія же призрачныя государства, воображаемые народы, какими тѣшилось воображеніе самого Наполеона. Этотъ порядокъ будетъ продолжаться до послѣдней минуты: во время разгрома «великой арміи» въ Россіи французская печать будетъ сохранять неприкосновенно гордый побѣдоносный видъ, и пѣть безъ конца оды въ стихахъ и прозѣ императору и его домочадцамъ.

Врядъ ли когда и гдѣ-либо, не исключая даже Востока, литература лести развивалась до такихъ невѣроятныхъ предѣловъ, какъ это было во Франціи при Наполеонѣ. Правда, поэты Людовика XIV могли дать не мало уроковъ своимъ наслѣдникамъ въ эпоху имперіи, но льстивый азартъ наполеоновскихъ піитъ на столько же превосходитъ рабское вдохновеніе старыхъ классиковъ, насколько Эменары, Рейнуары, Лемерсье, уступаютъ талантами Корнелю и Расину.

Какого качества могли быть оды, поэмы, драмы бонапартовскихъ лавреатовъ, можно судить по общему характеру поэзіи при цезаризмѣ.

Цензура до послѣдней степени съузила кругъ предметовъ, подлежавшихъ литературной разработкѣ. Наполеонъ изъ всей исторіи поэтамъ оставлялъ лишь античныя времена и глубь среднихъ вѣковъ, т.-е. появленіе капетинговъ на французскомъ престолѣ, эпоху Карла Великаго: перемѣна династіи во Франціи напоминала, по мнѣнію императора, происхожденіе его собственной власти, а Карлъ Великій, конечно, былъ его непосредственнымъ предшественникомъ.

Съ этихъ точекъ зрѣнія должна составляться и исторія. Наполеонъ придавалъ этому вопросу очень большое значеніе. Историческіе труды обязаны играть роль нравственную и политиче-

скую, т.-е. роль тѣхъ же бюллетеней и газетныхъ статей и, именно, по фактической правдѣ и внутреннему смыслу быть на высотѣ спеціальныхъ продуктовъ бонапартизма.

Естественно, Наполеонъ имѣлъ свою точно установленную программу историческихъ изслѣдованій. Прежде всего, ихъ слѣдуетъ поручать людямъ «преданнымъ»—*à des hommes attachés*. Только эти люди способны «представлять факты въ ихъ истинномъ свѣтѣ и подготовлять здравое просвѣщеніе націи». Это значило: вся исторія Франціи до появленія Наполеона будетъ состоять изъ сплошныхъ бѣдствій, неустройствъ, всевозможныхъ безпорядковъ, такъ что читатель долженъ «почувствовать облегченіе, дойдя до эпохи» имперіи. Нѣкоторые французскіе короли должны подвергнуться особеннымъ воздѣйствіямъ со стороны «преданности» историковъ. Генрихъ IV не могъ появляться на сценѣ, какъ популярнѣйшій государь старой монархіи: очевидно, и въ исторіи его роль предстояло освѣтить съ подходящей точки зрѣнія. По поводу Людовика XIV историку необходимо остановиться на его «смѣшномъ бракѣ» съ г-жей Мэнтенонъ. Все это Наполеонъ считалъ настоящей исторіей. Мало того. Наивность или слѣпая отвага цезаря шли еще дальше: «Объ общественныхъ дѣлахъ, которыя *мои* дѣла, говорилъ онъ,—въ области политики, соціальныхъ и нравственныхъ вопросовъ,—объ исторіи, именно объ исторіи современной, новѣйшей или новой, никто изъ нынѣшняго поколѣнія не будетъ думать, кромѣ меня, а въ ближайшемъ поколѣніи всѣ будутъ думать, какъ я захочу» [34]).

Когда Жозефъ Шенье, бывшій революціонеръ и республиканецъ, превратился въ придворнаго исторіографа, Наполеонъ дѣйствительно могъ быть покоенъ за «нынѣшнее поколѣніе». Но ручательство за будущее, несомнѣнно, одна изъ нарочито-бонапартовскихъ иллюзій.

Сійэсъ, внесшій не малую лепту, съ своей стороны, въ капиталъ наполеоновскаго деспотизма, совершенно захудалъ при имперіи, и на вопросъ, что онъ думаетъ о бонапартовскомъ управленіи, отвѣчалъ: «я совсѣмъ не думаю» [35]). Это отличная характеристика для всего «нынѣшняго поколѣнія», и она вполнѣ подтверждается поэтическимъ творчествомъ при Наполеонѣ.

Можетъ быть, среди поэтовъ бонапартизма были задатки талантливости и серьезныхъ литературныхъ стремленій, но желѣзное удушающее кольцо охватило всѣхъ безразлично и быстро превра-

---

[34]) Tain. *O. c.* I, 229—230.
[35]) Merlet. *O. c.* p. 13.

тило литературную сцену въ мерзость запустѣнія. Устраненные отъ всякихъ историческихъ и жизненныхъ мотивовъ и темъ, поэты набросились на форму и стали изощряться въ стихотворческомъ фокусничествѣ. «Содержаніе», по остроумному замѣчанію историка, «стало предлогомъ къ разработкѣ подробностей» [36]).

Да и что иное можно было дѣлать, когда приходилось заниматься такими, напримѣръ, задачами: описать искусственные цвѣты, изобразить громоотводъ, представить въ стихахъ «анализъ азбуки», т.-е. воспѣть достоинства особенно интересныхъ буквъ и звуковъ. Высшей школой оказалось искусство подражать формой стихотворенія жужжанію насѣкомаго, передать повтореніемъ одного и того же звука впечатлѣніе смѣха, вообще «искусство нарисовать картину для уха столь же быстро, какъ и для глазъ» [37]).

Очевидно, наши символисты смѣло могли бы пойти въ науку къ наполеоновскимъ эстетикамъ!

И подобными безсмыслицами занимались, несомнѣнно, умные люди и притомъ безпощадные критики г-жи Сталь, въ родѣ Фонтана!

И замѣчательно, поэтовъ при Наполеонѣ дѣйствовало рѣшительно безчисленное множество, и—самаго нѣжнаго идиллическаго направленія. Любовныя пѣсни въ рыцарскомъ духѣ процвѣтали наравнѣ съ шарадами, пасторали, идилліи сыпались дождемъ, альбомные пустяки переполняли солиднѣйшіе журналы. Будто наполеоновскіе цензоры обладали дѣйствительной способностью создавать и вдохновлять таланты символическаго, фокусническаго и просто промышленнаго направленія. Отсутствіе идей не только не мѣшало стихотворству, а, напротивъ, будто сырой испорченный воздухъ, плодящій насѣкомыхъ и плѣсень, вызывало на литературное поприще все новыхъ подвижниковъ. Они, конечно, не доставляли ни малѣйшаго безпокойства цензурѣ, и при случаѣ полиція свободно заказывала имъ стихи и пьесы на разные торжественные случаи.

Нѣкоторые не удовлетворялись мелкой промышленностью и пускались въ оптовую торговлю риѳмами. Возникали громадныя героическія поэмы, въ родѣ *Каролеиды* изъ двадцати четырехъ пѣсенъ; авторъ ея—виконтъ д'Арлэнкуръ. Тема, конечно, была внушена *преемникомъ* Карла Великаго. Еще любопытнѣе поэма *Атлантіада*, академика Лемерсье. Здѣсь, вмѣсто греческой миѳо-

---

[36]) *Ib.* p. 177.

[37]) Выраженіе современнаго поэта: L'art de peindre à l'oreille aussi vite qu'aux yeux.

логіи царила физика и дѣйствующія лица воплощали *равновѣсіе*, *тяготѣніе*, *центробѣжную силу*, разные металлы и минералы и даже математическія науки... Къ такимъ результатамъ привела наполеоновская система поощренія литературы при посредствѣ полиціи! И могла ли процвѣтать поэзія тамъ, гдѣ военная сила лежала въ основѣ государственныхъ идеаловъ, гдѣ, по выраженію поэта, «цифра и сабля составляли все» [38]).

Утративъ всякое идейное содержаніе, литература утратила одновременно и всякое нравственное чувство и сознаніе достоинства. Достаточно вспомнить, что произошло во французской поэзіи при появленіи на свѣтъ «римскаго короля». Можно смѣло сказать, никогда ни одинъ «сынъ неба», или «сынъ восходящаго солнца», или «царь царей» не слышалъ такого оглушительнаго залпа восторговъ, какъ «сынъ человѣка»—*le fils de l'Homme*: такъ принято было называть дѣтище Бонапарта, «сына Карла Великаго», «сына Юпитера».

Сначала поэты изощрялись на тему *счастливой беременности*, потомъ *августѣйшаго разрѣшенія отъ бремени*, приготовили поэмы съ разсчётомъ—въ извѣстный моментъ приспособить ихъ одинаково быстро къ рожденію сына или дочери [39]). Появился неисчислимый рой водевилей, комедій, одъ, балетовъ, гимновъ, гороскоповъ, стансовъ. Одинъ заслуженный профессоръ открылъ, что еще Виргилій воспѣвалъ Наполеона и его потомство, и ученый издалъ даже брошюру для доказательства этой мысли.

Такая стремительность объясняется весьма просто, какъ и все вообще въ политикѣ Наполеона. Передъ рожденіемъ «римскаго короля» было назначено пятьдесятъ премій за привѣтствія и конкуррентовъ явилось *12.730*! Одинъ сборникъ содержитъ стихотворенія *1.300* соратниковъ, и между ними встрѣчаются имена Беранже, Казимира Делавиня и... знакомаго намъ Эменара. Когаре, гонитель *Танкреда* и *Тартюфа*, также внесъ свою лепту, и совершенно правильно: вдохновеніе покупалось такъ же, какъ и всѣ прочія услуги бонапартизму. Нельзя сказать, чтобы казнѣ особенно дорого обошелся этотъ рѣдкостный потопъ рабской литературы: всего въ 88.400 франковъ. Наполеонъ зналъ цѣну вещамъ и людямъ!

Но далеко не всегда поэтическій товаръ оплачивался полиціей. Если бы давать деньги всѣмъ поэтамъ, Наполеону пришлось бы

---

[38]) Ламартинъ въ предисловіи къ *Méditations*.

[39]) Поэма *L'Heureuse grossesse*—французскій переводъ латинскаго произведенія Лемэра, профессора Сорбонны.

раззорить, по крайней мѣрѣ, еще одну Италію. Ежегодно 15-ое августа, оффиціально утвержденный день рожденія императора, вызывалъ наплывъ привѣтственныхъ стихотвореній: очевидно, льстецовъ-добровольцевъ существовало во всѣхъ углахъ Франціи неисчерпаемое море.

И они не только шли на встрѣчу самымъ дикимъ вожделѣніямъ цезаря, а нерѣдко даже раздражали его непомѣрно рабскимъ духомъ. Мы видѣли, Наполеонъ ссорился съ своей цензурой изъ-за неразумной ретивости, цензура, въ свою очередь, враждовала съ полиціей, оспаривая у нея право на ту или другую кару надъ писателемъ или произведеніемъ. То же самое и въ литературѣ. Иной литераторъ впадалъ въ такой азартъ лести, что становилось неловко самому Бонапарту. Такъ, напримѣръ, Фуше вдохновилъ Эменара на оперу *Тріумфъ Траяна*. Эменаръ взялъ въ сотрудники еще двухъ поэтовъ и они соорудили выспреннюю хвалу чувствительному сердцу Наполеона. Цезарю не понравилась такая политика, тѣмъ болѣе, что авторы всевозможныхъ льстивыхъ глупостей всегда старались прикрыться его авторитетомъ: распространялся слухъ, что произведеніе внушено императоромъ, и критика, конечно, осуждена была въ лучшемъ случаѣ на безмолвіе.

Подчасъ раздраженный наивной угодливостью журналистовъ, Наполеонъ заявлялъ: «я не нуждаюсь въ ихъ похвалахъ», и требовалъ отъ нихъ мужества (la touche mâle) и французскаго сердца. А цензоры запрещали даже восторженно-хвалебныя поэмы, находя авторовъ и ихъ произведенія слишкомъ недостойными его величества: «восхвалять его нуженъ Гомеръ» [40])!.. Вообразите положеніе писателей!

И надо при этомъ помнить, что бонапартизмъ свой мертвящій духъ усиливался распространить и за предѣлы Франціи. Въ странахъ съ вассальными королями-родственниками само самой, конечно, водворялись французскіе порядки и совершенно естественно, «римскаго короля» съ одинаковой ревностью привѣтствовали на всѣхъ языкахъ западно-европейскаго материка. Но Бонапарту легко было настичь жертву всюду, кромѣ Англіи и Россіи. Исторія съ нюренбергскимъ книгопродавцемъ Пальмомъ въ своемъ родѣ стóитъ трагедіи съ герцогомъ Ангіенскимъ.

Пальмъ распространялъ патріотическую брошюру *Германія въ глубокомъ своемъ униженіи* и отказался назвать ея автора—Гесселя, когда наполеоновское правительство заявило себя оскорбленнымъ.

---

[40]) По такому мотиву была осуждена поэма аббата Aillaud *L'Egyptiade*, воспѣвавшая походъ Бонапарта въ Египетъ.

Наполеонъ приказалъ разстрѣлять книгопродавца. Это событіе вызвало всеобщее негодованіе, и въ Россіи воздали должное, въ прозѣ и въ стихахъ, новому злодѣйству деспота [41]). Любопытнѣе всего,— Наполеонъ будто самъ стремился закрѣпить извѣстное о себѣ представленіе въ исторіи. Всѣ отдѣльные запрещенные намеки и фразы, изъ которыхъ, мы видѣли, можно составить весьма опредѣленную и вѣрную характеристику Бонапарта, получаютъ послѣдній ударъ кисти въ его открытой и необычайно упорной ненависти къ *Тациту*.

Лѣтописи были запрещены въ школахъ, и Бонапартъ не пропускалъ случая защитить Нерона отъ навѣтовъ историка и придраться къ сочиненію, лишь только оно упоминало о Сеянѣ, прославленномъ наперстникѣ тираніи. Именно въ подобныхъ случаяхъ Фуше долженъ былъ сдерживать гнѣвъ своего господина и совѣтовать ему изъ-за пустяковъ не дѣлать враговъ интересными.

Дѣйствительно, у Тацита не мало краснорѣчивыхъ замѣчаній, предвосхищающихъ самое подлинное изображеніе наполеоновской эпохи. Въ Римѣ разучивались говорить и великой добродѣтелью считалось умѣнье молчать; льстецы составляли пышныя рѣчи для оправданія безумствъ и преступленій господина; рабы распоряжались судьбами государства; люди, казалось, утрачивали различіе между великими дѣлами и великими злодѣйствами; цезарямъ при жизни воздвигали храмы и украшали громкими титулами [42]). Развѣ во всѣхъ этихъ фактахъ Наполеонъ не могъ почувствовать своихъ собственныхъ подвиговъ на поприщѣ слова и мысли? И развѣ онъ, принявшій титулъ *великаго*, жаждавшій объявить себя пророкомъ, видѣвшій на яву въ лицѣ своемъ владыку міра и приписывавшій своему величію священнѣйшее библейское изреченіе: развѣ это не цезарь—божество, на языкѣ рабовъ «благое», въ лѣтописяхъ историка—олицетворяющее извращенную человѣческую природу?.. Онъ имѣлъ всѣ основанія преслѣдовать Тацита, какъ современнаго историка и личнаго своего врага.

Во Франціи, по крайней мѣрѣ, кругомъ Наполеона, водворилось болѣе чѣмъ молчаніе. Цезарь совершенно искренно и безповоротно убѣдился въ своемъ всемогуществѣ и всевѣдѣніи. Ни въ чьихъ совѣтахъ и сообщеніяхъ онъ больше не нуждался. Онъ по цѣлымъ часамъ ораторствовалъ, восхваляя свой геній, ничего не хотѣлъ ни читать, ни слушать. Если онъ бралъ въ руки книгу, процессъ ознакомленія съ ней кончался въ нѣсколько минутъ. Бонапарту достаточно было перевернуть съ головокружи-

---

[41]) Staël. XIII, 251. Дубровинъ. *Р. В.* IV, 220.
[42]) *Hist.* III, 36. IV, 43. *Annales* III, 66 etc.

тельной быстротой нѣсколько страницъ, и книга летѣла прочь: «однѣ глупости въ этой книгѣ», кричалъ всепонявшій геній, «это идеологъ, конституціоналистъ, янсенистъ». Сыпалась брань, и цезарь снова уходилъ въ облака, едва обозрѣвая землю орлинымъ взоромъ. Что касается совѣтовъ, одна идея о нихъ приводила Наполеона въ ярость. «Совѣты! мнѣ!..» кричалъ онъ, или: «Онъ, несчастный, онъ даетъ мнѣ совѣты!..», или: «этотъ человѣкъ считаетъ себя необходимымъ? Онъ думаетъ меня учить?..» [43]) И власть иллюзій и самыхъ невѣроятныхъ ослѣпленій съ годами все болѣе туманила мозгъ человѣка, въ сущности никогда основательно не думавшаго ни надъ какимъ государственнымъ вопросомъ и умѣвшаго рѣшать всѣ дѣла въ мірѣ лишь двумя средствами—деньгами и саблями.

При такихъ условіяхъ Наполеону смѣютъ говорить лишь о томъ, что уже заранѣе имъ признано и рѣшено и что можетъ доставить ему удовольствіе. Дѣйствительность совершенно исчезаетъ изъ кругозора властителя. Онъ живетъ среди призраковъ и сказокъ. Въ высшей внѣшней и внутренней политикѣ у него работаетъ одна фантазія, ежеминутно пришпориваемая безумнымъ честолюбіемъ и безнадежно-слѣпой самоувѣренностью. Лесть, потоками изливающаяся изъ устъ всѣхъ придворныхъ, поэтовъ, журналистовъ, ученыхъ, уничтожаетъ послѣдніе остатки реальной почвы подъ ногами цезаря. И когда знаменитый астрономъ Лапласъ въ научномъ сочиненіи, въ *Изложеніи системы міра*, выражалъ надежду на близкое объединеніе Европы въ одну семью по религіи, законамъ и подъ властью императора, онъ высказывалъ задушевную мечту самого властителя. И когда другой писатель заявлялъ, что Наполеонъ «внѣ предѣловъ человѣческой исторіи, принадлежитъ временамъ героическимъ и превосходитъ всякое восхищеніе», онъ перелагалъ на изящный литературный стиль собственныя прорицанія Бонапарта. И когда, наконецъ, поэтъ сравнивалъ цезаря съ Юпитеромъ и примѣнялъ къ нему разсказъ Гомера о борьбѣ отца боговъ съ другими божествами, онъ открывалъ публикѣ сущность воззрѣній Наполеона на свое положеніе среди государей всего міра.

Въ результатѣ, поучительнѣйшая картина, какую только знаетъ человѣческая исторія и психологія. Съ одной стороны, нація, осужденная на нравственное оцѣпенѣніе, и умственный маразмъ, рядомъ съ ней—существо «не отъ міра сего», безнадежно боль-

---

[43]) De Pradt. *O. c.* Préface III; p. 3, 4, 8—9 rem. Bondois. *O. c.* 304—305. Chaptal у Тэна. *O. c.* I, 79.

ное маніей величія, лишенное всякаго точнаго представленія о своихъ политическихъ силахъ и о внѣшнихъ условіяхъ своей дѣятельности, одушевленное единственнымъ чувствомъ и владѣющее однимъ лишь оружіемъ для борьбы—самообожаніемъ.

Когда въ государственномъ совѣтѣ дерзали возражать Наполеону противъ его самыхъ безсмысленныхъ проектовъ, вродѣ военной классификаціи, т. е. фактическаго превращенія культурнаго государства XIX-го вѣка въ казарму и лагерь, онъ, вмѣсто всякихъ доказательствъ, возражалъ въ такомъ духѣ:

«Знайте, моя популярность безгранична, неизмѣрима; что бы ни говорили на этотъ счетъ, народъ повсюду любитъ и чтитъ меня. Его грубый здравый смыслъ выше всевозможныхъ злыхъ умысловъ салоновъ и выше метафизики глупцовъ. Онъ пойдетъ за мной противъ васъ всѣхъ. Это васъ удивляетъ, а между тѣмъ это такъ. Народъ знаетъ только меня; только благодаря мнѣ, онъ пользуется всѣмъ, что у него есть; благодаря мнѣ, его братья, сыновья преуспѣваютъ на службѣ, получаютъ ордена, обогащаются... Въ особенности васъ не должна смущать оппозиція, о которой вы говорите. Она существуетъ только въ парижскихъ салонахъ, и отнюдь не въ націи». И дальше раскрывалась перспектива бонапартовскаго золотого вѣка, когда самъ престарѣлый законникъ Камбасересъ могъ по волѣ цезаря взять ружье и совершать воинскіе подвиги [44]).

Что оставалось дѣлать даже тѣмъ подданнымъ Наполеона, кто ясно видѣлъ въ недалекомъ будущемъ неминуемую пропасть?

Бонапартъ толковалъ о своей необъятной популярности, но зачѣмъ же тогда полиція прибѣгала къ смѣхотворнѣйшимъ проектамъ оживить общественное настроеніе? Въ то самое время, когда властитель утопалъ въ волнахъ самыхъ розовыхъ иллюзій, цензоры и министръ полиціи находились въ крайнемъ безпокойствѣ на счетъ удручающей скуки и мертвеннаго душевнаго состоянія парижанъ и провинціаловъ. Этотъ фактъ признавали усерднѣйшіе слуги Бонапарта и призывали на помощь всю свою рабскую изобрѣтательность, чтобы помочь горю.

Одинъ цензоръ-писатель представилъ министру такой проектъ. Въ Парижѣ съ нѣкотораго времени существовало общество *Caveau moderne*, выпускавшее ежемѣсячно сборники хорошихъ *chansons*. На эти сборники было до 600 подписчиковъ, chansons расходились

---

[44]) *Mémorial* I, 724—725. «Sachez que ma popularité est immense, incalculable; car quoi qu'on en veuille dire, partout le peuple m'aime et m'estime. Son gros bon sens l'emporte sur toute la malveillance des salons et la métaphysique des niais. Il me suivrait en opposition de vous tous»...

по всей Франціи и пользовались большимъ сочувствіемъ публики, потому что «французскій народъ отъ природы пѣвунъ»—«le peuple français est naturellement chanteur». Правительство закрыло общество, и авторъ проекта находилъ это распоряженіе ошибочнымъ. Правительству скорѣе слѣдовало воспользоваться обществомъ въ своихъ цѣляхъ, т. е. «изъять изъ обращенія сатирическія пѣсни и замѣнить ихъ гимнами на торжественные случаи и военныя празднества». Цензоръ и предлагалъ полиціи возобновить общество, и былъ увѣренъ, что не пройдетъ и недѣли — въ Парижѣ и по всей странѣ разлетится множество chansons и они «распространятъ немного веселости, въ которой такъ нуждаются французы» [45]).

Министръ полиціи принялъ проектъ, но осуществленію его помѣшало новое военное предпріятіе Бонапарта—походъ въ Россію, заставившій вскорѣ французовъ запѣть совсѣмъ другимъ голосомъ.

Блюстители порядка и цезарской популярности, независимо отъ пѣсенъ, заказывали спеціально-веселыя драматическія и музыкальныя пьесы, чтобы разсѣять грустныя мысли «націи». Особое «бюро общественнаго настроенія», *le bureau de l'esprit public*, состоящее при полиціи, обязано было *distraire l'opinion*, т. е. всевозможными средствами настраивать на требуемый ладъ умы и сердца подданныхъ.

Все это, конечно, было извѣстно Наполеону, но онъ пребывалъ въ неизлѣчимомъ гипнозѣ, парилъ среди волшебныхъ сновидѣній и съ закрытыми глазами шелъ къ катастрофѣ.

Наполеонъ заявлялъ государственному совѣту, что весь народъ пойдетъ за нимъ въ какой угодно военный походъ, и не переставалъ грезить все новыми завоеваніями. А въ это самое время издавались поистинѣ варварскіе законы противъ дезертировъ. Безпрестанные наборы, не щадившіе никакихъ семейныхъ положеній, вызвали во всей странѣ неописанный ужасъ. Молодые люди калѣчили себя, рекруты бѣжали толпами, крестьяне скрывались отъ набора; въ 1811 году такихъ бѣглецовъ числилось 80.000 и былъ изданъ декретъ, безпримѣрный въ исторіи: отвѣтственность за дезертировъ переносилась на ихъ *отцовъ*, *братьевъ*, *сестеръ*, *опекуновъ*, даже на *трактирщиковъ* и цѣлыя *общины*. Наполеонъ приказалъ, чтобы военныя команды размѣщались на постой по деревнямъ, гдѣ жили родственники бѣглецовъ. Эти «адскіе отряды», какъ ихъ называли крестьяне, вели себя завоевателями непріятельской страны. Не было преступленія про-

---

[45]) Welchinger, 204—205.

тивъ собственности и нравственности, которое не разрѣшалось бы гарнизону [46]).

По дорогамъ Франціи безпрестанно встрѣчались толпы новобранцевъ,— избитыхъ, истомленныхъ, будто преступники—гонимыхъ эскадронами жандармовъ. Скоро запасъ совершеннолѣтней молодежи истощился, и пришлось набирать пятнадцатилѣтнихъ мальчугановъ, вести ихъ прямо на бойню, потому что они не успѣвали выучиться даже стрѣлять и отбивали себѣ пальцы. Объ этомъ фактѣ разсказывалъ самъ Наполеонъ на островѣ св. Елены. Но и тогда у него ни на минуту не промелькнула догадка о настоящемъ смыслѣ подобныхъ явленій. Онъ было обезпокоился извѣстіемъ, что солдаты даже въ сраженіи добровольно калѣчили себя, назначилъ военную коммиссію съ цѣлью жесточайшимъ образомъ наказать виновныхъ, но хирургъ доказалъ ему неопытность солдатъ, и Наполеонъ заявилъ себя «счастливымъ», подарилъ хирургу свой портретъ съ бриллiантами, 6.000 франковъ и пенсію 3.000 [47]), какъ будто открытіе хирурга до такой степени могло быть утѣшительнымъ для полководца, не видѣвшаго конца-края своимъ военнымъ предпріятіямъ!

Такія сцены происходили въ лагерѣ. А внутри страны населеніе стонало отъ другого бѣдствія, тождественнаго по существу съ полицейскими гоненіями на печать, но еще болѣе чувствительнаго: оно всею тяжестью падало именно на ту націю, которая, по мнѣнію Наполеона, была въ восторгѣ отъ его правленія и его личности.

Мы уже знаемъ, какъ математически просто понималъ Наполеонъ внутреннюю политику,—столь же рѣшительно онъ покончилъ со всѣми вопросами внѣшней. Внутри—солдатъ и шпіонъ, извнѣ—тоже самое, только предметы воздѣйствія иные: тамъ человѣческое достоинство, гражданская свобода, слово и мысль подданныхъ, здѣсь—международныя права иностранцевъ.

«Континентальная система», столь же спеціально бонапартовское изобрѣтеніе, какъ и его «сѣть» изъ префектовъ-императо-

---

[46]) Современники разсказываютъ едва вѣроятныя мѣры, къ какимъ прибѣгали въ народѣ, лишь бы избѣгнуть военной службы. Такъ, напримѣръ, отцы многочисленныхъ семействъ освобождались отъ набора лишь въ томъ случаѣ, если въ семьѣ былъ новорожденный. Этотъ законъ повлекъ къ искусственнымъ преждевременнымъ родамъ: мать рѣшалась рисковать и своей жизнью и здоровьемъ дѣтей, лишь бы спасти отца семьи отъ солдатчины. Bondois. *O. c.* 296.

[47]) *Mémorial* I, 335—336. Хирургъ, баронъ Larrey, едва ли не единственный человѣкъ, удостоившійся вполнѣ положительнаго отзыва со стороны Наполеона. Ср. *Ib.* p. 691.

ровъ. Опять принципы, до послѣдней степени элементарные. Нужно во что бы то ни стало извести Англію, вѣрнѣйшее средство—оцѣпить ее кордономъ, въ особенности протянуть цѣпи и выставить штыки противъ всего англійскаго во Франціи. А что изъ этого произойдетъ для самой Франціи—это вопросъ праздный, даже не существующій.

Въ концѣ 1806 года былъ изданъ приказъ—закрыть французскіе порты для англійскихъ колоніальныхъ и мануфактурныхъ товаровъ. Легко представить, что воспослѣдовало въ результатѣ такой энергической политики! Французамъ предстояло во мгновеніе ока замѣнить англійскіе товары, и, конечно, множество продуктовъ даже первой необходимости не могло быть создано немедленно. Съ одной стороны начались банкротства коммерсантовъ, съ другой—страшный подъемъ цѣнъ, всецѣло падавшій на потребителя, все государство пришло въ невыносимое напряженіе, вѣковыя экономическія отношенія падали и увлекали за собой тысячи жертвъ. Контрабанда, разумѣется, попыталась придти на помощь, но наполеоновская полиція не дремала: на городскихъ площадяхъ запылали костры изъ незаконно-провезеннаго товара, населеніе сопровождало эти зрѣлища воплями и слезами, доносчики еще болѣе расплодились, а такъ какъ система была распространена на всю Европу, примкнула и Россія—французскій императоръ превратился въ универсальнаго жандарма, металъ угрозы во всѣ государства, передвигалъ войска по всѣмъ направленіямъ, пребывалъ въ какомъ-то длящемся пароксизмѣ гнѣва и злобы, и все это ради униженія Англіи!

И между тѣмъ, именно Англія менѣе всѣхъ страдала отъ чудовищной затѣи, а во Франціи и въ вассальныхъ государствахъ бѣдствія достигли высшаго предѣла. Въ 1811 году въ Европѣ исчезъ сахаръ, кофе, чай и даже хининъ. Нѣмцы перестали курить, голландцы—солить сельди: и то и другое являлось жесточайшимъ насиліемъ надъ исконными привычками націй, а въ Голландіи—подрывалась существенная отрасль промышленности. Наполеоновскія газеты восхваляли кофе изъ спаржи, чай изъ осиновыхъ листьевъ, сахаръ изъ винограднаго сиропа...

Страшное раздраженіе охватило почти всю націю, въ особенности населеніе приморскихъ городовъ. Морская торговля упала окончательно и вѣковыя фирмы исчезли съ лица французской земли... А безумецъ продолжалъ грезить о своей необъятной популярности и даже въ изгнаніи говорить безъ конца о неисчислимыхъ благодѣяніяхъ, оказанныхъ Франціи его пятнадцатилѣтнимъ правленіемъ.

Любопытно, что Наполеонъ лично оказался не въ силахъ выполнить въ точности своей системы, во-первыхъ, просто потому, что она была вопіюще-безсмысленна, потомъ у Бонапарта нигдѣ и никогда не лежало въ основѣ дѣятельности *принципа*, а лишь себялюбивый практическій разсчетъ, и, наконецъ, сынъ Летиціи Буонапарте не могъ не воспользоваться своимъ изобрѣтеніемъ, какъ выгодной аферой. Онъ сталъ продавать монополіи на ввозъ колоніальныхъ товаровъ, разрѣшилъ ввозить изъ Голландіи во Францію товары подозрительнаго происхожденія—только за громадную пошлину—въ размѣрѣ половины всей цѣны продукта. Эта мѣра быстро доставила казнѣ громадныя суммы,—тогда Наполеонъ распространилъ ее на всю Европу...

Помимо экономическихъ бѣдствій, сколько было здѣсь тлетворныхъ нравственныхъ язвъ! Шпіонство, контрабанда, всякаго рода обманы и насилія распускались пышнымъ цвѣтомъ подъ руководствомъ и по примѣрамъ самого властителя! Въ то время, когда потоками лилась кровь молодыхъ поколѣній и нація истощалась и хирѣла физически, въ духовный организмъ народа проникали разлагающіе внутренніе недуги и грозили въ дѣйствительности осуществить восточный идеалъ правителя.

Но ни идеалъ, ни самъ идеалистъ, ни пути къ цѣли совершенно не подходили къ европейской сценѣ. Не даромъ, съ такимъ презрѣніемъ Наполеонъ обзывалъ Европу «норой». Противоестественность вещей, создаваемыхъ конкуррентомъ Магомета и Чингисъ-хана, чувствовалась всюду — въ народѣ, въ ненавистныхъ салонахъ, даже среди генераловъ и придворныхъ. Мы увидимъ, какъ народъ отвѣтилъ на развѣнчаніе цезаря иноземцами; пока онъ молчалъ, уклоняясь только отъ бонапартовскихъ тріумфовъ, побѣдъ и военной славы. Въ высшемъ обществѣ громко говорили о *началѣ конца—le commencement de la fin*: объ этомъ сообщилъ самъ Наполеонъ своимъ приближеннымъ[48]). Но ему стоило только поглубже заглянуть въ думы тѣхъ же приближенныхъ, и онъ прочелъ бы ясный и окончательный свой приговоръ:

«Императоръ—безумецъ, въ полномъ смыслѣ слова—безумецъ. Онъ всѣхъ насъ, какъ мы есть, ниспровергнетъ въ пропасть, и все это кончится ужасной катастрофой»[49]). **Ив. Ивановъ.**

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

[48]) Слова, обращенныя Наполеономъ къ адъютанту, генералу Нарбонну. Welchinger, 47.

[49]) Marmont. *Mémoires* III, 337. Слова того самаго министра, который сравнивалъ Наполеона съ Богомъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Сочиненія Н. А. Добролюбова», т. I. —Необыкновенная чистота его нравственной личности. — Добролюбовъ, какъ публицистъ.- Н. В. Шелгуновъ въ своихъ «Очеркахъ русской жизни».—«Современныя теченія» въ характеристикѣ г. Южакова.—Несправедливое отношеніе къ экономическому матеріализму.— О взаимныхъ отношеніяхъ, обязательныхъ въ публицистикѣ.

На зарѣ возрожденія русскаго общества, когда впервые оно приступило къ сознательной планомѣрной работѣ и отъ узко-личной перешло къ жизни общественной, встаетъ одинъ образъ, выдѣляющійся своей трагической красотой и нравственнымъ величіемъ среди окружающихъ его и не менѣе блестящихъ, и не менѣе талантливыхъ дѣятелей того времени. Юношески чистый, не запятнанный жизнью, чуждый низменныхъ стремленій обыденности, съ ея пошлостью и мелкими страстями, онъ возвышается надъ всѣми не силою ума, не громаднымъ талантомъ или знаніями. Его сила заключалась въ нравственной красотѣ, которую или надо признать и подчиниться ей, или отвергнуть и возненавидѣть, потому что она не допускаетъ никакихъ сдѣлокъ, колебаній, сомнѣній, на которыя такъ легко поддается толпа. Въ такой красотѣ есть всегда элементъ трагическаго, т.-е. того рокового, что неизбѣжно приводитъ въ столкновеніе съ жизнью, къ борьбѣ и смерти.

Когда Добролюбовъ, еще двадцатилѣтнимъ юношей, вступилъ въ литературу, онъ сразу занялъ то мѣсто, которое какъ бы для него было уготовано и ждало его. И онъ занималъ это мѣсто не только до смерти, но и послѣ оно осталось за нимъ, и опустѣвшее напоминало окружающимъ, что только другой, не уступающій Добролюбову въ нравственной высотѣ, можетъ замѣнить его. Но другого такого не было тогда, какъ не было послѣ, нѣтъ и теперь.

Вступивъ въ редакцію «Современника», Добролюбовъ засталъ въ ней не пустоту, а рядъ силъ и талантовъ, какими ни одна редакція ни въ то время, ни потомъ не могла блеснуть. Довольно назвать двоихъ—Некрасова и Чернышевскаго: одинъ уже при-

знанный всѣми поэтъ народной печали, другой—ученый и первый публицистъ. Около нихъ сгруппировались менѣе видные, изъ которыхъ каждый потомъ занялъ мѣсто въ литературѣ и запечатлѣлъ въ ней свое имя навсегда. Но и Некрасовъ, и Чернышевскій, безспорно превосходившіе Добролюбова талантомъ, опытомъ и знаніемъ, безпрекословно подчинились и отдали руководство журналомъ ему. Они почувствовали, что съ нимъ вошла въ журналъ новая сила, увѣнчавшая зданіе, сила, безъ которой ни талантъ, ни опытъ, ни знаніе не имѣютъ всей полноты совершенства, цѣльности и рѣшающаго значенія. Трогательно было видѣть, говорить г-жа Головачева, какъ относились къ нему его старшіе товарищи по журналу. Каждый день по утрамъ, разсказываетъ она, «къ чаю являлся Чернышевскій, чтобы пользуясь этимъ свободнымъ временемъ, поговорить съ Добролюбовымъ. Ихъ отношенія удивляли меня тѣмъ, что не были ни въ чемъ рѣшительно схожи съ взаимными отношеніями другихъ, окружавшихъ меня лицъ. Чернышевскій былъ гораздо старѣе Добролюбова, но держалъ себя съ нимъ какъ товарищъ». Некрасовъ въ своихъ отношеніяхъ шелъ еще дальше, и голосъ Добролюбова былъ для него рѣшающимъ, какъ, напр., въ исторіи разрыва съ Тургеневымъ, котораго Некрасовъ любилъ и какъ товарища, и какъ самаго талантливаго беллетриста въ журналѣ, занимавшаго тогда первое мѣсто въ литературѣ.

Въ чемъ же заключалась сила этого вліянія, почему вчера еще никому неизвѣстный юноша явился вдругъ рѣшителемъ судебъ одного изъ виднѣйшихъ журналовъ и повелъ за собой другихъ, превосходившихъ его во многихъ отношеніяхъ?

Сила эта заключалась въ обаяніи нравственной красоты, олицетворенной въ Добролюбовѣ съ такой полнотой, до которой послѣ него никто не возвысился, а до него могъ равняться съ нимъ въ этомъ отношеніи только Бѣлинскій, «неистовый Виссаріонъ», тоже не знавшій никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью, прямодушный, чистый, служившій только тому, что признавалъ истиною. «Идеальное прямодушіе во всѣхъ литературныхъ отношеніяхъ, отсутствіе поклоненія какимъ бы то ни было авторитетамъ и заискиваній передъ громкими именами и знаменитостями, наконецъ, полное отрицаніе какихъ бы то ни было компромиссовъ, подлаживаній и уступокъ ради практическихъ соображеній»,—такими словами опредѣляетъ г. Скабичевскій характеръ литературнаи дѣятельности Добролюбова. Въ выдержкахъ изъ писемъ его и изъ воспоминаній Головачевой, г. Скабичевскій въ біографіи, составленной имъ для новаго (5-го) изданія О. Н. Поповой сочиненій Добролюбова, приводитъ

массу крайне характерныхъ для послѣдняго признаній и отзывовъ. «Редакція,—говорилъ Добролюбовъ,—обязана дорожить мнѣніемъ читателя, а не литературными сплетнями. Если бояться всѣхъ сплетень и подлаживаться ко всѣмъ требованіямъ литераторовъ, то лучше вовсе не издавать журнала; достаточно и того, что редакціи нужно сообразоваться съ цензурой. Пусть господа литераторы сплетничаютъ, что хотятъ; неужели можно обращать на это вниманіе и жертвовать своими убѣжденіями? Рано или поздно, правда разоблачится, а клевета, распущенная изъ мелочнаго самолюбія, заклеймитъ презрѣніемъ самихъ же клеветниковъ». Добролюбовъ, говоритъ Головачева, никогда не позволялъ себѣ примѣшивать къ своимъ отзывамъ о чьихъ-либо литературныхъ произведеніяхъ своихъ личныхъ симпатій и антипатій.

Мы привели эти отзывы, чтобы показать, въ чемъ и какъ проявлялась въ личныхъ отношеніяхъ та нравственная высота, на которой стоялъ Добролюбовъ. Сущность же ея заключалась въ идеѣ *долга,* которая проникаетъ дѣятельность Добролюбова, съ перваго выхода его на публицистическую арену и до могилы. Съ трогательной простотой, задушевностью и сжатостью, столь характерной для Добролюбова, онъ самъ лучше всего выразилъ этотъ основной мотивъ своей жизни въ извѣстномъ стихотвореніи:

Милый другъ, я умираю,
Потому что былъ я честенъ,
Но за то родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ.
Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою...
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею.

Онъ былъ олицетвореніемъ этой идеи и въ жизни, и въ литературѣ, и это придаетъ его облику что-то антично-суровое и скорбное. Въ немъ нѣтъ ни одной черты веселья или радости. Такимъ представляется судья, спокойный и неподкупный, безстрастный и неумолимый. Это чувствовалъ каждый, подходя къ нему, и отсюда та ненависть, которую онъ возбуждалъ въ однихъ, и то безграничное уваженіе, которое питали къ нему окружающіе, и то вліяніе, которое онъ имѣлъ въ литературѣ. Можно было не соглашаться съ его приговоромъ, но нельзя было его заподозрить. Жизнь не выноситъ такихъ людей, и въ этомъ трагизмъ ихъ судьбы. Онъ долженъ былъ умереть на зарѣ своихъ дней, такъ какъ поднялъ тяжесть не по силамъ для смертнаго.

Роковой недугъ, уложившій его въ могилу двадцати пяти лѣтъ, когда люди только-только вступаютъ въ жизнь, явился результа-

томъ не одной слабости организма, но и громаднаго, непосильнаго труда, который несъ Добролюбовъ, не уклоняясь ни на минуту отъ выполненія долга. «Надо было удивляться,—говоритъ Головачева,—когда Добролюбовъ успѣвалъ перечитывать всѣ русскіе и иностранные журналы, газеты, всѣ выходящія новыя книги, массы рукописей, которыя приносились и присылались въ редакцію. Авторамъ не нужно было по нѣскольку разъ являться въ редакцію, чтобы узнать объ участи своей рукописи. Добролюбовъ всегда прочитывалъ рукопись къ тому дню, который назначенъ автору. Много времени терялось у Добролюбова на бесѣды съ новичками-писателями, желавшими узнать его мнѣніе о недостаткахъ своихъ первыхъ опытовъ. Если Добролюбовъ видѣлъ какія-нибудь литературныя способности въ молодомъ авторѣ, то охотно давалъ совѣты и поощрялъ къ дальнѣйшимъ работамъ. Не мало времени и труда нужно было употребить также на исправленіе нѣкоторыхъ рукописей. Наконецъ, приходилось безпрестанно отрываться отъ дѣла для объясненій съ разными лицами и вѣдомствами. Оставалась затѣмъ своя работа—писаніе статей, за которой онъ часто засиживался до 4 часовъ ночи». Почти пять лѣтъ такой гигантской работы изо дня въ день—и то очень много.

Къ этому необходимо присоединить недовѣріе къ себѣ, то мучительное «святое недовольство», которое заставляетъ человѣка напрягать свои силы черезъ мѣру, чтобы хотя на мигъ приблизиться къ выношенному въ душѣ идеалу. По вѣрному замѣчанію г. Скабичевскаго, Добролюбову было свойственно истинное величіе души, заключающееся «въ отсутствіи кичливости умомъ, знаніемъ, положеніемъ, въ отсутствіи всякаго самодовольства и рисовки». Уже стоя во главѣ литературы, направляя ее и давая ей тонъ, этотъ человѣкъ пишетъ къ своей пріятельницѣ: «Мнѣ горько признаться вамъ, что я чувствую постоянное недовольство самимъ собой и стыдъ своего безсилія и малодушія. Во мнѣ есть убѣжденіе (очень вѣроятно, что и несправедливое) въ томъ, что я по натурѣ своей не долженъ принадлежать къ числу людей дюжинныхъ и не могу пройти въ своей жизни незамѣченнымъ, не оставивъ никакого слѣда по себѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я чувствую совершенное отсутствіе въ себѣ тѣхъ нравственныхъ силъ, которыя необходимы для поддержки нравственнаго превосходства. Тоска и негодованіе охватываетъ меня, когда я вспоминаю о своемъ воспитаніи и прохожу въ умѣ то, надъ чѣмъ я до сихъ поръ бился... Пора ученья прошла. А работа моя, къ несчастью, такая, что учить другихъ надобно... Иногда мнѣ приходится встрѣчать людей тупыхъ и безполезныхъ, но громадными средствами обла-

дающихъ для образованія и развитія себя. Тогда я думаю, если бы я такъ былъ воспитанъ, если бы я столько зналъ и имѣлъ средства—какой бы замѣчательный человѣкъ изъ меня вышелъ!.. Но за неимѣніемъ этого, я работаю—пишу кое-какъ;—и какъ же вы хотите, чтобы мое писаніе составляло для меня утѣшеніе и гордость? Я вижу самъ, что все, что я пишу, слабо, плохо, старо, безполезно, что тутъ виденъ только безплодный умъ, безъ знаній, безъ данныхъ, безъ опредѣленныхъ практическихъ взглядовъ. Поэтому, я и не дорожу своими трудами, не подписываю ихъ и очень радъ, что ихъ никто не читаетъ...» Не правда ли, эта критика несравненно суровѣе всего, что было написано съ тѣхъ поръ разными врагами Добролюбова?

И въ этомъ не было никакой дѣланности или рисовки. Головачева приводитъ тяжелую сцену наканунѣ смерти Добролюбова. «Добролюбовъ схватился за голову и съ отчаяніемъ произнесъ: «Умирать съ сознаніемъ, что не успѣлъ ничего сдѣлать... Ничего! Какъ зло насмѣялась надо мной судьба!.. Пусть бы раньше послала мнѣ смерть! Хоть бы еще года два продлилась моя жизнь, я успѣлъ бы сдѣлать хоть что-нибудь полезное... теперь ничего, ничего!» Онъ упалъ со стономъ на подушки, стиснулъ зубы, закрылъ глаза, и слезы потекли по его впалымъ щекамъ...»

Литературные гады, тщетно силящіеся доказать ничтожество Добролюбова, должны быть довольны этой сценой: ихъ мнѣніе сходится съ отзывомъ его самого о своей работѣ. Чего же лучше?..

Не такъ думали его окружающіе, и вся тогдашняя литература, прямо или косвено, признала вліяніе этой удивительной личности. Судьба многихъ дѣятелей бываетъ довольно печальна. Одни изъ нихъ кажутся при жизни очень большими единицами, но чѣмъ дальше мы уходимъ отъ нихъ, тѣмъ болѣе мельчаетъ ихъ образъ, пока совершенно не сольется съ общимъ фономъ. Другіе переживаютъ себя еще при жизни, и стоятъ, какъ развалины, свидѣтельствуя о быломъ величьи. И только немногіе становятся лишь яснѣе, выше, глубже и величавѣе, по мѣрѣ того, какъ время очищаетъ ихъ память, сглаживаетъ шероховатости и устраняетъ будничный налетъ, не чуждый самымъ великимъ и сильнымъ душамъ. Добролюбовъ принадлежитъ, безспорно, къ послѣднему типу. Никто не подвергался такой ожесточенной критикѣ и при жизни, и долго спустя, вплоть до нашихъ дней, какъ онъ, и образъ его сталъ еще чище и обаятельнѣе, значеніе его еще болѣе всеобъемлющимъ, вліяніе возвышеннѣе. Теперь онъ представляется намъ величественной горой, вершина которой, озаренная солнцемъ возрожденія, распространяетъ ослѣпительный блескъ, проникающій

въ самые темные закоулки дореформенной жизни. Отраженіе этого свѣта доходитъ и до насъ, такъ какъ и мы, въ большей или меньшей степени, пользовались и пользуемся его лучами, руководясь въ своихъ исканіяхъ истины тѣмъ направленіемъ, которое они освѣщаютъ.

Это направленіе можетъ быть опредѣлено двумя словами: демократическій принципъ. Добролюбовъ первый ясно и опредѣленно формулировалъ его, положилъ въ основу всей своей дѣятельности и далъ тонъ, котораго неизмѣнно держалась литература съ тѣхъ поръ. Долгъ передъ народомъ—вотъ идея того долга, которому Добролюбовъ посвятилъ себя и отъ котораго не допускалъ отступленій, выступая безпощаднымъ критикомъ всего, что противорѣчило этому долгу или противилось ему. Отсюда вытекаетъ та служебная роль, которую онъ отводилъ и литературѣ, и интеллигенціи. «По существу своему, литература не имѣетъ дѣятельнаго значенія; она только или предлагаетъ то, что нужно сдѣлать, или изображаетъ то, что дѣлается и сдѣлано. Въ первомъ случаѣ она беретъ свои матеріалы и основанія изъ чистой науки, во второмъ—изъ самихъ фактовъ жизни. Такимъ образомъ, вообще говоря, литература представляетъ собою *силу служебную*, которой значеніе состоитъ въ пропагандѣ, а достоинство опредѣляется тѣмъ, что и какъ она пропагандируетъ». Дальше онъ указываетъ и содержаніе этой проповѣди литературы, которая устами дѣятелей «должна проводить въ сознаніе массъ то, что скрыто передовыми дѣятелями человѣчества, раскрываетъ и поясняетъ людямъ то, что въ нихъ живетъ еще смутно и неопредѣленно». Таково же значеніе и интеллигенціи, къ которой Добролюбовъ относился скептически и отрицательно, сравнивая ее съ Обломовымъ, у котораго всегда къ услугамъ «300 Захаровъ».

Добролюбовъ ввелъ въ литературу народъ, въ которомъ онъ видѣлъ «воплощеніе всѣхъ своихъ высшихъ нравственныхъ идеаловъ» и «единственную надежду на возрожденіе общества» (г. Скабичевскій въ упомянутой біографіи). Но Добролюбовъ не былъ «народникомъ» въ современномъ смыслѣ. Ему была совершенно чужда мысль о бюрократической опекѣ, которая лежитъ въ основѣ современнаго народничества. Для него народъ былъ могучей силой, которая нуждается только въ свободныхъ условіяхъ для полнаго развитія и расцвѣта. Роль интеллигенціи и заключается, по его мнѣнію, въ выясненіи этихъ условій, а отнюдь не въ руководительствѣ, тѣмъ болѣе опекѣ надъ народомъ, какъ надъ какимъ-то несовершеннолѣтнимъ, котораго только предоставь самому себѣ, и онъ, Богъ знаетъ, что натворитъ.

Что касается различныхъ факторовъ, вліяющихъ на развитіе силъ народа, то Добролюбовъ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, которая очень близка къ тому, что принято теперь называть доктриной экономическаго матеріализма. Въ замѣткѣ «Жизнь Магомета», «Первые годы царствованія Петра Великаго» и другихъ онъ проводитъ то положеніе, что личность всецѣло зависитъ отъ внѣшнихъ условій и обстоятельствъ, что историческіе дѣятели безсильны предъ общимъ ходомъ исторіи, если имъ не благопріятствуютъ обстоятельства и условія культуры. «Человѣкъ не творитъ ничего новаго, а только перерабатываетъ существующее». «Историческая личность, даже и великая, составляетъ не болѣе, какъ искру, которая можетъ взорвать порохъ, но не воспламенитъ камней и сама тотчасъ потухнетъ, если не встрѣтитъ матеріала, скоро загорающагося», а «этотъ матеріалъ всегда подготовляется обстоятельствами историческаго развитія народа, и, вслѣдствіе историческихъ-то обстоятельствъ, и являются личности, выражающія въ себѣ потребности общества и времени». Тоже повторяется имъ въ статьѣ «О степени участія народности въ развитіи русской литературы», въ замѣткѣ о Полежаевѣ, стихотвореніяхъ Плещеева и т. п. Чисто экономической стороны доктрины онъ не касался, предоставивъ ее вѣдѣнію болѣе свѣдущаго своего товарища, который и далъ ей въ общемъ обоснованіе, весьма близкое къ современному.

Въ теченіе сорока лѣтъ, прошедшихъ со времени выступленія Добролюбова въ литературѣ, идеи, имъ внесенныя, не могли оставаться безъ движенія. Произошла естественная эволюція во взглядахъ и на литературу, и на интеллигенцію и ея отношеніе къ народу. Но проникающій Добролюбова демократическій принципъ остался въ литературѣ неизмѣннымъ. Скептицизмъ и отрицательное отношеніе къ интеллигенціи исчезли, интеллигенція сознала себя, какъ неразрывную часть народа, составляющую въ немъ все то, что стремится къ сознательной жизни, желаетъ жить, чтобы,—по слову Пушкина,—«мыслить и страдать». Исчезло и подчиненное отношеніе ея къ народу, вмѣстѣ съ понятіемъ «долга», которое теперь замѣняется понятіемъ общности, тожественности интересовъ народа и интеллигенціи. Словомъ, принципъ, впервые съ опредѣленностью, не допускающей сомнѣній и колебаній, уступокъ и сдѣлокъ, высказанный Добролюбовымъ, эволюціонировалъ въ направленіи глубоко демократическомъ—отъ подчиненія народу къ равенству съ народомъ.

Свои взгляды Добролюбовъ проводилъ съ художественной ясностью и сосредоточенной силой выраженія. Слогъ его чистъ,

силенъ, проникнутъ сдержанной страстью, что придаетъ ему почти классическую пластичность, какую мы встрѣчаемъ у Тацита. Его иронія убійственна, сарказмъ ядовитъ, а глубокая скорбь, которая постоянно чувствуется въ лучшихъ его статьяхъ, какъ отраженіе его скорбной натуры,—сжимаетъ сердце. Читая его, никогда не засмѣешься, много-много, если невеселая улыбка мелькнетъ на лицѣ и исчезнетъ, потому что изъ-за самыхъ остроумныхъ фразъ вамъ чудятся строгіе и грустные глаза. Вы постоянно чувствуете, что, «раздѣлывая» какого-нибудь Ведрова съ неподражаемымъ остроуміемъ, авторъ имѣетъ въ виду не злополучнаго Ведрова, который для него ничто, а васъ, читателя, котораго онъ учитъ критически мыслить и критически относиться къ себѣ. Добролюбовъ никогда не разбрасывается, не отвлекается въ сторону,—увлекая читателя, онъ самъ никогда не увлекается, что дѣлаетъ его логику неотразимой. Еще одна отличительная черта произведеній Добролюбова—ихъ удивительная свѣжесть. Не смотря на сорокалѣтній (почти) возрастъ, они производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто написаны вчера. Въ вышедшемъ первомъ томѣ, напримѣръ, есть небольшая замѣтка о «библіотекѣ римскихъ писателей въ русскомъ переводѣ» Клеванова,—замѣтка, какихъ тысячи появляются въ текущей печати, чтобы мелькнуть передъ читателемъ и исчезнуть безслѣдно. Между тѣмъ, замѣтка Добролюбова и теперь производитъ сильное впечатлѣніе и врядъ ли забудется прочитавшимъ. Гдѣ же причина этой свѣжести и силы впечатлѣнія? Намъ кажется, что, кромѣ таланта, съ которымъ написаны всѣ эти замѣтки, яркости мысли и художественности выраженія, причина заключается въ общемъ ихъ направленіи, въ идейной связи съ тѣмъ демократическимъ принципомъ, который объединяетъ всѣ произведенія Добролюбова и связываетъ его съ современнымъ читателемъ. И пока не измѣнится коренымъ образомъ общественная психологія, до тѣхъ поръ сочиненія Добролюбова не утратятъ своего значенія и вліянія, сколько бы ни старались ихъ пошатнуть разные литературные микробы.

Прямую противоположность Добролюбову по темпераменту мы видимъ въ Н. В. Шелгуновѣ, какимъ онъ вырисовывается въ своихъ «Очеркахъ русской жизни». Изъ-за каждой строчки выглядываетъ умное, добродушное лицо, съ чуть-чуть лукавой усмѣшкой посматривающее на своихъ противниковъ, когда, напр., г. Абрамовъ или какой-либо «толстовецъ» наскакиваетъ на него съ непремѣннымъ желаніемъ «разнести» этого «шестидесятника» во славу «восьми-

десятниковъ». Шелгуновъ парируетъ ударъ мягко, какъ-то стыдясь за тѣ удары, которые самъ наноситъ, желая усовѣстить, убѣдить своихъ оппонентовъ, пристыдить ихъ, доказавъ, что ихъ поведеніе недостойно. Въ немъ не чувствуется ни малѣйшей горечи и злости, самое большее, если у него прорвется иногда рѣзкое слово негодованія, и онъ снова впадаетъ въ обычный ему спокойно-убѣдительный тонъ.

Его «Очерки», собранные заботливой и умѣлой рукой, даютъ превосходный матеріалъ для исторіи внутренней жизни нашего общества въ восьмидесятые годы. Въ нихъ можно прослѣдить тѣ незамѣтныя измѣненія въ общественномъ настроеніи, которыя повели въ общемъ къ существенной перегруппировкѣ силъ. Слѣдя изъ мѣсяца въ мѣсяцъ за фактами текущей жизни и ихъ отраженіемъ въ литературѣ, Шелгуновъ собралъ массу данныхъ, разсѣянныхъ въ многочисленныхъ статьяхъ, корреспонденціяхъ, бѣглыхъ замѣткахъ, и объединилъ ихъ рядомъ общихъ положеній и выводовъ, къ которымъ онъ самъ приходитъ или которые отмѣчаетъ у своихъ противниковъ.

Первое, что бросается въ глаза при бѣгломъ просмотрѣ «Очерковъ», это большое мѣсто, отводимое въ нихъ вопросу о личности, ея идеалахъ, самоопредѣленіи, цѣляхъ жизни и ея безсиліи найти себѣ широкую и свободную дорогу къ прогрессу. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи споръ Шелгунова съ г. Д. Ж., проводившимъ въ «Недѣлѣ» ту мысль, что для интеллигенціи нѣтъ иного пути, какъ отказаться отъ умственной работы, которая всегда не свободна, и взяться за любой «свободный трудъ». Въ видѣ примѣра, авторъ приводитъ трудъ лавочника въ деревнѣ. Шелгуновъ, съ тонкимъ юморомъ изложивъ аргументацію г. Д. Ж., заканчиваетъ свои возраженія общей характеристикой мысли этого «кающагося» интеллигента:

«Это именно атавизмъ мысли, атавизмъ, понемногу и незамѣтно отравляющій насъ все болѣе и болѣе, до того, наконецъ, что люди перестаютъ различать черное отъ бѣлаго и съ самыми искренними намѣреніями тащутъ щипцы, чтобы погасить и послѣдній мерцающій огарокъ мысли. И это вовсе не знаменіе времени. Это обычный фактъ во времена, подобныя нынѣшнему, когда первыя скрипки въ оркестрѣ молчатъ, потому что для нихъ наступила пауза, и играть начинаютъ третьи скрипки да барабанщики. И г. Д. Ж. съ самыми благожелательными цѣлями открываетъ шествіе назадъ, не подозрѣвая, что по этому скользкому пути можно идти только подъ гору. Теперь, на первый разъ, г. Д. Ж. разулъ интеллигента и сдѣлаль его лавочникомъ, но потомъ онъ уже заставитъ его идти и «въ кусочки». И все это ради того, чтобы создать «свободнаго человѣка», не продающаго никому своего труда и своей совѣсти. Еще не такъ давно никому бы не пришло въ голову выставлять для интеллигента деревенскаго лавочника цѣлью стре-

мленій и идеаломъ гражданственности; тогда у насъ были въ оборотѣ все-таки кое-какія идеи общественнаго блага, имѣлся и нѣкоторый политическій смыслъ, и нѣкоторый политическій тактъ. Теперь все это закрылось какимъ-то пластомъ, очутилось подъ спудомъ и мы едва подаемъ признаки своего интеллектуальнаго существованія» (стр. 322—23).

Исканіе личнаго успокоенія, на почвѣ смутныхъ общихъ идеаловъ личной свободы и совѣсти, опять повторилось въ проповѣди «малыхъ дѣлъ», съ которою шумно выступила часть печати, и Шелгуновъ снова отмѣчаетъ шагъ назадъ, въ сторону отъ развитія общественности и истинно - народныхъ интересовъ. Проповѣдники мелкой культурной работы рѣзко заявили, что не имѣютъ ничего общаго съ предшествовавшимъ поколѣніемъ, признавая его задачи неосуществимыми и несущественными. Тогда (т. е. въ шестидесятые годы) общество увлекалось общими схемами, упуская изъ виду мелочи, изъ которыхъ и слагается жизнь. Теперь нѣтъ крупныхъ вопросовъ, нѣтъ того оживленія, какое замѣчалось вездѣ тогда, но за то дѣлается масса маленькихъ дѣлъ, вопросы разбились на отдѣльныя составныя части, и задача современности въ проведеніи ихъ въ жизнь. Отсюда, при видимомъ пониженіи тона, фактическое расширеніе жизни, что и замѣчается въ ростѣ печати, въ усиленіи земской дѣятельности и проч. Шелгунова изумляетъ прежде всего озлобленность проповѣдниковъ практичности противъ движенія мысли, какъ - будто «она и есть тотъ самый врагъ, который всему мѣшаетъ и котораго, поэтому, нужно унизить, смѣшать съ грязью, уничтожить». Что же такое случилось, спрашиваетъ онъ, чтобы естественный законъ преемственности мысли былъ объявленъ не существующимъ, — и даетъ прекрасный отвѣтъ о значеніи индиферентизма къ общественному движенію мысли. «Считая главною, первою своею задачею практическую дѣятельность на помощь народу, «фракція» эта соприкасается своею программою съ программой любого изданія, ибо «народъ», «помощь народу», «изученіе положенія народа» есть общая программа всей русской печати, слѣдовательно, писатели этой фракціи могутъ считать себя сотрудниками всей русской печати. Понятное движеніе этой фракціи объясняется весьма просто—ея практичностью и желаніемъ оказать народу существенную ближайшую помощь; но существенная помощь не должна бы, казалось, вести къ той страстности, съ какой фракція относится къ недавнему движенію мысли, изъ котораго она сама вышла и въ которомъ она какъ бы видитъ себѣ помѣху». Такая непослѣдовательность кажется Шелгунову проявленіемъ невѣрнаго пониманія роли и значенія интеллигенціи у насъ. Здѣсь онъ даетъ опредѣленіе интеллигенціи, близкое къ

*

тому, которое мы привели выше, какъ эволюцію этого понятія со времени Добролюбова.

«Не все, что интеллигентно, даетъ прогрессивно-историческое направленіе и движеніе жизни Россіи, и только то, что дѣйствительно идейно, прогрессивно. Собственно интеллигенція есть та неуловимая лабораторія, не имѣющая ни мѣста, ни числа, которая вырабатываетъ извѣстную идейную руководящую властную силу, подчиняющую себѣ всѣ остальныя силы. Это умственная атмосфера, образующаяся изъ очень разнообразныхъ, но однородныхъ умственныхъ теченій, составляющихъ одно гармоническое направляющее цѣлое. Да, именно атмосфера, которой дышетъ всякій живой человѣкъ, подобно тому, какъ онъ дышетъ обыкновеннымъ воздухомъ. Онъ черпаетъ изъ этой атмосферы свою умственную силу, крѣпость и здоровье, также какъ изъ обыкновеннаго воздуха черпаетъ свое физическое здоровье и свою физическую силу. Интеллигенція не образуетъ собою никакой юридической единицы. Она не корпорація, не сословіе, ея права и обязанности не установлены и не опредѣлены закономъ и не регламентированы никакими правилами, инструкціями или формами. Это совершенно свободная сила, подчиняющаяся въ своемъ идейномъ творчествѣ только одному закону мысли и велѣніямъ той дѣйствительности, которой онъ служитъ. Это кормчій, стоящій у компаса, а не у руля, и указывающій, куда плыть, это лоцманъ, слѣдящій за фарватеромъ, выкрикивающій, гдѣ какая глубина и гдѣ лежатъ камни и мели. И эту роль интеллигенціи можно прослѣдить во всѣхъ нашихъ большихъ и малыхъ внутреннихъ дѣлахъ. Интеллигенція всегда стояла на стражѣ ихъ, всегда зорко слѣдила за всѣми движеніями общественной жизни и всегда являлась высшимъ разумомъ и источникомъ уравновѣшеннаго сужденія, стоящаго выше всего частнаго, случайнаго, временнаго и искавшаго справедливаго разрѣшенія только въ общемъ» (стр. 853).

Съ этой точки зрѣнія относится Шелгуновъ и къ тому противо-культурному теченію, которое выразилось въ стремленіи части интеллигентовъ къ «опрощенію». Корни его онъ видѣлъ въ томъ же пониженіи общественной мысли, что и для проповѣди малыхъ дѣлъ. Явись такое ученіе въ шестидесятые годы, оно прошло бы въ лучшемъ случаѣ незамѣченнымъ, или же вызвало бы общее негодованіе. Широкое, захватывающее всѣхъ движеніе общественной мысли не давало мѣста вопросамъ узкой личной морали, ставящей личность центромъ жизни. Но разница между обоими теченіями, противъ которыхъ боролся Шелгуновъ, очень велика. Первое, сводящее все къ практичности, держалось «исключительно гражданской почвы» и не только старалось опредѣлить, «что можно и чего нельзя, но и пыталось установить новую общественно-гражданскую истину и такой новый теоретическій принципъ, который былъ бы осуществимъ на практикѣ. А такъ какъ подобнаго принципа въ предъидущихъ опытахъ послѣдователи его не усмотрѣли, а одни стремленія къ идеалу ихъ не удовлетворяли, то они и рѣшили, что слѣдуетъ предоставить жизни идти сама собой, въ тѣхъ рамкахъ и при тѣхъ дѣятельныхъ силахъ, которыя даютъ

ей движеніе, цвѣтъ, характеръ и направленіе теперь, и пока ограничиться лишь наблюденіемъ того, что свершается въ жизни, не относясь къ этому ни съ какой предвзятой теоріей». Толстовцы тоже не удовлетворялись предшествующими попытками рѣшенія общественныхъ вопросовъ, но пришли къ отрицанію всего, всей цивилизаціи, вычеркнувъ общественную и гражданскую жизнь цѣликомъ. Но какой же результатъ они предвидѣли и чего собственно могли ожидать?

«Предположите,—отвѣчаетъ Шелгуновъ,—что обскурантное ученіе проповѣдниковъ морали становится настолько сильнымъ, что увлекаетъ за собой хоть 100.000 интеллигентныхъ людей и преимущественно молодежи, и всѣ эти люди «садятся на землю». Да, вѣдь, это же такое общественное бѣдствіе и такой общественный минусъ, передъ которымъ должно поблекнуть нашествіе десяти Тамерлановъ и Аттилъ. Сто тысячъ, вынутые изъ нашего скуднаго запаса образованныхъ и интеллигентныхъ людей и омужиченные ради того лишь, что «интеллигентъ долженъ отдать свой долгъ народу и своими руками добывать себѣ насущный хлѣбъ»,—это не только общественный абсурдъ, но и тягчайшее общественное преступленіе, которое должно бы вызвать проклятіе на главу проповѣдниковъ этого безбожнаго и бездушнаго избіенія людей, можетъ быть, даже лучшихъ нашихъ людей, ибо идутъ за нашими проповѣдниками «только энтузіасты и люди, способные жертвовать собою ради нравственныхъ общественныхъ цѣлей» (стр. 1072).

Такимъ образомъ, изъ этихъ выписокъ мы видимъ, какимъ тонкимъ наблюдателемъ современныхъ ему теченій мысли является Шелгуновъ въ своихъ «Очеркахъ». Оставаясь вполнѣ человѣкомъ шестидесятыхъ годовъ, онъ прекрасно оріентируется среди нихъ, отводя каждому подобающее мѣсто, не смотря на ихъ противорѣчивость. Онъ не забываетъ также указать, гдѣ слѣдуетъ искать ихъ корни, и въ той же толстовской личной морали видитъ окончательную фазу идеи долга народу, явившагося какъ проявленіе потребности уплатить народу цѣну созданнаго народомъ прогресса, дворянской интеллигенціи и ея наслѣдственныхъ состояній. Но, добавляетъ онъ, «освобожденіе крестьянъ выдвинуло еще и другую группу, ничего общаго съ этой группой не имѣющую, группу иного, новаго происхожденія, вышедшую изъ того же народа и вмѣстѣ съ нимъ послужившую на созданіе нашей дворянской интеллигенціи,—эту новую общественную группу составилъ разночинецъ», которому «не въ чемъ каяться и отдавать долгъ некому».

Къ нашимъ днямъ эти теченія, только намѣчавшіяся въ восьмидесятые годы, болѣе или менѣе оформились, и очень жаль, что Шелгунову не пришлось дожить до этого момента. Его мягкій темпераментъ и спокойный, объективный анализъ не мало содѣйствовалъ бы выясненію взаимныхъ отношеній, а вѣское, авторитетное слово послужило бы къ мирному дебатированію спорныхъ

вопросовъ, которые, какъ сейчасъ увидимъ, трактуются теперь не всегда въ духѣ «любви къ истинѣ».

Разбираясь въ различныхъ направленіяхъ, Шелгуновъ, между прочимъ, высказываетъ и свою точку зрѣнія, не имѣющую ничего общаго ни съ практическимъ духомъ проповѣдниковъ малыхъ дѣлъ, ни съ отрицаніемъ цивилизаціи опростителей, ни съ отдачей долга народу. Чтобы выяснить свое направленіе, онъ приводитъ слѣдующую выписку изъ Фюстель де-Куланжа.

«Всегда и вездѣ,—говоритъ послѣдній,—форма владѣнія землею является однимъ изъ главныхъ элементовъ, опредѣляющихъ характеръ общественнаго и политическаго строя. По отношенію къ нашему времени, эта истина не имѣетъ того значенія, какое слѣдуетъ признать за нею для болѣе древнихъ періодовъ исторіи. Въ послѣднія четыре столѣтія наши общества сдѣлались болѣе сложными организмами. Будущему историку, который черезъ нѣсколько вѣковъ пожелаетъ узнать наши теперешнія учрежденія, придется изучить многое другое помимо поземельнаго строя. Ему придется отдать себѣ отчетъ въ томъ, чѣмъ являлась у насъ фабрика и что представляло собою населеніе работающее на ней. Онъ будетъ стараться понять нашу биржу, наши финансовыя предпріятія, нашу журналистику и все, что съ нею связано. Онъ вынужденъ будетъ прослѣдить одинаково, какъ исторію денегъ, такъ и поземельную исторію, какъ исторію машинъ, такъ и исторію людей. Исторія науки и всѣхъ профессій, съ нею соприкасающихся, будетъ имѣть для него огромное значеніе. Наши взгляды, истинные и ожные, и всѣ разнообразныя проявленія нашей духовной жизни будутъ имѣть для него большую цѣну Чтобы понять наши политическія движенія, онъ долженъ будетъ заняться не только тѣмъ классомъ, въ рукахъ котораго сосредоточивается земельная собственность, ему придется обратить вниманіе и на тѣ два класса, которые не владѣютъ землей: съ одной стороны, на тотъ, который обнимаетъ собою такъ-называемыя либеральныя профессіи, съ другой — рабочій классъ. Онъ долженъ будетъ измѣрить то вліяніе, какое каждый изъ нихъ оказываетъ на общественныя дѣла... И все это историки должны изучить не изъ простого любопытства. Исторія не есть собраніе всякаго рода событій, совершившихся въ прошломъ; исторія—наука человѣческихъ обществъ. Ея задача—узнать, какъ образовались эти общества. Она должна изучить, подъ дѣйствіемъ какихъ силъ они управлялись, т.-е. какія силы поддерживали связь и единство каждаго изъ нихъ. Она изслѣдуетъ тѣ органы, которыми общества жили, т. е. ихъ право, ихъ общественную экономію, ихъ привычки, духовныя и матеріальныя. Каждое изъ этихъ обществъ было живымъ существомъ...» (стр. 900).

Такую программу, говоритъ онъ, выработали себѣ не одни только историки. «Европейскій умъ пользуется ею и для сужденія о настоящемъ». Русскій умъ познакомился съ нею въ шестидесятые годы, но съ тѣхъ поръ произошло дальнѣйшее расчлененіе этой программы, отъ которой «откололись» два современныхъ теченія, какъ отмѣчаетъ г. Южаковъ въ только-что изданной имъ книгѣ «Соціологическіе этюды».

Во второй главѣ введенія—«Современныя теченія», онъ указываетъ, что, «съ одной стороны, откололись «народники», съ другой,—шумно заявляютъ о своемъ существованіи и обособленіи экономическіе матеріалисты новѣйшей формаціи». И тѣхъ, и другихъ авторъ не одобряетъ, видя въ обоихъ «теченіяхъ» признакъ «безнадежности, недальновидности и малодушія» извѣстной части общества. Въ особенности достается экономическому матеріализму, который «является однимъ изъ порожденій умственнаго шатанія и сомнѣнія». Въ обоихъ теченіяхъ онъ находитъ много общаго, прежде всего то первенствующее значеніе, которое придается экономическимъ условіямъ.

«Современное народничество въ значительной степени соотвѣтственно современному экономическому матеріализму, хотя, повидимому, и состоитъ съ нимъ въ самомъ крайнемъ противорѣчіи. Начать съ того, что и народники, и матеріалисты придаютъ исключительное значеніе экономикѣ національной жизни. Далѣе, и тѣ, и другіе впадаютъ въ исключительность, одни рекомендуя исключительно самобытность, другіе—заимствованіе. Для однихъ традиціонные устои такъ же палладіумъ, какъ для другихъ капитализмъ. Тѣ и другіе страдаютъ своего рода историческимъ дальтонизмомъ, не видя или не желая видѣть цѣлыхъ сторонъ исторической дѣйствительности. Одни, укрываясь за малыми дѣлами и маленькими вопросами отъ крупныхъ явленій и широкихъ проблеммъ, не допускаютъ возможности капиталистическаго процесса у насъ. Другіе, ослѣпленные яркимъ маревомъ (?) западноевропейскаго быта, упорно закрываютъ глаза передъ невозможностью такого же процвѣтанія капитализма у насъ. Тѣ и другіе ищутъ выхода въ одностороннемъ исключительномъ рѣшеніи: *погибай все, лишь бы спасти экономическіе устои самостоятельнаго народнаго хозяйства* (курсивъ автора, какъ и далѣе), восклицаютъ одни, не понимая, что со *всѣмъ другимъ* непремѣнно погибнутъ и эти устои; *пусть раззоряется народъ, но да торжествуетъ вмѣстѣ съ капитализмомъ высшая культура*, возглашаютъ другіе, не понимая, что раззорить народъ капитализмомъ возможно и у насъ, а насадить высшую культуру такой цѣной, пожалуй и не удастся» (стр. 36).

У г. Южакова есть одна faculté maitresse—выражаясь языкомъ Тэна—господствующая особенность, именно склонность къ схемѣ. Такая особенность дѣлаетъ его несправедливымъ, какъ къ народникамъ, такъ и къ экономическимъ матеріалистамъ. Мы не помнимъ ни одного представителя народниковъ, который такъ странно формулировалъ бы свои желанія. Но еще болѣе несправедливымъ оказывается г. Южаковъ, приписывая экономическимъ матеріалистамъ приводимую имъ формулу. Откуда онъ ее позаимствовалъ, извѣстно ему самому, но врядъ ли можно повѣрить г. Южакову, при всемъ нашемъ уваженіи къ нему, что экономическіе матеріалисты, съ одной стороны, такъ жестокосердечны, съ другой—такъ непроходимо глупы. Въ самомъ дѣлѣ, подумать только, что это за «статуй безчувственный», кто бы помыслилъ, не то что

сказалъ, такую вещь! Иродъ избилъ младенцевъ, и за то проклятъ изъ рода въ родъ. А эти—весь народъ хотятъ раззорить во имя какой-то высшей культуры. Какъ будто они не знаютъ, что «не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка», слѣдовательно, и культура для народа, а не обратно. Но если ужъ они, эти «исчадья тьмы», рекомые экономическіе матеріалисты, такъ безсердечны, то какъ же они мечтаютъ обосновать высшую культуру на раззореніи народа? Раззореніе—это отрицаніе всякой культуры, не то что еще «высшей». Очевидно, здѣсь что-то не такъ. Защищая свою точку зрѣнія, не слѣдуетъ приписывать противникамъ того, что имъ не принадлежитъ, какъ не слѣдуетъ возлагать на ихъ отвѣтственность чужіе грѣхи. Г. Южаковъ, въ числѣ доводовъ противъ, указываетъ, что воззрѣнія экономическихъ матеріалистовъ эксплуатируются разными господами, которые «желаютъ сознательно служить» сильнымъ противъ слабыхъ. Доводъ немножко странный, и на него можно бы отвѣтить, что первые, воспользовавшіеся методомъ Сократа, были софисты. Но развѣ отъ этого Сократъ пересталъ быть «праведнѣйшимъ изъ людей», а его методъ потерялъ свое значеніе? Это старая исторія, хорошо знакомая и г. Южакову, которому, вѣроятно, и самому приходилось быть въ такомъ же положеніи и видѣть, какъ вѣрную и справедливую мысль его пускаютъ въ оборотъ нечистыя руки для нечистыхъ цѣлей.

Намъ кажется, что г. Южаковъ превратно толкуетъ воззрѣнія экономическихъ матеріалистовъ, отрицающихъ только возможность какихъ бы то ни было благожелательныхъ и неблагожелательныхъ экскурсій въ область хозяйственныхъ отношеній, признающихъ, что эти отношенія слагаются внѣ власти человѣка, который самъ является ихъ производной величиной. Они заявляютъ, что есть законы, управляющіе этими отношеніями, столь же незыблемые, какъ и прочіе естественные законы, но что они подлежатъ изученію,—и на ихъ «изслѣдуемъ» г. Южаковъ отвѣчаетъ ссылкой на современныхъ софистовъ. Далѣе, они осмѣливаются думать, что если эти законы дѣйствительно существуютъ, то ихъ вліянію подчинена и наша страна, какъ и всѣ прочія, и предлагаютъ изученіе текущей дѣйствительности, не съ предвзятой точки зрѣнія, хотя бы самой возвышенной, а съ чисто-фактической. И когда анализъ существующихъ отношеній приводитъ ихъ къ выводу, что Россія идетъ по пути капитализма, г. Южаковъ возглашаетъ: «они хотятъ раззорить народъ, ради торжества капитализма и высшей культуры».

Такимъ образомъ, экономическій матеріализмъ, какъ мы его понимаемъ, не отступаетъ, вообще, отъ той программы, которой

«пользуется европейскій умъ для сужденія о настоящемъ». Послѣдователи этой доктрины являются прямыми продолжателями тѣхъ, которые, какъ справедливо отмѣчаетъ и г. Южаковъ, въ шестидесятые годы «исходили изъ доктрины преобладанія экономическаго матеріализма». Этимъ снимается съ нихъ обвиненіе въ отсутствіи «преемственности идей», хотя, конечно, современные экономическіе матеріалисты значительно дальше пошли въ развитіи этой доктрины, такъ какъ было бы странно и непонятно, если бы масса накопившихся за эти 40 лѣтъ фактовъ и изслѣдованій, всѣ измѣненія въ строѣ жизни не оказали на нихъ вліянія. Но они сохранили прямую связь съ старымъ міросозерцаніемъ, и прежде всего съ демократическимъ принципомъ, лежащимъ въ его основѣ.

Въ несправедливомъ упрекѣ по адресу экономическихъ матеріалистовъ намъ слышатся отголоски нападокъ, сыпавшихся въ свое время на критику Добролюбова и его товарищей. Такъ, г-жа Головачева приводитъ слѣдующій любопытный, съ исторической точки зрѣнія, отзывъ Тургенева о Добролюбовѣ: «Когда Тургеневъ убѣдился, что Добролюбовъ не поддается на его любезныя приглашенія, то оскорбился и началъ говорить, что въ статьяхъ Добролюбова видитъ инквизиторскій пріемъ осмѣять, загрязнить всякое увлеченіе, всѣ благородные порывы души писателя, что онъ возводитъ на пьедесталъ матеріализмъ, сердечную сухость и съ нахальствомъ глумится надъ поэзіей, что никогда русская литература, до вторженія въ нее семинаристовъ, не потворствовала мальчишкамъ изъ желанія пріобрѣсти этимъ популярность. Кто любитъ русскую литературу и дорожитъ ея достоинствомъ, тотъ долженъ употребить всѣ усилія, чтобы избавить ее отъ этихъ кутейниковъ-вандаловъ».

Какъ можно судить, это опять таки старая исторія, повтореніе которой никого не должно смущать. Но не лучше-ли, вмѣсто нея, вспомнить публицистическое credo, которое мы позволяемъ себѣ позаимствовать у г. Лесевича, почтеннаго товарища и сотрудника г. Южакова по журналу, изъ его статьи «Лессингъ и его «Натанъ Мудрый» («Этюды и очерки», Спб. 1886 г.). Г. Лесевичъ, возражая противъ идиллическихъ взглядовъ на борьбу убѣжденій, говоритъ: «Изъ той истины, что не слѣдуетъ дѣлать своихъ убѣжденій послушниками страстей, вытекаетъ не фантастическое слѣдствіе—прекращеніе борьбы мнѣній или устраненіе изъ нея страстности, но весьма практическое и важное заключеніе—*справедливость и самообладаніе въ борьбѣ, умѣніе различать средства борьбы, устранять изъ нея все недостойное человѣка, все безсмысленное, нечестное*... Въ справедливости и выборѣ средствъ и

заключается вся суть нравственной стороны борьбы за убѣжденіе.» (стр. 107).

Къ этому остается добавить еше мудрыя слова самого Лессинга, что «не та истина, которою обладаетъ или думаетъ обладать человѣкъ, опредѣляетъ его достоинство; достоинство это заключается въ непрестанномъ усиліи для овладѣнія ею, ибо не обладаніе истиною, но исканіе ея расширяетъ силы человѣка и служитъ принципомъ его совершенствованія».

Итакъ, будемъ стремиться къ истинѣ...

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Отголоски земскихъ собраній. Читая отчеты о минувшихъ земскихъ собраніяхъ этого года, нельзя не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ земствахъ начинаютъ преобладать сторонники не-земскихъ интересовъ.

Такъ, «новыя вѣянія» особенно рѣзко проявились въ саратовскомъ земствѣ. По словамъ «Сарат. Листка», сессія прошла вяло, «земское собраніе хоронитъ все доброе. Вмѣсто живой, воспріимчивой, чуткой къ общественнымъ интересамъ дѣятельности, мы видимъ одну печальную погребальную церемонію, печальную процессію къ кладбищу, въ которомъ такъ легко на время спрятать всѣ истинныя нужды. Меньшинство, не принадлежащее къ «правой», устаетъ въ неравной борьбѣ; оно не въ силахъ противостоять оппозиціи, идущей подъ сильнымъ подкрѣпленіемъ большинства, и слагаетъ оружіе. Конечно, съ точки зрѣнія отвлеченной, это меньшинство—неправо; оно должно бороться, бороться до конца, не уступая ни одного волоска земскихъ интересовъ. Но, какъ мы неоднократно указывали, школа общественности на Руси до сихъ поръ только элементарная, начальная школа, гдѣ проходятъ лишь первыя ступени... Мыслимо ли при такихъ условіяхъ воспитаться и сложиться въ опредѣленную форму тактикѣ, твердымъ пріемамъ борьбы и умѣнью крѣпко стоять на позиціи, независимо отъ числа окружающихъ противниковъ? Неудивительно, что саратовское меньшинство удаляется отъ зла, чтобы сотворить благо. И тонъ земству задаетъ теперь гр. Уваровъ. Этотъ почтенный дѣятель пріобрѣлъ себѣ поистинѣ всероссійскую извѣстность. Онъ блестяще служитъ идеямъ «правой» и является прекраснымъ примѣромъ того, какимъ земцемъ не слѣдуетъ быть. Это—обскурантъ по преимуществу. Образованіе онъ признаетъ нужнымъ настолько, насколько требуется его для чтенія и подписыванія различныхъ документовъ и бумагъ. О народѣ при графѣ Уваровѣ надо говорить очень осторожно. Онъ прекрасно умѣетъ указать, гдѣ раки зимуютъ, и всею силою своего благороднаго краснорѣчія обрушивается на всякое предложеніе, имѣющее въ виду просвѣщеніе темной массы. Губернская управа предложила собранію ассигновать небольшую сумму для учрежденія при управѣ особаго отдѣленія по народному образованію. Конечно, гр. Уваровъ немедленно выступилъ противъ, и земское большинство «провалило» это начинаніе».

Иной характеръ имѣли постановленія по народному образованію въ Смоленскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, составъ котораго въ этомъ году былъ чрезвычайно удачнымъ. смоленское губернское земство при-

знало неотложность введенія всеобщаго обученія въ Смоленской губерніи и постановило обратить дорожный капиталъ (160.000 р.) земства всецѣло на нужды народнаго образованія. Смоленское земское собраніе отвело также много времени обсужденію медицинскихъ вопросовъ: «*Относительно новаго лѣчебнаго устава прошлое собраніе ходатайствовало объ отсрочкѣ введенія его на нѣсколько лѣтъ*, но въ этомъ году нѣкоторыя уѣздныя собранія высказались за совершенную неприложимость новаго устава въ силу вызываемыхъ имъ большихъ расходовъ и непреодолимыхъ препятствій для правильнаго развитія участковой земской медицины. Поэтому, настоящее губернское собраніе нашло необходимымъ возбудить ходатайство вообще о невведеніи новаго устава въ губерніи. Въ виду окончанія санитарнаго изслѣдованія и описанія фабрикъ и заводовъ губерніи, *управой былъ представленъ проектъ обязательныхъ санитарныхъ постановленій для нихъ, но собраніе* передало его на предварительное разсмотрѣніе уѣздныхъ земствъ. Въ 1894 г. указомъ сената разъяснено, что жалованье городовымъ врачамъ должно платить земство въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ содержаніе городовыхъ врачей не было отнесено на городскія средства особымъ распоряженіемъ министерства. Въ Смоленской губерніи такихъ уѣздныхъ городовъ шесть. Собраніе приняло содержаніе этихъ шести врачей на губернскія средства и въ то же время возбудило ходатайство объ упраздненіи должности городового врача въ этихъ городахъ, такъ какъ въ настоящее время для земско-медицинской организаціи городовые врачи совершенно излишни, и расходъ на нихъ для земства является непроизводительнымъ. Наконецъ, губернское собраніе поддержало ходатайство бѣльскаго земства о разрѣшеніи М. Б. Фейнбергъ (имѣющей докторскій дипломъ бернскаго университета) держать экзаменъ на врача въ Россіи».

Наибольшій интересъ въ минувшую сессію возбудилъ въ тверскомъ собраніи вопросъ о Бурашевской колоніи для душевно-больныхъ, о которой было такъ много толковъ въ прошломъ году, о чемъ сообщалось своевременно и въ «Мірѣ Божьемъ». Корреспондентъ «Новаго Времени» слѣдующимъ образомъ описываетъ новые порядки, воцарившіеся въ Бурашевѣ: «Извѣстно, что въ теченіе 3—4 послѣднихъ лѣтъ въ самомъ земствѣ, не щадившемъ ранѣе средствъ на созданіе Бурашевской колоніи, стали раздаваться голоса не только о преобразованіи этого учрежденія, но даже и о полной передачѣ его правительству, съ приплатой извѣстной суммы отъ земства: въ такомъ положеніи очутилась «преобразованная» за уходомъ д-ра М. П. Литвинова колонія. Въ настоящее время во главѣ колоніи стоитъ д-ръ Совѣтовъ, служившій ранѣе въ Владимірской земской психіатрической больницѣ, изъ отчета которой видно, что изъ 600 больныхъ въ теченіе года отправилось ad patres около 100 человѣкъ! М. П. Литвинова ранѣе упрекали въ чрезмѣрной гуманности къ больнымъ; врачъ Совѣтовъ придерживается системы строгости, онъ считаетъ вреднымъ, съ медицинской точки зрѣнія, скрасить чѣмъ-нибудь жизнь несчастныхъ, въ родѣ лишняго блюда, прогулки, папиросы, стакана пива и т. п. дешевыхъ удовольствій. Теперь введенъ самый суровый режимъ и практикуются даже наказанія; прежде старались индивидуализировать лѣченіе и обращали главное вниманіе на уходъ и вообще на обстановку, окружающую больныхъ; теперь стремятся подчинить возможно бо́льшее число лицъ однообразному, шаблонному порядку, требующему несомнѣнно и меньше заботъ, и меньше труда. При новомъ порядкѣ введены, какъ сказано, даже

наказанія, или, какъ выразился гласный Способинъ, «педагогическія мѣропріятія» — для сумасшедшихъ: заключеніе въ карцеръ на нѣсколько дней, лишеніе свободы, прогулокъ, а иногда даже и пищи и проч. И въ колоніи бываютъ такіе печальные факты, какъ случай 7 января, когда тихій больной Преображенскій, лишенный права прогулокъ за то, что жаловался всѣмъ на современные порядки въ колоніи, набросился съ ножомъ на врача Рѣзвова, поранилъ его и защищавшихъ его служителей Другой больной Вончаковъ «за непочтеніе къ доктору» былъ посаженъ въ холодный карцеръ и выдержанъ тамъ безъ постели 4 сутокъ. Озлобленный больной порвалъ на себѣ все платье и, отказываясь все время отъ пищи, стоически несъ наказаніе и мерзъ отъ холода въ карцерѣ съ асфальтовымъ поломъ. Когда служитель сжалился надъ несчастнымъ и протопилъ карцеръ, онъ былъ подвергнутъ за то взысканію со стороны доктора.

Неудивительно, что изъ Бурашева уже не будутъ выходить такіе психіатры, какъ гг. Кащенко, Яковенко, Бартелингъ, организовавшіе и ставшіе во главѣ психіатрическихъ колоній въ Нижнемъ-Новгородѣ, Смоленскѣ и Москвѣ. Теперь у бурашевскихъ врачей можно учиться не психіатріи, а экономіи, которой отъ нихъ требуетъ нынѣшняя земская управа».

Губернское земское собраніе въ засѣданіи 26 января почти единогласно постановило «выразить бывшему директору Бурашевской колоніи, М. П. Литвинову, свое глубокое сожалѣніе по поводу его выхода въ отставку и свою глубокую благодарность за его 13-лѣтнюю, въ высшей степени полезную и просвѣщенную дѣятельность на пользу земства и всего населенія Тверской губерніи». Кромѣ того, постановлено пріобрѣсти для колоніи художественный портретъ М. П. Литвинова.

По поводу вопросовъ экономическаго характера слѣдуетъ отмѣтить, между прочимъ, любопытное прошеніе крестьянъ Гдовскаго уѣзда, доложенное въ засѣданіи экономическаго совѣта петербургскаго земства, и затѣмъ предложенное на обсужденіе земскаго собранія. Прошеніе было подано отъ имени нѣкоторыхъ крестьянъ трехъ волостей Гдовскаго уѣзда «объ ихъ земельномъ стѣсненіи и нуждѣ, побуждающей ихъ къ переселенію въ Томскую губернію. Крестьяне просили довести до свѣдѣнія губернскаго собранія объ ихъ бѣдственномъ положеніи и рѣшеніи переселиться и, если собраніе найдетъ возможнымъ, помочь имъ. Одною изъ причинъ обѣдненій крестьянъ былъ полный неурожй озимыхъ хлѣбовъ въ 1895 г.

Экономическій совѣтъ, обсудивъ прошеніе крестьянъ, призналъ, что крестьяне Петербургской губерніи могли придти къ мысли о переселеніи въ Томскую губернію только вслѣдствіе какихъ-либо исключительныхъ, особенно неблагопріятныхъ условій и, потому, придавая весьма большое значеніе поступившему прошенію, какъ симптому переживаемаго крестьянскимъ хозяйствомъ кризиса, постановило, просить губернскую управу объѣхать лично мѣстности, гдѣ возникла мысль о переселеніи, и затѣмъ, согласно состоявшемуся ранѣе рѣшенію совѣта, произвести сплошное статистическое изслѣдованіе нѣкоторыхъ южныхъ волостей Гдовскаго уѣзда».

Несмотря на крайнюю важность этого заявленія, указывающаго на существованіе въ Петербургской губерніи, у самаго порога столицы, такой сильной нужды, побуждающей къ переселенію на далекую окраину, земское собраніе оставило это заявленіе безъ вниманія и не согласилось на предложенное экономическимъ со-

вѣтомъ статистическое изслѣдованіе Гдовскаго уѣзда.

Русская Ирландія. Подъ такимъ заглавіемъ помѣщено въ «Недѣлѣ» интересное письмо изъ Новороссіи, въ которомъ описывается печальное положеніе южно-русскихъ мѣщанъ-десятинщиковъ, изгоняемыхъ мѣстными землевладѣльцами со своихъ хуторовъ. Авторъ письма справедливо полагаетъ, что судьба этихъ сотенъ и тысячъ мѣщанъ-десятинщиковъ чрезвычайно напоминаетъ судьбу безземельныхъ ирландскихъ фермеровъ. Причина столь часто повторяющихся за послѣднее время выселеній десятинщиковъ, по мнѣнію корреспондента, заключается въ слѣдующемъ: съ каждымъ годомъ все большее и большее количество южнорусскихъ земель переходитъ въ руки всевозможныхъ эксплоататоровъ, а возникшая у насъ испольная система хозяйства заставляетъ хозяевъ принимать на свои хутора только такихъ поселянъ, которые обладаютъ достаточнымъ количествомъ рабочаго скота и хорошими земледѣльческими орудіями. При такихъ условіяхъ бѣднымъ десятинщикамъ, число которыхъ въ настоящее время достигаетъ огромныхъ размѣровъ, положительно нѣтъ мѣста въ имѣніяхъ нашихъ частныхъ владѣльцевъ.

Самый процессъ изгнанія десятинщиковъ изъ ихъ жилищъ совершается крайне просто. Зная невозможность для мѣщанъ-десятинщиковъ жаловаться на самоуправство землевладѣльцевъ или арендаторовъ, эти послѣдніе, во избѣжаніе излишнихъ судебныхъ издержекъ, раздѣлываются со своими хуторянами домашнимъ образомъ. У нихъ существуетъ даже разъ навсегда выработанная программа дѣйствій. Начинается обыкновенно съ того, что помѣщикъ отказываетъ десятинщикамъ въ наймѣ полей подъ пахоту и выпасы скота; когда же эта мѣра оказывается недѣйствительной, такъ какъ мѣщане могутъ найти себѣ землю гдѣ-нибудь на сторонѣ. тогда противъ нихъ начинается уже настоящая блокада. Прежде всего хуторъ окапывается глубокимъ рвомъ, дабы прекратить жителямъ выходъ и выѣздъ изъ него. затѣмъ запираются ближайшіе колодцы, засариваются источники и т. д.; если же и послѣ этого осажденные продолжаютъ упорствовать, тогда вынимаются окна и двери изъ мѣщанскихъ жилищъ, часть которыхъ превращается затѣмъ въ хлѣвы, куда загоняются на ночлегъ свиньи или какой-нибудь иной скотъ. Послѣднее и самое вѣрное средство для выживанія десятинщиковъ заключается въ томъ, что владѣлецъ, выбравъ удобный моментъ, когда обитатели хутора уйдутъ со своими семьями на работу, разрушаетъ мѣщанскія жилища. Весьма естественно, что послѣ такого разгрома десятинщикамъ приходится поневолѣ оставлять хуторъ и отправляться на всѣ четыре стороны. Иногда, впрочемъ, бываетъ и такъ, что они еще продолжаютъ нѣкоторое время жить на томъ же мѣстѣ. выстроивъ себѣ кое-какіе шалаши изъ остатковъ разрушенныхъ избъ; однако, это возможно только весною и лѣтомъ; въ холодное же время года не долго, разумѣется, насидишь въ шалашѣ.

Десятинщики иногда пробуютъ протестовать противъ такого самоуправства, но протесты ихъ, обыкновенно, не приводятъ ни къ какимъ результатамъ. Корреспондентъ «Недѣли» разсказываетъ, что одинъ изъ выселенныхъ десятинщиковъ обращался въ судъ, дважды ѣздилъ въ Петербургъ, и въ концѣ концовъ хата его все-таки была снесена судебными властями и ему пришлось искать новаго мѣста для поселенія.

Куда же дѣваться всѣмъ этимъ выселеннымъ десятинщикамъ? Въ помѣщичьихъ хозяйствахъ, какъ мы видѣли, имъ нѣтъ мѣста. Остаются ка-

зенныя земли, но и ихъ также оказывается недостаточно. По словамъ корреспондента «Недѣли», если даже будетъ сдѣлано все возможное для привлеченія на казенные участки безземельныхъ крестьянъ и мѣщанъ-десятинщиковъ, то все-таки казенной земли въ Новороссіи окажется далеко недостаточно для удовлетворенія всѣхъ нуждающихся въ ней. Вѣдь облегченія по части аренды казенныхъ участковъ крестьянами обнадованы уже около года тому назадъ, а между тѣмъ, большинство здѣшнихъ мѣщанъ десятинщиковъ и понынѣ сидятъ на старыхъ мѣстахъ. Въ 1895 г. пахатная площадь въ одной только Херсонской губерніи равнялась 3.124.000 дес., а въ этомъ числѣ казенной земли было всего на всего около 90.000 дес., всего же въ арендѣ числилось казенныхъ участковъ не болѣе 300.000 дес. Такимъ образомъ, значительная часть здѣшнихъ десятинщиковъ должна все-таки перекочевывать въ болѣе отдаленныя мѣстности, на что потребуются средства, которыхъ у нихъ не имѣется.

Рабочіе на рыбныхъ промыслахъ. Въ «Астрах. Листкѣ» помѣщено любопытное сообщеніе о бѣгствѣ цѣлой артели калмыковъ-рабочихъ съ рыбныхъ промысловъ г-жи Сапожниковой. Обстоятельства дѣла заключаются въ слѣдующемъ: изъ объясненій, данныхъ калмыками, оказывается, что, по ихъ мнѣнію, «они не бѣжали, а просто ушли, и вотъ почему: Подрядчикъ, нанимавшій ихъ на зимнюю путину — съ Николина дня до 1-го марта, увѣрилъ ихъ, что они будутъ подряжены фирмой и на вешнюю путину. Тогда калмыки нанялись. Подрядчикъ выдалъ имъ задатки по 9 р. на каждаго, десятый же рубль удержалъ въ свою пользу за посредничество. По прибытіи калмыковъ къ 6-му декабря на мѣсто, они узнали, что нанявшій ихъ взялъ изъ конторы задатку 260 р., *но деньги эти потерялъ*. Контора, нуждаясь въ рабочихъ, выдала тому же подрядчику второй задатокъ, въ прежнемъ размѣрѣ, и эти-то деньги, съ удержаніемъ въ свою пользу за посредничество, подрядчикъ выдалъ упомянутымъ калмыкамъ. За всю зимнюю путину рабочіе должны были получить по 21 р., а получили по 9 руб. Проработавъ до 27-го декабря, калмыки узнаютъ, что они на вешнюю путину наняты не будутъ, а если и наймутъ ихъ, то, какъ распространились по промыслу слухи, съ цѣлью изъ причитающихся имъ за вешнюю путину денегъ удержать сумму, потерянную подрядчикомъ. Слухи, затѣмъ, получились еще худшіе: будто бы завѣдывающій промыслами г. З. напрямки заявилъ, что деньги, потерянныя подрядчикомъ, промысловая администрація удержитъ изъ остальныхъ, причитающихся имъ за зимнюю путину. Выходило такъ, что два мѣсяца, за вину подрядчика, калмыкамъ пришлось бы работать даромъ, при крайне тяжелыхъ вообще условіяхъ зимней тяги—нынѣ въ особенности суровой. И они ушли...»

Несмотря на всѣ увѣщанія калмыцкаго начальства, рабочіе не соглашались вновь вернуться на работу къ г-жѣ Сапожниковой, говоря, что тамъ не работа, а каторга. Показанія «бѣжавшихъ» рисуютъ неприглядную картину положенія рабочихъ на этихъ промыслахъ. «По словамъ калмыковъ, обращеніе съ ними со стороны мелкой администраціи самое грубое, почти жестокое, что на нихъ, калмыковъ, смотрятъ хуже, чѣмъ на собакъ, что администрація промысловая издѣвается надъ ними, а главное — они боятся, что деньги, утерянныя подрядчикомъ, будутъ у нихъ удержаны. Свой уходъ съ промысла калмыки не считаютъ внезапнымъ бѣгствомъ, а говорятъ именно, что 27-го декабря они явились къ приказчику промысла и предложили ему принять находившееся

у нихъ промысловое имущество: котлы, чашки, ложки и проч. Приказчикъ отказался принимать; тогда рабочіе все сдали своему подрядчику, а затѣмъ, на слѣдующій день, отправились къ старостѣ с. Харбая и заявили ему какъ о томъ, что они намѣрены уйти, такъ и о мотивахъ, побудившихъ ихъ къ такому рѣшенію. Староста посовѣтовалъ имъ вторично спросить надзирателя промысла поточнѣе: дѣйствительно ли у нихъ удержатъ потерянныя подрядчикомъ деньги и кромѣ того—не возьмутъ въ работу на вешнюю путину? «Можетъ быть,—сказалъ староста,—онъ (надзиратель) былъ нынче сердитъ на что-нибудь, а завтра окажется помягче». Калмыки, будто бы, послушались совѣта, спросили и получили прежній отвѣтъ. Больше ничего не придумали они тогда, какъ только уйти».

Кромѣ калмыковъ Александровскаго улуса, съ тѣхъ же промысловъ г-жи Сапожниковой чуть-было не ушли еще 4 артели яндыковскихъ калмыковъ. Послѣдніе сдѣлали такъ. Они всѣ явились къ мѣстному улусному попечителю и заявили ему, что намѣрены уйти, что работать при тѣхъ условіяхъ, какія существуютъ на промыслахъ, они не могутъ: ихъ донимаютъ штрафами за малѣйшія упущенія, заставляютъ вытягивать но пяти тоней въ сутки при морозахъ, и что они кругомъ обмануты нанявшимъ ихъ подрядчикомъ. Мѣстный попечитель, однако, съумѣлъ уговорить калмыковъ, чтобы они возвратились на работы, и тѣ послушались увѣщаній. Между прочимъ, къ характеристикѣ того, насколько тяжело было работать калмыкамъ, они приводятъ слѣдующее: промысловая администрація, жалѣя лошадей, потому что снѣгъ очень глубокъ, заставляла калмыковъ на себѣ возить рыбу съ тоней на промыселъ или куда тамъ было нужно. Если свѣдѣніе это вѣрно, то выходитъ, что признаваемое непосильнымъ для лошадей, взваливалось на людей (не потому ли, что они — калмыки, «нехристи»?..). Это за семь рублей въ мѣсяцъ.

Рабочіе-трепачи. Трепачами называются рабочіе, занимающіеся трепаніемъ пеньки. Промыселъ этотъ чрезвычайно распространенъ въ Орловской губ. Въ «Орл. Вѣстн.» сообщаются интересныя свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи этихъ трепачей и объ ихъ бытѣ.

«Всѣхъ рабочихъ трепачей въ м. Почепѣ бываетъ до 400 человѣкъ, а иногда и болѣе. Трепачи эти—пришлые крестьяне изъ Калужской губ., Масальскаго (преимущественно) уѣзда. Хотя на родинѣ они и владѣютъ земельнымъ надѣломъ, но существовать на доходъ отъ него не могутъ; и вотъ среди тамошнихъ крестьянъ развились отхожіе промыслы: одни—идутъ въ трепачи, другіе — въ плотники, третьи — на фабрики (больше изъ другихъ уѣздовъ Калужской губ.). Дома остаются женщины, дѣти, старики и больные, всѣ же остальные члены семейства уходятъ изъ дому на заработки. Начиная лѣтъ съ 16—17, молодой парень уже отправляется путешествовать по «матушкѣ Россіи». Идутъ или въ старыя, уже извѣданныи отцами, мѣста, или въ новыя для поисковъ лучшихъ заработковъ. Въ м. Почепъ трепачи приходятъ весною (приблизительно, около Пасхи), т. е. къ тому времени, когда наши мѣстные крестьяне уже начинаютъ мять и продавать пеньку. Поработавъ до Петрова дня, часть трепачей уходитъ домой на домашнія полевыя работы, часть остается на мѣстѣ продолжать работу. Остаются, конечно, только лишнія, ненужныя въ данномъ семействѣ руки; одиночки же уходятъ всѣ. Покончивъ съ лѣтними сельскохозяйственными работами, трепачи снова уходятъ куда-нибудь на осенніе и зимніе заработки. И такимъ образомъ они бродятъ цѣлую жизнь,

живя дома самое короткое время въ году, пока смерть или болѣзнь не пригвоздятъ къ одному, опредѣленному мѣсту.

Но такая кочевая жизнь не тяготитъ (?) трепачей, и они предпочитаютъ заниматься отхожими промыслами, чѣмъ переселяться въ Сибирь».

Отношенія между трепачами и ихъ нанимателями-купцами установились довольно своеобразныя. Вотъ что разсказываетъ про нихъ «Орл. Вѣстн.»:

«Придя на мѣсто работы, трепачи начинаютъ предлагать купцамъ—«пеночникамъ» свои «услуги». Размѣстившись по хозяевамъ и поработавъ нѣкоторое время, трепачи принимаются «дѣлать цѣну», на каковой періодъ они прекращаютъ свои работы. Эта добровольная «безработица» продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ рабочіе-трепачи даннаго города или селенія не придутъ къ соглашенію между собою, съ одной стороны, и съ купцами—съ другой, относительно цѣны, по какой они согласны взяться за обработку пеньки. Нужно замѣтить, что заработная плата трепачей носитъ форму «задѣльной-поштучной» и выражается въ томъ, что за каждый пудъ обработанной («чистой») пеньки рабочій получаетъ извѣстную сумму денегъ. Упомянутое «дѣланіе цѣны» именно и сводится къ тому, чтобы опредѣлить величину этой суммы, и притомъ не на все время работы, а только до «Петрова дня», когда, послѣ ухода части рабочихъ домой, на свои лѣтнія работы, оставшіеся снова принимаются за то же «дѣланіе цѣны». Процедура эта продолжается нѣсколько дней. Въ это время по улицамъ, возлѣ домовъ, трактировъ и т. п. можно видѣть кучки рабочихъ, громко и горячо толкующихъ и обсуждающихъ дѣйствительно жгучій для нихъ вопросъ — вопросъ о величинѣ заработной платы, или, выражаясь обыкновеннымъ языкомъ, вопросъ о количествѣ насущнаго хлѣба.

Покончивъ съ цѣной между собою, трепачи объявляютъ купцамъ «свои условія», послѣдніе—«свои». Начинается торгъ, наступаетъ «критическая» минута: если купцы соглашаются на цѣну, требуемую рабочими - трепачами, послѣдніе спокойно принимаются за работу, чѣмъ и заканчивается періодъ «дѣланія цѣны» и связанная съ нимъ добровольная безработица. Но если купцы не даютъ своего согласія, а трепачи тоже почему-либо уступить не желаютъ или не могутъ, тогда періодъ «дѣланія цѣны» продолжается, принимая при этомъ характеръ стачки, которая въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ можетъ принимать свой индивидуальный характеръ,—можетъ имѣть свои особенности.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ большомъ торговомъ городѣ Орловской губ., въ которомъ собирается въ лѣтніе мѣсяцы до 2 — 3 тысячъ трепачей, стачка приняла довольно серьезные размѣры: трепачи всей толпой отправились къ городскому головѣ, требовать, чтобы онъ установилъ справедливую цѣну. Въ прошломъ году въ Смоленской губ. произошли стачки трепачей съ цѣлью повышенія заработной платы. Причиною такого требованія со стороны рабочихъ было вздорожаніе хлѣба. Стачка имѣла успѣхъ и заработная плата была увеличена на 3 коп. Въ м. Почепѣ общей стачки трепачей въ 1894 году не было, если не считать нѣкоторыхъ, кой у кого имѣвшихъ мѣсто, недоразумѣній, такъ или иначе мирно проходившихъ. Но въ предшествовавшіе годы и въ Почепѣ были общія стачки трепачей, т. е. такія стачки, когда всѣ почепскіе трепачи in corpore забастовывали.

Чтобы добиться своего, т. е. заставить купцовъ согласиться на требуемую ими заработную плату, трепачи въ подобныхъ случаяхъ поступали иногда слѣд. образомъ: на общей сходкѣ

они постановляли такое рѣшеніе: часть трепачей должна уйти изъ Почепа, оставшіеся же не должны браться за работу ниже объявленной цѣны. При этомъ бросался жребій, какимъ «дворнямъ» (трепачи, работающіе у одного купца, называются дворней) уходить и какимъ оставаться. Остающіеся даютъ уходящимъ извѣстную сумму денегъ «на дорогу». Тѣ трепачи, на чью долю выпадалъ жребій «уходить», обязывались исполнять это рѣшеніе подъ угрозой товарищескаго суда. Возвращеніе для уходящихъ было допустимо только въ томъ случаѣ, если хозяинъ, гдѣ данная «дворня» работала, соглашался дать имъ установленную на общей сходкѣ цѣну.

Такой способъ борьбы съ хозяевами-купцами обыкновенно доставлялъ побѣду рабочимъ-трепачамъ, такъ какъ по разнымъ причинамъ (у однихъ купцовъ пенька бывала запродана, другіе—нуждались въ деньгахъ, для чего приходилось торопиться съ продажею пеньки и т. п.); многимъ купцамъ нельзя бывало отсрочить обработку пеньки, и потому приходилось соглашаться на требованіе трепачей.

Но очень часто разногласія между купцами и трепачами заканчиваются не къ выгодѣ рабочихъ и купцы остаются побѣдителями. Обстановка, въ которой работаютъ трепачи, чрезвычайно негигіенична. По словамъ «Орл. Вѣстн.», «фабричной инспекціи слѣдовало бы обратить вниманіе на трепальныя помѣщенія — эти очаги грудныхъ и др. легочныхъ болѣзней, и обязать владѣльцевъ этихъ помѣщеній устраивать извѣстныя приспособленія для удаленія той пыли, среди которой работаютъ трепачи. Этою пылью постоянно пропитана до пресыщенія вся атмосфера трепальныхъ помѣщеній, такъ что сквозь дымку этой пенечной пыли едва видѣнъ человѣкъ. Особенно ужасна работа въ лѣтніе жары: для предохраненія отъ солнечныхъ лучей, трепачи закрываютъ окна и двери рабочихъ помѣщеній, отчего пыль еще болѣе скопляется въ зданіи, и воздухъ дѣлается удушливымъ. Въ это время трепачи работаютъ нагишомъ, если не считать передняго фартука, единственнаго платья въ эту пору. Такимъ образомъ пыльная атмосфера непосредственно окутываетъ тѣло трепача съ ногъ до головы, проникая въ организмъ черезъ дыхательные органы и затрудняя обмѣнъ тѣла съ окружающей средой... Въ томъ же помѣщеніи трепачи совершаютъ свой дневной и ночной отдыхъ. Проводя такимъ образомъ, можно сказать, почти всю жизнь въ пыльной атмосферѣ, трепачи страдаютъ болѣзнями дыхательныхъ органовъ и другими. Между прочимъ, въ этомъ году однимъ мѣстнымъ врачемъ были констатированы у двоихъ трепачей случаи кровохарканья. Въ концѣ концовъ эти рабочіе наживаютъ себѣ чахотку и въ общемъ—средняя продолжительность ихъ жизни равняется 45 — 50 годамъ».

Какую же заработную плату получаютъ трепачи за свой трудъ? Рабочій день ихъ, въ среднемъ, равняется 14 часамъ. За это время средній трепачъ можетъ изготовить отъ 3—4 пудовъ пеньки. Считая среднюю плату за пудъ 30—35 к., получимъ, что въ день средній трепачъ вырабатываетъ отъ 90 к. до 1 р. 40 к. Если мы вспомнимъ, при какихъ убійственныхъ, антигигіеническихъ условіяхъ работаетъ трепачъ, то должны будемъ признать всю незначительность этихъ 90 к.—1 р. 40 к. за 14—15-часовой дневной трудъ,—тотъ трудъ, продавая который, трепачъ вмѣстѣ съ тѣмъ продаетъ свои силы, свое здоровье, а «взамѣнъ», этого пріобрѣтаетъ слабость, болѣзни и преждевременную смерть...

«Ор. В.» заканчиваетъ свою статью указаніемъ на то, что слѣдовало бы обратить вниманіе на антигигіеническія

условія работы трепачей и на продолжительность ихъ рабочаго дня.

Наставленіе народнымъ учителямъ. Въ «Рус. Вѣд.» помѣщенъ разборъ любопытной брошюры тульскаго директора народныхъ училищъ, г. Яблочкина, подъ заглавіемъ «Русская школа». Въ этой книгѣ г. Яблочкинъ даетъ рядъ наставленій, которыя предназначаются авторомъ «для законоучителей и учащихъ во ввѣренной ему губерніи, каковыя лица, особенно въ низшихъ училищахъ, по большей части остаются въ невѣдѣніи своихъ правъ и обязанностей». Въ чемъ же заключаются, по мнѣнію г. Яблочкина, обязанности учителя? Прежде всего учителя должны быть людьми строгой нравственности, «соблюдать себя въ чистотѣ и не поддаваться никакимъ искушеніямъ и соблазнамъ»; должны питать почтительность къ родителямъ; женатые учителя «должны любить своихъ женъ и дѣтей, быть имъ (?) вѣрными». Водка, вино, пиво, даже въ самомъ маломъ количествѣ,—запретный плодъ для сельскаго наставника (стр. 68, 69). Вотъ курить ему запрещается только въ классѣ, но вообще, по мнѣнію г. Яблочкина, лучше, если учитель броситъ куреніе. Говоря, что курить не слѣдуетъ, г. Яблочкинъ прибавляетъ: «это видно изъ того, что животныя не знаютъ куренія и обходятся безъ него; и люди отъ сотворенія міра очень и очень долгое время не знали его».

О томъ, какъ должны относиться къ своимъ мужьямъ народныя учительницы, г-нъ Яблочкинъ не упоминаетъ потому, что во «ввѣренной ему губерніи» учительницамъ вообще не полагается имѣть мужей: какъ только учительница выходитъ замужъ, ее увольняютъ со службы.

Затѣмъ г-нъ Яблочкинъ съ большою подробностью останавливается на костюмѣ учителей и учительницъ. Сельскій учитель, по требованію г. директора, долженъ носить «сюртукъ или поддевку чернаго или сѣраго цвѣта; пестрые же пиджаки и галстуки яркихъ цвѣтовъ не должны носиться учителями» (стр. 71). Учительницы должны носить: «лифа и юбки гладкіе, безъ модныхъ отдѣлокъ; шляпки безъ птицъ» (стр. 71). Не забыты и куафюры. «Учитель не долженъ носить длинныхъ волосъ по плечи, какъ многіе дѣлаютъ, ошибочно полагая, что это очень красиво. Длинные волосы мужчинѣ не приличествуютъ и безобразятъ его. Въ ношеніи длинныхъ волосъ мужчиною выражаются и неряшливость, и претензія на мнимое щегольство, и какое-то самодовольство. Непріятно (не завидно ли иногда?) и смотрѣть на мужчину съ волосами по плечи, съ косою (?) сзади головы. Совсѣмъ другой видъ получитъ лицо человѣка съ обстриженною, гладко причесанною головою».

По вопросу объ отношеніяхъ учителей къ законоучителямъ, г. Яблочкинъ даетъ слѣдующія наставленія: учитель долженъ вѣжливо говорить со священникомъ (и, вѣроятно, не повторять ему филиппикъ г. Яблочкина противъ длинныхъ волосъ?); отзываться о немъ съ почтеніемъ, цѣловать ему руку; стараться проводить у него время, пользуясь его бесѣдами и наставленіями, но не докучая ему; оказывать ему услуги (стр. 66). Попечителю, изъ какого бы сословія онъ ни былъ, учитель долженъ всегда оказывать уваженіе и стараться пріобрѣсти его расположеніе. Попечителя изъ высшихъ сословій онъ можетъ посѣщать только по приглашенію и при встрѣчахъ долженъ всегда вѣжливо ему поклониться (стр. 66). Вообще, «учитель долженъ быть со всѣми въ мирѣ и согласіи и избѣгать непріятностей и столкновеній» (стр. 67).

Г. Яблочкинъ требуетъ отъ зако-

ноучителей и учащихъ лицъ, чтобы они «относились къ директору и инспекторамъ съ особымъ уваженіемъ и не дозволяли себѣ обсуждать ихъ указанія и дѣйствія, а также осуждать ихъ дѣятельность» (стр. 65). Онъ находитъ, что «осужденіе начальника въ устахъ подчиненнаго *неприлично* и выражаетъ узкость ума, незнаніе жизни и вольнодумство».

Всѣ эти наставленія настолько характерны, что всякіе комментаріи къ нимъ излишни.

Школьное дѣло въ Юго-западномъ краѣ. Г-нъ Миропольскій помѣстилъ въ «Новомъ Времени» статью, въ которой онъ въ самыхъ радужныхъ краскахъ рисуетъ положеніе школъ въ Юго-западномъ краѣ. Въ отвѣтъ на это, въ томъ же «Нов. Врем.» былъ помѣщенъ рядъ статей, опровергающихъ взгляды г. Миропольскаго, и рисующихъ школьное дѣло въ Юго-западномъ краѣ въ нѣсколько иномъ видѣ. Такъ, напр., г. Рачковскій пишетъ слѣдующее: «Очевидно, почтенный авторъ замѣтки смѣшалъ представляемыя по начальству отчетныя цифры съ фактами, а это, къ несчастію, далеко не одно и то же. Съ оффиціальными данными въ рукахъ г. Миропольскій можетъ безспорно доказать, что въ Кіевской губерніи въ 1894—95 году значилось церковно-приходскихъ и школъ грамоты 1.620 и что въ нихъ числилось 79.293 ученика. Еще противъ числа школъ спорить не буду—хаты подъ школы въ такомъ числѣ несомнѣнно найдутся,—но чтобы въ нихъ такое число дѣйствительно обучалось—едва ли кто-либо будетъ самоувѣренно доказывать, по той простой причинѣ, что любой сельскій староста или сотскій умѣрятъ эту самоувѣренность простымъ сообщеніемъ, что ихъ иногда посылаютъ сгонять въ школу записанныхъ тамъ учениковъ, но родители отказываются пускать дѣтей».

Въ церковно-приходской школѣ Юго-западнаго края дѣтей учится мало,—по словамъ г. Рачковскаго, родители стараются не пускать туда дѣтей. Это объясняется установившимися въ церковно-приходской школѣ порядками.

«А какіе это порядки,—продолжаетъ авторъ,—я, прожившій въ Кіевской губерніи около 10 лѣтъ, бывшій тутъ нѣсколько лѣтъ мировымъ судьею и, какъ поповичъ, пользовавшійся благосклонностью мѣстныхъ священниковъ, могъ присмотрѣться къ нимъ—къ этимъ порядкамъ, и, къ сожалѣнію, вынесъ далеко не такое отрадное впечатлѣніе, какое получилось у г. Миропольскаго отъ чтенія оффиціальныхъ отчетовъ».

Прежде всего «завѣдующій школой батюшка смотритъ на школу, какъ на лишнюю, неоплачиваемую обузу, и если не у каждаго изъ нихъ хватитъ смѣлости прямо это высказать, то этотъ его взглядъ чувствуется въ каждомъ его дѣйствіи».

Хорошіе, подготовленные учителя не уживаются въ церковной школѣ при данныхъ ея порядкахъ, и вотъ «вслѣдствіе безучастнаго отношенія батюшки, нанимается за 80 руб. полуграмотный гречкосѣй, имѣющій свой хуторокъ и выпрашивающій мѣсто учителя за самое ничтожное жалованье, лишь бы протянуть до 26-тилѣтняго возраста и тѣмъ избавиться отъ воинской повинности, согласно 63 ст. уст. о воинск. пов. Эта же статья и до того же возраста привлекаетъ къ учительству и окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, но не чувствующихъ призванія къ духовному сану. Вообще приходится наблюдать, что молодежь изъ духовнаго званія не любитъ воинской повинности. Вотъ и судите, насколько добросовѣстно можетъ относиться къ своимъ занятіямъ учитель, смотрящій на это занятіе, какъ на средство избавиться отъ воинской повинности.

Оно такъ и ведется: изъ числящихся въ школѣ 40—45 учениковъ выбираются 2 и самое большее 3 (знаю примѣры, что былъ 1 въ два года), для приготовленія ихъ къ экзамену на льготу по 3 п. 56 ст. уст. о воинск. пов.; на нихъ сосредоточивается все вниманіе учителя, и съ ноября до Пасхи ими только онъ и занимается, чтобы было видно на бумагѣ, что онъ занимается, а слѣдовательно, чтобы кое-какъ дотянуть до 26-ти лѣтъ; остальные же затѣмъ ученики по окончаніи курса школы навѣрно неспособны прочитать письмо отъ брата изъ полка и послать ему отъ себя вѣсточку».

Г-нъ Рачковскій рисуетъ слѣдующую картину экзамена на льготу по воинской повинности въ церковно-приходской школѣ. Дѣло происходитъ въ 1894 г.

«Изъ 7 школъ собираются завѣдующіе, учителя и 14 экзаменующихся въ центральное село; ученики отправляются въ школу, а остальные—къ мѣстному батюшкѣ, куда еще съ вечера вынужденъ былъ заѣхать депутатъ министерской школы, къ которому всѣ относятся съ полнѣйшимъ радушіемъ. Экзаменъ. Депутатъ диктуетъ: «Сегодня...» Одинъ изъ завѣдующихъ, искоса заглядывая въ тетрадку своего ученика, скороговоркой и полушепотомъ произноситъ: «слово—есть, слово—есть, слово — есть; да зачеркни же ты ять».—«Ну, дѣти, мы теперь займемся ариѳметикой»,—говоритъ депутатъ, — на что получаетъ замѣчаніе одного изъ учителей, что «арихметика у насъ не проходится, а проходится счисленіе». Уладивъ этотъ споръ, депутатъ предлагаетъ устную задачу. Получаются невѣроятные отвѣты. «Видно, дѣти, вы къ устнымъ задачамъ не привыкли; выйди ты, мальчикъ, къ доскѣ, раздѣли 17.000 на 200». Ученикъ пишетъ эти числа и тотчасъ стираетъ всѣ нули, объясняя, что для упрощенія слѣдуетъ нули стирать. «Почему же?» — спрашиваетъ депутатъ. «Для упрощенія». Тутъ вмѣшивается учитель и объясняетъ депутату, что у нихъ всегда, для упрощенія, принято стирать нули. «Почему же?» «Для упрощенія»...

Г. Рачковскій продолжаетъ:

«Конечно, я не могу говорить о всей губерніи, а говорю лишь объ извѣстномъ мнѣ уѣздѣ; тутъ же безъ преувеличенія могу сказать, что большинство завѣдущихъ школами, обязанныхъ, сверхъ общаго наблюденія, преподавать еще и Законъ Божій, въ школѣ не бываетъ, и преподаваніе Закона Божія сваливается на того же учителя за какую-либо благостыню, чаще всего за столъ. Мой знакомый, мальчикъ 16-ти лѣтъ вынужденный, по неимѣнію средствъ, выйти изъ 3-го класса гимназіи, былъ учителемъ церковно-приходской школы и за получаемый отъ батюшки столъ преподавалъ Законъ Божій, самъ же батюшка не былъ въ школѣ въ теченіе учебнаго года буквально ни разу, а былъ лишь въ Крещенье со крестомъ. И это молодой, выписывающій журналы батюшка, а не какой-либо удрученный недугами старецъ».

Ничего подобнаго,—замѣчаетъ авторъ,—не можетъ быть въ министерской школѣ.

«Тутъ учителя не бѣгуны отъ воинской повинности, а люди, самымъ поступленіемъ въ учительскую семинарію опредѣлившіе охотно избранную ими дѣятельность; батюшка самъ преподаетъ Законъ Божій, такъ какъ получаетъ за это вознагражденіе и можетъ быть подтянутъ (знаю случай, гдѣ пригрозили приглашеніемъ законоучителя изъ сосѣдняго села), да и наблюденіе инспекторовъ дѣйствительнѣе, такъ сказать—въ натурѣ, а не на бумагѣ только, по отчетамъ».

Далѣе авторъ, на основаніи своего личнаго опыта, какъ мирового судьи,

имѣющаго дѣло ежегодно съ нѣсколькими тысячами обывателей, останавливается на томъ, что громадное большинство ихъ оказывается безграмотнымъ.

Что читаетъ народъ въ Восточной Сибири. Помѣщенная подъ такимъ заглавіемъ статья г. Личкова («Русская Мысль», январь), составлена на основаніи матеріаловъ, собранныхъ во время статистическаго изслѣдованія Иркутской и Енисейской губ. въ 1890—1894 г. Г-нъ Личковъ указываетъ прежде всего на то, что чтеніе народа и выборъ книгъ находится въ непосредственной связи съ уровнемъ грамотности въ данной мѣстности. Одновременно съ увеличеніемъ числа грамотныхъ развивается и любовь къ чтенію.

Наиболѣе рельефнымъ выраженіемъ потребности деревни въ чтеніи можетъ служить случай покупки крестьянами книгъ на собственныя деньги. Оказывается, что въ селеніяхъ, гдѣ школы существуютъ давно (до 1870 г.), покупаютъ книги 78% жителей, а въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ школы основаны послѣ 1870 г.—только 64%.

Среди русскаго сельскаго населенія названныхъ двухъ губерній Восточной Сибири наибольшимъ развитіемъ грамотности отличается элементъ поселенческій; второе мѣсто занимаютъ крестьяне - новоселы и послѣднее— крестьяне - старожилы. Большинство ссыльно-поселенцевъ не имѣютъ хозяйства, а живутъ наемнымъ трудомъ; поэтому для нихъ грамотность болѣе необходима для пріисканія себѣ выгодныхъ занятій, чѣмъ для крестьянъ - старожиловъ, занятыхъ по преимуществу въ собственномъ хозяйствѣ и для которыхъ грамота не составляетъ существенной практической необходимости.

На увеличеніе числа грамотныхъ вліяетъ также близость къ промышленнымъ центрамъ и уровень экономическаго благосостоянія населенія. Въ зажиточныхъ семьяхъ процентъ учащихся и грамотныхъ достигаетъ наибольшей величины. Далѣе замѣчается, что занятіе земледѣліемъ само по себѣ не вліяетъ на грамотность положительно; не-земледѣльческіе промыслы и въ особенности занятіе извозомъ, напротивъ того, способствуютъ распространенію грамотности; условія, способствующія развитію скотоводства и охоты, на грамотность вліяютъ отрицательно.

Въ изслѣдованномъ районѣ существуютъ три типа школъ: министерскія, школы духовнаго вѣдомства и, наконецъ, частныя или домашнія школы. Изъ этихъ 3-хъ выше всѣхъ стоятъ, конечно, министерскія школы, которыя лучше обставлены въ матеріальномъ отношеніи и въ которыхъ преподаваніе ведется спеціалистами этого дѣла, чего нельзя сказать про два другіе типа школъ. Въ Иркутской губ. въ періодъ статистическаго изслѣдованія (т.-е. 1888—1890 годахъ) во всѣхъ министерскихъ школахъ, кромѣ трехъ, были школьныя библіотеки. Въ среднемъ на одну библіотеку приходится около 370 книгъ. Въ Енисейской губ. библіотеки для внѣкласснаго чтенія находятся во всѣхъ министерскихъ школахъ, въ среднемъ приходится на школу по 329 книгъ. Въ школахъ духовнаго вѣдомства дѣло обстоитъ иначе: такъ, въ Верхоянскомъ округѣ изъ 8 церковно-приходскихъ школъ только двѣ обладаютъ библіотечками, да и то очень небольшими. Въ Енисейской губ. изъ 41 церковно - приходскихъ школъ библіотеки имѣются только въ 12, и въ среднемъ на каждую библіотеку приходится по 66 книгъ. Изъ періодическихъ изданій школами выписываются только два: «Русскій Начальный Учитель» и «Родникъ». Кромѣ того, нѣкоторые учителя отъ себя выписываютъ разныя періодическія изданія, да и то въ очень небольшомъ количествѣ.

Нечего и говорить, замѣчаетъ г. Личковъ, что простой, сѣрый мужикъ, газеты не выписываетъ, но она выписывается болѣе зажиточными крестьянами, преимущественно торговцами, богатыми инородцами, священниками, волостными правленіями и пр. Но часть выписываемыхъ изданій по прочтеніи идетъ «на деревню», гдѣ читается и сѣрой публикой. Изъ періодическихъ изданій въ деревнѣ читаются: «Сельскій Вѣстникъ», «Русскій Паломникъ», «Вѣстникъ Краснаго Креста», «Родина», «Лучъ», «Нива». Вообще же можно сказать, что періодическими изданіями пользуется только такъ-называемая «сельская интеллигенція».

Изъ собранныхъ свѣдѣній оказывается, что селенія, имѣющія школы, выписываютъ до 120 періодическихъ изданій; на долю иллюстрированныхъ изданій приходится около 44%, юмористическіе журналы—9%, мѣстныя сибирскія газеты—18%; другія газеты—6%; толстые журналы («Русская Мысль», «Русскій Вѣстникъ», «Русская Старина», «Сѣверный Вѣстникъ») — $3^1/_2$%, духовные журналы и газеты — болѣе 8%. Толстые журналы выписываются только болѣе интеллигентными изъ богатыхъ бурятъ и богатыми крестьянами, преимущественно изъ торговаго села Тутурскаго (Верхоян. окр.).

За границей.

Англія и Трансвааль. Въ числѣ политическихъ событій, ознаменовавшихъ истекшій 1895 годъ и выдвинувшихъ на сцену вопросы, разрѣшеніе которыхъ произойдетъ, вѣроятно, лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, принадлежитъ любопытное во многихъ отношеніяхъ столкновеніе въ Южной Африкѣ между свободною республикою боеровъ Трансваалемъ и англичанами.

Боеры, потомки голландскихъ колонистовъ въ Капской землѣ, не разъ уже вступали въ борьбу съ англичанами, отстаивая свою независимость. Когда англичане завоевали Капскую землю, то боеры выселились изъ нея къ сѣверу и заняли Наталь, но англичане заявили притязаніе и на эту колонію, подъ тѣмъ предлогомъ, что она основана подданными британскаго государства, переселенцами изъ капской колоніи, и боеры, притѣсняемые англичанами, уступили имъ Наталь и основали двѣ новыя самостоятельныя общины, по ту сторону Оранжевой рѣки, Оранжевую республику и Трансвааль. Однако, англичане и тутъ ихъ не оставили въ покоѣ. Быстро расширяя свои владѣнія въ Южной Африкѣ, Англія въ 1877 году присоединила Трансвааль къ своимъ колоніямъ. Спустя три года произошло очень кровопролитное возстаніе боеровъ, вынудившее англичанъ ограничиться лишь номинальнымъ протекторатомъ надъ боерскою республикою, а въ 1884 году, послѣ новаго возстанія боеровъ, и этотъ протекторатъ былъ отмѣненъ по настоянію Гладстона, и Англія лишь сохранила за собою право не допускать самостоятельнаго заключенія какихъ-нибудь договоровъ между Трансваалемъ и другими государствами. Такимъ образомъ, Трансвааль достигъ самостоятельноети и боеры могли разсчитывать, что ихъ оставятъ въ покоѣ ихъ могущественные сосѣди, еслибъ не то, что ихъ владѣнія врѣзались клиномъ въ англійскія, и англичане, захватившіе въ свои руки почти всю Южную Африку, не могли, конечно, спокойно относиться къ тому факту, что одна изъ богатѣйшихъ мѣстностей

этой области, посредствомъ которой могущественная британская южно-африканская компанія могла бы сильно поправить свои дѣла и поднять свои акціи, находится не въ рукахъ англичанъ, а въ рукахъ голландскихъ колонистовъ, земледѣльцевъ, не умѣющихъ даже должнымъ образомъ эксплоатировать богатѣйшія минеральныя богатства страны. Разсказы о баснословныхъ трансваальскихъ богатствахъ, объ алмазныхъ розсыпяхъ, золотѣ и др. металлахъ, не давали спать спокойно заправиламъ британской южно-африканской компаніи, акціи которой находились далеко не въ блестящемъ положеніи, такъ какъ въ новыхъ, захваченныхъ ею владѣніяхъ, Мотабеле и Машоналандѣ, не нашлось, вопреки ожиданіямъ, ни золота, ни брилліантовъ. Предшествующая борьба съ боерами, однако, показала англичанамъ, что боеры умѣютъ отстаивать свою независимость, да и кромѣ того открытое посягательство на ихъ территорію было бы слишкомъ явнымъ нарушеніемъ международнаго права. На это не могла рѣшиться даже могущественная южно-африканская компанія, имѣющая даже въ своемъ распоряженіи собственное войско, вооруженное усовершенствованнымъ оружіемъ. Надо было найти предлогъ для оккупаціи сосѣдней территоріи, и предлогъ этотъ не только былъ найденъ, но даже облеченъ былъ нѣкоторымъ образомъ въ рыцарское одѣяніе. Англичане выступили защитниками гражданской равноправности и своему вмѣшательству въ дѣла трансваальской республики придали характеръ заступничества за «угнетаемое» промышленное населеніе Трансвааля. Но именно въ этомъ-то обстоятельствѣ, что англичане *дѣйствительно* могли придать такой характеръ своему нашествію въ чужія владѣнія, и заключается главный интересъ трансваальскаго столкновенія.

Любопытная сторона государственнаго устройства трансваальской республики состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что въ ней политическими правами пользуются только земледѣльцы, крестьяне, составляющіе меньшинство, сравнительно съ гораздо болѣе зажиточнымъ и быстро развивающимся промышленнымъ населеніемъ страны. Это меньшинство, господствующее въ политическомъ отношеніи, образуетъ коренное населеніе страны, боеровъ, избирающихъ народный совѣтъ изъ 24 представителей, облеченный законодательною властью, и президента, который выбирается на пять лѣтъ. Скромные земледѣльцы, сохранившіе свои патріархальные обычаи и нравы, свои голландскія традиціи свободы и самоуправленія,—боеры сидѣли на своихъ фермахъ и не мѣшали предпріимчивымъ пришельцамъ, нахлынувшимъ со всѣхъ сторонъ, какъ только разнеслись слухи о минеральныхъ богатствахъ Трансвааля, захватывать въ свои руки огромные земельные участки и эксплоатировать эти богатства въ свою пользу. Такая пассивность боеровъ, ревниво оберегавшихъ отъ посягательства иностранцевъ лишь свои законныя преимущества и политическія права и предоставлявшихъ иностраннымъ промышленникамъ устраивать акціонерныя компаніи и, увеличивая доходы Трансвааля, въ то же время богатѣть самимъ,—создала, въ концѣ концовъ, совершенно аномальное положеніе вещей въ Трансваалѣ. Пришельцы, преобладающіе въ численномъ отношеніи надъ боерами и составляющіе самую богатую и предпріимчивую часть населенія, остаются на положеніи иностранцевъ — «уитлендеровъ» (Uitlanders) и гражданскою полноправностью пользуются только боеры, земледѣльцы, которыхъ втрое меньше, нежели иностранцевъ. Не говоря уже о томъ, что въ глазахъ англичанъ, составляющихъ большинство пришлаго промышленнаго населенія въ Трансваалѣ, такое по-

ложеніе вещей явно противорѣчитъ принципу гражданской справедливости, оно является для нихъ тѣмъ болѣе невыносимымъ, что они считаютъ унизительнымъ для себя не быть полноправными гражданами и не участвовать въ обсужденіи общественныхъ дѣлъ, а лишь платить подати и нести на себѣ различныя повинности, точно рабы. Особенно раздражало ихъ то обстоятельство, что избытокъ государственныхъ доходовъ Трансвааля, образовавшійся вслѣдствіе новыхъ отраслей производства, созданныхъ предпріимчивыми иностранцами, тратился или же могъ тратиться трансваальскимъ правительствомъ безъ вѣдома и согласія тѣхъ, кто собственно способствовалъ обогащенію Трансвааля, и притомъ еще на такія цѣли, какъ, напримѣръ, вооруженіе отрядовъ и сооруженіе военныхъ фортовъ, которые явно направлены противъ пришлаго населенія. Конечно, все это вызывало глухое броженіе и скрытую борьбу между боерами и иностранцами, между земледѣльцами и промышленниками, подавлявшими первыхъ своею численностью, своимъ богатствомъ и предпріимчивостью.

Боеры, хорошо понимая, что предоставить иностранцамъ политическія права, значитъ отдать въ ихъ распоряженіе республику, всячески цѣпляются за свои прерогативы, видя въ нихъ единственный оплотъ, противъ надвигающагося владычества иностранцевъ, преимущественно англичанъ, своихъ давнишнихъ притѣснителей. Возраставшій антагонизмъ вскорѣ принялъ очень острый характеръ и возникло настоящее революціонное движеніе, направленное противъ политическаго господства боеровъ. Образовалось два лагеря; одни проповѣдывали обычную систему петицій и заявленій и борьбы на легальной почвѣ, другіе же настаивали на открытомъ возстаніи. Поданныя, однако, въ 1894 и 1895 году петиціи (послѣдняя имѣла 38.500 подписей) объ уравненіи правъ иностранцевъ, успѣха не имѣли и волненіе возрастало. Центръ волненія находился въ Іоганнесбургѣ, городѣ, созданномъ иностранцами. Іоганнесбургъ тѣмъ замѣчателенъ, что онъ началъ развиваться лишь въ 1892 году, когда золотоносныя земли, въ центрѣ которыхъ находится этотъ городъ, привлекли сюда людей съ разныхъ концовъ земного шара, охваченныхъ золотою лихорадкой и жаждою наживы. Изумительно быстрый ростъ этого города, состоявшаго менѣе десяти лѣтъ тому назадъ всего лишь изъ нѣсколькихъ лачужекъ, далеко оставляетъ за собою американскіе и австралійскіе «города-грибы». Кромѣ того, еще въ 1892 году Іоганнесбургъ находился въ сторонѣ отъ всѣхъ путей сообщенія; все необходимое надо было доставлять на быкахъ изъ Наталя и Кимберлея, конечныхъ пунктовъ капской желѣзной дороги, отъ которыхъ Іоганнесбургъ отстоитъ почти на 600 верстъ. Весь матеріалъ для постройки желѣзной дороги былъ доставленъ въ Іоганнесбургъ подобнымъ же образомъ. Теперь городъ имѣетъ пять желѣзнодорожныхъ путей, соединяющихъ Іоганнесбургъ съ пятью портами, и 90.000 жителей, преимущественно иностранцевъ. Впрочемъ, треть этого населенія составляютъ негры, работающіе въ копяхъ и живущіе въ особыхъ кварталахъ. Бѣлое населеніе также распадается на двѣ категоріи, рѣзко раздѣляющіяся между собой: собственно боеровъ, составляющихъ меньшинство, и «уитлендеровъ» (иностранцевъ), составляющихъ двѣ трети всего бѣлаго, маселенія Трансвааля. Это самое смѣшанное населеніе, какое только можно себѣ представить; всѣ націи Европы имѣютъ тутъ своихъ представителей, но большинство все-таки англичане. Характеристичную черту этого пришлаго населенія составляетъ его жажда быстрой на-

живы и отсутствіе осѣдлости. Огромная масса этихъ людей является въ Трансвааль только для того, чтобы нажиться какъ можно скорѣе и тогда вернуться на родину. Поэтому-то большинство этихъ пришельцевъ, работающихъ въ копяхъ или на золотыхъ пріискахъ, отправляясь въ Трансвааль, оставляютъ свои семьи на родинѣ. Дѣльцы и финансисты хотя и строютъ для себя роскошные дома въ Іоганнесбургѣ, но, тѣмъ не менѣе, всегда отправляютъ своихъ дѣтей воспитываться въ Англію и сами часто ѣздятъ туда. Они прекрасно знаютъ, что въ каждый данный моментъ могутъ уѣхать изъ Трансвааля, съ которымъ ихъ ничто не связываетъ, кромѣ чисто дѣловаго отношенія и стремленія къ наживѣ. Только среди мелкихъ коммерсантовъ можно встрѣтить такихъ, которые намѣрены пустить корни въ Трансваалѣ и потому устраиваются въ немъ вмѣстѣ съ своими семьями. Все это придаетъ Іоганнесбургу, столицѣ уитлендеровъ, временный характеръ, и не смотря на то, что промышленная жизнь такъ и кипитъ въ немъ, вы все-таки чувствуете, что этотъ большой городъ, съ солидными домами, выстроенными изъ камня, представляетъ ничто иное, какъ лагерь рудокоповъ и дѣльцовъ, и что лѣтъ черезъ 40 — 50, когда изсякнутъ золотоносныя жилы, онъ быстро опустѣетъ и дома превратятся въ развалины, ибо обитателей ихъ ничто не прикрѣпляетъ къ почвѣ. Какъ только они извлекутъ изъ нея все золото, какое только можно извлечь, они удалятся, какъ удаляются съ поля жнецы послѣ жатвы.

При такихъ условіяхъ, конечно, нечего и говорить о какой-нибудь высшей культурѣ, которую вносятъ въ страну пришельцы изъ разныхъ мѣстъ. Даже капская колонія, по словамъ самихъ же англичанъ, стоитъ невысоко въ этомъ отношеніи и до сихъ поръ тамъ нѣтъ настоящаго университета, а только экзаменаціонная коммиссія для философскаго и юридическаго факультетовъ, учрежденныхъ въ четырехъ коллегіяхъ. Вообще, народное образованіе стоитъ тамъ гораздо ниже, чѣмъ во многихъ другихъ англійскихъ колоніяхъ. Что же касается Трансвааля, то нахлынувшіе въ него иностранцы и особенно англичане, способствовали только широкому развитію въ немъ промышленности и финансовыхъ спекуляцій и врядъ ли много содѣйствовали повышенію культуры. Настоящее коренное населеніе страны, боеры-крестьяне земледѣльцы, для которыхъ Трансвааль представляетъ родину въ истинномъ значеніи этого слова, держатся въ сторонѣ отъ промышленныхъ центровъ, къ которымъ они питаютъ врожденное отвращеніе и живутъ въ своихъ фермахъ, раскинутыхъ на огромныхъ разстояніяхъ въ зеленыхъ равнинахъ Трансвааля. Эти коренные земледѣльцы, сохранившіе почти въ первобытной чистотѣ свои патріархальные нравы и независимость, съ огорченіемъ увидали открытіе золота на своей родинѣ и наводненіе ея пришлыми элементами, и къ этимъ элементамъ боеры относились съ справедливымъ недовѣріемъ, опасаясь ихъ посягательства на свою родину. Однако, они не оказали имъ, какъ мы уже говорили раньше, никакого сопротивленія, и уитлендеры, сдѣлавшись силою въ странѣ, почувствовали себя вправѣ предъявить свои требованія, опираясь на точку зрѣнія конституціонной справедливости. Трансваальское правительство отклонило эти требованія, противъ которыхъ въ принципѣ ничего не могло возразить, но оно понимало, что за ними скрывается посягательство на независимость республики, хотя въ то же время оно не могло не сознавать, что положеніе иностранцевъ ненормально и что, рано или поздно, придется прибѣгнуть къ какому-нибудь компро-

миссу, чтобы урегулировать его. Чрезмѣрная поспѣшность руководителей революціоннаго движенія въ Іоганнесбургѣ и нетерпѣніе заправилъ южно-африканской компаніи захватить поскорѣе въ свои руки Трансвааль съ его богатствами ускорило кризисъ и, раскрывъ свои карты, сыграло въ руку трансваальскому правительству, перенеся борьбу съ легальной почвы на нелегальную. Не даромъ говорятъ, что президентъ Крюгеръ, незадолго до вторженія Джемсона, сказалъ одному старику фермеру, спрашивавшему его, правда ли, что англичане снова собираются воевать съ боерами: «Да, да, дружище, но успокойся! Ты самъ охотникъ и знаешь, что когда хотятъ убить черепаху, то надо подождать, чтобы она высунула свою голову!»

И неосторожная черепаха высунула свою голову! По мѣрѣ того, какъ возросталъ въ Англіи интересъ къ трансваальскимъ богатствамъ, усиливались въ англійской печати толки о невыносимомъ положеніи англичанъ въ Трансваалѣ. Замѣчательно, что въ Трансваалѣ другія національности, нѣмцы, американцы и т. д. вовсе не вопили о притѣсненіяхъ, которымъ они подвергаются со стороны боеровъ, и жили въ мирѣ съ трансваальскимъ правительствомъ, справедливо ожидая, что время лучше всего разрѣшитъ вопросъ объ уравненіи правъ иностранцевъ. Вообще, вопросъ этотъ представляется жгучимъ только англійскимъ промышленникамъ, мечтавшимъ объ образованіи федераціи южно-африканскихъ колоній подъ верховною властью Великобританскаго королевства.

Между тѣмъ, въ Іоганнесбургѣ агитація усиливалась: правительство же, очевидно дѣйствуя по заранѣе обдуманному плану (*пустъ черепеха высунетъ голову!*), не мѣшало ей. Иностранная община въ Іоганнесбургѣ состоитъ далеко не изъ однородныхъ элементовъ; въ нее входятъ не одни только англичане, составляющіе, впрочемъ, большинство, но и нѣмцы, бельгійцы, французы и американцы. Эти національности не раздѣляли воззрѣній такъ называемаго комитета реформъ, организованнаго въ Іоганнесбургѣ англичанами, да оно и понятно, такъ какъ англичане держали себя очень вызывающимъ образомъ и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ распѣвали свои національные гимны, God save the Queen и Rull Britannia, ругали Гладстона въ печати за то, что онъ призналъ независимость Трансвааля, и руководители комитета реформъ, увлекшись, не стѣсняясь заявляли на митингахъ, что единственное знамя, достойное развѣваться надъ Трансваалемъ — это великобританское знамя.

— «Съ какой стати мы будемъ разбивать себѣ голову ради пользы англійскихъ капиталистовъ!..» говорили, однако, бѣлые рабочіе, которыхъ вербовали вожаки движенія. Другіе прямо заявляли, что они не желаютъ помогать политическимъ планамъ Сесиля Родса, директора южно-африканской компаніи и владѣльца богатѣйшихъ алмазныхъ и золотыхъ розсыпей, возвысившагося изъ простыхъ рабочихъ до поста перваго министра капской колоніи. Все это несомнѣнно указываетъ, что иностранцы Іоганнесбурга далеко не всѣ желали вмѣшательства англичанъ, и воззваніе, отправленное Джемсону, администратору южно-африканской компаніи, почему-то очутившемуся со своимъ отрядомъ у границы Трансвааля въ это время, хотя и было подписано, по словамъ англійскихъ газетъ, «вліятельными лицами города», но, очевидно, исходило лишь отъ сравнительно небольшого кружка, желавшаго ускорить развязку.

Но какъ бы тамъ ни было, а Джемсонъ, «случайно» находившійся со своимъ отрядомъ въ 800 чело-

вѣкъ, вполнѣ вооруженнымъ и готовымъ къ походу, у самой трансваальской границы, немедленно перешелъ границу, какъ только получилъ адресованное ему воззваніе, и подъ вліяніемъ этихъ побужденій, отправился защищать права своихъ соотечественниковъ, хотя въ воззваніи ничего не говорилось о какой бы то ни было непосредственной опасности, угрожающей англичанамъ и ихъ семействамъ, которая бы могла оправдать вооруженное вмѣшательство и нарушеніе территоріальныхъ правъ.

Джемсонъ тутъ, конечно, дѣйствовалъ по заранѣе составленному плану. Предполагалось, что недовольные немедленно станутъ на его сторону, и, водворившись въ Іоганнесбургѣ, Джемсонъ могъ бы превозгласить реформы государственнаго устройства Трансвааля. Переворотъ сталъ бы свершившимся фактомъ, и Англія, какъ ближайше заинтересованная держава, взялась бы водворить порядокъ въ странѣ, оффиціально оккупировала бы Трансвааль и ужъ разумѣется не выпустила бы его изъ своихъ рукъ.

Однако, составители этого остроумнаго плана упустили изъ виду два главныхъ обстоятельства: во-первыхъ, они не постарались заручиться навѣрное поддержкою всѣхъ жителей, недовольныхъ существующимъ порядкомъ вещей, и, во-вторыхъ, не приняли во вниманіе ни военнаго искусства боеровъ, ни того, что имѣютъ дѣло съ проницательнымъ и хитрымъ голландцемъ, президентомъ Крюгеромъ, зорко слѣдившимъ за всѣми ихъ приготовленіями. Англичане были увѣрены, что боерамъ никогда не устоять противъ англійскаго отряда, къ тому же вооруженнаго пушками системы Максима. Событія слишкомъ быстро показали имъ всю ошибочность ихъ разсчетовъ. Президентъ Крюгеръ, не мѣшавшій англичанамъ подготовлять возстаніе и нашествіе, съ своей стороны, однако, принялъ заблаговременно всѣ нужныя оборонительныя мѣры. Вторженіе Джемсона не было для него неожиданностью, и потому, какъ только Джемсонъ перешелъ границу Трансвааля, онъ немедленно телеграфировалъ губернатору капской колоніи сэру Робинзону, запросъ по этому поводу, телеграфировалъ и въ Лондонъ и въ Берлинъ, такъ что дѣло получило нежелательную для англійскихъ властей огласку, и англійское правительство вынуждено было дать категорическій отвѣтъ, раньше чѣмъ Джемсонъ успѣлъ подойти къ Іоганнесбургу и одержать побѣду, которая поставила бы Англію лицомъ къ лицу съ свершившимся фактомъ. Волей-неволей англійскому правительству пришлось отречься отъ всякой солидарности съ Джемсономъ и даже отправить ему приказаніе вернуться обратно. Однако, на этотъ приказъ Джемсонъ не обратилъ вниманія, вѣроятно, смотря на него какъ на простую формальность. Близъ Крюгерсдорпа отрядъ Джемсона наткнулся на боеровъ и, несмотря на пушки Максома и все свое вооруженіе, былъ разбитъ боерами. Ожидаемая помощь не явилась; уинтлендеры, призвавшіе Джемсона, предоставили ему самому выпутываться изъ бѣды. Тамъ, гдѣ Джемсонъ разсчитывалъ встрѣтить союзниковъ, онъ нашелъ враговъ. Полторы тысячи боеровъ, сосредоточенные близъ Крюгерсдорпа, окружили его отрядъ со всѣхъ сторонъ и обстрѣливали изъ засады. Джемсонъ скоро убѣдился, что отступленіе ему отрѣзано; двигаться впередъ онъ также не могъ, потому что солдаты у него изнемогали отъ усталости и весь провіантъ пришелъ къ концу, такъ какъ, отправляясь въ походъ, онъ твердо разсчитывалъ, что ему вышлютъ новые запасы и подкрѣпленія. Пришлось сдаться врагу. Джемсонъ приказалъ вывѣсить бѣлый флагъ, но такъ какъ таковаго въ отрядѣ не оказалось, то онъ снялъ свою рубашку

и привѣсилъ ее къ древку. Какъ только этотъ импровизированный флагъ былъ поднятъ, боеры немедленно прекратили перестрѣлку и выказали себя очень великодушными по отношенію къ врагамъ, которыхъ только обезоружили и доставили въ Преторію. Президентъ Крюгеръ немедленно приказалъ произвести разоруженіе жителей Іоганнесбурга и арестовалъ всѣхъ членовъ революціоннаго комитета, въ числѣ которыхъ находился и братъ Сесиля Родса, что и побудило самого Сесиля Родса немедленно сложить съ себя званіе перваго министра капской колоніи. Джемсона и англійскихъ офицеровъ президентъ Крюгеръ выдалъ англійскимъ властямъ, хотя, по закону, имѣлъ полное право распорядиться съ ними, какъ съ флибустьерами; надъ членами же такъ называемаго комитета реформъ производится слѣдствіе, по окончаніи котораго всѣ лица, замѣшанныя въ революціонномъ движеніи, будутъ привлечены къ суду. Джемсона и его офицеровъ будутъ судить въ Англіи за превышеніе власти и ослушаніе приказаній начальства. Весьма возможно, что судъ раскроетъ еще кой-какія любопытныя подробности этого дѣла, гдѣ Англія дѣйствительно сыграла роль черепахи по отношенію къ боерамъ.

Такъ кончился смѣлый набѣгъ Джемсона, очевидно попавшаго въ ловко разставленную западню. Трансваальскому правительству онъ принесъ несомнѣнную пользу, давъ ему возможность задержать конституціонныя требованія уитлендеровъ, еще разъ отказать имъ. Возможно, что неудачный походъ Джемсона, встряхнувъ боеровъ, приведетъ и къ нѣсколько инымъ результатамъ въ этомъ отношеніи и заставитъ ихъ выработать такія реформы, которыя послужатъ надежнымъ оплотомъ для мѣстнаго населенія, какъ пришлаго, такъ и кореннаго.

Народныя библіотеки въ Лондонѣ. Въ рабочихъ кварталахъ Лондона, тамъ, гдѣ обитаютъ бѣднѣйшіе классы населенія, среди покосившихся домовъ и невзрачныхъ лачугъ, невольно обращаютъ на себя вниманіе посѣтителя приличныя на видъ и еще новыя зданія, на которыхъ красуется вывѣска «Free Public Library» (Безплатная публичная библіотека). Двери этихъ зданій, выходящія на улицу, всегда широко раскрыты настежъ и постоянно можно видѣть входящихъ и выходящихъ оттуда людей. Вечеромъ освѣщенныя окна библіотеки такъ привѣтливо сверкаютъ въ темнотѣ, точно приглашаютъ къ себѣ посѣтителей. И дѣйствительно, въ посѣтителяхъ никогда недостатка не бываетъ. Просторная зала для чтенія всегда бываетъ полна народомъ. Устройство залы очень удобно, хотя и просто. Полъ устланъ толстою цыновкой, чтобы не слышно было шаговъ входящихъ и уходящихъ посѣтителей; на столахъ же и на особо приспособленныхъ для удобства публики пюпитрахъ разложены газеты и журналы. Въ залѣ господствуетъ тишина, прерываемая только шелестомъ переворачиваемыхъ листовъ. Одни читаютъ газеты или разсматриваютъ объявленія, другіе погружены въ чтеніе журналовъ или техническихъ книгъ. Одинъ посѣтитель такой библіотеки Лондона разсказываетъ, что онъ никогда ни заставалъ тамъ менѣе ста человѣкъ, въ какое бы время дня ни заходилъ туда. До какой степени такія библіотеки удовлетворяютъ своему назначенію, доказывается, напримѣръ, тѣмъ, что въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ Чельтенгамѣ, въ читальной залѣ, въ день перебываетъ не менѣе 1.200 посѣтителей. Такое учрежденіе, находящееся въ центрѣ рабочаго квартала, или въ провинціальномъ городкѣ, является какъ бы призывомъ къ знанію и свѣту и убѣжищемъ для всѣхъ въ часы досуга. Журналы и газеты,

особенно иллюстрированныя, привлекаютъ всѣхъ, даже очень невѣжественныхъ людей, сначала являющихся въ библіотеку затѣмъ лишь, чтобы посмотрѣть картинки, объявленія, или прочесть свѣжія новости. Но мало-по-малу въ нихъ просыпается интересъ къ чтенію; отъ газеты они переходятъ къ журналу, затѣмъ къ книгамъ, и возникаетъ жажда знанія. По вечерамъ освѣщенныя и хорошо натопленныя залы библіотеки особенно привлекательны для одинокихъ усталыхъ тружениковъ, которыхъ холодъ гонитъ изъ ихъ неприглянднаго и неуютнаго жилья.

Всѣ народныя библіотеки въ Англіи являются плодомъ мѣстныхъ усилій. По закону достаточно, чтобы 10 плательщиковъ податей заявили письменно мѣстному приходскому совѣту о своемъ желаніи имѣть библіотеку, и вопросъ объ ея учрежденіи тотчасъ же поднимается въ собраніи избирателей и производится голосованіе какъ при политическихъ выборахъ. Результаты голосованія, какъ было до сихъ поръ, всегда оказывались въ пользу учрежденія библіотеки, и община отдѣляла часть своихъ доходовъ на ея устройство. Въ нѣкоторыхъ общинахъ, впрочемъ, вопросъ объ учрежденіи библіотеки прошелъ не безъ борьбы, такъ какъ находились все-таки люди, стоявшіе во главѣ приходскихъ совѣтовъ, которые высказывались противъ слишкомъ большого распространенія просвѣщенія среди рабочихъ. Но именно тамъ, гдѣ рабочимъ приходилось выдерживать такую борьбу съ противоположными воззрѣніями и брать верхъ только благодаря своему сплоченному большинству, успѣхъ библіотекъ былъ особенно значителенъ и доказывалъ особенно ярко, какъ велика потребность въ чтеніи въ рабочихъ классахъ. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ открыто такихъ библіотекъ въ Англіи 250, и въ одномъ Лондонѣ 30. Агитація въ пользу учрежденія этихъ библіотекъ велась очень энергично, и самъ маститый Гладстонъ поддерживалъ ее, заявляя, что въ устройствѣ такихъ библіотекъ онъ видитъ самое могущественное воспитательное средство, какое только можно предложить народу. Между прочимъ, собственная библіотека Гладстона въ его помѣстьи открыта для всѣхъ посѣтителей, но такъ какъ она вся состоитъ изъ научныхъ сочиненій, преимущественно по богословію исторіи и изъ классиковъ, то, разумѣется, она не имѣетъ характера народной библіотеки и привлекательна только для тѣхъ, кто занимается изученіемъ классиковъ или интересуется историческими и богословскими вопросами. Всѣмъ такимъ лицамъ Гладстонъ широко раскрываетъ двери своей библіотеки. «Это мое богатство,—говоритъ всегда Гладстонъ, указывая на свои книги,—и я обязанъ дѣлиться съ неимущими». Гладстонъ ставитъ одно только условіе посѣтителямъ своей библіотеки, чтобы они не пользовались для литературныхъ цѣлей его помѣтками на поляхъ книгъ. Благодаря поддержкѣ Гладстона, народныя библіотеки въ Англіи получили широкое распространеніе, несмотря на оппозицію нѣкоторыхъ могущественныхъ членовъ парламента Одному изъ такихъ членовъ, указывающему на распространеніе вредныхъ идей въ народѣ и происходящія отсюда опасности, Гладстонъ сказалъ: «мы должны заглянуть въ лицо опасности, чтобы судить о ней, и должны судить о вещахъ, хороши онѣ или дурны, не заботясь о ярлыкѣ, который къ нимъ приклеиваютъ». Опытъ указываетъ, что въ дѣлѣ возбужденія любви къ чтенію и удовлетвореніи потребностей въ образованіи, ничто не можетъ сравниться съ народными библіотеками, такими, какія устроены въ Англіи. Двери ихъ такъ широко раскрыты и онѣ такъ комфортабельны и привѣтливы, что рабочіе охотно идутъ туда

отдыхать послѣ дневныхъ трудовъ, и незамѣтно у нихъ развивается пристрастіе къ чтенію. Несомнѣнно, что эти библіотеки, наравнѣ съ многочисленными техническими вечерними школами, устраиваемыми въ разныхъ мѣстахъ Англіи, много способствуютъ тому, что умственный уровень англійскихъ рабочихъ классовъ стоитъ выше, нежели въ другихъ государствахъ Европы, гдѣ принципы народнаго просвѣщенія не проводятся такъ широко въ жизнь, какъ въ Англіи. Большею частью первоначальныя свѣдѣнія и знанія, полученныя въ народной школѣ, скоро испаряются; народъ не имѣетъ возможности пополнять и развивать ихъ, рабочій же слишкомъ спеціализируется или же пріобрѣтаетъ познанія, болѣе широкія, только въ отношеніи техническаго дѣла; вотъ для того, чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, и учреждаются народныя библіотеки въ Англіи, не дающія заглохнуть въ народѣ потребности знанія и свѣта.

Англійскіе студенты въ XIII вѣкѣ. Археологическія изысканія, произведенныя въ послѣднее время, и масса открытыхъ документовъ даютъ возможность возстановить прошлое Оксфорда лучше, чѣмъ какого бы то ни было другого англійскаго города. До сихъ поръ еще улицы Оксфорда имѣютъ то направленіе, которое онѣ имѣли 600 лѣтъ тому назадъ, и Оксфордъ до нѣкоторой степени сохранилъ свою прежнюю физіономію, хотя предмѣстій, сѣвернаго и южнаго, представляющихъ какъ бы отдѣльные маленькіе города въ настояще время, тогда не существовало.

Въ этомъ лабиринтѣ улицъ, переулковъ, аллей, перекрестковъ и т. д. обитало въ XIII вѣкѣ самое буйное и самое непокорное населеніе Англіи. Въ средніе вѣка каждый англійскій городъ заключалъ въ себѣ много элементовъ, нарушающихъ общественное спокойствіе и индивидуальную безопасность, но нигдѣ эти элементы не были такъ сильно развиты, какъ въ Оксфордѣ, и не пользовались такою полною безнаказанностью. Этотъ буйственный элементъ составляли студенты, которые въ XIII вѣкѣ много отличались отъ современныхъ оксфордскихъ студентовъ, лишь изрѣдка прибѣгающихъ къ боксу или позволяющихъ себѣ какое-нибудь буйство, завершающееся разбитіемъ стеколъ въ домѣ какого-нибудь мирнаго буржуа. Теперь оксфордскіе студенты—корректные молодые люди, живущіе въ коллегіяхъ, какъ въ монастырѣ, и занимающіеся спортомъ лишь для развитія физическаго здоровья, а не для удовлетворенія буйныхъ наклонностей, какъ было въ XIII вѣкѣ, когда оксфордскіе студенты представляли безпорядочную орду, не признававшую дисциплины, жившую гдѣ попало и какъ попало, и поддерживавшую лишь номинальную связь съ университетомъ. Научныя занятія не имѣли правильнаго характера и большею частью служили только предлогомъ разгульной молодежи пользоваться безнаказанностью и вести жизнь, какую вздумается. Удальство считалось наивысшимъ качествомъ среди тогдашней университетской момодежи, всегда находившейся въ открытой борьбѣ съ гражданскими властями и городскими обывателями. Съ этой недисциплинированной ордой очень трудно было сладить городскимъ обывателямъ, составлявшимъ меньшинство, и даже полиція боялась вступать съ нею въ борьбу; поэтому, никто не рѣшался выходить на улицу безъ оружія, и были такіе случаи, какъ осада студентами папскаго легата въ его резиденціи, или разграбленіе какого-нибудь аббатства.

Изъ сохранившихся документовъ, относящихся къ тому времени, ясно можно видѣть, что личной безопасности гражданъ тогда почти не суще-

ствовало. Въ Оксфордѣ, населеніе котораго не превышало 4.000 душъ, каждый годъ случалось по нѣскольку убійствъ, а разныхъ столкновеній и дракъ даже перечислить нельзя, такъ какъ они составляли совершенно обычное явленіе. Городъ, видя свое полное безсиліе въ борьбѣ съ вольностями оксфордскихъ студентовъ, съ величайшимъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на все возрастающія привиллегіи университета. Это неудовольствіе достигло въ концѣ концовъ такихъ размѣровъ, что перешло въ открытую распрю и столкновеніе между городскими обывателями и студентами, продолжавшееся цѣлыхъ четыре дня и кончившееся пораженіемъ послѣднихъ, причемъ сорокъ студентовъ было убито. Послѣ этого студентовъ вынудили оставить городъ и удалиться въ стѣны коллегіи, и хартія университета была отмѣнена. Распри происходили и между самими студентами, которые раздѣлялись на сѣверныхъ и южныхъ. Между этими двумя партіями существовала почему-то смертельная вражда и въ маѣ 1314 года между ними произошло формальное сраженіе, очевидно подготовленное заранѣе. Университетское начальство очень рѣдко вмѣшивалось въ распри студентовъ и власть его была чисто номинальной, такъ что ни одинъ изъ виновниковъ безпорядковъ и даже убійцы не подвергались карѣ и преспокойно разгуливали на свободѣ. Каждаго изучающаго документы, относящіеся къ университетской жизни Англіи, должно поразить слѣдующее обстоятельство: принято хвалить возвышенныя благородныя чувства рыцарскихъ временъ, между тѣмъ поступки тогдашней молодежи, воспитывавшейся въ этихъ рыцарскихъ чувствахъ, совершенно противорѣчатъ нашимъ современнымъ понятіямъ о чести и благородствѣ. Разнузданность страстей, однако, становится понятной, если принять во вниманіе, что тогдашней молодежи большею частью некуда было расходовать свои силы и энергію, выходъ которымъ давали эти побоища и сраженія Притомъ же всѣми постоянно воспѣвалась война и въ молодежи воспитывался воинственный духъ и особенное уваженіе къ военнымъ доблестямъ. Что же удивительнаго, что это преобладающее настроеніе общества отражалось и на университетской молодежи, скученной въ узкихъ улицахъ довольно населеннаго города и почти лишенной книгъ, несмотря на свою связь съ центромъ просвѣщенія — университетомъ. Только когда книга вытѣсняла оружіе, воинственность студентовъ стала мало-по-малу исчезать и вмѣстѣ съ этимъ исчезъ и антагонизмъ, такъ долго существовавшій между городомъ и университетомъ.

Взрывъ аэролита въ Мадридѣ. Жители Мадрида были очень напуганы взрывомъ аэролита, пролетѣвшаго надъ городомъ 10-го февраля н. ст. въ 9 ч. 30 минутъ утра. Погода была прекрасна и небо совершенно безоблачно, такъ что жители испанской столицы и предчувствовать не могли, какой имъ готовится сюрпризъ. Вдругъ весь небосклонъ точно вспыхнулъ, какъ во время молніи, и яркій свѣтъ ослѣпилъ всѣхъ, но прежде чѣмъ успѣли отдать себѣ отчетъ въ томъ, что случилось, раздался оглушительный взрывъ. Дома потрясло до основанія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рушились стѣны, окна разлетѣлись въ дребезги. Обезумѣвшее отъ страха населеніе въ первый моментъ вообразило, что это землетрясеніе, всѣ, кто находился въ домахъ, моментально бросились на улицу. Многіе выскакивали изъ оконъ прямо на улицу и причинили себѣ серьезные ушибы и поврежденія. Особенно сильно пострадали работницы на табачной фабрикѣ, моментально бросившіяся на лѣстницу,

которая, не выдержавъ напора толпы, обрушилась и передавила многихъ.

На улицѣ, на базарахъ толпившійся народъ спрашивалъ себя, что случилось? Никто не могъ понять, что произошло. Все было спокойно, земля не колебалась, дома стояли на своихъ мѣстахъ и небо было безоблачно по прежнему. Что же это было? Въ королевскомъ дворцѣ прежде всего подумали о динамитномъ покушеніи, и всѣ были страшно напуганы. Вскорѣ, однако, загадочность явленія разъяснилась. Наблюденія астрономической обсерваторіи въ Мадридѣ и метеорологическаго института констатировали появленіе и взрывъ огненнаго болида надъ Мадридомъ, сдѣлавшійся причиною паники. Среди мадридскаго населенія многіе также замѣтили появленіе болида въ видѣ бѣлаго съ голубоватымъ оттѣнкомъ облачнаго пятна, въ центрѣ котораго этотъ голубоватый оттѣнокъ переходилъ въ красноватый. Такое же явленіе наблюдалось одновременно и въ другихъ городахъ, даже довольно отдаленныхъ: въ Валенсіи, Толедо, Бургосѣ, Арагонѣ и Логроно.

Когда паника въ Мадридѣ поутихла, успокоенное населеніе принялось разыскивать осколки метеорита, пролетѣвшаго надъ городомъ. Дѣйствительно, таковые были найдены въ разныхъ мѣстахъ въ окрестностяхъ Мадрида, Одинъ изъ этихъ осколковъ во время паденія даже ранилъ въ лобъ аптекаря въ предмѣстьи Мадрида. Самый большой осколокъ, доставленный въ обсерваторію, вѣситъ 150 граммъ. По заключенію ученыхъ, взрывъ метеорита произошелъ на высотѣ 24.000 метровъ.

Разумѣется, ученые очень заинтересованы этимъ любопытнымъ явленіемъ, въ которомъ суевѣрное мадридское населеніе, конечно, видитъ особенное знаменіе, предвѣщающее какія - нибудь большія бѣдствія. Между тѣмъ, подобныя явленія, хотя и принадлежатъ къ числу очень рѣдкихъ, наблюдались уже много разъ. Во Франціи, напримѣръ, въ Эгль, наблюдалось такое же точно явленіе въ 1803 году. Взрывъ метеорита произвелъ такое сильное сотрясеніе, что многіе дома развалились. Осколки метеорита найдены были въ разныхъ мѣстахъ на 150 километровъ въ окружности и причинили не мало бѣдъ. Много людей было ранено этими осколками. Въ Уорчестершайрѣ, въ 1874 г., а также въ 1879 г. въ Сѣверной Англіи наблюдалось подобное же явленіе. Взрывъ былъ такъ силенъ, что всѣ дома потрясло до основаній; кромѣ того, взрывъ сопровождался появленіемъ необыкновенно яркаго свѣта, о которомъ трудно составить себѣ понятіе, не видѣвши его. Достаточно сказать, что весь городъ освѣтило сразу и свѣтъ былъ настолько силенъ, что разбудилъ даже спящихъ жителей, такъ какъ явленіе произошло поздно вечеромъ.

Одинъ изъ сотрудниковъ газеты «Temps» передаетъ по этому поводу свой разговоръ съ профессоромъ музея естественной исторіи въ Парижѣ, Станиславомъ Мёнье. Профессоръ Мёнье собралъ для музея цѣлую коллекцію метеоритовъ, найденыхъ въ 400 случаяхъ такихъ паденій. Въ этой коллекціи находятся метеориты всевозможной формы и величины, отъ небольшой груши до головы взрослаго человѣка. Всѣ они сѣроватаго цвѣта, но покрыты черноватою корой.

По мнѣнію профессора, мадридскій феноменъ не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что противорѣчило бы установленнымъ научнымъ даннымъ, и отличается отъ другихъ подобныхъ же явленій лишь тѣмъ, что вызвалъ народную панику. Такая паника случается рѣдко, но лишь потому, что болиды очень рѣдко появляются надъ такими густо населенными городами, какъ Мадридъ.

— Болидъ, — сказалъ профессоръ

Мёнье,—большею частью представляетъ огненный шаръ, блескъ котораго ночью бываетъ ослѣпителенъ, днемъ же, конечно, онъ бываетъ не такъ ярокъ. Въ Мадридѣ, напримѣръ, наблюдалось бѣловатое пятно полулунной формы, представлявшее въ центрѣ такую же окраску, какую имѣютъ облака при закатѣ солнца. Болидъ пролетаетъ съ такою ужасающею быстротой, о которой мы даже приблизительно не можемъ составить себѣ понятія. Пушечное ядро, напримѣръ, пролетаетъ 500 метровъ въ секунду, болидъ же, согласно самымъ точнымъ измѣреніямъ, пролетаетъ въ этотъ же промежутокъ, т. е. въ одну секунду, 30—40.000 метровъ. Болидъ проникаетъ въ нашу атмосферу съ такою ужасающей быстротой что, раздвигая слои воздуха, образуетъ на своемъ пути какъ бы желобъ пустоты, куда съ шумомъ устремляется воздухъ, вызывая грохотъ, раскаты котораго мы слышимъ, когда пролетаетъ метеоритъ. Послѣ этихъ звуковыхъ и свѣтовыхъ явленій, наблюдается иногда паденіе осколковъ, которые бываютъ разной величины и иногда состоятъ цѣликомъ изъ желѣза, какъ это было, напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ такой метеоритъ послужилъ даже поводомъ къ курьезному процессу, возбужденному правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ противъ владѣльца поля, куда свалилась громадная глыба метеоритнаго желѣза. Правительство требовало, чтобы владѣлецъ уплатилъ пошлину за это желѣзо, такъ какъ оно не составляло мѣстнаго продукта, а явилось извнѣ, т. е. съ неба. Въ метеоритахъ находятъ разныя минеральныя породы, встрѣчающіяся на землѣ, и если при изученіи космической геологіи станемъ примѣнять такіе же методы, какіе ввелъ Кювье въ изученіе исчезнувшихъ типовъ животныхъ, и попробуемъ возстановить посредствомъ этихъ осколковъ тотъ идеальный шаръ, частицу котораго они нѣкогда составляли, то несомнѣнно мы должны будемъ признать, что этотъ шаръ подвергался такимъ же геологическимъ переворотамъ, какіе происходятъ на земномъ шарѣ. Метеориты являются продуктами произвольнаго распаденія одного или нѣсколькихъ небесныхъ тѣлъ, которыя также были устроены, какъ и земной шаръ. Эти осколки распавшихся небесныхъ тѣлъ, увлекаемые своею первоначальною скоростью, блуждаютъ въ пространствѣ, и если встрѣтятся въ своемъ полетѣ съ нашею планетой, то падаютъ на нее, какъ, быть можетъ, падаютъ и на луну, когда встрѣчаются съ нею. Причиною распаденія небесныхъ тѣлъ является прогрессивная потеря первоначальной теплоты и постепенное охлажденіе. Солнечные лучи согрѣваютъ только поверхность и поэтому не могутъ вполнѣ вознаградить эту потерю. Шары постепенно охлаждаются, высыхаютъ и распадаются. Моря исчезаютъ, поглощенные почвой, исчезаетъ атмосфера и жизнь, и такой шаръ носится въ пространствѣ, безжизненный и холодный, до тѣхъ поръ, пока, достигнувъ окончательной дряхлости, не распадется, какъ трупъ. Метеориты, попадающіе къ намъ на землю, представляютъ именно остатки такихъ мертвыхъ тѣлъ, жизнь которыхъ давно угасла и которыя постепенно превратились въ прахъ...

— Но вѣдь такая судьба ожидаетъ и нашу планету! — воскликнулъ собесѣдникъ профессора.

— Да,—сказалъ задумчиво профессоръ.—И наша земля когда-нибудь сдѣлается источникомъ метеоритовъ, которые будутъ падать на новыя будущія планеты!

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Westminster Review».—«Revue de Paris».—«Cosmopolis».

Историческая школа, хотя и отрицающая существованіе истинной цивилизаціи въ Новомъ Свѣтѣ въ періодъ его завоеванія, признаетъ все-таки, что Перу представляло уже въ то время довольно культурное государство, вышедшее изъ варварскаго состоянія. Нѣкоторые историки, правда, отдаютъ предпочтеніе мексиканцамъ, но если сравнить административныя и соціальныя системы въ обѣихъ странахъ, то несомнѣнно приходится отдать пальму первенства Перу. При изученіи системы государственнаго устройства, существовавшей въ Перу, изслѣдователь непремѣнно долженъ быть пораженъ изумительнымъ сходствомъ съ тѣмъ, напр., идеаломъ, который мерещится нѣкоторымъ нашимъ «народникамъ», вздыхающимъ о добромъ старомъ времени, когда и у насъ еще процвѣтало натуральное хозяйство съ его патріархальнымъ бытомъ.

Административное устройство Перу опиралось на децимальную систему. Единицу составляла «шунша»—деревенская община, состоящая изъ десяти семействъ. Десять *шунша* составляла «*пашаку*», десять *пашакъ*—«*хуаранку*» и, наконецъ, десять *хуаранка* составляли «*хуну*»—округъ, населеніе котораго состояло изъ 50.000 душъ. Во главѣ каждаго изъ этихъ административныхъ отдѣловъ находилось служебное лицо, отвѣтственное передъ другимъ лицомъ, стоящимъ выше его по іерархической лѣстницѣ, а въ концѣ концовъ,—передъ инкой, являющимся высшимъ главою всей бюрократіи страны. Дѣятельность этихъ чиновниковъ была двоякаго рода: прежде всего они завѣдывали раздачею сѣмянъ для посѣвовъ, сукна для одежды, строительныхъ матеріаловъ, если, бывало, нужно построить домъ, разрушенный пожаромъ или ураганомъ; затѣмъ они являлись судьями, тамъ гдѣ это было нужно, разбирали дѣла, препровождая болѣе серьезные случаи на разсмотрѣніе лица, стоявшаго выше ихъ по іерархической лѣстницѣ.

Земля считалась собственностью общины (*шунши*) и дѣлилась на мелкіе участки, достаточные для прокормленія мужа и жены. Какъ у древнихъ германцевъ, такъ и въ Перу въ опредѣленное время происходило новое дѣленіе земли для поддержанія равновѣсія. Продукты земли дѣлились на три части: одна предназначалась Инкѣ, другая — жрецамъ Солнца и третья—народу. Сначала воздѣлывались земли, принадлежащія богу солнца, затѣмъ, тѣ, которыя составляли участки старыхъ, больныхъ, увѣчныхъ, вдовъ и сиротъ—словомъ, всѣхъ тѣхъ, кто не могъ самъ обрабатывать землю. Покончивъ съ этими участками, народъ принимался за воздѣлываніе своихъ собственныхъ участковъ и земли, принадлежащія Инкѣ, воздѣлывались всегда самыми послѣдними. Повидимому, дневныя работы неотнимали слишкомъ много времени и не утомляли рабочихъ, такъ какъ они всегда изображаются бодрыми и веселыми, распѣвающими народныя пѣсни во время своей работы.

Главную отрасль индустріи въ Перу составляло производство сукна, приготовляемаго изъ шерсти домашней ламы и нѣкоторыхъ дикихъ породъ. Охота за этими животными происходила подъ руководствомъ правительственныхъ чиновниковъ, въ опредѣленное время. Въ этой охотѣ принимало участіе много людей. Шерсть распредѣлялась между всѣми семьями, и тутъ также каждая семья должна была прежде позаботиться объ удовлетвореніи своихъ собственныхъ потребностей и затѣмъ уже вырабатывала свою долю для Инки. Но руд-

ники драгоцѣнныхъ металловъ эксплуатировались исключительно только въ пользу Инки и духовенства. Никакого раздѣленія труда не существовало и каждый своими собственными руками изготовлялъ то, что ему было нужно. Каждый взрослый мужчина былъ одновременно и ткачемъ, и портнымъ, башмачникомъ и строителемъ, земледѣльцемъ и т. д., а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства ему помогала женщина. Исключеніе составляла только обработка металловъ, требовавшая уже спеціализаціи и достигшая въ Перу высокой степени искусства.

Бюрократическая система Перу по праву возбуждала изумленіе завоевателей, такъ какъ она оказалась весьма сложной. Такъ, напримѣръ, администрація должна была заботиться о томъ, чтобы на каждаго члена общины налагался трудъ, вполнѣ соразмѣрный съ его силами, поэтому рабочее населеніе деревни раздѣлялось на четыре класса: въ первомъ находились мужчины отъ 16 до 20 лѣтъ, во второмъ — отъ 20 до 25, въ третьемъ отъ 25 до 50, и въ четвертомъ—отъ 50 до 60. Первому и четвертому классу назначалась болѣе легкая работа, а самая трудная выпадала на долю второго и третьяго классовъ. Женщины также подвергались подобной же классификаціи въ дѣлѣ хозяйственной работы.

Замѣчательно, что, не смотря на слабое развитіе письменности въ Перу, система оффиціальныхъ записей велась съ величайшей тщательностью и правительство обладало очень точными статистическими свѣдѣніями, касающимися каждаго округа, его климата, населенія, производительности и т. п. Если бѣдствіе обрушивалось на какую-нибудь общину, то извѣстіе объ этомъ немедленно достигало высшихъ сферъ и тотчасъ же принимались мѣры для исправленія бѣды. Число рабочихъ часовъ, особенно въ рудникахъ, подвержено было самой строгой регламентаціи,—«въ записяхъ», конечно, и отчетахъ мудрой администраціи, ибо мнѣнія самихъ рабочихъ по этому вопросу, къ сожалѣнію, не дошли до потомства.

Народныя развлеченія также занимали не послѣднее мѣсто въ Перу. Нѣсколько разъ въ годъ устраивались большія народныя празднества, на которыхъ танцовали, пѣли и смотрѣли на драматическія празднества.

Такова была система управленія, господствующая въ эпоху испанскаго завоеванія въ этой территоріи, занимавшей поверхность болѣе чѣмъ въ 800.000 квадратныхъ миль, т.-е. равнявшейся современной Германіи, Австріи, Франціи и Испаніи, соединеннымъ вмѣстѣ. Населеніе этой мѣстности было тогда гораздо гуще, чѣмъ теперь; земля воздѣлывалась въ совершенствѣ, дороги были въ хорошемъ состояніи и ирригація устроена съ такимъ искусствомъ, что невольно удивляешься ловкости народа, не имѣвшаго въ своемъ распоряженіи никакихъ желѣзныхъ орудій. Развалины древнихъ зданій свидѣтельствуютъ, что въ разсказахъ первыхъ изслѣдователей и завоевателей Перу не заключается никакихъ особенныхъ преувеличеній.

Все это, какъ мы знаемъ изъ учебника Иловайскаго, не спасло Перу, съ его милліоннымъ населеніемъ, при столкновеніи съ нѣсколькими стами испанцевъ, предводительствуемыхъ двумя бандитами, Пизарро и Альмагро. Этого вопроса не касается «Westminister Review», справедливо полагая, что читатели и сами понимаютъ, почему народъ, лишенный всякой самодѣятельности, не могъ оказать сопротивленія горсти авантюристовъ—въ борьбѣ, требовавшей прежде всего энергіи, иниціативы и сознанія своихъ правъ.

Леонсъ Пинго (Pingaud) печатаетъ въ «Revue de Paris» очень подробное

изслѣдованіе о послѣднихъ членахъ конвента. Къ концу первой имперіи, менѣе чѣмъ черезъ двадцать лѣтъ, говоритъ онъ, конвентъ, казалось, принадлежалъ уже къ очень отдаленной эпохѣ. Оставшіеся въ живыхъ члены знаменитаго собранія вспоминали о своемъ прошломъ, пожалуй, только лишь для того, чтобы сказать, другъ другу, какъ говорилъ нѣкогда Фуше Тибодо въ 1810 году: «мы стояли тогда въ партерѣ, недовольные и буйные, теперь мы удобно сидимъ въ ложахъ перваго ряда; будемъ же апплодировать!» Почти всѣ изъ переживших бурныя времена республиканцевъ приняли должности отъ новой монархіи, и не только должности, но и пенсіи и даже почетные титулы. Что имъ за дѣло было до республики,—до «величественной системы», о которой нѣкогда мечталъ Кондорсе! Они приняли имперію, какъ спасеніе для нѣкоторыхъ учрежденій, въ которыхъ видѣли и свое собственное спасеніе. Наполеонъ даже особенно охотно набиралъ себѣ слугъ среди бывшихъ членовъ конвента и эмигрантовъ, заявляя во всеуслышаніе, что онъ не столько обращаетъ вниманіе на мнѣнія, сколько на покорность и пріобрѣтенную опытность.

Но, признавъ имперію, многіе изъ бывшихъ революціонеровъ признали затѣмъ и реставрацію. Однако, высказанная ими покорность тутъ не принесла имъ пользы. Хотя Людовикъ XVIII и объявилъ, что воспрещается доискиваться фактовъ и мнѣній до реставраціи и рекомендуется трибуналамъ и гражданамъ забыть о томъ, что происходило до этого времени, но, тѣмъ не менѣе, реакція наступала быстро, и бывшіе члены конвента подверглись преслѣдованію вездѣ, гдѣ только можно. Вскорѣ это преслѣдованіе распространилось и на ихъ родственниковъ и всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе участвовалъ въ революціи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ преслѣдуемые, не зная, какому святому молиться, съ радостью привѣтствовали возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы. Стодневная монархія быстро пришла къ концу и наступила вторичная реставрація, и на этотъ разъ пострадали уже не одни только республиканцы, а и бонапартисты. Всѣхъ ихъ смѣшали въ одну кучу подъ общимъ наименованіемъ «горсти цареубійцъ», которое было дано имъ памфлетистомъ того времени, роялистомъ Боррюэль-Боверомъ. Ней былъ первою жертвою такого настроенія умовъ. Но пострадали и другіе. Даже Фуше не избѣгъ общей участи, хотя онъ всегда ухитрялся быть на сторонѣ побѣдителей. Онъ тоже былъ устраненъ мало-по-малу. Когда опубликованы были законы объ изгнаніи, то нѣкоторые изъ бывшихъ членовъ конвента стали просить у правительства отсрочки подъ разными предлогами. Бернаръ де-Сентъ прикинулся сумасшедшимъ, но неудачно; Тиріонъ лишилъ себя жизни. Другіе подписали торжественное отреченіе отъ своего голосованія смерти Людовика XVI и даже объявили себя роялистами. Бреаръ сослался на свою бѣдность, но правительство выдало ему нужную сумму денегъ и отправило его въ изгнаніе. Дегрона, немощный и слѣпой, былъ заключенъ въ больницу и долженъ былъ выплачивать по 10 фр. въ день.

Нѣкоторые, однако, избѣжали общей участи: такъ, напримѣръ, Ришаръ, должно быть за какія-то таинственныя услуги, получилъ пенсію отъ правительства въ 6.000 фр. Талльенъ, вѣроятно, въ воспоминаніе о 9-мъ термидорѣ, получилъ безсрочную отсрочку изгнанія и велъ въ Парижѣ самое жалкое существованіе. Друэ скрылся подъ чужимъ именемъ и вмѣстѣ съ какою-то нѣмкой открылъ пирожную лавку. Онъ кончилъ тѣмъ, что сдѣлался довѣреннымъ лицомъ одного изъ ультра-реакціонеровъ и, все подъ чужимъ именемъ, ухаживалъ за его садомъ

и читалъ ему по утрамъ монархическія газеты.

Бессонъ, быть можетъ, былъ самымъ несчастнымъ изъ всѣхъ, но все же онъ купилъ менѣе унизительною цѣной право умереть во Франціи. Онъ взялъ заграничный паспортъ, но спрятался вблизи своей деревни, въ уединенной лачужкѣ въ лѣсу. За нимъ ухаживала его дочь, и правительство, знавшее, вѣроятно, гдѣ онъ скрывается, посылало отъ времени до времени дѣлать обыскъ въ его убѣжищѣ. Бессонъ, предупреждаемый друзьями, скрывался тогда въ лѣсу, и однажды ему пришлось даже провести ночь такимъ образомъ, подвергаясь опасности нападенія волковъ. Въ домѣ онъ также никому не показывался и его маленькій внукъ видѣлъ его только мелькомъ, точно какой-то призракъ, сквозь стеклянную дверь.

Европейскія государства не очень охотно принимали къ себѣ изгнанниковъ и самое лучшее убѣжище они, конечно, могли найти только въ Америкѣ. Но очень немногіе рѣшились туда отправиться. Изъ этихъ послѣднихъ называютъ: Гарнье де-Сентъ, утонувшаго въ Огіо, Пеньера, сдѣлавшагося первымъ слесаремъ колоніи, Лаканаля, организовавшаго университетъ въ Новомъ Орлеанѣ, и Билльо Варенна, проживавшаго въ хижинѣ въ Санъ-Доминго и не жалѣвшаго, повидимому, ни о чемъ, кромѣ смерти Робеспьера и Дантона.

Фуше, примирившійся со своею участью, рѣшилъ, что ему надо подумать о покоѣ и о своей репутаціи и занялся своими мемуарами. Но Карно, поднявшій бѣлое знамя въ Анверѣ во время первой реставраціи, вовсе не имѣлъ намѣренія покоряться безропотно. До своего изгнанія онъ пробовалъ протестовать въ запискѣ, поданной лично королю, но это было тщетно. Въ изгнаніи онъ принялъ участіе въ заговорѣ, организованномъ брюссельскими эмигрантами, съ цѣлью произвести революцію во Франціи и вмѣсто Людовика XVIII посадить наслѣдника Нидерландовъ, принца Оранскаго. Но этотъ странный проектъ водворить во Франціи пятую династію при посредствѣ бывшихъ республиканцевъ и иностранныхъ солдатъ, однако, потерпѣлъ неудачу.

Революція 1830 года открыла двери Франціи изгнанникамъ. Сорокъ пять бывшихъ членовъ конвента вернулись на родину.

«Я видѣлъ самъ,—пишетъ Эдгаръ Кине, — возвращеніе въ 1830 году изгнанниковъ, высланныхъ въ 1815 году. Воспоминаніе объ этомъ надрываетъ мнѣ сердце и теперь, когда я пишу эти строки... Они захотѣли повидать свои родныя провинціи, тѣ мѣста, гдѣ ихъ нѣкогда такъ чествовали и превозносили. Но ни одна дверь не открылась имъ и пребываніе на родинѣ скоро сдѣлалось для нихъ невыносимымъ. Убѣдившись, что они стѣсняютъ своимъ присутствіемъ, они удалились въ уединеніе, въ безвѣстное убѣжище, сожалѣя, какъ одинъ изъ нихъ самъ сознался мнѣ, о далекомъ изгнаніи, откуда они вернулись, и находя возвращеніе во сто разъ хуже смерти».

Не мѣшаетъ, конечно, напомнить, что всѣ эти люди, такіе уступчивые и легко мѣнявшіе свою форму, именно и составляли то послушное большинство въ конвентѣ, которое по очереди отправляло на эшафотъ то жирондистовъ, то Дантона, то Робеспьера.

Международный журналъ «Cosmopolis», печатающійся на трехъ языкахъ, помѣщаетъ въ своемъ февральскомъ нумерѣ письмо Жюля Симона, слѣдующаго содержанія: «М. г. Вы издаете космополитическій журналъ, чтобы содѣйствовать распространенію идей мира и согласія. Я заключаю изъ этого, что вы, также какъ и мы, стремитесь, — не уничтожить войну совсѣмъ, потому что это никогда не

удастся, — а отдалить ее насколько возможно, доставивъ разуму и человѣчеству, какъ можно больше, шансовъ дѣйствовать противъ нея. Исторія послѣднихъ лѣтъ указываетъ, что различныя государства все болѣе и болѣе сознаютъ полезность конгрессовъ, ихъ необходимость, я бы сказалъ даже святость, ибо всякое учрежденіе, имѣющее цѣлью помѣшать людямъ убивать другъ друга, есть святое учрежденіе.

«Никогда, ни въ какую другую историческую эпоху война не была столь вѣроятна и столь же невозможна, какъ въ данную минуту; она вѣроятна, потому что «casus belli» скопляются со всѣхъ сторонъ, на Балканахъ, въ Болгаріи, въ Турціи, въ Трансваалѣ, въ Китаѣ и еще недавно къ нимъ прибавилось посланіе Кливэленда и посланіе императора Вильгельма; но она невозможна— вслѣдствіе громадности своихъ непосредственныхъ результатовъ и послѣдствій. Въ самомъ дѣлѣ, теперь уже не можетъ быть рѣчи о томъ, что на мѣсто битвы отправятся сотни тысячъ или даже милліонъ людей; благодаря обязательной и всеобщей военной службѣ, благодаря усовершенствованію желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, телефоновъ и дальнобойнаго оружія, туда уйдутъ всѣ, и результатъ будетъ столь же роковымъ для побѣдителя, какъ и для побѣжденныхъ, для воинствующихъ, какъ и для нейтральныхъ. Явится недостатокъ въ людяхъ, исчезнутъ таланты и человѣчество отодвинется на нѣсколько вѣковъ назадъ. Оно умретъ, чтобы возродиться, но оно все-таки умретъ!

«Кто же не знаетъ этого среди серьезныхъ людей, или кто, зная, не видитъ, что первый долгъ каждаго народа —прибѣгать къ посредничеству въ своихъ частныхъ распряхъ, для разъясненія и улаженія недоразумѣній, и обращаться къ третейскому суду?

«Несогласія между народами имѣютъ такой же характеръ, какъ и ссоры между частными лицами. Каждая изъ спорящихъ сторонъ принимаетъ во вниманіе только свои интересы въ прошломъ и будущемъ. Трудно достигнуть соглашенія, когда разгораются страсти, тѣмъ болѣе, что основанія для нихъ могутъ быть вполнѣ законными съ обѣихъ сторонъ. Въ рѣчахъ также далеко не всегда соблюдается должная осторожность въ такихъ случаяхъ. Соглашенія даже скорѣе можно достигнуть тамъ, гдѣ идетъ дѣло о крупныхъ интересахъ, но война вѣдь возникаетъ изъ-за пустяковъ!

«Германія пишетъ президенту южно-африканской республики: «На васъ сдѣлано преступное покушеніе». Южно-африканская республика соглашается съ Германіей и приговариваетъ виновника къ смерти. Въ концѣ концовъ смерть замѣняется изгнаніемъ, но все же первый приговоръ былъ смертнымъ приговоромъ, да вѣдь и изгнаніе — наказаніе не легкое. Во многихъ законодательствахъ оно слѣдуетъ непосредственно за смертною казнью.

«Англія замѣчаетъ Германіи: «Какъ бы ни былъ виновенъ сдѣлавшій нападеніе, вы все же не имѣете права примѣшивать сюда Англію, осуждающую его, или дѣлать выговоръ англійскому подданному, не подлежащему вашей юрисдикціи».

«Такъ какъ каждый изъ этихъ народовъ по своему правъ, то ни одинъ изъ нихъ не желаетъ уступать, и разговоръ между ними только можетъ усилить взаимное раздраженіе. Въ ихъ собственныхъ интересахъ, слѣдовательно, нужно было бы прибѣгнуть къ третейскому суду, который разъяснитъ дѣло, щадя самолюбіе и той, и другой стороны.

«Изолированныя войны въ настоящее время невозможны. Ни одно государство не можетъ вынуть мечъ изъ ноженъ безъ того, чтобы другія не были

втянуты въ его ссору. Война 1870 года была послѣднею войной, во время которой міръ смотрѣлъ на избіеніе, не вмѣшиваясь въ него. Это послѣдняя война, во время которой народъ оказался побѣжденнымъ, не будучи, въ то же время, уничтоженнымъ. Отнынѣ придется во время битвы брать ту или другую сторону, если есть желаніе участвовать въ дѣлежѣ добычи. При такомъ положеніи вещей долгъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ настаивать на примиреніи или, по крайней мѣрѣ, предлагать мѣры къ нему. Народы не должны, ради собственной безопасности, чести и выполненіи долга,освященнаго словами: «Помогайте другъ другу!», оставаться равнодушными къ общей опасности.

«Я вовсе не говорю, что война неизбѣжна. Я думаю, что невозможность вести войну еще разъ возьметъ верхъ надъ разными поводами къ ней. Но жить такъ, развѣ это значитъ жить? Развѣ же мы не должны воспользоваться случаемъ и призвать на помощь хладнокровіе и проницательность людей нейтральныхъ? Вѣдь, если страсти будутъ руководить рѣшеніями въ разногласіяхъ, то это неминуемо ввергнетъ насъ въ ужасы войны. Если же разногласія будутъ подвергнуты суду разума, то это поведетъ къ ихъ разрѣшенію и умиротворенію. И мы должны испробовать это средство. Если мы сдѣлали все, что можетъ быть сдѣлано въ интересахъ примиренія, то намъ нечего бояться, чтобы пролитая кровь и накопившіяся развалины обрушились на насъ.

«Вы не англичане, не нѣмцы, не французы; вы все это одновременно. Нѣтъ народа, интересы котораго не были бы вамъ дороги. Вы не хотите преобладанія никого, потому что вы хотите одинаковаго развитія всѣхъ. Когда же война будетъ объявлена, то останется только убивать и убивать до полнаго истребленія. Въ настоящее время друзья мира имѣютъ союзниковъ въ лицѣ всѣхъ тѣхъ, кому война внушаетъ ужасъ; имя же имъ: легіонъ. Всякій конгрессъ мира вызываетъ энтузіазмъ толпы, и всякій монархъ или народъ, взявшій на себя иниціативу замиренія, непремѣнно будетъ превозноситься своими современниками и исторіей.

«Богъ и люди сходятся въ этомъ отношеніи. Если дипломатія останавливается передъ мелочами, въ виду такихъ опасностей, то пусть общественное мнѣніе принудитъ ее. Тутъ нѣтъ рѣчи о томъ, чтобы все сдѣлать въ одинъ день, или даже, вообще, все сдѣлать. Анализъ долженъ быть во всемъ. Затрудненія устраняются постепенно, и каждый достигнутый успѣхъ облегчаетъ достиженіе послѣдующаго успѣха. Я бы желалъ, чтобы торжество силы, заявляющее о себѣ въ теченіе четверти вѣка, завершилось бы пораженіемъ этой силы. Я проповѣдывалъ эту доктрину во время празднованія столѣтія института, и ко мнѣ примкнуло все, что есть великаго въ области искусствъ и наукъ. Это дѣло мира и, слѣдовательно, дѣло Бога!

Жюль Симонъ».

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".
Мартъ 1896 г.

Содержаніе. Беллетристика.—Исторія литературы.—Русская исторія.—Этика.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Новости иностранной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

А. Верещагинъ. «У болгаръ и заграницей».—*И. Н. Потапенко.* «Повѣсти и разсказы».

А. Верещагинъ. У болгаръ и заграницей. Въ глуши. 1896 г. Ц. 2 р. «Есть книги, которыя выходятъ изъ печати, и есть другія, которыя выходятъ въ свѣтъ», говоритъ рецензентъ одной патріотической газеты, и къ числу книгъ, выходящихъ въ свѣтъ, причисляетъ и записки г. А. Верещагина «У болгаръ и заграницей». Какъ это ни странно, но наши мнѣнія объ этой книгѣ почти сошлись. Дѣйствительно, книга заслуживаетъ вниманія, хотя и не той своей стороной, которая восхитила упомянутую газету. Она заслуживаетъ вниманія не потому, чтобы записки г. А. Верещагина отличались особыми литературными достоинствами. Далеко нѣтъ,—добрая половина ихъ, напримѣръ, вся третья часть «Въ глуши», просто, скромно выражаясь,—ненужный балластъ. И не потому, чтобы личность автора была особенно любопытна. Онъ только—братъ знаменитости и, подобно женамъ знаменитостей, цѣликомъ тонетъ въ лучахъ славы своего брата. Но есть въ запискахъ его одна драгоцѣнная черта, которую мы бы назвали «откровенностью fin de siècl'я»—до того ужъ простъ г. А. Верещагинъ, когда онъ разсказываетъ о житьѣ-бытьѣ своемъ и своихъ товарищей-офицеровъ въ Болгаріи.

За подробностями отсылаемъ читателей къ самой книгѣ, гдѣ г. А. Верещагинъ, не смущаясь, разсказываетъ о своихъ подвигахъ, въ родѣ разграбленія турецкаго монастыря, причемъ и онъ, авторъ, «попользовался кое-какими дорогими ему вещицами, табакомъ да парою осликовъ на придачу». Читая его откровенныя признанія, дѣлающія чести прямодушію г. Верещагина, какъ не вспомнить добродушныхъ нѣмцевъ, которыхъ ихъ злѣйшіе враги—французы, могли укорить въ одномъ, что тѣ таскали стѣнные часы и отсылали ихъ на родину. Та же патріотическая газета, съ рецензентомъ которой мы такъ внезапно сошлись въ мнѣніяхъ, еще недавно метала громы и молніи на седанскихъ побѣдителей за эти злополучные часы и грозила имъ презрѣніемъ на этомъ и вѣчными муками на томъ свѣтѣ. Такое благородство ея каза-

лось намъ и очень мило, и очень трогательно, хотя и не совсѣмъ разумно. Ибо,—думали мы тогда, да, пожалуй, и теперь думаемъ также,—à la guerre comme à la guerre, и кто на войнѣ удовлетворяется только стѣнными часами,—заслуживаетъ, по меньшей мѣрѣ, монтіоновской преміи за благонравіе и добродѣтель. И вовсе мы не осуждаемъ г. А. Верещагина за то, что онъ попользовался табакомъ, кое-какими «особенно дорогими ему» вещами да парою осликовъ на придачу; сей офицеръ проявилъ большую скромность, достойную всяческой похвалы и поощренія.

Но вотъ за что мы осмѣлились бы осудить его,—хотя и боимся. что съ нами не согласится на этотъ разъ рецензентъ патріотической газеты. Есть вещи, которыя, такъ сказать, въ природѣ вещей, но о которыхъ не принято говорить во всеуслышаніе. И потому не принято, что въ человѣкѣ, ихъ совершающемъ, все же предполагается нѣкій стыдъ, мѣшающій ему съ яснымъ лицомъ и веселыми глазами повѣствовать объ этомъ. Предполагается затаенное въ глубинѣ души сознаніе того, что въ сущности не хорошо дѣлать такія вещи. А стыдъ—не меньшая добродѣтель, чѣмъ откровенность. Вѣдь, разоткровенничавшись, можно дойти до полнаго безстыдства и выступить передъ публикой совсѣмъ au naturel. Конечно, есть теперь и такія «откровенные», имъ г. Станюковичъ посвятилъ даже цѣлый романъ. Но подражать имъ не слѣдуетъ, потому что безстыдство заразительно, какъ и всякій порокъ.

Не только не понимаетъ г. Верещагинъ этихъ основныхъ правилъ общежитія, но даже свой образъ мыслей приписываетъ Михаилу Скобелеву, предъ памятью котораго онъ благоговѣетъ. Онъ приводитъ слѣдующій, яко бы дѣйствительно имъ слышанный разговоръ. На обѣдѣ у Скобелева, въ присутствіи массы молодыхъ офицеровъ, старый казачій генералъ говоритъ:

«Вы, ваше превосходительство, ежели когда будете воевать съ нѣмцами, такъ возьмите нашихъ донцовъ—такъ, очереди двѣ. Вѣдь это составитъ 120 полковъ. Подведите ихъ къ нѣмецкой границѣ и скажите:—«все, что вы, ребятушки, возьмете здѣсь, все будетъ ваше; за то ужъ не прогнѣвайтесь, ни кормить васъ не будутъ, ни жалованья не получите»,—и повѣрьте, что всѣ съ радостью бросятся туда—и сыты будутъ».

«И старый генералъ многозначительно смотритъ на Скобелева, какъ бы желая знать, что тотъ скажетъ.

«— Кха, кха, кха!—прыскаетъ отъ смѣху нашъ Михаилъ Дмитріевичъ. Слова заслуженнаго атамана пришлись ему какъ нельзя больше по сердцу.

«— Ха, ха, ха! Вотъ-то запоютъ они, когда казаки, ночью, примутся вязать мирныхъ бюргеровъ, да еще, какъ бы по ошибкѣ, свяжутъ ногу мужа съ ногою жены, и такъ потащутъ ихъ съ мягкой постели.

«И онъ еще долго смѣется... Всѣ мы, молодежь офицеры, безмолвно слушаемъ рѣчь любимаго начальника» (стр. 87—88).

Въ наивности души своей г. А. Верещагинъ не замѣчаетъ, что онъ развѣнчиваетъ «любимаго начальника», думая превознести его. «Бѣлый генералъ» не сохранился бы въ памяти массъ, если бы открыто, публично, говорилъ имъ такія проповѣди. Въ массахъ таится всегда инстинктивное уваженіе къ праву и справедливости. и хотя массы могутъ нарушать это право и справедливость и грабить почище господъ Верещагиныхъ, но никогда онѣ не пре-

клонятся передъ человѣкомъ, проповѣдующимъ имъ грабежъ. Наконецъ, какъ генералъ, Скобелевъ не могъ не знать «Воинскаго устава», въ которомъ строго воспрещается нападенiе на мирныхъ обывателей, тѣмъ болѣе «вязать ногу мужа съ ногою жены и тащить ихъ съ мягкой постели».

Все это лишь «плѣнной мысли раздраженiе», плодъ досужей фантазiи г. А. Верещагина, а если наше предположенiе невѣрно, и все имъ разсказываемое правда, то почему его оскорбила слѣдующая, приводимая имъ сценка въ Дрезденѣ, уже послѣ смерти Скобелева: «Помню, иду я какъ-то вечеромъ по Брюлловой террасѣ, передо мною гуляетъ группа дамъ и мужчинъ. Слышу фамилiю «Скобелевъ». Настораживаю уши,—компанiя хохочетъ. Къ сожалѣнiю я только слышалъ: «Deutschenfresser... Champanien... Skobeleffs' Rede» («Нѣмцеѣдъ... Шампанское... Рѣчь Скобелева»)—и только. Подойти ближе было неловко. Но и эти слова настолько меня разсердили, что я нѣсколько дней не показывался на выставкѣ» (стр. 209). Такая чувствительность дѣлаетъ честь сердцу г. А. Верещагина, но нисколько не его логикѣ. Одно изъ двухъ—или Скобелевъ говорилъ такiя рѣчи, и тогда нѣмцамъ простительно называть его «людоѣдомъ» и радоваться его смерти, или же г. А. Верещагинъ присочинилъ эту рѣчь, и тогда его негодованiе должно-бы обратиться на него самого. Но откровенность автора далеко превышаетъ его логику, и въ этомъ весь интересъ его книги, какъ своего рода «знаменья времени».

И. Н. Потапенко. Повѣсти и разсказы. Т. IX. Изд. Н. Павленкова. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. Въ настоящiй томикъ вошло нѣсколько разсказовъ г. Потапенко, которые при всемъ разнообразiи содержанiя объединяются одной, характерной для таланта автора чертой—юморомъ. Мягкiй и безобидный, юморъ г. Потапенко, какъ намъ кажется, больше всего выдѣляетъ его изъ ряда другихъ извѣстныхъ беллетристовъ. Всякiй разъ, когда избранная тема даетъ возможность развернуться вполнѣ этой особенности таланта г. Потапенко, мы получаемъ прелестные, яркiе, дышащiе свѣжестью и заразительнымъ весельемъ очерки, какъ, напр., вошедшiе въ IX томъ «Рѣчные люди», «Простая случайность», «Развязанный узелъ» и проч. Лучше другихъ первый, затрогивающiй бытъ сельскаго духовенства. Вообще, изображенiя этого быта преимущественно удаются г-ну Потапенко, который всегда находитъ въ жизни сельскаго духовенства новую интересную черту, до него не затронутую, и умѣетъ тепло и правдиво освѣтить ее. Кто не знаетъ его разсказа «Шестеро», своей почти классической простотой и глубокимъ трагизмомъ подавляющаго читателя? «Рѣчные люди», напротивъ, трогаютъ насъ, какъ безхитростная идиллiя, согрѣтая южнымъ солнцемъ и проникнутая скрытымъ, примиряющимъ и ласковымъ юморомъ. И отецъ Левъ, дьяконъ «съ истинно благоуханнымъ голосомъ», восхищающимъ все высшее епархiальное начальство, и философiя дьякона, согласно которой «рѣдко это проходитъ даромъ, чтобы начальство тебя увидѣло и никакого тебѣ затрудненiя не сдѣлало», и съѣхавшiеся «на пробу» голосовъ другiе отцы, и само начальство, «которое, конечно, уважать

слѣдуетъ, нельзя не уважать, а только лучше подальше отъ него»,—все это слагается въ картину тихой, мирной и бодрой жизни, очаровательной въ своей наивной простотѣ.

Нѣсколько иной характеръ имѣютъ два другіе разсказа: «Горячая статья» и «Счастливый». И въ нихъ отдѣльныя мѣста, въ которыхъ юмора авторъ находитъ себѣ пищу, дышать правдой и вызываютъ веселую, неудержимую улыбку. Но авторъ силится быть въ нихъ не только наблюдателемъ, талантливо рисующимъ жизнь, а провести идею, очень, быть можетъ, жизненную и почтенную, но читатель остается къ ней холоднымъ и ни мало не трогается ни его «счастливымъ», который въ основу своего счастья полагаетъ служеніе справедливости, ни его «больными людьми», нервная чуткость которыхъ не мирится съ житейскими компромисами.

Совсѣмъ особнякомъ стоитъ разсказъ «Клавдія Михайловна», въ которомъ авторъ подымается на еще болѣе высокую ступень, пытаясь рѣшить сложный вопросъ любви и личной свободы при этомъ. Хотя г. Потапенко и даетъ это рѣшеніе, но оно не является у него жизненнымъ, не вытекаетъ изъ условій дѣйствительности и, во всякомъ случаѣ, не есть рѣшеніе общаго вопроса. «Да, бываетъ, возможно»,—вотъ выводъ, къ которому приходить читатель, когда Клавдія Михайловна, героиня разсказа, «женщина съ положеніемъ», рѣшаетъ, что любовь, не кратковременная, а согрѣвающая всю жизнь, возможна лишь при условіи, если обѣ стороны сохраняютъ независимость своихъ положеній. Къ сожалѣнію, ни она, ни авторъ не даютъ указаній, какъ это можетъ быть достигнуто, какъ устроить это такъ, «чтобы не жить непремѣнно бокъ о бокъ, постоянно сталкиваясь на скучныхъ и пошлыхъ мелочахъ, которыя понижаютъ значеніе жизни». И это потому такъ, что кажущійся только личный вопросъ глубоко коренится въ условіяхъ всего современнаго общественнаго строя и не можетъ быть рѣшенъ безъ предварительнаго разрѣшенія еще болѣе общаго вопроса, одну изъ частностей котораго онъ составляетъ. А до того всѣ варіаціи на тему личной свободы могутъ быть интересны, но ничего существеннаго онѣ не даютъ. Наше безсилье въ этомъ случаѣ отражается и на художественномъ выполненіи подобныхъ темъ. По крайней мѣрѣ, въ книжкѣ г. Потапенко это — самый слабый разсказъ.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Н. Бѣлозерская. «Василій Тимофеевичъ Нарѣжный». — *А. Н. Анненская.* «О Бальзанѣ».—*М. В. Барро.* «Эмиль Золя».

Василій Тимофеевичъ Нарѣжный. Историко-литературный очеркъ Н. Бѣлозерской. Изд. 2-ое. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 75 к. Изд. Л. Ф. Пантелѣева.—«Нигдѣ не встрѣтишь, чтобы упоминали имена уже окончившихъ поприще писателей нашихъ... о вліяніи ихъ еще замѣтномъ. Наша эпоха, кажется, какъ-будто отрублена отъ своего

корня, какъ будто у насъ вовсе нѣтъ начала, какъ будто исторія прошедшаго для насъ не существуетъ». Такою выпискою изъ Гоголя начинаетъ г-жа Бѣлозерская свой историко-литературный очеркъ о Нарѣжномъ, первомъ по времени русскомъ романистѣ, желая какъ бы оправдать въ глазахъ читателя появленіе этого очерка. И въ этомъ ея желаніи нѣтъ ничего страннаго, потому что нигдѣ такъ мало не интересуются исторіей литературы и судьбой писателей, ихъ взаимнымъ отношеніемъ и преемственностью проводимыхъ ими идей и направленій, какъ у насъ. Зависитъ это, съ одной стороны, отъ той ничтожной роли, какую въ жизни нашего общества, играетъ до сихъ поръ литература, существованіе которой только терпимо, какъ своего рода неизбѣжнаго зла, но, въ еще большей степени, такое небрежное отношеніе къ исторіи литературы объясняется общей русской некультурностью. Каждому, конечно, приходилось слышать о русскихъ самоучкахъ-механикахъ, которые, сидя гдѣ-нибудь въ Зашиверскѣ или другомъ подобномъ истинно-русскомъ центрѣ самобытной культуры, додумываются своимъ умомъ до изобрѣтенія паровой машины или летательнаго снаряда. Рѣдкая выставка у насъ обходится безъ такихъ представителей русской самобытности, по поводу которыхъ патріотическая печать бьетъ въ бубны и кимвалы и трубитъ въ трубы, возвѣщая urbi et orbi, что и мы отъ Бога взысканы и что нѣмцы намъ не указъ. Такими же самоучками переполнена и наша литература, и каждый изъ нихъ непремѣнно «своимъ умомъ» дошелъ если не до отрицанія Бога, какъ Ляпкинъ-Тяпкинъ, то до отрицанія предшественниковъ. Попробуйте такому самобытному таланту заявить, хотя бы въ наискромнѣйшей и почтительнѣйшей формѣ, что вы причисляете его къ извѣстному направленію и видите въ немъ продолжателя опредѣленныхъ традицій, — и онъ жестоко обидится и непремѣнно заявитъ, что не привыкъ жить чужимъ умомъ, ибо онъ—самъ по себѣ.

При такихъ условіяхъ исторія литературы имѣетъ мало данныхъ для развитія и мало шансовъ на успѣхъ среди читателей. Второе изданіе труда г-жи Бѣлозерской, напечатаннаго предварительно въ «Русской Старинѣ», показываетъ, что избранная ею тема заинтересовала читателей, какъ изслѣдованіе одного изъ наиболѣе живыхъ вопросовъ въ литературѣ. Романъ, достигшій особаго развитія именно въ нашей литературѣ, почти вытѣснившій всѣ другіе роды ея, благодаря такимъ великимъ мастерамъ, какъ Гончаровъ, Тургеневъ, Достоевскій и Толстой, представляетъ безспорно одну изъ благодарнѣйшихъ темъ для историка литературы. Прослѣдить его зарожденіе, отмѣтить путь, по которому шли первые творцы, ихъ задачи, взгляды и результаты, достигнутые ими,— все это живые вопросы, имѣющіе прямое отношеніе къ исторіи нашего развитія и никогда не теряющіе значенія. Въ своемъ трудѣ г-жа Бѣлозерская посвящаетъ этимъ вопросамъ первую половину, въ которой читатели найдутъ интересную и живую исторію переводнаго и подражательнаго романа у насъ, отъ рукописной литературы до выступленія Нарѣжнаго съ первыми опытами русскаго оригинальнаго романа. Вторая часть посвящена біографіи и кри-

тическому разбору его произведеній, изъ которыхъ современному читателю извѣстенъ больше другихъ романъ «Бурсакъ», до сихъ поръ пользующійся значительнымъ спросомъ среди менѣе притязательной публики. Въ своей оцѣнкѣ Нарѣжнаго г-жа Бѣлозерская избѣгла обычной ошибки русскихъ біографовъ—преувеличеннаго мнѣнія о достоинствахъ избраннаго ими лица, вслѣдствіе чего ихъ біографіи очень часто переходятъ въ панегирики. Авторъ все время остается на почвѣ строго исторической, постоянно поясняя ту связь, какая была между Нарѣжнымъ и временемъ, вліяніе времени, требованій и условій тогдашней литературы и ихъ отраженіе на талантѣ романиста. Участь его, по словамъ автора, довольно печальна. Своимъ современникамъ онъ казался «отсталымъ, хотя, въ сущности, въ своихъ романахъ и повѣстяхъ онъ оказывается болѣе новымъ и самобытнымъ, нежели его предшественники». А послѣдующія поколѣнія, благодаря болѣе развитому вкусу и высшимъ требованіямъ общаго развитія, находили его «устарѣлымъ». Объясняется такое отношеніе къ нему тѣмъ, что произведенія Нарѣжнаго были переходною ступенью отъ переводовъ и подражаній къ оригинальному русскому роману, сдѣлавшему послѣ Пушкина и Гоголя огромный шагъ впередъ. «Не подлежитъ сомнѣнію,—заканчиваетъ свой очеркъ г-жа Бѣлозерская, — что при разнообразіи произведеній и силѣ таланта, о которомъ свидѣтельствуютъ лучшіе романы и повѣсти Нарѣжнаго, онъ могъ бы занять видное мѣсто среди русскихъ первоклассныхъ романистовъ, а для этого онъ долженъ былъ явиться въ пору большей зрѣлости литературы и при болѣе благопріятныхъ условіяхъ».

О. Бальзакъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ А. Н. Анненской. Біограф. библ. Ф. Павленкова. Ц. 25 к. Спб. 1895 г.—Намъ приходилось уже говорить о произведеніяхъ великаго французскаго романиста, по поводу изданія тома его разсказовъ и повѣстей г. Ледерле (см. «М. Б.», іюль 1895 г.). Тогда мы указали на его значеніе въ исторіи литературы и отмѣтили главнѣйшія черты его, какъ писателя и творца новой, такъ называемой натуралистической школы, давшей столько выдающихся романистовъ, какъ Флоберъ, братья Гонкуры, Золя и Мопассанъ, и оказавшей огромное вліяніе на развитіе романа и у насъ. Въ своемъ очеркѣ г-жа Анненская останавливается преимущественно на личности Бальзака, касаясь главнѣйшихъ моментовъ его творчества лишь въ связи съ его жизнью, по скольку это необходимо для выясненія развитія этого удивительнаго таланта, поражающаго какъ размѣрами своихъ силъ, такъ и грандіозностью задуманнаго и въ значительной степени выполненнаго предпріятія. «*Комедія человѣческой жизни*,—говоритъ г-жа Анненская,—представляетъ единственный въ своемъ родѣ памятникъ литературнаго творчества. Въ составъ ея входятъ 96 романовъ, въ ней фигурируетъ около 2.000 лицъ, внутренній міръ и внѣшняя обстановка которыхъ описаны съ замѣчательною подробностью». Чтобы создать такое колоссальное произведеніе, надо было обладать неутомимой энергіей, творческой неослабной фантазіей, огромнымъ запасомъ наблюденій, художественной способностью схватывать

на лету жизненныя явленія и претворять ихъ въ образы. Всѣ эти отличительныя черты Бальзака ярко выступаютъ въ художественной біографіи г-жи Анненской, слагаясь въ цѣломъ въ рельефный литературный портретъ.

Эмиль Золя, его жизнь и литературная дѣятельность. Біограф. очеркъ М. В. Барро. Біограф. библ. Ф. Павленкова. Спб. 1895 г. Ц. 25 к.—Характеристика Золя, сдѣланная г. Барро, въ общемъ не даетъ чего-либо новаго, но ее нельзя назвать стереотипной. Авторъ не обладаетъ художественными пріемами изложенія, и, видимо, сознавая это, держится строго фактическаго, иногда протокольнаго описанія жизни прославленнаго романиста. Будучи поклонникомъ Золя, авторъ съумѣлъ удержаться на той границѣ, за которой біографія переходитъ въ панегирикъ. При нѣсколько суховатомъ изложеніи, біографія даетъ довольно полное представленіе какъ о личности Золя, такъ и о характерѣ его творчества. Авторъ вполнѣ правильно ограничился общей характеристикою его произведеній, не вдаваясь въ подробности, въ виду распространенности романовъ Золя. Вообще, біографія написана живо и читается съ неослабнымъ интересомъ.

ИСТОРІЯ РУССКАЯ

А. Е. Мерцаловъ. «Очерки изъ исторіи смутнаго времени».

Историческія чтенія.—Очерки изъ исторіи смутнаго времени А. Е. Мерцалова. Спб. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. 1895. Стр. 8+196. Ц. 1 руб.—«Очерки» г. Мерцалова представляютъ одинъ изъ томиковъ предпринятаго г. Пантелѣевымъ съ 1892 г. популярнаго историческаго изданія подъ общимъ заголовкомъ «*историческія чтенія*»; до сихъ поръ въ его составъ входили исключительно переводныя (съ французскаго) работы, посвященныя исторіи Востока и Западной Европы: самая идея подобнаго изданія у насъ скопирована была съ извѣстной коллекціи Hachette'а для внѣкласснаго ученическаго чтенія «*Lectures historiques* conformément au programme du 22 janvier 1890». Такъ изданы были: *Масперо* «Древняя исторія: Египетъ, Ассирія», *Гиро* «Частная и общественная жизнь грековъ», *Ланглуа* «Исторія среднихъ вѣковъ», *Марьежоль* «Исторія среднихъ вѣковъ и новаго времени» (1270—1610 гг.) и *Лакуръ-Гайе* «Исторія новаго времени» (1610—1789). Всѣ эти «*чтенія*» имѣютъ въ виду преимущественно учащуюся молодежь и представляютъ «сжатые по формѣ, но полные по содержанію культурно-историческіе очерки», приноровленные къ рубрикамъ программы 1890 г. для французскихъ лицеевъ и охватывающіе крупные, цѣльные историческіе періоды. Издавая книжку г. Мерцалова, г. Пантелѣевъ значительно отступилъ отъ основной идеи коллекціи Гашетта: книга эта не представляетъ ни культурно-историческаго очерка, соотвѣтствующаго извѣстной части исторической программы въ русскихъ гимназіяхъ, ни обзора цѣлаго періода русской исторіи, а лишь небольшой эпизодъ, разыгравшійся

на рубежѣ XVI и XVII столѣтій. Въ силу этого отступленія отъ идеи французскаго образца, новый томикъ «*чтеній*» пренебрежительно отнесся къ фактамъ духовной культуры и къ спеціальнымъ потребностямъ учащейся молодежи; связь его съ предшествующими томиками чисто внѣшняя, такъ что преимущественный интересъ онъ можетъ представлять лишь для публики, уже разставшейся съ средней школой и ищущей болѣе подробнаго ознакомленія съ внѣшними фактами отечественной исторіи.

Этого обстоятельства не слѣдуетъ забывать при оцѣнкѣ «Очерковъ» г. Мерцалова, равно какъ и необычной для современной научной популяризаціи въ области исторіи задачи «оттѣнить» по преимуществу «глубокій драматизмъ событій и трагическое положеніе дѣйствующихъ лицъ», — словомъ, ту сторону тридцатилѣтняго момента въ нашей исторіи (1584 — 1613 гг.), которая, по словамъ авторскаго предисловія, даетъ «много благодарныхъ сюжетовъ и для поэта, и для художника».

Книжка г. Мерцалова состоитъ изъ шести главъ, неравномѣрныхъ по объему и неудачныхъ по принципамъ, положеннымъ въ основу дѣленія такого любопытнаго историческаго момента, какъ смутное время Московскаго государства. Вотъ эти главы: I—«Взглядъ на причины русской смуты въ началѣ XVII вѣка» (стр. 1—12); II—«Борисъ Годуновъ» (стр. 13—79); III — «Василій Шуйскій» (стр. 80 — 134); IV — «Безгосударное время» (стр. 135 — 181); V—«Народное движеніе и литовское разореніе на сѣверѣ Россіи въ безгосударное время» (стр. 182 — 190) и VI — «Трагическій элементъ въ событіяхъ смутнаго времени» (стр. 191—196). Уже простое перечисленіе главъ показываетъ, что о какой-нибудь внутренней планомѣрности изложенія, столь важной для средняго читателя, у г. Мерцалова нечего и спрашивать. Основная точка зрѣнія нашего автора на смутное время довольно прямолинейна, а погоня за драматическими эффектами и попытка превратить названный эпизодъ изъ русской исторіи въ четырехъ-актную трагедію дышатъ большой наивностью. Согласно взгляду автора, основная причина смуты—внутренняя, заключающаяся «въ стремленіи московскаго боярства ограничить царскую власть въ прямой ущербъ интересовъ народа»; второстепенная причина смуты — внѣшняя,—ее надо искать «въ желаніи поляковъ ослабить московское государство и подчинить его своему вліянію». Можно, конечно, и слѣдуетъ вести рѣчь о той и другой причинѣ смуты, формулируя первую болѣе приличнымъ образомъ. Но указанными двумя, одиноко вырванными изъ сложнаго русла исторической жизни той поры, нельзя было бы ограничиться даже въ классномъ разсказѣ, а не только-что въ популярной книжкѣ для средняго читателя. Вѣдь смута, прежде всего, есть непремѣнный результатъ того невѣроятнаго проявленія абсолютизма, какое допустилъ царь Иванъ Грозный. Свою тяжелую руку онъ направилъ, прежде всего, на разгромъ боярскаго класса и своей собственной семьи. Не подготовивъ себѣ надежнаго преемника, царь Иванъ создалъ за то упорнаго врага московскому престолу въ лицѣ уцѣлѣвшаго отъ избіенія боярства: не удѣльныя воспоминанія играли теперь

главную роль, а простое чувство самосохраненія, воспитанное тираніей Грознаго. Ошеломленное боярство должно было, не разбирая средствъ, броситься на защиту своей личности, чести, животовъ, родни; оно, конечно, не думало о конституціонныхъ гарантіяхъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, не получивъ для этого достаточнаго политическаго воспитанія, а просто стремилось обезпечить себѣ болѣе или менѣе сносное существованіе противъ возможности новыхъ проявленій тиранніи, которыя въ Грозномъ пытались объяснить въ нашей литературѣ *) его душевной болѣзнью, однопредметнымъ помѣшательствомъ. Такое объясненіе, будь даже оно единогласно принято въ литературѣ, ничего не измѣнитъ въ нашихъ воззрѣніяхъ на роль боярства послѣ Грознаго. Инстинктъ самосохраненія одинаково сильно будетъ дѣйствовать, нападаетъ ли на васъ здоровый или больной человѣкъ; защищаться, все равно, необходимо, а еще лучше создать себѣ такое положеніе, при которомъ невозможна тираннія ни больного, ни здороваго представителя власти. Боярство и начало смуту, и первый же боярскій царь далъ ограничительную запись, въ которой нечего искать опредѣленныхъ политическихъ идей, за то есть превосходное выраженіе дѣйствительныхъ боярскихъ стремленій, воспитанныхъ тираніей царя Ивана, о которомъ въ то время и не могъ подняться вопросъ, былъ ли онъ здоровымъ, или душевнобольнымъ человѣкомъ, такъ какъ это было безразлично для существа дѣла.

Если бы пойти далѣе въ научномъ изложеніи внутренней послѣдовательности событій смутнаго времени, то мы увидѣли бы, что книжку г. Мерцалова, очень живо и очень смѣло въ научномъ отношеніи написанную, пришлось бы исключить изъ числа историческихъ чтеній, содѣйствующихъ правильному освѣщенію фактовъ отечественной исторіи въ головахъ нашихъ юныхъ или неопытныхъ читателей. Посвятивъ достаточно строкъ анекдотическимъ моментамъ въ исторіи смутнаго времени, какъ, напр., убіенію царевича Димитрія въ Угличѣ или опредѣленію личности перваго Лжедимитрія, авторъ не смогъ разобраться въ литературѣ по вопросамъ смутнаго времени, рѣшалъ послѣдніе какъ-то сразу, бойко и не безъ остроумія, но въ полный ущербъ идейной сторонѣ дѣйствительности и осторожности, съ какой спорные вопросы вообще должны обсуждаться въ популярныхъ книжкахъ. Можно или нельзя, наконецъ, рекомендовать книжку г. Мерцалова неопытнымъ читателямъ? Трудно отвѣчать на этотъ вопросъ при данномъ состояніи нашей популярной литературы по отечественной исторіи: совсѣмъ читать нечего. Имѣющійся матеріалъ ненаученъ, грубо тенденціозенъ, сухъ и, въ большинствѣ случаевъ, не только неудобенъ, но прямо вреденъ для чтенія. Книжка г. Мерцалова, конечно, цѣлой головой переросла эту характеристику: она очень живо написана, читается легко, извѣстное представленіе объ эпохѣ даетъ, но отличается нежелательной тенденціозностью основной

*) См. любопытную книжку проф. П. И. Ковалевскаго «Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе».

идеи, ее проникающей, ненаучностью и наивностью историческаго анализа и отсутствіемъ въ ней характеристики внутренняго смысла и внутренней послѣдовательности событій смутнаго времени.

ЭТИКА.

Г. Спенсеръ. «Научныя основанія нравственности».—*Гижицкій.* «Основы морали».—*Вундтъ.* «О связи философіи съ жизнью».

Гербертъ Спенсеръ. Научныя основанія нравственности; въ трехъ частяхъ. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изд. Спб. 1896. Мы не считаемъ цѣлесообразнымъ въ короткой замѣткѣ говорить объ этическихъ теоріяхъ Герберта Спенсера. Мы скажемъ нѣсколько словъ по поводу русскаго изданія разбираемой книги. Оно лишній разъ убѣждаетъ насъ въ томъ, какъ часто научныя сочиненія издаются у насъ крайне небрежно. Мы говоримъ о переводѣ. Вообще Спенсеровской этикѣ у насъ не везетъ. Когда вышла его «The Data of Ethics», ее перевели черезъ «Основанія науки о нравственности» вмѣсто «Данныя этики»; теперь же «Principles of Ethics», что значитъ «Основанія этики», переведено посредствомъ «Научныя основанія нравственности», что, строго говоря, вовсе не одно и то же. «Основанія этики» или «Основанія науки о нравственности» представляетъ двухтомное сочиненіе, первый томъ котораго вышелъ въ 1892 году, а второй въ 1893. Книга эта выходитъ въ первый разъ. Переводчикъ заявляетъ, что книга переведена съ *послѣдняго* англійскаго изданія, очевидно для того, чтобы придать особенный вѣсъ издаваемой книгѣ. Русское изданіе представляетъ переводъ только *одного* перваго тома, переводчикъ же находитъ нужнымъ прибавить въ концѣ книги: «Конецъ третьей части и *послѣдней*», по всей вѣроятности, для того, чтобы ввести читателя въ заблужденіе и заставить его думать, что онъ имѣетъ дѣло съ цѣльнымъ и законченнымъ сочиненіемъ, но за то читатель недоумѣваетъ, отчего это Спенсеръ, излагая «основанія этики», говоритъ объ этикѣ «индивидуальной жизни», а объ этикѣ «соціальной жизни» ничего не говоритъ.

Теперь о самомъ переводѣ. Переведенный томъ (560 стр.) состоитъ изъ трехъ частей. Первая часть (320 стр.) содержитъ «данныя науки о нравственности», которая уже была переведена раньше въ 1880 году подъ заглавіемъ «Основанія науки о нравственности». Нужно было бы думать, что новый переводъ исполненъ лучше, чѣмъ старый, однакоже, на самомъ дѣлѣ, онъ во многихъ отношеніяхъ хуже его. Новый переводъ находился подъ вліяніемъ стараго. Насколько сильно это вліяніе, показываетъ то, что неточности прежняго перевода вошли въ новый. Такъ, напр., на стр. 5 и 20 «всемірное поведеніе» вм. «универсальное поведеніе» заимствовано изъ стараго перевода. На стр. 41 у Аристотеля оказывается добродѣтель, которая называется «пышностью» (стр. 48 стараго перевода). Переводчикъ вмѣсто тѣхъ

совсѣмъ ненужныхъ примѣчаній, которыми онъ снабдилъ книгу, сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы объяснилъ, что это за добродѣтель «пышность». Въ старомъ переводѣ на стр. 72 опечатка: вмѣсто «*анти*-утилитаристъ» стоитъ «*нати*-утилитаристъ». Эта же опечатка находится и въ новомъ переводѣ (стр. 65). На стр. 72: «всемірный законъ постоянства силы» вм. «всеобщій законъ»; въ старомъ переводѣ тоже самое стр. 79. Переводчикъ безъ всякой надобности употребляетъ совсѣмъ непринятыя въ русскомъ языкѣ иностранные термины. Стр. 326 «коллатеральный»; стр. 464 «эрисплойство» (?); стр. 473 «индивидуалитетъ»; стр. 478 «инвольвируетъ принятыя убѣжденія»; стр. 479 «преконцепція»; стр. 481 «сенсаціями» см. «ощущеніями»; стр. 182 «ординарно» понимаемаго вм. «обыкновенно» понимаемаго. Стр. 249 totality переводится посредствомъ «полнота» вм. «сумма». Какъ понять, напр., такія выраженія стр. 474: «Но теперь, такъ какъ показано, что нравственное чувство доктрины въ своей первоначальной формѣ не есть истинно»; стр. 480: «Такое частное поведеніе, которое блуждаетъ по направленію чувственнаго излишка»; стр. 483. Солнце «причиняетъ морщины на мозгѣ глазъ». Вообще подобныхъ промаховъ безчисленное множество. Нужно пожелать, чтобы слѣдующій томъ былъ изданъ добросовѣстнѣе,

Гижицкій. Основы морали. Изданіе международной библіотеки. Одесса, 1895. Этика Гижицкаго (недавно умершаго профессора берлинскаго университета) въ общихъ чертахъ можетъ быть характеризована, какъ этика утилитаристовъ. По его мнѣнію, методъ изслѣдованія въ этикѣ индуктивный; моральныя правила вырабатываются изъ инстинктивной морали. Благомъ въ моральномъ смыслѣ называется то, что является причиной удовольствія, или причиной устраненія страданія. Величайше благо есть причина наибольшаго преобладанія суммы пріятныхъ ощущеній надъ суммой непріятныхъ. Высшимъ мѣриломъ для оцѣнки относительныхъ достоинствъ различныхъ благъ оказывается возможно наибольшее счастье. Но такъ какъ нравственная философія имѣетъ дѣло не съ индивидуумомъ, а съ солидарными между собой членами общества, то высшимъ масштабомъ нравственной философіи является не возможно большее счастье индивидуума, а возможно наивысшее счастье общества, цѣлаго. Чтобы указать, что это на самомъ дѣлѣ такъ, Гижицкій доказываетъ несостоятельность эгоистической точки зрѣнія въ морали. Эта точка зрѣнія несостоятельна потому, что моральныя правила, такъ сказать, воплотились въ организмъ человѣка. Это происходитъ отъ того, что правила морали на самомъ дѣлѣ существуютъ съ незапамятныхъ временъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ люди сдѣлались людьми. Изслѣдованіе нравственныхъ чувствъ со стороны ихъ содержанія, т.-е. въ отношеніи предметовъ, на которые они направляются, показываетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ регулированіемъ поведенія не въ видахъ пользы дѣйствующаго индивидуума, а въ видахъ пользы другихъ, пользы цѣлаго общества. Слѣд., психологически разсматривая, можно сказать, что нравственное чувство составляетъ неотъемлемое свойство психической природы человѣка.

Въ утилитарной морали является весьма труднымъ, вопросъ, на чемъ основывается *обязательность* нравственнаго закона. Гижицкій на этотъ вопросъ отвѣчаетъ оригинально, не такъ, какъ это обыкновенно дѣлается въ школѣ утилитаристовъ. По его мнѣнію, во-первыхъ, существуетъ *внѣшняя санкція*—это именно гармонія между интересомъ и долгомъ, т.-е. что исполненіе долга связано для насъ съ извѣстнымъ интересомъ. Но есть, кромѣ того, еще и *внутренняя санкція*. Сознаніе, что мы поступали правомѣрно и хорошо и заслужили общее уваженіе, даетъ намъ глубокое внутреннее ощущеніе счастья. Для человѣка нравственнаго, мысль, что его дѣятельность, его поступки влекутъ за собой благо другихъ, что, благодаря ему, міръ становится счастливѣе или лучше, уже сама по себѣ непосредственно доставляетъ ему удовлетвореніе и потому становится для него послѣднимъ мотивомъ: другими словами, созданіе блага другихъ становится его конечной цѣлью. Вопросъ о томъ, почему мы въ нашихъ нравственныхъ поступкахъ *должны* принимать въ соображеніе благо человѣчества, Гижицкій рѣшаетъ такъ. Чувство благодарности за оказанное добро живетъ въ человѣческой груди. Въ виду этого принципа благородный человѣкъ чувствуетъ себя въ долгу передъ человѣчествомъ за всѣ тѣ многочисленныя благодѣянія, которыми онъ обязанъ работѣ прежнихъ поколѣній и своихъ современниковъ: это заставляетъ его, въ воздаяніе за нихъ, уплатить свой долгъ общеполезной работой на благо современныхъ и будущихъ поколѣній. Онъ чувствуетъ себя лично тѣсно связаннымъ какъ съ прошедшимъ черезъ своихъ родителей и дѣдовъ, такъ и съ будущимъ черезъ дѣтей и внуковъ. Такимъ благо человѣчества является его собственнымъ благомъ. Онъ живетъ съ человѣчествомъ и его смерть не есть, поэтому, для него конецъ всего.

Въ нашей короткой замѣткѣ мы не рѣшаемся говорить о томъ, въ какой мѣрѣ утилитарная мораль основательно доказывается Гижицкимъ; мы считаемъ возможнымъ отмѣтить только, что книга Гижицкаго является очень хорошей выразительницей этого направленія. Нѣсколько сжатое изложеніе искупается тѣмъ, что оно отличается ясностью и полнотой. Къ числу достоинствъ книги нужно отнести и то, что она переведена вполнѣ удовлетворительно.

Вундтъ. О связи философіи съ жизнью за послѣднія сто лѣтъ. 3-е изд. Одесса. 1895. По мнѣнію Вундта, философскія ученія являются отблескомъ умственной жизни различныхъ эпохъ и въ то же время составляютъ непрерывный комментарій къ ней. Напр., философія породила тѣ идеи, которыя воодушевили революцію. «Декларація правъ человѣка» 1789 года скорѣе напоминаетъ философское исповѣданіе вѣры, чѣмъ введеніе въ государственный кодексъ. По принципамъ этой декларацiи люди имѣютъ одинаковыя неотъемлемыя права, свобода личности терпитъ лишь тѣ ограниченія, которыя вызываются такимъ же правомъ другихъ и необходимостью обезпечить свободу всѣхъ. Въ этой этикѣ говорится только о *правахъ* личности. Декларація правъ провозгла-

шаетъ, что право свободы, собственности, безопасности и сопротивленія угнетенію одинаково для всѣхъ людей и неотъемлемо. Объ *обязанностяхъ* въ этомъ актѣ нѣтъ ни слова. Въ этомъ исключительномъ выдвиганіи правъ трудно не замѣтить энергическаго протеста революціонной этики противъ той системы политическаго деспотизма, которая за подданными признаетъ однѣ обязанности, права же только за привилегированными сословіями.

При другихъ условіяхъ общественной жизни возникаетъ другая моральная философія — философія Канта. Какъ французская революціи была воплощеніемъ философіи французской просвѣтительной эпохи, такъ этика Канта является возведеніемъ въ философскую систему монархіи Фридриха Великаго. Предъ взорами Канта стоялъ живой примѣръ государственнаго строя, въ которомъ всѣ, начиная съ неограниченнаго властителя и кончая простымъ солдатомъ, безпрекословно повинуются велѣнію долга, не спрашивая, будетъ ли награда соотвѣтствовать жертвѣ. Отсюда мораль *долга* Канта.

Такимъ образомъ, въ прошломъ столѣтіи мы находимъ два этическихъ жизнепониманія: одно изъ нихъ основывается на идеѣ личнаго *права*, другое на идеѣ личнаго *долга*. Но оба эти жизнепониманія имѣютъ одинъ корень--*индивидуализмъ*, исключительное провозглашеніе единичной личности объектомъ нравственныхъ цѣлей.

Нашъ вѣкъ поставилъ совсѣмъ иныя нравственныя задачи въ сравненіи съ XVIII вѣкомъ. Онъ прежде всего стремится преодолѣть индивидуализмъ и установить нравственное міросозерцаніе, которое признало бы значеніе отдѣльной личности и въ то же время не забывало бы и о самостоятельномъ значеніи нравственнаго *общенія*. Далѣе, если прошлое столѣтіе смотрѣло на нравственность съ односторонней точки зрѣнія или права, или долга, то въ настоящее время наше нравственное міровоззрѣніе проникнуто мыслью, что долгъ и право суть понятія, всюду связанныя между собою. Если философія прошлаго столѣтія считала *разумъ* единственнымъ судьей въ нравственныхъ вопросахъ, то современная этика признаетъ, что высшую человѣческую дѣятельность представляетъ *воля*, выросшая изъ чувства и направляющая мышленіе и внѣшнія дѣйствія и что поэтому высшимъ человѣческимъ благомъ является добрая воля.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Н. Водовозовъ. «Р. Мальтусъ, его жизнь и научная дѣятельность».—*Гиббинсъ.* «Англійскіе реформаторы».

Р. Мальтусъ, его жизнь и научная дѣятельность. Біографическій очеркъ Н. В. Водовозова. Съ портр. Мальтуса. Изд. Н. Павленкова. 1895 г. Ц. 25 к. Въ виду того интереса, какъ научнаго, такъ и общественнаго, какой возбуждаетъ теперь доктрина экономическаго матеріализма, знакомство съ ученіемъ Мальтуса необходимо для

тѣхъ, кто желаетъ выяснить себѣ историческое ея развитіе. Въ лицѣ Мальтуса это ученіе имѣло одного изъ наиболѣе послѣдовательныхъ выразителей. «Наиболѣе могущественная и универсальная изъ всѣхъ потребностей человѣка,—говоритъ Мальтусъ,—это потребность въ пищѣ и въ такихъ вещахъ, какъ одежда, жилище, и т. д., непосредственно необходимыхъ, чтобы избавлять насъ отъ непріятныхъ ощущеній холода и голода. Всѣми признано («увы,—замѣчаетъ г. Водовозовъ,—еще далеко не всѣми!»), что именно этими потребностями люди всего больше побуждаются къ дѣятельности, улучшающей и совершенствующей условія цивилизованной жизни, и что преслѣдованіе этихъ цѣлей и удовлетвореніе этихъ потребностей составляютъ главный источникъ счастья для большей части всего человѣчества и въ то же время совершенно необходимыя условія для самыхъ изысканныхъ наслажденій другой его части».

Въ такой, быть можетъ, нѣсколько грубоватой формѣ выражена сущность экономическаго матеріализма, составляющаго основную черту міровоззрѣнія Мальтуса, что не только не помѣшало ему быть вполнѣ буржуазнымъ экономистомъ, но надолго наложило особый буржуазный отпечатокъ на всю доктрину, изъ которой онъ и его послѣдователи извлекли выводы, противоположные интересамъ рабочаго класса. Въ свое время эта черта была рѣзко подчеркнута извѣстнымъ нѣмецкимъ экономистомъ, и достаточно разъяснена имъ же ошибка Мальтуса, упустившаго въ своихъ выводахъ «роль распредѣленія и соціально-политическихъ условій труда». Въ изученіи доктрины Мальтуса это и составляетъ поучительную сторону, на которую авторъ очерка и обратилъ особое вниманіе, выясняя то положеніе, какое Мальтусъ долженъ занимать въ ряду послѣдователей экономическаго матеріализма.

Цѣнную сторону настоящаго очерка составляетъ безспорно очень подробное изложеніе научныхъ трудовъ Мальтуса. Кто не можетъ ознакомиться съ ними непосредственно изъ сочиненій его, тому брошюра г. Водовозова дастъ въ сжатомъ и ясномъ изложеніи сущность положеній англійскаго экономиста. Біографическая часть занимаетъ весьма небольшое мѣсто, что вполнѣ понятно въ описаніи жизни ученаго, очень скудной внѣшними событіями. Эта часть, тѣмъ не менѣе, тоже очень интересна, такъ какъ возстановляетъ образъ Мальтуса очищеннымъ отъ несправедливыхъ нападокъ на его личность, въ общемъ представляющуюся въ изображеніи автора—скромною, благожелательною и высоко-нравственною. Такая реабилитація далеко не лишена общественнаго значенія именно у насъ, гдѣ слишкомъ часто смѣшиваютъ личность съ излагаемымъ ею ученіемъ, приписывая первой то, что является логическимъ слѣдствіемъ второго.

Гиббинсъ. Англійскіе реформаторы. Пер. А. А. Сонина. Москва. 1896. Ц. 1 р. 25 к. —Подъ этимъ заглавіемъ авторъ даетъ рядъ бѣглыхъ, но интересныхъ характеристикъ замѣчательныхъ англичанъ, такъ или иначе вліявшихъ на современный имъ общественный строй—великихъ утопистовъ, какъ, напр., Томасъ Моръ, мечтавшій о лучшемъ соціальномъ устройствѣ, при которомъ люди

будутъ братьями, а не врагами, нищета исчезнетъ, точно такъ же, какъ и чрезмѣрное богатство, никто не будетъ обреченъ на непосильный трудъ, но не будетъ и людей праздныхъ; народныхъ вождей, напр., Джона Болля, одного изъ предводителей крестьянскаго возстанія въ XIV вѣкѣ, «гордаго кентскаго попа», какъ его называли современники, проповѣдывавшаго соціальное равенство въ средніе вѣка и повѣшеннаго послѣ того, какъ король обѣщалъ исполнить желаніе возставшихъ крестьянъ; общественныхъ дѣятелей, посвятившихь всю свою жизнь осуществленію какой-либо великой соціальной реформы—освобожденію негровъ, какъ Вильберфорсъ, или ограниченію дѣтскаго труда на фабрикахъ, какъ Остлеръ; религіозныхъ реформаторовъ, какъ, напр., Джонъ Уэсли, основатель одной изъ самыхъ распространенныхъ сектъ въ англійскомъ народѣ—секты методистовъ—мужественно боровшейся за свое ученіе, несмотря на гоненія толпы и преслѣдованія свѣтскихъ и духовныхъ властей; наконецъ, такихъ дѣятелей въ области мысли, какъ Т. Карлэйль или Рёскинъ, будившихъ своимъ словомъ благородныя и высокія чувства въ людяхъ, призывавшихъ ихъ къ нравственному совершенствованію и указывавшихъ высшія цѣли человѣческой жизни. Въ наше время, когда и въ литературѣ и въ жизни замѣчается усиленіе мистицизма, наклонность забывать живую дѣйствительность ради всякаго рода декадентскихъ и символистическихъ мечтаній, въ особенности полезно возстановить въ своей памяти образы людей-борцовъ за лучшее будущее человѣчества. Поэтому-то книга Гиббинса, несмотря на нѣкоторую блѣдность даваемыхъ имъ характеристикъ, читается съ большимъ интересомъ. Не вполнѣ ясно только, чѣмъ руководствуется авторъ въ выборѣ лицъ, которымъ онъ отводитъ мѣсто въ своей книгѣ; казалось бы, такіе замѣчательные дѣятели, какъ Коббесъ, Годвинъ или Феррусъ О'Конноръ, во всякомъ случаѣ, должны были найти въ ней мѣсто. Научнымъ недостаткомъ книги является то, что многія лица, описываемыя въ ней, разсматриваются авторомъ почти безъ всякой связи съ той исторической эпохой, когда они жили, или же характеристика этой эпохи дѣлается слишкомъ бѣгло и поверхностно. Благодаря этому, изложеніе имѣетъ отрывочный характеръ—авторъ переходитъ отъ одного лица къ другому безъ ясной руководящей мысли, оставляя читателя въ недоумѣніи, въ чемъ заключалось историческое значеніе всѣхъ этихъ лицъ. Тѣмъ не менѣе, повторимъ еще разъ, книга Гиббинса является хорошей книгой, которую полезно прочитать.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Дрейфусъ. «Міровая и соціальная эволюція».—*К. Фламмаріонъ.* «Въ небесахъ».—«Астрономическій календарь».—*Рентгенъ* «Новый родъ лучей».—*Хэдсонъ.* «Натуралистъ въ Ла-Платѣ».

Міровая и соціальная эволюція. Ф. Камилла Дрейфуса. Пер. съ 2-го франц. изд. Изд. Д. В. Байкова и К°. М. 1896. Ц. 1 р. 50 к.— Эта книга въ оригиналѣ принадлежитъ къ «Международной на-

учной библіотекѣ». Намъ нѣтъ необходимости говорить о достоинствахъ серіи, знакомой, безъ сомнѣнія, всѣмъ читающимъ на иностранныхъ языкахъ. Въ выборѣ книгъ этой серіи, издаваемой на четырехъ языкахъ (нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и итальянскомъ), участвуютъ первоклассные ученые (въ качествѣ членовъ наблюдательнаго комитета, по три въ каждой странѣ), что служитъ достаточнымъ ручательствомъ за научное качество выбираемыхъ сочиненій.

Уже изъ названія книги Дрейфуса видно, что она относится къ числу сочиненій съ самой широкой и общеинтересной темой. Вопросъ о происхожденіи и развитіи нашей земли, обитающихъ на ней живыхъ существъ, человѣка и его общественной жизни, составляетъ краеугольный вопросъ знанія, къ которому сводятся общія и частныя задачи всѣхъ естественныхъ и соціальныхъ наукъ. Можно сказать даже, что каждое прогрессивное движеніе въ этихъ наукахъ есть шагъ впередъ въ духѣ эволюціонной теоріи, т. е. ученія о ходѣ и законахъ постепеннаго развитія явленій, входящихъ въ область той или другой науки. Мы видимъ примѣненіе начала послѣдовательнаго развитія и къ изученію физической стороны человѣческой природы, и къ изслѣдованію ея умственной стороны съ точки зрѣнія индивидуальной и общественной. Кругъ, открываемый теперь эволюціонной теоріей, весьма широкъ, и общій обзоръ сдѣланнаго въ этомъ направленіи въ различныхъ областяхъ знанія, отъ времени до времени, является необходимымъ.

Такой обзоръ и беретъ на себя авторъ названной выше книги. Самъ онъ въ слѣдующихъ словахъ опредѣляетъ научную цѣнность своего труда. «Пусть ученый,— говоритъ онъ—не ищетъ здѣсь никакихъ новыхъ фактовъ: на безпредѣльной нивѣ научныхъ явленій я собралъ въ снопы только тѣ факты, которые были необходимы для удовлетворенія моего ума, но не принесъ, къ сожалѣнію, ни одного новаго сѣмени для жатвы истины... (стр. 5). Ученый можетъ счесть мой трудъ неудовлетворительнымъ, философъ можетъ отнестись ко мнѣ съ пренебреженіемъ, но человѣкъ, живущій фактами и среди фактовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не отрекшійся отъ права мыслить и мечтать, — человѣкъ, который въ минуты утомленія борьбою стремится отдохнуть и подкрѣпиться въ общеніи съ великими умами,—прочтетъ, пойметъ и, конечно, не осмѣетъ меня» (стр. 6). Авторъ прибавляетъ, что эту книгу «онъ писалъ для себя, не предназначая ее для публики».

Эти признанія помогаютъ намъ установить точку зрѣнія на книгу Дрейфуса. Она написана не профессіональнымъ ученымъ, а журналистомъ, который не хотѣлъ отдаться исключительно газетнымъ и политическимъ интересамъ, а посвящалъ свои досуги болѣе высокимъ, «вѣчно ставящимся, но никогда вполнѣ не рѣшающимся вопросамъ, составляющимъ гордость человѣческаго ума». Другими словами, онъ никогда не переставалъ слѣдить за развитіемъ основныхъ идей своего времени и отмѣчалъ все, что́ разъясняло въ его глазахъ «міровой процессъ», т. е. происхожденіе и развитіе міра и человѣка. Оставаясь въ сторонѣ отъ не-

посредственной работы ученыхъ, онъ могъ «не принадлежать ни къ какой сектѣ или школѣ» и «мыслить ясно и независимо». Будучи трудомъ дилеттанта, книга Дрейфуса, тѣмъ не менѣе, можетъ имѣть интересъ, какъ отраженіе въ умѣ любознательнаго и образованнаго человѣка главнѣйшихъ теченій мысли нашего вѣка, и въ этомъ смыслѣ можетъ сослужить полезную службу для всѣхъ, обладающихъ тѣми же качествами, но не имѣющихъ досуга или охоты узнавать о томъ, что́ дѣлается въ научной области, изъ сочиненій болѣе спеціальныхъ.

Мы находимъ въ книгѣ Дрейфуса все, что́ поражаетъ воображеніе человѣка, интересующагося успѣхами естествознанія. Во вступительной главѣ мы чувствуемъ, какъ его увлекала и захватывала теорія развитія; въ этомъ очеркѣ эволюціонной теоріи мы видимъ, какую отраду доставляетъ ему сознаніе, что «наше общее представленіе физической вселенной и соціальнаго міра было вполнѣ обновлено прогрессомъ естественныхъ наукъ въ XIX столѣтіи». Приложеніе начала послѣдовательнаго развитія къ образованію небесныхъ тѣлъ, видимо, особенно занимаетъ его, и онъ посвящаетъ ему однѣ изъ самыхъ живыхъ страницъ своей книги. Видно, что онъ дѣятельно слѣдилъ за успѣхами астрономіи и отмѣчалъ среди нихъ все, что̀ удовлетворяло его запросамъ о происхожденіи и развитіи вселенной. Онъ не просто бралъ на вѣру доступное его пониманію и гарантированное великимъ или извѣстнымъ именемъ: онъ вдумывался, анализировалъ и выбиралъ наиболѣе достовѣрное. Такъ, напримѣръ, онъ не довольствуется изложеніемъ гипотезы, извѣстной подъ именемъ Канто-Лапласовской: онъ различаетъ, что въ ней принадлежитъ астроному и что философу, отдавая предпочтеніе первому. Въ очеркѣ строенія солнца, луны и планетъ Дрейфусъ обходитъ спорные вопросы, какъ обходитъ ихъ вездѣ, оставаясь въ области доказаннаго или признаннаго. Передъ читателемъ проходятъ наиболѣе изслѣдованныя свѣтила въ сжатыхъ, но ясныхъ описаніяхъ, дающихъ интересныя, а иногда и новыя картины. Съ такимъ же увлеченіемъ написанъ и очеркъ нашихъ свѣдѣній о такъ называемыхъ неподвижныхъ звѣздахъ и наиболѣе правдоподобныхъ, съ точки зрѣнія точной науки, предположеній о кончинѣ міровъ.

Слѣдующій отдѣлъ посвященъ землѣ—исторіи испытанныхъ ею превращеній, пока она не пришла въ тотъ видъ, въ какомъ мы застаемъ ее теперь, съ ея распредѣленіемъ материковъ и морей, климатическихъ поясовъ и растительныхъ, животныхъ и человѣческихъ населеній. И эта часть составлена весьма искусно: въ ней собраны, въ краткомъ и живомъ видѣ, данныя о «лицѣ земли», съ описаніемъ характерныхъ для каждаго періода живыхъ существъ растительнаго и животнаго міра. Описанія и наружнаго вида земли, и ея обитателей отличаются еще большей опредѣленностью и законченностью, чѣмъ въ предыдущемъ отдѣлѣ. Опредѣленность выводовъ нѣсколько измѣняетъ автору или, вѣрнѣе, не производитъ уже такого рельефнаго впечатлѣнія, въ слѣдующемъ отдѣлѣ, гдѣ онъ говоритъ о происхожденіи и развитіи человѣческаго типа. Правда, онъ и здѣсь старается дать

положительныя, ясныя заключенія о ступеняхъ, какими шло развитіе этого типа, но самый предметъ, гдѣ ему приходится говорить о строеніи череповъ, костей и т. д., не поддается такой живой изобразительности, какъ описанія каменноугольныхъ ландшафтовъ, допотопныхъ гигантовъ животнаго міра и др. дѣйствующихъ на воображеніе картинъ предшествующаго періода. Самая положительность выводовъ, къ которой стремится авторъ, придаетъ, въ глазахъ спеціалиста, его очерку нѣсколько устарѣлый видъ: такъ думали и говорили на первыхъ порахъ появленія ученія Дарвина, когда рѣшенія вопросовъ о происхожденіи и ступеняхъ развитія человѣческаго типа казались настолько ясными съ логической точки зрѣнія, что эту ясность принимали за факты. Съ того времени многое, казавшееся рѣшеннымъ, оказалось спорнымъ или еще до настоящаго времени не дождалось фактическаго подтвержденія. Поэтому и нѣкоторые рѣшительные выводы Дрейфуса въ этомъ отдѣлѣ должны быть принимаемы только за временные, а другіе должны быть вовсе оставлены, какъ, напримѣръ, указаніе, будто низшія расы по своему строенію стоятъ ближе къ животному типу, чѣмъ расы высшія. Это заключеніе вполнѣ противорѣчитъ новѣйшимъ антропологическимъ изслѣдованіямъ.

Послѣдній отдѣлъ книги о соціальной эволюціи, въ виду огромнаго и разнообразнаго матеріала, накопленнаго путешественниками и прекрасно разработаннаго антропологами, этнографами, юристами, лингвастами и т. п., можетъ показаться нѣсколько поверхностнымъ, но это обстоятельство не должно служить въ ущербъ разбираемой книги, такъ какъ этотъ отдѣлъ—самый доступный для читателей и литература его на русскомъ языкѣ обширнѣе, чѣмъ литература другихъ отдѣловъ теоріи и исторіи развитія.

Такова. въ общихъ чертахъ, книга Дрейфуса Если мы сравнимъ съ нею однородныя книги, написанныя спеціалистами, то найдемъ въ ней и преимущества, и недостатки. Достоинства всѣ для читателя не спеціалиста заключаются въ ясности и твердости ея положеній Въ наукѣ едва-ли можно найти хотя одинъ вопросъ, который всѣми рашался бы одинаково. Даже самыя точныя, повидимому, данныя, числовыя величины, опредѣленныя въ астрономіи самымъ строгимъ математическимъ методомъ, въ различныхъ сочиненіяхъ показываются неодинаково: мы встрѣчаемъ, напримѣръ, разногласія относительно объема и массы солнца по сравненію съ землей и проч. Такая спорность, неопредѣленность выводовъ можетъ затруднить и сбивать читателя, не имѣющаго возможности относиться критически къ научному сочиненію. Желающій не изучать какую-либо науку, а познакомиться съ ея выводами, окинуть взглядомъ поле ея работы, временно заглянуть въ ея область и узнать, что дѣляется въ ней, долженъ быть благодаренъ Дрейфусу за его книгу. Образованный человѣкъ какой-либо спеціальности, далекой отъ астрономіи, геологіи и антропологіи, или, по роду своихъ практическихъ занятій, не имѣющій возможности слѣдить за движеніемъ науки, найдетъ въ «Міровой и соціальной эволюціи» ясное и доступное изложеніе конечныхъ данныхъ, добытыхъ тремя названными науками, занимаю-

щимися исторіей развитія міра и человѣка. Такимъ читателямъ можно искренно рекомендовать книгу Дрейфуса. Но тому, кто хотѣлъ бы заняться этими науками, прослѣдовать путь, какимъ онѣ дошли до своихъ выводовъ, и опредѣлить достовѣрность этихъ выводовъ, тому разбираемая нами книга можетъ служить только въ качествѣ краткаго историческаго обзора. Ему нужно будетъ искать въ книгахъ спеціальнаго характера, какъ освѣщены основные вопросы мірового и соціальнаго развитія, насколько новѣйшая наука удовлетворяется существующими рѣшеніями ихъ и какія задачи ставитъ передъ собою въ будущемъ.

Относительно внѣшней формы изданія мы можемъ сказать, что литературная сторона его исполнена достаточно добросовѣстно и умѣло. Мы не замѣтили погрѣшностей въ терминахъ и чтеніи собственныхъ именъ; изъ послѣднихъ мы желали бы только, чтобы Жераръ не пазывался Гергардтомъ, Серръ—Серресомъ и Мортилье—Мортилле. Прибавимъ, что книга много выиграла бы, если бы издатели внесли въ текстъ объяснительные рисунки, недостатокъ которыхъ особенно чувствуется въ геологическомъ отдѣлѣ. Но, повторяемъ, и въ этомъ видѣ, она можетъ оказаться полезной для интеллигентныхъ читателей, получившихъ образованіе, изъ программы котораго были исключены науки о небесныхъ тѣлахъ, землѣ и человѣкѣ.

К. Фламмаріонъ. Въ небесахъ (Uranie). Астрономическій романъ. Перев. съ французскаго Е. А. Предтеченской. 3-е изданіе. Ф. Павленкова. Спб. 1896 г. Ц. 75 к. Широкая популярность, какою пользуется это, одно изъ многочисленныхъ произведеній извѣстнаго популяризатора-астронома, вызываетъ искреннее изумленіе, когда, познакомившись съ нимъ поближе, вы вникните въ невѣроятную смѣсь изъ нѣсколькихъ общераспространенныхъ научныхъ истинъ и вздора, составляющаго суть содержанія «астрономическаго романа». Общее представленіе объ этой вещи таково, что это не что иное, какъ популяризація астрономіи въ легкой, полу-беллетристической формѣ. Но это не вѣрно. Скорѣе это бредъ больной фантазіи, въ которомъ правда грубо, мѣстами съ чисто французской пошлостью во вкусѣ «конца вѣка», перемѣшана съ необузданными вымыслами, не имѣющими къ наукѣ ни малѣйшаго отношенія. Чего тутъ только нѣтъ: и телепатья, столь популярная среди извѣстнаго сорта читателей нашихъ иллюстрированныхъ изданій, и переселеніе душъ съ планеты на планету, и воплощеніе мужчинъ въ женщинъ и обратно, и пикантныя подробности о тѣлесной оболочкѣ разныхъ безплотныхъ существъ, удивительно похожихъ на излюбленный типъ француженки изъ буржуазной семьи, и многое другое, чему не подберешь названія. Все это пересыпано высокопарными обращеніями къ астрономіи, въ родѣ слѣдующихъ: «Астрономія! Въ этомъ словѣ заключается все! Лишь она ведетъ насъ къ познанію этихъ чудесъ (т.-е. телепатьи, переселенія душъ и перевоплощенія мужчинъ въ женщинъ и обратно!). Лишь она учитъ насъ жить въ безконечности! Что значатъ предъ лицомъ этой науки всѣ остальныя человѣческія познанія? Тѣни, призраки при свѣтѣ солнца!»

Первая часть «астрономическихъ бредней», откуда заимствуемъ эту цитату, посвящена яко бы научно-обоснованному описанію путешествія автора съУраніей въ безконечномъ пространствѣ. Если исключить вѣрную мысль о безконечности міровъ, то останется плоская, неостроумная, аляповатая болтовня, приправленная французско-буржуазнымъ сентиментализмомъ о сладости жизни духовъ или особыхъ существъ, похожихъ на стрекозъ и обитающихъ на разныхъ звѣздахъ. На картинкѣ эти духи-стрекозы препотѣшно кувыркаются въ «эфирѣ», издавая по фантазіи автора небесную мелодію и одуряющій фиміамъ. Спустившись снова на грѣшную землю, авторъ заводитъ новую сказку объ идеальныхъ существахъ, своемъ другѣ и товарищѣ Георгѣ Сперо (вѣроятно, отъ латинскаго слова spero—надѣюсь) и его подругѣ «Иклеѣ». Это и есть нѣчто въ родѣ романа, начало котораго написано совершенно во вкусѣ французскихъ бульварныхъ романовъ. Г. Фламмаріонъ очень недурной популяризаторъ, но какъ художникъ—ниже всякой критики. «Онъ» и «она», не земныя созданія, знакомятся на небѣ и продолжаютъ знакомство на землѣ, глубокомысленно бесѣдуя о телепатьи, сродствѣ душъ и другихъ матеріяхъ важныхъ, напр., о томъ, «есть ли у этихъ (звѣздно-пространственныхъ) существъ... ротъ? потому что, видишь ли... поцѣлуй, губы!..» Краснорѣчивое многоточіе ясно должно указывать, что скромность астронома не позволяетъ автору углубляться въ дальнѣйшее развитіе глубокихъ изслѣдованій его героевъ. Передъ свадьбой,—ибо, не смотря на свои неземныя стремленія, герои, какъ добрые буржуа, преданные «святой католической церкви», горятъ желаніемъ освятить свои невещественныя отношенія,—они пускаются въ воздушное путешествіе. Но шаръ лопается, они летятъ внизъ и погибаютъ—по мнѣнію простаковъ, а по убѣжденію ученаго г. Фламмаріона, тутъ-то и начинается самое настоящее. Они переселяются на Марсъ, гдѣ «онъ» дѣлается «она», а «она» претворяется въ «онъ», и то одинъ, то другой являются къ автору засвидѣтельствовать свое почтеніе и поболтать на досугѣ отъ упоительнаго существованія на Марсѣ. Для вящей убѣдительности, пускается въ ходъ и гипнотизмъ, и «Общество для изслѣдованія психическихъ явленій», и Сведенборгъ. Не достаетъ еще г-жи Желиховской и пресловутой русской телепатки Блаватской, лавры которой, видимо, и побудили г-на Фламмаріона написать эту чепуху. Онъ забылъ только добрый совѣтъ своего соотечественника Вольтера, что въ искусствѣ всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго, потому что все это, вмѣстѣ взятое, наводитъ убійственную скуку. Манерный, высокопарно-пошлый и жеманный тонъ старой дѣвы, тяжелый слогъ, напыщенный и грубочувственный, и неудачныя попытки на оригинальность дѣлаютъ эту книгу крайне тяжелой для чтенія.

Между тѣмъ, третье изданіе,—значитъ, есть читатели и многочисленные. Любопытно бы знать, кто они? Не тѣ-ли, что любятъ сонники, гаданья по картамъ дѣвицы Ленорманъ и упражненія, увеселяющія досуги персонажей изъ «Плодовъ просвѣщенія» Л. Толстого? Только причемъ здѣсь астрономія, давно уже потерявшая связь съ астрологіей, которой проникнуто это произведеніе г-на

Фламмаріона? Мы сильно сомнѣваемся, чтобы его «Уранія» послужила той цѣли, которую имѣлъ авторъ въ виду и о которой онъ говоритъ въ первой части: «Свѣтильникъ науки и разума нужно держать высоко надъ головою; надо, чтобы его пламя разгоралось, надо вынести его на многолюдныя площади, на широкія улицы и въ самые глухіе закоулки. Всѣ одинаково призваны къ свѣту, всѣ жаждутъ имъ насладиться, и въ особенности всѣ униженные, въ особенности всѣ обиженные, обойденные судьбою, потому что они больше думаютъ, энергичнѣе мыслятъ, потому что они сильнѣе жаждутъ знанія, чѣмъ довольные міра сего, не подозрѣвающіе своего невѣжества и гордящіеся имъ!» Святыя слова, но, если не слѣдуетъ скрывать свѣтъ знанія, то освящать авторитетомъ своего имени грубый вздоръ невѣжества и жаждущимъ знанія, вмѣсто хлѣба, давать камень—тоже не подобаетъ.

Русскій астрономическій календарь. 1896 г. Ц. 75 к. Составленъ «Нижегородскимъ кружкомъ любителей физики и астрономіи». Лѣтъ восемь назадъ, возникъ въ Нижнемъ кружокъ любителей астрономіи, задававшійся цѣлью распространять въ средѣ мѣстнаго общества астрономическія знанія, прививая, такимъ образомъ, любовь къ самостоятельному наблюденію природы. Въ числѣ различныхъ средствъ, служащихъ этой цѣли, является и новая попытка кружка—настоящій «Астрономическій календарь», представляющій практическое руководство къ наблюденіямъ астрономическихъ явленій въ 1896 г., пріуроченное къ знаніямъ и скромнымъ наблюдательнымъ средствамъ большинства любителей астрономіи. Не говоря уже о томъ, что «Астрономическій календарь», какъ первая и новая попытка популяризаціи одной изъ благороднѣйшихъ отраслей человѣческихъ знаній, заслуживаетъ полнаго вниманія,—и самъ по себѣ «Календарь» очень интересенъ и безусловно можетъ оказать большую услугу не одному изъ любителей астрономіи. Составленный просто, вполнѣ доступно всѣмъ, обладающимъ среднимъ образованіемъ, онъ даетъ всѣ необходимыя указанія относительно предстоящихъ въ этомъ году болѣе или менѣе любопытныхъ явленій на небѣ и поясняетъ, какъ ихъ можно наблюдать съ наилучшимъ результатомъ. Приложены необходимыя таблицы для вычисленій, двѣ карты, одна для опредѣленія фазъ и времени солнечнаго затменія 28-го іюля 1896 г., другая—карта звѣзднаго неба, съ указаніемъ, какъ ею пользоваться при опредѣленіи положенія звѣздъ и нахожденія ихъ. Кромѣ того, въ сжатой формѣ, ясной и простой, даны всѣ свѣдѣнія, которыя могутъ быть полезны для лицъ, только начинающихъ интересоваться небесными явленіями,—и, на что въ особенности обращаемъ вниманіе—приведена небольшая, но избранная литература по астрономіи. Все это дѣлаетъ «Астрономическій календарь» не только изданіемъ *полезнымъ*, но безспорно *необходимымъ* для всѣхъ любителей природы, не обладающихъ ни полной научной подготовкой, ни обильными средствами. Намъ неоднократно приходилось получать отъ нашихъ читателей просьбы указать какія-либо доступныя для широкой публики руководства по астрономіи. Съ полнымъ довѣріемъ

можемъ рекомендовать имъ это изданіе, въ которомъ они найдутъ отвѣты на многіе изъ своихъ запросовъ. Въ предисловіи редакція «Календаря» предполагаетъ сдѣлать изданіе его ежегоднымъ и впослѣдствіи расширить его, введя отдѣлъ новостей по астрономіи и отдѣлъ метеорологическій. Отъ души желаемъ успѣха, полагая, что подобныя изданія несравненно болѣе могутъ послужить распространенію знаній по астрономіи, чѣмъ *астрологическіе* романы, скорѣе способные затмить, чѣмъ просвѣтить читателей.

Проф. Рентгенъ. Новый родъ лучей. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей проф. И. И. Боргмана. Съ приложеніемъ одной фототипіи со снимка, произведеннаго проф. И. И. Боргманомъ и А. Л. Гершуномъ. Спб. 1896, 8°, 15 стр. Цѣна 30 коп. Брошюра представляетъ буквальный переводъ статьи самого Рентгена («Eine neue Art von Strahlen» von Dr. Wilth Konrad Röntgen), излагающей результаты наблюденій и опытовъ надъ особыми «иксъ-лучами» или Рентгеновскими лучами, обладающими способностью проходить сквозь всѣ, даже такъ называемыя непрозрачныя тѣла, лишь съ различною быстротой и легкостью. Сущность этихъ замѣчательныхъ опытовъ, вѣроятно, всѣмъ извѣстна. Къ брошюрѣ приложенъ прекрасный фототипическій снимокъ кисти руки, сфотокопированной проф. Боргманомъ и г. Гершуномъ при докладѣ о лучахъ Рентгена въ физической аудиторіи с.-петербургскаго университета 22 января 1896 г. Снимокъ лучше, чѣмъ приложенный къ нѣмецкому оригиналу снимокъ самого автора.

Новый родъ лучей. Популярный очеркъ новѣйшихъ изслѣдованій проф. А. (?) Рентгена. Съ двумя таблицами автотипій съ оригинальныхъ фотографическихъ снимковъ. Изданіе редакціи «Русскаго фотографическаго журнала». Спб. 1898, 8°, 9 стр. Цѣна 30 коп. Эта брошюра можетъ служить хорошимъ дополненіемъ къ предыдущей. Здѣсь, кромѣ бѣглаго описанія опытовъ Рентгена, излагается исторія открытія (главнымъ образомъ, опытъ Ленарда) и тѣ практическія результаты, какіе возможны и уже получены (въ медицинѣ) при употребленіи лучей Рентгена. Изложеніе ясное и популярное. Есть маленькія неточности, въ родѣ обозванія спирали Румкорфа «источникомъ» электричества *). Таблицы рисунковъ прекрасны. На одной—фотографія руки и нѣсколькихъ мелкихъ предметовъ, на другой—лягушка съ введенною внутрь булавкою и съ переломленными костями конечностей.

Замѣтимъ еще, что уже послѣ составленія брошюръ было доказано отраженіе Рентгеновскихъ лучей отъ стальной пластинки.

У. Г. Хэдсонъ (W. H. Hudson). Натуралистъ въ Ла-Платѣ. Съ 27 рис. въ текстѣ. Пер. въ англ. Д. Д. Струнина. Спб. Изд. А. Ф. Девріена. 1896 г. Ц. 2 р. 25 к. «Сѣра теорія, мой другъ, а древо жизни цвѣтами вѣчно блещетъ», но не всякому дано замѣчать ихъ, восхищаться ими и этотъ восторгъ передъ безконечной творческой силой природы сообщать другимъ. Хэдсонъ одинъ изъ немногихъ счастливцевъ, соединяющихъ тонкій умъ естествоиспыта-

*) Какъ извѣстно, спираль Румкорфа есть индукціонный аппаратъ, дѣлающій гальваническій токъ прерывистымъ.

теля съ глубокимъ сердцемъ художника. Въ рядѣ картинъ, разнообразныхъ и оригинальныхъ, то величественныхъ и грустныхъ, какъ все истинно великое, то полныхъ юмора и заразительной веселости, освѣжающей душу, онъ знакомитъ читателя съ рѣдкими явленіями еще неизслѣдованной страны, заставляя насъ вмѣстѣ съ собой наслаждаться роскошными видами южно-американской степи, огорчаться горестями и радоваться радостями ея многочисленнаго пернатаго и четвероногаго населенія. Хэдсонъ прежде всего любитъ природу во всѣхъ ея проявленіяхъ, любитъ почтительно и нѣжно, страдая отъ грубыхъ посягательствъ на нее человѣка и его культуры. Всякій разъ, когда ему приходится касаться тѣхъ измѣненій, какія вноситъ культура въ кругъ дѣвственной жизни природы, онъ съ глубокой меланхоліей отмѣчаетъ разрушительные результаты человѣческой дѣятельности. Эти результаты, конечно, должны радовать, какъ доказательства промышленныхъ успѣховъ человѣка, «но только тѣхъ, кто совершенно довольствуется или восторгается ходомъ нашей цивилизаціи; они пріятны только тѣмъ, кто одобряетъ современные пріемы покоренія природы, сводящіеся къ расчисткѣ мѣста для чрезмѣрно возрастающаго количества полезныхъ намъ видовъ животныхъ и растеній. Иначе смотритъ на дѣло всякій, кто находитъ прелесть въ такихъ предметахъ, какими они представляются въ непокоренныхъ человѣкомъ областяхъ природы, кто не горитъ желаніемъ окончить, какъ можно скорѣе, свое путешествіе, кто любитъ путешествовать верхомъ или на фурѣ, запряженной волами: у такого человѣка есть много основаній пожалѣть, что обликъ земной поверхности измѣняется и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, исчезаютъ въ безчисленномъ количествѣ благородные и роскошные виды растительнаго и животнаго царства». Волны преобразованій, говоритъ онъ далѣе, быстро сметаютъ старый порядокъ со всѣмъ, что въ немъ могло быть изящнаго и прекраснаго.

Желая сохранить хотя часть, хотя слабый отблескъ умирающей красоты, Хэдсонъ даетъ въ отдѣльныхъ очеркахъ картины Пампы, описываетъ животныхъ, ее населяющихъ, вникая въ ихъ жизнь, стараясь понять ея сокровенные законы. Всегда онъ остается оригинальнымъ, вѣрнымъ художественной красотѣ и научной правдѣ. Въ его монографіяхъ разсѣяны вездѣ черты этой красоты, что придаетъ имъ удивительную обаятельность инстинныхъ художественныхъ произведеній въ соединеніи съ научной обстоятельностью. Самый скромный, маленькій звѣрекъ, какое-нибудь насѣкомое, шмель или «оса-мухоловка» живутъ своей особой жизнью, которую мы наблюдаемъ вмѣстѣ съ авторомъ, съ живѣйшимъ интересомъ, очарованные новизной этого міра незамѣтныхъ существованій. «Человѣчество предприняло крестовый походъ противъ животныхъ, и слѣдующее поколѣніе,—болѣе счастливое, чѣмъ мы, въ этомъ отношеніи,—будетъ, безъ сомнѣнія, свидѣтелемъ его блестящаго исхода!» съ грустной иронiей замѣчаетъ Хэдсонъ, рисуя чудныя картины изъ животной жизни, понятныя и доступныя тому, кто любитъ и умѣетъ наблюдать эту жизнь. Его монографіи «Пума или американскій левъ», «Вонючка»,

«Шмели», «Оса-мухоѣдка», «Колибри», «Хохлатая паламедея», «Жизнь вискачи», «Лошадь и человѣкъ»—по художественности воспроизведенія жизни животныхъ, проникновенію, если можно такъ выразиться, въ ихъ психику, напоминаютъ лучшіе разсказы Киплинга изъ міра животныхъ («Бунтъ Моти-геджа», «Старый крокодилъ» и др.). Это нисколько не лишаетъ ихъ глубокаго научнаго значенія, такъ какъ Хэдсонъ не простой любитель природы, а знатокъ, обладающій всѣми современными знаніями, стоящій на высотѣ послѣдняго слова науки въ области біологіи. Каждое явленіе онъ умѣетъ связать съ общимъ, освѣтить его и намѣтить новую черту въ сложной картинѣ природы.

Въ особенности сильно сказывается его философское настроеніе въ тѣхъ монографіяхъ, въ которыхъ онъ описываетъ групповыя явленія, или свойственныя массѣ животныхъ, не одному какому-либо виду, а цѣлому классу. Таковы его монографіи «Приливъ жизни», «Мимитизмъ», «Материнскіе инстинкты», «О свойствѣ притворяться мертвымъ», «Музыка и танцы въ природѣ», «Странные инстинкты животныхъ». Оригинальность взглядовъ Хэдсона сказывается здѣсь въ новомъ освѣщеніи, которое онъ даетъ многимъ общеизвѣстнымъ фактамъ, на основаніи многочисленныхъ личныхъ, иногда чрезвычайно тонкихъ наблюденій, сдѣланныхъ имъ, благодаря художественному чутью, никогда не покидающему его. Усиленно напирая на эту особенность автора, рѣзко выдѣляющую его изъ ряда другихъ естествоиспытателей и сближающую его съ такими великанами, какъ Дарвинъ, мы хотимъ подчеркнуть различіе между истиннымъ ученымъ и кропотливыми Вагнерами, неспособными изъ одолѣвающихъ ихъ мелочей ни вывести общаго закона, ни создать яркой картины.

По вѣрному замѣчанію переводчика, г. Струнина,—блестящій переводъ котораго составляетъ немаловажное достоинство этой книги,—послѣднюю можно отнести къ серіи такихъ сочиненій, какъ «Путешествіе на кораблѣ «Бигль» Ч. Дарвина, «Малайскій архипелагъ» А. Уоллеса и «Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ» Бэтса (всѣ есть на русскомъ языкѣ). Но въ то же время «Натуралистъ въ Ла-Платѣ» отличается отъ названныхъ авторовъ бо́льшей доступностью и простотою изложенія, такъ что отъ читателя не требуется почти никакой предварительной подготовки, и тѣмъ не менѣе, дается ему, благодаря прекрасной группировкѣ фактовъ, сущность біологіи. Лучшія страницы Брэма отчасти напоминаютъ въ этомъ отношеніи Хэдсона, но Брэмъ подавляетъ читателя систематикой, чуждой первому. Мы думаемъ, что всѣ эти первоклассныя достоинства книги должны сдѣлать ее необходимой принадлежностью каждой порядочной ученической библіотеки и любимой книгой для юношества.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Кирхнеръ. «Руководство къ молочному хозяйству».—*Лебе.* «Молочное хозяйство».—*Дремцевъ.* «Объ улучшеніи луговъ». *Кованъ.* «Медоносная пчела».

Д-ръ В. Кирхнеръ. Руководство къ молочному хозяйству на научныхъ и практическихъ основахъ. Переводъ-извлеченіе съ 3-го нѣмецкаго изданія. Спб. Изданіе А. Ф. Девріена. 1894 г. Цѣна 3 р. 50 к. Потребность въ хорошемъ «руководствѣ по молочному хозяйству», какъ видно, растетъ не по днямъ; такъ, въ короткое время книжка Кленце «Молочное дѣло» выдержала два изданія, перевели и издали отдѣльной книжкой Лебе «Молочное хозяйство», написана масса небольшихъ книжекъ для народа и т. д., однимъ словомъ, спросъ и предложеніе идутъ другъ другу на встрѣчу. Причина тому—экономическій переворотъ въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ. Въ то время, какъ еще недавно на крупный рогатый скотъ наши помѣщики смотрѣли какъ на «необходимое зло» и держали его только для «производства навоза», въ настоящее время во многихъ хозяйствахъ скотоводство стало ядромъ его и «хозяева пришли къ убѣжденію», какъ говоритъ авторъ въ своемъ введеніи, «что молочное дѣло при внимательномъ отношеніи можетъ стать очень доходнымъ»,—нужны только знаніе и внимательное отношеніе къ дѣлу; первое пріобрѣтается въ школахъ и литературѣ, второе—при выгодности дѣла на практикѣ.

«Руководство» проф. Кирхнера принадлежитъ къ тѣмъ книгамъ, которыя удовлетворяютъ теоретиковъ и практиковъ. Хотя книга переведена съ нѣмецкаго, и авторъ имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду хозяйства Германіи, однако, «руководство» это вполнѣ доступно и русскимъ хозяевамъ какъ по изложенію техники самого производства, такъ и по примѣрамъ, взятымъ изъ другихъ странъ. Авторъ самъ говоритъ во введеніи, «что поднятію молочнаго дѣла въ Германіи способствовалъ примѣръ странъ, прежде всего убѣдившихся въ возможности улучшенія молочнаго хозяйства и раньше другихъ вступившихъ на путь прогресса»,—слѣдовательно, примѣръ Германіи, еще недавно перешедшей къ правильному хозяйству, будетъ намъ вдвойнѣ полезенъ. Мало того, чтобы перейти къ правильному хозяйству, нужно, какъ говоритъ авторъ, слѣдовать примѣру даже такихъ странъ, «въ которыхъ уже въ теченіе многихъ столѣтій центръ тяжести всего хозяйства находится въ скотоводствѣ и, въ особенности, въ приготовленіи масла и сыра (Шлезвиг-Голштинія, Голландія и Данія)». Хозяева этихъ страхъ начали сознавать, что при постоянно увеличивающемся требованіи въ отношеніи качества продукта, идущемъ рука объ руку съ цѣнами на нихъ, работать по старинному нельзя, что необходимо ввести улучшеніе въ техникѣ дѣла, иначе грозитъ потеря пріобрѣтенной вѣками репутаціи и—всего важнѣе—рынка.

Изъ введенія читатель узнаетъ о пользѣ «школъ молочнаго хозяйства», о вліяніи организаціи, т. е. союзовъ сельскихъ хозяевъ, и выставокъ по молочному дѣлу, о значеніи опытныхъ станцій и т. д., словомъ, исторію развитія молочнаго дѣла какъ въ Германіи,

такъ и въ другихъ странахъ. Все руководство разбито на 8 болѣе или менѣе самостоятельныхъ *отдѣловъ*. Въ первомъ разсматривается «молоко и его свойства», какъ его составныя части (жиръ, протеиновыя вещества, молочный сахаръ и т. д.), такъ и происхожденіе молока, физическія и химическія свойства его, разные факторы, вліяющіе на образованіе и пороки его. Кромѣ того, авторъ удѣлилъ много мѣста вопросу о кормленіи, значенію индивидуальности и породы скота. Второй отдѣлъ посвященъ вопросу объ уходѣ за молокомъ отъ доенія до продажи или до полученія сливокъ, и, въ особенности, обращено вниманіе на способы сохраненія молока въ прѣсномъ видѣ—больное мѣсто всѣхъ почти хозяйствъ. Третій отдѣлъ удѣленъ испытанію и изслѣдованію молока относительно его состава и фальсификаціи. Этотъ отдѣлъ, къ сожалѣнію, страдаетъ нѣкоторымъ пробѣломъ: нѣкоторыхъ новѣйшихъ аппаратовъ для быстраго опредѣленія количества жира въ молокѣ нѣтъ, напримѣръ, ацидобутирометра Гербера, Альбюрна и еще нѣсколькихъ новѣйшихъ. Здѣсь виноватъ больше переводчикъ, который не слѣдилъ за новѣйшими открытіями въ области техники и перевелъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія 1892 года, когда подобныхъ аппаратовъ еще не существовало. Обстоятельно разработанъ въ 4-омъ отдѣлѣ вопросъ объ отдѣленіи сливокъ. Такъ какъ для хозяйствъ самое главное въ молокѣ въ настоящее время жиръ, то вопросъ о томъ или другомъ способѣ выдѣленія его для дальнѣйшей переработки очень важенъ. Авторъ подробно разсматриваетъ прежніе ручные способы, затѣмъ отдѣленіе сливокъ, въ настоящее время болѣе распространенное, центробѣжною силою. Послѣдній вопросъ дѣлится на общій теоретическій и описательный. Здѣсь читатель найдетъ массу извлеченій изъ отчетовъ по опытамъ, произведеннымъ на всевозможныхъ станціяхъ, и такимъ образомъ можетъ легко оріентироваться при выборѣ центрофуги (сепаратора). Хотя и здѣсь нужно указать на тотъ же недостатокъ, что и въ 3-емъ отдѣлѣ, т. е. отсутствіе указаній на болѣе новѣйшіе центрофуги (сливкоотдѣлители), какъ-то: ручной сепараторъ альфа-беби, колибри и т. д. Кромѣ того, для большей доказательности выгоды центрофуга даже для небольшихъ хозяйствъ, переводчикъ могъ взять разсчеты нѣкоторыхъ небольшихъ русскихъ помѣстій, гдѣ уже давно работаютъ съ большой выгодой для себя подобные аппараты, тѣмъ болѣе, что въ прессѣ сельскохозяйственной указывалось неоднократно на подобные отрадные факты. Отъ центрофуговъ въ 5-мъ отдѣлѣ переходимъ къ вопросу о сбиваніи масла и его сохраненіи. Начиная съ общей теоретической постановки вопроса о выдѣленіи масла, теоріи процесса сбиванія, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію обстоятельствъ, вліяющихъ въ хорошую или худую сторону при образованіи продукта (масла), т е. значеніе температуры, степень окисленія и т. д., и переходитъ къ выбору маслобойки. Здѣсь разсматриваются всѣ виды маслобоекъ, и затѣмъ онъ переходитъ къ дальнѣйшей обработкѣ масла, къ описанію разныхъ сортовъ его, значенію посолки, способовъ сохраненія и къ требованіямъ рынка; въ концѣ главы приводятся за многіе десятки лѣтъ статистическія данныя по ввозу и вывозу масла и потребленія

его тѣми или другими странами. 6-ой отдѣлъ начинается съ описанія приготовленія сычужины и значенія ея для сыроваренія, какъ приготовляемой большей части домашними средствами, такъ и фабричнымъ способомъ. Затѣмъ слѣдуетъ теорія нагрѣванія молока и описаніе всѣхъ употребительныхъ для этой цѣли котловъ, прессовъ, послѣ чего мы знакомимся съ крашеніемъ и посолкой сыровъ, съ выборомъ помѣщенія для созрѣванія ихъ (т. е. выборъ погреба), съ пороками и врагами сыра. Въ концѣ слѣдуетъ описаніе фабрикаціи всякихъ сортовъ сыра, начиная съ сычужныхъ, мягкіе—французскіе и др. и твердые—эмментальскій, грюйерскій, эдамскій и т. д., и кончая кисломолочными: зеленый, норвежскій. 9-ая глава этого отдѣла посвящена статистикѣ ввоза и вывоза и потребленія сыра въ Европѣ и Америкѣ. Въ 7-мъ отдѣлѣ читатель находитъ описаніе приготовленія дѣтскаго и лѣчебнаго концентрированнаго молока, кумыса и кефира и прочихъ молочныхъ продуктовъ.

Наконецъ, въ 8-омъ отдѣлѣ разсматривается экономическая сторона молочнаго хозяйства. Здѣсь мы узнаемъ сравнительную оплату молока при различныхъ способахъ его примѣненія, напримѣръ, при откармливаніи телятъ, при сыровареніи, маслодѣліи, веденіе книгъ по молочному хозяйству и т. п. Здѣсь же читатель найдетъ планы и смѣты по устройству молочныхъ какъ большихъ, такъ и малыхъ. Къ сожалѣнію, переводчикъ эти два отдѣла оставилъ безъ измѣненій, какъ было въ оригиналѣ, а тамъ, какъ было уже выше сказано, авторъ имѣлъ въ виду хозяйства Германіи. По нашему мнѣнію, слѣдовало бы для плановъ и смѣтъ по устройству молочныхъ и сравнительный разсчетъ оплаты молока взять хоть нѣсколько примѣровъ изъ русскихъ хозяйствъ, такъ какъ экономическое положеніе сельскаго хозяйства Германіи во многомъ разнится, если не во всемъ, отъ нашего положенія. Но не смотря на нѣсколько такихъ недостатковъ и шероховатость языка, книга заслуживаетъ возможно большаго распространенія и можетъ вполнѣ служить настольной книгой для начинающихъ и даже уже опытныхъ хозяевъ. Книга иллюстрирована 211-ю рисунками новѣйшихъ машинъ и аппаратовъ, съ 721 страницей текста, написана профессоромъ, прославившемся на поприщѣ молочнаго хозяйства, какъ теоретикъ и практикъ, и можетъ вполнѣ замѣнить уже устарѣвшее во многомъ сочиненіе проф. Флейшмана, переведенное на русскій языкъ въ 1878 г. и бывшее до сихъ поръ единственнымъ капитальнымъ произведеніемъ по молочному хозяйству.

В. Лебе. Молочное хозяйство, маслодѣліе и сыровареніе. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія съ дополненіями, касающимися молочнаго хозяйства въ Россіи. Переводъ В. Дмитріева. Спб. Изд. В. И. Губинскаго. 1895. Ц. 90 коп. Книжка Лебе не заслуживала, по нашему мнѣнію, труда переводчика по слѣдующимъ причинамъ. Въ отдѣлѣ первомъ, «разведеніе молочнаго скота», авторъ на 41 страницѣ двухлистовой книжки хотѣлъ сказать «о полезнѣйшихъ породахъ и сортахъ скота, о ихъ разведеніи и даже о кормленіи дойныхъ коровъ», но, къ сожалѣнію, вышло сжато, скомкано, и книга имѣетъ видъ скорѣе справочной книжки, гдѣ

ссылаются на громкія имена профессоровъ и т. д.; всему хотятъ научить и въ общемъ ничего практическаго не даютъ. Поэтому. намъ кажется, такіе вопросы не слѣдуетъ затрогивать такъ поверхностно, тѣмъ болѣе, что по отдѣлу животноводства, кормленія написана такая масса сочиненій, что отсутствіе нѣсколькихъ страничекъ совсѣмъ пройдетъ незамѣченнымъ и безъ ущерба,

Тотъ же недостатокъ чувствуется въ отдѣлѣ «молочное хозяйство». Здѣсь тѣ же ссылки на различныя мнѣнія авторитетовъ, иногда другъ другу противорѣчащихъ, въ которыхъ трудно разобраться спеціалисту, а человѣку начинающему это—только лишній баластъ. Что касается отдѣла центрофуговъ (сепараторовъ), то переводчикъ, издавшій книжку въ 1895 году, могъ хоть отъ себя прибавить описаніе новѣйшихъ машинъ, работающихъ во многихъ русскихъ хозяйствахъ, не говоря уже о заграничныхъ. Отдѣлу этому удѣлено 4 странички, какъ это было сдѣлано самимъ авторомъ для перваго изданія; но тогда, можетъ быть, техника центрофуговъ не была еще такъ развита, а теперь это первый насущный вопросъ всякаго новоорганизующагося хозяйства. Отдѣлъ маслодѣлія и сыроваренія носитъ характеръ больше справочной книжки, гдѣ упоминается о существующихъ сортахъ товара. Что же касается знакомства съ самой техникой производства, то здѣсь не мало погрѣшностей. Такъ, напримѣръ, на страницѣ 135 слѣдуетъ общее наставленіе «приготовленія прѣсныхъ сыровъ», подъ которыми авторъ, какъ мы узнаемъ на страницѣ 142, подразумѣваетъ всѣ жирные сыры. На самомъ же дѣлѣ, какъ варка, такъ и соленіе и сохраненіе въ погребахъ сыровъ французскихъ и твердыхъ швейцарскихъ или голландскихъ во всемъ почти отличается и подъ одну общую рубрику не подходитъ. Недостатокъ этого отдѣла — отсутствіе даже упоминанія о новѣйшихъ бактеріологическихъ работахъ въ области сыроваренія. Что касается обѣщанныхъ въ заглавіи «дополненій, касающихся молочнаго хозяйства Россіи», то мы находимъ только перепечатки изъ разныхъ сборниковъ, вышедшихъ къ всемірной чикагской выставкѣ, и восхваленія требующей еще большой критики дѣятельности Н. В. Верещагина, и ничего нѣтъ изъ практики многихъ русскихъ хозяйствъ, заслуживающихъ подражаній или, по крайней мѣрѣ, упоминаній. Книга, вообще, не удовлетворяетъ ни практика, ни теоретика.

С. П. Дремцовъ. Объ улучшеніи луговъ и посѣвовъ травъ. Руководство для крестьянъ. 2-е изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1894 г. Цѣна 25 коп. Авторъ вѣрно понялъ, что часто крестьянъ останавливаетъ отъ перехода къ правильному луговодству и травосѣянію не косность, а незнаніе, какъ приступить къ дѣлу, или неимѣніе нагляднаго примѣра. Желая удовлетворить насущной потребности въ коротко и хорошо изложенномъ руководствѣ, авторъ прямо приступаетъ къ объясненію причинъ упадка доходности луговъ и даетъ тотчасъ практическіе совѣты, какъ поднять укосъ. Въ небольшомъ введеніи авторъ знакомитъ читателя съ исторіей правильнаго травосѣянія въ Западной Европѣ и въ Россіи. Во второй бесѣдѣ говоритъ о болѣе распространенныхъ травахъ, о времени посѣва и

кошенія, о количествѣ посѣвныхъ сѣмянъ, объ обработкѣ почвы и удобреніи и о мѣстѣ въ сѣвооборотѣ, если посѣвъ производится въ полевомъ клину. Въ третьей бесѣдѣ говорится о правилахъ для посѣва сѣменныхъ травъ и объ обновленіи суходольныхъ луговъ. Въ четвертой главѣ находимъ исторію травосѣянія въ Московской губерніи и совѣты, какъ удобнѣе и выгоднѣе завести посѣвы травъ на поляхъ. Тутъ же читатель знакомится съ теоріей удобренія фосфоритной мукой и пользой этой муки для луговъ. Въ концѣ приложенъ списокъ полезныхъ книгъ по сельскому хозяйству, главнымъ образомъ для крестьянъ. Какъ по изложенію, такъ и по языку, книга безупречна и, главное достоинство, написана вполнѣ популярно и понятно, безъ фальсифицированнаго, такъ-называемаго «народнаго языка».

Кованъ. Медоносная пчела. Переводъ съ англійскаго Л. А. Потѣхина. Изд. А. Девріена. Спб. 1895 г. Ц. 1 руб. «Изучайте прежде всего теорію, а не то всю жизнь останетесь практиками-пачкунами», такъ говоритъ въ своемъ введеніи словами великаго германскаго пчеловода, барона А. ф.-Берлепша, переводчикъ и дальше продолжаетъ: «только при основательныхъ теоретическихъ познаніяхъ мы можемъ всесторонне обсуждать каждый шагъ своей практической дѣятельности, провѣрять и придавать то или другое значеніе нашимъ практическимъ опытамъ и наблюденіямъ». Поэтому, онъ надѣется, что русскіе пчеловоды встрѣтятъ съ полнымъ сочувствіемъ предлагаемый переводъ книги Кована, который пополняетъ существовавшій до сихъ поръ въ нашей пчеловодной литературѣ недостатокъ свѣдѣній по естественной исторіи пчелы. Точно также авторъ объясняетъ въ оригиналѣ причину появленія своей книги. Въ дѣйствительности, книга носитъ чисто научный характеръ, знакомитъ читателя съ естественной исторіей медоносной пчелы, съ мѣстомъ, занимаемымъ ею въ животномъ царствѣ, съ анатоміей, физіологіей и т. д., словомъ, книжка представляетъ полную и популярно изложенную монографію о пчелѣ. Переводъ сдѣланъ извѣстнымъ пчеловодомъ Л. А. Потѣхинымъ, авторомъ «Учебника пчеловодства» и «Справочной книжки для пчеловодовъ», что вполнѣ гарантируетъ точность перевода. Потребность въ такой книжкѣ для нашихъ практиковъ-пчеловодовъ даетъ себя знать давно и сознается всѣми ими. Книжка иллюстрирована роскошно исполненными 71 рисункомъ и вполнѣ доступна пониманію людей съ среднимъ образованіемъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Margaret Winthrop*» *by Alice Morse Eearle (John Marray). 1896.* (*Маргарита Уинтропъ*). Названная книга представляетъ первый томъ біографической библіотеки, издаваемой подъ общимъ названіемъ: «Women of Colonial and Revolutionary Times in America» (Женщины колоніальнаго и революціоннаго періода въ Америкѣ). Героиня этой книги—жена перваго губернатора Массачусетса, Джона Уинтропа, типичная представительница пуританскаго поколѣнія первыхъ американскихъ піонеровъ, къ которому принадлежалъ ея мужъ. Ея біографія имѣетъ несомнѣнно историческій интересъ, такъ какъ въ ней воспроизводится англійская жизнь конца семнадцатаго вѣка и колонизаціонная дѣятельность въ Америкѣ. Авторъ этой біографіи умѣло воспользовался источниками, находившимися въ его распоряженіи, и соединилъ увлекательность разсказа съ соблюденіемъ строгой исторической правды.

(Daily News).

«*Studies in Black and White*» *by Lady Henry Somerset* (*Fishes Unwin*). (*Изслѣдованіе чернаго и бѣлаго*). Извѣстная англійская писательница лэди Генри Сомерсетъ въ этой книгѣ описываетъ жизнь бѣднѣйшихъ классовъ англійскаго населенія. Ея очерки написаны съ натуры и обличаютъ въ ней большую наблюдательность. Она не ограничивается лишь описаніемъ мрачныхъ сторонъ этой жизни и находитъ въ ней и кое-какія свѣтлыя стороны, возбуждая въ то же время въ душѣ читателя теплое чувство состраданія и желанія придти на помощь низшей братіи и всѣмъ обездоленнымъ и угнетеннымъ. (Daily News).

«*In the Evening of His Days*; *a study of M-r Gladstone in Retirement*, *with some account of St. Deniol's Library and Hostel*» (*Westminates Gazette*). *London.* (*На склонѣ дней*). Небольшой томъ, изданный Вестминстерской газетой, заключаетъ въ себѣ описаніе домашней жизни Гладстона, послѣ его отставки. Личность «великаго старика» выступаетъ очень рельефно въ этомъ очеркѣ. Какъ извѣстно, главною причиною удаленія Гладстона со сцены политической жизни было ослабленіе зрѣнія и слуха. Удачно сдѣланная операція катаракты, однако, вернула ему зрѣніе, но, тѣмъ не менѣе, онъ не могъ оставаться въ парламентѣ, потому что не слышалъ рѣчей, на которыя ему нужно было отвѣчать. Волей-неволей энергичному политическому дѣятелю пришлось сойти со сцены и удалиться въ частную жизнь. Можно было бы думать, что жизнь человѣка, постоянно пребывавшаго въ водоворотѣ политическихъ событій, сдѣлается очень безцвѣтной, когда онъ будетъ лишенъ возможности принимать дѣятельное участіе въ этихъ событіяхъ. Однако, противъ ожиданія, Гладстонъ не былъ слишкомъ огорченъ своимъ невольнымъ удаленіемъ съ политической сцены и нашелъ утѣшеніе въ своихъ любимыхъ занятіяхъ теологическими вопросами и въ изученіи классиковъ. Очень интересно описаніе библіотеки Гладстона въ Гоарденѣ, которою могутъ пользоваться свободно всѣ желающіе, свѣтскіе и духовные изслѣдователи, писатели и студенты. «Мое богатство — книги,—говоритъ Гладстонъ,—и мой долгъ дѣлиться имъ со всѣми нуждающимися».

(Daily News).

«*Curiosities of Impecuniosity*» *by H. G. Somerville.* (*Beatley and Son*). (*Особенности безденежья*). Авторъ этой книги задался оригинальною цѣлью прослѣдить, какъ отразилось безденежье въ жизни многихъ знаменитыхъ людей, которымъ въ началѣ своего поприща приходилось бороться съ нуждой. Конечно, многое, что сообщаетъ авторъ, имѣетъ анекдотическій характеръ, но это неизбѣжно, принимая во вниманіе избранную авторомъ тэму. Тѣмъ не менѣе, въ его книгѣ найдется не мало не только интересныхъ въ анекдотическомъ отно-

шеніи, но и поучительныхъ страницъ, указывающихъ, какое значеніе имѣютъ личная энергія и сила воли въ жизненной борьбѣ. Любопытны черты, разсказанныя авторомъ изъ жизни Шеридана, Кольриджа, Розы Бонёръ и нѣкоторыхъ друг. (Daily News).

«*A wandering Scholar in the Levant*» *by David G. Hogarth, M. A. Fellow of Magdalen College. With illustrations. (Murray). 1896.* (*Странствующій ученый въ Левантѣ*). Авторъ описываетъ въ этой книгѣ свое путешествіе по Леванту и свои археологическія изысканія. Очень занимательны его разсказы, обрисовывающіе нравы мѣстнаго населенія и условія жизни въ заброшенныхъ уголкахъ Малой Азіи, анатолійскихъ деревушкахъ, гдѣ перебывалъ авторъ во время своихъ странствованій. Не смотря на то, что авторъ предпринялъ свое путешествіе исключительно съ научною цѣлью произвести археологическія изслѣдованія, онъ описываетъ страну какъ туристъ и путешественникъ, отличающійся юморомъ и большою наблюдательностью, такъ что даже обыкновенный читатель, нисколько не интересующійся археологическими находками автора, можетъ прочесть эту книгу съ удовольствіемъ. (Daily News).

«*Les dompteurs de la Mer*» *pvr E. Neukomm (Hetzel) Paris.* (*Укротители моря*). Авторъ этой книги оспариваетъ у Колумба честь открытія Америки и доказываетъ, что нормандцы, за четыре столѣтія до Колумба, колонизовали Массачусетсъ, Виргинію и Флориду; они называли эту страну «Винляндъ» и на своихъ утлыхъ суденышкахъ часто плавали къ ея берегамъ. Свой разсказъ о похожденіяхъ нормандцевъ авторъ подкрѣпляетъ данными, почерпнутыми изъ историческихъ документовъ. (Revue des Revues).

«*I. I. Rousseau et ses amies*» *par Léo Claretie, avec une préface de M. Ernest Legouvé, de l'Académie française.* (*Leon Chailley*). (*Руссо и его пріятельницы*). Эта книга представляетъ психологическій очеркъ, посвященный спеціально интимной сторонѣ жизни Руссо, его отношеніямъ къ женщинамъ, которыя его любили. Въ этихъ отношеніяхъ авторъ ищетъ разгадку духовной личности философа. Личности женщинъ, игравшихъ болѣе или менѣе выдающуюся роль въ жизни Руссо, выступаютъ очень рельефно въ разсказѣ автора; также очень живо описано все тогдашнее общество, среди котораго вращался Руссо. (Journal des Débats).

«*Les Contemporains* (*etudes et portraits littéraires*; 6-*e Serie*) *par Jules Lemaitre, de l'Académie française* (*Lecèm et Oudin*). (*Современники*). Трудно въ небольшой замѣткѣ анализировать содержаніе этой книги, заключающей цѣлый рядъ очерковъ и литературныхъ портретовъ; между прочимъ, въ эту книгу включена статья о вліяніи литературы сѣверныхъ народовъ, возбудившая нѣкоторую полемику, и цѣлый рядъ очень интересныхъ очерковъ, посвященныхъ Франсуа Коппе, Анатолю Франсу, Мопассану и др. (Journal des Débats).

«*Des limites de la philosophie*» *par O. Merten, professeur à l'Université de Liège* (*Westmacl-Charlier*) *Namur.* (*Границы философіи*). Авторъ этой книги— сторонникъ объединенія спиритуалистической философіи съ положительными науками, тѣмъ не менѣе, старательно разграничивающій область спиритуализма и положительныхъ знаній. Въ его книгѣ заключается программа обширнаго курса, въ который входитъ преподаваніе философіи, психологіи и космологіи, логики и морали, теологіи и метафизики. Авторъ ищетъ въ строгой классификаціи главнаго средства къ примиренію между собою противоположныхъ воззрѣній и это особенно ярко выступаетъ въ главѣ о государствѣ. Во всякомъ случаѣ въ его книгѣ заключается много оригинальныхъ мыслей, надъ которыми стоитъ остановиться. (Indépendance Belge).

«*Great Men's Sons*» *by Elbridge S. Brooks* (*G. Putnam Sons*). *1896.* (*Сыновья великихъ людей*). Авторъ этой книги американскій писатель, добившійся извѣстности своими біографическими и историческими очерками, приноровленными спеціально для юныхъ читателей. Въ новомъ своемъ сочиненіи авторъ занимается не личностью великихъ людей, а ихъ семьями, начиная отъ Сократа до Наполеона и старается прослѣдить, какъ отразились на семейной жизни, и преимущественно на дѣтяхъ, великіе таланты и качества ихъ родителей. (Daily News).

«*Darwin and after Darwin*» *By the late George John Romanes M. A. Post Darwinian Questions. Hereclity and Utility.* (*Longmane Green and C°*). (*Дарвинъ и послѣ Дарвина*). Изучающіе эволюціонную доктрину прочтутъ эту книгу съ большимъ интересомъ, такъ какъ авторъ ея, профессоръ Романесъ, очень подробно излагаетъ въ ней ученіе Дарвина и распри ученыхъ послѣ его смерти. Это въ высшей степени полный очеркъ

развитія эволюціонной доктрины и вытекающихъ изъ нея научныхъ теорій. (Literary World).

«*Women's Work*» *by Lady Dilke, Miss Bulley and Miss Whilley* (*Social Questious of to day*). (*Работа женщинъ*). Въ этой маленькой книжкѣ обсуждаются важные вопросы, касающіеся условій женскаго труда и положенія женщинъ работницъ. Однако, и мужчины могутъ извлечь полезныя указанія изъ этой книги, такъ какъ она ограничивается не только областью спеціально женскаго труда, а затрогиваетъ рабочій вопросъ вообще. (Athaeneum).

«*Ruskin on Masic*» *being Extracts from the works of John Ruskin Intended for the use of all intesested in the Artof Music. Edited by Miss A. M. Wakefield. With in Colour of Jeaf from Antiphonaire of Thirtecnth Century from M-r Ruskin's Collection.* (*Рускинъ о музыкѣ*). Содержаніе книги, составленной изъ статей Рускина о музыкѣ, достаточно говоритъ само за себя. Въ книгу вошли слѣдующія статьи: музыкальный идеалъ; музыка и раннія вліянія; музыка и живопись; музыка и воспитаніе; музыка и нравственность и т. п. (Athaeneum).

«*Study of Childhood*» *By Jomes Sully M. A.* (*Longmans and C°*). (*Изученіе дѣтства*). Чтобы изучить природу дѣтей, надо не только быть тонкимъ наблюдателемъ и любить ихъ, но надо имѣть, кромѣ того, и хорошую психологическую подготовку и психологическій опытъ. Всѣмъ этимъ авторъ книги, профессоръ Сёлли, обладаетъ въ значительной степени и, кромѣ того, онъ обнаруживаетъ еще замѣчательную эрудицію, особенно въ вопросахъ, касающихся психологіи ребенка. Такія условія, вмѣстѣ съ литературнымъ талантомъ, умѣньемъ сжато и сильно выражать свои мысли, снабжаютъ названное сочиненіе автора качествами, которыя позволяютъ причислить его книгу къ разряду лучшихъ современныхъ изслѣдованій о ребенкѣ и его психологіи. Книга можетъ представить интересъ не для однихъ спеціалистовъ по педагогическимъ вопросамъ, но и для обыкновенныхъ читателей. (Daily News).

«*Un naufrage à 100 Mètres sous terre*» *par E. A. Martel et R. Rupin.* (*Bure imprimerie Roche*) *1896.* (*Крушеніе на глубинѣ 100 метровъ подъ землею*). Безстрашный изслѣдователь подземныхъ глубинъ Мартель описываетъ въ этой книгѣ свое плаваніе по подземнымъ озерамъ въ Севеннахъ. У этого яраго «гротологиста», какъ онъ самъ себя называетъ, есть любимая пещера—это гротъ «Padriac», въ департаментѣ «Lot», описанный имъ уже въ его книгѣ «Les Cévennes; Les Abîmes». Главная прелесть этого грота заключается въ четырехъ подземныхъ озерахъ, соединяющихся вмѣстѣ, и въ чудныхъ сталактитахъ, покрывающихъ стѣны. Послѣдній разъ, когда Мартель отправился въ свою подземную экскурсію, ему и его двумъ спутникамъ пришлось пережить страшныя минуты въ этомъ гротѣ, такъ какъ лодка, на которой они совершали свое плаваніе по подземнымъ озерамъ, потерпѣла крушеніе, и только необычайное присутствіе духа спасло ихъ. Мартель очень живо описываетъ свои приключенія и подземный міръ, обладающій для него особенною привлекательностью. (Daily News).

«*The Stories of Coal Mine*» *by Frank Mundell. The Sunday School Union.* (*T. Nelson and Sons*). (*Исторія угольныхъ копей*). Авторъ прекрасно, увлекательно разсказываетъ въ своей книгѣ исторію образованія угольныхъ копей и ихъ разработки. Жизнь углекоповъ очерчена яркими красками и правдивый разсказъ автора о приключеніяхъ и опасностяхъ, съ которыми сопряжена работа подъ землею, производитъ сильное впечатлѣніе. (Literary World).

«*Oxford and her Colleges*» *by Goldwin Smith* (*Macmillian and C°*). (*Оксфордъ и его коллегіи*). Интересная книга, снабженная многочисленными иллюстраціями и фотографіями, въ которой описывается исторія Оксфорда и университетская жизнь со всѣми ея особенностями и обычаями въ прежнія времена. (Literary World).

«*Out with the old Voyagers*» *by Horace G. Grosser* (*Andrew Melrose*). (*Прежніе путешественники*). Въ книгѣ собраны наиболѣе выдающіеся эпизоды изъ морскихъ путешествій прежнихъ временъ. Иллюстраціи дополняютъ текстъ. (Literary World).

«*Days and Hours in a Garden*» *by E. V. B. Eihgt Edition* (*Elliot Stock's publications*). (*Дни и часы въ саду*). Любители ирироды и садоводы прочтутъ эту маленькую книгу съ большимъ интересомъ. Авторъ ея изучилъ жизнь растеній и не только умѣетъ наслаждаться, но и понимаетъ окружающую его природу. Успѣхъ книги доказывается тѣмъ, что она выходитъ уже восьмымъ изданіемъ. (Literary World).

«*At the Court of the Amir*» *by John Alfred Gray. With Purtrait and othes illustrations.* (*При дворѣ эмира*). Авторъ этой книги состоялъ долгое время при-

дворнымъ врачемъ при дворѣ афганскаго эмира. Пребываніе въ Афганистанѣ и должность врача доставили ему возможность изучить эту страну и народъ. Многое, что сообщаетъ авторъ, бросаетъ совершенно новый свѣтъ на положеніе дѣлъ въ Афганистанѣ и характеръ эмира.

(Literary World).

«*Storio della Spiritismo*» *Cesaro Baudi d i Vesme* (*Roux Frassati et C°*). *Turin.* (*Исторія спиритизма*) Въ предисловіи авторъ говоритъ, что онъ рѣшился предпринять историческое изслѣдованіе спиритизма, убѣдившись, что ни въ Италіи, ни въ другомъ мѣстѣ никто не написалъ настоящей исторіи спиритизма. Люди, по словамъ автора, дѣлятся, по отношенію къ спиритизму, на два разряда: на тѣхъ, которые вѣрятъ въ спиритическіе феномены и, принимая ихъ безусловно, не подвергаютъ критическому обсужденію, и тѣхъ, которые не вѣрятъ и отвергаютъ, также не потрудившись хорошенько изслѣдовать и изучить эти феномены. Несмотря на то, что самъ авторъ—спиритъ, онъ, тѣмъ не менѣе, производитъ свои историческія изслѣдованія спиритизма съ величайшею добросовѣстностью и нигдѣ не навязываетъ своей точки зрѣнія читателю. Его исторія спиритизма распадается на четыре части: 1) Спиритизмъ въ древности; воззрѣнія скандинавскихъ, германскихъ и кельтскихъ народовъ во времена варварства, а также древнихъ мексиканцевъ и инковъ и т. д. 2) Спиритизмъ у восточныхъ народовъ. 3) Классическая цивилизація, съ ея миѳологіей и философіей. 4) Христіанская доктрина и спиритическія явленія. Изъ этого краткаго перечня можно видѣть, что книга заключаетъ въ себѣ чрезвычайно интересный историческій матеріалъ.

(Daily News).

«*Women's Suffrage Colendas*» *by Miss Helen Blackburn* (*Simpkin Marshall and C°*) (*Календарь женскаго движенія*). Прекрасно составленная, небольшая книжка даетъ чрезвычайно полное понятіе объ исторіи женскаго движенія, не только въ Великобританіи, но и въ другихъ странахъ. Очень интересны свѣдѣнія объ успѣхахъ женщинъ и объ условіяхъ женскаго труда въ Англіи. Изъ данныхъ, сообщаемыхъ авторомъ, слѣдуетъ, что англійскія женщины неуклонно стремятся впередъ и уже добились многаго. Многія публичныя должности, недоступныя для женщинъ еще такъ недавно, теперь для нихъ открыты. Между прочимъ, женщина состоитъ теперь вице-президентомъ института журналистовъ. Авторъ сообщаетъ статистику женщинъ, получившихъ ученыя степени въ различныхъ англійскихъ университетахъ, а также тѣхъ, которыя состоятъ членами школьныхъ совѣтовъ, ученыхъ обществъ и т. д., и занимаютъ мѣста, прежде составлявшія исключительную привиллегію мужчинъ.

(Daily News),

«*Adventurer of the North*» *by Gilbert Parker* (*Methuen*) (*Искатель приключеній на сѣверѣ*). Джильбертъ Паркеръ считается Брэтъ - Гартомъ Сѣверной Канады, такъ какъ всѣ его разсказы проникнуты такою же свѣжестью и оригинальностью, какъ и разсказы вышеназваннаго писателя, и столь же увлекательны. Описанія дикой канадской природы и ея вліянія на человѣка, особенно хороши.

(Daily News).

«*Les Jeunes: Etudes et Portraits*» *par René Doumic* (*Perrin*) *Paris. 1896.* (*Молодые: очерки и портреты*). Въ этой книгѣ, хорошо извѣстный современной французской читающей публикѣ писатель, сотрудникъ журнала «Revue des deux Mondes», изучаетъ то, что онъ называетъ новымъ литературнымъ поколѣніемъ, и стремится схватить его главныя характеристичныя черты и тенденціи. По словамъ автора, каждый изъ представителей этого молодого поколѣнія началъ съ золяизма и затѣмъ уже проложилъ для себя совсѣмъ новый путь, такъ что въ каждомъ такомъ писателѣ мы можемъ наблюдать теперь реакцію противъ реализма, который несомнѣнно уже отжилъ свое время. Авторъ развертываетъ читателямъ цѣлую галлерею литературныхъ портретовъ, и указываетъ на оригинальныя стороны каждаго изъ «молодыхъ», у большинства которыхъ онъ находитъ общія черты: пренебреженіе къ стилю и родному языку, стремленіе къ эксцентричности и игнорированіе литературной отдѣлки. Въ то же время, авторъ характеризуетъ и современную читающую публику, «ко вкусамъ которой должны приспособляться писатели, если они не желаютъ писать только для собственнаго удовольствія». Вообще, все, что говоритъ авторъ о современномъ литературномъ поколѣніи во Франціи, въ высшей степени интересно и заслуживаетъ вниманія, даже и въ томъ случаѣ, если допустить, что авторъ не всегда даетъ вѣрное освѣщеніе этимъ явленіямъ.

(Journal des Débats).

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го января по 15-е февраля.

С. Т. Семеновъ. *Раздоръ.—Деревенскія сцены.* Москва. 1896 г. Изданіе «Посредника». Ц. 6 к.

Б. Гринченко. *Сестрица Галя.—Украла.—Грицко.* Москва. 1896 г. Изданіе «Посредника». Ц. $1^1/_2$ к.

Николай Поповъ. *Шемякинъ Судъ.* Комедія въ одномъ дѣйствіи изъ старин. сказанія. Москва. 1896 г. Изданіе «Посредника». Ц. $1^1/_2$ к.

С. Т. Семеновъ. *Не все то золото, что блеститъ.* Деревенскія сцены въ 3 дѣйствіяхъ. Москва. 1896 г. Изданіе «Посредника».

Г. Лессингъ. *Натанъ Мудрый,* драма перев. С. А. Порѣцкаго. Москва. 1896 г Изданіе «Посредника». Ц. 6 к.

Ѳеодоръ Шперкъ. *Книга о духѣ моемъ* Поэма, ч. I. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

М. А. Берновъ. *Изъ Одессы пѣшкомъ по Крыму.* Спб. 1896 г.

Л. Н. Толстой. Произведенія послѣднихъ годовъ.—Статьи, вошедшія въ XIII т. полнаго собранія сочиненій. Ц. 50 к. Москва. 1896 г. Изданіе «Посредника».

Врачъ Д. П. Никольскій. *О табакѣ и вредѣ его куренія.* Москва. 1896 г. Изданіе «Посредника». Ц. $1^1/_2$ к.

Г. С. Солтъ. *Гуманитарное ученіе*—пер. съ англ. Москва. 1896 г. Ц. 30 к.

Джонъ Морлей. *О компромиссѣ*—перев съ англ. М. Ц. съ приложеніемъ статьи того же автора о воспитат. значеніи литературы. Изданіе «Посредника». Москва. 1896 г. Ц. 75 к.

Евграфъ Ковалевскій. *Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки.* Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

Н. Добролюбовъ. Полное собраніе сочиненій, съ портретомъ Добролюбова и біографіей, сост. А. М. Скабичевскимъ. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1896 г. Ц. за всѣ 4 тома 7 р.

Н. Износковъ. *Естественная исторія*—(зоологія, ботаника и минералогія) съ 247 рис. Казань. 1894 г. Ц. 1 р 80 к.

Н. Износковъ. *Краткій курсъ естественной исторіи.* Казань. Ц. 1 р. 80 к.

А. Кирпичниковъ. *Очерки по исторіи новой русской литературы.* Спб. 1896 г. Изданіе Пантелѣева. Ц. 2 р. 50 к.

Куно Фишеръ. *Артуръ Шопенгауэръ*—переводъ съ нѣм. подъ ред. В. П. Преображенскаго. Изданіе Московск. Психологич. Общества. Москва 1896 г. Ц. 3 р.

А. Вязигинъ. *Петръ Даміани*—борецъ за церковно-общественныя преобразованія XI вѣка. Пробн. лекція, прочит. 10-го ноября 1894 г. Харьковъ. 1895 г.

В. Л. Бинштокъ. *Изъ недавняго прошлаго.* Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Н. В. Водовозовъ. *Р. Мальтусъ*—его жизнь и научная дѣятельность—біографич. очеркъ. Изданіе Павленкова. Спб. 1895 г. Ц. 25 к.

С. Н. Южаковъ. *Соціологическіе этюды*—т. II. Изданіе, просмотр. и дополненное. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Вл. Михневичъ. *Русскія женщины XVIII стол.* Историч. этюды. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Врачъ А. Коровинъ. Послѣдствія алкоголизма и борьба съ нимъ. 1896 г. Москва.

Л. П. Никифоровъ. *Джонъ Рёскинъ*—его жизнь идеи и дѣятельность. Біограф. очеркъ. Изданіе. «Посредника». Москва. 1896 г.

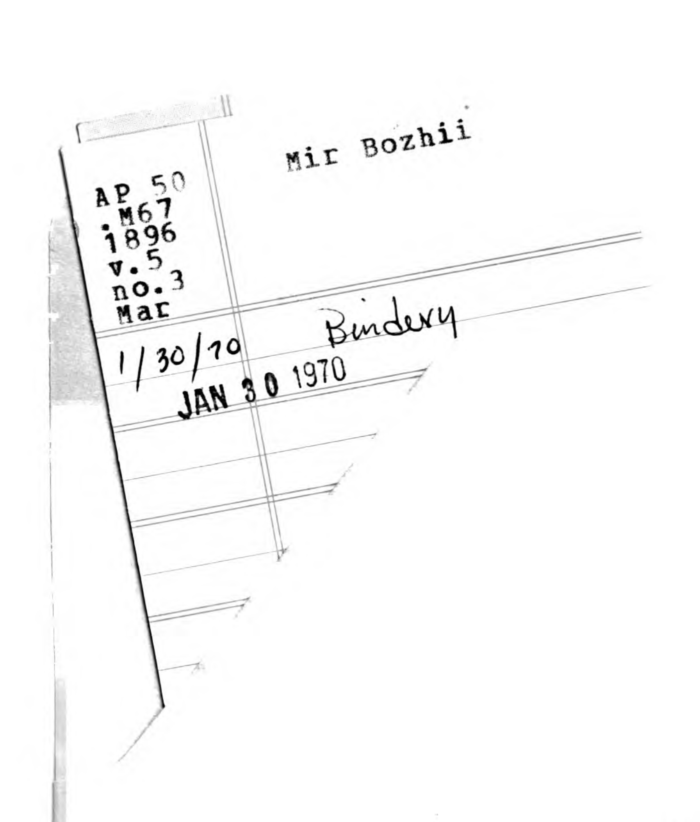
Разсказы о Финляндіи и ея жителяхъ. Москва. 1896 г. Изданіе «Посредника». Ц. 3 к.

Астрономическій календарь. Москва. 1896 г. Ц. 75 к. Изданіе «Посредника».

Ив. Елинъ. *Какъ ухаживать за цвѣтами.* Москва. 1896 г. Изданіе «Посредника».

Г. Преображенскій. *Краткая исторія Россійскаго государства*—для православнаго русскаго народа.

Mir Bozhii
AP 50
.M67
1896
v.5
no.3
Mar
1/30/70 Bindery
JAN 30 1970

BOUND BY
HW

U of Chicago
55015059